Владислав

КРАПИВИН

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Летчик для особых поручений: Фантастические произведения

Владислав Петрович Крапивин

Аннотация
СТАРЫЙ ДОМ. Рассказ
БАРКЕНТИНА С ИМЕНЕМ ЗВЕЗДЫ. Повесть
ДАМБА
УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧИП
СЧИТАЛКА
БАРКЕНТИНА
ЗЕРКАЛЬЦЕ
ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА, В КОТОРОЙ НИЧЕГО НЕ КОНЧАЕТСЯ
ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ. Повесть
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10

Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
КОВЕР-САМОЛЕТ. Повесть
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
ДЕТИ СИНЕГО ФЛАМИНГО. Повесть
ДЕРЕВЯННЫЙ КИНЖАЛ
НЕЗНАКОМЕЦ
ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР С ТАХОМИРОМ ТИХО

ПУШИНКА НА РУКАВЕ
ВСТРЕЧИ В ГОРОДЕ
ЯЩЕР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК
ПТИЦА
ИСКАТЕЛЬ ИСТИНЫ
ПЛОЩАДЬ
КРЫЛЬЯ
БАСТИОНЫ
КАК РОДИЛСЯ ЯЩЕР
ЖИТЕЛИ ГОРНОЙ КРЕПОСТИ
ЛУНА БЫЛА ПОЧТИ ПОЛНАЯ
ПОРОХ
ЮЛЬКА
ПРОЩАЙТЕ, БАСТИОНЫ
ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР
ДО ДОМА ЕЩЕ ДАЛЕКО...
ИГЛА КОЩЕЯ
ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР С ТАХОМИРОМ ТИХО
ВОЗВРАЩЕНИЕ
«ГДЕ ЖЕ ТЫ ПРОПАДАЛ, ЖЕНЬКА?»
КЛЮЧ
ЭПИЛОГ
ВОЗВРАЩЕНИЕ КЛИПЕРА «КРЕЧЕТ». Повесть
Часть I. ДОЖДЬ В ПРИМОРСКОМ ГОРОДЕ
Часть II. СИНЕКАМЕННАЯ БУХТА

Аннотация

Сказка может прийти к каждому. Надо только поверить в нее и очень захотеть сделать что-то необычайное и прекрасное. И тогда волшебство врывается в реальные, совершенно земные и будничные дела, в мальчишеские жизни.

Владислав

КРАПИВИН

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Владислав

КРАПИВИН

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

Москва
ЭКСМО
2006

СТАРЫЙ ДОМ
Рассказ

Этот случай принес много неприятностей товарищу Кычикову. Товарищ Кычиков был домоуправляющим. Неприятности у него бывали и раньше. В подъездах терялись мусорные ведра и веники. Однажды потерялся дворник дядя Митя, но потом нашелся. Пропали доски, привезенные для ремонта, и не нашлись (тоже была неприятность). Но чтобы исчез целый дом?.. Тем более что в нем имелся жилец, не уплативший вовремя за квартиру.

Товарищ Кычиков не верил своим глазам. И другие товарищи сначала тоже не верили. Но хочешь — верь, хочешь — нет, а на углу улиц Садовой и Холодильной до сих пор пустое место. Летом оно зарастает одуванчиками, а зимой там ребятишки из детского сада номер двадцать восемь лепят снежных баб.

...Дом был небольшой. Старый и деревянный. Двухэтажный. Жили в нем разные люди: монтер Веточкин, который всем чинил электроплитки и любил играть в домино; фотограф по фамилии

Кит, который фотографировал только на работе, а дома — никогда; очень застенчивый музыкант Соловейкин, который играл на трубе. Жила Аделаида Федоровна — женщина, считавшая, что ее все обижают. Жил Вовка — обыкновенный третьеклассник. Еще обитал в доме ничей котенок с удивительным именем — Акулич. И, кроме того, в квартире номер шесть проживал Петр Иванович. Днем он работал в конторе, а по вечерам писал жалобы. На всех по очереди. На монтера Веточкина — за то, что он чинит электроплитки, а телевизоры чинить не умеет. На музыканта Соловейкина — за то, что однажды он солнечным майским утром заиграл дома на трубе. На Вовку — за то, что он не поздоровался на лестнице. На Акулича — за то, что он ничей. На товарища Кычикова — за то, что он допускает все эти безобразия.

Ответы на жалобы иногда приходили с опозданием. Тогда Петр Иванович писал жалобы на тех, кто задерживает ответы.

У старого дома был свой характер. Одних жильцов дом любил, других — не очень. Иногда он бывал в хорошем настроении, весело хлопал дверьми, празднично звякал стеклами, посвистывал всеми щелями и даже в самые темные углы

пускал солнечных зайчиков, за которыми охотился Акулич. Иногда дом сердился или скучал. Ступени сварливо скрипели, углы с кряхтеньем оседали, с потолков сыпались чешуйки мела.

Но не думайте, что дом был ворчлив и страдал болезнями. Грустил он редко, ревматизма у него не было, и он не боялся сырой погоды.

О том, что у дома есть характер, знали только Вовка и Акулич. Но Акулич никому про это не рассказывал, потому что не умел говорить. А Вовка не рассказывал, потому что некому было. О таких важных вещах говорят лишь самым надежным друзьям, которые все понимают. Но Вовкин друг Сеня Крабиков уехал. Насовсем. В город, который лежит у Очень Синего Моря. Иногда получается в жизни так неправильно: живут два хороших друга, а потом вдруг один уезжает. Далеко-далеко. А второй остается. И обоим грустно. Ведь не так легко найти нового хорошего друга. Да если и найдешь, он не заменит старого.

Летом в доме появился новый жилец. Капитан Самого Дальнего Плавания, который вышел на пенсию. Это был настоящий Старый Капитан.

Как все старые капитаны, он курил большую трубку, скучал по морю и носил куртку с блестящими пуговицами и нашивками.

Он поселился в квартире номер пять у своей взрослой дочери. Дочь говорила, что очень рада. Она и в самом деле была рада. Но Капитан громко кашлял по ночам, и была у него привычка тяжело ходить из угла в угол. А со своей комнатой Капитан сделал что-то непонятное. Он развесил по стенам бело-синие морские карты и фотографии больших пароходов. Напротив двери он прибил портрет бородатого хмурого человека. А в углу у шкафа… Нет, вы только подумайте! Старый Капитан укрепил там на стене корабельный штурвал. А рядом поставил тумбочку с морским компасом. Компас был величиной с кастрюлю и назывался «компас». Тумбочку капитан сколотил сам. Называлась тумбочка «нактоуз».

В компасе не было видно стрелки. Вместо нее качалась на игле круглая шкала с маленькими цифрами и большими буквами: N, O, S, W. Шкала называлась «картушка». Учтите: не «катушка» и не «картошка», а «картушка». Сверху, по краю компаса, лежало широкое медное кольцо, а под ним — на белой внутренней стенке компаса — была черта. Курсовая черта. Раньше, когда компас находился на судне, черта смотрела вперед. Туда же, куда был устремлен нос корабля. А картушка всегда смотрела буквой N на север (под ней все-

таки были спрятаны магнитные стрелки). Когда корабль поворачивал, курсовая черта поворачивалась тоже и скользила над числами картушки. А потом останавливалась и показывала курс: куда плывет корабль…

Дом — не пароход и не фрегат. Он стоит на месте. И поэтому черта, уткнувшись в стену, застыла на одном курсе: двести тридцать пять градусов. Это было немножко грустно…

…Конечно, Вовка быстро подружился со Старым Капитаном. Они оба любили сквозняки, фильмы про море, серьезные разговоры и приключения. Оба не любили рано ложиться спать, книжки, где только одна любовь, манную кашу и Аделаиду Федоровну.

По вечерам Вовка часто приходил к Старому Капитану. Он крутил штурвал, смотрел на компас и слушал Истории. Их рассказывал Капитан. Истории были разные: про извержение нового вулкана на острове Тристан д'Акунья, про Арктику, про ручного пингвина Семку, про плавания по Дуге Большого Круга, про Сингапур, тайфуны и последнего пиратского капитана Питера Гринхауза, который потом исправился и жил на маяке вдвоем с собакой по имени Ахтер-Буба.

Дом тоже слушал истории. Он впитывал их

щелями высохших бревен вместе с дымом капитанского табака.

Иногда приходил Акулич. Капитан давал ему сардельку. Акулич хватал ее поперек туловища, уволакивал под нактоуз и там урчал от аппетита. Это урчание напоминало отдаленный шум судовых машин.

Однажды, во время Истории про голубого кита и подводную лодку, поднялся за окнами ветер. Это был августовский ветер — предвестник осенних ветров. Хлопали ставни. Звякали стекла. Дом скрипел и шевелился. В квартире Петра Ивановича распахнулась форточка, и порыв ветра унес со стола все жалобы, написанные за этот вечер. В квартире музыканта Соловейкина сама собой тихонько заиграла труба. Замигали лампочки. Акулич притих под нактоузом. А картушка в компасе, покачавшись, вдруг медленно пошла вправо, и курсовая черта сползла на два градуса к югу.

— Мы поворачиваем, — сказал Вовка.

— Ну и дела, — сказал Старый Капитан. — А может быть, это Акулич сдвинул нактоуз?

— Не сдвигал он, — сказал Вовка. — И я не двигал.

— Не мог же повернуться дом, — сказал Ка-

питан.

— Лишь бы не узнал товарищ Кычиков, — задумчиво сказал Вовка.

Дочь Старого Капитана купила телевизор. Она долго вздыхала и жаловалась, что его некуда поставить. Вот когда этажерка стояла в том углу, где сейчас штурвал, в квартире было просторнее и уютнее…

Капитан послушал ее речи, подымил трубкой и подарил Вовке штурвал и компас с нактоузом.

У Вовки дома был свой угол. В нем Вовка играл солдатиками, мастерил подъемный кран и писал письма Сене Крабикову. Сюда же Вовку ставили за всякие провинности: просто другого свободного угла в квартире не было. Вовка прикрепил штурвал и поставил нактоуз.

— Ну вот, — сказала мама. — Теперь стояние в углу превратится для него в сплошное удовольствие.

— Не превратится, — успокоил отец. — Такие игры быстро надоедают.

Угол был на том же месте, что и в комнате Капитана. Только не на втором этаже, а на первом. Картушка покачалась и застыла. Курсовая черта снова замерла над делением двести тридцать пять градусов. Вернее, уже двести тридцать три. А

еще точнее — двести тридцать два с половиной.

Вовка любил разглядывать стены в комнате Старого Капитана. Любил морские карты, совсем не похожие на те, что в учебниках, любил фотографии пароходов. Любил даже большого крючконосого идола, которого Капитан привез из Африки. И только портрет бородатого человека не понравился Вовке.

Лицо бородатого человека было неприветливым. Одну щеку от глаза до губы пересекал шрам. Человек смотрел на Вовку (а может быть, мимо Вовки) угрюмо и неодобрительно. И Вовка прятал глаза.

Один раз он спросил:

— Это кто? Писатель?

— Нет, что ты, — сказал Старый Капитан.

— А кто? Путешественник?

— Путешественник? Да, пожалуй…

— Знаменитый?

— Ну, нет… Пожалуй, не знаменитый.

— Нисколько?

— Наверное, нисколько. Но какая разница? — сказал Старый Капитан.

— Если не знаменитый, тогда зачем он здесь? — сумрачно спросил Вовка. — Такой некрасивый и сердитый…

Старый Капитан удивленно взглянул на Вовку. Потом долго смотрел на портрет.

— Нет, — сказал он уверенно. — Неправда. Это мой Лучший Друг. Лучшие друзья не бывают сердитые и некрасивые.

Тогда Вовка поднял глаза и тоже стал смотреть на портрет. А дома Вовка вырвал из тетради листок и достал цветные карандаши. Он не умел хорошо рисовать, но сейчас посидел с закрытыми глазами и все как следует вспомнил.

Вовка нарисовал желтые, как пшеница, волосы и коричневые глаза. Потом нарисовал большой смеющийся рот и немножко оттопыренные уши. И получился портрет Сени Крабикова. Вовка взял четыре кнопки и приколол портрет в углу над штурвалом.

И, наверное, Вовка задел нактоуз. Потому что картушка качнулась, и курсовая черта перешла еще на два градуса к зюйду.

Стоял очень теплый сентябрь. И деревья были еще зеленые, и цвели в канавах мелкие аптечные ромашки. Только синий цвет неба стал чище и плотней, чем летом. И в этой синеве пролетали иногда над городской окраиной неровные треугольники гусиных стай. Это молодые птицы учились искусству полета перед трудным и даль-

ним путем.

Щурясь от солнца, Капитан и Вовка смотрели из окошка на птиц. Старый Капитан достал из ящика стола стопку разноцветных флагов и сказал:

— Хорошо им, молодым. Но первый рейс — всегда нелегкий. Давай поднимем для них морской сигнал «Счастливого пути».

Вовка подпрыгнул:

— Давайте!

Из форточки они забросили на антенну телевизора бельевую веревку. И на этой веревке подняли над крышей флаги:

один — синий с белым прямоугольником посередине;

второй — красный с желтыми косыми полосками;

третий — с квадратами, как на шахматной доске: два белых и два красных.

Солнечный ветер подхватил флаги, и они захлопали, как большие крылья.

Но через полчаса к Старому Капитану постучал товарищ Кычиков.

— Я, конечно, извиняюсь, — сказал он. — Здравствуйте. Вы только поймите меня правильно. Мне лично все равно, висят эти флаги или нет. Но с начальством получатся неприятности. Нет у нас

в домоуправлении такого порядка, чтобы, значит, морские флаги. Без особого распоряжения…

— Ну, нет так нет… — вздохнул Старый Капитан. — Ничего не поделаешь.

— Вы только поймите меня правильно, — снова сказал товарищ Кычиков. — Неприятности…

Потом он спускался по лестнице, и дом сердито гудел и потрескивал. Он был, видимо, недоволен.

— Ничего, — сказал Вовка, чтобы утешить Капитана. — Птицы все равно уже видели сигнал. Это факт.

Они хотели снять флаги. Но конец веревки выскользнул из форточки и качался на ветру. Нельзя было до него дотянуться.

Вовка выскочил во двор. Его, конечно, не волновало, что у товарища Кычикова могут быть неприятности. Но он не хотел, чтобы неприятности были у Старого Капитана.

По шаткой приставной лестнице Вовка забрался на крышу. Это было страшно. Крыша оказалась очень высокой и очень крутой. И ветер здесь гудел сильнее, чем внизу. Но Вовка вел себя смело. Он все же добрался до антенны и снял флаги, хотя два раза чуть не покатился кубарем и ободрал о ржавое железо оба колена.

Прежде чем спуститься, Вовка посмотрел на

горизонт. Горизонт был дымчато-синим, словно там стояло туманное море.

Старый Капитан сначала рассердился на Вовку: ведь тот мог свалиться и сломать шею. Но потом он сказал, что Вовка — молодец.

Капитан забинтовал Вовке колени и подарил за смелость старинный морской бинокль с медными ободками у стекол.

Вы представляете, как был счастлив Вовка! Прежде всего он еще раз слазил на крышу и осмотрел весь горизонт. Правда, моря он не увидел, но настроение от этого не испортилось. Весь вечер Вовка не выпускал бинокль из ладоней. Он рассматривал ближние дома и улицы. Разглядывал в бинокль прохожих. Смотрел на себя сквозь него в зеркало. И даже котлету в тарелке пытался рассмотреть таким же способом.

А потом Вовка открыл в бинокле одно свойство: если смотреть в него наоборот, все близкое кажется далеким. Комната превращается в длинный коридор, потолок убегает на звездную высоту, а котенок Акулич делается крошечным, как муха.

А когда Вовка смотрел на свои ноги, они становились тонкими и такими длинными, что бинты на коленях казались белыми точками. А тротуар казался просто ниточкой.

Попробуйте пройтись по такой ниточке на таких высоченных ногах! Вовка вышел за калитку и попробовал. Его сразу же зашатало, как неумелого канатоходца. Но зато было интересно.

Жаль только, что Вовка смотрел в бинокль и, кроме ног, ничего не видел. Именно поэтому он стукнул головой Аделаиду Федоровну, которая возвращалась с работы. Представляете, что тут было?

Аделаида Федоровна сказала, что она всегда считала Вовку невоспитанным ребенком, но не думала, что он решится на Такое Хулиганство.

Конечно, она пошла к Вовкиным родителям и наябедничала. Она сказала, что это сверхвозмутительно, когда дети, как сумасшедшие, кидаются на больных людей и чуть не ломают им ребра.

И родители велели Вовке идти и как следует просить прощения. Вовка уставился в пол и сказал:

— Не пойду. Я уже один раз сказал «простите», когда стукнулся. А она еще ябедничает…

— Я вот покажу тебе «не пойду»! — сказал отец.

— Будешь стоять в углу, пока не извинишься, — сказала мама.

— Ну и пожалуйста, — сказал Вовка. И начал

стоять в углу. Он не смотрел телевизор. Не ужинал. Не читал книжку «Водители фрегатов». Он стоял, прижимаясь лбом к теплому дереву штурвала, и вспоминал, как полоскались на ветру флаги. А наверху кашлял и шагал из угла в угол Старый Капитан. Может быть, он огорчался, что Вовка не зашел к нему в этот вечер. А может быть, просто сильно тосковал о море.

— Ну, довольно, — не выдержала мама. — Отправляйся спать. А завтра извинишься перед Аделаидой Федоровной.

— Не извинюсь, — сказал Вовка.

— Будешь стоять всю ночь, — пригрозил отец.

— Буду.

— Ну и стой!

Конечно, родители думали так: захочет Вовка спать и все равно отправится в постель.

Но Вовка не отправился. У него появилась гордость. Ведь он был уже немного капитаном: он умел обращаться с компасом, держал в руках настоящий штурвал и поднимал на ветер морские флаги.

Когда был выключен свет и наступила тишина, Вовка зажег лампочку нактоуза и осветил картушку. Она вела себя неспокойно.

Вовка взял в ладони рукоятки штурвала.

Сеня Крабиков смотрел на Вовку с портрета.

— Очень хочу к тебе, — сказал Вовка.

Сеня Крабиков улыбался.

За окнами нарастал ветер.

Вовка сел на пол, прислонился к нактоузу и уткнулся лбом в забинтованные колени.

Он уснул.

И все в доме уснули.

Спал Петр Иванович, и ему снилось, что на все его жалобы пришел Положительный Ответ.

Спал Старый Капитан. Ему снилось, что на шведском судне «Викинг» загорелись тюки с джутовым волокном и надо спешить на помощь.

Музыкант Соловейкин видел, будто он выступает с концертом в пионерском лагере, и улыбался.

Аделаиде Федоровне снилась всякая неразбериха.

А Вовке?

Вовка видел, будто в светлую луговую речку зашел с дальнего моря громадный пароход. У него был высокий черный корпус, блестящие иллюминаторы, многоэтажные белые надстройки и желтые мачты. Пароход заполнил собой речку от берега до берега. Он двигался медленно и бесшумно, и его борта нависали над солнечными травами. Крупные ромашки ласково касались

бортов лепестками.

А дом не спал. Он ждал, когда с ночной прогулки явится Акулич.

Акулич явился.

Больше ждать было нечего.

Дом уже ничего не скрывал и не таился.

Он приподнял со скрипом один угол, потом другой, медленно повернулся. Звякнув, лопнули провода. Теперь ни одна нитка не держала дом на месте. Он качнулся, двинулся вперед, расшатывая кирпичи фундамента. А потом перестал вздрагивать и бесшумно, как в немом фильме, поднялся в воздух…

Зачем он это сделал?

Ну, во-первых, он любил Вовку. Любил Старого Капитана. А во-вторых, его построили из бревен, которые были когда-то прямыми и высокими соснами. Их называют корабельными. Эти сосны мечтали стать мачтами барков и бригантин. Потом, улегшись в сруб, они задремали и забыли о мечтах. Старый Капитан разбудил их своими Историями…

А может быть, дело в другом. Говорят, что, если в доме появляются штурвал и компас, дом понемногу становится кораблем. Его тихо разворачивает курсовой чертой к зюйду — в ту сторону,

где теплые моря и Ревущие Сороковые Широты.

И неизвестно, чем это кончится, если не вмешается домоуправление.

Итак, дом поднялся и полетел на юг. Он летел под самыми облаками, среди которых мчалась круглая белая луна. Лунные пятна проскальзывали в щели и прыгали по морде Акулича, который спал в коридоре. Акулич дергал ушами.

А внизу по темным травам стремительно скользила большая квадратная тень…

Вовка проснулся от непонятного ощущения. Ему показалось, что за ночь комната сделалась шире и выше. Ее заполнял удивительный синий свет, пересыпанный солнечными бликами. За стенами дома нарастал и откатывался незнакомый и в то же время очень знакомый рокот.

Вовка подбежал к окну.

Изумленными синими глазами он смотрел на Очень Синее Море, которое катило на песок волны. Волны были с шипучими белыми гребешками, их гнал к берегу Утренний Ветер.

Вовка чуть-чуть не заплакал, засмеялся и, распахнув створки, прыгнул навстречу.

Распластанная по песку волна сейчас же залила его сандалии и добралась почти до колен. У ног завертелся царапающий вихрь мелких камушков

и песчинок. Убегая, волна мягко потянула Вовку за собой, но тут накатила другая.

Вода была теплая и упругая, а ветер прохладный и плотный, но очень добрый. Он поставил торчком отросший Вовкин чубчик, вытащил из-за пояса и надул парусом его рубашку. Вовка повернул к ветру ладони. Они покрылись брызгами, похожими на стеклянную пыль.

Над морем косо расчерчивали воздух чайки. Они удивленно кричали. Конечно, они удивлялись не Вовке: мало ли мальчишек бродит по берегу. Чайкам было непонятно, откуда взялся на берегу старинный бревенчатый дом.

Вовка оглянулся.

Дом стоял, зарывшись одним углом в песок. Он еще не совсем замер после движения, поскрипывал и оседал. Под бревнами хрустели ракушки. Стекла сверкали синим отблеском волн.

— Это сверхвозмутительно! — донесся со второго этажа голос Аделаиды Федоровны. — Я теперь опоздаю в поликлинику! Это все ваши фокусы, товарищ Капитан Самого Дальнего Плавания!

Старый Капитан не отвечал. Под его шагами весело пела лестница: он спускался к морю, чтобы поздороваться с волнами и Утренним Ветром.

За тюлевой шторкой маячила согнутая у стола

фигура Петра Ивановича. Наверное, он составлял план жалобы в Управление Всех Морей и Океанов.

На крыльце сидел Акулич. Он вышел на воздух, чтобы умыться, и очень удивился. Иногда он взъерошивал спину и замахивался лапой на гривастые волны.

БАРКЕНТИНА С ИМЕНЕМ ЗВЕЗДЫ
Повесть

Баркентина, или шхуна-барк, — большое морское парусное судно, имеющее не менее трех мачт... Фок-мачта всегда вооружена только прямыми парусами, все остальные мачты — сухие, т. е. несут лишь косые паруса.

Краткий морской словарь для юношества

— А все же этот парень держит судно в руках, — сказал самый старший матрос...

Ф. Купер. «Красный корсар»

ДАМБА

Жил-был Мальчик. Очень обыкновенный. Светлоглазый и чуть веснушчатый. Он жил в новом городе, в новом доме и ходил в новую школу.

В комнате Мальчика на стене висела синяя Карта Всех Морей и Океанов. А на письменном столике, рядом с пластмассовым стаканом для карандашей, стоял кораблик из коричневой сосновой коры, с бумажными парусами.

Отец и мать были довольны картой. Считали, что она помогает Мальчику лучше изучать Природоведение. А на кораблик они не обращали внимания.

Потом родители Мальчика переехали в другой город. И Мальчик, разумеется, переехал. Карту он привез с собой, а кораблик сломался по дороге, и его незаметно выбросили.

Город, где они стали жить, был совсем особенный. Он был старинный. Там встречались такие узкие улицы, что Мальчик даже без разбега перепрыгивал с тротуара на тротуар. С домов смотрели на прохожих каменные львиные морды, а у тяжелых ворот поскрипывали на ветру

железные фонари.

А у маленькой кирпичной крепости лежали вросшие в землю чугунные пушки.

Узкие улицы разбегались от крепости и выходили к Широкой реке. Там у причалов стояли суда. Рыбацкие — с растянутыми для просушки сетями, грузовые — с черными бортами, белыми надстройками и разноцветными трубами, пассажирские — совсем белые. Плескались флаги и бегали неутомимые буксиры.

Корабли приходили с моря. Море лежало в нескольких милях от города. Его не было видно, и все-таки оно чувствовалось за треугольными крышами и высокими острыми башнями.

На крышах и башнях стояли флюгера. Это были узорчатые флаги, рыцари на конях, трубачи, парусные корабли и крылатые звери. Под некоторыми флюгерами находились перекрещенные стрелы — они смотрели в четыре стороны.

Когда начинался ветер, всадники, корабли, трубачи и звери со скрежетом поворачивались ему навстречу, а стрелы оставались неподвижными. На их наконечниках чернели жестяные буквы N, S, W, O. Мальчик понимал, что они означают страны света: норд, зюйд, вест и ост. Это были морские названия. Моряки не говорят: «Дует ветер с севе-

ро-запада». Они говорят: «Дует норд-вест».

Норд-весты дули чаще других ветров. Они приносили влажную прохладу, серые облака и запах водорослей. Взрослые ворчали и обижались на сырую погоду. Мальчик не обижался. В ветре было Дыхание Атлантики.

— Папа, — сказал Мальчик за ужином, — дай мне рубль и пятьдесят копеек… пожалуйста. Я куплю словарь.

— Что за сумасшедшие цены! — сказала мама. — Я спрошу в школе, почему такие дорогие учебники.

— Это не учебник, — сказал Мальчик и стал качать ногой под столом. — Это так… Морской словарь.

— Не болтай ногами, — велела мама. — Что еще за новости — морской словарь? Ты бы лучше вспомнил, что через месяц в школу, а у тебя нет «Английского языка».

Днем у нее на работе были Неприятности, а сейчас Плохое Настроение.

— Зачем же тебе морской словарь? — спросил отец.

— Так просто… — неловко ответил Мальчик, но тут же подумал, что лучше отвечать прямо. — Я буду моряком дальнего плавания.

— Не царапай вилкой скатерть, — сказала мама. — Моряком дальнего плавания! Этого еще не хватало.

— Ну, хорошо, хорошо, — торопливо сказал отец. — Я подумаю. Может быть. После зарплаты.

Он знал, что почти половина мальчиков хочет стать моряками дальнего плавания, и никто из них не собирается быть зубным врачом, бухгалтером или управдомом.

Но отец не знал о другом. О том, что его мальчик по темному силуэту на светлой воде уже легко отличал сухогрузное судно от рефрижератора, что купленные для школы тетради он изрисовал схемами барков и фрегатов и на каждом из рисунков мог с точностью показать, где какой стоит парус, и сказать, как он называется. Он никогда не спутал бы адмиралтейский якорь с якорем Холла. В углу за диваном он хранил звено якорной цепи, которое подобрал на пирсе и очистил от ржавчины. Это было могучее железное кольцо весом в добрый десяток килограммов. В кольце была перемычка. Они делаются для того, чтобы цепь не перекручивалась и не запутывалась.

Многие мальчики мечтают о капитанских мостиках и дальних морских походах. Но многие ли смогут ответить, как называется перемычка в

звене якорной цепи? Между прочим, называется она «контрфорс».

Мальчик полюбил продутый морскими ветрами город. А в городе больше всех мест ему нравилась Старая гавань. Южная улица, где жил Мальчик, выходила прямо к гавани, и от калитки до берега добежать можно было за четыре минуты.

Обычно гавань пустовала. Лишь иногда здесь отстаивались перед ремонтом рыбацкие сейнера, которые вернулись из бурной Атлантики.

Они отдыхали, прижавшись обшарпанными бортами к деревянным сваям причала. Причал зарос тонкой травой и мелкими ромашками.

В гавани росли кувшинки. Их цветы были похожи на солнечные шарики, рассыпанные по темной воде, а стебли уходили в зеленоватую глубину. На листьях кувшинок иногда сидели любопытные лягушки и разглядывали берег.

Большая дамба отделяла гавань от широкой реки. Она была похожа на длинную букву Г. Коротким концом дамба примыкала к берегу.

Построили ее в очень давние годы. Сначала в дно реки вбили деревянные сваи — плотно друг к дружке, в два ряда, потом навалили между этими рядами булыжники и насыпали щебень — вро-

вень с верхними срезами свай. И получилась могучая подводная стена. Только самая кромка ее поднималась над водой. Это была защита от волн. Правда, волны часто перекатывались через дамбу, но тратили на это много сил и в гавани сразу успокаивались.

Сваи потемнели от воды, позеленели и набухли. Сердцевина у многих прогнила, и кое-где на срезах, как в цветочных горшках, вырастали кустики травы. К августу они становились густыми и высокими.

Начало августа было солнечным и теплым. Здешний край, известный туманами и пасмурным небом, словно хотел показать Мальчику, что умеет быть ласковым к тем, кто его полюбит.

Каждый день Мальчик приходил на дамбу. Он садился на краешек, ставил рядом с собой сандалии и свешивал в воду ноги.

Вода была бархатистая и теплая. Просвеченная зеленоватыми лучами. Коричневые мальчишечьи ноги становились в ней какими-то бледными и ненастоящими, словно их хозяин всю жизнь проходил в длинных штанах и не знал, что такое загар. На незаметных волосинках рассаживались крошечные пузырьки. Мальчику начинало казаться, что он постепенно врастает в речной

мир и превращается в подводного жителя. Чтобы не превратиться совсем, он бултыхал ногами, и любопытные мальки, собравшиеся поглазеть на мальчишку, перепуганно разлетались кто куда.

Потом эти мальки осторожно собирались опять. Они были чуткие и верткие, словно стрелки компаса.

Из больших рыб Мальчик видел только одного и того же окуня. Окунь был толстый, полосатый и неприятный. Он всегда сидел в кусте водорослей, шевелил плавниками и будто прислушивался. Мальчику он казался похожим на бывшего соседа — ребячьего врага и склочника. (Это было в том городе, где Мальчик жил раньше. Все ребята звали того соседа Перехватчиком.)

Рассердившись на окуня, Мальчик запрокидывал голову и смотрел на чаек. Среди них были знакомые. Иногда на бреющем полете они проносились над Мальчиком — наверно, здоровались. Но вообще-то им было некогда. Чайки деловито и суетливо добывали корм. Они охотились за рыбами-простофилями, подбирали хлебные корки, выброшенные с проходившего буксира. А еще они провожали в залив уходящие корабли. Это была их постоянная работа.

Мальчик тоже провожал корабли-сухогрузы,

плывущие в Африку и на Кубу, сверкающие лайнеры с веселыми туристами и отважные траулеры, уходящие на полгода в открытый океан. Он шепотом говорил им «до свиданья». И, хотите верьте, хотите нет, многие корабли откликались ему коротким гудком.

Конечно, Мальчик завидовал тем, кто уходил в море. Но не очень. Он знал, что время его придет. А пока здесь, на дамбе, он впитывал в себя морской ветер и слушал музыку корабельных будней: грохот якорных цепей, разносящиеся из мегафонов команды, строгие голоса диспетчеров, озорную перекличку рыбачьих экипажей и сирены катеров.

Всей душой он жил здесь, у слияния реки и моря, среди чаек и кораблей. И ничто не могло уже вырвать его из этой жизни…

Иногда Мальчик сидел на дамбе до самого вечера. Розовое солнце скатывалось за башни. Над мачтами, среди светлых тучек, разгоралась не спеша яркая капелька-звезда. В кувшинках начинали голосить лягушки. Чайки уже не суетились над водой, а летали плавно и широко: сразу было понятно, что теперь у них не работа, а гулянье.

Реже звучали металлические команды диспетчеров. На сейнерах начинали звенеть гитары.

Мальчик знал, что скоро идти домой, и оставшиеся минуты были для него особенно хороши…

Потом он шагал к дому по улице, плотно заросшей тополями. Здесь уже висели сумерки, хотя небо оставалось светлым. Встречные мальчишки-велосипедисты включали фонарики, и похоже было, что среди деревьев носятся большие жуки-светляки.

Дома ему попадало от матери. Она говорила слова, которые говорят в таких случаях все мамы:

— Где ты пропадал целый день? Ты меня сведешь в могилу!

— На реке, — отвечал Мальчик.

— С ума можно сойти! А если ты утонешь?

— Зачем? — удивлялся Мальчик.

— Что за глупый вопрос! Люди тонут ни за чем.

— Я не утону, — успокаивал Мальчик. — Я же хорошо плаваю. Да я и не купаюсь почти. Просто сижу и смотрю.

— Что там смотреть целый день? Лучше бы уж ты, как все мальчишки, играл в футбол, обдирал колени, лазил по деревьям и получал синяки… Я хотя бы знала тогда, что ты не один. А ты живешь без товарищей.

Тогда папа брал ее за плечи и негромко уговаривал:

— Ну перестань. Придет время — будут товарищи. Их же не получают по рецепту, как в аптеке. Пусть он живет как хочет.

— Но у него совершенно нет друзей! — сокрушалась мама. Однако она ошибалась.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧИП

Один раз вечером, когда Мальчик сидел на дамбе, что-то мокрое и живое шлепнулось ему на колено. Конечно, Мальчик вздрогнул. Он даже качнулся назад от испуга. Но бояться-то было нечего.

На колене у него сидел зеленый лягушонок. Сидел и улыбался большим веселым ртом.

— Ха-ха! — отчетливо сказал лягушонок. — Ты испугался? Ты пер-ре-пугался!

Не будем говорить, что Мальчик удивился. И не будем удивляться сами. Ведь история эта почти сказочная, хотя в общем-то совершенно правдивая. Разумеется, Мальчик вначале изумленно заморгал и даже шепотом сказал: «Вот так штука», но тут же его встревожила другая мысль: как бы этот незваный гость вправду не подумал, что он боится.

— Чего это я буду перепугиваться, — возразил Мальчик и пожал плечами. — Ты же не тигр, и не змея, и не… ихтиозавр какой-нибудь.

— Конечно! — весело согласился лягушонок. — Не тигр. — И добавил с чуть заметной грустинкой: — Я просто маленькая лягушка… Между прочим,

меня зовут Чип.

Он оказался размером с наперсток (если не считать длинных задних лапок), с желтовато-серым брюшком и зеленой, как свежий тополиный листок, спинкой. Выпуклые глазки блестели, словно черные стеклянные дробинки. А широкий рот был озорным, как у первоклассника, который готов смеяться даже на уроке арифметики.

— Откуда ты взялся? — спросил Мальчик. — Шлепнулся прямо как с неба. Я даже не ожидал.

Чип вытянул к воде крошечную переднюю лапку.

— Вон оттуда. Там у меня ква-рр-тира.

Голосок у него был тонкий, и слова он произносил старательно, как малыш, который недавно научился говорить букву «р». И не было в его речи лягушачьего кваканья. Лишь в слове «квартира» Чип едва заметно приквакнул, но это ведь вполне простительно.

— Я тебе не мешаю? — вдруг забеспокоился Чип и шевельнулся на колене у Мальчика. — Я немножко мок-кр-рый.

— Сиди, сиди, — торопливо сказал Мальчик. — Я же не сахарный… А где ты научился так говорить?

— П-понемножку. Я вылезал на берег и смотрел,

как играют мальчики. И слушал. Я часто на них смотр-рел, когда мне было гр-рустно…

— А почему тебе было грустно? — осторожно спросил Мальчик.

— Н-ну… Это бывает. Я тебе потом р-расскажу… Если мы по-др-ружимся, — сказал Чип. И добавил совсем тихо: — Если ты хочешь.

— Конечно, хочу! — сказал Мальчик.

И они правда подружились. Им было хорошо вдвоем.

Они вместе купались. Они скакали наперегонки по дамбе, и надо сказать, что Мальчик не всегда оказывался впереди. Он, когда прыгал, опасался свалиться в воду, а Чип ничего не боялся и летал, как зеленая пуля.

Но особенно любили они разговаривать. Начиналось это так: Чип усаживался на колене у Мальчика и вежливо говорил:

— Можно я задам вопр-рос?

Он задавал разные «вопр-росы». И, приоткрыв широкий рот, слушал рассказы про города, про человечью жизнь, про хоккей, про марки, про кино «Неуловимые мстители» и сложную науку арифметику. Один раз он спросил:

— Ты очень удивился, что я говор-рящий?

— Да нет, не очень, — сказал Мальчик. — Бы-

вают ведь говорящие птицы. Скворцы, галки, попугаи. Почему же лягушонок не может? Я удивился знаешь когда? Когда увидел, что ты умный. Попугай, например, может целую речь сказать, а все равно дурак. А ты прямо как человек.

— Пр-равда? — обрадовался Чип.

— Конечно… Наверно, в воде звери умней, чем на суше, получаются. Я читал про дельфинов, которые даже с учеными разговаривают.

Чип осторожно спросил:

— А про говорящих лягушек ты не читал?

— Ну, про лягушек только так… Про царевну-лягушку, про всяких принцев, которые сперва лягушатами были… Про лягушку-путешественницу.

Чип вздохнул, надув брюшко:

— Это мы пр-роходили… Принцы и царевны. Они потом пр-ревращались в человеков. Это хорошо, но это сказки.

— Проходили? — удивился Мальчик. — У вас есть школа?

— А как же! Надо же учиться, как себя вести. Чтобы тебя не слопала щука или не унесла чайка. А еще есть класс хорового пения, только я туда не хожу… — Он помолчал и вдруг добавил: — А лягушка-путешественница — дур-ра.

Мальчик не спорил. Ему почему-то стало жаль Чипа.

— Зачем она разор-ралась, когда утки несли ее по воздуху? — сердито спросил Чип. — Сама виновата, что свалилась в болото. Я бы ни за что не кр-рикнул, хоть и говорящий.

Чип еще помолчал и добавил голосом первоклассника, который долго плакал и наконец успокоился:

— Ведь она могла попасть в Южные моря…

Мальчик почувствовал, как часто бьется крошечное сердечко лягушонка.

— А тебе хочется в Южные моря? — не то спросил, не то просто сказал он Чипу.

Чип снова вздохнул:

— Там Афр-рика, — шепотом проговорил он. — Там пр-риключения. Кор-ралловые острова. И там тепло. Там не надо спать зимой. У нас все лягушки спят зимой, а я не люблю. Мне даже во сне холодно, хотя я и пр-риспосабливаюсь.

— У тебя, Чип, слишком горячая, не лягушачья кровь, — задумчиво сказал Мальчик.

СЧИТАЛКА

Они сидели допоздна. Яркая звезда — та самая, что загоралась раньше других, — уже давно светила над мачтами.

Мальчик любил эту Звезду и знал ее певучее название. Он слышал где-то, что у каждого моряка должна быть своя звезда, и выбрал себе эту. Она была теплая и ясная, как маленькое солнышко. Оказалось, что Чип тоже любит ее.

— Когда я смотрю на эту звезду, я совсем забываю, что я лягушонок, — сказал однажды Чип. — Мне кажется, что ничего не надо бояться. Мне даже кажется, что я увижу Южные моря, если очень захочу… А потом, когда Звезды нет, я сразу вспоминаю, что я маленький смешной Чип, — закончил он и коротко вздохнул несколько раз подряд.

— Но ты совсем не смешной! — возразил Мальчик. — Ты красивый. Ловкий такой и быстрый. И ты смелый. Ну, маленький, конечно… А что здесь такого? Вот бегемот, например, большой, а какой от этого толк? Лежит в своем болоте или в реке и хрюкает, как свинья, от удовольствия. И ничего ему не хочется.

— А чего же ему хотеть? — удивился Чип. — Он и так живет в Африке, где пальмы, джунгли, львы и приключения.

— Ну какие там приключения у бегемота! Ему лишь бы брюхо набить. А пальмы для него — все равно что для нас эти тополя на берегу.

— А ему… не хочется увидать эти тополя? — недоверчиво спросил Чип. — Ведь нам-то очень надо увидеть пальмы.

— Нет. Ему только хочется быть сытым. Вот и все.

— Такой большой и такой дурак, — сказал Чип с грустным недоумением.

— А ты думал, среди больших не бывает дураков?

Чип не ответил. Он опять неподвижно смотрел на Звезду, и она отражалась в его глазах золотыми точками.

Эта звезда была громадным огнедышащим шаром, чужим неизученным солнцем, которое висело в далекой от нашего Солнца черной пустоте. Может быть, вокруг этого ослепительного шара летали голубые и зеленые свои шарики-планеты. И, может быть, на них жили и мечтали о дальних морях свои Мальчики и лягушата. И жили бегемоты. Но это ничего не значило. Здесь,

на Земле, дальняя Звезда была нужна двум друзьям и потому принадлежала им.

— Когда я сделаюсь капитаном, — сказал Мальчик, — я попрошу, чтобы мой корабль назвали так же, как эту Звезду.

Чип снова сидел неподвижно. Только смотрел уже не на Звезду, а просто так.

— Что же ты молчишь? — с легкой тревогой спросил Мальчик. — Я с тобой говорю, а ты не отвечаешь. Будто ты и не говорящий.

— Потому что мне грустно, — сказал Чип. — Ты станешь капитаном, и тебе хорошо. А я превращусь в обыкновенную большую лягушку.

— И ничего подобного! — решительно возразил Мальчик и так бултыхнул в воде ногами, что старый полосатый сплетник Пантелей Осьминогович, который подслушивал разговор, тут же скончался от разрыва плавательного пузыря и всплыл кверху брюхом. Его немедленно унесла чайка.

— Ничего подобного! — повторил Мальчик. — Говорящий лягушонок не может превратиться в обыкновенную лягушку. Так не бывает! И, кроме того, я тебя не брошу. Как только я стану капитаном (или сначала даже самым младшим моряком), я возьму тебя в плавание.

Чип подскочил, как зеленая пробка, и шлепнулся животом.

— Как? — спросил он, и от удивления у него получилось: «Квак?»

— А вот так. Слушай…

Мальчик придумал это лишь сейчас, но говорил, словно все решил давно:

— Ты будешь жить в моей каюте. В таком стеклянном ящике. Там будет разная трава, вода и маленькие кочки. Это называется террариум. А когда мы приплывем в Южные Страны, я тебя отнесу на берег. И ты увидишь там все, что хочешь. Там такие громадные цветы, что в каждом ты можешь устроить целый дом. И можешь путешествовать по джунглям и зарослям, и будут у тебя такие приключения, которые здесь никому и не снились. Только смотри, чтобы тебя не слопала какая-нибудь африканская цапля… А то я приплыву, а тебя нет…

— А ты приплывешь? — обрадовался Чип.

— Конечно. Ты ведь, наверно, соскучишься когда-нибудь.

— Наверно… — сказал говорящий лягушонок Чип.

Мальчик понимал, что давно пора домой.

— Пойду, — сказал он наконец. — Наверно,

будет нахлобучка.

— Выдер-рут? — с беспокойством спросил Чип.

— Ну, что ты! Просто будут говорить всякие скучные слова.

Лягушонок посмотрел на небо.

— Вон светлая тучка. Вон Звезда. Ты скажи волшебную считалку, и все будет пр-ре-красно.

— Какую считалку? — удивился Мальчик.

Тогда удивился и Чип:

— Ты не знаешь? Я думал, все мальчики знают эти волшебные слова. Я их подслушал на земле, когда ребята играли в пр-рятки. Вот какие:

Тучка — светлый парашют,
Очень я тебя п-р-рошу:
Разгони мою беду,
Позови мою Звезду.
Пусть она, как светлый лазер,
Луч пошлет на землю сразу.
Пусть дрожат мои враги.
Кто не верит мне — беги! —

Чип, видимо, гордился, что выучил эти стихи.

— Никогда не слыхал, — сказал Мальчик. — Ну, все равно. Это же обыкновенная считалка. Что в ней волшебного?

— Нет, не все р-равно, — возразил Чип. — Один р-раз был случай. Маленький мальчик хотел спрятаться и не успел. Его уже почти нашли, а он взял и сказал эту считалку. И стал просто совсем невидимка.

— Показалось тебе, — сказал Мальчик. — Не может этого быть.

— А говорящие лягушонки можут быть? — обидчиво спросил Чип. От досады он даже стал ошибаться в словах. — Ты думал, что не можут, а я есть.

— Ладно, — сказал Мальчик. — Я попробую. Только… там говорится: «Пусть дрожат мои враги…» Мне ведь от мамы попадает, а разве она враг? Она ведь за меня же беспокоится.

— Мама, конечно, хор-рошая, — объяснил Чип. — А враги — это непр-риятности, которые тебя ждут. Пр-ротив них и нужны волшебные слова.

— Я попробую, — повторил Мальчик.

И попробовал. Пока бежал к дому, прошептал считалку. И знаете, что потом было?

— Ну, наконец-то, — сказала мама. — Я уже начала волноваться. Беги, умойся, а я разогрею ужин.

Вот и все. Согласитесь, что это чудо. Не мень-

шее, чем говорящий лягушонок.

БАРКЕНТИНА

— Слушай, какая новость! — возбужденно встретил Мальчика Чип. — Корабль с таким именем, как у нашей Звезды, уже есть! Скоро его приведут сюда. Я узнал от чаек. Они кр-ричали об этом.

Было яркое утро, и солнце сверкало на мокрой спинке Чипа. Он весь светился, как зеленая лампочка. Только лампочки не прыгают, как сумасшедшие, и уж, конечно, не разговаривают. А Чип никак не мог успокоиться.

— Ну что ты скачешь, — сказал Мальчик. — Уймись.

— Это потому, что я пер-реживаю, — сообщил Чип. — А что, если чайки ошиблись? Вдруг он не пр-ридет, этот корабль?

— Ну не придет, и не надо, — сказал Мальчик, чтобы успокоить Чипа. А на самом деле тоже слегка заволновался. Хотелось посмотреть на судно с таким хорошим названием.

А Чип возмутился:

— Как это «не надо»?! Ведь он же не пр-ростой! Он пар-русный!

И у Мальчика застучало сердце. Ведь нико-

гда-никогда он не видел настоящих белокрылых парусников. Многое успел он здесь увидеть и многое полюбил, но, как и раньше, при слове «корабль» представлялся ему стремительный клипер с белыми грудами четырехугольных парусов или шхуна, косо летящая над волнами.

Строго говоря, кораблем принято называть лишь фрегат. У него не меньше трех мачт, и на всех — прямые паруса. А остальные парусники — бриги, шхуны, бригантины, барки и баркентины — называют просто судами. Но не будем слишком придирчивы к Мальчику.

И в тетрадке своей рисовал он не лайнеры, а бриги и фрегаты. А перед сном шептал в постели названия парусов. Лишь бы не ошиблись чайки! Но чайки кричали правду.

Еще до полудня вдали над береговыми крышами показались верхушки мачт, а потом из-за поворота вышел парусник.

Правда, он был без парусов. Его тянул незаметный буксирчик. Но в корпусе и мачтах, в гибкой линии форштевня и бушприта была такая стройность, такая легкость, что сразу все видели: судно это рождено для ветра.

Первая мачта была перечеркнута тонкими реями — перекладинами для прямых парусов.

От второй и третьей протянулись над палубой длинные гики. Здесь ставились косые, как у шхуны, паруса.

— Шхуна-барк, — шепотом сказал Мальчик. — Трехмачтовая баркентина. Я такие только в кино видел.

— Какая кр-расавица, — сказал Чип.

Буксирчик суетился и старательно натягивал длинный трос. Слишком неуклюжим и маленьким было это суденышко по сравнению с парусником. И поэтому казалось, что баркентина движется сама по себе. А под ней, чуть вздрагивая, плыло отражение: белый корпус с черными буквами названия, зыбкие желтые мачты и стеньги, опрокинутые в глубину. После неспокойного моря, где лишь пена да отблески на волнах, баркентина не спеша любовалась своим отражением в гладкой воде. Так, по крайней мере, думал мальчик.

У штурвала стоял моряк в полосатой фуфайке. Широкоплечий и сутулый. Больше никого на палубе не было.

Буксир завел баркентину в гавань, к береговому причалу, напротив дамбы. И сразу все изменилось вокруг. Парусник стал главным. Мачты в тонкой паутине такелажа вознеслись над

острыми крышами, над тополями, над старой церковью, поднимавшейся в глубине квартала. Берег притих от удивления. Чайки перестали шуметь и совершали над баркентиной неторопливый торжественный облет.

Вы, конечно, догадались, что больше всего сейчас хотелось Мальчику: оказаться там, на палубе. Так хотелось, что он даже забыл про Чипа.

Но что он мог сделать? Пойти к трапу и попроситься в гости? Никогда он не решился бы на это: не тот характер. Ждать случая? Или чуда?

Стоял яркий день, и не было, конечно, в высоте ни тучки, ни Звезды. Но, сам того не заметив, Мальчик начал шептать:

Тучка — светлый парашют,
Очень я тебя прошу…

На палубе показался человек. Тот, который стоял недавно у штурвала. Он перебросил через фальшборт ведро на веревке и нагнулся, стараясь зачерпнуть воду.

— …Позови мою Звезду… — шепотом сказал мальчик. Веревка выскользнула из рук моряка. Мальчик пружинисто встал. Моряк, перегнувшись через планширь, видимо, поминал морских чертей и ведьм. Потом он исчез и тут же вернулся

с багром. Но ведро успело отплыть от борта, а багор был короткий, и моряк не мог дотянуться.

— Подождите? Я сейчас достану! — крикнул Мальчик. И раскинул руки, чтобы ласточкой прыгнуть в воду.

— А я?! — завопил забытый Чип. — Это пр-ред-да-тельство!

— Что ты, я же только примеряюсь, как прыгнуть, — торопливо сказал Мальчик. Ему было очень неловко. — Лезь ко мне в карман, поплывем вместе.

Он оттянул нагрудный кармашек на рубашке и посадил Чипа.

— Не задохнешься?

— Как-нибудь пр-родержусь, — ответил Чип все еще слегка сердито.

Мальчик скользнул в воду. До баркентины было метров восемьдесят. Он плыл среди кувшинок и все боялся, что моряк не станет ждать, а найдет багор подлиннее. Но тот ждал.

Белый борт парусника вырос, навис над мальчиком. Белый почти весь, только внизу, ниже ватерлинии, — зеленый… «Может быть, здесь, у днища, торчат ракушки, приросшие в Южных морях», — мельком подумал Мальчик. Но ракушек не было. Были только рыжие проплешины

да колечки ржавчины вокруг заклепок.

Мальчик подплыл к ведру, ухватился за него, как за поплавок, и глянул вверх. На фоне яркого неба он увидел голову и широкие плечи моряка. Серебристо просвечивали волосы, а лица было не разглядеть. Голосом глуховатым, но сильным, моряк спросил:

— Что сначала вытаскивать? Ведро или тебя?

— Ведро! — крикнул Мальчик. — Я плаваю! Давайте багор!

Он подгреб поближе и зацепил дужку за крюк. Ведро взмыло вверх. А через две секунды рядом с Мальчиком упал конец веревочного трапа: два каната и просмоленные рейки-перекладинки.

— Ну, подымайся, пловец.

И Мальчик стал подниматься.

Много раз он читал, как лихие матросы взлетают на борт по таким трапам. А оказалось, что это очень даже не просто. Трап гулял по воздуху, изгибался, и два раза Мальчик так стукнулся коленками о борт, что глаза застлала влажная пелена. Но все-таки он не остановился ни на секунду. Вскарабкался до верха, перевалился через планшир и встал мокрыми босыми ногами на палубу. Доски были очень сухими и теплыми от солнца.

Так впервые в жизни Мальчик поднялся на баркентину — прямо из воды, по штормовому трапу.

От смущения, вместо того чтобы поздороваться, он неловко сказал:

— Ну, вот… все в порядке.

С одежды струйками бежала вода и темными ручейками растекалась по чистой, почти белой палубе. Мальчик переступил и с опаской посмотрел на свои мокрые следы. Потом виновато поднял глаза на моряка. Капли на ресницах играли солнечными брызгами и мешали смотреть. Мальчик поморгал, чтобы стряхнуть их, и взглянул снова.

Он стоял перед стариком. Старик был большой, с седыми кудрями и густой серебристой щетиной на лице. Лицо было широкое и морщинистое, а глаза светлые, как голубая вода. Старик улыбнулся, и Мальчик понял, что бояться не надо.

— По-моему, ты немного мокрый, — сказал старик. — Что же ты не разделся — и в воду?

— Боялся, что без меня ведро поймаете, — признался Мальчик.

— Да, ведро… За ведро спасибо. Ну, разденься и обсушись.

Мальчик хотел сказать, что пустяки, что он

обсохнет и так. Но тут же сообразил: пока одежда будет сушиться на солнышке, он может с полным правом быть здесь, на судне.

Он расстелил мокрую рубашку и шорты на широком планшире фальшборта, а Чипа посадил на голое плечо.

— Не свались смотри, — сказал он, а старику объяснил: — Это у меня товарищ. Он маленький, но зато говорящий.

Чип застеснялся, но все-таки подтвердил:

— Пр-равда.

— Чудеса, — сказал старик. Но сказал таким спокойным голосом, что сразу стало ясно: за свою длинную жизнь он видел чудеса похлеще.

Мальчик встал у борта и наконец огляделся. В первый миг палуба показалась ему широкой, как стадион, а мачты — бесконечными. Над палубой, в путанице трапов, поручней, канатов и блоков поднимались белые надстройки. Синим стеклом и медью сверкали иллюминаторы. Но в этом блеске, в этом захватывающем душу переплетении такелажа и рангоута, Мальчик сразу увидел главное: коричневый отполированный штурвал и узкую колонку нактоуза.

— Можно я пойду… посмотрю? — шепотом спросил он.

— Иди. Смотри, — сказал старик. — Смотри и трогай. Можно.

Мальчик медленно подошел к штурвалу. Солнце грело плечи и голову. С берега шел ровный теплый ветер. Чип затих на плече.

Мальчик взял в ладони рукояти штурвала. «Ком-кливер и кливер поднять! Поставить оба марселя! Шпиль пошел! Руль — два шпага под ветер!»

Он крутнул штурвал, и тот повернулся с неожиданной легкостью. Над палубой с криком пронеслись чайки. Словно приветствовали нового капитана.

Мальчик тихо отпустил штурвал. И подошел к мачте. Дерево ее было желтым и блестящим, как у скрипки. Оно было теплым.

Мальчик прижался к мачте плечом и щекой. Он услышал тихий и ровный гул. То ли ветер гудел в стеньгах и вантах, то ли в трюмах баркентины проснулось эхо прежних штормов…

Старик теплыми глазами смотрел на Мальчика. И наконец сказал:

— Когда я был такой же, я тоже первый раз пришел на парусник. И тоже слушал…

Мальчик оторвался от мачты и взглянул на моряка: неужели седой могучий старик был ко-

гда-то мальчишкой? Старик, видимо, понял.

— О, это было давно, — сказал он с коротким смехом. — Тебе надо прожить шесть раз столько, сколько ты жил, чтобы пришло такое время. — Он подумал и тихо добавил: — Но это было…

Мальчику показалось, что старик слегка загрустил. Из-за него. И, чтобы изменить разговор, он деловито спросил:

— А что, весь экипаж сошел на берег? Никого, кроме вас, не видно.

Старик усмехнулся:

— Капитан сошел на берег. А экипаж — вот он. — И хлопнул себя по груди. — Мы сейчас к ремонту готовимся, поэтому большой экипаж ни к чему.

Старика звали Альфред Мартинович. Он был родом из латышской рыбачьей деревни и всю жизнь провел в море. Полным именем его редко называли: во все времена и на всех кораблях к нему обращались коротко и уважительно — Мартыныч.

— Зови и ты меня так. Я привык, — сказал он Мальчику на прощанье. — И не забывай, в гости приходи.

Конечно, Мальчик пришел. На следующий же день. На причале, недалеко от трапа, смуглый па-

рень в разноцветных плавках обтесывал длинное бревно. Желтая щепка чиркнула Мальчика по ногам, и он ускорил шаг, чтобы еще не зацепило.

— Стой, пацан! — потребовал парень (а сам все махал топором). — Ты куда?

— Сюда. — Мальчик показал на трап. — На борт.

— Это зачем?

— Надо, — сдержанно сказал Мальчик. Он слегка рассердился. За щепку, ударившую по ногам, и вообще: «Размахивает топором, даже не смотрит. Да еще допрашивает. Кто он такой?»

— Неизвестно еще, надо тебе сюда или нет, — сказал парень и воткнул топор в бревно. — Ты к кому?

— К Мартынычу.

— А по какому делу?

У него был круглый мясистый нос и подозрительные глаза.

— У каждого свое дело, — с досадой сказал Мальчик. — Я ведь тебя не спрашиваю, каким делом здесь ты занимаешься…

— А я могу сказать. Столб ставлю, чтоб электричество на ящик протянуть, а то аккумуляторов не хватает. А вот что тебе нужно?

«Это он баркентину ящиком обзывает», — по-

думал Мальчик. И не решил еще, что сказать, как парня окликнули:

— Рудик!

Окликнула девушка. Обыкновенная девушка с белой сумочкой. Она этой сумочкой нетерпеливо размахивала.

— Я уже давно готова, а ты…

Рудик повернулся к баркентине и завопил:

— Дед! Кинь из каюты мои манатки, я отчаливаю!

На борту появился Мартыныч. Улыбнулся мальчику, а Рудику бросил сверток с одеждой. Рудик запрыгал, натягивая брюки.

— Тут к тебе какой-то салажонок просится, — ворчливо обратился он к Мартынычу. — Гляди, чтобы он не свинтил чего на судне.

— Вы, Рудольф Петрович, идите… — медленно сказал Мартыныч.

— Чего?

— Идите. Гуляйте. Ничего. Я тут побуду, мне все равно спешить некуда.

— Ах да… — Рудик чуть смутился. — Я и забыл, что сейчас моя вахта… Ну, ладно, дед, я ненадолго. Потом сочтемся. Гудбай.

— Кто он? — спросил Мальчик у Мартыныча, когда поднялся на палубу.

— Рудольф? Ну как же. Капитан.

— Мартыныч! — жалобно сказал Мальчик. — Вы шутите, да?

— Почему? Я правду говорю. Начальство назначило.

Мальчик вздохнул:

— А я с ним поспорил…

Мартыныч ладонью накрыл его голову, повернул к себе, взъерошил волосы.

— Мальчик… Никогда ничего не бойся… Ну, поспорил. Разве это обязательно плохо?

— Я не боюсь. Просто обидно. Он не похож на капитана. Неужели он командовал баркентиной в морях и океанах?

Старик засмеялся.

— Он не командовал баркентиной. Тот, кто командовал, сейчас на четырехмачтовом барке «Лисянский». О, это настоящий моряк. Если даже ветер голосил в вантах, как тысяча ведьм, он все равно не спускал бом-брамсель. Вот так…

— А этот… Рудик?

— У него дело простое: сдать судно в ремонт, когда в доке место освободится. Видишь, как вышло: он недавно закончил мореходку, назначили его на большой танкер младшим помощником. А танкер этот сейчас в плаванье. Ну вот, ему и веле-

ли здесь командовать. Пока нас в док не заберут.

— Ух, ну ясно, — облегченно сказал Мальчик. — Значит, он капитан просто так, пока. Не по правде.

— Ну, значит… По правде здесь надо паруса знать. А он фор-марсель от крюйс-топселя не отличит.

— Ну уж! Как это так? — сказал Мальчик, слегка гордясь своим знанием. — Можно кливер с фок-стакселем спутать или верхний марсель с брамселем. Но как можно спутать с чем-нибудь крюйс-топсель?

— О-о, — удивился Мартыныч. — Я вижу, что ты не просто так. Ты знаешь. Нам будет про что говорить. Не надо стоять на палубе, мы пойдем в каюту. И будем беседовать за кружкой крепкого… ну, не рома, конечно, а чая. Я думаю, это будет хорошо.

— Конечно? — радостно согласился Мальчик. — Только я сбегаю за Чипом, а то он обидится.

Некоторые взрослые говорят, что полного счастья не бывает. Это чушь. Спросите Мальчика, и он скажет, что был счастлив полностью в те дни. Утром он сажал в карман Чипа и спешил на баркентину. Без нее он не мог.

Они с Чипом изучили здесь каждый уголок. Чип

прыгал по судну и прятался, а Мальчик искал. Это была отличная игра. Чип любил скакать по сухой теплой палубе. Мальчику нравилось забираться во все закоулки. Только подниматься по вантам на высокие марсовые площадки Мартыныч не разрешал.

Иногда Мальчик вставал на спардеке — верхней палубе посреди баркентины — и поднимал голову. Шелестел в канатах южный ветер. Мачты уходили в синеву. И все вокруг было — как музыка.

Потом звал Мальчика Мартыныч. Они сидели в боцманской каютке, пили коричневый чай с батоном и говорили о морской жизни. О плаваньях в Ла-Манше, когда туман дрожит от сотен корабельных сирен. О том, как отходить от пирса под гротом и стакселем в навальный ветер. О знойных штилях у экватора. Старик учил Мальчика вязать морские узлы и заплетать на концах пеньковых тросов тугие шарики — кнопы.

— Мартыныч, а вы были капитаном? — спросил Мальчик.

— Не был… Не пришлось научиться. Парусные баркасы водил вдоль побережья, но это не совсем капитанская наука. Был я, Мальчик, парусным мастером. Боцманом. Корабельным плотником.

А когда начинал плавать, был вторым помощником на шхуне «Сирена».

— Помощником капитана??

Мартыныч засмеялся:

— Помощником кока, Мальчик. Мыл кастрюли, чистил картошку. Это ведь тоже надо. Моряк — не обязательно капитан. Моряк — это кто не может без моря… Ну, ты, я думаю, будешь капитаном.

— А кто будет капитан баркентины, когда ее починят?

Мартыныч поставил кружку и вздохнул:

— Да уж никто. Она свое отходила.

— Как? Совсем??

— Совсем. С виду она хороша, а внутри все расшаталось.

Это было так неожиданно и грустно. Даже Чип, который сидел у сахарницы, растерянно приоткрыл рот.

— Но тогда зачем?.. — растерянно сказал Мальчик. — Почему же ее хотят ремонтировать?

— А вот почему. Решили ее пристроить для другого дела. Поставят ее у набережной и откроют плавучий ресторан. Говорят, много народу будет ходить, потому что интересно.

Мальчик вскочил, и сахарница опрокинулась, чуть не придавив Чипа.

— Но это же… Так же нельзя! Ведь она же — корабль, а не ресторан…

Мартыныч покачал головой.

— Я знаю. Я говорил, что это не будет хорошо. Корабли должны умирать, как корабли. Они это заслужили.

— Вас не послушали?

— Что же делать… — сказал Мартыныч.

Ночью был ветер, и Мальчику приснилось, что баркентина скрипит и жалуется. Она говорила двум сейнерам, которые пришвартовались по соседству:

— Лучше бы я разбилась о камни в том году, когда шторм прижимал меня к норвежскому берегу. Честное слово. Или сгорела бы вместе с танкером «Осака-кару» у Борнхольма. Он ведь был рядом, когда начался пожар. Это все-таки лучше, чем служить танцплощадкой и местом для выпивки. Страшно подумать, что на палубу станут капать соусом и все, кто захочет, будут хвататься за штурвал липкими от шашлыков руками… Если уж я ни на что не гожусь, разобрали бы по-честному на дрова.

— Зачем же на дрова? — прошептал Мальчик. — Разве нельзя, чтобы ты стояла, как стоишь? Те, кто хочет, кто любит парусники, приходили бы

к тебе и смотрели бы на мачты, на штурвал, на компас. Ребята играли бы в моряков, а Мартыныч рассказывал бы про дальние плавания…

Но баркентина не слышала. Она скрипела и тихо жаловалась, а сейнера вежливо кивали короткими мачтами. Им не грозила такая судьба, их ждала Атлантика.

В просветах летучих и темных облаков разгоралась Звезда. Она тоже слышала баркентину, но, видимо, не знала, как помочь.

Мальчик продолжал ходить на баркентину. Теперь он не только любил ее, но и жалел как больного друга. Она казалась живой, и однажды Мальчик признался в этом Мартынычу.

— Ну да, — согласился Мартыныч. — Так бывает. Для хорошего моряка корабль всегда живой.

— Но ведь я еще не моряк.

Мартыныч улыбнулся и промолчал.

Мальчик спросил:

— Говорят, парусников на свете все меньше и меньше остается. Говорят, их скоро совсем не будет. Правда?

Мартыныч умел объяснять коротко.

— Неправда. Когда появились машины, глупые люди говорили, что на свете не останется лошадей. Разве это так? Паруса будут всегда, пока есть

на свете три вещи.

— Какие?

— Ты и сам знаешь. Очень просто. Во-первых, море…

— Во-вторых, ветер! А в-третьих?

Мартыныч затянулся сигаретой и серьезно сказал:

— Люди, Мальчик. Такие, как ты.

Однажды они беседовали, сидя на палубе у брашпиля, и тут появился Рудик. Хмуро глянул на Мальчика.

— Слушай, дед, что он все время здесь отирается? Сам знаешь, посторонним на судне делать нечего.

— Какой же он посторонний, — сказал Мартыныч.

— А кто он? Родственник твой, что ли?

— Может быть, родственник. Скажем, внук.

— Ты же говорил, что у тебя никого нет.

Мартыныч усмехнулся:

— С внуками, Рудольф Петрович, всегда так: сначала нет, а потом есть.

Рудик махнул рукой и ушел. На причале его опять ждала девушка. Мальчик осторожно спросил:

— Мартыныч… А у вас правда никого?

— Да. Так вот вышло. На берегу жизнь не получилась. Только и знал я корабли. Это не очень хорошо. Надо, чтобы кто-то ждал на берегу…

«Теперь я буду ждать вас», — хотел сказать Мальчик, но постеснялся. И спросил:

— А когда баркентина… когда ее не будет, вы на какой парусник пойдете, Мартыныч?

— Ни на какой, — просто сказал старик. — Мы с ней кончаем вместе. Пора на пенсию.

— Совсем?

— Совсем. Когда-то надо кончать совсем. Поеду в деревню, где родился. Буду рыбу ловить и сети чинить рыбакам.

— Но ведь там, в деревне… У вас же там нет никого.

— Все равно. Берег там мой.

ЗЕРКАЛЬЦЕ

— Какой ты кр-ра-сивый, — сказал Чип, когда Мальчик появился на дамбе. И даже приквакнул от удивления.

Мальчик был в бело-голубом костюмчике, который делал его похожим не то на юнгу со сказочного брига «Семь ветров», не то на маленького воздушного гимнаста из цирка.

— Ты просто пр-ре-красно выглядишь, — продолжал Чип, и в голосе его проскальзывала легкая зависть. Но Мальчик с досадой сказал:

— Что тут прекрасного… У взрослых смешная привычка: если у человека день рожденья, значит, надо его наряжать, будто куклу. Разве это правильно? В день рожденья должно быть весело, а тут ходишь и только смотришь, чтоб не запачкаться, не зацепиться, не порвать… Ну, я не спорил, конечно, чтоб настроение не портить родителям. Все же они для меня старались. И все равно взрослых не перевоспитаешь…

Но тут Мальчик подумал, что долго ведет разговор о себе, а для Чипа не сказал еще хорошего слова. Осторожно, чтобы не коснуться мокрых свай, он сел на корточки перед лягушонком.

— А как твои дела, Чип? Хорошо?

— Хор-рошо. А что такое день рожденья?

— Ну… Это такой праздник. У каждого человека. Ну, не обязательно у человека, а хоть у кого. В какой день кто родился, тогда и праздник у него… Вот ты, Чип, когда вылупился из икринки?

— Я не помню, — рассеянно сказал Чип. Мальчику стало неловко. Ведь он знал, что Чип давно живет один, а родители у него неизвестно куда подевались. Кто же скажет Чипу, когда он появился на свет?

— Это ведь неважно, — бодро сказал Мальчик, чтобы исправить ошибку. — Каждый имеет право выбрать себе день рожденья, какой хочет… Вот ты выбери себе день, и тебя будут поздравлять и дарить подарки…

— Кто? — удивился Чип.

— Ну… я буду…

— А если день рожденья, обязательно дарят по-дар-рки?

— Кажется, обязательно… Папа мне подарил толстый морской словарь, а мама электрическую железную дорогу. Вот с такими вагончиками. Хочешь покатаю?

Чип немного помолчал, хитро блестя глазками. И спросил:

— У тебя есть удочка?

— Нет. Зачем? Я не люблю ловить рыбу.

— Ну, тогда просто нитка. Или веревочка. И кр-рючок.

— А зачем?

— Ну, надо, — сказал Чип настойчиво и даже чуть капризно.

Мальчик выбрался на берег, отыскал кусочек медной проволоки и согнул крючок. Потом подобрал на причале обрывок пенькового троса. Трос он расплел, а прядки связал между собой. С такой вот «удочкой» Мальчик и вернулся к Чипу. Чип лапками ухватил крючок и скакнул в воду. Его не было минут пять. Мальчик так забеспокоился, что почти забыл про свой «именинный» костюм и хотел уже лечь животом на сваи, заглянуть в глубину: Чип, где ты? Но смеющийся Чип ловко вылетел из воды и крикнул:

— Тащи!

Мальчик потянул «удочку».

Что-то серебристое моталось на крючке. Но не рыбка. Мальчик взял добычу на ладонь. Это было зеркальце. Квадратное зеркальце, чуть поменьше карманного, аккуратненькое такое и довольно тяжелое. Оно было в металлической рамке с двумя винтами. У винтов были большие

медные головки. За одну из них Чип и прицепил крючок. И теперь он важно объяснил:

— Это от меня под-дар-рок.

Мальчик опять сел на корточки.

— Спасибо, Чип, — сказал он, стараясь догадаться, что же это за штука. Чип ловко и привычно прыгнул ему на колено.

— Ты не думай, что это зеркальце пр-ростое…

И рассказал вот что.

В начале этого лета к дамбе, прямо вот здесь, пришвартовался рыбацкий траулер «Сан-Риоль». Однажды вечером на палубу поднялся человек, который назывался «штур-рман». Он подошел к борту и стал вертеть в руках сложную штуку. Он то заглядывал в черную трубку, то поворачивал какие-то винты. Чип тогда еще только учился говорить и поэтому запоминал все незнакомые слова особенно старательно. Он запомнил, что сложная штука называется «секстант». Через него моряки зачем-то смотрят на звезды.

«Штур-рман» был недоволен. Он громко разговаривал сам с собой и утверждал, что эта капризная штука называется не «секстант», а «утиль». Но Чипу казалось почему-то, что это неправда.

Потом штурман стал вертеть секстант, уже не

заглядывая в трубку. И вдруг с борта полетело и ушло под воду зеркальце. Штурман громко охнул. Поднялся переполох, сбежались моряки. Шум был большой, а слова такие, что Чип не мог ни понять, ни запомнить. Два человека сняли штаны и рубахи и стали нырять, но зеркальца не нашли. Оно попало в щель между сваями.

Чип не решился сказать людям, где зеркальце. Он разговаривал тогда неважно и очень стеснялся. Через день траулер ушел, и Чип остался владельцем сокровища.

Конечно, это было для Чипа сокровище. Ведь он уже тогда мечтал о путешествиях. Он знал, что рыбацкие суда плавают по всем океанам и, значит, в зеркальце секстанта отражалась масса приключений, дальних берегов и незнакомых звезд. В том числе и знаменитый Южный Крест.

Иногда Чип садился перед щелью, где застряло зеркальце, и шепотом просил: «Расскажи». И казалось, что оно рассказывает. О пронзительно-синих глубинах дальних морей, где спят жемчужные раковины и затонувшие корабли, об удивительных рыбах, похожих на птиц, и громадных морских черепахах, о берегах, где шелестят пальмы и греются на солнце львы. Наверно, это просто казалось. Но было Чипу хорошо.

А сейчас он подарил зеркальце Мальчику. Надо же было что-то подарить! А кроме зеркальца у Чипа ничего не было.

— Милый мой, дорогой, хороший Чип, — шепотом сказал Мальчик. — Это самый-самый чудесный подарок…

Сами понимаете, Мальчик тут же заглянул в зеркальце. Оно и вправду было не простым. Будто свет далеких звезд покрыл его невидимой волшебной пленкой. Небо отражалось в нем удивительно чистой и звонкой синевой, желтые кувшинки сверкали, как брызги салюта, а солнце сияло в два раза сильнее, хотя, казалось бы, ярче было некуда.

А когда Мальчик увидел в зеркальце баркентину, ему почудилось на секунду, что с реев фок-мачты падают, распускаясь, и наливаются ветром легкие снежные паруса.

Только на секунду. Но секунда мелькнула, а радость не прошла. И Мальчик весело сказал:

— Чип, бежим к Мартынычу! Что нам здесь сидеть. Прыгай сюда! — И он оттянул нагрудный кармашек.

— Я же мок-р-рый, — засомневался Чип. — А карман новый.

— Ну что за чепуха? Прыгай.

Чип катапультировал с колена вверх, перевернулся и головой вперед нырнул в карман — голубой, с белыми полосками и серебристым вышитым якорем. В другой такой же карман Мальчик положил зеркальце. Потом он спросил у Чипа:

— Ну как?

— Здесь уд-дивительно пр-риятно, — сказал из кармашка Чип.

— У него сегодня день рожденья! — сообщил Чип Мартынычу, едва Мальчик поднялся на палубу.

— Ну? — удивился Мартыныч. — Вот я и смотрю, что Мальчик похож на именинника. Прямо капитан. Столько якорей и полосок, что хоть сейчас на вахту.

— Да ну, Мартыныч, не смейтесь, — сказал Мальчик.

— Я только чуть-чуть смеюсь. А насчет вахты — правда. Я хочу купить сигарет. Можешь здесь побыть, пока я схожу в магазин?

— Конечно! А что надо делать?

— Ничего. Играй. Если кто-нибудь спросит, скажи, что сейчас приду.

Мартыныч хитрил. В каюте у него лежала почти полная пачка сигарет «Рига». А пошел он,

чтобы купить какой-нибудь подарок Мальчику…

Баркентина, как всегда, блестела удивительно чистым деревом и желтым лаком. Здесь можно было не бояться испачкаться, хоть катайся кубарем по всем палубам и трапам.

— Играем в пр-ряталки? — крикнул Чип и длинными прыжками помчался вдоль палубы. Играть с ним было непросто. Он забирался в такие щели, что и с фонарем не разыщешь.

Но сейчас Мальчик заметил, куда ускакал Чип. Лягушонок спрятался за стойку трапа, ведущего на спардек.

Мальчик подбежал, встал на колени и заглянул под нижнюю ступеньку.

— Вот ты где! Вылезай!

— Это неспр-раведливо! — завозмущался Чип. — Ты не сосчитал до пяти и ср-разу бр-росился!

— Нет, справедливо! Если я буду считать, ты ускачешь за тридевять земель!

— Нет, не за тр-ридевять… — Чип мелко и часто задышал. Это означало, что он обиделся.

И в этот миг Мальчик заметил краешком глаза чью-то тень. Она упала рядом с ним на солнечную палубу. Кто-то стоял над Мальчиком, и это был не Мартыныч: старик не мог подойти так

бесшумно.

— Чип, в карман, — скомандовал Мальчик тихо, но так строго, что лягушонок в тот же миг прыгнул из укрытия в отвисший карман рубашки. Лишь тогда Мальчик оглянулся. И увидел Рудика.

— Где старик? — хмуро поинтересовался Рудик.

— Пошел за сигаретами.

— Он что, спятил? Оставил судно без присмотра!

— Мартыныч меня попросил здесь побыть, — заступился Мальчик. — Он же только на пять минут…

— Что старый, что малый, ума одинаково, — совсем разозлился Рудик. — Ну ладно, мы поговорим с ним.

Мальчик обиделся. Сильно. Не за себя, конечно, а за Мартыныча. Он сел на ступеньку трапа и снизу вверх бесстрашно посмотрел на Рудика.

— Между прочим, — отчетливо сказал он, — сейчас не Мартыныча вахта. Так что неизвестно еще, кто спятил.

Рудик поморгал растерянно, пожевал губами и наконец спросил:

— Слушай, а ты не думаешь, что за такие слова

я могу треснуть тебя по шее?

— Можешь. Это ведь безопасно. Я сдачи дать не сумею.

Рудик отступил на шаг и взглянул на неожиданного спорщика с интересом.

— Слушай, а почему ты, между прочим, говоришь мне «ты»?

— А как надо? «Вы»? — язвительно спросил Мальчик.

— А почему бы и нет? Я, кажется, старше тебя.

— Мартыныч тебя тоже старше, а ты с ним как разговариваешь?

— Ну, вот что. Выметайся на берег и больше не суйся на судно.

Мальчик встал. Не обернувшись даже, он легко прыгнул вверх, на две ступеньки трапа, и взбежал на спардек.

Оттуда, с высоты двух метров, он совсем уже безбоязненно ответил:

— Зря распоряжаешься. Я не к тебе прихожу, а к Мартынычу.

— Больше не будешь приходить, — сказал Рудик, измеряя взглядом высоту трапа.

— Буду! — весело и отчаянно сказал Мальчик.

— Не будешь, — сказал Рудик. — Все равно завтра это корыто в док уволокут.

— Завтра? — спросил Мальчик растерянно. — Уже?

Он знал, что это будет, но не верил, что так скоро. Значит, опустеет причал. Уедет Мартыныч.

Останутся они вдвоем с Чипом. И будет им не очень-то весело. И все же не это главное. Главное — сама баркентина.

— Значит, сделают из нее ресторан? — тихо спросил Мальчик.

— Само собой. Подлатают, покрасят, поставят у Большого моста. Вывеску повесят. Добро пожаловать, дорогие посетители. Заходите на кружечку пива.

Мальчик прищурился.

— А ты и рад.

— А что мне плакать? Всю жизнь я, что ли, должен караулить эту посудину? — Рудик смотрел уже не сердито, а с усмешкой.

А в Мальчике закипала злая досада.

— Я не про то, — сказал он. — Караулить, конечно, плохо. Но ты… Она же как живая, а ты радуешься, что ее убьют.

— Ах, какие нежности! Живая! Убьют? По-твоему, лучше, если ее пустят на дрова?

— Лучше! — с отчаянной убежденностью сказал Мальчик. — В сто миллионов раз лучше! Ты про-

сто не понимаешь! Ты не понимаешь ни-че-го!

— Умник! — опять разозлился Рудик. — Философ…

Вообще-то в слове «философ» не было ничего обидного, но каким голосом он это сказал! Будто о букашке какой-нибудь. И, словно гребнем волны, Мальчика хлестнула короткая злоба.

— А ты… — со звоном сказал он. — Ты трус!

Рудик откачнулся, словно для того, чтобы взять разбег по трапу. Но не сделал ни шагу.

— Интересно… почему я трус?

— Потому что ты ее боишься. — Мальчик повел рукой над баркентиной. — Я теперь знаю: ты ее ненавидишь, потому что боишься. Ты знаешь, что не справился бы с ней. Ты никогда не смог бы командовать ею в море! Там паруса и ветер! А ты… Ты же не отличишь бом-кливер от апселя! Какой ты капитан!..

Рудик прыгнул вверх по трапу. Мальчик пронесся через спардек, слыша за собой тяжелый топот, слетел вниз по второму трапу, промчался между фальшбортом и надстройками на корму. Рудик не отставал. Мальчик прыгнул на планшир, а с него — на ванты бизань-мачты.

— Не смей! — крикнул Рудик.

Мальчик не ответил. Мартыныч не разрешал

подниматься на ванты, но теперь было все равно. Легко, почти бегом начал Мальчик взбираться по зыбким перекладинкам. Ванты тяжело заколебались: Рудик лез по пятам.

Только один раз Мальчик посмотрел вниз. Он не опасался, что Рудик его догонит. Потом он, не слушая криков Рудика, смотрел все время вверх, на полукруглую площадку крюйс-марса, которая становилась все ближе.

Стучало сердце. Но не от страха. Мальчик не боялся высоты. Не боялся он и ветра, который все нарастал и обтекал его ровным шумящим потоком (рукава у локтей и широкий белый воротник трепетали, как флажки).

И вот марсовая площадка оказалась над головой. В квадратном вырезе ярко синело небо. Изловчившись, Мальчик ухватился за край, подтянулся и выбрался на марс.

Ух, какой огромный был мир! И небо, и облака, похожие на тугие паруса. Отсюда, с двадцатиметровой высоты, река вовсе не казалась широкой, зато совсем близко, за игрушечными крышами, башнями и колокольнями серебристо-синей стеной вставало совершенно бескрайнее море.

— Чип, смотри, — торопливо сказал Мальчик и высадил малыша на ладонь.

Чип затих.

— Тебе страшно? — спросил Мальчик.

Чип шепотом сказал:

— Мне ни к-капельки не стр-рашно. Пр-росто я не мог пр-редставить…

Из квадратного отверстия показалась голова Рудика. Лоб его был мокрым, волосы спутались.

— Слушай, спускайся давай, — миролюбиво попросил он. — А то нам обоим попадет.

— Чип, в карман.

Мальчик не взглянул на Рудика и скользнул в люк на другом краю площадки.

Теперь они спускались по разным вантам: Рудик старым путем, а Мальчик — к другому борту. Чем ниже, тем злее делался Рудик.

— Акробат недорезанный! — ругался он. — Башку свернешь, а мне отвечать, да?

— Сам не сверни, — откликнулся Мальчик.

Рудик с трех метров прыгнул на палубу и кинулся к другому борту, чтобы сцапать мальчишку. Но Мальчик увернулся.

— Душу выну, — сказал Рудик.

Мальчик убежал на нос и прыгнул на гладкое наклонное бревно бушприта.

Бушприт был толстый, не обхватить, и под ним натянута была предохранительная сеть. Но все-

таки Мальчик думал, что Рудик сюда не пойдет и можно будет дождаться Мартыныча.

Рудик пошел.

Мальчик, покачиваясь, побежал вперед. Бежал, пока под ногами не оказался нок бушприта — узкий, выкрашенный белым конец. Мальчик взялся за штаг — стальной трос, идущий к верхушке мачты, — и повернулся к Рудику лицом. Тот подходил осторожно и все-таки неотвратимо.

— Ну, все, — с удовольствием произнес он, когда был в трех шагах.

И тут, взявшись передними лапками за край кармашка, высунулся Чип.

— Убир-райся! — потребовал он. — Пр-рочь!

Рудик никогда не видел говорящих лягушат. Понятно, что он вздрогнул. А когда идешь по бушприту, вздрагивать не надо. Нога у него скользнула с гладкого ствола, Рудик замахал руками и полетел в сеть. Он даже зарычал, стараясь выбраться к форштевню и опередить мальчишку.

Но Мальчик не спешил на палубу. Ему надоела эта пустая игра. Злой задор его угас. Надо было уходить. Не убегать, не спасаться, а уйти, чтобы навсегда остаться победителем.

До воды было метров пять или шесть, но сейчас

эта высота казалась нестрашной по сравнению с высотой марсовой площадки. Мальчик щекой коснулся стального штага: прощай, баркентина. Потом ладошкой прикрыл карман с Чипом и прыгнул солдатиком.

— Жив? — спросил Мальчик у Чипа, когда выбрались на дамбу.

— Вот это пр-риключение! — затараторил Чип. От возбуждения он рассыпал свои «р-р», как горох по палубе. — Я думал, мы угр-робимся! Вот это тр-рюк! А как я его пер-репугал! Как он тр-рахнулся!

— Чип, а как ты узнал, что Рудик нас догоняет?

Чип немного смутился.

— Я смотр-рел. Я в кармане проковырял дыр-рочку. Кр-ро-шечную. Ты не сердишься?

— Не сержусь… Чип, я побегу домой. Надо высушить и выгладить одежду, пока не пришли мама с папой. Ведь что будет, если я им в таком виде покажусь…

— Стр-рах подумать, — согласился Чип.

— Они хотели купить сегодня торт к чаю. Все-таки день рожденья… Слушай, Чип… Я бы тебя пригласил, но ведь поднимется такой переполох. Да ты и не ешь торт.

— Я питаюсь комар-рами, — гордо сказал Чип.

Вечер оказался невеселым. Давно уже Мальчик высушил и выгладил свою праздничную одежду, а мама с папой все не приходили. Мальчик не знал, что они во всех магазинах ищут самый лучший торт, и ему было грустно.

И стало бы совсем плохо, если бы не подарок Чипа. Мальчик взял в ладони зеркальце. То зеркальце, в котором отражались когда-то южные звезды и айсберги, ураганные волны и стаи летучих рыб. Оно будто согревало ладони и нашептывало сказки.

Мальчик сел на подоконник. Сейчас в зеркальце отражалась улица. Булыжная мостовая с травинками среди камней, старые дома с высокими крышами, маленькая девочка со скакалкой и тополя с последними отблесками солнца на верхушках. Над тополями поднимались мачты баркентины. Завтра этих мачт уже не будет. Баркентину уведут в док, подремонтируют, а потом… Потом она уже не будет кораблем. Запах жареных котлет вытеснит из всех закоулков запахи моря и просмоленных канатов. Ну чем он мог ей помочь?

Солнце совсем ушло, только на маленькой тучке, легкой и белой, задержался его последний свет. Пониже тучки разгоралась Звезда. Та самая.

Посмотришь на улицу — Звезда чуть видна. Посмотришь в зеркальце — она там яркая-яркая. Видно, зеркальце и в самом деле «не пр-ростое».

Оттого, что было невесело, Мальчик вспомнил считалку. Она ведь помогала в трудные минуты. Нет, он ничего особенного не хотел, просто так он начал говорить эти слова:

Тучка — светлый парашют,
Очень я тебя прошу:
Прогони мою беду,
Позови мою Звезду.
Пусть она, как яркий лазер,
Луч пошлет…

В этот миг показалось ему, что Звезда стала еще ярче и разбросала по сторонам тонкие как струны лучи. Будто даже один луч ударился в зеркальце и со стеклянным звоном ушел в сторону. Но это уж точно показалось. Наверно, из-за того, что в коридоре весело затарахтел звонок. Пришли родители.

Торт, который они принесли, был размером почти со штурвал. Его украшал кремовый корабль с пушками, флагами и пузатыми парусами. А по краям торта мама воткнула одиннадцать тонких

свечек.

Электричество не включали, и когда свечки зажглись, на стены лег розовый свет.

— Дуй, — сказал папа. — Если погасишь все разом, сбудется любое желание.

Мальчик зажмурился и дунул.

Никто не знает, о чем он думал в тот миг. О баркентине, или о том, что хочет стать капитаном, или еще о чем-то. Он никому про это не говорил. Свечки погасли сразу.

Но когда Мальчик открыл глаза, розовый свет все равно дрожал на стенах.

Мальчик вздрогнул и повернулся к окну. Над тополями стояло зарево.

— Баркентина!

Мальчик толкнул плечом раму и прыгнул на улицу.

Баркентина горела. Бизань-мачта и грот-мачта рухнули в реку. С фок-мачты падали горящие реи. Пылали надстройки. Вдоль причала метался пожарный катер, захлестывая баркентину длинными шипучими струями. Но огонь упрямо перебирался на фальшборт.

Мальчик с разбегу врезался в толпу и увидел Рудика и Мартыныча. Рудик доказывал:

— Что вы, граждане, какие окурки? Какая печ-

ка? Никто не виноват! Она загорелась сверху! Вон ребята с сейнера могут подтвердить!

Мартыныч молчал. Мальчик подошел и взял его за руку.

— Долго я живу, а такого не видел, — тихо сказал Мартыныч. — Сначала вспыхнул бом-брам-рей на фок-мачте. Потом крюйс- и грот-стеньги. А потом огонь побежал по мачтам вниз.

В толпе говорили:

— Так от молнии загораются деревья. С верхушки и разом.

— Что вы, гражданин! Какая молния в такую погоду?

— В том-то и дело.

И никто-никто не мог подумать, что из дальней дали жгучая Звезда послала на Землю луч, чтобы спасти свою сестру.

Только Мальчик думал об этом. Но и он точно не знал, так это или нет…

Катер зашел с кормы и начал поливать надстройки на юте. И тут же, как спичка, вспыхнул бушприт…

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА, В КОТОРОЙ НИЧЕГО НЕ КОНЧАЕТСЯ

Потом наступила осень.

Буксир увел обгоревший корпус баркентины. Остался торчать на причале столб с оборванными проводами — тот, что поставил когда-то Рудик. Рыбаки с траулера «Вихрь» подняли со дна и положили к столбу якорь баркентины, который сорвался во время пожара. Мальчик синим карандашом написал на столбе название. Мартыныч уехал в деревню. На прощанье он сказал Мальчику:

— Не успел я найти тебе подарок. Но найду еще. Это точно.

Рудик поступил помощником на танкер.

Задувал норд-вест и приносил пасмурные облака. Трава на причале прижималась к земле, а река делалась серой.

Мальчик продолжал ходить на дамбу. Он был теперь в школьной форме, такой же серой, как вода и небо.

Чип вылезал из воды озябший и невеселый. Однажды он сказал:

— Все. Пора устраиваться до весны. Ох как скучно спать всю зиму. Хоть бы сны были интер-ресные.

Мальчик молчал. Что он мог сказать?

— Весной обязательно приходи, — сказал Чип.

— Конечно!

— Ну, пр-рощай…

«Почему только в сказках бывают чудеса? — думал Мальчик. — Только в сказках лягушки превращаются в принцесс и принцев? Вот если бы по правде так!»

И не надо никакого принца. Пусть бы превратился Чип в обыкновенного мальчишку. Ведь у него и характер мальчишечий, и кровь горячая, и мысли человеческие.

Один раз Мальчику даже приснилось такое чудо. Чип с размаху выпрыгнул из воды на дамбу и вдруг вспыхнул, будто кучка зеленого пороха. А из облачка белого дыма появился босоногий худенький мальчишка с капельками в волосах и желтым лепестком кувшинки, прилипшим к щеке. В ярко-зеленых шортиках и рубашке салатного цвета. У него было круглое лицо с большим веселым ртом и темные озорные глаза.

— Пр-равда, я похож? — спросил он знакомым голосом и засмеялся. На подбородке у него дрожа-

ла маленькая капля.

И так все было отчетливо — эта капля, длинная нитка водоросли, прицепившаяся к пуговице рубашки, и солнечные точки в глазах Чипа, что Мальчик и подумать не мог, будто это сон.

А когда проснулся, чуть не заплакал от досады. И тут же решил: надо что-то делать. Но что? Так просто это не придумаешь. Нужна была помощь.

И пока Чип в своей «квар-ртире» смотрел сны про коралловые острова и пальмы, Мальчик писал письма.

Он написал в Академию наук доктору Великанову, потом знакомому путешественнику-биологу Дворкину, который однажды выступал у них в пионерском лагере, и знаменитым писателям-фантастам братьям Саргацким.

И во всех письмах Мальчик спрашивал: нельзя ли маленького, но смелого и умного лягушонка (к тому же говорящего) превратить в обыкновенного мальчишку.

Биолог Дворкин ответил, что никогда о таких вещах не слышал. Из Академии наук пришел солидный пакет с большими печатями. Секретарь доктора Великанова сообщил, что интересующая Мальчика проблема сейчас как раз усиленно изучается и вопрос, возможно, будет решен в первом

квартале будущего года.

Братья Саргацкие прислали подробное письмо. Они утверждали, что задача не такая уж сложная. «В конце концов, — говорилось в их ответе, — встречаются ведь иногда существа, очень похожие на настоящих людей, а на самом деле они — большие глупые лягушки с холодной кровью. Кто-то их превратил. Почему же нельзя превратить в мальчика лягушонка, у которого смелое мальчишечье сердце? Нужно только знать соответствующее заклинание и вычислить вектор М-поля по формуле профессора Эжена дю Плодока».

Заклинание Мальчик знал. Это была все та же звездная считалка. А вектор он собирался вычислить в математическом кружке, в который специально записался. Оставалось только дождаться весны, когда проснется Чип.

Но в декабре случилось Неожиданное Событие.

Декабрь был снежный и теплый. Река не замерзла. Лишь изредка черная зимняя вода покрывалась игольчатым ледком, но его быстро ломали большие корабли.

Белые мохнатые шапки лежали на головах каменных львов, охранявших старую крепость, на подстриженных кустах и причальных тум-

бах. А на тротуарах там и тут попадались под ногами еловые веточки. Это означало, что скоро Новый год.

В один из таких дней Мальчик вернулся из школы и нашел в ящике для газет почтовое извещение. Вот какой там был адрес:

Южная улица, дом 7, квартира 3,

Мальчику, Который Знает Все Паруса.

Мальчик бросил в угол портфель и побежал на почту. Разумеется, он волновался. Никогда он не получал таких важных почтовых извещений. Даже обычные письма ему приходили всего два раза: писала их девочка, с которой он подружился в пионерском лагере. Два раза написала, а потом перестала.

На почте пахло сургучом и мандаринами. Строгая женщина в блестящих очках взяла у Мальчика извещение и долго его рассматривала.

— Странно, — произнесла она. — Почему здесь нет имени?

— Я не знаю, — обеспокоенно сказал Мальчик. — Но эта посылка именно мне. Честное слово!

— Сомнительно, — сухо возразила женщина. — Мало ли мальчиков увлекаются парусами.

— Одно дело увлекаться, а другое дело —

знать, — сказал Мальчик слегка обиженно. — Не каждый ведь знает, что такое летучий кливер, крюйс-брамсель или грот-брам-стеньги-стаксель…

Но тут же он испугался, что его сочтут хвастуном, и добавил почти виновато:

— А кроме того, в нашем доме, кроме меня, все равно нет никаких мальчиков.

— Тогда другое дело, — сказала женщина. — Распишись вот здесь.

А потом она дала Мальчику ящичек, обшитый серой парусиной.

В ящичке что-то постукивало. Словно кто-то маленький и живой хотел выбраться на волю, но не решался поднимать большой шум.

Мальчик шагал домой по набережной. Он шел быстро, но еще быстрей вырастало его любопытство. И он не выдержал. Смахнул с причальной тумбы снеговую шапку, сел и стал разламывать ногтями сургучные печати.

Потом вспомнил про ножик. Этот ножик ему подарила та самая девочка, которая потом писала письма. Острым лезвием распорол Мальчик материю и оторвал фанерную крышку.

В ящике было что-то непонятное, завернутое в газету. А сверху лежало письмо…

Из переулков и густых скверов уже ползли к реке сизые сумерки, но здесь, на берегу, светил фонарь.

Мальчик разорвал конверт и развернул лист. Письмо было от Мартыныча. Крупными аккуратными буквами старик писал про свою нынешнюю нехитрую жизнь. Писал, что живет в деревне, где над острыми крышами поднимается, как синие свечки, теплый дым, а во дворах спят под снежными шубами перевернутые рыбачьи баркасы. Рассказывал, что мастерит соседским ребятишкам ветряные мельницы и кораблики.

«…А самый лучший кораблик я сделал для тебя, Мальчик. Паруса я смастерил из тонкой блестящей жести. Мне принесли ее ребята, они делали из этой жести красивые фонарики и цепи для школьной елки. А корпус я выстругал из куска шпангоута нашей баркентины. Ты ее помнишь?..»

Пошел снег. Маленькие быстрые хлопья. Их тени пролетали по письму. Мальчик читал:

«Ты обрадуешь старика, если напишешь хотя бы маленькое письмо. Но, может быть, ты и не напишешь. Я не сержусь. Ведь у мальчиков так много дел, что бывает совсем не до писем. Глав-

ное то, что ты есть на свете. Я вспоминаю тебя, и мне хорошо. Живи, смейся и никогда ничего не бойся...»

Мальчик вынул сверток и сорвал газету.

Кораблик был — как сказка. Крутобокий, легкий, с узорами на высокой коричневой корме, с выпуклыми сверкающими парусами. Он оказался размером с голубя и был похож на птицу.

В общем-то все парусники похожи на птиц. Но этот был как настоящая живая птица, севшая Мальчику на ладонь.

— Здравствуй, — шепотом сказал ему Мальчик.

...Ящик и обрывки газеты он закинул в сугроб, письмо спрятал за пазуху, а кораблик так и понес в ладонях.

Через несколько шагов Мальчик спохватился, что оставил на тумбе ножик, и вернулся. Глядя на ножик, он вспомнил про девочку. И вдруг понял, что она не виновата. Он же сам виноват! Он ведь не написал ей, что переехал, и она не знает адреса. И Мальчик решил, что обязательно напишет ей.

«Но сначала, — сказал он себе, — я напишу Мартынычу».

Мальчик шел по набережной, все дальше ухо-

дя от одинокого фонаря. У него слегка озябли пальцы, но он крепко и бережно держал у груди кораблик.

Над берегом поднимались мачты. Там, где раньше стояла баркентина, теперь зимовали большой барк «Лисянский» и трехмачтовая шхуна «Секунда». Рядом с ними приткнулись к пирсу два рыбацких сейнера.

На мачтах и мостиках зажигались огни. Засветились иллюминаторы. Свет золотыми змейками побежал по черной воде.

Снег падал на палубы…

1970 г.

ЛЕТЧИК
ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ
Повесть

Глава 1

Весной Алешкины родители получили новую квартиру. Хорошую, на пятом этаже. Из окна виден был весь квартал с большими домами, а дальше старые домики в конце улицы. Улица называлась Планерная.

Раньше на этом месте был спортивный аэродром. Летом он зарастал полевой кашкой, подорожником и всякой травой, у которой никто не знает названия. На краю летного поля густо росла полынь. В полыни стоял грузовичок с мотолебедкой. Лебедка мотала на барабан тонкий трос и затягивала в небо разноцветные планеры. Так же, как мальчишки запускают на нитках воздушных змеев.

Про это Алешке рассказывали ребята, которые жили здесь раньше, в старых домах. А Валерка Яковлев рассказал совсем удивительную историю: будто однажды на аэродром приземлился настоящий самолет. Это был двухместный самолетик с оранжевыми крыльями, серебристым фюзеляжем и красными цифрами на борту. Видно, что-то случилось в моторе и надо было срочно опуститься, а летчик не знал, где удобнее сесть.

Он кружил, кружил над аэродромом. Тогда Валерка выбежал на поле, упал на траву и раскинул руки буквой «Т». Буква «Т» — это посадочный знак. Валерка показал, как самолету лучше зайти против ветра. Летчик посадил машину, покопался в моторе, а потом спросил:

— Хочешь, прокачу?

Валерка сказал, конечно, что хочет, и летчик посадил его в заднее кресло и сделал над полем три круга. Никто из ребят Валерке не верил, даже старожилы. Но Алешка верил. Ему нравилось верить всему интересному и хорошему.

Он потом часто вспоминал этот рассказ и потихоньку завидовал. А один раз Алешке даже приснилось что-то похожее. Не совсем похожее, но тоже самолет в поле. Над полем висела теплая ночь с большими звездами, и только у самого горизонта светилась закатная полоса. На ней черным рисунком выделялись головки и стебли высокой травы. Там стоял маленький самолет. И Алешка бежал к нему по пояс в траве, спешил и очень боялся, что самолет улетит без него.

Потом у Алешки сложились такие стихи:

Мне снилось, что ждет меня самолет
—

Ночной самолет без огней.
В кабине нервничает пилот,
Погасший окурок сердито жует
И хмурится все сильней.

И я тороплюсь, я бегу к самолету.
Скорее — в тревогу ночного полета.

Пилот говорит:
«Я чертовски спешу.
Садитесь скорей, полетим.
Наденьте, пожалуйста, ваш парашют:
Опасности будут в пути».
Какие?
Узнать я уже не успел,
Проснулся…
За окнами утренний город шумел,
И сон не вернулся…

Это были серьезные стихи, и Алешка записал их в толстую тетрадку. Он записывал туда все свои стихи, которые получались серьезными. Например, про собаку, как она потерялась и не могла найти хозяина, про мальчика, которого насильно учат играть на скрипке, а он хочет быть

не музыкантом, а путешественником.

Ну и разные другие.

Тетрадку Алешка никому не показывал. Стеснялся. И вообще это была его тайна. К тому же на одной из последних страниц написал он такие строчки:

Машка,
Ты — как ромашка в траве,
Добрая, веселая, славная.
Как хорошо, что на свете ты есть.
Это самое главное.

Понятно, что такое стихотворение не очень-то будешь показывать.

Но вообще Алешка не скрывал, что умеет сочинять стихи. Какие-нибудь смешные строчки для стенгазеты или считалку для игры в пряталки — это пожалуйста.

А один раз он сочинил стихи про принца. Про того принца, который из сказки «Золушка». Из-за этих стихов он поссорился с Олимпиадой Викторовной. Вот с этого случая и начинается история про путешествие с Зеленым билетом, про Алешку и Летчика и про многие удивительные дела.

Олимпиада Викторовна руководила детским

драмкружком. Драмкружок занимался в красном уголке домоуправления. Это называлось «работа с детьми по месту жительства». Олимпиада Викторовна была пенсионерка. А раньше она долго работала в театре. Костюмером. Она могла бы работать артисткой, но ей помешала одна беда: за всю жизнь Олимпиада Викторовна не научилась выговаривать букву «р». Вместо «р» у нее получалось что-то среднее между «в» и «у». Например, со слесарем дядей Юрой она разговаривала так:

— Безабуазие! Когда отвемонтивуют батауеи? В помещении уголка невозможно уаботать!

Дядя Юра, человек не робкий и даже нахальный, при таких словах съеживался и бормотал:

— Будет сделано. Сегодня же доложу управляющему. Сию секундочку.

А Олимпиада Викторовна, прямая, высокая и суровая, продолжала:

— Я не могу воспитывать в детях чувство пвекуасного, когда в помещении сывость! Мы соввем пвемьеву, и виноваты будете вы!

При последнем слове она устремляла вслед дяде Юре худой, отточенный, как карандаш, палец, словно хотела пронзить несчастного слесаря насквозь.

Драмкружок готовил к постановке пьесу «Зо-

лушка». Золушку играла Маша Березкина. Ну, та самая, про которую стихи. Они с Алешкой учились в одной школе: Алешка в пятом «В», а Маша — в пятом «А». Классы-то разные, и Алешка с ней познакомиться как следует в школе не мог. А во дворе Маша появлялась редко, потому что занималась еще музыкой и фигурным катанием.

И вот когда начались летние каникулы, Алешка узнал, что Маша записалась в драмкружок, и сразу тоже записался.

Он очень надеялся, что Олимпиада Викторовна даст ему роль принца. Дело в том, что принц в пьесе должен был сражаться на шпагах с разбойниками, которые хотели похитить Золушку. А как сражаться, Алешка знал. В той школе, где он учился раньше, была секция фехтования, и он там немного занимался (жаль, что пришлось уехать).

Но Олимпиада Викторовна сказала, что Алешка будет играть стражника у ворот королевского дворца. А принцем назначила совсем другого мальчишку. Он выше Алешки и старше, перешел уже в восьмой класс.

Этот принц почему-то всем нравился. Говорили, что у него «прекрасные актерские данные». Никаких таких данных Алешка не замечал. Зато когда принца одели в принцевский костюм,

Алешка увидел, что он чересчур худ и ноги у него слегка кривые. И шпагу носить он не умеет. Алешка ушел за кулисы и вполголоса сказал:

— Пуинц квивоногий... Шпага висит, как зонтик на торшере.

И тут он услышал смех. Это Маша смеялась. Оказывается, она рядом была. Она смеялась негромко, но весело. А потом взяла Алешку за локоть и хорошо так сказала:

— Ой, Алешка, да брось ты расстраиваться. Больно надо, из-за какого-то принца. Мне с ним полпьесы играть придется, а я и то ничего, терплю.

Алешка чуть не завопил от радости. Ну, он не завопил, конечно, а только заулыбался: все, мол, в порядке, я и не думаю огорчаться. И такой он был счастливый, что согласился идти с Олимпиадой Викторовной за старыми шляпами. Тут оказалось, что Маша тоже пойдет.

Шляпы нужны были для королевских гвардейцев, для придворных, для толстого кучера, которого волшебница сделала из крысы. Где наберешь столько шляп? Но Олимпиада Викторовна знала где. Она сообщила, что у нее есть хорошая знакомая («давняя подвуга»), которую зовут Софья Александровна. Раньше она тоже

работала костюмером, а теперь уже не работает. Но и раньше, и сейчас — всю жизнь — занята она важным делом: собирает шляпную коллекцию. Всяких шляп у нее больше тысячи. Коллекция такая знаменитая, что про нее писали даже в журнале «Театральный сезон». Иногда к Софье Александровне приезжают представители разных театров и студий, советуются с ней, просят для своих постановок шляпы. Советы Софья Александровна дает охотно, а шляпы не очень, потому что три года назад местный ТЮЗ потерял у нее испанскую треуголку.

— Но нас она, безусловно, вывучит, — сказала Олимпиада Викторовна (разумеется, она хотела сказать «выручит»). — Она нас вывучит, потому что мы ставые двузья.

И они отправились.

По дороге Олимпиада Викторовна рассказала Маше и Алешке, что живет Софья Александровна в Лопуховом переулке в старом домике на краю оврага. Много раз ей предлагали переехать в новую квартиру, но она не хочет. Боится, что при перевозке могут потеряться и попортиться шляпы. А кроме того, у Софьи Александровны живут четыре кота: Кузя, Батончик, Васька и Матадор. Софья Александровна в них души не чает. Она

очень боится, что новая квартира не понравится котам.

— Конечно, это может показаться смешным, — заметила Олимпиада Викторовна, — но мы должны быть снисходительны к людским слабостям.

При этих словах она почему-то строго взглянула на Алешку. Но он не обратил внимания. Он шагал, глядя на Машу, и думал, улыбаясь: «Машка-ромашка, а ты славная, это — главное...»

Был жаркий веселый июньский день, золотистые волосы Маши горели под солнцем, и она тоже была веселая. Шла вприпрыжку и гнала по асфальту блестящую пробку от лимонадной бутылки.

Глава 2

Домик стоял у самого откоса. Когда-то, в давние времена, он был неплох, но сейчас очень состарился и так глубоко ушел в почву, что стекла блестели у самой земли, узорчатые носы водосточных труб уткнулись в траву, а у двери вместо крыльца была выемка.

На стук вышла сухонькая остроносая старушка.

— Соничка! — воскликнула Олимпиада Викторовна и устремилась к хозяйке дома. — Как я уада!

Но Софья Александровна, кажется, не была рада. Она смотрела так горестно, что Олимпиада Викторовна споткнулась на полпути.

— Соничка, двуг мой! Что случилось?

— Ох, Липочка, — сказала Софья Александровна и всхлипнула. — Кузю украли…

— Не может быть!

Старушка развела руками.

— Не может быть, — решительно произнесла Олимпиада Викторовна. — Он где-нибудь гуляет, только и всего. Можно ли, Соня, так убиваться!

— Ах нет, он не гуляет! Он никогда этого не де-

лал. Он всегда приходил домой вечером, а сейчас его нет уже третий день. Я звонила в милицию, но они не хотят искать и, кажется, даже смеются.

— Какое бессеудечие, — сказала Олимпиада Викторовна. — Но, Соня… Надо ли так мучить себя? Ведь у тебя еще тви кота. Пвекуасные экземплявы.

Софья Александровна слабо отмахнулась:

— Ах, эти экземпляры… Они все время дерутся… Конечно, я их очень люблю, но Кузя лучше всех. Такой ласковый, такой милый… Впрочем, входите, пожалуйста, — спохватилась она. — Что же это я…

В большой низкой комнате пахло нафталином, сыростью и кошками. В маленькие окна косо падало солнце и отражалось от желтого пола. Тускло поблескивали запылившаяся хрустальная люстра под потолком и серебряные ложечки в старинном буфете.

— Садитесь, пожалуйста, — вздохнула Софья Александровна.

Но садиться было некуда. На стульях и в креслах лежали шляпы. И вообще шляпы были везде: выглядывали с полок, висели на гвоздях, громоздились на шкафах, пирамидой вздымались на старом пузатом комоде. Высоченные шелко-

вые цилиндры, треуголки суворовских времен, соломенные канотье, мексиканские сомбреро, тирольские шляпчонки с фазаньими перьями, мушкетерские шляпы с плюмажами.

— С ума сойти, — шепотом сказала Маша.

— У нее здесь, наверно, даже шапка-невидимка есть, — тихонько откликнулся Алешка.

Олимпиада Викторовна подтолкнула Машу и Алешку вперед:

— Вот, Соничка, два моих юных таланта. Мы к тебе по делу…

«Таланты! — сердито подумал Алешка. — Принц у тебя талант, а я нужен, только чтобы шляпы таскать». Но вслух, конечно, ничего не сказал. Стоял и оглядывался.

Кроме шляп в комнате были и другие интересные вещи: бронзовый подсвечник с синими стеклянными подвесками, старинный граммофон с огромной трубой-репродуктором, треснувшая фарфоровая статуэтка — разноцветный гном, который наполовину вылупился из яйца, похожего на гусиное.

Статуэтка стояла на комоде, рядом с грудой шляп, среди каких-то лоскутков и пожелтевших кружев. Алешка шагнул поближе, чтобы как следует разглядеть гнома.

И неожиданно он увидел за шляпами угол стеклянного ящика. Вроде как аквариум.

«Неужели здесь рыбы живут, в такой темноте?» — подумал Алешка. Он осторожно отодвинул серую ковбойскую шляпу, чтобы разглядеть аквариум. И тут вся шляпная пирамида развалилась и посыпалась на пол.

Но Алешка был не виноват! Из-под шляп выскочил встрепанный рыжий кот. Он скачками перелетел комнату и катапультировал в окно.

— Батончик! — заохала Софья Александровна. — Что с тобой? Ох, батюшки, нет мне с вами покоя.

Алешка и Маша бросились подбирать шляпы.

— Ничего, ничего, — приговаривала Софья Александровна. — Батончик, безобразник, развалил… Какие славные дети… Вот сюда эту шляпку, мальчик…

А на комоде, освобожденный из плена цилиндров, котелков и треуголок, блестел стеклянный ящик. Это был не аквариум. Это был прозрачный футляр, и в нем на бронзовых подставках стоял парусный корабль. Маленький, размером с ковбойскую шляпу, но совершенно как настоящий.

Алешка грудью лег на комод и позабыл про все на свете.

Не думайте, что Алешка мечтал стать капитаном или путешественником. Нет, у него была другая мечта. Но море Алешка любил. В прошлом году он побывал в Крыму и не мог забыть с той поры синие горизонты, набег зеленоватых волн и громадные форштевни пароходов над пирсами. Ну а еще он любил, конечно, книжки про пиратов, про приключения и парусные корабли. И, глянув на модель, Алешка сразу понял, что это клипер: у корабля был длинный бушприт над острым носом, три высокие мачты с прямыми парусами, узкий стремительный корпус. Он блестел ореховым лаком бортов и тонкой медной обшивкой днища.

От бортов к площадкам на мачтах бежали тугие плетеные лесенки (Алешка знал, что они называются «ванты»). Крошечные якоря свисали с кран-балок, и каждая балка была толщиной со спичку. Точеный штурвал размером с гривенник прикреплен был на рулевой колонке перед штурманской рубкой.

— Ой, какой замечательный! — горячим шепотом, у самой Алешкиной щеки, сказала Маша. Алешка и не заметил, как она подошла.

— Это клипер-фрегат, — тоже шепотом сказал Алешка. Он был рад, что Маше понравился ко-

раблик.

Маша наклонилась так близко, что волосы ее защекотали Алешкино ухо. И сказала тихонько:

— Я, когда была маленькая, хотела стать моряком.

— А сейчас?

— Ну, сейчас… Я понимаю, что девочек не берут.

— Иногда берут. Я кино смотрел про это… И в журнале читал про женщину-капитана.

— Я знаю… — Маша вздохнула. — Но это трудно. Я, может быть, постараюсь… А тогда ведь я не знала, что это трудно, маленькая была.

Алешка улыбнулся:

— А сейчас?

— Что сейчас? — удивилась Маша.

— Сейчас ты, что ли, совсем большая?

— Ну, все-таки… Не в детском же садике. А тогда я ничего не понимала. Думала, что для моряка самое главное — матросский воротник. Прямо каждый день ревела, у мамы платье с таким воротником просила. Добилась все-таки…

Алешка сказал чуть задумчиво:

— А у меня и сейчас есть матросский костюм. Мама купила, когда мы на юг ездили. Воротник большой такой, будто синий флаг. Как захлопает

по ветру, кажется — будто крылья. Даже летать хочется… Он легонький, этот костюм, и белый, как парус.

Они целую минуту молча смотрели на тонкие батистовые паруса клипера. Марсели, брамсели, кливера висели плоско и неподвижно.

— Ветер им нужен, — сказал Алешка.

— Конечно, — шепотом согласилась Маша. — И вообще я не понимаю. Он же корабль, а не шляпа. Как он здесь оказался?

Софья Александровна и Олимпиада Викторовна говорили о своих делах, перебивали друг друга:

— Ах, Соничка, ты должна понять: тебе необходима новая кваутива.

— Нет-нет, Липа, я не могу, я привыкла…

Алешка собрал всю свою вежливость, дождался передышки в разговоре и громко сказал:

— Софья Александровна, извините, пожалуйста. Не могли бы вы рассказать, откуда у вас эта модель?

Софья Александровна всплеснула ручками («Ах, какой славный мальчик!») и торопливо заговорила:

— Да-да, это интересная вещь. Правда, у меня она случайно. Много лет назад здесь жил квартирант, старичок, он ее и сделал. Потом он умер, а

кораблик остался у меня. Очень милая вещица, хотя я в этом, конечно, не разбираюсь. Телестудия хотела купить ее для каких-то съемок, но зачем мне деньги? Я предлагала поменять на два кивера наполеоновских гусар. Они согласились, но кивера оказались ненастоящие, сплошная подделка…

Скоро гости попрощались с хозяйкой. Алешке дали высокую стопку шляп. Шляпы были рыжие от старости и едко пахли нафталином. Хотелось чихать.

— Ну, Соничка, нам поуа. Не печалься из-за Кузи, будь умницей…

— Ах, Липа…

Алешка вышел последним.

— Мальчик, — негромко позвала Софья Александровна.

Алешка медленно развернулся на месте и выглянул из-за шляп.

— Мальчик… По-моему, ты очень славный и добрый. Я тебя хочу попросить. Если ты увидишь серого кота с белой шейкой и розовой царапиной на ухе, постарайся, пожалуйста, его поймать и принеси сюда… Конечно, это, может быть, кажется смешным, но я к нему так привыкла!

Алешка не считал себя славным и добрым. У него даже в пятках покалывало от досады и

неловкости, когда про него говорили такие слова. Но ему стало жаль Софью Александровну. Что поделаешь, если для нее глупый кот Кузя — самый дорогой и любимый. И Алешка сказал:

— Ну что вы, это нисколечко не смешно. У меня в прошлом году щенок Джульбарс потерялся, так я целый день ревел. Я постараюсь. Если увижу вашего Кузю, обязательно притащу.

Про щенка он придумал. Кроме того, глупо было бы всерьез сравнивать щенка с каким-то мяукающим Кузей. Но Алешке хотелось утешить человека.

В тот день была репетиция. Каждому гвардейцу и придворному досталась шляпа. И Алешке. Большая, с широкими полями и густыми перьями. Как у мушкетера. Но из этой шляпы выпал таракан и угодил Алешке за шиворот. Алешка чуть не заорал, потому что, по правде говоря, до чертиков боялся всякой мелкой нечисти.

Этот случай испортил Алешке настроение. А еще больше настроение испортилось, когда Олимпиада Викторовна решила репетировать последнюю сцену. В этой сцене принц находит Золушку. Ну и начинает за ней, конечно, ухаживать. Чуть ли не целоваться лезет.

Прежде чем начать сцену, Олимпиада Викто-

ровна предложила принцу снять берет и надеть шляпу с белыми перьями.

— По-моему, это будет очень изящно: чевный костюм и севая шляпа из мягкого фетва с севебвом.

— Из чего шляпа? — шепотом спросил Алешка у Маши.

— Из фетра. Почти все шляпы делаются из фетра.

— Ага…

Началась репетиция. Принц падал перед Машей на колено, примерял ей туфельку и объяснялся в любви. Олимпиада Викторовна была недовольна:

— Нет-нет! Это все не то. Мало чувства. Надо говоуить туогательно, очень туогательно, а у тебя выходит как-то легкомысленно. Получается, что у пуинца в голове ветев.

И тут Алешка довольно громко сказал:

В голове
Под шляпою из фетра
Очень много пустоты и ветра.
Свищут там
Норд-осты и зюйд-весты,
Для ума там не осталось места.

Наступила неприятная тишина. Олимпиада Викторовна медленно обернулась и сурово глянула на дерзкого нарушителя творческой дисциплины.

— У тебя оч-чень злой язык. Оч-чень. Ты мешаешь работать. Выйди, пожалуйста, ты не занят в этой сцене.

Алешка ушел за кулисы, сел на фанерный королевский трон, взял забытую кем-то из артистов рапиру и стал чертить на пыльном полу слово «Маша».

Репетиция кончилась.

Принц и Золушка появились за кулисами. Оба сердитые.

— Ничего не получается, — сказала Маша.

— Конечно! Из-за таких вот «поэтов», — огрызнулся принц и мотнул белыми перьями в сторону Алешки. — Стихоплет недорезанный. Лезет под руку…

— Ты полегче, — сказал Алешка.

— А ты не указывай, — гордо возразил принц. — Раньше за такое стихоплетство человека прикалывали к стенке, как жука в коллекции.

— Ты меня на дуэль, что ли, хочешь вызвать? — спросил Алешка и обрадовался в душе.

— Был бы ты не трус, вызвал бы.

— Я трус?! — Алешка вскочил.

— Мальчики, вы с ума сошли, — как и полагается в таких случаях, сказала Маша.

Принц изящным движением отстегнул и бросил на пол плащ. Вынул шпагу.

Алешка уперся рапирой в пол и слегка согнул клинок.

Принц бросился в атаку. Алешка закрылся от выпада и ответным ударом сбил перо со шляпы принца. Маша на всякий случай ойкнула. Принц отскочил на два шага. Потом красиво изготовился для нападения и опять ринулся в бой. Алешка сделал шаг влево, пропустил принца под клинком, развернулся и вытянул противника по худому бархатному заду. Принц взвыл, отшвырнул шпагу и ринулся к Алешке с кулаками.

В этот момент возникла Олимпиада Викторовна.

— Что здесь пвоисходит? — грозно произнесла она.

— А чего он лезет! — хнычущим голосом заявил бессовестный принц. — Размахался тут своей шпагой.

Олимпиада Викторовна с шипением вобрала в себя воздух и сказала:

— Вон!

Она устремила на дверь отточенный палец.

— Ну и пожалуйста, — сказал Алешка.

Маша догнала Алешку во дворе, и они тихонько пошли рядом.

— Я так растерялась, — сказала Маша. — Даже не успела объяснить ей, что ты не виноват.

— Да вот еще! Больно надо объяснять! — весело откликнулся Алешка.

Он был рад, что Маша идет рядом и жалеет его. Но он не хотел, чтобы очень жалела.

— Что я, не проживу без этого кружка?

— Мне там тоже не нравится, — сказала Маша. — Да и времени не хватает. У меня ведь еще музыка, гимнастика, английский язык. Но что делать? Если я уйду, не состоится премьера. Нельзя же срывать мероприятие.

— Конечно, нельзя!

Маша помолчала, вздохнула и спросила тихонько:

— А ты, значит, нисколько не жалеешь, что ушел из кружка?

И Алешка, покраснев и задохнувшись от собственной смелости, вдруг выговорил:

— Жалею. Немножко… Потому что теперь буду редко тебя видеть…

После этого он не посмел взглянуть на Машу

и стал разглядывать свои сандалии. Он так и не понял, улыбнулась Маша или нахмурилась. Наверно, улыбнулась.

Она сказала:

— У меня через три дня день рождения. Придешь? В три часа.

— Приду, конечно! — обрадованно брякнул Алешка. И тут же испугался: — Только… Кто еще придет?

— Ой, да совсем немного народу будет! Две девочки из нашего класса, мой двоюродный братишка-первоклассник да Андрейка Лапников. Ты его не знаешь, мы вместе в музыкальной школе учимся. Он смешной такой, толстый немножко, но зато на скрипке лучше всех играет. А то у нас магнитофон сломался. Он играть будет, а мы танцевать.

— Я не умею.

— А никто не умеет. Каждый будет как получится.

Алешка спросил хмуро и нерешительно:

— А этот… принц? Он, что ли, тоже придет?

— Да ну его, — сказала Маша.

Глава 3

Алешкин отец был археолог. Он второй месяц жил в пустыне и раскапывал старинный город. Иногда он присылал письма, в которых рассказывал про удивительные находки. Алешка и мама очень радовались этим письмам.

Когда Алешка пришел домой и увидел, что мама чем-то обрадована, он сразу спросил:

— Письмо от папы?

Но мама сказала:

— Нет, у меня другая новость. Завод посылает меня в Ленинград, в командировку на десять дней. Я решила взять тебя с собой!

Мама удивилась, что Алешка не заорал «ура» и не запрыгал от радости.

— Ты не рад?

Разные бывают мальчишки. Кое-кто на Алешкином месте стал бы изворачиваться и придумывать отговорки. А другие решили бы, что никакая девчонка не стоит того, чтобы отказываться от поездки в Ленинград. Но Алеша сказал:

— Понимаешь, мама, есть одна девочка. Через три дня у нее день рождения. Она меня позвала в гости.

Мамы тоже бывают разные. Алешкина мама не обиделась и не рассердилась.

— Ну что ж… Придется опять просить тетю Дашу, чтобы присмотрела за тобой.

Тетя Даша жила в соседней квартире. Она была на пенсии. Когда Алешку приходилось оставлять одного на несколько дней, родители просили тетю Дашу «присмотреть». Она охотно соглашалась. Алешка тоже соглашался, хотя про себя считал, что все это зря — он сам не маленький.

К вечеру мама собралась на вокзал. Конечно, она дала Алешке множество советов и указаний, как жить самостоятельно. Последний совет был такой:

— Когда пойдешь на день рождения, постарайся выглядеть прилично.

— Это как?

— Сходи в парикмахерскую, постриги свои космы. Вымой как следует шею. Оденься как полагается.

— А как полагается? — озабоченно спросил Алешка. До сих пор он об этом не думал. А в самом деле, что надеть? Школьная форма — слишком скучный костюм для праздника, да и досталось ей за год — пузыри на коленях, дырка на локте. В любимых потрепанных джинсах и спортивной

рубахе тоже не пойдешь — это не футбол во дворе гонять.

— Надень матросский костюм.

— М-м… — с сомнением сказал Алешка.

— А что?

— Ну… я в нем выгляжу моложе своих лет.

Мама засмеялась, поцеловала Алешку и уехала.

А он задумался.

Вот ведь как осложняется жизнь, когда тебя зовут на день рождения. Надо думать о «парадной» одежде. Надо (Алешка вспомнил!) заботиться о подарке. Ну, подарок — это ладно. Можно подарить, например, четырехцветную авторучку. Можно, в конце концов, отдать свой самодельный пистолет с резинкой, который стреляет проволочными пульками, — он с виду почти как маузер. А как быть с костюмом?

Когда первый раз идешь в гости к девочке, в которую ты… ну, в общем, которая тебе нравится, хочется выглядеть солидно и мужественно. А матросский костюмчик, пожалуй, слишком детский… Однако он все-таки самый красивый у Алешки. Вот и решай тут.

Чтобы не решать вслепую, Алешка отыскал в шкафу среди одежды плечики, на которых с про-

шлого года висела матроска и короткие штаны с голубым узким ремешком. Переоделся и встал перед зеркалом…

Вот от таких пустяков зависит сказка. Если бы мама не сказала Алешке самые обычные слова — «постарайся выглядеть прилично», он бы и не встревожился в этот вечер. И, как все нормальные мальчишки, носился бы сейчас во дворе, а не вертелся бы перед зеркалом. Не разглядывал бы матроску. И не заметил бы, что медный якорек на рукаве слегка оторвался. И не стал бы его рассматривать внимательно. И не вспомнил бы вдруг, что почти такие же якоря были у модели клипера. Не вспомнил бы про кораблик!

Но он вспомнил.

Если бы это было ярким днем, среди шума, игры или спешных дел, ничего бы и не случилось. Но был вечер, по радио передавали печальную музыку (да к тому же мама уехала на целых десять дней), и, наверно, поэтому воспоминание о клипере тоже было печальным. «Костюмные» заботы перестали беспокоить Алешку. Он выключил свет, забрался на диван и стал думать о кораблике. Как он стоит в сумерках в углу на комоде, среди пыльных шляпок. Софья Александровна, конечно, сидит у окна и вздыхает о пропавшем

Кузе, а под обоями шелестят тараканы. И никому дела нет до того, что маленький, но почти настоящий клипер тоскует о море.

Это было неправильно. Несправедливо!

Разве для этого строил старый моряк свой клипер-фрегат? Для пыльного комода?

В комнате стоял полумрак, а окошко было светлым, и в нем виднелись черные телевизионные антенны соседних домов. Антенны были немного похожи на мачты клиперов. За одну из них зацепился маленький месяц.

Алешка думал о кораблях, о мастере, и постепенно у него складывались стихи: «Жил-был где-то мастер-корабельщик… Строил удивительные вещи…»

Это сначала. А потом получилось вот что:

Жил-был старый корабельный мастер,
Молчаливый, трубкою дымящий.
И однажды сделал он кораблик —
Крошечный, но будто настоящий.

Был фрегат отделан, словно чудо, —
От бизани до бушпритной сетки…
Но усталый старый мастер умер,
И корабль остался у соседки.

Так Алешка начал свою «Песню о клипере». Он удивился, как легко нашлись нужные слова:

Среди шляпок, старых и затасканных,
Пыльных перьев и гнилого фетра,
Как он жил там — парусная сказка,
Чайный клипер, сын морей и ветра?..

У Алешки даже в горле заскребло, когда он сам себе прошептал эти строчки.

В самом деле, «как он жил там»? Разве место кораблю среди побитой молью рухляди? Ему стоять бы в капитанской каюте, у иллюминатора, за которым — все моря и страны. Или в квартире у старого моряка, где на стенах карты, штурвалы и пестрые индейские маски. Или на столе у писателя, который пишет о путешествиях. Или в комнате у мальчишки, который очень хочет стать капитаном. Даже не обязательно у мальчишки. Многие девчонки тоже любят приключения. Вот и Маша мечтала стать моряком. Да и сейчас мечтает, наверно.

Конечно, мечтает!

Вот бы ей такой кораблик…

Вот бы ей *этот* кораблик!

Алешка даже задрожал от волнения, такая это была мысль.

Конечно, клипер — самый лучший подарок для Маши! В самом деле, зачем ей четырехцветная авторучка или самодельный пистолет? А парусник — это как сказка.

Только сказка-то — чужая.

«Зачем клипер старушке? — с досадой думал Алешка. — Она на него внимания не обращает. Говорит: случайная вещь. Подумать только: для нее этот клипер — случайная вещь!»

Теперь Алешка ни о чем другом не мог уже думать. Потому что получалась ужасная несправедливость: чудесный кораблик стоял никому там не нужный, а самая лучшая на свете девчонка не могла получить его в подарок.

А как бы она была счастлива! Алешка представил сияющие Машины глаза и будто услыхал ее слова: «Ой, Алешка! Ой, какое чудо!»

Он даже завертелся на диване от всех этих мыслей.

А что делать? Может быть, пойти к Софье Александровне и попросить, чтобы продала кораблик? Но старинная модель — не авторучка, а у Алешки всего пять рублей.

Может быть, лучше всего по-честному объяснить ей? Вдруг она поймет и подарит клипер?

Алешка вздохнул. Нет, не решится он на такой

разговор. И не сумеет ничего рассказать. Он и себе-то не может как следует объяснить, почему Маша — самая хорошая. И почему ей обязательно нужен кораблик. Он просто это чувствует.

Да и станет ли слушать Алешку Софья Александровна? Ведь у нее на уме одни коты да шляпы.

Шляпы…

Шляпы!

Алешка подскочил так, что пружины дивана взвизгнули и долго потом звенели. Он вспомнил!

В том доме, где Алешка раньше жил, живет и сейчас знакомый мальчишка — Владик Васильков. Он два года назад приехал из старинного города Таллина. В этом городе множество домов с высокими печными трубами. А там, где трубы, не обойтись без трубочистов. Трубочисты в Таллине — знаменитые люди. И шляпы у них тоже знаменитые — высокие черные цилиндры. Владька рассказывал, что у него есть такой цилиндр. Будто бы ему, Владьке, отдал эту шляпу знакомый трубочист. Владька Васильков — человек сговорчивый. Он, пожалуй, согласится променять шляпу на четыре марки с африканскими рыбами и хороший ножик с пятью лезвиями и отверткой.

У Софьи Александровны полно всяких шляп, но такого цилиндра Алешка не заметил. Наверно, его в коллекции нет. Завтра же, рано утром, Алешка помчится добывать эту драгоценную шляпу. А потом придет к Софье Александровне и очень вежливо скажет: «Извините, пожалуйста. У вас есть кораблик, он вам совсем не нужен. А у меня есть редкая шляпа, она мне тоже не нужна. Вас интересуют шляпы, а меня — модели. Давайте поменяемся. От этого только польза будет...»

Конечно, тут надо набраться смелости, потому что это не с мальчишками меняться. Но Алешка наберется. Ради Маши. И ради того, чтобы вызволить клипер из плена. Он должен спасти корабль!

С такой мыслью Алешка заснул.

А ночью ударила гроза. Алешка проснулся, но не от грома и вспышек, а от холодных брызг. Их занес в окошко ветер. Парусом вздувалась штора.

Алешка подскочил к окну, чтобы захлопнуть его, но тут вдруг так сверкнуло и трахнуло, что он замер. Не от испуга, а от красоты.

При голубой вспышке он увидел, как хлещет ливень и мчатся по асфальту потоки, белые от пены. Казалось, что началось наводнение. Еще

раз блеснула молния, и тополя словно зажглись изнутри зеленым светом. Ветер и потоки ревели и трубили. Была в грозе такая удаль и такая сила, что Алешке не захотелось закрывать окно. Пусть надувается штора, пусть качается лампа у потолка, пусть в шкафу звенят с перепугу тонкие стаканы. Он только взял с вешалки старый мамин плащ и укрылся им на диване, чтобы колючие брызги не сыпались на руки и ноги.

Молнии загорались часто, и потолок от них делался голубым. Хлестала и бурлила за окном вода.

«Загудели влажные зюйд-весты,—

подумал Алешка, —

Водяной стеною ливень рухнул...»

И он уснул под шум воды.

Глава 4

Утро было солнечное и влажное. На асфальте блестели лужи и валялись ветки кленов, обломанные грозой. Налетал ветерок. И когда Алешка вышел из подъезда, синий воротник у него за спиной встрепенулся и захлопал, как праздничный флаг. Алешке стало весело и показалось, что сегодня обязательно случится необыкновенное.

Алешка зашагал к Владику Василькову за шляпой трубочиста.

Но бывают события, из-за которых летят вверх ногами все планы. Алешка прошагал два квартала и услышал мяуканье. Сиплое и протяжное. На большом тополе, почти у верхушки, сидел серый кот. Он был мокрый и поэтому казался очень тощим и несчастным. Наверно, злые собаки загнали кота на дерево еще вчера и бедняга сидел там всю ночь под грозой и ливнем. Забрался с перепугу, а слезть боится.

Алешка прищурился и разглядел на кошачьем ухе здоровенную розовую царапину. Он чуть не взвизгнул от радости: «Кузя!» Теперь, пожалуй, не нужен был цилиндр трубочиста. Получив ненаглядного Кузю, Софья Александровна обяза-

тельно захочет наградить спасителя. А она ведь видела, как Алешка не мог оторваться от клипера. И что, в самом деле, для нее этот клипер по сравнению с Кузей?

Не надо думать про Алешку плохо. Если бы не было никакого кораблика, он бы, конечно, все равно не прошел мимо несчастного кота. Но сейчас Алешка особенно старался и спешил. Он скинул сандалии и с разбегу атаковал мокрый ствол тополя. Подъем начался хорошо. Ствол был наклонный, шероховатый, и Алешка легко добрался до половины тополя. Правда, колени ободрал, а матроска на животе промокла и помялась, но это была чепуха.

Потом ствол разветвился, и до Кузи пришлось ползти по скользким сучьям. Алешка дополз. Хотел аккуратно взять Кузю. Глупый кот зажмурился и протяжно завопил. Когтями он намертво вцепился в кору. Делать нечего. Алешка ухватил Кузю за шиворот и стал отдирать от коры. Кузя отодрался, но тут же вцепился в Алешкино плечо. Алешка тихо взвыл и скатился с тополя почти кубарем.

Внизу ждали болельщики.

— Геройский парнишка, — сказал высокий дядька с усами.

— Намучился котик-то, — вздохнула тетушка в цветастой кофте. — И хозяев, поди, нет у бедняжки?

«Бедняжка», почуяв близость земли, ослабил когти, но все еще сидел, зажмурившись и прижав уши.

— Знаю я хозяйку, — буркнул Алешка, нащупывая ногами сандалии. Исцарапанное плечо и колени болели.

«Ладно, — подумал он. — Зато есть доказательства, что я эту скотину с большим трудом достал, даже с риском».

И, шлепая незастегнутыми сандалиями, Алешка потащил Кузю к домику Софьи Александровны.

Домик был пуст. Стекла оказались выбиты, дверь перекошена, труба над крышей рассыпалась. Углы совсем скособочились, из щелей в мокрых стенах торчала пакля.

Ничего не понимая, Алешка заглянул внутрь. В опустевших комнатах стояла темная вода. В ней плавали обрывки бумаги и трехногий стул.

Алешка прижал к груди обмякшего от переживаний Кузю и стал обходить домик со всех сторон.

Видно было, что ночной ливень бушевал здесь

вовсю. Потоки подмыли землю и сдвинули домик к оврагу. На склоне оврага, там, где вода ночью устремлялась вниз, вырваны были напрочь кустарники.

У самого обрыва на перевернутом ведре сидела девочка лет восьми с прямыми длинными волосами пшеничного цвета. Она держала на коленях лупоглазую куклу и тихонько пела странную песню:

Вырастет за городом
Лес-трава.
Ты в лесу не бойся
Ни волка, ни льва.
Только серой мыши
Бойся иногда.
С серой мышью в сказку
Приходит беда…

— Послушай, — окликнул Алешка. — Что тут случилось? Где Софья Александровна?

Девочка подняла на Алешку прозрачные глаза.

— Что случилось? — повторила она певучим голоском. — Дом водой подмыло, дождем затопило. Беды понаделало — ой-ей-ей… А Софью Александровну на новую квартиру племянник увез. Он ее

давно звал, да все сговорить не мог. А теперь-то уж и сговаривать не пришлось. Рано утречком приехал на машине, погрузил все добро, да и поехали. Дом-то скоро в овраг сползет…

От нехорошего предчувствия у Алешки засосало под сердцем.

— А имущество? — спросил он. — Ничего не пострадало?

Девочка вздохнула:

— Ну как не пострадало!.. Тумбочку водой унесло, две испанские шляпы. Да еще кораблик маленький. Хороший такой. Ящик стеклянный от него остался, а самого нет.

«Так я и знал!» — с отчаянием подумал Алешка.

А девочка продолжала:

— Софья Александровна так переживала из-за шляп. И кораблик жалела. Тумбочку нисколечко не жалела, а кораблик — очень. Говорит: «Лучше бы я его тому мальчику подарила».

От удивления Алешка опустил руки, и Кузя шмякнулся на землю. Алешка машинально подхватил его опять.

— Ой, да это Кузенька! — обрадовалась девочка. — Я и не узнала. Нашелся, мой хорошенький. Давай, мальчик, я его Софье Александровне отне-

су. Вот обрадуется!

Она встала, положила куклу на ведро, выпрямилась. Маленькая такая, тонкая, в синем выгоревшем платьице с белыми кружочками. И Алешке вдруг показалось, будто он видел ее где-то уже, только вспомнить не может. Он протянул девочке кота, и Кузя замурлыкал у нее на руках.

— А какому мальчику она хотела подарить кораблик? — спросил Алешка, чуть не плача от огорчения.

— Тому, который у нее вчера был. Какому же еще? Других она не знает.

— Вот что, — сказал Алешка, — спущусь-ка я в овраг. Может, кораблик в кустах застрял. Не мог он далеко уплыть.

Он ступил на край обрыва и взялся за куст.

Девочка торопливо остановила:

— И не думай. Только в глине перемажешься да обдерешься. И ничего там нет. Софьи Александровнин племянник туда в резиновых сапогах лазил, шляпы искал да все остальное. И ничегошеньки. Ручьем унесло.

— А вдруг найду…

— Что уплыло, не догонишь, — возразила девочка тихо, но так уверенно, что Алешка остановился.

— Почему?

— А вот потому…

«Ну ее, — подумал Алешка. — Спущусь, поищу».

— Постой, Алеша, — сказала девочка.

Он удивился:

— Ты разве меня знаешь?

— Немножко, — хитровато ответила она.

Непонятно все это было. И почувствовал Алешка беспокойство и надежду. Он подошел к девочке:

— Послушай… А может, знаешь ты, где кораблик искать?

— Не-а, — откликнулась она. Поглядела на Алешку серьезно, подумала и вдруг сказала: — Не знаю. А узнать помогу.

Алешка усмехнулся:

— Ты что, колдунья?

— Маленько, — сказала девочка без улыбки.

Алешка сказал слегка насмешливо:

— Ну, давай.

— Ты иди на угол Первомайской и Садовой. Там есть справочное бюро…

— Там есть сапожная будка. И больше ничего, — перебил Алешка. — Не дури мне мозги.

Девочка не рассердилась и не обиделась.

— Ты послушай. Это смотря для кого. Для одних — сапожная будка, для других — справочное бюро. Работает в нем старичок. Он знает все-все на свете.

— А ты откуда знаешь про старичка?

— Это же мой дедушка.

— Он, конечно, тоже колдун? — спросил Алешка не без ехидства.

— Конечно, — строго сказала девочка. — Только он не любит, когда к нему лезут с вопросами. Надо знаешь как спрашивать? Придешь в будку, постоишь просто так, а потом говори, будто сам с собой. Ну, например: «Интересно, где бы мне раздобыть ковер-самолет?» Если у дедушки хорошее настроение, он ответит.

— А если плохое?

— Ты не бойся. У него сегодня хорошее.

— Интересно… — сказал Алешка. — А с чего это вдруг ты взялась мне помогать?

У девочки порозовели кончики ушей, но смотрела она все так же прямо и серьезно.

— Потому что ты красивый и смелый, — тихо сказала она.

— Я?! — обалдело переспросил Алешка.

— Конечно. Даже не побоялся на такую высотищу за Кузей лезть. Вон, исцарапался весь, а

все равно…

— Да ну тебя, — пробормотал Алешка. — Я с тобой по-хорошему, а ты дразнишься.

— Не-а, — сказала девочка. Прижала Кузю к ситцевому платьицу и убежала.

«Смелый — это еще туда-сюда, — думал Алешка. — Но красивый… Надо же выдумать такое!» Потом он вспомнил правдивые глаза девочки и поверил. Не тому, конечно, что он красивый, а рассказу про справочное бюро и дедушку. И решил: «Попробую».

Будка была низенькая, сколоченная из облезлой фанеры. Легонькая. Даже удивительно, что ее не смахнула с места ночная гроза. Дверца оказалась открыта, и Алешка вошел.

В углу, отгородившись широкой доской, как прилавком, сидел сухощавый старичок в черном берете с хвостиком. На круглом носу — очки, на щеках — седая щетина. Перед старичком на тонкой железной «лапе» висел ботинок. Старичок тюкал по ботинку молотком и тихо бормотал.

— Здрасте… — робко сказал Алешка.

Старичок не откликнулся.

«Ну и ладно», — подумал Алешка обиженно и стал оглядываться. Внутри будки все было обыкновенно: полки с деревянными колодками и

башмаками, вырезанные из «Огонька» картинки, старый табель-календарь. В углу тикали кособокие ходики, у которых вместо гири висел ржавый большой замок.

Глядя на этот замок, Алешка проговорил, будто между прочим:

— Интересно бы узнать, можно ли найти маленький кораблик, если его унесло потоком и никто не знает куда?

Алешка услышал, что старичок перестал колотить по ботинку и хмыкнул.

— Твой, что ли, кораблик-то?

Алешка растерялся. Конечно, клипер не его. Но ведь Софья Александровна все равно хотела подарить модель ему…

— Мой… почти, — сказал Алешка. И украдкой взглянул на старичка.

Тот смотрел не сердито, даже улыбался.

— Почти? — спросил он.

«Все знает», — подумал Алешка, и стало ему очень неловко.

— Ну… не совсем, — начал объяснять он. — Но ведь этот кораблик сейчас все равно ничей, раз его бросили… По морским законам даже настоящий корабль, если его бросают, может стать призом того, кто его найдет.

Старичок дребезжаще засмеялся.

— Ишь ты, морской волк. Прямо адмирал Нахимов… А с чего это ты решил меня про такое дело расспрашивать? Или надоумил кто?

— Внучка ваша, — неохотно сказал Алешка.

— А-а… Ты, Алеша, видать, приглянулся ей?

— Еще чего! — воскликнул Алешка и почувствовал, что краснеет.

— Ну-ну, не петушись, — усмехнулся старичок. И сказал: — Кораблик найти можно, да путь далекий… Ручьем унесло, говоришь? Все ручьи в реки бегут, все реки в море текут. А на берегу самого синего моря стоит город Ветрогорск. А в городе есть Музей Удивительных Морских Открытий и Кораблей. Иначе — просто Корабельный музей. И всеми делами там ведает Хранитель музея. Много у него дел, а самое любимое — собирать модели кораблей. И такой он мастер, такой любитель маленьких кораблей, что есть у него просто удивительная способность: ни одну модель не упускает, притягивает как магнит. Где бы какой кораблик ни потерялся, куда бы ни унесло его волнами, обязательно доплывет до Ветрогорска. Будто есть какое-то чувство особое у этих маленьких кораблей. Вроде как у перелетных птиц. Скажем, упустили вчера мальчишки свою игру-

шечную бригантину, а сегодня она, глядишь, уже в музее у Хранителя… Ищи, если хочешь, только дорога не близкая.

— Прямо сказка получается, — сказал Алешка.

— А как же! — охотно откликнулся старичок. — Сказка и есть.

— Настоящая?

— А вот это не знаю… — Старичок поглядел внимательно и даже строго. — Не знаю, Алеша. Это как у тебя получится. Смотри сам.

— Но… что же смотреть? Что должно получиться?

— А ты вспомни-ка, Алеша. Все настоящие сказки про одно: как человек ищет человека. Братец Иванушка — сестрицу Аленушку, Руслан — Людмилу, Иван-царевич — Василису Премудрую. А маленький Звездный мальчик свою матушку ищет, которую злой колдун унес.

— Это верно. И в «Снежной королеве» Герда ищет Кая.

— Да. А принц — Золушку.

Напоминание о принце не понравилось Алешке. И от досады он решил возразить старику:

— Не во всех сказках так. Некоторые Иваны-царевичи, например, какое-нибудь перо Жар-птицы ищут или еще что-нибудь. А принцы тоже всякие

бывают…

— Это верно. Только ведь перо-то Жар-птицы зачем? Не для себя они его добывают, а все для того же — чтобы в конце сказки любимую от беды спасти. Или хорошего друга отыскать.

— Но ведь и я кораблик не для себя ищу, — сказал Алешка немного обиженно. — Я подарить его хочу… хорошему другу… То есть она не знает еще, наверно, что я настоящий друг. Но я очень хочу подружиться.

— А разве нельзя без кораблика?

— Конечно, можно! Вы думаете, что я за кораблик хочу дружбу добыть? Просто у нее день рождения, а клипер — самый лучший для нее подарок! Знаете как она обрадуется!

— Это хорошо, если обрадуется, — задумчиво сказал старичок. И добавил торжественно: — Радость для человека — очень важная вещь… Что ж, попробуй, Алеша, раз так решил. Я дам тебе совет.

— Спасибо!

— Спасибо, Алеша, говорят в конце сказки. А пока слушай. Тебе нужен билет до Ветрогорска…

— Да!

— Ты ступай в Транспортное агентство, туда, где кассы для поездов, самолетов, автобусов, ков-

ров-са… Кха… В общем, для всего на свете.

— Это на Первомайской улице?

— Нет, это другие кассы. На улице Полярных Капитанов.

Алешка и не слыхал про такую улицу.

— Где это, дедушка?

— А, не знаешь? — хитро сказал старичок. — Слушай. Пойдешь по Садовой до конца, там будет старый стадион…

— Ага! Мы зимой там военную игру устраивали.

— Ну вот. Ты его не обходи, а найди в заборе щель. И шагай напрямик. А как стадион-то перейдешь да в другую щель вылезешь, там и будет улица Полярных Капитанов. А кассы — в доме номер двадцать два, по левую руку… Ну, ступай.

— Спасибо!

— Ты подожди со спасибо-то. Ты послушай еще. Если где в пути что-нибудь опасное встретишь, случай непонятный какой-нибудь или, скажем, загадку, ты от этого дела не беги. Сказка без этого не обходится. Ну и о главном не забывай, шагай себе смело.

— Ладно. Я пойду.

— Иди, Алеша. Да постарайся ничему не удивляться.

Глава 5

Алешка сразу поверил, что будет сказка. Ведь он был поэт, хотя и маленький. А все поэты — и маленькие, и большие — в глубине души верят в сказки.

Но улица, по которой он шел, была очень обыкновенная. Проезжали мимо обыкновенные автобусы, шли навстречу обыкновенные люди, прокатила вдоль асфальта обыкновенная поливальная машина и обдала всех брызгами. Прохожие обыкновенно заругались ей вслед. И забор у стадиона был обычный — старый, из неструганых серых досок.

Одна доска оказалась оторванной, и Алешка пролез в щель (тоже обыкновенное дело). Он отыскал проход под рассохшимися деревянными трибунами и вышел на поле.

Стадион был старый, давно уже на нем не проводились игры. Поле заросло высокой травой.

В траве паслись лошади. Белые, гнедые и вороные. Они бродили далеко, но едва Алешка ступил в траву, как все они подняли головы. Будто по сигналу. И стали смотреть в Алешкину сторону. Ему даже не по себе стало. Он задержал шаги.

Тогда золотисто-коричневая лошадь, осторожно ступая, направилась к Алешке и остановилась в трех шагах. У нее была красивая гордая голова и добрые глаза. Лошадь посмотрела на Алешку вопросительно и немного печально. И он понял ее. Не услышал, а именно понял. Она спрашивала:

— Простите, пожалуйста, вы не тот мальчик, который ищет коня, чтобы скакать в Тридевятое царство?

«Вот это да! Начинается», — с легким замиранием подумал Алешка. А вслух сказал:

— Нет. Понимаете, у меня другая дорога.

— Извините, — вздохнула лошадь и медленно отошла.

Другие лошади сначала выжидательно смотрели на нее, а потом принялись щипать траву.

Над стадионом повисла тишина — стеклянная, звонкая. В ней прятались тайны и стрекотали кузнечики. Кузнечиков было множество. Они прыскали во все стороны, когда Алешка раздвигал ногами шелковистую траву.

Алешка перешел поле, отыскал в заборе дыру и оказался на улице Полярных Капитанов. Улица была тихая, незаметная, с одноэтажными и двухэтажными домами.

Дом номер двадцать два тоже был старый. Его

построил, наверно, в прошлом веке какой-нибудь купец. Вверху у купца было жилье, внизу — магазин.

Над парадной дверью, на чугунной решетке балкона, Алешка увидел длинную голубую вывеску:

ТРАНСПОРТНОЕ АГЕНТСТВО

В окнах первого этажа пестрели плакаты Аэрофлота и висела на капроновой леске модель самолета «Ил-62».

Алешка надавил плечом тяжелую дверь.

Внутри все было обыкновенно. И пусто. Под потолком лениво вертелся большой вентилятор. На стенах — расписания самолетов и поездов. Табличка: «У нас не курят». Написанное красным карандашом объявление про какие-то экскурсии. Алешка пригляделся. И у него холодок пошел по спине.

Заявки на экскурсии на коврах-самолетах
не принимаются до 15 августа.

Администрация

У дальней стены стоял высокий барьер с око-

шечками.

Окошечки были закрыты. Лишь в одном, с номером два, была заметна щель. Алешка подошел, вздохнул, набираясь храбрости, и постучал.

Окошко распахнулось, и показалась голова кассирши.

Алешка оробел еще больше: кассирша очень похожа была на учительницу географии Клавдию Михайловну. Такая же гладкая седая прическа, строгие очки и внимательные глаза. Когда на Алешку смотрели такими глазами, он чувствовал себя прозрачным.

— Я тебя слушаю.

— Извините… Мне сказали, что здесь можно купить билет до Ветрогорска.

У кассирши слегка поднялись брови.

— Можно… Но любопытно узнать, кто тебе это сказал?

— В справочном бюро. То есть это не совсем справочное бюро, а такая будочка. Там дедушка работает…

Глаза у кассирши подобрели.

— Понимаю. Дедушка. Значит, у тебя важное дело в Ветрогорске?

— Да!

— Хорошо. На твое счастье, остался еще один

билет. На сегодняшний поезд. Поторопись, отправление через тридцать минут.

— А сколько стоит билет? — спохватился Алешка. Он только сейчас сообразил, что мама оставила ему на личные расходы всего пять рублей. Вдруг не хватит?

— Четыре рубля девяносто копеек. Общее место. Придется ехать без плацкарты.

Алешка обрадованно кивнул и полез в карман за деньгами.

Денег не было. Мало того — на привычном месте не было и кармана. И Алешка понял: он же переоделся вчера вечером, а деньги остались в кармане старых брюк.

— Мальчик, что с тобой? У тебя такое лицо…

— Деньги забыл, — шепотом сказал Алешка. — Теперь уж ни за что не успеть.

Кассирша тоже расстроилась:

— Ну какие же вы рассеянные, мальчишки! Несобранные. Недисциплинированные. И когда это кончится?

Алешка молча стоял у окошечка, хотя стоять было уже бесполезно.

— Ну что с тобой теперь делать? — сказала кассирша.

У Алешки появилась надежда.

— Расскажи, какое у тебя дело в Ветрогорске, — велела кассирша.

Алешка почувствовал, что уши у него стали теплыми. И наверно, розовыми.

— Ну… есть одна девочка. У нее день рождения скоро… А в Ветрогорске есть музей…

Кассирша чуть заметно улыбнулась.

— Ясно. Это — особый случай. Тебе необходим Зеленый билет на все виды транспорта туда и обратно. Ведь тебе послезавтра нужно вернуться.

Алешка огорченно пожал плечами. Не все ли равно? Денег-то нет. Ведь особый билет наверняка стоит еще дороже простого.

— У Зеленого билета нет постоянной цены, — объяснила кассирша. — Но стоит он очень дорого: ровно столько, сколько у пассажира есть с собой денег. До последней копейки… Есть у тебя хоть сколько-нибудь?

Алешка торопливо запустил пальцы в боковой карманчик у пояса. И нащупал трехкопеечную монетку. Она лежала там с прошлого года. Тогда, в Крыму, Алешка все серебряные монетки бросил на прощание в море, а эта — медная — осталась.

— Вот… — нерешительно сказал Алешка. — Но это ведь…

— Давай, — перебила кассирша. Потом громых-

нула тяжелым компостером и подала Алешке кусочек зеленого картона.

— Билет действителен до четырех часов послезавтрашнего дня.

— Спасибо! До свидания! — крикнул Алешка и кинулся от кассы.

— Мальчик! Подожди!

— Но ведь поезд…

— Не спеши. Поезд теперь тебе не нужен… Отсюда, переулками, мимо старой церкви и кинотеатра «Космос», ты выйдешь на улицу Дальнюю…

Алешка кивнул. Про улицу Дальнюю он не слышал, но кинотеатр «Космос» знал.

— Ты пойдешь по этой улице до конца. Когда она кончится, все равно ступай вперед по тропинке. И выйдешь на берег реки. Сиди и жди. В четыре часа подойдет пароход…

— Пароход? — изумился Алешка. — Но ведь речка у нас маленькая совсем. Там даже лодки на мель садятся!

— Не спорь, Алеша, — утомленно сказала кассирша. — Ступай. Не спеши, но и не мешкай. Пароход придет ровно в четыре.

Алешка вспомнил про лошадей на стадионе, про объявление о коврах-самолетах и понял, что

спорить глупо.

«Я еще успею собраться в дорогу, — подумал он. — А тете Даше скажу, что поехал на дачу к Валерке Яковлеву».

Глава 6

Улица Дальняя была совсем старая. Домики и заборы стояли по колено в лопухах. На заросшей дороге ярко желтели одуванчики, в канавах росли ромашки. Высокие травинки торчали в щелях деревянного тротуара. Тротуар был узкий и расшатанный, доски мягко прогибались под ногами. И никто не попадался навстречу.

Алешка был одет по-походному: он натянул зеленую рубашку, старые спортивные брюки и взял с собой на всякий случай курточку, в которой ездил в лагерь. В задний карман он затолкал два бутерброда с маслом. А билет Алешка держал в руке, потому что положить вместе с бутербродами не решился: вдруг перемажется маслом.

Билет был зеленый, как свежий тополиный лист. По углам Алешка разглядел бледно отпечатанные рисунки: самолет, тепловоз, пароход и автобус. Вверху стоял черный номер: ОС 100743. Под номером красными маленькими буквами было оттиснуто: «Для Особых Случаев». В середине билета темнела крупная надпись: «На все виды транспорта. *ТУДА И ОБРАТНО*». А пониже: «Ветрогорск». В нижнем углу голубел квадратный

штамп: «Трансагентство. Касса № 2». В общем, билет был самый настоящий. Даже не верилось, что заплатил Алешка всего три копейки…

Улица кончилась. Вернее, кончились дома, а деревянный тротуар и канавы еще тянулись. За канавами раскинулось покрытое травами поле. До горизонта. Потом оборвался и тротуар. Вместо него побежала заросшая тропинка. Зашелестела у ног трава.

Алешке казалось, что он плывет по зеленому морю. Только шума волн не было слышно. Шорох травы да неумолчный стрекот кузнечиков. Небо с маленькими белыми облаками будто слегка покачивалось над Алешкой и плыло навстречу.

И вдруг Алешка увидел реку. Но что это была за река! Маленькая, не шире обычного переулка. Сквозь темную воду просвечивало дно с золотистыми песчинками. Летали стрекозы. Росли по берегам кусты ольхи. Ну откуда здесь возьмется пароход? Лодка и та еле проберется в этом ручье.

«Посмеялись! — подумал Алешка. — Обманули, сунули негодный билет за три копейки! А я, дурак, поверил!» Он сел у воды и горько задумался.

Но долго печалиться не пришлось. Алешка услышал вдали странное пыхтение, будто в траве застрял паровоз. За поворотом, над высокими

кустами, двигалась большая голубая труба с серебряными звездами. Из трубы валил дым.

Алешка вскочил.

Пароход выполз из-за поворота. Он был белый, двухэтажный и, видимо, очень старинный. Его плоское зеленое днище скребло по песчаному дну. Громадные гребные колеса не помещались в реке. Они нависали над берегом, упирались красными лопастями в землю, ломали кусты. Пароход не плыл, а ехал по реке, как трактор. Он был похож на морское чудовище, которое выбралось на сушу и прет напролом.

Алешка глядел во все глаза и не верил такому чуду. Но верь не верь, а пароход, отдуваясь, придвинулся вплотную, и пришлось отскочить, чтобы не прихлопнуло гребной лопастью.

Пароход вздохнул, как усталый кит, и остановился. Тут же с борта к Алешкиным сандалиям шлепнулся трап — две доски с поперечными брусками. У входа на борт появился очень большой и очень толстый человек в белом парадном кителе. Морская фуражка на большущей голове казалась крошечной и торчала где-то на затылке.

Алешка сразу понял, что видит Капитана.

— Молодой человек! — загудел Капитан таким голосом, что пригнулась трава. — Надеюсь, это

вы — пассажир с Зеленым билетом? Если так, прошу пожаловать на борт моего судна!

Алешка поднялся на пароход, все еще удивленно моргая.

— Приветствую вас! — провозгласил Капитан и протянул руку. — Оч-чень, оч-чень рад! Наконец-то у меня настоящий пассажир. Такой, для каких предназначен мой пароход. — Он понизил голос и продолжал: — Вы не поверите, как мне надоело возить всяких случайных личностей, командировочных нытиков и лодырей-туристов. Вот полюбуйтесь.

Он скосил глаза в сторону носовой палубы.

Там в плетеных креслах расположились несколько мужчин в соломенных шляпах. Они сидели, как в автобусе: держали на коленях большие портфели и смотрели прямо перед собой.

Капитан язвительно хмыкнул:

— Просочились на судно всякими неправдами. По знакомству. А теперь недовольны, что я изменил рейс из-за пассажира с Зеленым билетом. Ничего, голубчики, подождете…

— Неужели вы из-за меня влезли в эту речку? — удивленно сказал Алешка.

— А как же! Мы еще два часа назад получили радиограмму, что вы будете ждать в этой точке.

— Но ведь… Пароход такой громадный, а речка совсем маленькая. Просто не верится.

Капитан довольно ухмыльнулся:

— Пустяки. Если будет необходимость, моя посудина прошлепает даже через Сахару… Хотя, по правде говоря, Сахара — это совсем не море.

— Конечно, — поддакнул Алешка. — В море пароходу гораздо привычнее.

Капитан посмотрел на него с одобрением.

— Черт возьми! Вы мне оч-чень симпатичны, молодой человек. Разрешите пригласить вас отобедать со мной, а потом я провожу вас в каюту.

Алешка не спорил. Есть хотелось здорово! Капитан ему понравился, и вообще все складывалось отлично.

Пароход, пыхтя и качаясь, двинулся в обратный путь. Кормой вперед. А Капитан и Алешка двинулись обедать.

В кают-компании сидел за накрытым столом худой моряк с длинным лицом и унылым носом. Он ковырял вилкой котлету.

— Знакомьтесь, — сказал Капитан Алешке. — Мой Старший помощник.

— Здрасте, — пробормотал Алешка.

Старший помощник приподнялся и молча наклонил голову. Потом он опрокинул в себя стакан

кефира и кислым голосом произнес:

— С вашего позволения, я уже пообедал. Если вы не возражаете, я пойду и проверю вахты.

— Буду вам весьма признателен, — сказал Капитан.

Старший помощник согнулся и скрылся за дверью.

Глядя ему вслед, Капитан убежденно сказал:

— Зануда. Никудышный работник. Я понимаю, что нехорошо выносить сор из избы, но нет сил молчать. Кстати, это он берет пассажиров по знакомству. А когда я возражаю, пишет на меня жалобы в контору пароходства.

Капитан вздохнул, снял фуражку, пригласил Алешку за стол и втиснулся сам.

Обедали молча. Капитан был занят грустными мыслями. Иногда он вздыхал так, что на окне отходила занавеска и Алешка видел проплывающие мимо кусты.

Ветки уже не скребли по стеклам, и колеса звонко хлопали по воде.

Перед концом обеда Капитан повеселел.

— Я могу предложить вам разные каюты, — сказал он Алешке. — Есть первый класс, есть люкс, где ванна, телевизор и так далее. Но мне хотелось бы посоветовать вам занять каюту класса супер-

люкс. Уверяю вас, это место — самое подходящее для тех, кто еще не состарился. Многие просятся туда, но я не разрешаю.

Он повел Алешку на верхнюю палубу, где стояли вдоль бортов спасательные шлюпки. У одной из них Капитан расшнуровал и откинул брезентовый чехол.

— Вот! — сказал он торжественно. — Здесь вы можете жить под самыми звездами, здесь можете любоваться водой и берегами. Тишина, покой, теплый ветер. И… — он понизил голос, — никаких надоедливых личностей.

— Ой как здорово! — воскликнул Алешка. — Значит, я могу здесь спать?

— Разумеется. Вам принесут надувной матрац.

…Вечер наступил быстро. Над водой заполыхал и быстро сгорел закат. Появились звезды. Они дрожащими струнками отражались в воде. Река теперь была широкая — такая, что едва виднелись берега.

Алешка улегся в шлюпке. Над ним тихо качалось созвездие Малой Медведицы. Алешка задремал под шум воды и ровное пыхтение парохода.

Он очнулся от шагов. Шаги были осторожные, но тяжелые, будто крался гиппопотам. Алешка

торопливо сел.

У борта шлюпки стоял Капитан.

— Прошу прощения, — сказал он шепотом, от которого колыхнулся шлюпочный брезент. — Надеюсь, я вас не потревожил? Дело в том, что… у меня к вам есть важный разговор. То есть предложение… В общем, не согласитесь ли вы поступить ко мне Старшим помощником?

Алешка чуть не подскочил от изумления.

— Как?

— Очень просто. Старшим помощником. Это совсем неплохая должность.

— Но… Это же такое дело. Надо же уметь.

— Научитесь, уверяю вас! Было бы желание!

— Да… Но у вас же есть Старший помощник.

— Уволю! — заявил Капитан. — Или высажу на необитаемый остров. Пусть пишет там жалобы. Склочник он, а не Старший помощник.

Алешка молчал. Согласиться он, конечно, не мог, а отказом боялся обидеть Капитана.

— Соглашайтесь, — сказал Капитан. — Вы никогда в жизни не пожалеете. Вы увидите столько дальних морей и удивительных островов, сколько не найдется во всех морских романах. Я обещаю вам почти каждый день необыкновенные приключения. Между прочим, в устье

реки Эль-Балдео до сих пор водятся настоящие пираты…

— Понимаете, — осторожно начал Алешка, — это все очень здорово. Но у меня такое важное дело, оно для меня самое главное. Нельзя же главное дело бросать ради другого.

— Да, — грустно сказал Капитан. — У каждого своя дорога. Я понимаю вас и ничуть не обижен. Хотя мне очень жаль. Спокойной ночи.

Проснулся Алешка поздно. Вернее, он не сам проснулся, а его разбудил Капитан. Он пригласил Алешку завтракать.

После завтрака они поднялись на мостик. Утро было безоблачное, и большая река сверкала солнечной чешуей. Пароход повернул к берегу. Капитан сказал:

— Я мог бы доставить вас прямо в Ветрогорск, но рейс продлится много дней. Самолетом вы доберетесь быстрее. В получасе ходьбы от берега есть небольшой аэродром. Отметьте в кассе билет, и вас моментально посадят в самолет.

Алешке стало немного грустно. Он уже успел привыкнуть к пароходу и Капитану. Но его ждала своя дорога. И когда пароход уткнулся носом в песок, Алешка сказал:

— Прощайте. Счастливых плаваний.

— Счастливого пути, — сказал Капитан.

Глава 7

Тропинка прыгала по пригоркам, виляла среди громадных валунов. На валунах блестели крапинки слюды. Среди камней густо цвел шиповник. Иногда его кусты закрывали тропинку, и приходилось продираться.

Алешка прошагал с километр и выбрался на лужайку, желтую от одуванчиков. На лужайке стоял каменный столб. Он был четырехгранный, могучий, похожий на основание старого памятника. В разных местах на столбе нарисованы были белые стрелы, а рядом с ними виднелись надписи:

Тридесятое государство
Совхоз «Отрадное»
Заповедный лес
Русалкина заводь
Автобаза № 4

И так далее. В общем, весь столб изрисован был белыми стрелами.

— Ну и ну, — сказал Алешка. Но не очень удивился.

Внизу, у самых одуванчиков, он отыскал стрелу со словами «Чистое поле». Слово «Чистое» было зачеркнуто, а сверху белела свежая надпись: «Летное». Алешка прикинул направление и опять зашагал среди камней и шиповника.

Шел он недолго. С пригорка увидел заросшее ромашками поле, а на дальнем его краю светло-коричневый домик с высокой антенной и еще один домик — разрисованный в крупную шахматную клетку, красную и белую. Над клетчатым домиком висела на длинном шесте «колбаса» для указания ветра — длинный белый сачок с поперечными черными полосками. Ветер был слабый, «колбаса» повисла и еле качалась.

Через траву и ромашки пошел Алешка к домикам. То ли в этой траве, то ли в небе чвиркали птицы. И воздух был теплый и ласковый, и солнце припекало. Все было хорошо.

Но странная тревога появилась у Алешки. Он сперва не понял отчего. А потом догадался: на поле не было самолетов.

Ни одного самолета, совсем пусто. На чем же он полетит?

Лишь недалеко от домиков Алешка увидел один самолет. Но это был не пассажирский. Спортивный, наверно, или учебный. Маленький,

легкий, весь какой-то полупрозрачный. Высокая трава наполовину закрывала самолет, и Алешка не разглядел его как следует. Он торопился найти людей и узнать, как добраться до Ветрогорска.

Рядом с коричневым домиком росли две березы. Между ними висели качели, и на качелях сидел мальчик. Светловолосый такой, слегка лохматый мальчишка. Небольшой, поменьше Алешки. В белой футболке с голубой полоской у воротника. И сильно загорелый. На коленях он держал штурманскую сумку-планшетку, и эта коричневая планшетка была лишь чуть-чуть темнее худых и поцарапанных мальчишкиных ног.

«Ух, какой обжаренный! — подумал Алешка. — И волосы все выцвели. Наверно, он сын летчика и прилетел с юга. В наших краях только к концу лета можно так загореть, да и то если очень постараешься. А в июне — ни за что».

Мальчик Алешку не видел. Он сидел с опущенной головой и лениво качался: дотянется носком сандалии до земли, толкнется — покачается немного.

«Может быть, спросить у него, как тут с самолетами до Ветрогорска?» — подумал Алешка. Но в это время он заметил на двери домика две синие таблички. На одной было написано «Касса», на

другой — «Диспетчерская».

Алешка взбежал на крыльцо и толкнул дверь.

В коридоре он увидел окошечко кассы. Оно было закрыто. Алешка нерешительно постучал. Касса не открылась. Алешка повернулся к внутренней двери. На черной клеенке белела фанерка с надписью: «Посторонним вход воспрещен».

Ну что тут делать? Идти спрашивать у мальчишки? Но он ведь не кассир и не диспетчер. Алешка набрался смелости и потянул дверь.

В комнате, уставленной непонятными аппаратами, радиопередатчиками и телефонами, сидел за столом Диспетчер. Он был в белой рубашке. Его синий пиджак с нашивками висел на спинке стула, а форменная фуражка лежала на груде бумаг. Диспетчер сердито жевал яблоко и черкал красным карандашом в большой тетради. Алешку он не заметил.

— Здравствуйте, — сказал Алешка с порога, обращаясь к лысине Диспетчера.

Диспетчер перестал жевать, но черкать не перестал. И спросил:

— Что надо?

По всем правилам от такой нелюбезности Алешка должен был растеряться. Но он не растерялся, а слегка рассердился.

— В город Ветрогорск мне надо! — громко сказал он.

— Вот как? А что еще?

— Ну… и все, — ответил Алешка уже не так громко.

— Тогда при чем здесь я?

— Ну… я хотел отметить билет, а касса закрыта. Я хотел спросить у вас…

— Самолетов сегодня нет, — сказал Диспетчер. Поднял голову и надел фуражку. У него были густые брови и могучий квадратный подбородок.

«Суровый человек, — подумал Алешка. — Наверно, бывший летчик полярной авиации». В общем, лицо Диспетчера ему понравилось. Но слова не понравились.

— Нет самолетов. Ясно? Вот так.

— Как же быть? — жалобно спросил Алешка.

— Вот уж не знаю.

— Но мне очень надо в Ветрогорск.

— Те, кому очень надо, приходят вовремя. И летят в соответствии с расписанием. У нас все рейсы — утренние.

— Я не знал. Мне сказали, что можно в любое время.

— Кто сказал такую чушь?

Алешка хотел объяснить, что говорил это Капи-

тан, но подумал: Диспетчера не убедишь. Что ему какой-то незнакомый Капитан?

— Нет самолетов сегодня, — повторил Диспетчер. — Ни одного.

Алешке стало обидно, и он опять немного рассердился.

— Ну уж ни одного! Один-то я видел. Тут стоит, недалеко.

— Ишь ты! Видел. Этот самолет специальный, для особых случаев.

— А у меня как раз особый случай!

— Надо же, — усмехнулся Диспетчер. — А какие у тебя есть доказательства?

— У меня есть билет, — смело сказал Алешка. — Вот такой.

Он шагнул к столу и положил Зеленый билет перед Диспетчером.

— М-да… — сказал Диспетчер. И почесал карандашом левую бровь. Потом он округлил глаза и оглушительно крикнул: — Маша!

Из-за аппаратов появилась девушка в голубой пилотке.

— Слушаю вас, товарищ Диспетчер.

— Маша, — сказал Диспетчер строгим голосом, — пожалуйста, выйдите на поле и попросите кого-нибудь или постарайтесь сами найти и при-

гласить ко мне Летчика для Особых Поручений.

«Ух ты!» — подумал Алешка.

— Да? Хорошо, — растерянно сказала девушка. Застучала каблучками к двери, а у порога обернулась и вопросительно взглянула на Диспетчера. Тот возвел брови под козырек и слегка пожал плечами, будто хотел сказать: «А что я могу сделать?»

Девушка вышла.

«Вот это да! — думал Алешка. — Значит, я полечу с Летчиком для Особых Поручений!» Он представил, как сейчас войдет в диспетчерскую высокий пилот в синей форме с золотыми нашивками, с большими перчатками в одной руке, с очкастым шлемом в другой. Войдет и скажет: «Я готов. Где пассажир?»

А вдруг не скажет? Вдруг не согласится везти Алешку?

Вошел мальчик. Тот, которого Алешка видел на качелях. В опущенной руке он держал планшетку на длинном ремешке, и она цеплялась за половицы.

Мальчик встал посреди комнаты, посмотрел на Диспетчера.

«Сейчас Диспетчер пошлет его искать Летчика», — подумал Алешка.

Диспетчер сказал:

— Ветрогорск — это где?

Мальчик чуть улыбнулся, стал глядеть в сторону и вытянул в трубочку губы: то ли свистнуть хотел, то ли сказать «у-у…».

— Ясно, — сказал Диспетчер. — На карте есть?

— На моей есть, — звонко ответил мальчик.

— Я спрашиваю про нормальные карты, — раздраженно сказал Диспетчер.

— Не-а…

— Сколько времени надо лететь?

Мальчик толкнул ногой планшетку, и она закачалась, будто маятник.

— Кто же знает, сколько времени, — неторопливо ответил мальчик. — Это по-разному получается. Вы же понимаете…

— Ничего я не понимаю в этих ваших штучках… И вообще не хотел я тебя пускать. За все твои фокусы.

— А что я сделал? — невинно сказал мальчик и опять поддел ногой планшетку.

— А кто пикировал на грузовик? Может, я?

— А зачем они украли собаку у ребят?!

— Ты загнал грузовик в кювет.

— Туда ему и дорога.

— Дело могло кончиться несчастным случаем.

Ты это понимаешь?

— Вот если бы ребята без щенка остались, это был бы несчастный случай. Это вы понимаете? — дерзко сказал мальчишка.

У Диспетчера стали краснеть уши и нос. А мальчик снова толкнул планшетку носком сандалии и внимательно смотрел, как она крутится на ремешке.

Он Алешке понравился. Смелый такой мальчишка, хотя и небольшой. Славный. Но разговор его с Диспетчером был Алешке непонятен. Ясно только, что мальчик что-то натворил, чуть-чуть не вляпался в аварию с каким-то грузовиком и за это его не хотят куда-то пускать. Может, в кино? В конце концов, это не Алешкино дело.

«Где же летчик?» — думал Алешка.

Диспетчер сказал мальчику с легким рычанием:

— Пер-рестань лягать казенную сумку и встань как следует, когда разговариваешь с дежурным Диспетчером.

— Есть! — быстро откликнулся мальчик. Ловко бросил на плечо ремень планшетки, сдвинул пятки, поддернул свои синие штанишки с клепками на карманах и опустил руки.

— Вот так, — проворчал Диспетчер. — А то со-

всем разболтался.

Тихо, но отчетливо мальчик сказал:

— Я стою как следует. Пожалуйста, обращайтесь на «вы», когда говорите с Летчиком для Особых Поручений.

«Мамочка!» — ахнул про себя Алешка.

А у Диспетчера нос и уши стали фиолетовыми. Со скрипом поднялся он из-за стола. Алешке показалось, что он сейчас зарычит медведем. Но Диспетчер обиженным басом произнес:

— Слушай-те задание.

— Есть! — сказал Летчик для Особых Поручений.

— Вам… следует доставить в город Ветрогорск пассажира с Зеленым билетом. И вернуться… Когда… вы… сможете вернуться?

— Трудно сказать. Как получится.

— И вернуться при первой возможности. Понятно?

— Понятно, товарищ Диспетчер. Могу идти?

— Може-те…

Маленький пилот повернулся к Алешке. Посмотрел серьезно и сказал:

— Идем. Билет не забудь.

Они пошли к самолету. Летчик шагал впереди. Сбивал планшеткой головки ромашек. Алешке

было не по себе.

Летчик обернулся, остановился и тихо спросил:

— Боишься?

— Да нет… Только я не ожидал. Не думал, что ты — Летчик.

— Не бойся. У меня хороший самолет. С ним никогда ничего не случится.

Лишь сейчас Алешка разглядел как следует его лицо. Ну, обыкновенное лицо, чуточку даже знакомое. Большеглазый такой парнишка, смотрит ясно, без насмешки. Мог бы ведь ухмыльнуться или поглядеть снисходительно: «Что, струсил?» Мог бы погордиться перед испуганным пассажиром: ведь он — Летчик. Но он ни капельки не задается.

— Не бойся. Вот увидишь, долетим нормально.

— Я не боюсь, — успокоенно сказал Алешка. — Просто я удивился.

— А ты давно в дороге?

— Второй день.

Летчик засмеялся:

— И все еще удивляешься?

— Ага, — сказал Алешка и тоже засмеялся.

Самолет был обтянут чем-то серебристым. Хвост и крылья блестели на солнце. А на корпусе

темные рейки просвечивали сквозь обшивку.

«Игрушка, — подумал Алешка. — Наверно, одной рукой поднять можно».

Однако он уже не боялся. Почти.

На хвостовом стабилизаторе были нарисованы три голубые буквы: ОСА.

— Это значит: Особая Служба Авиации, — объяснил Летчик. — И все самолет называют «Оса». Из-за этих букв. По-моему, глупо. Он и не похож вовсе.

— Конечно, не похож, — сказал Алешка. — Оса вся полосатая и кусачая. А твой самолет — красивый.

— Он у меня называется «Стрекозка», — смущенно сказал Летчик.

Он откинул прозрачный колпак над кабиной, открыл дверцу.

— Садись в заднее кресло. Я мотор запущу.

Алешка полез в кабину. Самолет присел и пружинисто закачался под ним. Кресло оказалось жестковатым, пластмассовым, но ничего, сидеть можно.

Летчик подошел к носу самолета. Подпрыгнул, ухватился за лопасть винта и повис, болтая ногами. Лопасть медленно опустилась к траве. Летчик поднапрягся и качнул ее в сторону.

Пропеллер вдруг рванулся и сразу почти исчез — превратился в прозрачный круг, пересыпанный кое-где солнечными искрами. Летчик отскочил и засмеялся.

Трава под крыльями полегла и прижалась к земле. Кабина задрожала, наполнилась негромким шумом и стрекотом.

Летчик подошел к дверце. Воздух от винта рванул его волосы. Летчик повернулся к домику, поднял руку. Потом прыгнул в кабину, хлопнул дверцей и опустил колпак.

— Поехали, — весело сказал он.

Глава 8

Самолет взлетел почти без разбега, будто подпрыгнул. Аэродром косо ушел вниз, и домики сделались крошечными.

Минут десять Алешка привыкал к полету. Он и раньше летал с мамой на юг, на «Ил-18». Но там было не так интересно и почти ничего не видно. Даже незаметно, что летишь. Только над морем и при посадке слегка качало. А здесь все иначе: вверху — небо с пушистыми облаками, внизу — зеленая земля с темным лесом и светлыми лугами. А по сторонам горизонт: синий, туманный и такой громадный, что на земле и представить нельзя было.

Самолет иногда клонился то на одно, то на другое крыло. Порой начинал проваливаться, будто с крутой горки скользил. Но это было совсем не страшно. Даже весело. Мотор стрекотал, как швейная машинка, за стеклами шумел встречный воздух.

Алешка посмотрел на Летчика. Пилотское кресло стояло ниже пассажирского и было сильно откинуто назад. Летчик управлял самолетом почти лежа. Алешка видел над пластмассовой

спинкой его затылок, плечи и высоко поднятые коленки. Они двигались, когда Летчик нажимал на педали. Самолет летел на юг, солнце светило почти навстречу. Волосы у Летчика горели от лучей, а коленки блестели, как твердые коричневые каштаны.

— Летчик! — окликнул Алешка. — Ты где так загорел?

— Здесь, — отозвался Летчик, не обернувшись. Поднял руку и щелкнул по стеклу колпака. — Это органическое стекло, оно пропускает все лучи, не то что оконное. А ведь я летаю под самым солнцем.

— Ты часто летаешь?

— Приходится! — громко сказал Летчик.

— Это ничего, что я с тобой разговариваю? — спросил Алешка. — Может быть, во время полета нельзя?

Летчик повернул голову. Он улыбался.

— Можно! Только мне плохо слышно, мотор мешает. Если хочешь, иди сюда.

Между пилотским креслом и стенкой кабины был узкий промежуток. Алешка протиснулся туда и сел на корточки.

Впереди покачивался горизонт. Прямо в лоб били солнечные лучи. Алешка жмурился.

— Тебе не мешает солнце? — спросил он у Летчика.

— Я привык.

И правда, его светлые серые глаза смотрели вперед без прищура. В них блестели два крошечных солнышка.

— Далеко до Ветрогорска?

— В сумерках прилетим.

— Ой… А нельзя постараться, чтобы пораньше? Мне надо успеть в музей. Вечером его, наверно, закроют.

Летчик покачал головой.

— Бесполезно стараться.

— Почему?

— Ну разве ты не понимаешь? Ты же в сказку попал. А в сказках много всяких правил. В Ветрогорск всегда прилетают после заката.

— А если на сверхзвуковом самолете?

— Хоть на сверхзвуковом, хоть на ковре-самолете, хоть на воздушном шаре, хоть на ракете… Надо, чтобы солнце село, иначе летчик не увидит город.

Алешка помолчал, набрался смелости и задал самый главный вопрос:

— Послушай… А ты по правде летчик? Самый настоящий? Ты только не обижайся.

Летчик серьезно сказал:

— Я нисколько не обижаюсь. Если бы ты это перед полетом спросил, было бы обидно. А ты ведь не испугался лететь со мной.

— Я и сейчас не боюсь. Мне просто интересно. Ты так же работаешь, как взрослые пилоты?

— Почти так же… Ну нет, не совсем. У меня другие рейсы. Я — Летчик для Особых Поручений.

— Но ведь это еще главнее, чем простой летчик, да? Ведь Особые Поручения — самые трудные?

— Не обязательно. Просто они — особые.

— А почему тебя на эту работу назначили? Ну… ты же еще не взрослый. Ведь на важные дела всегда больших посылают.

Летчик вздохнул:

— Больших нельзя. Часто приходится летать в сказки, а взрослые в них плохо разбираются. Они обязательно что-нибудь напутают.

— А разве нет взрослых, которые хорошо понимают сказки?

— Есть, конечно. Только они не умеют водить самолеты.

— А таких, кто умеет летать и в сказках разбирается, значит, нет?

— Не знаю… Я слышал про одного. Но он жил давно. Он был истребитель и погиб, когда дрался

с фашистами. Упал в море…

Летчик замолчал. И Алешка тоже молчал. Он подумал, что Летчику, наверно, грустно, и не решался его расспрашивать. Внизу потянулся щетинистый синеватый лес.

— Смотри, — сказал Летчик. — Это Заповедный лес номер одиннадцать. Чего в нем только нет! Одних Красных Шапочек — больше десятка. До того вредные девчонки! Думают, что если про них сказка написана — значит, можно воображать, как знаменитым артисткам! И между собой спорят, визжат, чуть не дерутся по разным пустякам.

— Вот это да… — шепотом сказал Алешка. — А еще кто там есть?

— Видишь дорогу? По ней каждый день в двенадцать часов Колобок катится. Хоть часы проверяй… Ну и Заяц ему встречается, и Волк, и Медведь…

— И каждый день его Лиса лопает? — с жалостью спросил Алешка.

— Ну, где там! Сейчас Колобки умные стали, сами в пасть не прыгают… А еще в лесу есть два леших, пещера с гномами и восемь говорящих филинов. Двое даже грамотные.

Внизу на дороге что-то заблестело под солн-

цем.

— Серебряный Витязь едет! — обрадовался Летчик. — Посмотри!

Алешка пригляделся. Действительно, по дороге трусил на косматом жеребце воин в остром шлеме и серебристой броне. Он казался маленьким, как игрушечный всадник из коробки с солдатиками. На копье-соломинке трепыхался пестрый флажок. Белый щит, как зеркальце, отбрасывал солнечные лучи.

— Однажды у него конь охромел, — сказал Летчик. — Пришлось мне везти его в Синее королевство на самолете. Витязя, конечно, а не коня. Такой громадный, столько на нем железа! Хорошо, что самолет неразбивающийся, а то бы мы обязательно загремели.

— А он правда неразбивающийся? — осторожно спросил Алешка.

— Конечно! На нем хоть что можно делать! Хочешь, попробуем?

— Хочу, — очень неуверенно сказал Алешка.

И в этот же миг самолет провалился, земля и небо завертелись со страшной скоростью, а сердце у Алешки прыгнуло в желудок.

«Вот и сказке конец», — подумал он. Зажмурился и сцепил зубы, чтобы не заорать во весь голос.

И тут полет выровнялся. Алешка открыл глаза. Они летели совсем-совсем низко, под самолетом проносилась желтая дорога. Потом промелькнул Витязь.

Алешка успел заметить, что он машет рукой в кольчужной рукавице.

Самолет стал набирать высоту. Алешкино сердце бухало, как большой оркестровый барабан.

— Ф-фу, — сказал Алешка.

Летчик весело посмотрел на него.

— А ты молодец. Я думал, ты испугаешься, а ты даже не крикнул… Вот Витязь два раза орал «мамочка!». Он такой тяжелый, снижаться быстро пришлось, вот он и заголосил… Я ему говорю: «Как же вы со Змеем драться будете, если даже в самолете боитесь?» А он: «Змей — это другое дело, привычное. А сюда меня больше никакими калачами не заманишь».

— Значит, он со Змеем дрался? — спросил Алешка все еще дрожащим голосом.

— Они каждую неделю дерутся, с давних пор. Змей уже старый совсем, из девяти голов только пять осталось. На одной вместо глаза фара от машины. Он все на пенсию просится, а ему не дают. Говорят: «В зоопарк — пожалуйста, на все готовое, клетка с удобствами. А пенсию нельзя,

вы все-таки не человек…» Вот Баба Яга добилась пенсии. За инвалидность. У нее нога костяная.

— Ты ее тоже видел? — с уважением спросил Алешка.

— Я ее в город возил. Она там насчет ремонта избы хлопотала… Вредная такая бабка. Все время ворчала, что я не так самолетом управляю. Я ей тогда сказал: «Бабушка, это все-таки самолет, а не ступа». А она знаешь что? «Попался бы ты мне, когда у меня все зубы целы были…» Ничего себе, да? А потом еще жалобу Диспетчеру написала, что с ней невежливо разговаривали.

— А за что он на тебя злится, этот Диспетчер? Тоже за какое-то сказочное дело?

— Нет. Если бы сказочное, он бы не вмешивался… У ребят щенок жил во дворе. В поселке, недалеко от аэродрома. Какие-то люди проезжали на грузовике, увидели щенка на улице, подхватили — и в кузов. Себе забрать хотели. Ну, ребята закричали, догонять бросились, да разве машину догонишь? А я как раз увидел…

— Догнал?

— Ну да. Сзади зашел на бреющем, над кузовом повис, на крыло выбрался, щенка за шиворот — и в кабину. А шофер перепугался, в канаву съехал… Диспетчер не хотел потом к полетам

допускать. — Летчик вдруг улыбнулся, но без насмешки, а как-то грустно. — Все равно допустил. Раз больше некого…

— Послушай… — нерешительно сказал Алешка. — А как ты стал Летчиком для Особых Поручений? Или это секрет?

— Не секрет. Я могу рассказать, если тебе интересно.

— Еще бы!

— Только… Время еще есть. Давай залетим сначала в Антарктиду.

Алешка решил больше ничему не удивляться. Он лишь сказал:

— Там ведь, наверно, очень холодно.

— Нисколечко.

Они пролетели еще немного, и самолет стал вдруг снижаться над громадным зеленым пустырем. На краю городка. Приземлился и почти застрял в сорняках.

Летчик откинул колпак и прыгнул в заросли.

Алешка следом. У него слегка затекли ноги, и он потоптался, чтобы разогнать кровь.

Потом деловито спросил:

— Вынужденная посадка?

— Прилетели, — тихо сказал Летчик.

Алешка сперва не понял. Потом оглянулся,

поморгал и нерешительно произнес:

— Какая же это Антарктида?

Кругом были репейники, конопля, полынь. От полыни горько пахло летним зноем. На горизонте в сизой дымке виднелся городок.

И была тишина.

Такая была тишина, что даже старательная трескотня трудолюбивого кузнечика не могла ее поколебать. Наваливалась эта тишина отовсюду и словно в плен брала.

Недалеко от самолета в зарослях торчали остатки дощатого забора и два столба с полуоторванной калиткой.

Летчик подошел к столбу, прислонился и шепотом спросил:

— Слышишь, как тихо?

Алешке даже страшновато сделалось.

— Как на другой планете, — сказал он.

— Или как в Антарктиде… когда ее еще не открыли.

— Но это… все-таки ведь не Антарктида, — осторожно сказал Алешка.

Летчик не ответил. Он посмотрел вдаль и спросил:

— Видишь там город?

— Вижу.

— Это город Колокольцев. Мы там жили…

— Кто мы?

— Иди сюда.

Алешка подошел, а Летчик отодвинулся от столба, и на старом дереве стали видны четыре имени. Их когда-то вырезали ножиком:

АНТОН
АРКАШКА
ТИМА
ДАНИЛКА

— Антон — это я, — сказал Летчик. — А остальные — это были мои друзья.

— Были? — спросил Алешка. — А теперь?

Летчик поднял на Алешку серьезные глаза.

— Хочешь расскажу?

Алешке стало тревожно. И он торопливо кивнул.

Глава 9

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК АНТОШКА ТОПОЛЬКОВ СТАЛ ЛЕТЧИКОМ ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

— Мы здесь играли, — сказал Летчик. — Ты же слышишь, какая тишина. Будто на далеких островах… Это была наша страна. Вот смотри: «Ант… Арк… Ти… Да…» Первые слоги имен вместе соединишь — и получается название… Конечно, это не настоящая Антарктида. В настоящую мы, наверно, даже на моей «Стрекозке» не добрались бы. Да нам и не хотелось. Нам хорошо было здесь…

Им было очень хорошо, когда они собирались вчетвером: большеглазый маленький Антон, который чаще всех говорил шепотом и больше всех придумывал; коренастый деловитый Аркашка — это он догадался, как добывать с неба летние звездочки: надо воздушный шарик сверху намазать начинкой от карамельки и отпустить на длинной нитке к небу — звездочка прилипнет, и тащи ее вниз (иногда звездочка прожигала шарик, и он лопался, но это случалось нечасто); был еще худенький белобрысый Тима, который

умел дрессировать кузнечиков; и веснушчатый золотоволосый Данилка — верный друг и веселый художник. Это он нарисовал на заборе озорных зайцехвостов и хитрого зверя Крокопудру, которые потом удрали с досок и стали жить в зарослях.

Хорошо было на этом громадном пустыре, хотя кругом рос только всякий бурьян да стоял старый забор…

Стоило захотеть — и пустырь превращался в неизведанную страну. В чаще лесов прыгали и веселились зайцехвосты — полузайцы-полугномы с обезьяньими повадками, а хищный, но не лишенный юмора Крокопудра устраивал ловушки и приключения. В запутанных пещерах, где непонятным светом горели каменные сосульки, можно было открывать подземные города. А в Зеленом заливе всегда стоял наготове ледокол «Голубой кит»: плыви хоть на север, хоть на юг.

И все это не придуманное, а по правде.

Потому что где-то здесь, на пустыре (может быть, под заросшим крапивой фундаментом кирпичного дома), жила старая-старая Сказка. Только никто из друзей об этом не догадывался. Они просто играли, вот и все.

Четверо друзей никогда не ссорились. И толь-

ко один раз они поспорили. Тима хотел, чтобы малахитовые кузнечики, жившие на пустыре, превратились в маленьких скрипачей, а упорный Аркашка доказывал, что из них надо сделать конницу.

— Кому нужна эта скрипучая музыка! — возмущался он.

А Тима обиженно хлопал белыми ресницами и тихонько говорил:

— Ну послушайте, послушайте… Ну какая же она скрипучая? Ну ведь нельзя же совсем без музыки.

— А без лошадей можно? — крикнул Аркашка и замахал руками. — Как мы догоним Черного Рыцаря? Как мы будем воевать с кенгулапами? Верхом на Крокопудре? А может, верхом на твоих скрипках?

— Ребята, да вы что! — вдруг звонко сказал Данилка. Вытащил из кармана кусок мела и на заборе нарисовал четырех горячих коней. На том месте, где раньше сидел Крокопудра.

— Ух ты! — сказал Аркашка.

И они стали разглядывать лошадей. Не сразу спохватились: где Антон? А потом обернулись, и Аркашка удивился:

— Ты что?

— В глаз попало? — забеспокоился Данилка.

— Ты ушибся? — тихо спросил Тима.

Антошка неловко улыбнулся и отвернул лицо.

— Да ну вас… Я испугался. Я думал, вы сейчас поссоритесь…

— Ты, Антошка, чепуху какую-то выдумал, — сказал самый верный друг Данилка. — Как же мы можем поссориться? У нас же Антарктида.

Антошка улыбнулся:

— Я понимаю. Просто мне показалось…

Был уже совсем вечер. Старая-старая Сказка ушла на отдых, и волшебные заросли исчезли, кругом стояла обыкновенная конопля да репейники. Но тишина была все такая же, как на неоткрытых островах. В этой тишине скользнули с забора и ушли в сумерки белые кони. А мальчишки не видели. Они сидели, обняв друг друга за обожженные солнцем плечи, перепутавшись исцарапанными в джунглях ногами и склонив друг к дружке головы. Так близко, что волосы Тимы и Данилки касались Антошкиных щек.

Антошка шепотом сказал:

— Самое хорошее на свете знаете что? То, что мы живем в одном городе, все вместе. А то как бы мы жили на свете?

— Ну как… — задумчиво начал Аркашка и вдруг

завопил: — Ой-ей-ей! — и вскочил.

У него в кармане лежал спичечный коробок, а в коробке — вечерняя звездочка, которую они позавчера поймали шариком. Звездочка наконец прожгла коробок, затем карман и клюнула Аркашку в ногу. Вот он и закричал!

Вскочил, вытряхнул звезду, и она засветилась в траве.

— Ух какая!.. — сказал Данилка. Поднял ее и стал перекидывать в ладонях, как уголек. Потом размахнулся и кинул в небо. Звезда улетела в вышину и затерялась среди других звезд, которые уже проклюнулись в сиреневых сумерках…

Сквозь тишину протолкались круглые упругие удары главных городских часов. Десять раз.

— Ой-ей-ей, — сказал беспокойный Аркашка, все еще потирая обожженную ногу. — Поздно уже. Как бы дома не влетело.

Они взялись за руки и побежали сквозь кусты к мигающим огонькам.

Они ни разу не поссорились. Случилось другое…

— Что же случилось? — обеспокоенно спросил Алешка.

Летчик сел и прислонился к сломанной калитке. Намотал на палец травинку и сердито дернул

ее. Поднял на Алешку слегка виноватые глаза.

— Если бы я знал… — сказал он. — Я никогда, ну ни за что в жизни не согласился бы поехать в лагерь… Но я же не знал, что так выйдет… Родители уговорили. Отцу надо было в командировку ехать, мама сдавала экзамены в институте, а меня решили отправить в лагерь, чтобы забот меньше было. Я, конечно, сперва отбивался. Ну, упросили. Сказали, всего на три недели… Я, конечно, три недели не выдержал, вернулся через две. Только все равно опоздал, их уже не было.

— Кого?

— Аркашки, Тимы и Данилки… Понимаешь, они разъехались по разным городам.

— Все враз? — удивился Алешка.

— Я и сам не думал, что так может быть, — грустно сказал Летчик. — Все враз. У Аркашки отца перевели работать на стройку в Голубые Холмы, Тимкиных родителей пригласили в новый театр, в Ясноград, — они артисты. А Данилку мама увезла в деревню.

Маленький летчик Антошка помолчал и стукнул кулаком по коленке.

— Нет, если бы я только знал!..

— А что бы ты сделал? — спросил Алешка. — Ну, не уехал бы в лагерь. А ребят-то все равно бы

увезли.

Антошка покачал головой.

— Ни за что! Мы бы что-нибудь придумали. Просто взялись бы за руки, и никто бы нас не расцепил. Когда мы вместе, мы все могли. А тут… Это я во всем виноват…

Алешке показалось, что Летчик сейчас заплачет, и он торопливо сказал:

— Ну что ты! Не так уж ты виноват.

Антошка глянул на него и вдруг задумчиво проговорил:

— Я знаю, что не так уж… Потому что потом я сделал все, что мог.

Потеряв друзей, Антошка понял, что бесполезно лить слезы. Хотя иногда они сами щипали глаза. Антошка очень тосковал по Данилке, Тиме и Аркашке, но у разных людей и тоска бывает разная. Одни просто сидят и готовы протяжно выть на луну, а другие ищут выход. Антон стал искать.

И Голубые Холмы, и Ясноград, и Данилкина деревня далеко от Колокольцева. Пешком вообще не дойдешь, на поезде ехать — очень долго. Антошка понял, что нужен самолет. И конечно, не простой самолет, на котором летают пассажиры с билетами. На нем ведь не будешь летать каждый день туда и обратно. К тому же рядом с

Данилкиной деревней нет аэродрома.

Нужен был свой самолет: легкий, быстрый и маленький. Такой, чтобы мог приземлиться на заросшем пустыре, где лежала ребячья Антарктида.

Самолет — не морковка, его не вырастишь на грядке. И не купишь в магазине, если даже всю жизнь будешь экономить на мороженом. Поэтому Антошка открыл папин шкаф и вытащил свернутые в трубки чертежи.

Антошкин отец — Иван Федорович Топольков — руководил в Доме пионеров кружком авиамоделистов. И маленькому сыну он иногда старался объяснить, что такое элероны, шасси, фюзеляж и угол атаки. Но Антошка до той поры не очень интересовался авиацией. А теперь пришлось.

Он выбрал чертеж самой красивой модели. Но все-таки это была модель, а не настоящий самолет. И Антон аккуратно черной тушью ко всем числам, где обозначались размеры, приписал ноль. Размах крыльев оказался уже не метр, а десять метров, длина фюзеляжа стала не шестьдесят сантиметров, а в десять раз больше. Над фюзеляжем Антошка старательно начертил прозрачный колпак кабины.

Обманывать, конечно, нехорошо. Антон это

прекрасно понимал. Но что было делать? К тому же Антон считал, что его тоже обманули, когда не написали в лагерь про отъезд друзей.

Антошкин отец был в командировке, и занятия в кружке вел староста Сеня Лапочкин, девятиклассник. Антошка принес чертеж в Дом пионеров и отдал Сене.

— Вот… Папа велел начать строить, пока он ездит по делам.

Сеня развернул лист и свистнул:

— Это же целый «Ту-104», а не модель. Зачем такая громадина?

— Я не знаю… — Антон пожал плечами и покраснел. — Не знаю точно… Кажется, папа говорил, что этот самолет понесут впереди колонны на физкультурном параде.

— Гм… — сказал Сеня. — Оригинальная идея. Только я не понимаю, зачем тут настоящий мотор.

— Ну… наверно, чтобы пропеллер крутился по-настоящему.

— И кабина. Даже два сиденья…

— А это… — Антошка покраснел еще сильнее, — это потому, что папа обещал посадить меня в самолет, когда будет парад. А второе кресло — на всякий случай…

Сеня поскреб затылок и поправил очки на длинном носу.

— Ну, что ж… Ребята! Смотрите, какой заказ от Ивана Федоровича! Справимся?

Пришли ребята, большие и серьезные. Посмотрели и сказали, что справятся.

Самолет строили во дворе. Потому что если построить в комнате, то ни в окно, ни в дверь не вытащить, а разламывать стену директор Дома пионеров не разрешит. Антошка все дни крутился рядом и смотрел, как идет работа, а по вечерам, в постели, мечтал о полетах и встречах с друзьями. Перед сном он тыкался носом в подушку и шептал:

— Спокойной ночи, Тима; спокойной ночи, Аркашка; спокойной ночи, Данилка. Не грустите. Скоро я за вами прилечу…

Корпус и крылья самолета собрали из твердых реек и обтянули серебристой пленкой. Мотор и колеса взяли от старого мотороллера. Когда первый раз испытывали пропеллер, по двору помчался шелестящий ветер и самолет приподнялся на пружинистом шасси.

— Как бы совсем не улетел, — сказал Сеня. И у Антона застучало сердце.

Перед самым физкультурным праздником

вернулся из командировки Иван Федорович Тополько́в. Он очень удивился, когда увидел во дворе Дома пионеров серебристый самолет. Ребята показали ему чертеж. Антошкины нули были написаны аккуратно, и отец ни о чем не догадался. Решил, что сам перепутал размеры, когда писал числа. Он побранил себя за рассеянность, но огорчаться не стал. В самом деле, было совсем неплохо вынести такую крылатую громадину на парад и удивить весь город!

А будущий летчик Антошка Тополько́в очень волновался. Не надо думать, будто он боялся полета! Он боялся, что не сумеет взлететь. Ведь поднять в воздух самолет можно было только во время парада, когда колонна выйдет на площадь. Со двора не взлетишь: кругом заборы, а вверху провода.

Но утром, перед началом парада, Антон сжал зубы и приказал себе не волноваться. Он знал, что, если будет нервничать, у него ничего не получится.

Самолет был такой легкий, что его подняли и понесли всего двенадцать человек. Правда, это были здоровые ребята-старшеклассники.

Антошка покачивался в кресле и трогал ручку газа. Сеня сказал ему в самом начале: «Когда

подойдем к площади, поверни рукоятку. Но не сильно, только чтобы винт завертелся».

Полоскались по ветру большие разноцветные флаги, играли сверкающие трубы, бухали барабаны. Площадь приближалась.

Антошка поставил ноги на педали, правую ладонь положил на ручку управления, левую — на рукоятку газа. На секунду ему стало страшно. Однако он представил, как удивится Аркашка и обрадуется Тима, как засмеется Данилка, когда он прилетит к ним. И страх ушел. Антон опустил прозрачный колпак кабины. Дома расступились, и впереди открылся простор. Антон слегка повернул рукоять.

Ф-р-р-р! — пропеллер рванулся, зашумел, как большой вентилятор. «Давай», — приказал себе Антон и еще на пол-оборота повернул рукоять. Самолет приподнялся и задрожал.

— Эй-эй! — закричали снизу. — Кончай!

— Сейчас, — сказал Антошка и нажал еще. Самолет рванулся, срезал кончиком крыла большую связку воздушных шаров над колоннами и на бреющем полете пошел над головами. Антон потянул на себя ручку управления. Площадь стала быстро и плавно уходить вниз. Антон, конечно, не слышал криков. Он только видел, как

люди машут руками. Они, наверно, решили, что полет подготовлен специально ради праздника.

«Ох и будет мне дома!» — мельком подумал Антошка и тут же забыл про это.

Вверху распахивалось праздничное темно-синее небо. Земля стала громадной и теряла свои края в дальних-дальних туманах. Где-то на севере за туманами лежали Голубые Холмы, и Антошка повернул самолет. Он делал все так, как читал в книжках про летчиков. И самолет слушался, нисколько не капризничал.

— Хорошая ты моя стрекозка… — сказал ему Антошка.

Самолет летел над северной окраиной Колокольцева. Антошка увидел свой дом, школу, пруд, где мальчишки ловили окуней, белую башню музея со старинными часами. А за крайней улицей начиналось зеленое поле Антарктиды.

И вдруг отказал мотор.

Он стал работать все тише, тише, взмахи пропеллера сделались редкими, словно кто-то перед кабиной вскидывал руки, прося о помощи. В баке кончилось горючее: ведь никто не готовил машину для дальнего полета, а сам Антошка не подумал об этом.

Самолет клюнул носом и пошел к земле.

Антошка не испугался. То есть он испугался, но не того, что разобьется, а что сейчас у него отберут самолет и никогда-никогда он уже не полетит к ребятам.

Он довольно легко посадил свою послушную машину на пустырь. Под крыльями зашелестел бурьян, и стало тихо. Совсем тихо. Антошка прислонился лбом к холодному щитку с приборами и долго так сидел. Потом он услышал крики.

Это кричали испуганные люди. Они топтали заросли Антарктиды и спешили к самолету. Среди них были Антошкин папа, директор Дома пионеров и завуч Антошкиной школы Вера Северьяновна Холодильникова. Впереди всех бежал милиционер. Он дул в свисток.

Антон вылез из кабины, опустил голову и стал ждать грозных слов, упреков и наказания.

— Негодный мальчишка! — сказал запыхавшийся отец. — Ты меня чуть-чуть не довел до инфаркта.

И это была правда.

— Это всем известный Тополько́в. Первый нарушитель дисциплины в третьем «В», — грозным голосом произнесла Вера Северьяновна.

И это была неправда.

А милиционер стал доставать из сумки блокнот

и авторучку. И это было очень неприятно.

И вдруг совсем рядом появился высокий строгий человек в голубой форме и белой фуражке. (Антошка так никогда и не понял, откуда он взялся.) Человек осторожно притянул к себе Антошку за локоть и негромко сказал:

— Очень прошу вас, граждане, успокойтесь. И не трогайте мальчика. Он находится под охраной Сказки…

— А потом? — спросил Алешка, потому что Летчик замолчал.

— Потом привел меня этот человек в большую комнату. Там разные карты на стенах и всякие приборы. Посадил меня в кресло и спрашивает: «Яблоко хочешь?» Я подумал и говорю: «Хочу». Потому что правда есть захотелось. Стал я жевать яблоко, а он говорит: «Есть одно дело, Антон. Очень серьезное. Заболела маленькая девочка, умереть может. Была она дома одна и съела что-то такое, чего есть нельзя. А что именно, никто не знает, и врач не может понять, от чего ее лечить. Надо помочь».

Я, конечно, молчу, потому что я ведь совсем даже не врач. А он опять говорит: «Была там рядом с девочкой плюшевая обезьяна. Она все видела, но говорить-то она не умеет. Понял меня?»

А я ничего не понял. Он стал объяснять, что далеко на северо-западе есть волшебный лес и там живет колдун, который умеет разговаривать с игрушками. Спрашивает меня: «Сможешь отвезти туда обезьяну, чтобы колдун поговорил с ней?»

Он спросил у Антона:

— Сможешь? — и очень серьезно посмотрел ему в глаза. — Не боишься?

Антошка не боялся полета и не очень боялся колдуна. Он только удивился:

— Разве нет взрослых летчиков?

Человек в голубой форме усмехнулся:

— Видишь ли… Чтобы лететь в сказочный лес, надо сначала поверить, что он есть на свете. Никто из взрослых летчиков не верит в сказки.

— Вы думаете, я верю? — сказал Антошка.

— Я знаю. Иначе ты с друзьями не придумал бы свою Антарктиду.

— Хорошо, — сказал Антошка и больше не стал спорить. Вдруг девчонка и в самом деле умрет? Тогда уж никакие сказки не помогут.

Он посадил на заднее сиденье плюшевую одноглазую обезьяну. Механики залили бак горючим. И Антошка отправился в свой второй полет.

— Нашел колдуна? — спросил Алешка.

— Да не понадобился колдун. Эта обезьяна заговорила прямо в самолете.

— Сама?!

— Ну да. Сказала, что девчонка съела два тюбика крема для бритья и ее обезьяний стеклянный глаз.

— Вылечили?

— Конечно… Только мне тут же пришлось лететь на Темное озеро. Там в подводной школе у русалок дырка в крыше появилась, и они требовали водолаза.

— Ну и как они, русалки-то?.. — поеживаясь, спросил Алешка.

— Да как все девчонки. Хихикают да кривляются. Еще хуже Красных Шапочек.

— Не щекотали?

— Я бы им пощекотал! Я на всякий случай вот такую палку взял…

— А дальше? — сказал Алешка.

— Дальше? Главный Диспетчер записал меня в список летчиков. Сказал, что буду летать по Особым Поручениям, потому что опыт у меня уже есть и машина надежная… Выдали планшетку. Форму сшили, только я ее не люблю: суконная, колючая, воротник шею надирает, как терка…

— Ты рад, что стал летчиком?

Антон пожал плечами. Потом улыбнулся:

— Как когда… Один раз у нас контрольная по математике, а я — ни бум-бум. И вдруг дежурный в дверь кричит: «Тополькова к директору!» А там — пакет от Главного Диспетчера: срочно в полет. Здорово получилось. Только Вера Северьяновна ворчала.

— А ты, значит, круглый год летаешь, не только летом?

— Круглый год… Но когда прилетаешь в Сказку, там почти всегда лето. Видишь, я поэтому и загорелый. — Летчик засмеялся и вскочил.

— Подожди, — осторожно сказал Алешка. — А самое главное? Ты летал к ребятам?

Антошка перестал смеяться.

— Летал…

Глава 10

Вот что было.

Он прилетел в Голубые Холмы и разыскал Аркашку. Круглое Аркашкино лицо расплылось в улыбке.

— Ух ты! Антон! Ты насовсем или в гости?

— Я за тобой, — сказал Антошка. — Летим к ребятам. У меня самолет. Настоящий, честное слово!

Аркашка вроде бы не очень удивился.

— А откуда? В Доме пионеров построили? А у нас в техническом кружке роботов делают. Хочешь, покажу?

— Потом, — сказал Антон. — Аркашка… Ну, ты что? Давай скорее полетим к Тимке и Данилке.

Аркашка вздохнул:

— Понимаешь, у меня в два часа занятия в кружке.

— Аркашка… — тихо сказал Антон. — А как же Антарктида?

Аркашка еще раз вздохнул и посмотрел на часы.

— Знаешь что? Ты слетай сначала к Тимке. Договоришься с ним, а потом прилетите за мной.

— Ну что ж… — сказал Антон.

Тима играл на скрипке. Музыка доносилась из окна. Еще издалека слышно было, как хорошо Тима играет.

Он увидел в дверях Антона, опустил смычок и тихо спросил:

— Антошка… это по правде ты?

— Хочешь вернуться в Антарктиду? — сказал Антон. — У меня есть самолет. Честное слово.

Тима посмотрел на него, потом на скрипку.

— А ее можно взять с собой? С ней ничего не случится на высоте?

— Мы ее завернем. И я полечу осторожно, — сказал Антон.

И тут в комнату вошел знаменитый Тимин папа.

— Антоша, — сказал он, — я могу поговорить с тобой как мужчина с мужчиной? С глазу на глаз.

— Конечно, дядя Витя, — сказал Антошка.

Они вышли в коридор. Дядя Витя взволнованно поправил на круглом животе подтяжки и заговорил:

— Видишь ли… Я тоже понимаю, что такое дружба. Что такое любимые места, любимые игры и так далее. Да… Но Тима так увлечен музыкой. У него успехи. Он играл уже в настоящем

концерте. Он не может отвлекаться. Занятия музыкой требуют ежедневного труда.

Антошке захотелось заплакать, но он сдержался и сказал:

— Ну что ж…

— Мы всегда будем рады тебя видеть! — крикнул вслед Тимин папа.

Антон посадил свой самолет на лужайке за деревенскими огородами. Расспросил мальчишек и нашел Данилкин дом.

Данилка сидел на крыльце и лепил из глины веселого большого крокодила. Антошка не успел ничего сказать. Данилка встал, быстро обернулся, будто его окликнули. Он улыбнулся только чуть-чуть, но глаза у него и даже веснушки просто засияли.

— Ну вот, — сказал он. — Я ведь всем говорил. Я знал, честное-честное слово, знал, что ты приедешь. Даже мама не верила, а я все равно знал… Ты на чем?

— На самолете… Нет, правда! Я не шучу, Данилка, не думай. Есть маленький самолет. Летим в Антарктиду!

Данилка все еще улыбался, но уже невесело.

— Если на самолете, мне нельзя, — сказал он. — Не разрешат.

— Но это совсем безопасный самолет!

— Не в этом дело. Врач не разрешит. Оказывается, у меня сердце… Ну, болезнь какая-то привязалась. Поэтому и в деревню переехали, здесь спокойней. Мне даже бегать не дают, а на высоту и совсем нельзя. Если буду режим нарушать, придется операцию делать. Я операции не боюсь, да мама ужасно беспокоится.

Что тут скажешь? Если остановится сердце, не поможет никакая сказка. И Антошка, изо всех сил стараясь улыбаться, сказал:

— Ты не горюй. Я буду прилетать. Часто…

Он прилетал. И к Данилке, и к Аркашке, и к Тиме. И все ему были рады. Но появились у ребят там, на новых местах, новые друзья — те, что всегда близко, рядом. А летчик Антошка Тополько́в долго быть рядом не мог. Потому что были на свете Особые Поручения.

— …Вот так и летаю, — сказал он Алешке. — Уже целый год. Заповедные леса, тридевятые царства…

— Интересно, да?

— Бывает интересно. Бывает даже страшно, а иногда весело… Только все равно…

— Что все равно?

— Ну, понимаешь… не нужны никакие волшеб-

ные страны, если ты один. Скучно в них одному.

— Почему же ты один? — возразил Алешка. — Ты же всегда летишь с пассажиром.

— Ну и что? Пассажир долетит до места и уйдет. У каждого своя сказка, своя дорога. Я по чужим сказкам летаю, а своей у меня вроде бы и нет. Кончилась.

— Ты думаешь, кончилась?

— Конечно. Антарктиды уже нет, ребят я не собрал… А ведь самая хорошая сказка, когда находишь друга.

— Это верно, — сказал Алешка. — Знаешь что, Летчик? Тебе нужен второй пилот.

— Нет, — сказал Летчик. — Пилот ни к чему. Он второе кресло займет, а куда пассажира усаживать? Вот если бы такой человек был рядом, как Данилка… или как Тима… Ну, или вообще… такой человек, чтобы он рядом мог быть или даже в одном кресле… Нам бы тесно не было. Главное, чтобы вместе…

— Я понимаю, — сказал Алешка.

Он понимал. Но солнце стояло уже невысоко, а у Алешки была своя сказка, своя дорога. И чтобы напомнить об этом Летчику, он осторожно спросил:

— Обратно я тоже с тобой полечу? Или как?

— Обратно на поезде, — сказал Летчик. — Так полагается. Удобнее и проще получится, вот увидишь… Ну, поехали.

Они летели, пока солнце не ушло за горизонт. Небо оставалось еще светлым, а земля укрылась в сумерках.

Летчик посадил самолет в большом поле. Алешка выпрыгнул из кабины. Трава была с мягкими листьями и шелковистыми метелками. Пахло теплой землей, травяным соком и почему-то молоком.

На западе желтел над верхушками трав неяркий закат. Повыше заката в зеленоватой полоске неба висела половинка луны. Она была выпуклая, ноздреватая и, кажется, пахла, как свежая горбушка. Выше луны-горбушки небо становилось сиреневым, и в нем проглядывали звезды.

Летчик тоже прыгнул из кабины и встал рядом с Алешкой.

— Ну вот, — негромко сказал он. — Теперь уж совсем прилетели… Ты иди прямо на закат. Сначала будет просто трава, потом тропинка, а дальше — дорога. Пойдешь по ней и увидишь город. Это недалеко.

— Спасибо, Летчик, — сказал Алешка. Он почему-то чувствовал себя слегка виноватым и

стеснялся взглянуть Антошке в лицо. Но все-таки взглянул.

В Антошкиных глазах золотыми точками отражались половинки луны.

— Прощай, Летчик, — тихо сказал Алешка и взял в руки маленькую Антошкину ладонь. Ладошка была твердая и теплая.

— Прощай… — сказал Летчик и опустил глаза.

Было неловко просто так уходить. Алешка вздохнул и спросил:

— Сейчас полетишь обратно?

Летчик покачал головой.

— Нет. Я здесь посижу. До утра.

Он отошел от самолета и сел у маленького колеса. Прислонился спиной к пухлой шине.

— Зачем? — встревоженно спросил Алешка.

— Ну, просто так. Вдруг кто-нибудь придет? Какой-нибудь пассажир.

— Тебя Диспетчер потеряет.

— Он не потеряет, он привык. Я не люблю летать один.

— Летчик… — нерешительно сказал Алешка. — А мне, значит, никак нельзя с тобой обратно лететь?

— Нет. Понимаешь, не нужно рисковать. Твой путь на этом самолете по Зеленому билету кон-

чился. Если полетишь опять, закрутят, замотают нас всякие дела, неизвестные маршруты. Может, на неделю, может, на месяц, а может, и насовсем. А тебе ведь некогда, у тебя своя дорога.

— Да, — сказал Алешка и выпрямился. Он вспомнил. И произнес решительно: — Я пойду.

— Конечно. Пора, — сказал Летчик.

И все же Алешка еще не ушел. Спросил:

— А ничего, что ты здесь один? Ночь ведь.

— Ну, что ты, — сказал Летчик. — Ничего со мной не случится. Я под охраной Сказки.

— Сказка сказкой, а ночью все равно холодно, — ворчливо заметил Алешка. — Ты возьми-ка мою куртку. С ней хорошо, она походная.

— Да не надо! Тебе же дома влетит.

— Ни капельки мне не влетит, даже не думай!

Алешка скинул с плеча куртку и набросил на Летчика.

Тот сидел, съежившись, и куртка накрыла его всего — от плеч до сандалий.

— Спасибо, — сказал Летчик. — Ну, ты уж иди. Скоро совсем стемнеет.

Он протянул из-под куртки руку. Алешка еще раз пожал его твердую ладошку, повернулся и пошел среди темной шелестящей травы. А когда оглянулся, за травой не видно было ни Летчика,

ни самолета.

Глава 11

Алешка и в самом деле вскоре вышел на тропинку, а затем на проселочную дорогу. Она вела прямо на закат. Там, на желтой полоске неба, проступали черные крыши и башни.

«Хоть бы успеть до закрытия музея», — подумал Алешка.

И тут дорогу ему перешел черный кот.

Кот был большой. И шел не как все коты, а на задних лапах. Передние лапы он заложил за спину и шагал не торопясь, будто размышлял на ходу. Голова у кота была опущена, а хвост загнут вопросительным знаком.

Алешка вообще-то не верил в приметы, но тут он остановился и от досады плюнул.

И кот остановился. Глянул через плечо на Алешку и капризным тонким голосом сказал:

— Боже мой, как вы все мне надоели!

— Кто? — обалдело спросил Алешка.

— Все, — решительно сказал кот. — Те, кто плюются и ругаются, когда меня видят.

Алешка смутился.

— Это я просто так плюнул, — пробормотал он. — При чем здесь ты?

Но кот не поверил.

— Вот засунуть бы тебя в мою шкуру, — обиженно сказал он. — В эту самую шкуру, черную и лохматую. Тогда бы узнал…

Кот вдруг уселся на краю дороги, задней лапой почесал за ухом и уже спокойно продолжал:

— Куда ни сунешься — везде дороги. Улицы, тротуары, тропинки, аллеи, лестницы. И везде люди. Куда ни пойдешь, обязательно кому-нибудь поперек дороги. И каждый шипит на тебя, как змея… Только в Ветрогорске и отдохнул немного.

— Отдохнул? Почему?

— Я там целую неделю прожил. В пустой бочке, на берегу. Хороший город, никто не ругается. Даже собаки не пристают.

— А зачем ушел? — удивился Алешка.

Кот горестно засопел.

— Не нашел я там подходящей сапожной мастерской… Хочу сапоги заказать, а никто не берется. Говорят: таких маленьких колодок нет… Ходил в кукольную мастерскую, а там сапоги не шьют. Всякие башмачки и туфельки — пожалуйста. Или даже босоножки. А зачем они мне? Мне сапоги нужны. Красные, с отворотами.

— Для чего тебе сапоги? — опять удивился Алешка. Тогда удивился и кот.

— Ты что, неграмотный? Сказку про Кота в сапогах не знаешь? Даже кино такое есть.

— Сказку я знаю, — слегка обиделся Алешка. — Да она ведь не про всякого кота. Ты думаешь, надел сапоги — сразу стал Котом в сапогах?

Алешка думал, что кот рассердится. Но он опять задумчиво поскреб за ухом и сказал:

— А что ж… Тот кот был тоже обыкновенный, пока сапоги не раздобыл. Ничем не лучше других… Дело в том, что если кот гуляет в сапогах, на него больше внимания обращают. Авторитет повышается. И легче отыскать своего маркиза Карабаса. Помнишь, как в кино? Он подружился с Жаном, который потом сделался маркизом Карабасом.

— Значит, ты ищешь маркиза? — спросил Алешка чуть насмешливо.

Кот вздохнул протяжно и невесело:

— Не обязательно маркиза. По правде говоря, хоть кого. Лишь бы одному не мыкаться.

«Бедняга, — подумал Алешка. — Видно, несладко ему, хоть и страна сказочная, и сам он говорящий».

А кот словно угадал его мысли. Жалобно глянул зелеными глазами и спросил:

— Тебе попутчик не нужен? Я тут все места

знаю. Такие могут быть приключения, пальчики оближешь.

Конечно, было бы здорово вернуться домой с говорящим котом. Но Алешка вспомнил, что мамы нет дома, а тетя Даша терпеть не может кошек. А не познакомить ли кота с Софьей Александровной?

«Нет, — подумал Алешка. — У него характер слишком самостоятельный. Не уживется он там с ее Кузями и Батончиками».

— Понимаешь… — смущенно начал он.

— Да понимаю, — перебил кот. — У каждого свои заботы. Я и не обижаюсь. Только если плюются вслед, зло берет. Куда деваться-то? Не могу же я по воздуху летать…

— По воздуху? — переспросил Алешка. И обрадовался неожиданной догадке. — Слушай, котик! Ты иди сейчас вон туда, все прямо. Там среди травы стоит маленький самолет, а у самолета сидит мальчик. Это не просто мальчик, а Летчик. Ему очень скучно летать одному. Ты скажи, что ищешь товарища. Он будет рад.

— Ты думаешь? — спросил кот и даже задрожал от волнения. — Он меня возьмет?

— По-моему, возьмет. Тебе ведь кресла отдельного не надо, ты маленький.

— Конечно! Я могу совсем в клубочек свернуться! Спасибо! Я побежал!

Кот опустился на четыре лапы, взмахнул хвостом и черной молнией метнулся в траву. Будто и не было его. Только верхушки травы качнулись.

Алешка посмотрел ему вслед и зашагал к Ветрогорску. Несколько минут он чувствовал непонятную досаду: словно что-то сделал не так. Но потом стал думать о клипере и забыл обо всем остальном.

Ветрогорск начался маленькой улицей, заросшей узловатыми вязами и дубами. Домов в сумерках почти не было видно. В башенках и верхних этажах светились окна. Этот свет сквозь листья падал на выпуклую булыжную мостовую и блестел на камнях, как на чешуе громадной рыбы. А небо стало совсем ночным, темно-синим.

Улица оказалась длинной. Она тянулась между заросших откосов, над которыми дрожали огоньки, выскакивала на горбатые мостики. Под мостиками журчала вода и горланили лягушки.

Алешка вышел наконец на маленькую круглую площадь. Там горели фонарики. Посреди площади стояла большая белая статуя рыбака. Рыбак сжимал в руке обломок весла, а на плече держал рыбу, похожую на акулу. Кругом были дома с

балконами, галереями и лесенками. Прозвенел и укатил в темную щель переулка открытый трамвайчик со смеющимися пассажирами.

Из переулков долетал соленый полузнакомый запах. На зюйдвестке каменного рыбака, на светлых стенах верхних этажей равномерно зажигались и гасли отблески желтого света. И Алешка понял, что это свет маяка, а пахнет морем.

Алешка оглянулся: у кого узнать дорогу к Корабельному музею? Прохожих было немного. Но сзади вдруг послышался веселый шум, и Алешку окружила компания мальчишек.

Алешка струхнул в первую секунду, но тут же увидел, что нечего бояться. Мальчишки были очень дружелюбные. Один из них, темноволосый, тонкий и высокий, сказал Алешке, будто знакомому:

— Пойдем с нами! Мы идем искать говорящего дельфина Степку. Он знает, где затонул старый пароход «Везувий» с елочными игрушками. Говорят, Степка сегодня ночует в Желтой бухте. Идем! У нас как раз не хватает в команде одного человека.

— Да хотя бы и хватало! Все равно пойдем! — вмешался круглоголовый малыш в широченных

штанах до пят и тельняшке. У него были крупные, как копейки, веснушки и не было двух зубов. — Пойдем, — повторил он. — Степка нас покатает. Он знаешь как носится!

Он шепелявил, и поэтому получилось: «Штепка наш покатает. Он жнаешь как ношитша!»

Остальные засмеялись, но ни капельки не обидно, а высокий опять сказал:

— Сегодня такой вечер. Обязательно будет какое-нибудь приключение.

Многие из ребят были с веслами, а двое держали на плечах брезент, намотанный на длинный брус. Алешка догадался, что это парус.

— Ребята, — сказал он, — я не могу. Спасибо. Но я правда не могу, честное слово. У меня такое важное дело, а времени совсем нет.

Они не обиделись, но огорчились. И малыш в тельняшке сказал:

— Штрашно жалко.

Алешка спросил ребят, как добраться до Корабельного музея, и они тут же объяснили, что «сперва вон в тот переулок, потом через большой сад, потом через дырку в изгороди, и там сразу увидишь».

Сад был похож на заповедный лес, дорожка заросла ползучими травами. Проносились лету-

чие мыши. Над лужайками, словно стаи бабочек, мерцали зеленые огоньки. Мелькнуло желтое окошко с переплетом крест-накрест. Кто-то шагал за Алешкой следом. По сторонам раздавался иногда треск ветвей. Вдруг ударили два выстрела, и веселый голос крикнул: «Мимо, гражданин Кривая Акула! Теперь моя очередь!» Потом зазвенел колокольчик.

Несколько раз Алешку окликали: «Мальчик, постой! Мальчик, хочешь с нами?» Но он не отвечает и не замедляет шагов. Он чувствовал, что если оглянется, то его обязательно закружит, отвлечет от главной дороги какая-нибудь сказка.

Алешка добрался наконец до изгороди, нашел дыру и вылез на каменный тротуар.

Музей он увидел сразу. Это был старинный дом, похожий на большую церковь, только без куполов. Над фасадом поднималась настоящая корабельная мачта с огоньками. Окна музея светились.

Алешка перебежал улицу и поднялся на крыльцо.

Двери были очень высокие. Дубовые. Их украшали вырезанные из дерева парусные корабли и медные ручки в виде скрещенных якорей.

Алешка был уверен, что двери прочно заперты.

Но все же он ухватился за медный якорь и потянул. Дверь тяжело и бесшумно отошла. Узкая полоса света легла на крыльцо.

«Наверно, забыли запереть», — подумал Алешка.

Что ему было делать? Не затем же он плыл и летел сюда, чтобы сейчас отступить.

Алешка приоткрыл дверь пошире и проскользнул внутрь.

Он оказался в вестибюле, неярко освещенном большими узорчатыми фонарями. Сразу было видно, что фонари эти — от старинных кораблей. Справа лежал у стены громадный черный якорь. Под его великанской лапой спал серый щенок. Он дернул ухом, но не проснулся.

Слева была лестница, она полукругом уходила в высоту за фонари. Вместо перил по сторонам ее были натянуты морские канаты. Толщиной почти с Алешку. Они провисали от тяжести.

Внизу у лестницы смутно белела скульптура. Алешка подошел. Он увидел, что это гипсовый мальчик на сером валуне. Мальчик, видимо, выбрался из воды. Он стоял на одном колене и держал выловленную в море бутылку. Бутылка была настоящая. Сквозь неровное зеленоватое стекло внутри ее был виден трехмачтовый ко-

раблик.

Гипсовый мальчик задумчиво разглядывал бутылку. Может быть, он хотел догадаться, как этот крошечный фрегат попал туда? А может быть, наоборот, думал, как его вызволить из плена, не разбивая старую и таинственную бутылку?

«Он тоже охотился за корабликом, — подумал Алешка. — Как я». Но мальчик не был похож на Алешку. Скорее он походил на Летчика.

Алешка стал подниматься по лестнице. Над ней висели громадные корабельные флаги всех стран и всех времен. Один флаг мягко коснулся Алешкиного плеча.

Впереди посветлело. Лестница сделала плавный поворот и привела Алешку в высокий зал. Здесь на стенах висели темные картины. На них смутно проступали паруса. Тускло золотились рамы.

А внизу, у стен, стояли дубовые коричневые штурвалы, большущие медные компаса на лакированных подставках, грудами лежали спасательные круги с русскими и нерусскими буквами названий.

В простенке между узких решетчатых окон Алешка увидел витрину. За стеклом лежали бутылки: маленькие и большие, круглые и гра-

неные, прозрачные и темные. С цветным воском на горлышках. Рядом с бутылками разложены были полуистлевшие листки бумаги и лоскутки с едва заметными буквами. Наверно, эти бутылки с письмами были выловлены в море. В письмах говорилось, конечно, о кораблекрушениях и кладах.

Над витриной висел могучий медный колокол с парусного корабля. На нем по ободу тянулись выпуклые буквы: *«АЗИМУТЪ»*.

А еще Алешка увидел русалку (он даже вздрогнул). Но русалка была деревянная. Когда-то она украшала нос большого клипера, а сейчас поселилась в углу музейного зала, между шкафом с толстенными морскими книгами и медной корабельной пушкой.

В общем, все это было очень интересно. Только слишком уж тихо кругом. И Алешка чуть не подскочил, когда услышал позади мелкие шаги.

Это был щенок — тот, что спал недавно под якорем. Он посмотрел на Алешку и замахал хвостом, похожим на запятую. Алешка обрадовался: вдвоем веселее. А то уж очень таинственно и, по правде сказать, страшновато было в пустом музее.

Алешка прошел в другую комнату. Здесь не бы-

ло такой тишины. Отовсюду доносилось тиканье: тихое — как стрекот насекомых, громкое — как стук молоточков, звонкое — как дребезжание пружинок. Редкое и частое — вперемешку. Часы были повсюду: на стенах, за стеклами витрин, на подоконниках. Большие часы из кают-компаний и адмиральских гостиных. Хронометры отважных штурманов, похожие на будильники в ореховых шкатулках. Бронзовые, фарфоровые, чугунные, костяные часы. В виде кораблей, маяков, штурвалов, спасательных кругов…

А за стеклами шкафов, среди рулонов пожелтевших карт блестели медью подзорные трубы и непонятные инструменты.

«А где же модели?» — подумал Алешка.

Он обошел глобус-великан, опоясанный медными кольцами, и оказался в третьем зале. Щенок не отставал.

Здесь тоже не было моделей. На стенах висело оружие, а в углу улыбался… пират. Ненастоящий. Пират был в зеленом камзоле, рыжих сапогах с отворотами и драной треугольной шляпе. Из-под шляпы виднелись концы пестрой косынки. За поясом, как и полагается, торчали рукоятки ножей и пистолетов. А в руке этот разбойник сжимал ятаган, похожий на кривую пилу-ножовку.

Рожа у пирата была… ну, в общем, самая пиратская, хотя и с улыбкой.

«Попадись такому на темной улице…» — подумал Алешка.

Щенку пират, видимо, тоже не нравился. Щенок припал на передние лапы, неумело рыкнул и вдруг залился таким звонким лаем, что эхо раскатилось по всем этажам.

— Тихо ты, сумасшедший! — испугался Алешка.

Щенок перестал тявкать и хитро посмотрел на него.

Послышались шаги.

«Ну вот, — подумал Алешка, — влетит мне сейчас».

В дальнем углу открылась незаметная дверца. В зал шагнул высокий человек в синей куртке с морскими пуговицами.

«Ну, сейчас он мне даст…» — опять подумал Алешка.

Человек сказал:

— О, да здесь посетитель! Такой поздний гость. Видимо, тебе очень нравится в музее?

— Нравится… — нерешительно ответил Алешка. — Только я не очень рассматривал. Я пришел по делу.

— Вот как! По важному делу?
— Да.
— Ну, рассказывай.
— А вы… Значит, вы здесь работаете?
— Я — Хранитель музея.

Глава 12

Почему Алешка не догадался сразу, что это — Хранитель?

А вот почему.

Он думал, что Хранитель — старый, седой, важный. С бородой. А этот был еще молодой. Стройный, сухощавый. Похожий на учителя физкультуры из Алешкиной школы, только повыше.

У Хранителя были удивительные глаза. Даже при неярком свете видно было, что это очень светлые глаза — как морская вода, пробитая солнечными лучами. И в них не было ни капельки строгости. Алешка перестал тревожиться.

— Значит, важное дело у тебя? — переспросил Хранитель.

— Да… Скажите, правда, что все модели кораблей, которые уплывают от хозяев или теряются, находят дорогу к вам?

Хранитель кивнул.

— Правда. Но только хорошие модели. Если их делают с любовью. Плохие гибнут в пути.

Алешка оглянулся.

— Но я смотрел, смотрел… тут нет ни одного кораблика…

— А они не здесь. Пойдем.

Хранитель взял Алешку за руку и повел.

За маленькой дверцей была винтовая лестница с медным поручнем и гулкими железными ступеньками. Она уходила словно в глубокий колодец. У Алешки даже голова закружилась, когда они спускались.

Внизу была полукруглая дверь. Хранитель нажал на нее плечом и сказал:

— Входи.

В большом подвальном зале с могучими столбами и сводчатым потолком раскинулось корабельное царство. Сначала Алешка увидел громадные модели фрегатов — они были размером с настоящую шлюпку. Их мачты почти касались больших судовых фонарей, которые на цепях висели под каменными сводами. За фрегатами тянулись столы и витрины с моделями поменьше. Среди бригантин и галеонов темнели узкие строгие крейсеры и эсминцы. Сквозь такелажную паутину брамсельных шхун и каравелл сверкали белой краской лайнеры и сухогрузы. Подводная лодка длиною с карандаш устроилась рядом с полутораметровым парусным корветом. Среди торосов из голубого стекла подымал могучий форштевень атомный ледокол. За ним пламенел

крылатый парус малайского катамарана…

— Их тут, наверно, целая тысяча, — шепотом сказал Алешка. — Я и не думал, что их столько может быть на свете.

— На свете их гораздо больше, — отозвался Хранитель. — Но здесь собраны лучшие образцы малого флота.

Они медленно шли мимо витрин, тумбочек и полок с моделями. Шаги и голоса были приглушенными: стены из пористого камня поглощали звуки. Хранитель неторопливо говорил:

— Малый флот живет на свете с тех же давних пор, что и большой. Когда человек выдолбил первую в мире лодку, он тут же сделал другую — маленькую. Может быть, он повесил ее над очагом, чтобы умилостивить духов, а может быть, отдал играть сыну. Кто знает… Эти маленькие лодки сейчас находят в древних пещерах и курганах… Потом люди строили галеасы и каравеллы, и вместе с большими парусниками появлялись на свет другие, в сто раз меньшие. То же самое получилось с бригами и клиперами. А потом пришла очередь пароходов, стальных крейсеров, атомных кораблей… Старые корабли разрушались, гибли в бурях и боях, горели и разбивались о скалы. А их маленькие братья жили и жили…

Скучные люди говорят: «Зачем все это? Игрушки. Пустая трата времени». Ничего они не понимают, мальчик…

У маленьких кораблей большая служба. В детях они будят мечты о дальних островах и синих заливах, о штормах и пассатах. Они приносят иногда кусочек моря в такие края, куда ни разу не залетал морской ветер. Маленький мальчик возьмет кораблик, проведет пальцем по вантам, качнет легонькие реи — и вот уже он не просто мальчик, а будущий штурман…

Маленькие корабли учат большому мужеству. Моряки с крейсеров и подводных лодок смотрят на модели боевых фрегатов и крепче помнят о грозной славе отцов и дедов…

А старым морякам эти модели дают радость и утешение. Они напоминают о прошлых плаваниях, о славных временах и не дают уснуть морской гордости в старых сердцах…

Вот так… А еще есть примета, что модели кораблей приносят удачу.

Ты слышал про такой обычай: в портовых тавернах обязательно висят под потолком кораблики. Морякам, которые засиделись на берегу, такой кораблик напоминает: пора в океан. А тем, кто далеко от своей земли, он словно говорит: «Не

горюй, дружище! Крепкий и надежный корабль доставит тебя домой»…

Алешка слушал, не перебивая. Все было очень интересно. Алешка подумал, что среди этих кораблей, в этом подвале, можно безвылазно прожить целый год и не соскучиться. Но он не мог жить здесь год, потому что завтра у Маши день рождения. И больше целого малого флота Алешку интересовал единственный кораблик, трехмачтовый клипер-фрегат с корпусом орехового цвета.

Хранитель вдруг замолчал. Внимательно взглянул на Алешку. Потом сказал:

— Заговорился я, извини. Какое же у тебя дело?

Алешка нерешительно вздохнул:

— Вообще-то долгая это история…

Хранитель, кажется, обрадовался:

— Долгая? Ну и отлично! Тогда пойдем.

Он привел Алешку в угол, отгороженный шкафами. Это была небольшая комнатка. Здесь горела обыкновенная лампа, стояли обыкновенные стул и стол. А еще был узкий клеенчатый диван: наверно, из каюты. На столе Алешка увидел электроплитку и эмалированный чайник.

Хранитель включил плитку, поставил на нее чайник, сел на диван. Алешку посадил рядом.

— Ну, давай рассказывай…

Алешка никак не решался начать. От волнения он передернул плечами. А Хранитель забеспокоился:

— Холодно тебе? Тут у меня сыровато: подвал ниже уровня моря, вода кое-где просачивается сквозь стены. Вообще-то это не беда. Для кораблей морская влага только полезна. Я тоже привык. А вот ты как бы не продрог…

— Да нет, — сказал Алешка. — Это я так…

И стал рассказывать.

Про Софью Александровну, про ее шляпы и котов. Про клипер. И наконец про Машу. А когда кончил, Хранитель смотрел на него серьезно и даже строго.

— Значит, хочешь подарить модель? — спросил Хранитель.

Алешка кивнул.

— Хорошая мысль… Но ведь дарить можно только свое. То, что сам сделал, или, скажем, купил, или заработал. А разве клипер твой?

— Ну… Все-таки Софья Александровна хотела подарить его мне…

— Хотела, но не успела.

— Да, но раз он уплыл, он стал ничей. А я пошел искать.

— Но не нашел.

— А разве он не здесь?

— Наверно, здесь, — сказал Хранитель. — В том-то и дело, что здесь, а не у тебя. Он сам выбрал сюда дорогу.

Алешка помолчал, потому что боялся заплакать от обиды. Потом тихо сказал:

— У вас здесь тысяча моделей. А мне нужна одна. Неужели вам жалко?

Хранитель пожал плечами.

— Если правду говорить, действительно жалко. Но не в этом дело. У нас в музее строгие правила. Не могу же я отдать модель, если нет у человека доказательств, что это его кораблик. Есть у тебя доказательства, что он должен быть твоим?

— Доказательства? Какие? Я же все рассказал. Только вот еще…

— Что?

Алешка зажмурился от смущения и выпалил с отчаянной решимостью:

— Я про этот клипер стихи написал!

— Стихи? — переспросил Хранитель и забарабанил пальцами по колену. — Стихи — это серьезный аргумент. Ну, прочти.

— Я… сейчас…

Читать сидя было неловко.

Алешка встал, прислонился к шкафу. Отвернулся и хрипловато начал:

— Жил-был старый корабельный мастер… В общем, это начало такое. А называются стихи «Песня о клипере».

Жил-был старый корабельный мастер,
Молчаливый, трубкою дымящий.
И однажды сделал он кораблик —
Маленький, но будто настоящий.

Был фрегат отделан весь, как чудо, —
От бизани до бушпритной сетки…
Но однажды старый мастер умер,
И корабль остался у соседки.

Алешка передохнул и стал читать спокойнее:

Что ж… Она его не обижала,
Пыль сдувала, под стеклом держала,
Только ей ни разу не приснился
Голос шквала или скрип штурвала.

Что ей море, якоря и пушки?
Что ей синий ветер океана?..
Куковала хриплая кукушка,
По стеклу ходили тараканы…

Алешка вспомнил обшарпанные обои, маленькие окна, пронафталиненный комод в полутемном углу, и от жалости к кораблику голос у него зазвенел:

Среди шляпок, старых и затасканных,
Пыльных перьев и гнилого фетра,
Как он жил там — парусная сказка,
Чайный клипер, сын морей и ветра?..

Что он видел темными ночами,
Повернув бушприт к окну слепому?
Ветра ждал упрямо и отчаянно?
Или звал кого-нибудь на помощь?

И проснулись влажные зюйд-весты,
Закипели грозовые воды,
Сдвинули потоки домик с места,
Унесли кораблик на свободу.

Он уплыл по золотым рассветам,
По большим закатам ярко-красным.
Пусть его хранит капризный ветер
На пути далеком и опасном…

— Вот… — сказал Алешка. — Это пока все. Конец

я не придумал.

Хранитель посидел, не говоря ни слова, щелкнул пальцами, неторопливо поднялся.

— Что ж, Алеша… Конца ты еще и не знаешь. Потом его допишешь. Больше спорить не будем. Клипер твой.

Алешка молчал смущенно и обрадованно. Хранитель шагнул к столу, потрогал чайник.

— Согрелся. Давай поужинаем. Потом укладывайся. Переночуешь, а утром домой.

— Но я же могу опоздать!

— Вряд ли. Ну-ка, покажи билет… Нет, брат, с таким билетом никуда не опоздаешь. Садись к столу.

Алешка был очень голодный. Он съел две булки с колбасой и маслом, выпил три стакана сладкого чая. Навалилась на него ватная усталость. И только одна мысль беспокоила Алешку: «Где же кораблик?!»

Хранитель принес и развернул раскладушку. Дал Алешке рыжее мохнатое одеяло.

— Ложись. Я сейчас… — и вышел.

Алешка лег. Над ним, высоко, было маленькое оконце, в которое смотрели две белые звезды. Пахло морем и мокрыми береговыми камнями — совсем не так, как обычно пахнет в подвалах.

Алешка зажмурился и сразу представил, что лежит он среди скал, у самой воды.

«А маленьким кораблям кажется, наверно, что они стоят в гавани», — подумал Алешка.

Вернулся Хранитель. Он принес и поставил на стол модель клипера. Алешка благодарно улыбнулся.

— Послушай, — сказал Хранитель, — а ты уверен, что у Маши ему будет лучше, чем в музее? Здесь он среди кораблей. Свой среди своих. Днем сюда приходят сотни мальчишек и моряков. Они радовались бы, глядя на него… А Маша будет радоваться? Будет его любить?

— Будет.

— Ты уверен, что не ошибся?

— Я уверен.

— Ну, спи…

Глава 13

Солнечный луч был теплый и пушистый, как котенок. Он прыгнул в оконце и разбудил Алешку.

Хранителя не было. В углу стучали корабельные часы с медным ободком. Стрелки показывали семь.

Алешка вскочил.

Клипер стоял на столе. Рядом лежал Алешкин Зеленый билет. Красным карандашом твердыми буквами было написано на краю билета: «ЖЕЛАЮ УДАЧИ».

«Спасибо», — подумал Алешка.

Тут же лежала половинка батона, стоял на плите теплый чайник. Но есть не хотелось. Алешка взял клипер и по длинному коридору вышел на улицу.

Улица лежала в тени. Она была старинная и такая узкая, что небо вверху казалось щелью. В этой синей неровной щели между острыми треугольниками крыш пролетали желтые облака. Очень маленькие и быстрые.

«Значит, вверху есть ветер, — подумал Алешка. — Но почему облака летят в разные стороны:

одни туда, другие сюда, третьи вообще неизвестно куда?»

Небольшой ветерок пробежал и по улице. Паруса у клипера надулись, и он потянулся вперед, будто улететь хотел. Но Алешка держал кораблик аккуратно и крепко.

Он шагал мимо серых и розовых домов, мимо крылатых каменных львов, под скрипучими жестяными вывесками и старыми фонарями. Вспомнил Алешка, что не спросил у Хранителя, как пройти на станцию, но не стал жалеть об этом. До сих пор дорога сама приводила его куда надо.

Улица была извилистая — за поворотом опять поворот, и все дома, дома… И вдруг Алешке показалось, что синяя щель неба упала до земли и надвое расколола город. Это в конце улицы сверкнуло море. Алешка вздрогнул, постоял секунду и рванулся навстречу синему блеску. От встречного ветра паруса кораблика надулись в другую сторону, прижались к мачтам.

Алешка думал, что улица приведет его на берег. Но когда кончились дома, между ними и морем легла площадь. На площади стояли башни.

И Алешка опять остановился. Ну, представьте себе такую картину: вверху громадное синее небо, впереди громадное синее море, у моря ши-

рокая-широкая площадь, а на площади — башни, будто собранные из сказок и морских романов. Они были очень разные: из серых глыб, из оранжевых кирпичей и даже из белого мрамора. Одни — глухие и суровые, как крепости, другие — праздничные, будто дворцы. То с зубцами наверху, то с острыми крышами, шпилями и флюгерами, с балконами и узорными окнами. А некоторые из них были просто большие маячные башни. Вокруг одной из них от земли до самого верха винтом взбегала лестница с трубчатыми медными перилами. На верхней площадке башни стояла корабельная мачта.

Алешка так загляделся, что даже забыл про море. Он тихо пошел по площади и был как Гулливер, попавший в страну великанов. Великаны спали. На площади лежала тишина, только Алешкины шаги щелкали по плитам ракушечника да шумело море.

Квадратные плиты устилали площадь. В трещинах росла трава. Разная трава, но больше всего — жесткие высокие кустики с мелкими розовыми цветами.

Башни стояли далеко друг от друга, каждая сама по себе. Алешка, запрокинув голову, обходил их одну за другой, и казалось, что башни

чуть качаются. Блестели вверху линзы маячных фонарей, чернело кружево антенн. В разные стороны, пересекая друг другу путь, бежали облака. А внизу ветра не было. Только все громче делался набегающий шум.

И тут Алешка увидел, что совсем близко подошел к морю.

Крупные волны бежали к берегу — белые гривы на синих гребнях. Берег был низкий, и площадь лежала почти вровень с морем. Плиты с незаметным уклоном уходили в воду. Волны накатывались на них и разбегались далеко по площади. У могучих фундаментов башен, у маленьких дубовых дверей в каменных нишах закипали водовороты. Потом вода нехотя отступала — вся в длинных полосах угасающей пены. Водоросли застревали в трещинах плит, а принесенные на площадь крабы торопились назад, за убегающей водой.

Алешка пошел по мокрому ракушечнику. Накатившаяся волна залила его сандалии, замочила брюки.

«Надо бы подвернуть штаны», — подумал Алешка. Но не стал. Пришлось бы выпустить из ладоней клипер, и его могло унести водой.

Ближе всех к морю стояла серая башня-маяк. У

нее было высокое крыльцо, с перилами, похожими на поручни капитанского мостика. Худенький загорелый мальчик в красных плавках вышел на крыльцо. Он весело сощурился на солнце и с верхней ступеньки прыгнул на плиты. Волна тут же залила его ноги до колен. Потом она отбежала, а мальчик засмеялся и, шлепая босыми ногами по камням, пошел туда, где стоял Алешка.

Сначала он не видел Алешку. А потом заметил, остановился, стал серьезным и подошел ближе. Глядя то на кораблик, то Алешке в лицо, он медленно сказал:

— Какой красивый…

Это он не с завистью сказал, а будто спрашивал Алешку: «Ты рад, что у тебя такой замечательный кораблик?»

— Да, — сказал Алешка. — Он всем нравится. Это клипер.

— Я знаю. Мне дедушка обещал сделать клипер, да все некогда ему. Ну, я попрошу, чтобы поторопился.

Мальчик был ростом Алешке до плеча, но не казался маленьким. Он был, видимо, смелый и веселый мальчишка.

— А кто твой дедушка? — спросил Алешка. — Моряк?

— Он исследователь полуночного норд-веста.

— Хорошая работа, — с уважением сказал Алешка. — И вы с дедушкой живете в этой башне?

— Дедушка живет. А я прихожу к нему в гости. И ночую у него, когда хочу. Мы вместе встречаем ветер.

Он глянул на Алешку глазами, в которых отражалось море (ведь оно было рядом), и доверительно сказал:

— Знаешь, наш ветер совсем ручной. Где-то далеко он бури закручивает, а к нам прилетает добрый и спокойный.

— А что в других башнях? Там тоже исследователи живут?

— Конечно. Ведь у каждого свой ветер.

Все интереснее делалось Алешке, и он даже забыл, что надо спешить на вокзал. Он смотрел то на мальчика, то на башни и думал: «Так вот почему город называется Ветрогорск...» Но многое ему было непонятно.

— А как же... — начал он. — Ветры ведь разные. Они же прилетают со всех сторон. Разве они не сталкиваются над площадью?

Мальчик рассмеялся, но не обидно.

— Я сразу подумал, что ты нездешний. Потому что не знаешь. Ветры не сталкиваются. Видишь,

у всех башен разная высота. И у каждого ветра своя высота, они ее знают. Ну, понимаешь, они как самолеты во время рейса. Каждый летит на своем уровне.

Он поднял прямые коричневые ладошки и плавно провел одну над другой:

— Вот так…

И сразу же, будто толчок какой, вспомнил Алешка Летчика.

Но тут под ноги опять подкатила волна. Алешка и мальчик отбежали подальше.

— Один раз меня краб за ногу тяпнул, — сказал мальчик. — Вот такой большущий… Можно, я подержу клипер?

— Подержи.

Мальчик взял его, покачал в ладонях.

— Совсем легонький. Его любой ветерок помчит.

— Да, — согласился Алешка. — Только здесь совсем нет никакого ветра.

— Ветер вверху, — объяснил мальчик, и они взглянули в небо. Алешка сказал:

— Теперь я понимаю, почему облака над вашим городом бегут сразу во все стороны.

Мальчик отдал клипер и, весело глядя Алешке в лицо, признался:

— Мы с ребятами один раз устроили шуточку… Забрались на башню зимнего пассата и подняли антенну на такую же высоту, как флюгер на башне сирокко. Что было-о… Сирокко и пассат слетелись да ка-ак сцепились! Ну, как тигры. У пассата характер вообще-то нормальный, но сирокко — отчаянный злюка… Тут и началось! На море смерч, над городом гроза, с крыш листы летят, калитки хлопают… В школе нам потом здорово влетело от завуча…

— С завучами лучше не шутить, — сказал Алешка. — Им ведь ни до каких ветров дела нет, был бы порядок.

— Конечно, — рассеянно откликнулся мальчик и глянул на Алешку нерешительно. — А знаешь что? Ну, если ты только хочешь… Я ведь не знаю, интересно тебе или нет… Если тебе хочется, можно сегодня ночью встретить наш норд-вест. Ты не думай, дедушка разрешит, он добрый. Знаешь, что он придумал? Он приделал к окну старую водосточную трубу. Ветер влетает в окно, забирается в трубу и сразу начинает петь. Ему там нравится. Он поет всякие песни, которые слышал в разных странах… Хочешь послушать?

— Я очень хочу, — сказал Алешка. — Очень-очень. Но я не могу. У меня важное дело, и сейчас

мне обязательно надо идти на вокзал. А потом ехать… Ты не знаешь, как добраться до вокзала?

Мальчик ответил:

— До вокзала? Знаю. Вон за той острой башней начинается переулок. Он как раз и ведет к вокзалу.

— Ну, тогда… прощай.

— Прощай, — сказал мальчик. Он постоял еще чуть-чуть, качнул головой и пошел по мокрым плитам в море. Когда вода докатила ему до пояса, он обернулся, махнул Алешке рукой, потом прыгнул в волны и поплыл навстречу белым гребням.

— Да, — сказал Алешка, — жалко. Ну ничего…

Он вышел с площади в переулок и по нему добрался до вокзала.

Вокзал был маленький и уютный: кирпичный домик с жестяными корабликами на башенках, круглые часы с розой ветров на циферблате.

В справочном бюро Алешка узнал, что нужный поезд придет через сорок минут.

Алешка вышел на перрон и стал ждать.

Небо сделалось пасмурным, в станционном садике вздрагивали тополя. Это душный береговой ветер гнал к морю грозу.

На перроне было всего несколько пассажиров.

К Алешке подошел пожилой моряк с квадратной золотой петлей и полосками на рукаве. Поглядел на клипер, на Алешку, вздохнул почему-то и спросил:

— Твой?

Алешка кивнул.

— Старинная работа, — сказал моряк. — Я о такой модели с детства мечтал.

Алешке стало неловко, будто он в чем-то виноват перед моряком. А тот потоптался рядом и смущенно проговорил:

— Слушай, мальчик... Он тебе очень нужен, этот фрегат?

— Конечно! — удивленно сказал Алешка.

Моряк опять вздохнул.

— Я знаю, деньги за такую вещь смешно предлагать. Но у меня есть штурвал красного дерева. С английского капера «Ведьма». И бронзовые часы из кают-компании парового корвета «Рюрик». Может, поменялись бы, а? У меня эти вещи Корабельный музей со слезами выпрашивал.

— Понимаете, я никак не могу, — сказал Алешка. — Модель уже почти не моя. Это подарок для одного человека.

— Да? Жаль.

Моряк постоял еще минуту и отошел.

Гроза была совсем близко. Загорались молнии, раскатывался за деревьями гром. На перрон ворвались и промчались вдоль путей пыльные спиральные вихри.

Неспокойно было Алешке. Словно что-то важное забыл он и, если не вспомнит, может случиться беда.

Но какая? Ведь все у него хорошо. Клипер в руках, поезд скоро придет. Откуда тревога?

Ветер крутил жестяные кораблики на башенках вокзала. Алешка посмотрел на эти башенки и вспомнил большие башни на площади у моря. Вспомнил башню полуночного норд-веста. Загорелого мальчика, который звал его встречать ветер… А ведь мальчишка-то уплыл в море!

А ветер — с берега! Вдруг мальчик не успел вернуться? Разве он выплывет сейчас против ветра и волны?

В каждом человеке сидит словно кто-то другой, подсказывающий успокоительные мысли. Этот «другой» сразу зашептал: «Почему ты думаешь, что он не успел? Почему ты решил, что можешь помочь? Ты сам-то едва-едва переплываешь речку Рябиновку…»

Эти мысли задержали Алешку на четверть минуты. Потом он подскочил к пожилому моряку и

протянул ему клипер.

— Пожалуйста, подержите немножко! Я сейчас вернусь!

И побежал.

Ветер подталкивал его, а крупные капли лупили в спину, как пули. Вот и конец переулка, вот и площадь.

Серое море кипит барашками. Башни, башни… Гранитная башня-маяк, в которой живет исследователь полуночного норд-веста. Надо забарабанить в дверь, позвать старика, сказать о мальчишке. Может быть, рядом есть лодка? Или катер?

Алешка подлетел к высокому крыльцу… Там у медных поручней стояли косматый седой старик и знакомый мальчик.

Мальчишка кутался в большую морскую куртку и что-то весело говорил деду. Алешка остановился и от радости начал дышать так шумно, что его сразу заметили.

— Ты пришел к нам? — обрадовался мальчик.

— Я на минутку, — сказал Алешка. — Просто так забежал. По пути…

— Оно и видно, что по пути, — с усмешкой сказал косматый старик. Он, видимо, о чем-то догадался…

Было неловко стоять и молчать. И убежать сразу — тоже нехорошо. Алешка сказал:

— Я хотел узнать. У вас в башне есть радио? Чтобы с кем-нибудь переговариваться.

— Есть передатчик, — сказал дед. — А как же.

— А вы сможете связаться с каким-нибудь самолетом? — спросил Алешка и подумал: «Хорошо бы узнать, добрался ли до Антона кот».

— С каким самолетом? — поинтересовался старик.

— Есть такой Летчик для Особых Поручений…

— Я знаю, — сказал старик. — Но у Летчика Тополькова в самолете нет радио.

— Как же так? А если надо передать что-то важное, как быть?

— Как быть… Люди говорят, что этот парнишка сам как приемник. Сердцем чует, где он нужен. И летит.

— Понятно, — сказал Алешка. — До свидания. Мне пора.

Ветер утих. Гроза слегка задела город крылом и ушла в море. На каменных плитах темнели следы редких капель, похожие на разбившиеся звезды. В расщелине между плитами Алешка заметил небольшую круглую раковину. Снаружи она была серая и бугристая, а внутри розовая.

Алешка положил раковину в карман и побежал на вокзал.

— Ну, приятель, устроил ты мне пять минут переживаний. Вот-вот поезд подойдет, а тебя нет. Куда бы я делся с твоим кораблем?

— Спасибо, — проговорил запыхавшийся Алешка. — Понимаете, было очень важное дело.

Подошел поезд. Алешка забрался в вагон и устроился в мягком кресле у окна. Замелькали кусты, последний раз показалось за домами море.

«Вот и сказке конец, — подумал Алешка. — Странная сказка: ни опасностей, ни препятствий. Все как по маслу. Разве так бывает?» Эта мысль даже встревожила его. Но плавный ход поезда стал убаюкивать Алешку, и он уснул.

Глава 14

Когда Алешка проснулся, за окнами мелькали знакомые места: привокзальные улицы, водокачка, мост. И через три минуты поезд встал у перрона.

Вокзальные часы показывали без двадцати три.

«К Маше успею, — подумал Алешка. — А домой забежать — ни за что».

Над улицей недавно прокатился короткий дождик. Небо уже прояснилось, и солнце жарило, но лужи на асфальте еще не высохли. В одну лужу Алешка погляделся, как в зеркало.

Тетя Даша сказала бы: «Боже, что за вид! Ты похож на беспризорника». Рубашка была мятая, пуговица у ворота оторвалась, брюки — будто крокодил жевал, и внизу на них — белые разводы морской соли.

Алешка весело подумал: «Ну и пусть!»

Зато в руках у него блестящий стремительный клипер с празднично-белыми парусами — лучший подарок для девочки Маши, которая наверняка мечтает стать капитаном. И везет он этот подарок из далекого и чудесного путеше-

ствия. А путешественники, когда возвращаются, не похожи на юных скрипачей в белых рубашках с бантиками.

Алешка шлепал по солнечным лужам, спешил к Машиному дому, и было ему хорошо. По лестнице Алешка взбежал к Машиной двери.

За дверью слышались голоса и пиликала скрипка.

«Опоздал? Ну, не беда, чуть-чуть…»

Ему не хотелось так сразу, при всех, отдавать Маше клипер. Хотел Алешка, чтобы они стояли вдвоем и он протянул бы ей кораблик, а она медленно взяла бы его и тихо сказала: «Ой, Алешка… Ой, какое чудо! Спасибо».

Алешка оглянулся. В стене был шкафчик для пожарного крана. Алешка потянул дверцу — она открылась. Он осторожно поставил в шкафчик модель (места едва хватило) и прикрыл дверцу. Потом позвонил.

Маша открыла сразу. Веселая, в каком-то блестящем платье, с красными бусами, будто из ягод костяники. Она обрадовалась:

— Ой, Алешка! — И удивилась: — Ой, какой ты… взъерошенный…

— Здравствуй, — сказал он. — Если бы ты знала, где я был! Я привез тебе такой подарок!

— Спасибо… Ну, заходи же скорей.

— Подожди.

Он хотел вернуться за корабликом, но тут через Машино плечо увидел в комнате гостей. Двух девчонок с большими бантами, толстого мальчика в клетчатом костюме (мальчик держал скрипку) и — кого бы вы думали? — длинноногого принца!

И Маша поняла, что он его увидел. И решила, что поэтому он и сказал «подожди».

— Ну, Алешка, — заговорила она. — Ты не обижайся. Я решила его пригласить, потому что все-таки мы в одном коллективе.

— Конечно… — шепотом сказал Алешка.

— Ты, по-моему, зря на него злишься. Он совсем неплохой. Я думаю, вы должны помириться.

— Я нисколечко на него не злюсь. Вот ни капельки, — равнодушно сказал Алешка. И он не обманывал: все эти дни он просто не вспоминал про принца.

— Ну, тогда пойдем. Что же ты?

Алешка усмехнулся:

— Куда же я такой? Вы вон какие… красивые. А я весь помятый.

— Ну и что… — Маша нерешительно оглянулась на гостей. — А ты, значит, только что приехал? А знаешь что? Ты ведь можешь сбегать домой. При-

ведешь себя в порядок. Мы подождем. Ладно?

«Даже не спросила, где я был», — подумал Алешка. И стало ему не то чтобы грустно, а как-то скучно.

— Ладно, — сказал он. — Я пойду.

— Постой…

«Может быть, спросит?» — обрадовался он.

— А что за подарок ты принес? Ты не думай, что я жадная. Ты ведь сам сказал. А мне интересно.

Не мог Алешка сейчас отдать ей клипер. Ну просто руки не поднимались. И он вынул из кармана раковину.

— Вот. Я нашел ее на дальнем берегу. В ней всегда гудит прибой.

— Ой какая замечательная! У папы есть такая, только поменьше. На письменном столе. Он в нее окурки толкает.

Алешка тихо сказал:

— Но ты, я думаю, не будешь толкать в нее окурки?

— Что ты! Неужели ты думаешь, что я курю? Я никогда в жизни даже не пробовала. И когда вырасту, не буду, хотя и считается, что девушкам курить — это модно.

«Ну что же это такое? — подумал Алешка. — Ведь пять минут назад все было так хорошо…»

— Маша…

— Что?

— Послушай. Там такой берег… Такие плиты громадные. У самых волн. По ним ползают крабы. И раковины лежат в траве. И башни стоят. У самого моря…

— Это где? В Сочи? Мы с мамой и папой в этом году обязательно поедем.

— Нет, это не в Сочи… А ты слушала когда-нибудь, как шумит море в раковине? Ну, в той, что у отца?

— Я хотела. Папа не дал. Он говорит, что в ней просто всякий посторонний шум отражается, а насчет моря — это все сказки.

«Что твой папа понимает в сказках!» — подумал Алешка. И сказал:

— Я пошел.

— А ты придешь?

— Я постараюсь.

— Нет, ты дай слово, что придешь.

— Ну… честное слово. Если ничего не случится.

Он спустился до нижней площадки, подождал, когда Маша закроет дверь, на цыпочках взбежал опять и достал из шкафчика клипер.

Потом Алешка пошел домой.

— Боже! Что за вид! — сказала тетя Даша, когда

встретила его на пороге. — На кого ты похож! Чем ты занимался на даче у своего приятеля?

— Мы играли. Лазали по деревьям. Гоняли в футбол. Спали на сеновале.

— С ума сойти! И неужели нельзя при этом выглядеть прилично?

— Сейчас буду выглядеть, — пообещал Алешка и пошел переодеваться.

— А я обед разогрею, — сказала тетя Даша вслед.

— Не надо. Я сейчас пойду на день рождения. Там будут кормить пирогами и тортом.

Алешка поставил на подоконник модель и достал матросский костюм. Сейчас Алешку не заботило, годится ли эта одежда, чтобы идти в гости. Якоря и синий воротник напоминали ему о ветрах над башнями, о блеске моря — и это было самое главное.

Костюм был помят (ведь Алешка лазил в нем на тополь за Кузей). Пришлось включить утюг и гладить, потом Алешка взял у тети Даши желтые нитки и накрепко пришил к рукаву полуоторванный якорь. Он все делал не торопясь и почти машинально. А думал о другом: «Все равно она красивая. И хорошая».

А потом еще: «Она же не виновата. Она не

видела стадиона с говорящими лошадьми, шелестящих трав, парохода с серебряными звездами на трубе. Она не была в Ветрогорске и не смотрела на облака над башнями. Она не слышала о Летчике и его Антарктиде… Она не знает, что такое Дорога».

Так он впервые подумал о своем путешествии: «Дорога».

…И с этой секунды начал тихонько звучать Голос Дороги.

С чем его сравнить?

Может быть, это похоже на еле слышный звон гитарной струны. Кто-то щиплет ее неторопливо, вспоминает песню. Песня грустная, ведь Дорога кончилась. Но песня еще и тревожная. А почему? Ведь Дорога уже кончилась.

Но пока струна звучит очень тихо — и тревога маленькая. И тот, кто услышал Голос Дороги впервые, не знает еще, что звук струны может оборваться, а у горизонта заиграют трубы…

Алешка натянул штаны и матроску. Костюм был теплый от утюга и чуть-чуть пах жженым: Алешка, задумавшись, подпалил рукав.

Все, что было в карманах старых брюк, Алешка перегрузил в карманы костюма — чтобы больше нигде и никогда не попасть впросак, как тогда,

перед кассой. Он переложил деньги, ножик, мятый платок. И взял в руки Зеленый билет.

Билет был уже потерт, уголки помялись и разлохматились. Но он еще годился для путешествий. Он был годен еще (Алешка взглянул на будильник) целых одиннадцать минут! До четырех часов.

И отчаянная мысль вспыхнула у Алешки:

вбежать к Маше,

схватить ее за руку,

вытащить на улицу —

и помчаться к реке!

Если бежать изо всех сил, можно успеть — успеть до четырех часов. А ведь пароход обязательно придет, лишь бы не был просрочен билет!

А на бегу он все Маше объяснит: про леса, где под каждым деревом сказка, про город, где в каждом переулке приключения. Про Летчика, который знает путь в волшебные страны…

А Маша побежит? Будто наяву он услышал Машин голос:

«Ой, Алешка! Ведь неудобно. У меня же гости».

«Ну и пусть! Они и без тебя съедят пирог».

«Что ты! Ведь я их пригласила. Так не полагается».

«Но потом будет поздно!»

«Я все равно не могу. У меня завтра музыка и бассейн».

Где-то в соседней квартире несколько раз пикнуло радио: четыре часа. Будильник отставал на восемь минут.

Идти в гости не хотелось. И во дворе Алешка заспорил с собой:

«Ну зачем я пойду? Там и без меня обойдутся».

«Но ты дал слово».

«Я сказал: если ничего не случится».

«А что случилось?»

Однако тут же он почувствовал: случилось.

Хотя ничего особенного — просто потянул ветерок. Приподнял паруса клипера, хлопнул матросским воротником, Алешка вспомнил, как позавчера утром (неужели позавчера, а не целый год назад?) он так же вышел из подъезда и так же налетел ветер. Веселый тогда был ветер, он обещал Дорогу, хотя Алешка еще не знал об этом. А сейчас…

Сейчас ветер звал не Алешку. Он звал кораблик. Паруса надулись, и клипер тянулся из ладоней. Не к Машиному дому — далеко, за ворота…

До сих пор Алешка считал, что кораблик надо все-таки подарить Маше. Но сейчас подумал: «А

куда она его поставит?»

Может быть, она поставит клипер на полку рядом с аквариумом, где живут ленивые круглые рыбы, которые вывелись в стеклянной банке и никогда не видели даже маленького пруда, а не то что моря. А может быть, на стол, где лежит раковина с торчащими окурками?

Как он будет жить там — отважный фрегат, знающий Ветер и Дорогу?

Шепотом Алешка сказал:

— Эх ты, Машка-ромашка…

И зашагал на улицу. Он знал, куда идти.

Домик Софьи Александровны еще больше покосился за эти дни. Угол совсем навис над оврагом. Окна были крест-накрест забиты досками. От размытой завалинки убегало в овраг высохшее русло потока.

По этому руслу Алешка стал спускаться к ручью. Хватал его за локти репейник, зло кусались колючие травы, и глина острыми комками набивалась в сандалии. Но Алешка поднял над головой кораблик и мчался вниз без задержки, как пущенный с откоса камень. И наконец оказался на берегу.

Он встал коленями прямо в воду и подтолкнул к середине ручья кораблик.

— Плыви. Ты ведь знаешь путь.

Клипер вздрогнул и побежал в журчащей струе. А у поворота, за кустом смородины, его подхватил ветер.

Алешка поднялся и сел на корягу — она валялась у воды. Ему стало немного спокойнее: он исправил одну ошибку.

Но как быть с другими ошибками? Ведь он столько наделал их во время путешествия. На каждом перекрестке, на любой тропинке, во всех переулках Ветрогорска его ждали сказки. Все, кого он встречал (даже кот!), обещали ему приключения. И старик в будке говорил: «От непонятных случаев, от загадок не беги, сказка без них не обходится». А он прошел мимо, не послушался Голоса Дороги.

Этот Голос теперь не давал ему покоя — звенела тревожная струна. Но что мог сделать Алешка?

«Я не виноват, — сказал он сам себе. — Я же не знал, что неправильно выбрал путь».

«Нет, виноват».

«Почему?»

«А ты не знаешь?»

«Нет!»

«А почему тебя грызет совесть?»

«Я не знаю… Я ошибся, но от этого никто не

пострадал. Мне одному плохо. Да еще кораблику. Но кораблик я отпустил».

«При чем здесь кораблик?..»

«Тогда я не знаю».

«Врешь».

«Нет!»

«А *Летчик?*»

Да, Алешка. А Летчик? Ты сейчас даже вспомнить боишься, как он сидел у колеса, закутавшись в твою куртку. И вслед смотрел. Ему очень нужен был в полетах постоянный спутник. И не просто спутник. Ты это знал, но повторял одно и то же: «У меня другая дорога».

Только никакой дорогой, даже самой правильной, нельзя проходить мимо того, кому нужен друг. А ты…

«А я послал ему вместо себя бродячего кота», — горько подумал Алешка. И в досаде трахнул себя кулаком по колену. Колено было мокрое, кулак срикошетил и ударился о корягу. Красные капельки выступили на ссадине, и Алешка вспомнил Машины бусы. Те, что видел на ней недавно. И подумал: «Наверно, все еще ждет, что приду. Ну и пусть. А может, думает, что обиделся из-за принца?»

Но ведь если бы вообще не было никакого прин-

ца, и если бы Маша встретила Алешку как героя, и если бы она удивленно и радостно слушала его рассказ про Дорогу, и если бы, как самое большое сокровище, взяла в руки кораблик, разве смог бы Алешка сказать себе: «Все хорошо»? Ведь в глубине души он все равно помнил: «Летчик… Летчик… Летчик…»

Что же случилось? Или там, в поле у Ветрогорска, Алешка выбрал не ту дорогу? Летчику нужен был друг. Но не только Летчику. Алешке — тоже. Смелый, веселый, добрый — маленький летчик Антошка.

Алешка встал и сказал себе:

«Я пойду».

«Куда?»

«Пойду. По ручью. Вслед за корабликом. Раз он уплыл, значит, есть Дорога. Я пойду до Ветрогорска, встречу Хранителя и узнаю, как отыскать Летчика».

Алешка, не снимая сандалий, зашел в воду и зашагал вниз по течению. Но скоро ноги стали вязнуть в иле. А потом скрытая под водой проволока зацепила сандалию и оторвала подошву.

Алешка выбрался из воды и стал пробираться по берегу. Но колючие кусты и ядовитая трава переплелись в такую чащу, что даже неба не

стало видно. Только гудели в душном воздухе сытые шмели да под ногами шастали скользкие лягушки.

Алешка продрался наверх, на край оврага, и пошел по кромке откоса. Но тропинку загородил серый косой забор. Алешка перелез. Дальше были еще заборы, какие-то гряды, битые стекла и колючая проволока.

Алешка выбрался в переулок. Здесь уже непонятно было, где овраг, где ручей, куда надо идти.

«То ли дело с Зеленым билетом, — вспомнил Алешка. — Все дороги были открыты. А сейчас любой забор — как гора на пути».

Но ведь Зеленый билет — не один такой на свете! Почему Алешка раньше не догадался? Билет дается тому, у кого Очень Важное Дело! А разве сейчас у Алешки оно не важное? В тысячу раз важнее, чем кораблик для Маши! Он ищет друга. Летчик сказал: «Самая лучшая сказка — когда найдешь друга». Но ведь Алешка еще не нашел Летчика. Значит, сказка не окончена.

«Посоветуюсь в справочном бюро у дедушки», — решил Алешка. И, щелкая оторванной подошвой, помчался на знакомый перекресток.

Сапожная будка была открыта. Но сидел в ней не старичок, а розовощекий парень. Стучал мо-

лотком и посвистывал.

— А где же дедушка? — спросил запыхавшийся Алешка. — Он здесь работал.

— Привет! Дедушка? Дедушка на пенсию ушел.

— На пенсию? — глупо повторил Алешка.

— Угу. А ты его знакомый?

— Знакомый… — тихо сказал Алешка.

— Ну, не беда. Я тебе не хуже дедушки помогу.

Не успел Алешка мигнуть, как парень сдернул с его ноги сандалию, раз-два — и подметка оказалась на месте. Как новенькая.

— Вот и все. Гуляй, не горюй.

— Спасибо, — шепотом сказал Алешка. И отошел.

Но скоро он подумал, что не все потеряно. Можно добежать до Транспортного агентства и все объяснить кассирше. Наверно, она поймет и выдаст новый Зеленый билет.

И Алешка опять побежал.

Через дыру в заборе он пролез на стадион.

«Если не достану билета, вернусь сюда и попрошу лошадей, — подумал Алешка. — Пусть отвезут к тому аэродрому. Они ведь знают все волшебные дороги».

Но лошадей не было. А на трибунах плотники разбивали дощатые скамьи и лесенки. Один из

них сказал Алешке:

— Нечего тут ходить...

Алешка не оглянулся.

Он пересек поле, вышел на улицу Полярных Капитанов и заспешил к агентству.

Агентство было закрыто.

Синюю вывеску сняли и торчком прислонили к стене. На запертых дверях мелом было написано: *«Ремонт».*

Вот и все. Что оставалось делать?

Вернуться домой?

Пойти к Маше на день рождения?

Сесть прямо здесь на штакетник и заплакать?

Алешка повернулся и зашагал прочь.

Запутанными переулками, мимо старой церкви и нового кинотеатра, он вышел на улицу Дальнюю.

И все было как раньше. Сначала деревянные домики по краям улицы, потом одинокий дощатый тротуар среди заросших канав. Так же трещали кузнечики и цвели одуванчики в канаве. И разбитые стекла разбрасывали солнечные вспышки. Шагать бы да радоваться. Но Алешка знал, что идет зря.

Не будет парохода.

А сам он не найдет и не осилит дорогу на аэро-

дром. И все-таки Алешка пошел. Потому что Голос Дороги звучал настойчиво и беспокойно: «А помнишь? А помнишь?..»

Сейчас ничего другого и не оставалось — только идти и вспоминать. Но это было все-таки лучше, чем сидеть дома.

Тротуар оборвался, и побежала тропинка. Зашелестела у ног трава, и опять показалось Алешке, что плывет он по зеленому морю. И качалось над ним небо с маленькими белыми облаками. Тропинка тянулась и тянулась. В прошлый раз она показалась Алешке гораздо короче, а сейчас он шел больше часа и не видел реки.

«Что случилось? — подумал Алешка. — Дедушка ушел на пенсию. Транспортное агентство закрыли на ремонт, но куда девалась река? Не могла же она уйти под землю».

Ему очень хотелось дойти до реки. Отыскать на берегах следы пароходных колес, постоять в том месте, где упал трап, вспомнить все, как было. Ведь когда вспоминаешь о хорошем, делается легче. А кроме того, Алешка все-таки надеялся немного. Чуть-чуть, самую капельку. Вдруг пароход придет? В сказках бывают чудеса.

Он прошагал еще не меньше часа. Город едва был виден сзади у горизонта. Колыхалась кругом

трава. И не было реки.

«Значит, ее не будет совсем», — понял Алешка.

И тут Алешке стало так плохо и обидно, что дальше некуда. Он остановился и (будем говорить честно) почти заплакал. Почти — потому что слезы не упали, а закипели в глазах и каплями повисли на ресницах. Солнце зажгло в них серебряные точки. Алешка сердито мигнул — сбросил капли с ресниц. Точки погасли. Кроме одной. Одна блестящая звездочка никак не гасла. Повисла в ярко-синем небе.

Алешка моргнул еще и еще. Но белая искра горела в вышине. И делалась ярче. Потом Алешка услышал стрекот.

Это был очень тихий, но отчетливый звук. Он пробился сквозь звон тишины, трескотню кузнечиков и шорохи трав.

У Алешки ухнуло сердце. Он побежал к этой искре, остановился, побежал опять. Серебристая точка росла, у нее появились узкие стрекозиные крылья.

— Летчик… — сказал Алешка ликующим шепотом. — Товарищи, это же Летчик!

Самолет вырастал на глазах, он шел прямо на Алешку.

«Как хорошо, что я надел матроску, — подумал

Алешка. — В зеленой рубашке Летчик не увидел бы меня среди травы...»

И тут Алешка очень испугался: а вдруг Летчик не узнает его в матросском костюме!

Тогда он бросился навстречу самолету, выбрал место, где трава пониже, упал на спину и раскинул руки буквой «Т».

Над лицом его качались травинки, били в глаза солнечные лучи. Но сквозь траву и солнце он видел, как с высоты прямо к нему пикирует, почти падает большая узкокрылая птица — самолет маленького летчика Антошки Тополькова.

1972 г.

КОВЕР-САМОЛЕТ
Повесть

Моему маленькому барабанщику Павлику

Иногда среди ночи я просыпаюсь от прилива радости. Я смотрю на темный потолок и стараюсь вспомнить: что же было?

Ну конечно! Только что рядом со мной смеялся Виталька. Не тот худой высокий дядька Виталий Андреевич, который недавно приезжал ко мне в гости, а настоящий Виталька — белобрысый, давно не стриженный мальчишка в голубой майке, с облезшей от загара кожей на плечах и расцарапанными острыми локтями.

Мы только что, свесив ноги с ковра, летели вдвоем над знакомыми улицами. Теплый ветер будто мохнатыми мягкими крыльями бил нас по ногам, а в спину горячо светило утреннее солнце. Внизу проплывали темно-зеленые груды тополей, коричневые железные крыши и серебристый купол городского цирка. Навстречу нам, возвышаясь посреди редких желтых облаков, двигалась белая колокольня, похожая на кре-

постную башню. В сквозных оконных проемах верхнего яруса темнели уцелевшие с давних времен колокола. Выпуклую крышу устилали ржавые железные квадратики. Кое-где они отстали и топорщились, будто крыша взъерошилась от ветра.

Мы с Виталькой сидели, обняв друг друга за плечи, и хохотали. Смешно было, как взъерошилась крыша. Смешно было, какие маленькие, игрушечные внизу на реке баржи и катера. Смешно, как у Витальки с ноги слетел старый брезентовый полуботинок. Он был стоптанный, с протертой на месте большого пальца дыркой, и мы не стали его догонять. Башмак упал на цирковой купол и поехал с него, словно санки с горы. Потом прыгнул с карниза, как с трамплина, и нырнул в тополиную гущу.

— Бросай второй! — крикнул я, потому что зачем он, один башмак.

Но Виталька помотал головой. Он достал из кармана катушку ниток и привязал к полуботинку.

— На буксир!

Мы круто снизились к реке, будто с горы съехали, и полетели над самой водой. Так низко, что ноги окунулись и вокруг них вздыбились фонтаны с брызгами и пеной. Виталька отпустил

полуботинок, и он запрыгал позади нас, как на буксире. Вот потеха!

— Как на подводных крыльях! — закричал я и от хохота повалился на спину, махая мокрыми ногами.

Нитка оборвалась, и башмак поплыл сам по себе. Потом его выудит вместо пескаря какой-нибудь незадачливый рыбак. Вот смешно будет!

Мы пролетели под старым деревянным мостом, который поскрипывал от тяжести грузовиков, и стали подниматься к заросшему откосу, где белели старинные стены и башни.

Воспоминание тускнеет, уходит, но радость не кончается. Я лежу и улыбаюсь в темноте. Потому что все равно это было. Пусть не сейчас, но было!

Понимаете, было!

Глава 1

Детство я провел в северном городке на берегу большой реки. Городок был деревянный, с дощатыми тротуарами вдоль тесовых заборов, с хитрыми узорами на древних, покосившихся воротах. За воротами скрывались просторные дворы. Они зарастали мягкой травой и одуванчиками, а по краям — непролазным репейником и крапивой. Во дворах стояли сараи и возвышались длинные поленницы сосновых и березовых дров. От поленниц пахло лесной чащей и грибами.

Здесь было такое раздолье для игр! Даже для футбола хватало места, если только никто не развешивал на веревках белье.

Конечно, были в городе и новые кварталы — крупноблочные пятиэтажные дома, будто сложенные из цветных кубиков. Встречались старинные кирпичные здания — с колоннами и узорными балконами. Но главным образом на улицах стояли одноэтажные и двухэтажные деревянные дома. Были они, впрочем, совсем не деревенские — большие, с окнами двухметровой высоты.

Улицы выходили к речному обрыву. На обрыве

поднимался каменный монастырь, построенный по приказу царя Петра. Это был не просто монастырь, а крепость — с высокими стенами, с башнями, у которых темнели узкие прорези бойниц.

Над стенами и башнями, над церковными куполами возносилась белая колокольня с черными круглыми часами. Часы были громадные — метра три в диаметре. Жаль только, что они стояли.

Остановились они давным-давно, в девятнадцатом году, когда был бой между красными и белыми. Говорят, что на верхнем ярусе колокольни засел белогвардейский пулеметчик и держал под обстрелом полгорода. Никак его не могли выбить. Наконец из-за Каменного мыса выполз буксирный пароход, переделанный в канонерскую лодку «Мировая революция». С «Мировой революции» по колокольне шарахнула трехдюймовка.

Что там стало с пулеметчиком, никто не знает. А часы остановились, прощально позвенев колоколами. Их потом и не пытались чинить. Деревянные перекрытия и лестницы обгорели и рухнули. Попробуй доберись до часов. А если и доберешься, то как разгадать хитрости механизма? Его вручную точил и ковал из меди еще

при Екатерине Второй какой-то мастер-самоучка. Чертежей-то он не оставил.

Да и до часов ли было? В тридцатых годах кто-то хотел вообще взорвать и разобрать на кирпичики весь монастырь, как взорвали несколько церквей. До этого, правда, не дошло, но и о ремонте никто не думал: были дела важнее — строили судоверфь и новый порт. Потом началась война, а после войны хватало других забот.

Вот так и получилось, что целых сорок лет на большущем циферблате, который висел над городом, как черная луна, стрелки показывали без пяти минут час.

Но даже и с такими часами колокольня была красива и знаменита. Особенно любили ее капитаны. Все теплоходы, которые шли вниз по реке, держали от Каменного мыса курс на колокольню. Она была на всех лоцманских картах.

Теплоходы проходили часто. Я и Виталька засыпали и просыпались под их протяжные, немного печальные гудки.

Мы с Виталькой жили вместе. По крайней мере летом. С тех пор как подружились. А подружились мы целую вечность назад — за два года до случая с ковром. Мне тогда не было и восьми лет, а Виталькины годы едва подтягивали к девяти.

Он спас меня тогда. Это целая история, которая началась печально, а кончилась хорошо.

Когда меня еще не было на свете, мой отец воевал с фашистами. Он вернулся живой, но с пробитыми легкими. Сначала болезнь его не очень мучила. Он стал работать учителем физики, женился. Затем родился я. Годы шли спокойно. А потом вдруг болезнь открылась, и врачи ничего не смогли делать.

Почти три года мы с мамой прожили вдвоем. А когда я кончал первый класс, у нас дома появился дядя Сева. Всеволод Сергеевич. С пятилетней Ленкой. Он работал в управлении речного порта и носил фуражку с якорем.

Но ни эта фуражка, ни сам он мне не понравились. Все не понравилось. Даже то, что говорил он почти как папа — глуховато и с прикашливанием.

У него было худое лицо с бородкой, две прямые морщины над густыми бровями и большие коричневые глаза. Если не придираться, то вполне нормальное лицо, даже симпатичное. И глаза не сердитые, а наоборот. Он смотрел этими глазами на маму, как Данила-мастер на Каменный цветок. А на меня смотрел как-то виновато.

Ну и пусть! Мог бы и вообще не смотреть!

Не думайте, что я скандалил или дулся открыто. По утрам я говорил ему «здравствуйте», а вечером — «спокойной ночи». Я даже стал звать его не «Всеволод Сергеевич», а «дядя Сева». По маминой просьбе. Но когда дядя Сева пытался тронуть меня за плечо или погладить по голове, я шарахался, как от крапивы. Ничего не мог поделать с собой. Да по правде говоря, и не хотел.

А тут еще Ленка! Сразу прилепилась к маме. Будто бы век была ее дочерью! И говорить стала «мама». Я каждый раз вздрагивал, будто мне за шиворот падал таракан. Мама однажды взяла меня за локти, поставила перед собой и тихо сказала:

— Олежка, Олежка… Она же маленькая. А свою маму она и не помнит. Разве ты не понимаешь, как плохо без мамы?

Я понимал. Это я прекрасно понимал! Еще бы! В детском саду, даже в старшей группе, если мама задерживалась и вовремя не приходила за мной, я готов был удариться в слезы. А если мама вечером уходила в кино, я с головой, как в холодную воду, погружался в печаль.

Поэтому я проглотил комок и кивнул. Но хоть сто раз кивни, а ничего не поделаешь, если не проходит обида.

Ленку я не обижал. Иногда приходил даже в детский сад за ней. А один раз показал, как делают из бумаги двухтрубные пароходики. Но когда Ленка взяла без спросу моего фарфорового котенка и нечаянно грохнула о половицы, я не выдержал. Молча давясь слезами, я собрал осколки в газету (может, потом склею) и достал из-под дивана заброшенный школьный ранец.

Кроме осколков котенка я уложил в ранец свитер, книжку «Снежная королева», бутылку с водой, полбуханки хлеба, нарезанную ломтиками колбасу, спички и папину медаль «За победу» на черно-оранжевой ленточке. Потом вытащил из шкафа школьную форму: штаны с аккуратной заплаткой на левом колене, гимнастерку с пуговками, похожими на военные, только без звездочек, и ремень с латунной пряжкой. На пряжке — веточки, книга и буква «Ш». Форма эта, неуклюжая и тяжелая, как доспехи рыцаря, осточертела мне за долгие месяцы школьной жизни. Но что делать? Без теплой одежды в дальней дороге пропадешь.

— Ты в школу пойдешь? — подавленно спросила Ленка.

— Дура, — мстительно сказал я. — Кто это ходит в школу, когда каникулы?

Я вытер глаза, щелкнул пряжкой и сунул ноги в мамины резиновые сапоги. Сапоги были велики. Я отогнул голенища, и получились отвороты, как у охотников или мушкетеров. В правое голенище я сунул свой узкий тонкий кинжал, сделанный из ножовки для металла. У него была рукоятка, обмотанная изолентой, и перекладинка из медной проволоки. В левое голенище я опустил детскую лопатку.

А еще взял самодельное ружье с тугой резинкой. Оно стреляло скобками из алюминиевой проволоки. С десяти шагов такая скобка пробивала навылет плотный лист бумаги. Если попадешь зверю в глаз — тому сразу капут.

Не сказав больше Ленке ни слова, я ушел из родного дома. Ушел, грохоча сапогами и прощаясь с детством.

Я решил пойти за реку, в дальние леса. Там среди корней старого дерева я вырою землянку. Буду спать на подстилке из пахучей лесной травы, охотиться на зайцев, а по вечерам сидеть у маленького уютного костра, беседовать с верной собакой и читать ей сказку про Снежную королеву.

Целый квартал я шагал довольно бодро. Потом решительность моя пропала.

В глубине души я прекрасно понимал, что едва ли сумею выкопать настоящую землянку, годную не только для летней жизни, но и для зимовки. Чувствовал, что одному у ночного костра будет жутко. А кроме того, мне ужасно жаль было убивать симпатичных добрых зайцев, про которых я знал целую кучу сказок.

Но больше всего (чего уж скрывать-то!) мне жаль было покидать маму.

Верная собака Джулька (не моя, а общая, уличная) предательски бросила меня, как только я скормил ей последний ломтик колбасы. Я растерянно остановился на перекрестке. Как же быть, в самом деле?

Я был бы просто счастлив, если бы сейчас меня увидели мама и дядя Сева: они как раз должны были возвращаться из кино. Мама крепко взяла бы меня за руку, привела домой, отругала как следует и, может быть, поставила бы даже в угол за умывальник. Ну и пусть! Я оказался бы схваченным, но не побежденным. А прийти домой сам я не мог. Такой позор, такое поражение!

Но мамы и дяди Севы не было. Может быть, лечь в канаву рядом с тротуаром и умереть от горя? Однако умирать здесь было неудобно. Во-первых, меня увидели бы прохожие, во-вторых,

несмотря на вечернее время, стояла жара, и я совсем измучился в походном снаряжении. Попробуйте лежать, дожидаясь смерти, когда такая духота! Долго пролежите?

Ничего не оставалось, как продолжать путь. И я побрел.

А когда я прошел еще полквартала, судьба послала мне навстречу Витальку. Он неторопливо шел по кромке тротуара и толкал перед собой обруч от бочки. Недалеко от меня он остановился и крутнул обруч вокруг оси. Тот завертелся на месте, превратившись в прозрачный шар. Виталька засмеялся, хлопнул «шар» по макушке и остановил вращение. Поднял глаза и увидел меня.

— Э, Олега! Ты куда?

Мы были знакомы, но никогда не дружили. Просто иногда играли в одной компании. Я даже не знал, где он живет.

Но случилось так, что именно он встретился на моем горьком пути.

— В лагерь? — спросил он.

Я чувствовал, что, если начну говорить, разревусь. И покачал головой. Виталька перестал смеяться. Уже другим голосом поинтересовался:

— В лес?

Я кивнул. Виталька стал серьезным. Зачем-то

надел через плечо обруч, осмотрел меня от сапог до ранца, торчавшего над плечами, и тихо спросил:

— Насовсем?

Я даже не удивился, как он догадался. Главное было удержать слезы. Я снова кивнул.

Виталька обошел меня вокруг, осторожно потрогал ранец. Затем снова встал передо мной. Я впервые увидел близко его глаза. Виталькины.

Он был мудрый человек, даже в те годы. Он сказал:

— Чего тебе в лесу делать одному? Айда ко мне.

Если бы я не боялся говорить, я заспорил бы. Ну чего я пойду к нему, к почти незнакомому? Ему, наверно, влетит. Скажут: что за бродягу привел с улицы?

Но разговаривать я не мог, а молча стоять было глупо. И я, понурившись, зашагал рядом с Виталькой.

Он привел меня в старый дом. Из прихожей по скрипучей лесенке мы поднялись в невысокую комнатку. Там была лежанка на чурбанах, косоногий стол и старинное кресло с завитками и вылезшей из сиденья пружиной. А на стенах какие-то картинки — я тогда их не разглядел.

Виталька стащил с меня ранец и сказал:

— Гляди-ка, ты весь мокрый. Вылезай из своей шкуры и айда умываться.

Я с облегчением выбрался из походных доспехов. Виталька дал мне вместо сапог свои старые тапочки и повел вниз, к умывальнику.

Умывальник оказался в точности такой же, как у нас: голубой, эмалированный, с длинным болтиком вместо крана. Надавишь болтик снизу — и в руки бьет струйка.

Такой знакомый, просто родной был умывальник, что я поспешил уткнуть лицо в ладошки с водой.

Когда умылся, стало легче.

«Может, все еще наладится в жизни?» — подумал я.

Виталька, видно, почуял, что я ожил. Он припечатал свою мокрую ладонь к моей спине в круглом вырезе майки и бодро сказал:

— Топаем!

Мы «протопали» в комнату с хрустальной люстрой. Люстра горела, хотя вечер за окнами был совсем светлый. Только это стеклянное сверкание я и заметил в первый момент.

— Тетя Валя, это Олег. Ты нас покорми. Ладно? — сказал Виталька.

И я увидел тетю Валю.

— Здрасте… — испуганно пискнул я.

Тетя Валя смотрела на нас поверх очков. Она была высокая, горбоносая, в синем платье с воротничком, стоячим, как у офицерского кителя. Волосы у нее были гладкие, собранные сзади в тугой валик. Таких дам, худых и строгих, я видел в английском фильме про мальчишку по имени Давид Копперфилд, когда мы ходили с мамой в клуб речников. А в жизни мне такая тетенька ни разу не встречалась.

В ответ на мое «здрасте» она кивнула, а Витальке сказала:

— Покормить? Гм… А руки мыли?

Виталька вытянул вперед растопыренные ладошки и повертел ими. А я не решился. Тогда он взял мои руки и тоже протянул тете Вале.

— Ничего не поделаешь, — сказала она. — Ступайте на кухню.

Потом мы ели сосиски с горячей картошкой и пили холодное молоко. Я помнил мамины уроки, как держать себя в гостях, и сидел прямо, локти на стол не ставил, старался аккуратно орудовать ножом и вилкой.

А Виталька болтал ногами и шумно втягивал в себя молоко.

— Ты поучился бы у мальчика вести себя за столом, — заметила тетя Валя.

— Он просто стесняется, потому что первый раз, — бесстрашно возразил Виталька. (Увы, будущее показало, что он был прав.)

— Ты издалека? — обратилась ко мне тетя Валя.

— Да ты что! — торопливо вмешался Виталька. — Он с нашей улицы из дома номер четырнадцать, где собака Джулька. Знаешь?

Я ожидал, что тетя Валя возмутится: с чего это она должна помнить всяких Джулек? Но она кивнула.

— Он у нас переночует, — как-то очень уж обыкновенно сказал Виталька.

Тетя Валя слегка подняла брови.

«Сейчас начнется», — с замиранием подумал я и приготовился к расспросам. Тетя Валя глянула на Витальку, опустила брови и сказала:

— Унеси наверх вторую подушку.

...Мы улеглись на Виталькином топчане. Было тесновато, но ничего...

— Рассказывай, — велел Виталька.

Я не стал притворяться и спрашивать: «А чего рассказывать?» От разговора все равно не уйдешь. Только как объяснить про все, я не знал.

— Насовсем ушел из дома? — прошептал Виталька.

Я вздохнул.

— Отлупили? — понимающе спросил он.

— Да что ты! Меня никто никогда пальчиком даже не тронул!

— Без битья обижают?

Я опять проглотил комок.

— Да не обижают… Из-за Ленки. Ну, не из-за Ленки, а вообще. Из-за котенка…

Я все-таки начал рассказывать. Сперва просто так, а потом, конечно, разревелся. Виталька не успокаивал, только переспрашивал иногда, если я замолкал. Выслушал все и мудро сказал:

— Ну ладно. Это бывает…

«Да, бывает! — подумал я. — А как же там, дома?» — и отбросил одеяло.

— Ты куда?

— Домой я. Мама ищет, наверно…

Виталька натянул на меня одеяло.

— Мама знает. Тетя Валя сходила и сказала. Завтра пойдешь.

Я почувствовал, что измучился до полусмерти. Благодарно уткнулся носом в острое Виталькино плечо и тут же уснул.

Рано-рано я проснулся, оставил спящего Ви-

тальку, осторожно спустился в прихожую и отодвинул на двери щеколду.

Ух как мчался я домой! Мама ждала меня у калитки. Она взяла меня за плечи. Ладошки у нее были сухие и горячие.

Я глупо улыбнулся и стал смотреть на свои ноги в Виталькиных тапочках.

— Олежка, — сказала мама, — давай договоримся. Не отправляйся больше в дальние экспедиции без предупреждения. Ладно?

— Угу… — сипло сказал я. И ткнулся лицом в мамину кофточку.

В тот же день я побежал к Витальке. Наверно, он ждал меня. Сидел на крыльце под узорным навесом и нетерпеливо смотрел, как я подхожу.

— За вещами пришел? — спросил он.

— Да нет. Я так… Можно?

Он заулыбался и сразу стал не старшим, а таким же, как я.

— Полезли ко мне на вышку!

…Вечером мы уговорили маму, чтобы я опять ночевал у Витальки.

— У него подзорная труба есть, мы будем на луну смотреть, — умоляюще говорил я и даже пританцовывал.

— И солдатики у нас недоделаны, — вторил

Виталька.

Мама почему-то вздохнула и согласилась.

…Вещи мои так и остались у Витальки. Даже мамины сапоги. Даже папина медаль. И ружье, и кинжал. И котенок. Его склеил Андрей Николаевич, Витькин отец, когда вернулся из рейса. А потом он сколотил второй топчан — напротив Витькиного. Натянул мне на уши фуражку (такую же, как у дяди Севы) и сказал:

— Живите, люди…

Глава 2

Андрей Николаевич Городецкий был капитаном грузового теплохода «Тобольск» и плавал по рекам от нашего города до самого моря. А иногда и по морю. Вместе с ним плавала и Виталькина мама — не то поваром, не то буфетчицей. Они отправлялись в плавание на месяц и больше, потом появлялись дома на несколько дней и снова уходили в рейс. И так от весны до ледостава. Виталька и тетя Валя в это время жили вдвоем. (А потом прибавился я.)

Жили в просторном старом доме. Его еще в годы своей молодости купил тети-Валин дед. Тетя Валя рассказывала, что дед вовсе не хотел связываться с покупкой, но его назначили директором гимназии, а директору было неприлично жить в казенной квартире: в маленьком городке он считался очень важным лицом. Потом деда прогнали из директоров, потому что в доме его стали собираться польские повстанцы, сосланные царем на Север. А дом до самой революции все равно назывался «директорский». Власти считали его «опасным гнездом».

В доме было много старинных вещей. Висели

фотографии в рамках — с них без улыбок смотрели на нас с Виталькой бородатые дядьки в длиннополых мундирах и тетеньки в платьях до пят. В буфете с разноцветными стеклышками блестели хрустальные рюмки и вазочки. Тетя Валя ими очень дорожила. Был шкаф с толстенными книгами и журналами, где каждое слово то с буквой «ять», то с твердым знаком на хвосте. Книги нам казались нудными, а журналы «Нива» мы с Виталькой иногда разглядывали.

Были у тети Вали и часы с кукушкой. Кукушка большая, в настоящих перьях — каждые полчаса не выпрыгивала, а вываливалась из окошечка, повисала на тонкой пружине и хрипло орала не то «ку-ку», не то «ква-ква». От этого нечеловечьего крика мы с Виталькой иногда просыпались по ночам. А тетя Валя не просыпалась, хотя спала в комнате с часами. У нее был очень крепкий сон. Это, кстати, часто спасало нас от неприятностей.

На кухне царствовал большущий самовар с медалями, выбитыми на медном брюхе. Андрей Николаевич, когда бывал дома, любил «раскочегарить эту систему», и тогда всем делалось весело и мы до самой ночи сидели у стола, а самовар шипел, пыхтел и притворялся сердитым.

А граммофон с большущей трубой был совсем

безработный. Тетя Валя даже любимые старые пластинки с Шаляпиным и Собиновым крутила на обычном проигрывателе «Рекорд». А граммофон дремал в углу на тумбочке, под вязаной салфеткой. Конечно, ему было обидно! Ведь его механизм с могучей пружиной ничуть не ослабел за долгие годы.

Когда тети Вали не было дома, мы ставили граммофон на пол, отцепляли трубу, закручивали до отказа пружину и по очереди садились на оклеенный малиновым бархатом диск. Граммофон раскручивал нас. Вначале медленно, потом быстрее, быстрее…

Ух и здорово было! Комната вертелась вокруг нас, и все сливалось в разноцветные полосы! Главное, не бойся и держи равновесие, чтобы не слететь с диска. Ну а слетишь — тоже не беда. Шлепнулся, посидел, пока голова не перестанет кружиться, — и вставай. Виталька, вставая, всегда деловито щупал сзади штаны: не провертел ли дырку штырек для пластинок? И говорил:

— Ну, тренировочка! Будто у летчиков-испытателей!

Сейчас бы любой мальчишка сказал: «Как у космонавтов». Но тогда космонавтов еще не знали. Мы с Виталькой познакомились за три месяца до

запуска первого спутника.

Тетя Валя, по-моему, догадывалась о наших проделках с граммофоном. Она вообще о многом догадывалась и многое прощала, потому что лишь на вид была строга.

Кстати, Витальке она приходилась не тетей, а двоюродной бабушкой. Виталькин отец был ее племянником. Он рано стал сиротой, и тетя Валя его воспитала. А потом воспитывала Витальку и заодно меня, потому что в летние месяцы я пропадал у них днем и ночью.

Впрочем, как воспитывала? Тетя Валя считала, что мальчики не должны курить, играть на деньги и говорить нехорошие слова. Вот и все.

Курить? Ну что ж, мы один раз попробовали. Я нашел в канаве нераспечатанную пачку «Памира», мы укрылись за сараем и задымили… Ой-ей-ей! Весь день я ходил потом с таким чувством, будто выпил таз мыльной воды, и все вокруг было в отвратительном желтоватом тумане. Витальке тоже было не лучше. С тех пор я ни разу не брался за сигареты и папиросы. Даже когда стал большим. Однажды я спросил у Витальки, тоже взрослого уже, не научился ли он курить. Он ответил, как в детстве: «Что я, чокнутый?»

На деньги мы тоже не играли. Чаще всего их у нас не было. А если были, то общие. Какой смысл выигрывать друг у друга?

Ругательные слова мы говорили. Но тетя Валя их не понимала. Мы придумывали их сами, на ходу, если что-нибудь случалось. Иногда эти слова походили на иностранные пиратские ругательства или марсианские заклинания.

В общем, тетя Валя считала нас вполне нормальными детьми. А если уж мы очень ей надоедали возней и проделками, она говорила:

— Виталий и Олег! Вы совершенно невозможные люди.

Это означало, что тетя Валя сердится всерьез. Пора, значит, притихнуть и обдумать свое поведение. А если мы все-таки не притихали, тетя Валя заявляла:

— Я выставлю вас из дома, и ночуйте на дворе, пока не станете приличными людьми.

Но ни разу в жизни она не намекнула мне, что ее дом — это вовсе не мой дом и что я не должен про это забывать. И я, по правде говоря, забывал.

Мама тревожилась и огорчалась. Ей казалось, что я убегаю из дома из-за дяди Севы и Ленки. Но теперь уже не в этом было дело. Мы с Виталькой просто не могли друг без друга. Не могли, вот

и все.

Мама наконец поняла это. Но ее беспокоило и другое. Плохим аппетитом я не страдал, а обедал, завтракал и ужинал у тети Вали чаще, чем дома.

— Как она кормит вас на свою пенсию? — волновалась мама.

Мое сообщение, что, кроме пенсии, есть зарплата Виталькиных родителей, ее не успокоило. Я узнал потом, что мама пыталась даже предложить тете Вале деньги за мое «содержание», а тетя Валя с улыбкой, но твердо сказала:

— Оставим это.

Тетя Валя вообще была немногословна. Если жизнь текла без особых происшествий, мы знали заранее, какие фразы когда от тети Вали услышим. Утром она стучала шваброй в потолок и сообщала:

— Граждане! Солнце встало! Вставайте и вы!

Перед завтраком она обязательно спрашивала:

— Надеюсь, вы умылись, хотя бы символически?

А вечером, когда мы возвращались с улицы после многотрудного дня, она неизменно говорила:

— Боже мой! На кого вы похожи!

На кого мы были похожи? Ну, на своих мам и пап, конечно (хотя своего папу я теперь видел

только на фотографиях). Немножко — друг на друга. На всех обыкновенных мальчишек. И больше всего — на самих себя.

Виталька был повыше меня, белобрысый, вечно нестриженый — на шее волосы косичкой. Глаза у него были длинные, серо-зеленые, рот большой и толстогубый, а нос тонкий, с чуть заметной горбинкой. На горбинке сидело пять желтых веснушек. Эти глаза, губы, нос, если смотреть на них отдельно, как-то не подходили друг для друга. Но когда все вместе — как раз и получался Виталька.

Себя я почти не помню. С той поры у меня сохранилась только одна фотокарточка. Я на ней с мамой, дядей Севой и Ленкой. Причесанный, лупоглазый и удивительно примерный. Виталька говорил, что совсем на себя непохожий, только оттопыренные уши похожи.

А в зеркало я почти не смотрел.

Правда, одно зеркало все время попадалось на пути: оно стояло в прихожей, там, где начиналась лестница. Мутное, пятнистое. Высокое — от пола до потолка. Когда я брал разбег, чтобы взлететь по ступенькам, в зеркале этом, как в узкой темной двери, проскакивал рядом со мной щуплый тонконогий пацаненок с облезлыми от загара

плечами.

Но я ни разу толком не разглядел себя: некогда было. Я спешил наверх — в нашу каюту, наш с Виталькой штаб, нашу крепость, наше царство. В наш мезонин, который мы с Виталькой называли вышкой. Кстати, знаете, что такое мезонин? Это когда на дом как бы ставят еще один домик. Получается второй этаж, только поменьше.

Наш мезонин состоял всего из одной комнатки. Стены были обшиты некрашеными досками. Доски потрескались от старости, и в щелях жил разный мелкий народ: какие-то паучки, жуки, сверчки. Мы их не боялись и не обижали. На стенах висело мое деревянное оружие и Витальки картины. Не все, конечно, а самые лучшие. Мне особенно нравились «Летучий голландец» и «Восстание гладиаторов».

«Летучий голландец» — это темный таинственный фрегат с изодранными парусами. В самую большую дыру на парусе проглядывает острый уголок месяца. На корме слабо горит желтый огонек.

«Гладиаторы» были еще лучше. Они восстали прямо на арене римского цирка и теперь гнали по мраморным лестницам богачей в длиннополых одеждах.

А еще на стене висели карманные большущие часы тети-Валиного деда. Это была серебряная «луковица» старинной французской фирмы. Тетя Валя дала их нам, чтобы мы научились ценить минуты. Но трогать их она не разрешала и заводила сама.

В комнате было два окна: одно на юг, другое на север. В южное окно целые дни светило веселое солнце, а в северном окошке по вечерам висела посреди светлого неба большая звезда, названия которой мы не знали.

Иногда заглядывала розовая ноздреватая луна.

Мы разглядывали луну в маленький медный телескоп, который тоже достался тете Вале от деда. Раньше, давным-давно, в такие телескопы наблюдали планеты гимназисты.

Несмотря на древний возраст, телескоп работал исправно. Луна в нем казалась громадным румяным караваем. Близким-близким. Хоть рукой трогай. И у нас замирало дыхание.

…Стоит мне прикрыть глаза, и я вспоминаю все точно-точно. Даже не вспоминаю, а будто опять оказываюсь в мезонине.

Там полумрак. Телескоп стоит на подоконнике, а мы с Виталькой сидим перед ним на корточках. В сумраке за нашими спинами шуршат и шеле-

стят в щелях и под рисунками на стенах наши жуки и сверчки. От телескопа кисловато пахнет старой медью. Виталька дышит негромко и часто. Он смотрит в окуляр, а я рядышком — щека к щеке — жду очереди. Виталькины отросшие волосы щекочут мне висок.

Вдруг Виталька шепотом говорит:

— А вот эти… гимназисты… Неужели они тоже планету изучали?

— Конечно.

— Это же давным-давно… Даже непонятно. Тогда даже электричества не было.

— Ну и что? А телескоп Галилей придумал. Это еще давнее… Ты, Виталька, целый час уже глядишь, ну-ка пусти…

Он послушно убирает голову, и я придвигаю глаз к окуляру.

…Чужой, до ужаса таинственный мир рывком приближается вплотную. Выпуклая пустыня в каменных кольцах и воронках… Что там? Кто там? Узнаем ли когда-нибудь?

Мы с Виталькой твердо верим, что полеты в космос начнутся скоро. Может быть, завтра. Ведь уже несколько спутников кружат над Землей. Но тайна от этого не становится меньше.

— …Уже целый час смотришь, — ворчит Ви-

талька.

Я со вздохом отрываюсь от телескопа. Что это? Неужели розовато-золотой ноготок, повисший высоко над чердаками и антеннами, — та самая планета, которая была сейчас почти рядом?

Виталька сидит у окуляра. Я выбираюсь в окошко и, свесив ноги на улицу, сажусь на теплый подоконник. Рядом с телескопом. Его объектив темнеет у моего локтя, словно громадный выпуклый глаз. В глубине этого глаза золотым семечком плавает отражение луны.

Я хитро улыбаюсь и прикрываю объектив ладошкой. Телескоп сердито дергается.

— Ты чего? — спрашивает Виталька.

— Это марсианский корабль пролетел.

— Ты у меня сам сейчас полетишь, — для порядка сообщает Виталька. — На планету Земля. Хочешь?

— Не-а. Мне здесь хорошо… Смотри, Виталька, самоходка идет. Может, «Тобольск»?

За темными крышами, пихтами и тополями, на светлой излучине появляется силуэт судна с тремя цветными огоньками.

Виталька торопливо выбирается из комнаты и садится рядом со мной. Снимает с подставки телескоп и берет его как подзорную трубу. Мы

часто так делаем, когда хотим поглядеть, что вокруг нового на земле. Правда, в телескопе все вверх ногами, но это даже интереснее.

С полминуты Виталька смотрит в окуляр, как адмирал Нельсон из фильма «Леди Гамильтон». Потом разочарованно говорит:

— Эх ты, «самоходка». Буксир идет. Моряк — с печки бряк…

Надо бы Витальку за такие слова пихнуть в комнату, сесть на него верхом и натереть ладонями уши. Но, во-первых, неизвестно, получится ли. Во-вторых, мне слегка неловко: у меня-то мама в двух кварталах отсюда, а у него уже целый месяц в дальних краях. А я: «Тобольск» идет…»

Чтобы Виталька не заскучал, я завожу разговор:

— На Луне людей точно нет. А вот на Марсе… Если есть…

— Ну и что? — говорит Виталька.

— Если есть… Значит, мальчишки тоже есть?

— Ну… наверно… Ну конечно.

— А играют они в солдатиков?

Глава 3

Солдатики — это была наша любимая игра. Мы ее затеяли в то лето, когда подружились. А через два года у нас в больших коробках из-под обуви накопились громадные армии — тысячи три пехотинцев, конников, артиллеристов и разведчиков. Храбрые солдаты ростом с мизинец. Мы рисовали их на картоне и вырезали маникюрными ножницами.

Вернее, рисовал Виталька. Он уже тогда был почти настоящий художник. И главное, он придумывал здорово! Столько разноцветных мундиров, шлемов с перьями, барабанов, знамен…

Зато я изготовил всю артиллерию для обеих армий. Тетя Валя отдавала нам катушки от ниток, и они сразу превращались в орудийные стволы и колеса. Стреляли пушки горохом, сухой рябиной и стеклянными шариками от бус, которые тоже отдала тетя Валя. Бусинки считались тяжелыми, особо опасными снарядами.

Когда за окном моросил дождик и улица не манила, мы устраивали на полу поле сражения. Развертывали широким фронтом конный строй драгунских и гусарских полков, рассаживали

по укромным уголкам разведчиков-наблюдателей, строили в каре разноцветных пехотинцев и егерей. Ставили батареи. У каждой пушки укладывали в пирамиду ядра, натягивали на стволы боевые резинки…

Артиллерия безжалостно косила картонные войска, и приходилось для защиты возводить брустверы, ставить редуты и бастионы.

А однажды Виталька укрыл свою армию за высоченной стеной из ватмана. Стена была разрисована под кирпич и выглядела совершенно непрошибаемой крепостью.

Мои разукрашенные генералы в малиновых и голубых мундирах приуныли вместе со мной, а потом устроили военный совет, укрывшись от вражеского огня за перевернутой табуреткой (Виталькина артиллерия вела из бойниц методическую стрельбу). Через пять минут мы сказали противнику:

— Ха-ха! Нам не страшен серый волк!

Укрепили колеса на подставках — так, что стволы оказались задранными вверх, — и открыли мортирную стрельбу. Навесом! Ядра сначала летели «в небо», а потом сыпались на головы врага. За крепостной стеной началась паника. Падая в гущу солдат, снаряды отскакивали от пола и

рикошетом обязательно сшибали кого-нибудь.

Главнокомандующий Виталька вступил в переговоры и обвинил нас в нарушении благородных правил ведения войны. Он придрался к тому, что наши ядра отскакивают от потолка и это делает их удары сильнее.

— Вот и хорошо! — беспощадно сказал я. — Это нам как раз и надо.

— А не имеешь права. Если по правде, то никакого твердого неба нет, значит, снаряды отскакивать не могут.

— А мы в старинную войну играем. Тогда еще люди не знали, что твердого неба не бывает. Они, наоборот, говорили: «Небесная твердь»!

— Ну и что! На самом-то деле тверди и тогда не было, — разбил мои хитрости Виталька.

Я не знал, что сказать, и поэтому брякнул:

— Откуда ты знаешь? Может, была. Никто ведь не летал, не проверял!

Виталька поморгал. Видно, не мог придумать, что возразить. Потом нахально заявил:

— Откуда ты взял, что не летали? Может, летали!

— Ха-ха-ха! — сказал я. — На чем?

— Хе-хе-хе, — мрачно ответил Виталька, понимая, что проиграл спор. — На коврах-самолетах.

Я сочувственно посмотрел на него и вздохнул.

Если бы мы знали тогда…

Но мы ничего еще не знали, нас волновало сражение.

— Убирай стену, тогда опущу пушки, — предложил я.

— Фигушки-фиг! — изящно ответил фельдмаршал Городецкий и стремительно перестроил войска в длинные колонны с большими интервалами. Потери его сразу уменьшились. Потом он открыл крепостные ворота и вывел в атаку кирасир в панцирях из фольги.

Чтобы уберечь от разгрома левый фланг, я спешно кинулся строить редут из костяшек домино…

Вот так мы и воевали.

Пол в мезонине сколочен был из могучих плах какого-то нездешнего дерева. От времени мягкая древесина источилась и выветрилась, и сверху осталось лишь переплетение твердых жил. Ползать на четвереньках по ним было больно. Однако в боевом азарте мы не думали о себе. Меняя позиции, кидаясь от пехоты к пушкам, от фланга к флангу, мы всеми суставами грохались об пол — так, что внизу у тети Вали звенел в буфете старинный хрусталь, а на наших локтях

и коленках глубоко отпечатывались красные древесные узоры.

Эти отпечатки и ссадины мы считали боевыми ранениями и даже гордились ими. А тетя Валя, разглядывая нас после очередного сражения, покачивала головой и жалостливо щурилась. Женщины всегда жалеют тех, кто пострадал в боях. Кроме того, я думаю, тетя Валя жалела свои хрупкие рюмки и графинчики. И однажды она сказала:

— Уважаемые полководцы! Я хочу спасти вас от увечий, а дом от разрушения.

Мы переглянулись. Неужели мы довели бедную тетю Валю до такого отчаяния, что она решила нас выселить с вышки?

— В чулане у меня есть ковер, — сообщила тетя Валя. — Конечно, не очень новый, но… Если выбить из него пыль, почистить, можно постелить у вас наверху. Тогда будет гораздо меньше грохота и синяков.

Ковер? Ура! На ковре можно устраивать соревнования по классической борьбе (и по неклассической тоже). Можно просто лежать рядышком друг с другом и болтать про все на свете. Можно вытащить ковер на крышу и загорать там, не боясь расцарапать пузо о кровельные листы.

Можно сделать из него чум или кибитку и жить, будто кочевники!

Это взрослые думают, что ковры нужны только, чтобы вешать на стенку или класть на пол. А мы-то знали настоящую цену вещам!

Ковер, свернутый в большую трубу, стоял в самом углу чулана. Мы, конечно, бывали здесь не раз, но не обращали на него внимания: он был полузадавлен всякой рухлядью. Пока мы добрались до ковра, я успел поцарапаться о сломанную птичью клетку, а Витальке на голову упал дырявый шелковый абажур.

«Труба» выглядела внушительно. Я похлопал по плетеной изнанке ковровой материи. Она была жесткая и шероховатая.

— Тяжеленный, наверно, — вздохнул я.

— Это точно. Свалится — придавит, как мышат, — «утешил» Виталька. — Ну, взялись…

Ковер оказался поразительно легким.

— Как из пенопласта! — изумленно сказал Виталька.

Мы без труда выволокли ковер в коридор. Потом взвалили на плечи и торжественно понесли на двор. Виталька шагал впереди, и рыжий шелковый абажур качался на его голове, будто колокол.

— Выбейте пыль как следует, — сказала вслед тетя Валя.

Мы развернули ковер на траве. Он был небольшой: длиной метра три, а шириной около двух. Грязно-серый. Пахло от него кладовкой, плесенью и старыми мешками.

— Жуть, — сказал Виталька и выдернул у забора могучий стебель прошлогоднего репейника. А я отыскал у крыльца палку от швабры.

Мы врезали по ковру с двух сторон, и пыль поднялась, словно дым над вулканом. Ковер пружинил и подпрыгивал, как живой. Мы чихали, хохотали, а тетя Валя с крыльца уговаривала нас пылить не так сильно, иначе соседи вызовут пожарную машину.

Наконец мы выдохлись. Прочихались. Ветерок унес пыльное облако. И тогда мы разглядели узор на ковре. Ну, узор как узор. Ничего особенного. Какие-то зубчатые треугольники по краям и угловатые загогулины, а в середине — два больших квадрата, положенных друг на друга так, что получилась восьмиугольная звезда. А в этой звезде была другая, похожая на шестерню. Ковер после чистки остался серым, а рисунок был красновато-коричневый, выцветший и расплывчатый. Чуланный запах мы выбили из ковра не до конца.

А ворс, там, где он не вытерся от старости, стал после наших ударов ершистым и колючим на вид.

Не все ли равно! Мы так устали! Мы посмотрели друг на друга и разом бухнулись на ковер.

Я падал, зажмурившись. Поэтому первое ощущение было особенно удивительным. Казалось, я упал не на старый ковер. На что-то другое — мягкое, шелковистое, теплое. Живое.

Я изумленно открыл глаза и сел. Мои ладони скользили по ковровой щетине, которая выглядела жесткой и кусачей. А казалось, что я глажу ласкового зверя с короткой, но пушистой шерстью. Виталька сидел на корточках и обалдело смотрел на меня.

Я ему ничего не сказал. Я лег ничком и прижался к теплому ковру голыми руками, ногами, щекой. Я купался в этой ласковости. И вдруг почувствовал, что от ковра пахнет не только плесенью и мышами. Пробивался запах чего-то незнакомого, южного, загадочного. Словно кто-то втер в ковровую ткань семена заморских трав.

Вздохнул я и открыл глаза. И увидел, что Виталька лежит, как и я. Носом ко мне.

— Вот это да, — сказал он, улыбаясь и не отрывая щеки от ковра.

Я промолчал, потому что в самом деле «вот

это да».

— Наверно, его тети-Валин дед из какой-нибудь Персии привез, — проговорил Виталька. — Тетя Валя говорила, что дед много путешествовал, когда молодой был.

— Наверно, его делали старые мастера, а теперь этот секрет утерян, — сказал я.

— Наверно… — сказал Виталька.

Мы медленно перевернулись на спину.

— А тетя Валя? — спросил я. — Разве она не знала, что он… такой?.. В чулан запихнула.

— Может, знала, да забыла, — откликнулся Виталька. — Она же… ну, в общем, немолодая уже. Пожилые люди про многое забывают.

— Память у нее хорошая, — заступился я.

— Ну, хорошая… А может, она и не понимала, какой это ковер. Она ведь на нем не валялась, как мы.

— Почему? — удивился я.

Виталька хмыкнул:

— А ты видел ее фотокарточку, когда она девчонкой была? Платье чуть не до пяток, кружева всякие, бант на спине, ботинки высоченные с пуговицами. Попробуй поваляйся.

Я пожалел тетю Валю, которая лишена была такого удовольствия, сладко вытянулся на ковре

и опять погладил его.

— Как живой, да? А мы его, бедного, палками…

— Ничего, — утешил Виталька. — Зато чистый стал… А мы с тобой — наоборот.

Он согнул потемневшую от пыли руку и подул на нее. А я увидел на его локте красную капельку.

— Смотри, поцарапался, — сказал я.

Виталька улыбнулся и тронул каплю мизинцем. Она разломилась пополам, выпустила прозрачные крылышки и улетела в густую траву.

— Божья коровка, улети на небо… — запоздало сказал Виталька.

— А по правде они могут на небо улететь? Высоко, как самолеты? — спросил я.

— Не-а, — сказал Виталька. — Им зачем? Они же травяные жители.

— Ну а если захочет? Вдруг захочет?

— Она не захочет, — сказал Виталька. — Это ты, может, захочешь, потому что ты человек. А она же просто так, божья коровка.

Я лежал, раскинув руки. Левая ладонь оказалась в траве, и между пальцами попал высокий стебелек одуванчика. Я машинально теребил его, а сам думал вот о чем: если бы я даже был божьей коровкой, все равно попробовал бы лететь выше

и выше. Конечно, там на высоте давление другое, холод, воздуха мало, но я летел бы, пока хватит дыхания.

Я представил, что вот так, лежа на спине, начинаю медленно подниматься к одинокому облаку, насквозь просвеченному июльским солнцем.

Показалось мне, что шевельнулась под ковром земля, а все пространство слегка сдвинулось. Так бывает, когда голова на миг закружится. Стебель одуванчика, который я держал, скользнул вниз, пушистая головка проскочила между пальцами, растеряв семена. Потом я увидел, что уходит вниз рассохшаяся бочка, стоявшая неподалеку.

— Мама! — заорал я и бухнулся в траву.

Крепко бухнулся. Потому что от ковра до земли было уже метра полтора…

Даже сейчас, когда я вспоминаю тот случай, мне делается неловко. Ведь что ни говори, я испугался и бросил Витальку. И слегка утешает меня лишь то, что Виталька поступил так же: заорал и плюхнулся на землю. Только с другого края ковра.

Мы сидели в примятой траве и перепуганно таращились друг на друга.

— Ты чего? — сказал Виталька.

— Чего «ты чего»? — сказал я.

— Как это ты? — спросил он.

— Я никак. Я ничего, — ответил я, потому что понял наконец: Виталька думает, что это мои шуточки.

Ковер плавно, как большой бумажный лист, опустился между нами. Я икнул и сказал:

— Это он.

Виталька задумчиво осмотрелся, зачем-то заглянул под ковер и опять вопросительно уставился на меня. В моей голове стремительно прыгали всякие догадки и фантастические мысли: «Может, было незаметное землетрясение и нас плавно тряхнуло?.. Может, у нас обоих сон или гипноз?.. Может… Может…»

А что «может», в конце концов?!

Я опять икнул и спросил Витальку:

— Попробуем?

— Н-ну… давай… — сказал он без восторга.

Мы осторожно, как на горячую плиту, сели на ковер.

— Н-не поднимается, — сообщил Виталька.

— Значит, показалось.

— Обоим?

Я икнул третий раз и потер ушибленное место. Ничего себе «показалось».

— Ты чего-нибудь делал, когда он… это самое? —

шепотом спросил Виталька.

— Ничего я не делал. Я о нем даже и не думал совсем.

— А о чем думал? — требовательно спросил Виталька.

— Сейчас… Ну, кажется, о божьей коровке… Долетит она до облака или нет.

— Значит, о полете, — обрадованно сказал Виталька. — Значит, так… Попробуем! — Он прищурился и скомандовал: — Вперед! Полетели!

Ковер не шелохнулся.

— Вперед! Старт! — повторил Виталька и даже поерзал, словно подгонял ковер.

Тот не двигался.

— Хочу подняться до крыши, — сказал Виталька почти жалобно.

И мне захотелось. Страшновато было, но все равно захотелось, чтобы ковер шевельнулся, чтобы стена дома плавно заскользила вниз и узорчатый карниз под крышей оказался у наших глаз.

И тогда… Тогда это случилось!

Нас приподняла ласковая сила, и мы увидели перед собой кромку железной крыши и старое деревянное кружево карниза: хрупкие завитушки и зубцы с круглыми отверстиями. Из одного

отверстия, как из иллюминатора, озадаченно глядел на нас воробей.

В первый миг я хотел повторить старый трюк: завопить и свалиться. Виталька ухватил меня за майку.

— Стой! Высоко…

Я замер. Ковер медленно опускался.

— Вот так, — прошептал Виталька. — Нельзя же каждый раз прыгать. Привыкать надо.

Под эти слова мы приземлились.

— Если бы знать, отчего он летает, — все еще шепотом сказал Виталька. И опять потребовал: — Ну, давай! Вверх!

А я догадался… Нет, в самом деле, я, кажется, понял!

— Не надо командовать! Надо просто захотеть. Понимаешь, надо просто представить, что летишь… Подожди…

Я глянул на заросли полыни и репейника у забора и подумал, что вот сейчас приподнимемся и заскользим над самой травой к этим зарослям… И мы заскользили!

Я мысленно сделал разворот у забора и представил бреющий полет по кругу. И ковер-самолет послушался!

«Скорей», — не скомандовал, а пожелал я. Заше-

лестел встречный ветер, мелькнула поленница, крыльцо, сарай, опять поленница… Потом я опустился посреди двора. Сердце бухало, как барабан. Виталька сидел, вцепившись в мое плечо.

— Попробуй сам, — великодушно сказал я. — Знаешь как? Подумай, что летишь. Как будто сам летишь, вот и все.

— Ага, — торопливо сказал он. — Я… сейчас.

Нас опять мягко приподняло, ковер наискосок пересек двор, мягко взмыл над забором и пошел над улицей. Я заметил, что по дороге мчится под нами квадратная тень.

— Ты что? Увидят! — крикнул я.

Мы опять влетели во двор и плавно сели на прежнее место.

— Слушается… — с тихим восторгом сказал Виталька.

— «Слушается»! — упрекнул я. — Чего тебя на улицу понесло? Заметят же…

Виталька заулыбался и пожал плечами.

— Пускай. Все равно это сон…

Он завалился на спину и, мечтательно болтая в воздухе ногами, проговорил со сладким вздохом:

— Хороший сон. Подольше бы не просыпаться.

Я поглядел на его отросшие вихры, ухватил белобрысую прядь и довольно беспощадно дернул.

— У-ы-а! — взревел Виталька. — Ты чего, жабомымра с повидлом?!

— Видишь, не спишь, — сказал я.

И вдруг испугался: а если это я сплю?

— Ну-ка, щипни.

Виталька отплатил мне полновесным щипком выше локтя. Я заорал не только от боли, но и от радости: не сплю!

И, обалдев от счастья, мы облапили друг друга, покатились по ковру, выколачивая из него локтями и пятками остатки пыли. Потом разом спохватились: а вдруг ему больно? Притихли. Погладили ковер-самолет, как большую собаку.

Виталька задумчиво потрогал вихор, за который я его дернул, и сказал:

— Значит, это по правде бывает? Не во сне?

Глава 4

Мы постелили ковер у себя на вышке между топчанами. Затем испугались: а вдруг он больше не станет летать? Сели и попробовали подняться к потолку.

Поднялись! Ура!

Тетя Валя стучала в потолок:

— Воины! Обед остывает!

Увидев нас, она ахнула, велела набрать воды в корыто и отмывать друг друга. Мы безропотно подчинились.

За столом в этот раз мы вели себя так примерно, что тетя Валя заволновалась: может быть, мы в пыли наглотались микробов и скоропостижно заболели? Потрогала наши лбы, успокоилась и велела после обеда отправляться на рынок за картошкой. Это было самое нелюбимое дело — тащить через весь город, по жаре тяжелую корзину. Однако мы с радостью ухватились за него.

Лишь бы скорее бежало время!

Лишь бы скорее пришла ночь!

Только ночью ковер-самолет можно испытать как следует. А если днем — представляете, какой шум поднимется в городе!

Конечно, мы не ждали полной темноты. В середине лета ночи у нас серебристые, словно в воздухе рассеяна алюминиевая пыль. Иногда можно даже книжку читать, особенно если буквы крупные. Однако ночью пустеют улицы и меньше риска, что нас увидят.

Мы принесли картошку. Послонялись по двору. Потом испугались: не потерял ли ковер свою волшебную силу? Побежали на вышку — проверять. Ковер добросовестно поднял нас к потолку. Мы опять слегка обалдели и на цыпочках спустились по лестнице.

Сели играть в шахматы. Не игралось.

Пошли в соседний переулок, где ребята играли в футбол. Но наши ноги нас не слушались, и через пять минут девятиклассник Клим, мой сосед, перевел нас в запасные.

Мы пошли на реку, искупались. Но и в этом не было сегодня большой радости.

Да что такое случилось с временем?! Застряло оно, что ли? Просто издевательство какое-то!

Мы улеглись в постели еще до захода солнца и этим снова напугали тетю Валю. Она опять принялась щупать наши лбы. Пришлось сочинить, что мы очень устали, играя в футбол. Тетя Валя покачала головой и ушла.

— Как же все-таки он устроен? — шепотом сказал Виталька.

Он уже тысячный раз об этом спрашивал. И я, по правде сказать, рассердился:

— Как да как! Самое главное, что летает!

Виталька не обратил внимания на мою сердитость.

— Нам всю жизнь объясняли, что сказка — это сказка. Значит, ковер-самолет — не сказка?

— Нет, сказка. Только по правде, — возразил я.

— А может, это такой аппарат? Помнишь, в книжке «Тайна желтой звезды»? У ихних жителей такие летательные аппараты были, мыслями управлялись. Мыслелеты! У них эта была изобретена… как ее… ну, против тяжести!

— Антигравитация, — вспомнил я мудреное слово. — Ну так это же на той планете! А у нас откуда?

— Может быть, когда-то космонавты с другой звезды прилетели и позабыли. Давным-давно…

Я свесил голову с топчана и посмотрел на ковер.

Коричнево-серый узор. Края потерты. Вон даже суровые нитки изнанки просвечивают через вытершийся ворс. Обыкновенные нитки. Обыкновенный ковер…

— Знаешь, Виталька, не городи чушь. Если бы это было с другой планеты, то уж получше что-нибудь. Думаешь, там дураки? Они бы сиденья сделали, иллюминаторы, кабину…

— А может, им это не надо. Может, на той планете вообще сидений нет!

— Ну ладно. А где установка, чтобы антигравитацию делать? Из шерсти, что ли, она вырабатывается?

— Вот это и есть загадка, — хмуро сказал Виталька. — Это что-то новое для науки… А раз новое, значит, мы должны ученым сообщить. В Академию наук. Чтобы они изучили и разгадали.

Это мне и в голову не приходило! Но Виталька прав: надо писать в Академию. Иначе получится, что мы скрыли важное научное открытие.

— Только тогда уж нам коврика не видать. Заберут, — печально сказал я.

Виталька вздохнул.

— А может быть, никакой тут науки и нет? — неуверенно спросил я. — Обыкновенный сказочный ковер-самолет.

Виталька опять вздохнул.

Вздыхай не вздыхай, а выхода нет.

И все-таки выход нашелся!

— Виталька! А для науки его испытывать будут?

Надо же ученым знать, как он летает?

— Конечно!

— А кто будет испытывать?

— Ну кто… Летчики-испытатели.

Я победно сказал:

— Летчики-испытатели умеют самолеты водить. А на коврах они ни разу не летали. Мы-то уже пробовали, а они нет! У них и не получится, они к разным рукояткам привыкли да к педалям!

Виталька приподнялся на локте и смотрел на меня с радостным ожиданием.

— Значит, мы должны испытывать! В конце концов, мы его открыли, значит, мы и должны! А когда как следует испытаем, тогда и расскажем!

Виталька даже подскочил.

— Точно! Мы должны сперва все его свойства изучить! И летать научимся хорошенько. Может, тогда нас и дальше его испытывать возьмут, когда изучать будут!

Эти мысли успокоили нашу совесть. Мы решили, что лето посвятим испытаниям ковра-самолета, а осенью расскажем о нем ученым.

Пока мы спорили и решали, окна слегка потемнели и тети-Валина кукушка прокричала внизу одиннадцать раз.

Мы выждали еще полчаса.

Потом осторожненько натянули штаны и футболки.

Южное окно мезонина выходило на плоскую крышу задней части дома. Эта крыша стала нашей стартовой площадкой. Мы расстелили на ней ковер-самолет.

Первый старт был неудачным. Ковер сильным толчком поднялся в воздух, боком скользнул к забору и сел на упругие верхушки репейника.

Я скатился в колючки.

— Чего это он? — шепотом спросил Виталька.

— Это ты чего, — сердито сказал я. — Ты куда хотел лететь?

— Через забор, на улицу.

— А я хотел сперва круг по двору сделать! Ковер же не разорвется, чтобы сразу двоим угодить.

Сердиться было глупо, мы это быстро поняли. Просто надо было договориться, чтобы ковром управлял кто-то один.

— Давай ты, — великодушно сказал Виталька. — У тебя пока лучше выходит.

Мы опять уселись на ковре, и я представил, как медленно, плавно скользим мы вдоль забора, мимо крыльца, мимо поленницы. Идем по кругу, постепенно набирая высоту…

Ковер приподнял края, упруго поднял нас и пошел, пошел…

Мы перелетели через забор. Пересекли улицу. Поднялись до высоты печных труб и тихо полетели над огородами.

Я сидел, крепко обхватив за плечи Витальку. Мы молчали. Виталька часто дышал, и под майкой у него быстро-быстро стукало сердце. Ковер мягко прогибался под нами, и мы сидели, как в шелковистом гамаке. Я отпустил Виталькины плечи и подвинулся на край: хотел посмотреть, что под нами. Кромка ковра приподнялась, стала тверже.

— Охраняет. Вот молодец, — шепотом сказал Виталька.

Осторожно-осторожно я сел на краю и спустил ноги. Равновесие не нарушилось. А край ковра совсем затвердел, еще сильнее выгнулся вверх и упруго поддерживал меня под коленками.

Виталька спустил ноги с другой стороны. Опять сказал: «Вот молодчина!» — и погладил ковер. Потом спросил:

— А если вместе сесть?

— Перевернемся.

— Давай тихонечко попробуем.

Он стал осторожно перебираться ко мне и на-

конец сел рядом. Ковер летел и летел, без всякого крена. Видимо, обычные законы равновесия на него не действовали.

Виталька снова уполз к середине. Встал на четвереньки, потом на колени и наконец поднялся во весь рост. Постоял, балансируя, и весело сказал мне:

— Все нормально. Вставай.

Я добрался до Витальки, ухватился за его футболку и распрямил колени (а они слегка вздрагивали).

Ковер мягко продавливался под босыми ногами, но стоять было можно — летели мы ровно, как по ниточке.

И вдруг я понял, что ковер летит сам по себе! Я давно уже не управлял им. Значит, он может сам? Значит, надо ему только показать направление?

А вдруг ковер-самолет просто заманил нас на себя и теперь унесет в тридевятое царство, за темный лесной горизонт? Я моментально решил сделать разворот! И ковер послушался. В тот же миг.

— Вот умненький, — ласково сказал я и от радости опять обхватил Витальку за плечи.

Мы пролетели рядом с темной пихтой, растущей в незнакомом дворе — так близко, что

мохнатая ветка чиркнула меня по плечу. На крутой железной крыше, у печной трубы, сидел кот. Он услышал шорох, увидал нас, взгорбился и зашипел. А внизу, у крыльца, загавкала собака. Но мы уже пролетели. Ощущение полной безопасности радостно захлестнуло меня. Я прибавил скорость, и на этой скорости мы стали круто подниматься над городом.

Зашумел, ударил в грудь встречный воздух, откинул назад наши волосы. Мы покачнулись, но опять крепко встали, держась друг за друга. И снизу, и сверху, и по сторонам была пустота, но она не пугала. Мы сразу и крепко поверили в надежность ковра-самолета. Он был наш друг и не мог нас обмануть.

Мы летели, прошивая светлый ночной воздух. Он лежал пластами — теплыми и остывшими, вперемежку. Мы попадали то будто в нагретую вату, то в продутый осенними сквозняками коридор. А иногда случалось так, что мы двигались словно по пояс в нагретой воде, а локти и шея — в пупырышках от колючей свежести.

Внизу под нами разрастался город с россыпью светящихся квадратиков-окошек, с тонкими бусами фонарей вдоль главных улиц. Они горели, хотя ночь была совсем светлая.

С трех сторон город обнимала широкая река. В ней отражалось серебристое небо и желтоватая заря — она не гасла над северным горизонтом.

Я вдруг подумал, что с земли мы теперь кажемся не больше почтовой марки. И все-таки…

— А если увидят? — прошептал я. — Небо-то вон какое светлое.

— Кто увидит? — откликнулся Виталька. — Улицы пустые.

— Но не совсем же пустые…

— Ну и пусть видят, — беззаботно сказал Виталька. — Подумают, что это марсианская летающая тарелка.

— Четырехугольных тарелок не бывает.

— Это у нас не бывает. А на Марсе?

Мы оба засмеялись. А ковер-самолет уносил нас в светлую высоту, где, как жидкие огоньки, переливались две самые яркие звезды.

Глава 5

Я проснулся с улыбкой и жалостью. С улыбкой — потому что целую ночь снился чудесный сон про ковер-самолет. А с жалостью — потому что сон кончился.

Пока не забылись все подробности, надо рассказать.

Виталька тихо посапывал, лежа носом к стене. На его заросшем затылке сидел пушистый солнечный зайчик.

Я скрутил в тугую муфту подушку, взвесил ее в руке и прицелился. А для верности левой рукой уперся в пол.

Ладонь легла на что-то шелковистое и удивительно мягкое. Я вздрогнул и уронил подушку. Она упала на шерстяной серовато-коричневый узор.

Ковер лежал на полу между нашими топчанами!

Я, замирая, сполз на него и… захотел подняться до потолка.

Поднялся.

Потом осторожно приземлился на прежнее место.

Значит, сон продолжается?

Не бывает таких снов!

Вот разлохмаченный угол на старом Витькином одеяле. Вот похожие на клочки папиросной бумаги чешуйки кожи на Витькином плече, шелушащемся от загара. Вон идет по стене маленький черный жук, и на его круглой спине блестит солнечная точка. Разве во сне увидишь все с такой точностью?

Я лег щекой на ковер и стал смотреть снизу вверх. На Витальку. Чтобы разбудить его взглядом. Но он не будился.

— Да вставай же! — заорал я. — Это не сон! Понимаешь? Это не сон!

Братцы, за что же нам такое счастье привалило?! Мы от радости были готовы обнять всю землю. Мы хотели всем людям делать только хорошее. И сами хотели быть хорошими.

Мы опять напугали тетю Валю, потому что без всякого грохота спустились по лестнице, а потом добровольно вымыли шеи и уши (с мылом!).

После завтрака мы взяли громадный жестяной бидон и отправились в керосиновую лавку. Это был подвиг, на который мы не могли решиться целую неделю.

Притащив керосин, мы побежали ко мне домой

и лихо помогли маме провернуть воскресную уборку. Мама тоже слегка растерялась, а потом заявила, что дружба с Виталькой действует на меня облагораживающе. Я захохотал и пихнул Витальку ниже спины. Он сел на меня верхом. Со стены на нас упало жестяное корыто. Мама прогнала нас на улицу.

День только начинался. Мы знали, что это будет чудесный день. Мы не станем теперь торопить время. Вечер все равно придет, и мы опять пустимся в полет!

А до вечера мы будем купаться, гонять в футбол, смотреть по телевизору мультики, пускать с крыши бумажных голубей и носиться с ребятами по заросшим травой переулкам — играть в разведчиков. Жизнь прекрасна!

Для начала мы решили сбегать на речку, окунуться.

И побежали. И повстречали на углу Ветку.

Так ее звали — не Светка, а Ветка. Она, как и я, перешла в четвертый класс, только училась не со мной, а в параллельном. Девчонка как девчонка — невысокая, худая, волосы по ушам пострижены. Обыкновенные такие волосы — не темные, не светлые, прямые, как струнки. На школьных утренниках она часто выступала с танцами. Я

к танцам был равнодушен и к девчонкам тоже. Но она нравилась Витальке. Он мне про это не раз говорил.

— Что в ней хорошего? — спрашивал я. — Она даже и не красивая. Курносая, и рот как у лягушки.

— Жабокряк бесхвостый! При чем здесь красота?

Ну и ладно. Мне-то что?

Ветка шагала, опустив голову и поддавая коленками большую клеенчатую сумку. Из сумки, как зеленые хвосты, торчали перья лука. Если бы я шел один, то не остановился бы. Пробормотал бы «здорово», а то и молча прошел бы. Мы ведь почти не знакомы были. Но Виталька быстро заглянул ей в лицо и сказал:

— Что с тобой?

Ветка остановилась, подняла голову. По щекам у нее тянулись следы от слезинок.

— Что с тобой, Ветка? — опять спросил Виталька, будто у хорошей знакомой, хотя она, может быть, его и не помнила.

Ну и правильно. Раз у человека следы от слез, не все ли равно — знакомый он или нет? Два года назад мы с Виталькой тоже почти не знали друг друга, а он спас меня.

Ветка поглядела на нас, узнала и шепотом сказала:

— Велосипед отобрали.

— Кто?! — сказали мы.

— Да там один… Разиков.

— Из какого класса? — деловито спросил я.

Ветка чуточку улыбнулась большим своим, слегка кошачьим ртом:

— Что вы… Он большой. Старый. Иван Иваныч…

— Что за Иван Иваныч? — грозно спросил Виталька.

— Ну… человек такой. Раньше он пожарниками командовал, а теперь на пенсии. Ко всем придирается…

Что же это на свете делается? У одних людей счастье, а у других какой-то Иван Иванович Разиков отбирает велосипед! Где же справедливость?

— Почему он отобрал?

— Да я по краешку тротуара проехала, потому что на дороге яма. А он как заорет: «Хулиганка! Правила нарушаешь! А еще девочка! — Схватил за багажник и говорит: — Не отдам, веди родителей!»

— Вот и веди, — сказал я. — Разве они не заступятся?

— Может быть, заступятся, а от мамы все равно попадет. Она не велела на базар на велосипеде ездить.

— А ну, пойдем, — сурово сказал Виталька. — Какое он имеет право!

Ветка послушно повернулась, и мы пошли отстаивать справедливость. Ветка посредине, а мы по краям.

Луковые хвосты щелкали меня по ноге. Я покосился на сумку. Полная и вроде тяжелая.

— Ну-ка, дай сюда.

Ветка удивилась, но отдала. Ого-го! Я перегнулся на один бок. Как она таскает эту тяжесть? И я сразу Ветку зауважал.

Мы дошли до угла, и Ветка вдруг остановилась.

— Вон он, Разиков…

Тощий высокий дядька в старом зеленом пиджаке чинил скамейку у калитки. У него был костлявый лысый череп и хрящеватое лицо.

Мы присели за палисадником.

— Ничего ему не докажешь, — прошептал Виталька. — Помнишь, мы в разведчиков играли, он за Вовкой Рыбиным погнался?

Я помнил.

Ветка растерянно смотрела то на меня, то на Витальку.

— Ничего, — сказал он. — Придумаем. Велосипед он где спрятал?

— Во дворе у крыльца поставил… Туда не проберешься, там такой барбос на цепи…

— Ничего, — опять сказал Виталька. — Сейчас мы тебя проводим, посмотрим, где живешь. А через час машина будет у тебя.

— А как?

— Слушай, — слегка торжественно произнес Виталька. — Вот его зовут Олег Лапников. А меня — Виталий Городецкий. Если мы что-нибудь обещаем, значит, не бойся.

Ветка жила недалеко, в небольшом доме с палисадником, на улице Челюскинцев. Мы дотащили ей сумку и побежали к себе.

Я сразу понял, что задумал Виталька.

— Увидят, — на ходу сказал я.

— Мы незаметно пролетим, под самыми заборами. А потом только разик взлетим, спикируем, схватим велик — и айда!

— А барбос? Он как прыгнет да как схватит!

Виталька перешел с бега на быстрый шаг.

— Боишься? — спросил он.

— Мозги у тебя из гороха, — обиделся я. — Кто боится? Просто все обдумать надо.

— Мы из веревки лассо сделаем. На руль наки-

нем и подтянем. Пускай барбос прыгает.

— Гавкать будет.

— Пускай гавкает.

— Хозяин прибежит.

— Ну и что?

— Что «ну и что»? Крик подымет! А потом жаловаться побежит.

— Кому? — злорадно спросил Виталька. — И что он скажет? «Прилетели два хулигана, схватили велосипед...» — «На чем прилетели?» — «На ковре-самолете!» Ему скажут: «Иди, дядя, в больницу, проверься!»

Я засмеялся. В самом деле, кто поверит?

У нас на вышке среди разного имущества хранился бельевой шнур. Мы вытащили его из-под лежака и сделали на конце петлю. Потом вынесли на крышу ковер и расстелили.

— Я поведу. Я знаю как, — прошептал Виталька.

— Давай.

Мы спланировали во двор, перемахнули через забор в соседний огород и повисли за кустами смородины. Огляделись. Никого поблизости не увидели. Мы заскользили в тени, снова «перепрыгнули» через изгородь. Потом заметили, что в соседнем переулке тоже никого нет, и понеслись

по нему вдоль длинного забора, у самой земли, так, что трава шелестела под ковром.

И опять — дворы, огороды, тень заборов и шорох кустов.

Кое-где на грядах возились хозяйки, но они не смотрели по сторонам. Один раз какой-то трехлетний мальчишка радостно завопил:

— Мама, смотри!

Мы, конечно, не стали ждать, когда мама посмотрит.

Двор Ивана Ивановича Разикова был обширный. Дом стоял посреди двора. От крыльца до калитки тянулась проволока, на нее была надета цепь, а на цепи сидел грязно-серый пес громадных размеров и свирепого вида.

Мы скользнули в дальний угол и притаились в тени сарая.

Разикова не было видно. У крыльца стоял голубой мальчишечий велосипед-подросток. Виталька приготовил веревку.

— Поехали!

Мы взмыли на высоту и повисли рядом с крышей, над велосипедом. Тень от ковра упала на пса. Он поднял голову, присел, молча прыгнул почти на метр, шлепнулся и зашелся булькающим лаем.

— Тявкай, тявкай, — хладнокровно сказал Виталька.

Он опустил веревочную петлю к рулю и дернул. Петля затянулась на изогнутой рукоятке. Пес бесился.

Виталька стал подтягивать велосипед. Я вдруг испугался, что ковер не удержит лишнюю тяжесть, но он удержал. Даже не шелохнулся.

От калитки, махая молотком, бежал Иван Иваныч.

— Помоги, — сказал Виталька.

Я тоже вцепился в веревку. Мы медленно полетели над двором. Велосипед, вертясь на веревке, двигался в метре от земли.

Разиков хотел ухватить его за колесо, но промахнулся. Только тогда он понял, что происходит невероятное.

— Ай! — громко сказал он и сел, раскинув тощие ноги в шлепанцах.

Мы подтянули велосипед и уложили его на ковер. Иван Иваныч вдруг задребезжал мелким смехом и погрозил нам пальцем. А потом бросил в нас молоток.

Молоток упал обратно и стукнул его по ноге.

Иван Иваныч Разиков тихонько завыл, держась за шлепанец. Так мы его и оставили. Нырнули

в соседний двор и прежней дорогой помчались к дому.

Едва мы опустились на своем дворе, как на крыльцо вышла тетя Валя.

— Мальчики! Что вы делаете с ковром?

— Решили его почистить, — торопливо соврал Виталька и зашлепал по ковру ладошками.

— А откуда велосипед?

— Это одной девочки, она просила починить.

— Это прекрасно, — заметила тетя Валя. — Но зачем грязный велосипед укладывать на ковер? Особенно если вы его чистите…

Мы убрали ковер-самолет на вышку. Затем для вида повозились у велосипеда и вывели его за калитку. Виталька сел в седло, а я на раму. Через три минуты мы были на улице Челюскинцев.

— Вет-ка-а!

Она открыла окно и выпрыгнула в палисадник.

— Ой…

Глаза у нее сделались счастливые. Блестящие такие, зеленые глаза. И заулыбалась она так хорошо. Почему это я решил, что у нее лягушачий рот? Нисколечко.

— Как это вы сделали? — тихонько спросила она.

Виталька вопросительно посмотрел на меня. Я пожал плечами: «Как хочешь».

— Никому не скажешь? — спросил он у Ветки. — Это такая тайна…

Если бы Ветка начала обещать изо всех сил и давать всякие клятвы, мы бы что-нибудь наврали. Но она просто сказала:

— Что вы! Я не болтливая.

— Ладно, — решил Виталька. — Пойдем.

И стало нас трое.

Глава 6

Когда я начал писать эту историю, меня так и подмывало что-нибудь сочинить. Рассказать, например, что однажды мы с Виталькой поссорились и ковер перестал нас понимать. Можно было даже придумать, что, поссорившись, мы разрезали ковер пополам — каждый для себя. И он, разумеется, не стал летать. И мы поняли, что из-за глупой ссоры погубили сказку своего детства. И конечно, помирились, но было уже поздно…

Это был бы поучительный конец.

Но это была бы неправда.

Мы с Виталькой никогда не ругались. Ну, в крайнем случае поспорим немного, обзовем друг друга жабохвостами или еще как-нибудь. Разве это ссора?

И с Веткой мы ни разу не ссорились.

Она оказалась отличной девчонкой. С виду такая тихая, даже испуганная немного, а на самом деле ничуть не боязливая и характер твердый.

…В тот день мы показали ей ковер-самолет, а в полночь прилетели за ней.

— Ой, я так волнуюсь, — шепотом сказала она,

когда выбралась из окна.

— Не пугайся, — успокоил Виталька. — Мы сперва не будем высоко летать, а потом привыкнешь.

Она махнула рукой.

— Я не про это. Вдруг мама проснется…

Мы засмеялись: не полета боится, а мамы.

Она посмотрела на нас по очереди, поворачивая по-птичьи голову на тонкой шее, и тоже засмеялась.

Мы взлетели от Веткиного палисадника прямо в ясное небо. Высоко! И опять мчался мимо нас шелестящий воздух — то теплый-теплый, то колючий от свежести. И опять разворачивался внизу город, опоясанный светлой рекой. Черные кораблики мигали красными и зелеными огоньками. На телевизионной вышке горели большие рубиновые огни. А в домах, где еще не спали, и на улицах — огни неяркие, желтые.

Мы остановили полет. Воздух перестал шуметь и трепать наши рубашки. Ласковый и мягкий, он окутывал нас и согревал. И было тихо-тихо.

Мы взяли Ветку за горячие ладошки, и она встала рядом с нами.

— Какая красивая земля, — сказала она. — И небо. Небо даже лучше…

За рекой, над темным туманом лесного горизонта, светила желтая зорька. Над ней повисло прозрачное облако, а чуть в стороне от него — еле видный, похожий на серебряную нитку месяц. А выше, где небо было синевато-серым, полыхали две белые звезды.

Мы медленно-медленно поплыли вверх.

— А я учила для праздника танец «Звездочка», — вдруг шепотом сказала Ветка. — Знаете, почему я вспомнила? Потому что эти звезды увидела.

— А ты станцуй, — серьезно сказал Виталька. — Если «Звездочка», значит, это танец для неба.

Она не стала по-девчоночьи отнекиваться и стесняться. Только сказала:

— Как же без музыки?

— А ты вспомни, — посоветовал я, — и представь, будто играет.

— Я-то представлю… А вы?

— Мы тоже.

— А… вы это по правде? Смеяться не будете?

— Ты что! — сказал Виталька.

Мы отодвинулись на самый край ковра-самолета. Ветка встала на другом краю. Он сразу же заботливо приподнялся.

Конечно, ей было страшно с непривычки на

такой высоте. Пока мы держали ее за руки — еще ничего, а сейчас она одна оказалась среди пустоты. Огоньки да небо… Но она была храбрая девчонка. И может быть, она в самом деле представила себя звездой. Или ей подумалось, что это сон, а во сне страх высоты иногда пропадает.

Сначала Ветка постояла, обняв себя за плечи, а потом вскинула руки и закружилась. Я не знаю, хорошо ли она танцевала. И музыки никакой я представить не мог. Ветка была в желтом платьице, и казалось, что громадная светлая бабочка трепещет над кромкой ковра-самолета…

Ну, бабочка так бабочка. Все равно я на всю жизнь запомнил, как в негаснущем небе летней ночи, высоко-высоко над уснувшей землей, танцует девчонка…

Слегка запыхавшись, она села рядом с нами.

— Ты молодец, — сказал Виталька.

И я тоже сказал, что Ветка молодец. И было заметно, что она обрадовалась. Она отдышалась и весело заговорила:

— Если я буду большая и сделаюсь балериной, всем буду рассказывать, что танцевала «Звездочку» в настоящем небе… Ой! — Она испуганно посмотрела на меня и на Витальку. — Не буду, честное пионерское. Я только на минутку забыла,

что это тайна.

— Рассказывай, — разрешил Виталька. — Тогда уже будет можно… А ты правда будешь балериной?

Ветка шевельнула остреньким плечом.

— Я понимаю: про это почти все девчонки мечтают. Только это ведь очень трудно. Это на сцене кажется, что легко и красиво, а на самом деле такая работа… Каждый день… Я не знаю, получится ли…

— Получится! — сказал Виталька.

Мы летали каждую ночь. Иногда с Веткой, иногда одни. Ветка все-таки боялась, что дома узнают про ее ночные приключения. Отец у нее был спокойный и добрый, а мамаша — сердитая. Даже не верилось, что Ветка — дочь этой крикливой краснолицей тети.

Мы понимали, что Ветке может крепко влететь, и поэтому не каждый раз брали ее в полеты.

Не думайте, что мы просто катались над городом, на высоте. Мы испытывали ковер-самолет. Во-первых, на быстроту. Мы ложились ничком, крепко хватались за передний край ковра и наращивали скорость. Скорей, скорей, скорей! Встречный воздух становился обжигающим и холодным. Он пытался содрать с нас одежду, а

самих нас оторвать от ковра и сбросить на землю. Виталька называл такую быстроту «ухоотрывательная скорость».

Долго с такой скоростью мы лететь не могли — захлебывались ветром и уставали. Начинали болеть уши.

Один раз мы предприняли высотный полет. Натянули свитера, лыжные брюки, зимние шапки и рванули с крыши прямо в зенит.

Сначала было все, как раньше. Но мы уходили выше и выше. Мы не боялись, потому что верили в полную надежность ковра-самолета, но все же сердце стучало у меня чаще и чаще. Может быть, потому, что воздух становился реже?

Не знаю, высоко ли мы поднялись. Ведь приборов у нас не было. Город с высоты выглядел почти как и в прежних полетах, только огни телевышки ушли далеко вниз и смешались с другими огоньками. Горизонт сделался совсем расплывчатым и начал выгибаться вверх, словно край громадной чаши. Над этим туманным краем невозмутимо висел тонкий месяц, такой же, как всегда.

Стало трудно дышать, и воздух сделался холодным, даже зимой запахло. Ледяной холод стал просачиваться сквозь свитера. Несколько минут мы еще упрямо летели вверх, потом Виталька

выдохнул:

— Хватит… Ковру-то что! Он, наверно, и до Луны долетит, а мы…

— Если бы высотные скафандры достать… Тогда хоть в космос… — пробормотал я и стукнул зубами.

— Где их взять…

Высотный скафандр — не маскарадный костюм. Из картона не склеишь. Мы это понимали.

Ну что же, ковер был не виноват. Мы сами не могли дальше подниматься. Даже у летчиков есть свой потолок.

И мы круто пошли вниз: в теплый воздух, к ласковым деревьям, к огонькам в домах, к доброй земле, без которой мы не могли жить…

Несколько раз мы встречали в небе восходы.

Горизонт был размытым и сливался с небом, по краям которого лежали слоистые облака. Они сначала были светло-серыми и сизыми, а потом делались разноцветными — золотистыми, оранжевыми, бордовыми. А некоторые, наоборот, темнели и становились густо-лиловыми. Потом из-за самого нижнего облачного слоя вырастала малиновая горбушка солнца. Она быстро светлела, делалась ослепительной и выбрасывала в середину неба прямые белые лучи. И незаметные

облака в зените сразу наливались солнечным светом.

И к нам прилетали лучи.

— Ура! — кричали мы, а потом Виталька вскакивал и начинал петь.

Он сам тут же придумывал песню:

Мы летаем над городом,
и никто нас не достанет!
Потому что мы летаем выше всех!
Да здравствует солнце,
потому что мы его увидели
самыми первыми!
Мы летучие бродяги,
потому что умеем догонять ветер!
У нас уже солнце,
а в городе еще темно!
А здесь уже утро!

Город и в самом деле еще спал в предрассветных сумерках. Лучи не касались крыш, и даже высокая колокольня была в тени.

А у нас было солнце!

Виталька, оранжевый от лучей и загара, стоял на краю ковра, махал руками и пел свою песню.

Один раз я подумал, что Виталька похож на веселого петуха, который раньше всех встречает песней рассвет. Я это не с насмешкой подумал, а с радостью. У Витальки горели от солнца волосы.

Виталька — Золотой петушок…

Тетя Валя изумлялась:

— Сколько можно спать? Я не могу вас добудиться!

Еще бы! Мы засыпали на рассвете.

Если даже мы летали недолго и укладывались пораньше, то все равно не могли сразу уснуть. В каждой жилке у нас звенела радость полета. Каждая клеточка кожи, обдутая теплым ветром, была словно прошита электричеством. Закроешь глаза — и начинает опять поворачиваться перед тобой громадная Земля с огоньками, рекой и темными лесами по краям. Зашуршит сверчок — и кажется, что тихонько смеется Ветка.

Во время завтрака мы чуть не падали головами в тарелки, и тетя Валя опять пугалась:

— Что с вами происходит?

Один раз Виталька мотнул головой, чтобы стряхнуть с волос крупинки гречневой каши, и строго спросил:

— Тетя Валя, а что бы ты сказала, если бы у нас появился ковер-самолет?

Я обмер.

Тетя Валя усмехнулась:

— Я сказала бы: не забывайте чистить его. Вы ужасные неряхи…

— Нет, я серьезно, — сказал Виталька, не обращая внимания на мои пинки под столом. — Ты сильно испугалась бы?

Тетя Валя внимательно посмотрела на Витальку и задумчиво сказала:

— Я не испугалась бы. В детстве у многих бывает свой ковер-самолет. У тех, кто сумеет найти…

— А у тебя был?

Тетя Валя засмеялась, нажала Витальке на нос указательным пальцем и вышла из комнаты. Виталька повернулся ко мне:

— Ну вот. А ты лягаешься.

— Все-таки не стоит ей пока говорить, — сказал я. — Это она сейчас так рассуждает, пока не знает. А увидит нас в полете и перепугается.

— Это я и сам понимаю, — согласился Виталька.

Сначала мы боялись улетать от города, но дальние леса манили нас. И один раз мы решились. Пролетели над рекой (в ней проплыло наше черное отражение), скользнули над лугами низкого берега и пошли над верхушками совершенно

темного, молчаливого леса. Внизу было непроглядно и тихо, но казалось, что кто-то большой спит и еле слышно дышит под ветвями. Самые старые сосны и ели поднимались над лесом, как башни заколдованного города. Среди этих башен плыла слева от нас желтая половинка луны.

Один раз под нами прошумел крыльями филин.

Наконец мы разглядели внизу свободное от деревьев место и опустились на траву. Темные стволы и кустарники обступили нас. Виталька включил фонарик и смело шагнул в неизведанное. Он тут же ойкнул и опять заскочил на ковер. Обиженно сказал:

— Стоило лететь из дома! Крапивы и на дворе хватает.

Откуда здесь крапива? Это не лесное растение, оно жмется ближе к домам.

Мы поводили фонариками и разглядели среди деревьев странную круглую постройку. Перелетели ближе. Это была полуразрушенная эстрада над прогнившей танцевальной площадкой. Видимо, недалеко был дачный поселок, а мы попали в уголок заброшенного лесного парка.

— Вот тебе и джунгли, — разочарованно сказал я.

Мы перелезли через перила. Площадка была устроена не на возвышении, как обычно, а прямо на земле. Сквозь гнилые доски проросла трава. А в одном месте поднимался на тонком стебельке маленький пунцовый цветок — пять зубчатых лепестков с темными крапинками. Это была, наверно, дикая гвоздика, а мы такие цветы называли «часики». Ходили слухи, что можно по ним узнавать время, но как — никто не знал.

«Часики» нас обрадовали. Нам казалось, что это не простой цветок, а загадочный аленький цветочек из сказки. Правда, никакого чуда не случилось. Мы просто вернулись в город и бросили цветок в форточку Ветке. Пусть удивится…

— Путешествовать надо днем, — сказал Витальк. — Ночью все равно ничего не видать.

— Точно, — согласился я. — И можно к черту на рога залететь, а не то что в крапиву.

Мы стали думать, как быть.

Проще всего, конечно, улететь к лесу до восхода, пока город спит. А как встанет солнце — отправляться в путешествие по лесам. Там уж никто не увидит, а если и увидит — не поверит своим глазам.

Но попробуйте исчезнуть до завтрака. Тетя Валя постучит в потолок, а нас нет. Ого!

Виталька придумал. Он сказал, что можно летать и днем. Надо только выбирать переулки, где меньше людей, и лететь над самой землей, по верхушкам травы. Если кто окажется близко, надо плюхнуться на траву — будто просто сидим на ковре. А если спросят, можно сказать: понесли в химчистку и решили отдохнуть по дороге.

А может, и не спросят.

Ведь никто нас не заметил, когда мы летали выручать Веткин велосипед.

Мы решили рискнуть и попробовать. После завтрака стартовали с нашей крыши, махнули через забор и полетели по Якорному переулку. Ниже палисадников, над самыми одуванчиками, растущими вдоль тротуаров.

Несколько раз и правда приходилось «отсиживаться» на траве. Прохожие не обращали на нас внимания. Ну в самом деле, что особенного? Сидят у калитки двое мальчишек на старом ковре. Наверное, мать велела вытащить на улицу и почистить, а они балуются…

Потом переулок совсем опустел, мы осмелели и полетели к перекрестку прямо над дорогой.

Тишину резануло милицейским свистком. От неожиданности мы остановились. Откуда он взялся, этот милиционер?

— Нарушаем? — не совсем уверенно сказал он.

Мы сперва втянули головы в плечи. Но милиционер был молодой и, кажется, не очень строгий. Виталька довольно нахально спросил:

— Как это нарушаем? Мы по правой стороне двигались.

— А права у вас есть?

— Какие права? Это же не автомобиль!

— А что это? — язвительно спросил милиционер. — Телега? Тогда где лошадь?

— А если автомобиль, тогда где колеса? — сказал Виталька.

Мы висели в полуметре от земли. Милиционер заглянул под ковер, выпрямился и заморгал. Тихо спросил:

— Как это вы, парни? А?

— На воздушной подушке, — нашелся Виталька.

— И еще эта — антигравитация. Которая против тяжести, — добавил я.

— Разве изобрели уже? — с уважением спросил милиционер. — Я думал, это пока фантастика… Вы из Дома пионеров?

— Ага, из кружка юных техников, — бойко сказал Виталька. — Пробную модель испытываем.

— Ну… вы осторожнее… На проезжей-то части

не болтайтесь зря.

— Ладно, не будем! — весело крикнули мы и устремились к дому. А милиционер остался на углу, полный уважения к современной науке.

— Нет, уж лучше на высоте летать, — сказал Виталька. — Если повыше забраться, может, и не заметят. Взрослые вообще редко в небо глядят, у них на земле забот полно.

— А ребята? — сказал я.

— Ну и что… Ну, подумаешь, летает что-то квадратное… Может, змей запустили!

— Без хвоста?

— Ну, сделаем хвост! Долго, что ли?

Это была мысль!

Мы разодрали на полосы старый мешок и соорудили хвост, как у правдашнего воздушного змея, только громадный: метров пятнадцать длиной. Пришили его к углам ковра толстыми нитками.

Было страшновато: вдруг ковер-самолет обидится на уколы толстой иголки или мы его нечаянно повредим. Поэтому шили, взлетев над полом. Мы думали, что если ковру не понравится наша выдумка, он сразу приземлится. Но ковер перенес операцию, не дрогнув.

Я оставил Витальку на крыше, а сам взлетел и поднимался, пока Виталька не сделался крошеч-

ным, как солдатик из картона. Из-за лесов шел теплый плотный ветер. Он подхватил хвост из мешковины, развернул его и заполоскал.

Я впервые оказался на такой высоте под солнечным небом. Громадная зеленая Земля распахивалась на тысячи километров. Она была яркая и веселая. Мне все-все хотелось рассмотреть. Но Виталька-лилипутик скакал на нашей крошечной крыше и махал руками: спускайся скорей!

Пришлось спускаться.

— Здорово! — крикнул он. — Как настоящий змей! Только зачем ты уселся на край? Разве на змеях кто-нибудь сидит?

Мы решили позвать Ветку и отправиться в первый большой полет при свете дня.

Но Ветка прикатила сама. Она позвякала у калитки велосипедным звонком и крикнула:

— Видели, какой змей летает?!

Мы расхохотались. «Змей»! Вот потеха! Значит, правда похоже.

— Вы чего? — удивилась Ветка.

— Это не змей! — радовались мы. — Не змей! Понятно?

— Как это не змей? Смотрите сами. Да не туда смотрите! Вот там!

Мы озадаченно повернулись.

На фоне кучевых облаков парил пестрый прямоугольник с тонким раздвоенным хвостом.

Глава 7

Бумажный змей в небе — вещь обычная. Многие ребята у нас этим делом увлекались. Поэтому Виталька и я не удивились. А Ветка сказала:

— Здорово, да? Красивый какой…

Змей и правда был красивый. Большой, с красными и желтыми узорами. И держался в небе он ровно, без рывков. Почти неподвижно.

Ну и что? Мы, если бы захотели, не хуже могли сделать.

Но Ветка сказала опять:

— Давайте посмотрим, кто запустил.

— Зачем? — слегка ревниво спросил Виталька.

— Ну… интересно же.

— Чего интересного? Не все ли равно кто…

Но у меня мелькнула тревожная мысль:

— Слушайте, а если он видел, как я взлетал? Он же сидит и в небо смотрит.

Виталька растерянно посмотрел на меня.

— Верно… А что делать?.. Ну и пусть! Если видел, то подумал, будто это тоже змей. А может, и не видел: он в другую сторону смотрит.

— Вот и надо разведать: видел или не видел, подумал или не подумал!

Разведать — это дело. Это похоже на приключение. И Виталька сразу согласился.

— Бежим! — обрадовалась Ветка и прыгнула к своему велосипеду.

— Хитрая, — сказал Виталька. — Сама на колесах, а мы — бежим? Пошли лучше на вышку, у нас телескоп. Лезь сюда.

Ветка по лестнице забралась на крышу, а потом через окно мы влезли в нашу «каюту».

В телескоп казалось, что змей рядышком — прямо за окном. Даже подтеки акварели и капельки клея были видны. Даже узелки на уздечке из суровых ниток…

— Правда ведь красивый? — сказала Ветка. — Дай я тоже посмотрю.

Потом стал смотреть Виталька. Он разглядывал змей недолго. Шевельнул трубу и плавно повел ее в сторону и вниз. Я понял, что он скользит объективом по нитке.

Труба остановилась, шевельнулась, замерла.

Виталька смотрел несколько секунд, потом почему-то заулыбался и, улыбаясь, сказал:

— Вот он… Незнакомый какой-то. Ага?

Я глянул в окуляр.

Конечно, я помнил, что в телескопе все наоборот, но в первый миг все-таки вздрогнул:

на перевернутой крыше стоял вниз головой и смотрел в опрокинутое небо желтоволосый мальчишка. Мне показалось, что сейчас он ухнет в голубую пропасть. Но перевернутый мальчик стоял прочно, словно его старенькие полукеды примагнитились к тесовому скату.

Он шевелил пальцами и локтями, перебирая нитку, и, кажется, что-то шептал. На нем была ярко-зеленая расстегнутая рубашка-распашонка. Ветер прижимал ее к спине мальчишки, а свободные края полоскались в потоках воздуха.

Мальчик был похож на зеленый флажок или маленькое деревце под ветром. А ростом он казался вроде нас.

Телескоп наш был хотя и старенький, но сильный. Он выхватил незнакомого мальчишку из километровой дали и придвинул к нам почти вплотную. Я смог разглядеть даже родинку на мочке уха и царапину на щеке. Только глаз его я не видел, потому что он стоял к нам боком и чуть затылком.

И вдруг он оглянулся. Наверное, его окликнули. Он улыбнулся и что-то ответил. Мне показалось, что у него очень славное лицо, но как следует разглядеть я не мог, потому что все, что мы видели, было опрокинуто. А мне отчаянно захотелось

разглядеть!

Раз нельзя перевернуть изображение, я решил перевернуться сам. Оперся о Виталькино плечо, прыгнул на подоконник и повис над телескопом вниз головой.

Голова перетянула. Я не удержался и загремел на пол вместе с телескопом. Брякнулся о доски лбом. Так, что в глазах целый салют вспыхнул.

Мотая головой, я сел на полу.

— Ой… — тихо сказала Ветка.

Я молча взял медную трубу и приложил к шишке на лбу. Но Виталька отобрал у меня телескоп. Сказал, что от шишек не помирают. Он опять установил наш прибор на подоконнике и стал наблюдать сам.

— Смотрите-ка! — сказал он (хотя мы, конечно, не могли смотреть). — Он нитку к антенне привязал, а сам спускается…

— Значит, обедать пошел, — подала голос Ветка. — Он в это время всегда обедает.

Я забыл про шишку. Виталька оторвался от телескопа.

— Откуда ты знаешь? — спросили мы хором.

— А… — начала Ветка и покраснела так, что мы тут же отвернулись. — А я… — сказала она. — Ну… я один раз шла и видела… Он с крыши самолеты

пускал. А его позвали.

Мы с Виталькой переглянулись. «Один раз»! А сама говорит: «Всегда в это время обедает»…

Можно было припереть Ветку к стене двумя-тремя вопросами. Но мы опять посмотрели друг на друга: «Зачем?» И, хотя стало нам грустновато, мы не подали вида. Виталька лишь спросил:

— А как его звать?

— Саня… или Саша. Ну я не знаю! — опять спохватилась она. — Я же только чуть-чуть слышала.

Виталька тряхнул заросшей головой и весело взглянул на меня:

— А давайте узнаем! Давайте все вместе познакомимся с этим человеком! Сперва удивим, а потом познакомимся!

Ветка, конечно, познакомиться очень хотела. Я тоже. Мне с первого взгляда этот мальчишка понравился. Но зачем его удивлять? И как?

— Пока он дома сидит, давайте слетаем к змею и записку к хвосту привяжем, — объяснил Виталька.

— Давайте, — обрадовалась Ветка.

— А вдруг он увидит? — сказал я.

— «Вдруг-вдруг»! — досадливо сказал Виталька. — Если бояться, то всю жизнь в темноте

просидим.

Я пожал плечами. Я ведь просто так спросил. В конце концов, пускай видит. От хорошего человека чего прятаться?

На половинке тетрадного листа мы нацарапали вот что:

Мы хотим с тобой
познакомиться.
Как тебя зовут?
Напиши на змее.
Летучие Бродяги.

Из этой записки и нитки мы сделали бантик — вроде тех, какими играют с кошками.

Ветку мы попросили следить за крышей в телескоп, а сами выбрались из окна, улеглись на ковре и рванули в солнечное небо. К змею.

Мы совсем забыли, что ковер-самолет тоже должен изображать бумажный змей. Если бы кто-то разглядел нас в небе, то страшно изумился бы: змеи не летают с такой бешеной скоростью. Но мы спешили, мы думали только об одном: лишь бы незнакомый мальчишка раньше времени не увидел нас.

С высоты мы не могли отыскать глазами его крышу и не знали, там он или нет. Да и некогда

было разглядывать землю. Мы подлетели к змею. Большой, красно-желтый, горящий на солнце, он почти неподвижно стоял в воздухе и лишь слегка шевелил хвостом. Виталька ухватил мочальный конец с грузиком из камешка, проволочным крючком прицепил к нему записку. Змей дернулся, возмущенно вырвал хвост и опять замер в потоках ветра. А мы понеслись вниз.

— Все в порядке! — крикнула из-за телескопа Ветка. — Он не появлялся!

Мы стали ждать.

Мальчик в зеленой рубашке выбрался на крышу минут через двадцать. И спокойно уселся рядом с шестом антенны, к которому была привязана нитка змея. Мы даже рассердились: неужели он не видит записку?! Ведь клочок бумаги горел, как белая искра, на хвосте у змея.

— Ага! — обрадованно сказал Виталька.

Он как раз наблюдал в телескоп. Я тут же отжал его в сторону и приник к окуляру.

Мальчик стоял и торопливо сматывал нитку.

— Змей спускается, спускается! — заволновалась Ветка и оттерла меня от телескопа. — Ой, спустился… Большой какой… Ой, он записку отвязывает…

— Перестань ойкать и рассказывай толком, —

велел Виталька.

— Он читает… Ой, он удивился! Смотрит кругом, будто нас ищет… Ой, опять читает. Опять смотрит… А теперь с крыши слезает вместе со змеем…

— А вдруг он испугался? — встревоженно сказал Виталька.

— Вот еще! — слегка обиженно откликнулась Ветка.

И я был с ней согласен. Я лишь мельком видел этого мальчишку, но сразу понял, что он ни капельки не боязливый. И мне все больше хотелось с ним познакомиться.

Он был такой же, как мы.

— Посмотрим, — сказал Виталька.

И мы стали смотреть. Ждать.

Ждали полчаса.

Змей поднялся опять. Он взлетел ровно и быстро, словно у него был двигатель. Мы снова стукнулись головами у окуляра.

На желто-красных узорах змея чернели крупные буквы:

САША ВЕТРЯКОВ

— А теперь что? — нетерпеливо спросила Ветка. — Опять, что ли, записку к хвосту привя-

зывать?

Виталька задумался:

— Нельзя два раза одно и то же... Давайте ему ночью письмо оставим.

— У, это долго, — заспорил я, и Ветка посмотрела на меня с благодарностью.

Но Виталька сказал:

— До завтра подождать — это недолго. Зато интересно будет.

Мы сочинили такое послание:

Если хочешь познакомиться,
приходи в двенадцать часов
дня на угол Якорного и
Первомайской.
Летучие Бродяги.

Ночью мы с Виталькой отправились в полет и отыскали дом, где жил хозяин змея. Наше письмо было привязано к старой лыжной палке. Палка с шелестом ушла вниз и воткнулась в деревянную крышу рядом с антенной.

Мы были уверены, что мальчик придет. А он не пришел. И мы расстроились. Особенно Ветка. Мы брели к дому и хмуро молчали.

Вдруг Ветка обрадованно сказала:

— Какие мы бестолковые! А вдруг он сегодня на крышу даже и не лазил и палку не видел? Не каждый же день он змей запускает!

Правильно! Как мы не подумали?

Мы разом глянули в небо, чтобы убедиться, что нет никакого змея.

Змей был. Только не такой, как вчера. Белый, с черными точками.

Мы бросились домой, к телескопу.

На просвеченной солнцем бумаге змея чернели слова:

Я ХОЧУ, НО НЕ МОГУ

Мы переглянулись.

— Раз не может, идем сами, — сказал Виталька.

Дом стоял на улице Лесосплавщиков. Обыкновенный старый дом со ставнями, покосившимися воротами и овальной жестянкой старинного страхового общества на этих воротах. А над домом трепетал зеленый флажок — это дежурил на крыше маленький хозяин змея. Он нас не видел, потому что стоял к нам спиной и смотрел на змея.

Мы встали шеренгой на краю дороги. Мы с Виталькой по бокам, а Ветка посредине. Вопро-

сительно глянули друг на друга: дальше что? Ветка почему-то отвернулась и засмеялась. Тогда Виталька отчетливо сказал:

— Саша Ветряков!

Тот сразу повернулся, и рубашка взлетела у него за спиной, как зеленые крылья.

Он улыбнулся. Сперва чуть-чуть, потом сильней, потом еще сильней. И стало сразу видно, что хороший он человек.

— Это вы? — сказал он и шагнул к самому краю. И отпустил нитку.

Змей, кувыркаясь, пошел к земле.

— Это мы, — серьезно сказал Виталька. — А зачем змея-то бросил?

— Пускай, — сказал Саша Ветряков. — Теперь все равно, раз вы пришли... Это вы — Летучие Бродяги?

По хлипкой приставной лестнице, стоявшей у крыльца, мы забрались к нему на крышу. Саша сказал, что ему на землю нельзя.

— Почему нельзя, Саня? — спросила Ветка, забравшись наверх.

Она сразу повела себя с ним как со знакомым. И звать его стала Саней, а не Сашей. Наверно, ей казалось, что это имя ему больше подходит.

Он за весельем постарался скрыть смущение.

Сморщил переносицу и беззаботно объяснил:

— Такая жизнь получилась… Я у бабушки полиэтиленовую пленку изрезал, думал — она ненужная, а она для теплицы. Бабушка даже и не ругалась, а мама говорит: будешь три дня дома сидеть и с крыльца — ни шагу. Вот я на крыше и живу. На крыльце какая жизнь?

Ветка осторожно глянула во двор и отодвинулась от края.

— А нам не попадет от твоей мамы и бабушки? Скажут: чего забрались на чужую крышу?

— Во-первых, не скажут. А во-вторых, их нет, они на два дня к другой бабушке в деревню уехали.

— А тебя одного оставили? — спросила Ветка.

— А чего? Я привык. Я в Ленинграде часто один жил.

— А если один, то чего сидишь взаперти? Никто же не видит, — опять заговорил Виталька.

Саня посмотрел на нас нерешительно, будто боялся: вдруг засмеемся?

— Ну, понимаете… Раз уж так вышло… Понимаете, я как будто слово дал…

— Понятно, — торопливо сказал Виталька. — Это я так просто спросил… А на крыше, оказывается, тоже жить можно.

На крыше было неплохо. Нас обдувал теплый ветер и крепко жарило солнце. На крутом скате, у печной трубы, устроена была скамеечка. От крыши пахло прогретым деревом, от кирпичной трубы — известкой и сажей, но сильнее всего были запахи мокрого песка и теплой полыни — они прилетали с ветром от речного берега.

Саня сидел между мной и Веткой и по очереди поглядывал на нас. Наверное, не знал, как начать разговор.

— Почему мы тебя раньше не видели? — спросил я. — Мы на здешних улицах всех знаем. Ты из Ленинграда приехал?

Саня Ветряков кивнул.

Он приехал из Ленинграда. Он там с родителями жил, пока они учились в институте. В этом году они кончили учиться и приехали работать на нашу судоверфь. Но отец у Сани, едва начав работать, опять уехал: его послали на соревнования. Он был мастер спорта, мотогонщик.

— Он и в Ленинграде больше ездил, чем учился, — весело сказал Саня. — Мама говорит, что он диплом писал в седле мотоцикла…

Так мы сидели и болтали, но в нас росло удивление. Виталька наконец нагнулся вперед и глянул на меня озадаченно и нетерпеливо. Я его понял.

— Слушай, Ветерок, — сказал я. — А почему ты даже не спрашиваешь, как мы записку к змею прицепили?

Я не знаю, как у меня вырвалось это имя. Про себя-то я его Ветерком сразу назвал, когда первый раз увидел. Потому что весь он трепетал в потоках ветра, летучий был и тонкий и круглое имя Саша ему не подходило. Но назвать его придуманным именем вслух я не решался. Это само собой получилось.

У Ветерка были чуть приподнятые брови, словно он все время немного удивлялся и спрашивал: а вы со мной не шутите? А теперь он распахнул глаза и удивился изо всех сил.

— Почему… ты так сказал?

Я от неожиданности засмущался, как девчонка, и что-то забормотал. Саня улыбнулся и признался:

— Меня в школе звали Ветряк.

— Какой же ты «ветряк»? — сказал Виталька. — Ветряк — это вот! — Он встал и замахал руками, изображая мельницу. — Олег лучше придумал.

С тех пор мы с Виталькой всегда звали его Ветерком.

— А про записку я сразу догадался, — сказал Ветерок. — У вас такая управляемая модель есть,

да? Со специальным приспособлением. Да?

Мы втроем переглянулись и закусили губы, чтобы не расхохотаться. И Виталька торопливо согласился:

— Ну да. Управляемая.

— Мы тебе скоро покажем, — пообещала Ветка.

— Я тоже модели делал, — сказал Ветерок и вздохнул. — Только с крыши их пускать плохо, они не возвращаются. А змей возвращается… А иногда на больших змеях люди летают, я в кино видел. Вы видели?

— Мы еще и не такое видели… — гордо начал я, но замолчал под недовольным взглядом Витальки. Он решил, что я хвастаюсь.

Ветерок оторвал от крыши плоскую щепку, подбросил и смотрел, как ее крутит ветер. Потом осторожно сказал:

— Я думаю… Если построить большую модель… Ну, совсем большую, метров пять длиной! Наверно, можно взлететь на ней, как на самолете?

— Тогда это и будет самолет, а не модель, — сказал я.

— Самолет построить трудно. А модель можно, даже большую… А потом приделать сиденье и ручку управления…

Он слегка прищурился, глядя перед собой,

поджал ноги, поставил пятки на скамейку и на высоко поднятые коленки положил сжатые кулаки — словно взялся за рогатый штурвал самолета…

Все было понятно. Потому что каждый из нас тоже о чем-то мечтал, тоже хотел кем-то быть. Ветка — балериной, Виталька — художником. Я — только моряком или в крайнем случае морским десантником.

А Ветерок хотел водить самолеты.

Я подумал, что каждый из моих друзей старается, чтобы мечта сбылась. Ветка занимается в кружке и разучивает танцы. Виталька рисует картины. Ветерок строит модели. Только я бездельничаю и даже толком не знаю, как готовятся в моряки. Все откладываю на потом. Нет, пора! Завтра же начну делать зарядку и учить морские узлы.

От беспокойных мыслей меня отвлек Ветерок. Он стал рассказывать, как в прошлом году записался в кружок юных летчиков в районном Доме пионеров.

— Говорили, что там все настоящее… Ну, там правда настоящие костюмы для высотных полетов. И кабина в комнате сделана, как в настоящем

самолете. Но только это все на земле. А летать никому не дают, даже старшим.

— Ребятам не разрешают управлять самолетами, — сказал Виталька.

— А почему?! — вскинулся Ветерок. — Разве это нельзя? Помните кино «Последний дюйм»?

Еще бы! Мы его три раза смотрели. Это фильм про мальчишку вроде нас. Он был сыном летчика и сам вел самолет, потому что отец его оказался ранен, когда дрался в море с акулами. Но это — кино…

— Я его тоже три раза смотрел, — признался Ветерок. — И еще могу сто раз…

— А давайте! — предложила Ветка. — Сегодня вечером. Он в Зеленом театре идет, этот фильм. У меня мама сегодня как раз во вторую смену работает, я свободная.

— На вечерний сеанс не пустят, — сказал я.

Ветка с сожалением глянула на меня и крутнула пальцем у виска.

— Там же кино без потолка. А кругом березы. За ветками нас не увидят.

— Мне все равно нельзя, — грустно сказал Ветерок.

— Тебе можно, — решительно сказала Ветка. — Тебе что говорили? Не ступать с крыльца

на землю. Ты и не ступишь, не бойся!

Глава 8

Сначала он не верил. Ну а кто поверил бы?

Даже когда мы принесли свернутый в трубу ковер и расстелили среди одуванчиков, которыми порос двор, Ветерок улыбался понимающе и чуть виновато. Он словно говорил: «Я вижу, что вы шутите, вы хотите меня развеселить. Но зачем уж так сильно стараться? Даже ковер притащили…»

— Садись, — сказал Виталька.

Ветерок неловко улыбнулся, шагнул с крыльца на ковер и сел.

— Не пугайся, — предупредил я.

Мы поднялись на полметра и пошли бреющим полетом, поднимая за собой вихрь из семян одуванчиков. Ветерок не крикнул, не бросился с ковра. Только ресницы у него распахнулись широко-широко, и он крепко взял меня за локоть.

Это был замечательный день. Это был праздник в честь того, что у нас появился новый друг. Праздничными казались трава, солнце, пухлые облака и шумливые кусты рябины у забора. И все на свете. В нас кипела радость. Мы летали над широким двором, выписывали сложные фигуры, несколько раз взмывали с крыши в высоту,

прошитую горячими лучами. Ковер-самолет неутомимо носил на себе нас четверых.

Лишь одно слегка огорчало нас: у Ветерка не получалось управление ковром-самолетом. У Ветки это тоже не получалось, но она и не горевала нисколечко, а Ветерок расстраивался. Он снова и снова пытался заставить лететь ковер как надо, но тот или скользил куда-то вбок, под забор, или просто едва приподнимался и падал.

— Ничего, — утешали мы с Виталькой Ветерка. — Привыкнешь и научишься.

— Научусь.

Налетавшись, мы опять устроились на крыше и завели разговоры. Про что? Про жизнь — про самолеты и пароходы, про бумажных солдатиков и австралийских кенгуру, про марки и атомную энергию, про школу и спутники…

Потом наступил светлый вечер.

Это, наверно, красиво звучит: «светлый вечер». Но нам хотелось, чтобы он был потемнее. Нам нужно было добраться до городского сада и устроиться среди густых березовых крон позади эстрады. Оттуда мы отлично посмотрим весь фильм.

Того, что среди веток могут оказаться другие зрители, мы не боялись. Стволы берез были пря-

мые и гладкие, с земли по ним не заберешься.

— Пора лететь, — сказал Виталька.

Мы уселись на ковре. Ветка строго следила, чтобы Ветерок не нарушил запрета и не ступил случайно на землю. Он не нарушил: как и днем, прыгнул со ступеньки прямо на ковер.

Пришлось лететь над самой землей, выбирая тихие переулки. Хвост мы свернули и уложили на ковре, чтобы не цеплялся за траву. Несколько раз при виде прохожих мы приземлялись и делали вид, что просто играем. Прохожие пожимали плечами: что за игры на ковре посреди улицы? Наконец мы ловко взлетели на крышу трехэтажного дома, который стоял через дорогу от сада. Оттуда, выбрав момент, стремительно пронеслись над мостовой, над чугунной решеткой, кустами, клумбами и врезались в чащу березовых веток.

Мы оказались как в зеленом шалаше. Землю не было видно сквозь заросли. А вверху между листьями светлело небо. Экран закрывали от нас ветви, но мы слегка продвинулись вперед, пару веток отломили, и все получилось как надо. Начался фильм…

Опять над желтой пустыней и синим морем качался маленький самолет. Опять распахивались

на экране голубые глубины моря с яркими стаями тропических рыб и злыми силуэтами акул. Опять десятилетний мальчик Дэви, надрываясь, тащил к самолету раненого отца, а беспощадная песня об одиночестве гремела над равнодушными песками.

Мальчик этот был наш товарищ. Мы всей душой были вместе с ним, каждый шаг его отдавался в нас то болью, то радостью. Мы знали наизусть каждый кадр, но снова нас охватило счастье, когда Дэви поднял в воздух самолет…

Мы не заметили, что стало темно. Так темно, как не бывает у нас летом самой поздней ночью. И лишь когда капля, похожая на холодную виноградину, шлепнула меня по шее и покатилась за воротник, я вздрогнул.

Налетел неожиданный дождь. Он защелкал по листьям, пробил их шелестящую крышу и ударил по нашим плечам и спинам. По ковру.

Стеклянные дождевые нити вспыхнули в луче кинопроектора. В открытом кинозале поднялся шум. Экран погас.

Виталька первым почуял беду.

— Летим!

Мы вырвались из мокрых веток, косо пронеслись над улицей, едва не зацепив заборы.

— Выше надо, выше! — крикнул я, думая, что Виталька нарочно прижимается к земле.

Но нас прижимал дождь. Намокший ковер-самолет отяжелел и плюхнулся посреди какого-то двора, вымощенного гранитными плитами.

— Приехали, — с тихим отчаянием сказал я. — Что теперь делать?

— Пешком дойдем, — сказала Ветка. — Не размокнем.

Разве я размокнуть боялся? Я на дождь и внимания не обращал! Я думал про одно: что будет с ковром? А вдруг он больше не сможет летать? Но это была такая страшная мысль, что я даже побоялся сказать о ней вслух.

Ковер лежал плоско и мертво. Мы сошли с него на каменные плиты. Все, кроме Ветерка.

— Тебе нельзя, — строго сказала Ветка. — Ты же слово давал.

— Что же делать? — спросил он.

— Он же слово давал, — повторила Ветка, требовательно глядя на меня и на Витальку.

Виталька вздохнул и подставил Ветерку спину, облепленную мокрой рубашкой.

— Садись.

— Да вы что, ребята… — жалобно сказал Ветерок. — Я же…

— Садись, — повторил Виталька. — Дотащим. Ты же из-за нас влип.

— Я из-за себя.

— Садись, — сказал я.

Через минуту Ветерок ехал на Витальке, а мы с Веткой тащили на плечах свернутый в трубу ковер. Он был страшно тяжелым от впитавшейся воды. И все-таки не этот груз угнетал меня, а все та же мысль: «Будет ли ковер летать?»

Ветерок время от времени требовал опустить его.

— Сиди, — кряхтя, говорил Виталька.

Дождь прошел. За крышами прокатывался дальний гром. Мы молча шлепали по мокрым тротуарам, пока не подошли к Веткиному дому. Ветка вывела велосипед. Она велела Ветерку сесть на багажник и сказала, что довезет его до самого крыльца. А мы дотащим ковер до дома.

— Вы придете завтра? — торопливо спросил Ветерок.

— Придем, — пообещал я. И подумал, что, если даже ковер вышел из строя, одна радость у нас все-таки еще осталась: новый хороший друг.

Глава 9

Следующий день был полон переживаний. Ковер лежал на крыше под солнцем, и от него шел пар. У этого пара был запах, как у тумана в тропических лесах (так нам с Виталькой, по крайней мере, казалось). Высыхал ковер медленно, и, когда мы попытались взлететь на нем, он даже не шелохнулся.

Виталька глянул на меня тоскливыми глазами.

— Неужели все?

Я пожал плечами. По правде говоря, у меня слезы в горле скреблись. Но я мужественно сказал:

— Он такой сильный, такой волшебный. Не может быть, чтобы от дождика совсем испортился.

Приходила Ветка и жалостливо гладила влажную шкуру ковра. Несколько раз мы навещали Ветерка.

— Ну как? — спрашивал он с крыши.

— Пока не высох. Подождем, — бодро говорили мы. — Может, к вечеру высохнет.

Но и вечером ковер не хотел летать…

Зато утром нас ждала радость! Мы проснулись одновременно. Враз кинулись к окну, выбрались

на крышу и сразу поняли, что ковер стал прежним — легким, шелковисто-мягким, летучим. Он лежал так, словно дожидался нас!

Мы плюхнулись на его ласковую теплую шкуру и взмыли к зениту. Было раннее утро. Во дворах радостно орали петухи.

В этот день у Ветерка вернулась мама. Она оказалась совсем не строгая, веселая.

— Бедненький! И ты все это время сидел на крыше? — воскликнула она, узнав, что Ветерок добросовестно отбывал домашний арест. — Я же просто забыла тебя отпустить! Не сердись, сынуля, я больше не буду!

Ветерок тут же отпросился у нее к нам в гости. С ночевкой!

Мы показали ему своих картонных солдат, Виталькины картины, наше оружие, телескоп и все другие сокровища. Мы устроили показательное сражение наших армий, которое затянулось до вечера. А поздно вечером мы похитили из дома Ветку и отправились в полет.

И нам было так же радостно, как в первый раз. Потому что мы заново открывали высоту и ночной город, блеск вечерних звезд и струящийся теплый воздух. Для Ветерка.

...Ничто не омрачало в те дни нашу радость

и нашу дружбу. Почти ничто. Лишь неудачные полеты Ветерка на ковре-самолете вызывали у него досаду, и мы чувствовали себя немного виноватыми. Наш ковер его не слушался.

— Не могу я, — печально говорил Ветерок. — Как-то не верится каждый раз, что он возьмет и полетит. Вот если бы у него штурвал был…

Мы его понимали. Всю жизнь Ветерок думал о самолетах и представлял, как сжимает в ладонях ручку управления. Без этого он не мог вообразить полета.

Но не могли же мы приделать к ковру-самолету штурвал!

— Ничего, — утешал нас Ветерок. — Я еще научусь, честное слово. А пока не все ли равно, кто им управляет? Мы же летаем вместе.

— А хорошо бы куда-нибудь в дальнее путешествие… Ага? — сказал Виталька.

И мы все сказали «ага». Может быть, Ветка и Ветерок просто так сказали, а я от всей души. Дальнее путешествие — это была наша давняя мечта.

Нам часто везло в то лето. Повезло и с путешествием. Тетя Валя получила от старой подруги открытку из соседнего города. Она целый день ходила задумчивая, а потом спросила, можно ли

на нас положиться? Проживем ли мы самостоятельно двое суток, пока она съездит навестить друзей юности?

— Зачем самостоятельно? — сказал я. — Мы поживем у нас. Все будет в порядке, тетя Валя, — и выразительно посмотрел на Витальку.

Двое суток! Дальние полеты, неизвестные края!

Мы смотрели на тетю Валю такими искренними глазами, что она не заподозрила нас ни в каких темных умыслах. Я сбегал домой, а затем сообщил тете Вале, что мама просила о нас не беспокоиться. На самом деле мама и не ведала об отъезде тети Вали. Она с утра до вечера пропадала на работе в библиотеке, потому что половина ее сотрудников была в отпуске.

Следующим утром мы проводили тетю Валю на вокзал и помчались к Ветерку. Он вместе с Веткой примерял к раме велосипеда какую-то странную конструкцию — узкие решетки из деревянных реек, обтянутых полиэтиленовой пленкой.

— Это что? — удивился я.

Ветерок и Ветка слегка смутились.

— Это… вроде крыльев, — сказал Ветерок. — Если разогнаться с горки, может, он взлетит… как самолет.

Я удивленно моргал. Взлетит? Для чего эта дребезжащая «этажерка», когда есть ковер-самолет?

— Зачем… — начал я. И замолчал. Увидел, что Виталька смотрит на Ветерка и Ветку грустно и понимающе. Главным образом на Ветку. А она почему-то покраснела, стоит, отвернувшись, и мотает на палец отросший локон. Эх, Ветка, Ветка…

Я ничего не стал говорить. Потому что понял: Ветерок и Ветка нашли *свой* ковер-самолет. Вернее, мастерили его. Он получился у них неуклюжий, тяжелый, но не все ли равно? Им было хорошо вдвоем, у них появилась своя сказка.

И тут уж ничего не поделаешь.

Я все-таки сказал:

— Тетя Валя на два дня уехала. Может, слетаем в дальние леса? До вечера?

Ветерок поднял честные глаза. И было видно, что лететь он не хочет, а отказаться не решается — боится нас обидеть.

— Или давайте так, — торопливо сказал я. — Мы сперва слетаем на разведку, а в другой раз — все вместе.

Он улыбнулся благодарно и облегченно.

— Давайте! Мы пока достроим, а потом — вместе…

Нет, мы не обиделись на Ветерка и Ветку. Лишь один раз Виталька, собирая в сетку-авоську продукты для дальнего путешествия, печально сказал:

— Вот такие дела…

А я вдруг вспомнил, как на краю ковра-самолета Ветка танцевала танец «Звездочка».

— Лишь бы они руки-ноги не поломали на своем драндулете, когда будут испытывать, — озабоченно сказал я.

— Не успеют, — откликнулся Виталька. — Пока строят, мы уже прилетим.

Это был наш самый долгий и самый радостный полет. Путешествие над безлюдным громадным лесом. Город затерялся на горизонте, пропал за верхушками берез и елей. Теперь казалось, будто вся планета поросла косматой лесной рубашкой.

Мы неторопливо плыли у самых вершин деревьев. С чем это можно сравнить? Пожалуй, когда поезд идет по крутой насыпи над лесом, деревья так же проплывают под вами. Высуньтесь в окно, посмотрите: если насыпь крутая, это похоже на полет.

Вагон вас несет с лязгом и стуком, встречный ветер отдает гарью, и нельзя остановиться, замереть над лесом. Нельзя рассмотреть ни белку

в темном круге дупла, ни гнездо со смешными тонкошеими птенцами.

А мы плыли в тишине, только деревья шумели негромко и ровно. Юго-западный солнечный ветер перекатывал через нас волны теплого воздуха. Мы лежали на ковре, свесив головы, и заглядывали в лесную глубину. Она была похожа на зеленое стекло. На траве и кустарниках качались рыжие пятна солнца. Вспыхивали, как фонарики, цветы шиповника. Искрами горела смола на сосновых стволах.

Один раз мы увидели ярко-оранжевую лису. Она тотчас нас увидела и пустилась удирать среди деревьев. Наверно, приняла ковер за громадную хищную птицу. Мы погнались за ней, но лиса юркнула под кучу валежника и пропала.

Иногда мы ныряли с высоты в лесной сумрак и, как индейцы, прыгали среди кустов и папоротников. Иногда устраивали привалы на лужайках, поросших земляникой, и на старых просеках, где среди высокого иван-чая и львиного зева жужжали, как тяжелые пули, шмели.

А еще нам нравилось замереть над большим деревом и осторожно потрогать самый верхний листик березы или мягкую кисточку сосны. Будто щекочешь хохолок на макушке задремавшего

великана.

Маленькие лесные тайны, неторопливый полет, теплый ветер завораживали нас, и время бежало незаметно.

Часов мы не взяли, но по солнцу видели, что давным-давно перевалило за полдень.

Об этом говорили и наши желудки — они настойчиво требовали обеда.

— Давай долетим до вышки и там поедим, — предложил Виталька. — А потом потихоньку домой двинем. На первый раз хватит.

Большая, сложенная из бревен геодезическая вышка поднималась над лесом. До нее было километра два. Она была совсем не похожа на наш мезонин, но привычное слово «вышка» наталкивало нас на мысль о приюте и отдыхе.

— Давай, только скорее, — согласился я.

И мы дали ковру полную скорость. Ветер сразу перестал быть теплым. Он прижал к головам наши волосы, набился в уши, забрался мохнатыми лапами под рубашки. Засвистел по-штормовому. Стало не то чтобы холодно, а как-то неуютно. Мурашки побежали по коже.

Взять с собой одежду потеплее мы, конечно, не додумались. Пришлось убавить разгон.

— Ладно, — сказал Виталька. — Куда нам спе-

шить? Вышка — вот она.

Мы хотели устроиться на одной из дощатых площадок и там пообедать. Но, подлетев к вышке, увидели темное лесное озеро. Оно было совсем недалеко от нас. Его обступали сосны, а воду окружало узкое кольцо песчаного берега.

Мы, разумеется, радостно завопили и спланировали на песок. Кубарем покатились на него с ковра. Песок был сухой и теплый. В нем перемешались сухие сосновые иглы и похожие на маленьких ежиков шишки, но это нас не пугало. Дно озера оказалось твердым и ровным, а темная прозрачная вода была прогрета насквозь.

Мы искупались, сжевали половину наших запасов, зарылись в песок и подремали. Потом еще искупались и снова немного пообедали. Затем выкупались еще разок.

— Пожалуй, пора… — нерешительно сказал Виталька.

— Угу, — сказал я. — Только еще разик окунемся…

Наконец мы на мокрое тело натянули одежду и взлетели повыше, чтобы ветер и солнце обсушили нас.

— Смотри! — крикнул Виталька.

Недалеко от озера, посреди большой поляны,

стоял дом. Один-одинешенек среди лесного моря.

— Разведаем? — спросил Виталька.

Мы осторожно снизились почти до самой крыши. Она была темная, горбатая. На прогнивших досках зеленел бархатный мох.

Сразу было видно, что давно здесь никто не живет: вокруг осевшего крыльца стояла высокая непомятая трава.

До сих пор мы встречались с маленькими лесными загадками. А брошенный дом — это загадка серьезная. Может быть, здесь настоящая тайна.

Разве могли мы улететь, не узнав этой тайны?

Глава 10

Дом был не похож на деревенскую избу. У него были широкие окна, точеные перильца у крыльца, двери с деревянными украшениями. Они были приоткрыты, эти двери. И мы осторожно шагнули через порог.

В дощатых сенях было пусто, лишь на рассохшейся кадушке сидела коричневая бабочка. Когда мы вошли, она вылетела в солнечную щель. Мы шагнули в кухню. Здесь разевала темную пасть русская печь, выложенная поверху зелеными изразцами. В углу валялись некрашеные табуретки. На широком столе сидел серый зверек. Мы не успели его разглядеть — он стрелой вылетел в разбитое окно. На столе осталась шелуха каких-то семечек.

Мы на цыпочках обошли комнаты, их было две. Половицы мягко прогибались под ногами. На них желтели под солнцем остатки краски. В комнатах сохранилась кое-какая мебель: ржавая кровать, облезлые стулья, книжный шкаф с побитыми стеклами. Шкаф был на полметра отодвинут от стены, будто его пытались унести из дома, а потом бросили.

Я хотел заглянуть за шкаф, но в это время за окном прокатился железный гул. Нервы у нас были слегка натянуты, и мы вздрогнули. Гул донесся опять, и в окнах потемнело. В углах на паутине погасли золотые точки.

Мы выскочили на крыльцо. Из-за деревьев накатывала синяя туча. Она проглотила солнце, и только узкие прямые лучи его вылетали из-за облачного гребня. Гребень золотился. Он был косматый и быстро двигался.

— Ковер! — крикнул я.

Мы стремительно скатали ковер-самолет и втащили в дом. И правильно сделали. По верхушкам травы, по крыльцу и стеклам защелкали крупнокалиберные капли, а затем ударил ливень. Он грянул о крышу, и в доме загудело, как в барабане. Потом сквозь темноту ливня пробилась розовая вспышка и грохнуло так, что мы схватились за уши и тихо присели у стены.

— Вот это попались, — прошептал Виталька.

— Может, скоро кончится? — неуверенно сказал я. И присел еще ниже, потому что грохнуло сильнее прежнего.

Было неуютно и зябко. В разбитые окна летели колючие брызги, а в двери прорывался сырой ветер. Закрыть двери было нельзя: они давно

осели на петлях и заклинились. Да и жутковато было отрываться от стены и подходить к дверям, за которыми такая буря.

Гроза бесновалась долго. Нам казалось, что сто часов прошло. Можно было подумать, что не одна гроза, а все на свете грозы собрались над старым домом, чтобы залить дождями, ослепить, оглушить двух мальчишек…

Наконец раскаты стали глуше, а шум дождя ровнее.

— Уходит, — облегченно вздохнул Виталька.

Но напрасно он обрадовался. Дождь стал монотонным, спокойным и не хотел кончаться.

— Вот черт, — уныло сказал Виталька. — А если он на несколько дней зарядит?

Что тогда будет, можно и не говорить. Пешком нам и за неделю не добраться до дома. Да и где дорога? Бедная мама, бедная тетя Валя, которые будут искать нас и мучиться от страшных предположений! И бедные мы, конечно! Потому что влетит нам, как никогда еще в жизни не влетало. И бедный ковер-самолет, который у нас наверняка отберут…

— А может, и не зарядит на несколько дней. Он, по-моему, не затяжной, голос у него не такой, — более бодрым тоном сказал Виталька. — Чего

раньше времени страдать?

Я не хотел при нем раскисать и заметил, что сами мечтали о приключениях, вот и заработали.

— В конце концов, нам повезло, что дом нашли, — сказал Виталька. — Если бы нас в лесу прижало, что тогда?

В самом деле! Старый неуютный дом сразу показался мне добрым. Я с благодарностью посмотрел на облезший потолок, за которым слышался плеск дождя.

— Можно и заночевать, — предложил я. — Домой и завтра успеем. Хлеб еще есть…

За окнами темнело. В углах что-то стонало и поскрипывало. Делалось страшновато. И продрогли мы. Но все-таки мы были вдвоем и с нами — наш ковер-самолет.

Мы расстелили его напротив шкафа у стены, легли на одну половину, а другой накрылись. С головой. Ковер окутал нас шелковистой теплотой, мы прижались друг к другу. Правда, в ноги поддувало, но это — пустяк. Все равно было хорошо. И даже шум дождя, который отдавался в пустом доме, был теперь нестрашным и уютным.

Интересный дом. Кто в нем жил? Лесники, или охотники, или геологи? Или просто человек, который любил тишину и одиночество?

Почему люди ушли? И давно ли? Непонятно. Может, год назад, а может, давным-давно, когда нас на свете не было…

Мы с Виталькой немного пошептались об этом и заснули.

Я не знаю, почему проснулся. Виталька тепло дышал мне в щеку. Дождь кончился, и за окном, над черными деревьями, быстро летели клочковатые облака. Иногда из них мячиком выпрыгивала яркая луна, и в комнате делалось светло.

Стояла странная тишина. Неполная. Сквозь нее пробивалось тиканье — ровное и звонкое.

Я толкнул Витальку. Он поворчал, почмокал губами и проснулся.

— Слушай, — велел я.

Тик-так, тик-так… — доносилось откуда-то из-за шкафа.

Капли? Сверчок? Нет…

Мне стало страшно. Не знаю почему, но здорово страшно. Витальке, кажется, тоже. Но еще страшнее — лежать и не знать, что там: или тихие шаги, или чье-то сердце стукает…

Виталька медленно откинул ковер. Встал. Я тоже встал. Пробежали мурашки — ночной воздух был сырой и зябкий.

Мы крепко взялись за руки и на цыпочках двинулись к шкафу. Луна выкатилась опять и добросовестно светила в окно. А половицы, как и полагается в таинственном доме, поскрипывали. Мы заглянули за шкаф.

Там была еще одна дверь.

Дверь в третью комнату, которую мы раньше не заметили.

Тикало в той комнате.

Мы вместе, плечом к плечу, протиснулись в дверь. Комната была маленькая, с одним окном. Окно было темным, потому что луна светила с другой стороны. Виталька включил фонарик. Желтый круг пополз по стене, и в этом круге мы увидели ходики.

Это они бросали в тишину свое тик-так. Ровно качался маятник.

Мы прижались друг к другу. Если бы мы увидели привидение или разбойника, то и тогда испугались бы не больше.

Ходики шли!

Дом был пуст, давно заброшен, а они тикали так же мирно и обыкновенно, как у нас на кухне!

Кто здесь живет? Что за невидимка подтягивает гирю? Кто подвесил к гире для дополнительного веса большой старинный ключ? (У нас дома тоже

была подвешена к такой же гире добавочная тяжесть — сломанные плоскогубцы. Старые ходики часто в этом нуждаются.)

Днем, наверно, мы так не испугались бы. Но сейчас эти живые часы в заброшенном доме показались нам жуткой загадкой. Мы тихо отступили от них и прижались плечами друг к другу, а лопатками к стене у окна. Виталька продолжал держать часы в светлом круге фонарика. Он словно боялся, что, если выпустит их из света, может случиться что-то страшное.

— А может, кто-нибудь до нас приходил сегодня? — спросил я жалобным шепотом. — Пришел и пустил их, а?

У Витальки досадливо шевельнулось плечо: он отвергал мое предположение. В самом деле, никаких следов не было ни в доме, ни в траве у крыльца.

— А может… — начал я опять, сам не зная, что скажу…

Виталька толкнул меня локтем.

В тиканье часов пробились другие звуки: легкое постукивание по половицам, словно кто-то на легких каблуках подходил к нашей комнате.

Это были тихие, но уверенные шаги.

Виталька выключил фонарик. Мы перестали

дышать и сели на корточки.

Мои глаза еще не привыкли к сумраку, но все-таки я различал проем открытой двери, карнизы, белый циферблат ходиков, большие щели на стене. Стена была мутно-серой. И вот на этом сером фоне возник силуэт пришельца.

Это был зверь.

Постукивая когтями по полу, он вошел в комнату и настороженно остановился.

Виталька включил фонарик. Не знаю, нарочно или с перепугу. Свет метнулся по комнате и упал на зверя.

Зверь был собакой. Большой рыжей собакой с висячими ушами! Собака мотнула головой, замигала от света, но не отпрыгнула, не оскалилась, не зарычала. Она молча подошла и ткнулась мне в колени мокрым носом.

Это было так неожиданно и так хорошо, что страх пропал в одну секунду. Я сразу понял, почувствовал, что это добрая собака и что она рада нам. И, ничуть не боясь, обнял ее за шею, потрепал ее длинные уши и, радуясь счастливому исходу страшного приключения, сказал ей:

— Ух ты, собака. Ух, как ты нас перепугала. Ух ты, моя хорошая.

Хвост у собаки заметался так, что по ногам у

нас прошел ветер.

Виталька притиснулся вплотную и спросил у собаки:

— Ты кто? Где твой хозяин?

А она мотала хвостом, толкала мне голову под мышку, прижималась косматым боком.

А правда, где ее хозяин? Он, наверно, придет сейчас следом? Что он за человек? А вдруг он не такой добрый, как собака?

Короткий гудящий толчок заставил нас вздрогнуть. Однако ничего страшного не было: это гиря часов рывком опустилась на несколько сантиметров и теперь вместе с тяжелым ключом покачивалась у самого пола.

Но собака насторожилась. Она высвободила голову у меня из-под мышки, прислушалась. А потом сделала такое, что мы притихли от изумления.

Она подошла к часам, встала на задние лапы, передними уперлась в стену, а зубами ухватила цепочку. Тр-р-р! — гиря и ключ поехали вверх. А собака встала на четыре лапы, махнула хвостом и оглянулась на нас.

— Ух ты, умница! — сказал я.

— Нет у нее хозяина, — с облегчением сказал Виталька. — Все уехали, а она одна осталась. И

сама заводит часы.

— А зачем?

— Кто же знает? Наверно, привыкла, что в доме обязательно часы идут. Наверно, ждет, что люди вернутся, и думает, что часы — это очень важно. Может, она их и при людях заводила, а сейчас не хочет бросать…

Жаль мне стало эту собаку и захотелось сделать ей что-то хорошее, приласкать, помочь чем-то.

— Иди сюда, собака, — позвал я. — Тебя бросили, да?

Она опять подошла и положила мне голову на колени. К морде у нее прилипли шерсть и мелкие перышки.

— Слопала кого-то, — сказал Виталька.

Мне совсем не хотелось думать, что такая хорошая собака может кого-то слопать. Но Виталька опять заговорил:

— Конечно. Что ей делать? Раз бросили, надо самой кормиться, вот она и охотится.

Бросили! Такую собаку оставили! Что это за люди?!

— Разве можно бросать собак? — возмущенно сказал я. — Она здесь, наверно, не один год живет и все ждет…

— Откуда мы знаем, что здесь было? — рассу-

дительно откликнулся Виталька. — Может быть, никто не виноват…

Но я не хотел думать, что никто не виноват. Как это? Собака брошена, живет одна и ждет, ждет, ждет. И заводит часы, чтобы дом не был совсем мертвым. Она бережет этот дом для людей, которые про нее забыли. А люди ни при чем?

— Какая она худая, — прошептал Виталька, поглаживая собачью спину.

Мы скормили собаке почти все наши запасы. Она ела жадно и виновато оглядывалась на нас. Извинялась, что не может удержаться.

Потом мы притащили в маленькую комнату ковер. Она казалась нам теперь самой уютной. По-домашнему тикали часы, ходила рядом с нами собака — хозяйка этого дома, и все страхи развеялись.

Мы завернулись в ковер, а собака легла у нас в ногах и стала ровно дышать.

— Хороший пес, — сказал я громким шепотом.

В ответ собака постучала хвостом.

— Рада, что люди пришли, — сказал Виталька.

— Завтра возьмем с собой? — спросил я.

— Конечно.

Мы еще немного поговорили о собаке, о старом доме, о тех, кто здесь жил. Почему ушли люди?

Почему осталась собака? Кого ждала? Мы потом еще не раз будем придумывать про это всякие истории. А правду так и не узнаем.

Я проснулся от горячего солнца. Оно било вдоль промытых дождем стекол и рикошетом залетало в комнату. У Витальки на ресницах загорались золотые точки. Виталька поморгал и улыбнулся. Откинул край ковра и сел. Сразу стало зябко. Я тоже сел и обнял себя за плечи.

Тикали часы. Они показывали половину шестого, но мы не знали, конечно, точно ли они идут. Собака спала у нас в ногах. Ее рыжая шерсть местами слиплась в сосульки и казалась грязно-бурой. Сквозь шкуру проступали ребра.

— Голодная, наверно, — пожалел ее Виталька.

Собака открыла глаза и посмотрела на нас. У нее была грустная и добрая морда. И очень умная.

— Собака, хочешь с нами? — сказал Виталька. — Тетя Валя не прогонит, не бойся.

Собака медленно поднялась и шевельнула хвостом.

— Хочет! — обрадовался Виталька. — Пойдем!

Мы вынесли ковер из дома. Собака вышла за нами. Высокая трава еще не высохла и хватала нас за ноги, будто холодными пальцами. Чтобы ковер не промок, мы развернули его на просох-

ших досках крыльца. Сели.

— Иди, собака, — позвал я.

Она послушно села рядом с нами. Я осторожно обнял ее за шею.

Мы взлетели очень тихо и плавно, чтобы не пугать собаку. И она не испугалась. Сидела совсем спокойно, поглядывая с высоты. Но когда мы отлетели метров на сто, она забеспокоилась. Освободила из-под моей руки голову, завертела ею, встревоженно глядя то на меня, то на Витальку.

— Не бойся, — ласково сказал я.

Но собака и не боялась. Она просилась назад. Она поползла к самому краю ковра, заскулила и негромко гавкнула.

— Не хочет, — сказал Виталька.

— Нельзя ее одну оставлять! — сердито сказал я.

— Это ее дом. Раз не хочет бросать, что поделаешь? Она все равно сюда уйдет.

Делать нечего, мы опустились недалеко от дома, собака сошла с ковра и оглянулась: звала нас с собой.

— Мы не можем, — сказал Виталька. — Ты не можешь, и мы не можем. Понимаешь?

Собака смотрела печально. Понимала.

— Мы тебя навестим, — пообещал я.

Глава 11

По западному краю неба опять проходила гроза. Громоздила горы черных и лиловых облаков. В их толще загорались ветвистые молнии, а потом, с большим опозданием, к нам подкатывал ворчливый, уставший по дороге гром.

Оттого что светило солнце, тучи казались особенно мрачными, а молнии — тусклыми, чуть заметными. Это выглядело зловеще. Но мы не боялись грозы. Дул восточный ветер и отодвигал ее за горизонт, подальше от нашего пути.

Потом гроза у горизонта пролилась дождем и стала рассеиваться. Загорелась большая радуга. Она, как ворота великанского дворца, упиралась двумя концами в леса, и зеленая лесная шкура просвечивала сквозь ее разноцветную толщу.

— Летим к ней! — крикнул Виталька.

— Летим! — крикнул я и задрожал от радости и от страха, что не успеем.

Мы успели! Мы влетели в радугу!

Я слышал от взрослых, что к радуге приблизиться нельзя — она будет убегать, а потом рассыплется, растает, как мираж. Не верьте! Подойдите к шумному фонтану — там в брызгах

висит множество маленьких радуг. В них можно погрузить руки. Радуги затанцуют на ваших ладонях. Почему же нельзя коснуться большой радуги?

Конечно, если бежать по земле, трудно успеть. А мы летели, и нам помогал попутный ветер.

Когда мы подлетали к радуге, нам показалось, что с неба рухнул на лес разноцветный водопад — прозрачный и бесшумный. Потом все вокруг: вся земля, и облака, и мы сами — сделалось лиловым, синим, голубым, и рядом с нами засверкали огоньки — тоже голубые и синие. Они вспыхивали, как стеклянная пыль, и чуть заметно покалывали кожу.

Потом все сделалось ласковее, теплее, и на нас накатила зеленая волна. В ней тоже трепетали огоньки — ярко-зеленые. Словно дрожали под ветром и солнцем листики крошечных деревьев, омытые дождем.

А затем листики превратились в солнышки. Эти солнышки горели на ворсинках ковра, на незаметных волосках нашей кожи и просто в воздухе. Виталька сидел напротив меня и смеялся. Его рубашка из голубой превратилась в светло-зеленую, а в волосах его были перемешаны огненные точки.

Желтый воздух стал гуще, набрал красноту, и нас будто жаром обдало — мы пролетели сквозь оранжевый туман. И сразу словно зазвучала музыка — таким празднично-красным стал весь белый свет. Веселым, пересыпанным малиновыми огоньками.

Мы прошли разноцветную радугу насквозь и влетели под ее светящуюся арку.

Но радуга звала нас обратно.

Мы снова окунулись в нее и, ныряя в цветных волнах, пошли по дуге — по всей длине радуги. А она была громадная, и путешествие получилось длинным-длинным. Мы купались в ласковой радуге, как в реке, а она словно взмахивала перед нами цветными крыльями. И у каждого света было свое тепло и даже свой запах. Мне казалось, что желтый воздух пахнет свежими сосновыми щепками, оранжевый — мандаринами, зеленый — мокрой травой…

Сейчас в это трудно поверить, но тогда я ничуть не удивился. Я был уверен, что так и должно быть. В те годы каждой клеточкой тела, каждым незаметным волоском я ощущал жизнь земли и воздуха — их дыхание, свет, шорохи и тепло. Я мог плечом почувствовать мелькнувшую тень пролетевшей птицы, мог на ощупь выбрать в

разнотравье нужный стебелек, знал, как пахнут разные ветры, и, просыпаясь, по стуку капель сразу определял — теплый или холодный идет дождик. Если я брел по ручью, то легко мог сосчитать, сколько прохладных и теплых струек, похожих на стеклянные шнуры, вьется у моих ног. Я умел на целую секунду удерживать в ладони солнечный зайчик, а когда он проскальзывал между пальцами и садился мне на костяшки, я кожей чувствовал его пушистое шевеление.

Я мог с закрытыми глазами узнать, какие в небе облака.

И Виталька все это мог тоже…

Мы помахали радуге руками и взяли курс к дому. Летели низко, обходя темные вершины старых елей. Гладили по макушкам светлые березы, заглядывали в птичьи гнезда. Звали к себе поближе разных лесных пичуг, а они почему-то пугались, глупые.

Только большой дятел на сухой сосне нас не испугался. Он покосился черным глазом-бусиной и так тюкнул по стволу, что целый пласт коры отлетел и ухнул в лесную глубину. А Виталька потом уверял, что от этого удара у дятла съехал набекрень красный колпачок.

Мы летели медленно, а время быстро. И уже

вечером приблизился от горизонта к нам город.

Недалеко от реки, среди мелких берез, мы увидели круглую поляну с ромашками. Они росли не очень часто — каждая по отдельности — и от этого казались особенно крупными и удивительно чистыми.

— Давай нарвем, — сказал Виталька. — Тетя Валя знаешь как любит цветы…

Я повел ковер над самой травой — искал место, где можно опуститься и не помять ни одного цветка. И нашел уже, но Виталька испуганно сказал:

— Не надо, намокнет!

В самом деле, трава блестела, а на ромашках, как на блюдцах, лежали капли. Наверно, недавно здесь пролился случайный солнечный дождик.

— Держись в воздухе, — сказал я Витальке. И он повис на ковре-самолете в метре от земли, а я прыгнул в сырую путаницу листьев и стеблей. Кеды быстро промокли. Но зато большой букет пахнул теплым дождем, лесом и радугой.

Когда мы летели к дому, я держал охапку ромашек у груди, поэтому футболка у меня спереди тоже промокла и к ней прилипли мелкие листики.

С поляны мы взлетели на большую высоту,

распустили для маскировки «змеевый хвост» и пошли над городом. Было время заката. Нас еще освещало солнце, а город уже лежал в тени. Мы спикировали в эту тень и стремительно опустились, почти упали к себе на крышу.

В доме было тихо, только в щелях скреблись сверчки и другая мелочь. Мы спустились в комнаты, достали старинную прозрачную вазу и посреди стола поставили букет.

— Лишь бы не завял до завтра, а то... — начал Виталька и странно замолчал.

— Ты чего?

Он икнул и показал на угол. Там стоял чемодан тети Вали.

— Значит, она... ик... вернулась сегодня утром.

— Где же она? — глупо спросил я.

— Где! — плаксиво сказал Виталька. — Бегает по всему городу, нас ищет! Где еще? Вон она идет.

Я увидел в окно тетю Валю. Она медленно шла по двору от калитки.

Мы ринулись на вышку, сорвали с себя кеды и нырнули под одеяла. Каблуки тети Вали застучали на ступенях. Следы моих мокрых кед безошибочно указали ей, что путешественники вернулись.

Через полминуты мы, замерев, лежали носами

к стенке, а тетя Валя стояла в середине свободного пространства и обращалась к нашим спинам и затылкам с необычно длинной и крайне суровой речью.

Она говорила, что мы невозможные люди, жестокие мальчишки. Что мы думаем только о собственных радостях и никогда не помним, что у взрослых людей бывает больное сердце. Хорошо еще, что Валентина Сергеевна (моя мама) не успела ничего узнать, потому что и она, и дядя Сева с утра до вечера на работе (я облегченно передохнул); зато она, тетя Валя, постарела на десять лет, но дело не в ней, а в том, что мы растем бессердечными эгоистами. И самое скверное, что никакие слова на нас, оказывается, не действуют. Остается единственный способ воспитания: взять две крепкие хворостины — для каждого персональную — и выдрать нас по всем правилам, неторопливо и обстоятельно.

Однако сделать это она, к сожалению, не может. Драть меня она не имеет права, так как я не родственник ей, хотя она об этом часто забывает (здесь тетя Валя слегка сбилась и подозрительно шмыгнула носом). А драть одного Виталия — несправедливо, потому что наверняка виноваты одинаково. И ей, тете Вале, остается одно: уйти и

оставить нас наедине с нашей совестью (если мы знаем, что это такое и если эта совесть у нас хоть чуточку сохранилась).

Видимо, что-то сохранилось, потому что меня грызли жалость и раскаяние. Я готов был даже признать тетю Валю полноправной родственницей со всеми вытекающими последствиями. Но тетя Валя шумно высморкалась, укоризненно помолчала и спустилась к себе. Там она увидела букет и растаяла.

— Негодники, — размягченно сказала она. — Вот негодники…

Мы, стараясь не шлепать босыми ступнями, пробрались вниз и остановились на пороге. Тетя Валя подняла лицо от букета. Посмотрела на нас через плечо. Наверно, мы были очень виноватые, маленькие и печальные.

— Преступники, — сказала тетя Валя. — Где вы бродяжничали? Я приехала в пять утра и сразу поняла, что вы не ночевали. Пыталась узнать у Саши и Веты, а они или молчат, или бормочут непонятное… Я чуть не умерла.

— Мы же не знали, что ты раньше времени приедешь, — пробормотал Виталька.

Тетя Валя повернулась к нам, прочно села на стул, выпрямилась и потребовала:

— Идите сюда, отвратительные мальчишки, и рассказывайте про все, что успели натворить. Подробно и честно.

Она уже ни капельки не сердилась. Она радовалась, что мы не пропали. Мы подошли, и она ухватила нас за руки, будто боялась, что мы опять исчезнем. Мы вздохнули, посмотрели друг на друга и рассказали про ковер-самолет.

— Ведь ты сама его нам дала, — прошептал в заключение Виталька.

А я добавил:

— Он совсем безопасный…

Не знаю точно, поверила ли тетя Валя. Наверно, поверила. Она не удивилась и не стала просить, чтобы мы показали, как летаем. Она сжала наши руки и сказала:

— Ковер-самолет — это сказка. А сказки существуют для радости. Разве можно делать так, чтобы сказка доставляла кому-нибудь огорчение?

И мы тут же пообещали, что никогда больше не доставим тете Вале огорчений. Ни с ковром-самолетом, ни без него.

Она почему-то улыбнулась и покачала головой. Посмотрела на нас, на ромашки, снова на нас. И сказала, что следовало бы нас проучить как

следует, но что поделаешь — не выбрасывать же подарки, которые она привезла нам.

И она вручила Витальке медовые краски, а мне губную гармошку. Потом нам обоим — туристический компас со светящимся циферблатом. Мы сдержанно подвывали от восторга.

Кроме этих подарков тетя Валя привезла Витальке рубашку. Это была косоворотка с шелковым пояском и с вышитым узором на вороте и на подоле. Материя была светло-желтая, шелковистая и переливалась, как атлас.

Тетя Валя потребовала, чтобы Виталька тут же примерил обнову.

Рубашка оказалась велика и висела на Витальке довольно балахонисто. Он стал похож на девочку в платьице. Об этом я ему честно сообщил, когда тетя Валя вышла за очками.

Виталька отмахнулся:

— Пусть! Лишь бы она не сердилась.

И он сказал тете Вале, что рубашка ему в самый раз и очень нравится и он просто счастлив от такого подарка.

— В самом деле? — обрадовалась тетя Валя. — Вот и прекрасно. А то мне казалось, что она широковата и длинновата. Очень хорошо, что тебе нравится. Завтра наденешь, когда пойдем

в цирк.

— В цирк?! — хором сказали мы.

И тетя Валя сообщила, что еще неделю назад купила билеты — хотела сделать нам сюрприз.

Виталька кинулся ее обнимать. Я обниматься постеснялся и, чтобы выразить радость, влепил ему между лопаток «леща».

Виталька кошкой прыгнул на меня и сел верхом. Зазвенела люстра. Кукушка с перепугу прокричала пятнадцать раз. Тетя Валя схватилась за голову.

— Прекратите сию секунду! Вы сумасшедшие дикари, а не дети! Я вас выставлю из дома, и будете ночевать на дворе, пока не станете приличными людьми!

Глава 12

— Ты в самом деле собираешься в цирк? — спросила мама непонятным голосом.

— Д-да… А что? — сказал я.

— Посмотри на свои колени.

Я посмотрел краем глаза и коротко вздохнул.

— Вот именно, — сказала мама и добавила, что ляжет костьми у дверей, но не выпустит меня больше из дома с такими ногами. Тем более в цирк, где масса людей — в том числе знакомых.

Когда мама говорила таким тоном, я знал, что лучше не спорить.

Через минуту я стоял в большом тазу, по щиколотку в горячей воде, и протяжно стонал. Мочалкой, сплетенной из капроновой лески, мама обрабатывала мне коленки. Надо сказать, что работа ей досталась немалая. Попробуйте отодрать спрессованные наслоения: уличную пыль, ржавчину с Виталькиной крыши, землю с лесных полян, въевшиеся в кожу песчинки и зеленый сок растений, который пропитал и спаял все слои.

Мама быстро устала и начала сердиться. А тут еще этот таз! Он вел себя просто подло. Дно у

него было слегка выпуклое, и он вертелся подо мной. Когда мама давила на левую коленку, таз поворачивался влево, когда на правую — он сразу начинал обратное вращение.

— Не вертись! — сказала мама.

— Это не я, это таз…

— Ты мне поговори! — пригрозила мама и так дернула мочалкой, что я взвыл, будто кошка с прижатым хвостом.

И жалобно спросил:

— Можно я лучше сам?

— «Сам»! — сказала мама. — Если бы ты мог что-нибудь делать сам, я бы была счастливейшим человеком.

Но, совсем измучившись, она отдала мне мочалку и ушла из кухни.

Коленки горели, будто я только что ползал по раскаленным железным листам. Надо было дать им отдых. А пока коленки отдыхают, я решил попробовать: сколько оборотов сделает вместе со мной таз, если я крутнусь как следует?

Я ухватился за край стола и крутнулся…

Таз успел сделать всего пол-оборота, а потом выскользнул из-под меня и, как марсианская летающая тарелка, ушел по косой линии в угол. Там он с медным грохотом грянулся об умывальник,

выплеснув на стенку воду. Я, в свою очередь, тоже грохнулся, крепко треснувшись о половицы.

Я здорово перепугался. В первую же секунду я представил, как влетит сейчас в кухню мама и какой мне будет нагоняй. Вместо цирка. И я заревел от страха и боли.

Первым вбежал дядя Сева.

Он подхватил меня, прижал к суконному кителю и громким шепотом сказал:

— Олеженька! Ты что, малыш?

Раньше он никогда так не говорил. А может, и говорил, да слова отскакивали от меня, как горошины от потолка.

Но сейчас, перепуганному, мокрому и ревущему, мне было не до гордости и обид. Тем более что тут же появилась мама с грозными словами:

— Я так и знала!

— Подожди, подожди, — сказал дядя Сева. — Что ты знала? Человек ударился, даже до слез. Понимать надо.

Мама несколько секунд изумленно смотрела, как я повис на дяде Севе, облапив его за плечи — будто единственного защитника и спасителя. Потом, уже с притворной сердитостью, произнесла:

— «Понимать надо»! Интересно только, почему

меня никто не хочет понимать?

Она принялась затирать воду, заявив при этом, что окончательно убедилась, какие нелепые и беспомощные люди все мужчины. И самое удивительное, что, сделав какую-нибудь глупость, они тут же спешат друг другу на выручку! И тогда уж к ним не подступись!

А я понимал, что она рада. Она устала видеть мою молчаливую войну с дядей Севой. И я, оказывается, сам устал от этой войны.

Сквозь мокрые ресницы я нерешительно посмотрел дяде Севе в лицо, и он чуть-чуть улыбнулся мне. И я тоже улыбнулся.

Он унес меня в комнату. Сел на диван, а меня посадил на колени.

— Сильно стукнулся? — негромко спросил он.

— Не… не очень, — прошептал я.

— Прошло уже?

— Ага…

Большая пуговица с якорем давила мне сквозь майку на ребро, но я не шевелился. Пускай давит! Все равно мне хорошо.

Ленка таращилась на нас так удивленно, что мне захотелось показать ей язык. Но я поступил благородно и умно: не показал. Медленно поднял голову и снова глянул в лицо дяде Севе. И мы

опять улыбнулись.

Пришла мама и принялась гладить мой праздничный костюм. Потом проверила мои колени. Оказалось, что с них уже соскоблено все, кроме болячек и ссадин, которые никуда не денешь.

— Одевайся, герой.

От костюма пахло горячим утюгом и праздником. Он был голубой и легонький, как шелковый игрушечный парашютик для запуска из рогатки. С золотистыми пуговками, похожими на новые копейки, с погончиками и пряжками, со звездочкой, вышитой на нагрудном кармане. Такие костюмчики для нашего брата, похожие на юнармейскую форму, в то время только входили в моду, и мама весной привезла его из Ленинграда вместе с белыми гольфами и синей испанкой. Кроме этого, мама выдала мне новые скрипучие сандалии. Они пружинили и просто заставляли куда-нибудь бежать.

Шелковая кисточка испанки щекотала мне левую бровь. Я весело поглядел из-под нее на маму, дядю Севу, Ленку, крутнулся на пятке, помахал всем с порога и, счастливый, отправился к Витальке. Двое встречных мальчишек обозвали меня стилягой, но и это не испортило мне настроения.

Я думал о дяде Севе и понимал, что теперь у меня в жизни появилась еще одна радость.

А кроме того — цирк! Это тоже здорово!

Однако жизнь устроена сложно: не успеешь порадоваться — и нате: какая-нибудь неприятность.

Когда мы пришли к цирку и, потоптавшись в очереди, добрались до входа, контролер — седой старичок — не пустил нас. Повертел билеты, посмотрел на них с двух сторон и сказал тете Вале:

— У вас, гражданочка, билеты на завтрашнее представление, не на сегодня.

— Как же так? — строго и обиженно спросила тетя Валя. — Где это написано?

— Вот здесь и написано. Видите, штампик…

Тетя Валя принялась теребить кружевные манжеты.

— Я не понимаю… Значит, это кассир… Я же просила.

Старичок сочувственно вздохнул:

— Бывает… Только сейчас билетов уже нет и касса не работает.

— Безобразие, — сказала тетя Валя и виновато посмотрела на нас.

Мы повесили носы.

Сзади напирал народ и слышались голоса:

— Что там? Тетенька, не загораживай, всем проходить надо!

— Что значит «всем надо»? — вдруг рассердился старичок. — Все и успеете. Им — тоже надо.

Он посмотрел на нас и предложил:

— Я, конечно, могу пропустить. Понимаю, ребятишки… Только ведь стоять придется, места заняты. Им-то ничего, а вам, гражданочка, при вашем возрасте…

— Нет, благодарю вас, — весьма сухо отозвалась тетя Валя. — Мы подождем до завтра. Идемте, дети…

Мы выбрались из циркового сквера и совсем невесело побрели к дому.

— Ничего страшного, — неуверенно сказала тетя Валя. — Зато завтра нас ждет представление.

Завтра! А сегодня что? Все было так хорошо, и вдруг — бац!

Виталька шел, глядя под ноги, уныло наматывал на палец свой шелковый поясок и сердито его дергал.

Мне-то было не так грустно. Я вспоминал про дядю Севу и думал, что сегодня дома у меня будет хороший вечер. У своей калитки я сказал, что пойду ночевать домой.

Но и дома меня ждало огорчение: мама и дя-

дя Сева пригласили старую соседку тетю Любу, чтобы Ленка не боялась одна сидеть дома, а сами ушли в кино.

Тут я подумал, что Витальке грустно в одиночестве. Решил взять книжку «Снежная королева» и побежать к нему. Сядем на лежаке и будем читать вслух. Это была моя любимая сказка, и Витальке она тоже нравилась, но вместе вслух мы ее ни разу не читали. Наверно, будет интересно.

Я стал искать книгу на полке. Ее не было!

— Ленка! — грозно сказал я. — Ты брала «Снежную королеву»?

Она заморгала:

— Брала…

— Куда девала?

— Девочке дала почитать.

У меня перехватило дыхание от такой наглости. Девочке! Мою! «Снежную королеву»!

Когда дыхание перестало перехватываться, я прищурился и спросил:

— Я твоих кукол даю играть мальчикам?

Ленка заморгала сильнее и, видимо, приготовилась пустить слезу.

— А мама… говорила, что книжки общие.

Если бы это еще вчера было, я бы сказал ей про «общие» книжки. Но сегодня, когда мы с дядей

Севой… В общем, я только предупредил:

— Если вздумает порвать или потерять…

— Она не вздумает, — поспешно пообещала Ленка.

Я, ворча для порядка, достал «Тома Сойера». Тоже подходящая книжка для вечернего чтения.

— Нашим скажи: я у Витальки, — предупредил я Ленку, обалдевшую от моего великодушия.

Даже став большим, я часто удивляюсь, как много меняют в жизни пустяковые случаи. Не попадись нам тогда в руки «Том Сойер», ничего бы, наверно, не случилось.

Все сначала шло как надо. Мы уселись на топчан, включили настольную лампочку, раскрыли на середине читанную много раз книжку…

— «В жизни каждого нормального мальчика наступает момент, когда ему хочется найти клад…» — прочитал я. И удивленно посмотрел на Витальку. А он на меня. Мы были нормальными мальчиками. Почему же до сих пор нам в голову не приходила эта мысль?

Наверно, потому, что не было ковра-самолета. А на ковре можно добраться до таких мест, где и в самом деле вдруг зарыт какой-нибудь клад!

— А где? — спросил я.

— Старый дом, — задумчиво сказал Виталька.

Правда! Старый дом, как и в «Томе Сойере», — самое подходящее место! Может, его таинственные хозяева, уходя, оставили в погребе золото и оружие? А собака охраняет. Но нас-то собака знает!

Беда только, что далеко. А поисками хорошо бы заняться скорее. Может, даже сегодня, раз уж не попали в цирк.

И вдруг Виталька приключенческим шепотом сказал:

— Колокольня…

Вот это да! Как мы раньше не подумали? Как мы, летая над городом, вообще ни разу не догадались заглянуть на колокольню? Туда, где никого не было целых сорок лет!

На радостях мы с Виталькой обнялись, забарахтались и бухнулись с топчана. Хорошо, что на ковер.

Но, хлопнувшись, я засомневался:

— Клады под полом прячут. А нам в нижнюю часть не добраться, только наверх сможем. А наверху что?

— А наверху — часы. А может, скелет того пулеметчика…

Я поежился и спросил, на кой шут нам скелет.

— Мало ли на кой… Возьмем череп, вставим свечку, чтоб глаза горели, потом повесим у окош-

ка Иван Иваныча Разикова. Знаешь, как он… развеселится!

Я представил себе «веселье» Ивана Иваныча. И все-таки встречаться со скелетом, да еще в сумерках, в таинственной башне почему-то не очень хотелось.

— Да нет никакого там скелета, — успокоил Виталька. — Если и был, то рассыпался, а кости вниз попадали… А пулемет, наверно, остался. Пулеметы ведь крепко устанавливают… Там, наверно, и патроны остались. Найдем — притащим сюда, и, если кто полезет, мы — «ды-ды-ды-ды»!

— Кто полезет? А если и полезут, попробуй «ды-дыкни» хоть одним патрончиком! Тебя знаешь сразу куда «ды-ды»?

— Да я так просто… Он все равно сломан, наверно. А играть-то можно!

Конечно, настоящий пулемет для игры, пускай даже сломанный, — это вам не хуже любого клада! Не то что скелет…

Тут и спорить нечего!

И мы стали готовиться к поискам и приключениям.

Что нужно искателям клада? Мы вытащили из-под лежаков моток веревки, фонарики, ящик с нашим оружием.

Переодеться нам, конечно, и в голову не пришло. Я только снял испанку, чтобы не сбило ветром, а Виталька сдернул поясок, чтобы не зацепился за что-нибудь. В новенькие белые гольфы я засунул оружие — как десантники суют его за голенища сапог. Слева — длинноствольный пластмассовый револьвер, справа — свой длинный нож из лезвия слесарной пилки.

Револьвер Виталька заставил меня убрать: заявил, что это игрушка, а мы на серьезное дело идем. Зато про нож сказал, что это хорошо.

Я и сам знал, что хорошо. Оплетенная изолентой рукоятка мужественно торчала у колена, а тонкое лезвие плотно прилегало к ноге и приятно холодило кожу. Это ощущение придавало силу и уверенность. Если даже скелет…

Мы стартовали с крыши незадолго до полуночи, когда тетя Валя уже крепко спала.

Стоял конец июля, и самые светлые ночи лета были позади. Но все же настоящей темноты пока не наступало. Небо оставалось голубовато-серым, и только самые крупные звезды пробивались сквозь серебрящийся воздух. На востоке ртутным блеском отливали узкие облака, а среди них застряла тускло-розовая луна.

Мы шли на малой высоте — чуть выше про-

водов, обходя черные пихты и тонкие антенны телевизоров. Потом Витальке надоел бреющий полет, и он поднял ковер метров на сто. Заиграли под нами стаи огоньков среди темных крыш и деревьев, распахнулся на краю города светлый изгиб реки с черными, будто нарисованными, суденышками. Цветные огоньки на судах, казалось, живут отдельно, как случайно слетевшие туда звезды.

А колокольня на фоне ясной воды и неба темнела, словно башня таинственного замка. В полукруглых проемах верхнего яруса четко рисовались уцелевшие колокола. Издалека они были похожи на колокольчики для удочек.

— Красиво, да? — сказал Виталька.

Я кивнул. Но тут же стало не до красоты: мы влетели в полосу холодного воздуха и моментально продрогли. Пришлось опять снижаться до крыш.

Наконец под нами мелькнула крытая железом стена монастыря, проплыла слева острая верхушка угловой башни с флюгером и вплотную придвинулась к нам колокольня. Словно великан шагнул навстречу.

Мы повисли у стены колокольни метрах в десяти от земли. Весь день эта стена впитывала

солнечные лучи, и теперь от нее веяло теплом, как от остывающей печки. Пахло нагретыми кирпичами, известкой, а с земли полынью.

Мы стали медленно подниматься к верхнему ярусу. Стена заскользила вниз. Я приложил к ней ладошку, и кожу обожгло стремительным шероховатым движением. На руке осталась известковая пыль. Я хотел привычно вытереть ее о штаны, однако вспомнил вовремя про новый костюм и просто почистил одну ладошку о другую.

— Ты чего аплодируешь? — спросил Витальк. — Мы еще ничего не нашли.

— Найдем, — сказал я.

Мне и вправду верилось, что в такой старинной, таинственной башне обязательно есть что-то интересное. Лишь бы не скелет, конечно…

Сверху надвинулся громадный циферблат часов, и мы остановились прямо в центре — у оси, на которую насажены были могучие стрелки. Минутная была почти с меня ростом. От стрелок знакомо пахло медью — так же, как от нашего телескопа. А от железного циферблата — ржавчиной.

— Вот это будильничек! — уважительным шепотом произнес Витальк.

Я кивнул и поднял ковер к верхнему краю ци-

ферблата.

Обе стрелки смотрели вверх. Минутная чуть-чуть не дошла до двенадцати, а часовая остановилась на единице. Снаряд с канонерки ударил около часа дня.

Я потрогал узорный наконечник минутной стрелки. Он был холодный. Медь, видимо, остывает быстрее железа.

— Ну, цифрищи! — все тем же шепотом сказал Виталька.

Медные римские цифры были размером с большую книгу. Я хотел их тоже потрогать, но ковер плавно пошел вверх: Виталька повел его на колокольный ярус.

Мы остановились у арки, перегороженной перилами из метровых точеных столбиков и толстой балки. Высоко над перилами висел темный колокол, под которым запросто могли бы спрятаться я, Виталька, Ветка и Ветерок.

Арка только издали казалась обычным полукруглым окном с колокольчиком. На самом деле она была как высоченные ворота. Мне вдруг подумалось, что, если крикнуть, голос разнесется под сводами, ударится о колокол и эхо пойдет над городом. От такой мысли сделалось почему-то жутковато.

Но пока я размышлял об этом, Виталька смело перебрался с ковра на перила и сел на них верхом.

— Давай, — сказал он. — Я держу ковер.

Я тоже перебрался на балку. Она оказалась шершавая и колючая — того и гляди заработаешь занозу. Мы подтянули ковер, сложили пополам и повесили на перила.

— Ну вот, приехали, — сказал Виталька.

Он задрал свой вышитый подол, повозился и вытащил из кармана фонарик. Щелк…

— Смотри-ка, здесь пол!

У меня фонарик висел на шее, на шнурке. Я добавил света.

В самом деле, под нами был дощатый пол.

Но какой!

Он был в черных пробоинах — видимо, от осколков. А в середине площадки темнел провал, в котором торчали обугленные балки.

Взрослые говорили, что снаряд чиркнул о боковую стенку арки и взорвался среди колоколов. Два маленьких колокола выбросило на монастырский двор, а большой — тот, что висел под куполом, — сорвался и ухнул вниз, пробив перекрытия. Остальные жалобно погудели и остались висеть.

Я опасливо обшарил фонариком все углы, убедился, что скелета не видать, и приободрился.

— Здорово шарахнуло, — сказал я.

— Наверно, пулеметчика взрывной волной сбросило. И пулемет заодно, — огорченно откликнулся Виталька.

— Можно клад поискать, — неуверенно предложил я, хотя не представлял, где здесь может оказаться клад.

— Сперва разведаем, — решил Виталька.

Он храбро спустил ноги с перил и прыгнул на доски. Они чуть-чуть задрожали, но не провалились. Я тоже прыгнул.

Мы скатали ковер, уложили на пол у стены. Еще раз осмотрелись.

Здесь, на верхней площадке, искать было нечего. Самое интересное — это колокола. Но в колоколах клады не прячут, а разглядеть их мы всегда успеем.

Я на четвереньках подобрался к черному провалу и посветил вниз. Там было темно и пусто.

Я чувствовал себя неловко оттого, что Виталька все время первый, а я вроде побаиваюсь. И храбро потребовал:

— Давай веревку. Спущусь.

Но Виталька ответил, что глупо лезть в такую

дыру, когда рядом нормальный спуск.

В самом деле, у стены был небольшой квадратный люк с лесенкой. Я все-таки опередил Витальку и торопливо спустил ноги на ступеньку.

Взрыв лесенку пощадил, и она даже не шаталась подо мной. Фонарик выхватил из тьмы половицы, и я смело прыгнул, хотя в животе у меня что-то ухнуло! Еще бы! Рядом чернел такой же провал, как на верхней площадке.

Виталька торопливо спустился за мной.

Здесь было все не так, как наверху. Глухо и таинственно. Только одно окошечко неясно светилось в толстенной стене. Отовсюду торчали треснувшие, поломанные и обугленные балки. Лучи наших фонариков заметались по этим балкам, кирпичным стенам, половицам, ступенькам. И вдруг…

Я не помню, кто из нас крикнул первый. Может быть, оба разом:

— Вот это да! Часы!

Точнее, это был механизм часов. Нагромождение зубчатых колес из темной, местами позеленевшей меди. Одни колеса — размером с таз, другие — с тарелку, третьи — с блюдце…

— Смотри-ка, а они целые, только останови-

лись, — сказал Виталька.

Сказал так, как говорят про большого доброго зверя: «Смотри-ка, он живой, только спит…»

— Наверно, тряхнуло взрывом, и что-нибудь отскочило, — заметил я.

— А что?

Мы внимательно и осторожно, как задремавшего слона, разглядывали старую медную машину.

Я неправильно сказал вначале: «Нагромождение колес». Это лишь в первый момент показалось, а на самом деле нагромождения не было. Была в механизме стройность и красота: зубчик к зубчику, валик к валику — все на месте, все точно.

Кажется, часы не пострадали от взрыва.

Дело вот в чем. На многих башнях циферблаты часов смотрят на четыре стороны. А на нашей колокольне был один циферблат — с запада. В давние времена монастырь построили к востоку от города и часы повернули к городу лицом: чтобы каждый мог их видеть. И чтобы на судах, идущих вверх по течению домой с дальнего моря, тоже издалека видели часы… Ну а раз циферблат один, то и механизм стоял не посреди башни, а в стене — в глубокой нише. И тяжелый колокол, когда летел вниз, пробивая этажи, не затронул

ни одну шестеренку.

— Давай залезем, — прошептал Виталька. — Поглядим хорошенько.

И стал пробираться к механизму.

Я — за ним.

Темный провал, как назло, в этом месте подходил к самой нише, и добраться туда можно было только по наклонной балке — пыльной и слегка обугленной.

Витальке-то что! У него штаны черные — сажу не заметишь. Он подобрал подол рубашки, сел на балку, будто на гимнастического коня, и, упираясь руками, добрался до ниши.

Я же — в новом голубом костюме — сесть не мог. А тут еще эти белые гольфы, черт бы их побрал. А что делать?

Замирая от ужаса, я встал на балку. Она была широкая и не качалась, но все равно... Сам не помню, как я прошел над жуткой черной дырой. Я знал, что эта глубина — до нижнего этажа колокольни. Метров сорок! Хорошо, когда под тобой ковер-самолет, а когда просто так, то ноги слабеют.

Чуть живой, прыгнул я рядом с Виталькой. Он смотрел на меня с уважением. Я сразу возгордился: хоть и с перепугу, но все равно совершил

геройство. А чтобы Виталька не подумал, будто хвастаюсь, я обыкновенным голосом спросил:

— Ну и что здесь интересного?

Мы очутились словно внутри великанских часов-ходиков. Медные шестерни и рычаги окружали нас, а прямо перед нами оказались два зубчатых вала. Через них перекинуты были могучие цепи. Они уходили вниз — сквозь отверстия в кирпичной кладке.

— Как брашпили у папы на «Тобольске», — прошептал Виталька.

И я тоже вспомнил якорные барабаны с цепями — они стояли на носу теплохода.

— А здесь они зачем?

— Как зачем? Гири!

— Одна цепь для гири. А другая?

— Другая, наверно, тоже для гири. Одна гиря для стрелок, другая для колоколов. Как в тети-Валиных часах для кукушки. Забыл, что ли?

Тьфу, какой я недогадливый…

Я представил, как в глубине башни дремлют на цепях могучие чугунные болванки — каждая по сто пудов. А если надоест им так просто висеть и они потянут цепь посильнее? Мне стало жутковато и весело.

— Виталька! — страшным шепотом сказал я. —

А вдруг эти часики ка-ак тикнут! А эти колесики ка-ак перемелют нас на пельмени…

— Не тикнут, — хладнокровно откликнулся Виталька. — Смотри, балка маятник держит.

Балка, по которой мы сюда забрались, острым обломанным концом влезла, оказывается, в нижнюю часть механизма. Она зацепила и наклонно держала железный брус. Под балкой, на конце бруса, виднелся медный диск, похожий на тарелку из духового оркестра. Маятник!

— Вот почему они остановились… — задумчиво сказал Виталька.

И мы разом глянули друг на друга.

Потому что разом пришла в наши головы мысль: если убрать балку…

— А как? — спросил я.

— Отпилить ножовкой.

— Где ножовка?

— Где! Дома, конечно!

— Значит, лететь еще раз?

Виталька пожал плечами. В самом деле, что мы, рассыплемся, если слетаем за ножовкой? Зато завтра утром проснутся люди — а над городом идут часы!

Виталька опять оседлал балку и, как лягушка, допрыгал до пола. Потом снял веревку — она

висела у него через плечо. Кинул мне конец.

— Обвяжись, а то вдруг загремишь…

Я послушался. Чего зря акробатничать?

Мы выбрались на верхний ярус и через арку, прямо с площадки, стартовали к дому.

Добрались мы быстро, потому что не любовались луной и огнями. В доме стояла тишина, тетя Валя спала. Осторожно, чтобы не загреметь, Виталька выволок ящик с инструментами, достал пилу.

— Тупая… Ну ничего. А который час?

Мы посмотрели на часы тети-Валиного дедушки. Было половина первого.

— Ого! — сказал Виталька. Снял часы с гвоздика, опустил в карман, а цепочку пристегнул к поясу.

— Зачем они нам?

— На тех часах сколько? — спросил Виталька.

— На тех? Без пяти час… Или без трех…

— Ну вот! По этим сверим и без трех минут пустим. Только надо успеть. А если не успеем, как стрелки будем переводить? Ты знаешь?

Я не знал. Вручную, конечно, такие махины не повернешь, в механизме мы не разбирались.

— Жмем! — скомандовал Виталька.

Обратный полет был стремительным, и нас крепко прохватило ветром. Зато колокольня

теперь показалась привычной и уютной.

Мы опять пробрались к механизму. Надо было спешить, и, забыв об аккуратности, мы бесстрашно собирали на коленки и локти старую сажу, паутину, известку, кирпичную пыль и медную зелень — слои, по которым было бы можно потом прочитать все наши приключения.

Виталька сказал, чтобы я держал его за рубаху, и взял ножовку.

Пила и правда была тупая, а дерево оказалось твердым. Виталька быстро взмок и стал говорить сердито и сипло. Я сменил его.

Дерево зажимало ножовку, приходилось дергать, и несколько раз я со злости сказал слова, от которых тетя Валя грохнулась бы в обморок. Виталька сочувственно сопел надо мной и время от времени напоминал:

— Шесть минут осталось… Три… Две минуты.

А я что? Разве я не работал? Я уже хотел сказать Витальке, чтобы он отправлялся в ту самую дыру, которая мрачно темнела под нами. В этот миг балка хрустнула! Тяжесть маятника надавила на почти отпиленный конец. Он отломился и с шумом полетел вниз, а там грохнул о плиты первого этажа. Гул пошел по башне.

Я отшатнулся, чтобы не загреметь вслед за

обрубком.

И тут что-то звонко стукнуло над нашими головами. И еще раз!

Дзынь-бух! Дзынь-бух!

И пошло!

Это маятник ушел в сторону и медным крючком зацепил колесико, похожее на подсолнух с острыми лепестками. А «подсолнух» повернул другую шестерню.

— Ура… Тикают… — шепотом сказал Виталька.

— Ура! — гаркнул я.

— Ура!! — заорали мы оба.

Мне очень хотелось написать, что, испуганные нашим криком, взлетели стаи птиц, но правда есть правда: никто не взлетел. Птицы почему-то здесь не селились. Только эхо пошло по башне. Ну и пусть! Мы сами были как птицы! Как летучие волшебники! Мы оживили старые часы, и они весело грохали медными колесами, словно говорили спасибо.

— Почти точно пошли, — сказал Виталька, вытянув часы из кармана. — Смотри, без пяти час.

Без пяти час! Середина ночи!

— Давай-ка домой, Виталька. Тетя Валя если проснется да узнает… будет нам «без пяти».

— Давай, — весело согласился он. — Мы свое

дело сделали.

Он хотел перебраться на балку и удивился:

— Эй, а ты чего меня держишь?

— Я?

— А кто? — Он хотел повернуться и не смог.

Я заглянул ему за спину.

Виталькина длинная рубашка попала в шестерни. Два зубчатых колеса, медленно поворачиваясь, «заглатывали» ее вышитый подол.

— Рубаха… — слабым шепотом сказал я.

Виталька оглянулся через плечо и понял. Дернулся.

Попробуй вырвись!

А колеса вращались не так уж медленно. Они все глубже затягивали острыми зубцами материю. Еще две-три минуты — и подберутся к самому Витальке.

— Ну сделай что-нибудь! — отчаянно сказал Виталька и опять дернулся. — Рубашка-то новая!

Он еще о рубашке думал!

Я перепугался по-настоящему. И впервые в жизни почувствовал, как от страха крупно дрожат ноги. Сильно-сильно, будто под полом работает большой мотор.

Нельзя трусить! Чтобы унять эту дрожь, я сердито переступил и почувствовал, как у правого

колена шевельнулась рукоятка ножа. Как я мог забыть про него!

Выхватив кинжал, я одним махом отсек кусок Виталькиного подола.

— Ты что, псих? — жалобно взвыл он.

— Сам ты псих! Смотри!

Виталька посмотрел, как лоскуток уходит под острые зубцы, и вытер локтем вспотевший лоб.

— Да… Откусили часики… Ну ладно, зато идут.

— Летим, — сказал я.

В это время где-то среди колоколов бухнул и раскатился поразительно громкий удар. Мы даже присели. Я выпустил нож, и он улетел вниз.

— Бьют, — радостно и торжественно сказал Виталька. — Ай да мы!

Дома наша радость поубавилась. Мы подсчитали потери и прикинули возможные неприятности.

Ссадины — это не в счет, заживут. А вот нож было жалко. Но и это не самое главное. Поглядев на себя, я крепко задумался. Стало ясно, что, если я срочно не займусь хорошей стиркой, завтра мне будет цирк… Костюм у меня чудом уцелел, но белые гольфы… Боже мой!

— Давай добывать горячую воду и таз, — отчаянно сказал я.

— Это что, это ерунда, — откликнулся Виталька. — А с рубахой как быть? Полподола отрубил…

— Елки-палки, — сочувственно сказал я.

Сзади на рубашке был выхвачен кусок, будто за Виталькой охотилась акула. Все-таки Витальк был крепкий человек. Он сначала помог мне согреть на плитке воду, а потом уже отдался своему горю.

— Может, зашить как-нибудь? — спрашивал он и сам безнадежно отвечал: — Фиг зашьешь.

— А если складку сзади сделать? — предложил я, бултыхая в тазу. — Знаешь, как у гимнастерок?

— Ага, складку! — язвительно откликнулся он. — Какой складкой закроешь такую дырищу? Не мог уж поменьше кусок оттяпать!

— Поменьше не мог, — уверенно объяснил я, выплескивая в окно воду. — Еще чуть-чуть, и тебя бы перемололо.

— Завтра тетя Валя меня и так перемелет не хуже часов, — обреченно сказал Витальк.

— Ну уж… Завтра утром что-нибудь придумаем.

Витальк вздохнул и развесил рубашку на спинке стула — так, чтобы не видно было отрезанного края.

Над городом разнесся удар часов: половина

второго.

Глава 13

Утром ничего мы не придумали. Проспали. Тетя Валя не достучалась в потолок и пришла наверх.

От ее голоса и шагов мы проснулись. Сразу все вспомнили. Виталька с размаху прыгнул в штаны, бодро крикнул «доброе утро» и постарался загородить стул с рубашкой.

— Доброе утро… Что же это вы так спите опять? — с легким подозрением спросила тетя Валя.

— Зачитались вчера. Про Тома Сойера, — торопливо сказал я.

Тетя Валя покачала головой. Это значило, что мальчикам не следует засиживаться за книжкой до ночной поры, даже если это очень интересная книжка, но что она, тетя Валя, ничего по этому поводу говорить не станет, так как надеется, что мы сами осознаем неправильность своего поведения и больше так поступать не будем.

— Умываться и завтракать, — сказала она.

— Есть умываться и завтракать! — чересчур усердно гаркнул Виталька.

Тетя Валя прижала кончики пальцев к вискам и заспешила вниз.

Виталька и я в это утро старались быть послушными и воспитанными. Но излишнее усердие к добру не приводит: Виталька, торопясь к завтраку, забыл вынуть из кармана часы. Карманы у него были протертые и ветхие. А часы тяжелые. Когда мы вышли к завтраку, они окончательно продавили карман и скользнули вниз. Повисли на пристегнутой к ремешку цепочке. Цепочка была длинная, а штаны короткие, и часы заболтались ниже колена.

— Виталик! — удивилась тетя Валя. — Зачем ты носишь с собой дедушкины часы? Да еще таким странным образом! Это хотя и старая, но ценная вещь.

Виталька путано забормотал, что это «просто так, на минуточку...». Вообще-то он был хитроумный человек, но врать тете Вале не умел и не любил.

Я понял, что надо спешить на помощь.

— Мы, тетя Валя, хотели их сверить с теми, что на колокольне! Знаете, ночью мы сидим и вдруг слышим — часы бьют. Стояли, стояли и вдруг пошли! Интересно, да?

— Интересно... — озадаченно согласилась тетя Валя. — Однако я не понимаю...

В это время через открытые окна долетел до нас

колокольный бой. Раз! Два! Три!.. Десять! (Ничего себе, поспали мы сегодня!)

— Удивительно, — сказала тетя Валя. — Я и не обратила внимания. Значит, городские часы отремонтированы…

— Мы хотели сбегать и проверить, — пробормотал Виталька. — Из окна-то не видно.

У тети Вали была, однако, привычка докапываться до самой сути.

— Зачем же вам видеть часы? Можно установить время по бою.

Виталька растерянно заморгал.

— А ведь бывает, что бой отстает, — вывернулся я. — Или наоборот. Как ваша кукушка. Время — еще без пяти минут, а она уже выпрыгивает.

Тетя Валя любила умные объяснения.

— Ну-ну, — сказала она. — Только сначала позавтракайте, а потом ступайте. И берегите часы.

На улице Виталька загрустил:

— Что с рубашкой-то делать?

Я не знал. Спросил нерешительно:

— Может, не очень заругает?

— При чем тут «заругает»? Выспрашивать начнет, что да как получилось! И узнает, где мы ночью были. По-моему, она и так уже про что-то догадалась.

— А если сказать, что просто зацепился и порвал?

— А кусок-то где? Его пришить можно было бы.

— Ну, потерялся. Ночью ведь…

— Вот именно! «А где же вы, голубчики, ночью гуляли?»

Я тоже загрустил. Виталька мрачно хмыкнул:

— «Порвал»! Видно ведь, что ножом отхвачено. Все равно докопается, я ей еще ни разу соврать не мог толком. А тебе, думаешь, она поверила про часы? Ха-ха…

— Давай, Виталька, признаемся, — сказал я.

Он покрутил головой и вздохнул:

— А ковер?

— Что ковер? Думаешь, отберет?

— Мы ведь обещали, что больше не будем с ковром приключений устраивать… Она не отберет, она добрая, сам знаешь. Только скажет, чтобы без ее присмотра никуда не летали. Потому что боится за нас. Или честное слово возьмет, что будем только во дворе летать. Вот тогда и покатайся!

Да, будущее нам казалось не очень радостным… Но день был солнечный, до вечера оставалась масса времени, и мы решили, что совсем падать духом пока не надо. А решив так, побежали к Ветерку. Ведь после нашего путешествия и при-

ключений в старом доме мы его и Ветку еще не видели.

Ветерок и Ветка сидели на крыльце и чинили велосипед. Рама и переднее колесо были порядком покорежены.

— Все-таки испытывали, — укоризненно сказал я.

Ветка и Ветерок нам обрадовались. И наперебой рассказывали, что их летучий велосипед удачно стартовал с бугра, но потом клюнул носом и врезался в кусты рябины. Ветерок после этого целый день хромал, а Ветка ходила с поцарапанным носом. Но это не беда, потому что они поняли, в чем ошибка. Они сделали крылья, но забыли про стабилизатор. В следующий раз не забудут.

Мы тоже рассказали о своих приключениях. Ветерок и Ветка огорчились, что их не было с нами, особенно на колокольне. Почему мы их не позвали?

— Дело было срочное, ночное, — объяснил Виталька. — Ничего, еще полетаем вместе… если все хорошо будет.

— Почему «если»? — встревожилась Ветка.

Виталька печально рассказал про рубашку.

Мы стали думать вчетвером, как помочь горю. Придумал Ветерок:

— А зачем тебе ее навыпуск носить! Спрячь подол в штаны, под ремень, даже лучше будет! В цирк сходишь и уберешь подальше. А потом видно будет.

Виталька поскреб ногтем переносицу и задумчиво сказал:

— Идея...

Но эта идея пришлась не по вкусу тете Вале. Когда мы собрались в цирк, она воскликнула:

— Виталий! Что за вид! На подоле такая прекрасная вышивка. Она сделана по народным мотивам.

— Ну их, эти мотивы, — отмахнулся Виталька. — Мне без них лучше.

— Ты просто ничего не понимаешь. Это очень красиво. Ты не видел себя со стороны.

Виталька пытался спорить, но тетя Валя сказала:

— Виталий, ты совершенно невозможный человек.

Виталька торопливо вытащил из-под ремня рубаху, опустил голову и заложил за спину ладони — чтобы прикрыть обглоданный подол. Он сделался похож на виноватую девочку. Мне стало жаль его.

— Я буду маскировать сзади, — прошептал я.

— Маскируй.

Мы двинулись в цирк, и тетя Валя по дороге несколько раз удивлялась, почему я не хочу идти рядом, а плетусь позади Витальки.

Все обошлось. Мы устроились на своих местах в четвертом ряду, Виталька прижался поясницей к спинке сиденья и понемногу успокоился.

Про представление рассказывать я не буду, это не относится к нашим приключениям. Скажу только, что в этот сезон выступал у нас Карандаш и было здорово. Мы с Виталькой так нахохотались, что забыли про опасность.

Но когда наступил антракт — вспомнили.

Тетя Валя сообщила, что останется на месте, а мы, если нам хочется, можем пойти в буфет за мороженым.

Нам хотелось. Виталька взял деньги и, пятясь, как французский придворный перед королевой, выбрался из ряда на лестницу. Я — за ним. После этого мы «стройной колонной» — я в затылок Витальке — направились в буфет.

В буфете была порядочная давка и очередь. Нас плотно стиснули со всех сторон, и можно было не бояться, что кто-то заметит обрезанный подол. Минут через десять мы пробились к продавцу, взяли три эскимо — по полторы штуки

на каждого — и выбрались из толпы. Помятые и взъерошенные.

В дальнем уголке мы уселись на корточки под шкафчиком с пожарным краном и не торопясь уплели все три порции.

Когда мы с сожалением облизывали голые палочки, кто-то незаметно подошел и встал сбоку от нас. Мы услышали вкрадчивый голос.

— Юноши, позвольте побеспокоить вас вопросом… — Рядом стоял темный крючконосый парень в узких сиреневых брючках, апельсиновых носках и цветной широченной рубахе с пальмами и мартышками — последний крик тогдашней моды, тоска и зависть всех пижонов.

Мы не любили стиляг. Мы поднялись. Виталька вздернул подол и независимо сунул руки в карманы. Я, за неимением карманов, по-наполеоновски сложил руки на груди, отставил ногу в скрипучей сандалии и спросил:

— А чего надо?

— Фу, какие невоспитанные дети, — добродушно сказал парень. И сразу посерьезнел. — Хорошо. Значит, шутки в сторону. Имею до вас деловой разговор. Хотите знать какой?

Мы хотели. Но не подали вида. Крючконосый снисходительно улыбнулся:

— Встречных вопросов нет? Тогда у меня вопрос. Пока единственный…

Он поочередно посверлил нас глазами и отчетливо произнес:

— Сеньоры, как вы проникли на колокольню?

Я до сих пор с гордостью вспоминаю, что мы с Виталькой не дрогнули, не моргнули. Но — ой-ей-ей! — как у меня все захолодело внутри! Виталька потом говорил, что у него тоже.

— Молчите? — сказал Крючконосый. — Хвалю. Сдержанность — качество мужчин. Однако, чтобы не осложнять отношения, призываю вас к полной откровенности. А чтобы не было неясностей, позвольте предъявить вам эту «квитанцию».

И он вытащил кусок Виталькиной рубахи.

Тот самый кусок! Помятый, со следами медной зелени, с вышивкой…

Мы смотрели на этот кусок, будто на дневник с записью: «Поведение — два!»

Крючконосый усмехнулся, перегнулся через Витальку, приподнял край рубахи и приложил к вырезу лоскут.

— Все в точку, — сказал он. — Так что же? Будем говорить?

Виталька переглотнул и сипловато, но храбро

произнес:

— А почему мы с вами обязаны говорить?

— А! — сказал Крючконосый. — Я забыл объяснить! Разговор-то у нас не простой. Служебный.

Он выхватил из кармана красное удостоверение и, не открывая, помахал им перед нашими носами.

Мы подавленно молчали. И вдруг прямо над нами загрохотал звонок. Мы вздрогнули.

— Ах, нервы-нервы, — сказал Крючконосый. — Наш беспокойный, суетливый век… Вы одни пришли в цирк?

— С тетей… — пробормотал Виталька.

— С тетей Валей, — сказал я.

— Не будем заставлять волноваться тетю, — решил Крючконосый. — Она ни в чем не повинна. Топайте к тете, а завтра увидимся. Здесь, у цирка, на скамейке слева от входа. В девять утра. Ясно?

— Ясно, — мрачно сказал Виталька.

Крючконосый тонко улыбнулся.

— Вот и хорошо. Сообразительный народ. Никому ни слова. Запомнили? И обратите внимание: как вас зовут и где живете, я не спрашиваю. Почему? Потому что доверяю. Ну а если не придете… Сами понимаете, у нас не столица, человека отыскать нетрудно. Поняли?

Мы поняли. Поэтому второе отделение с дрессировщицей Бугримовой и ее львами не доставило нам особой радости. И самое скверное было то, что при тете Вале мы не могли обсудить свалившуюся на нас беду. Сиди, молчи и мучайся…

По дороге домой мы тоже молчали. Тетя Валя заволновалась: здоровы ли мы. Я, не подумав, отговорился, что болят животы: наверно, от мороженого. Тетя Валя встревожилась еще пуще и сказала, что дома сделает грелки, если мы не боимся.

Виталька был погружен в размышления и забыл, что разговаривает с тетей Валей, а не со мной. Он рассеянно откликнулся:

— Чего бояться? Грелка — не клизма.

Тетя Валя охнула и заявила, что с Виталием творятся невообразимые вещи. Он стал невозможным человеком. Он позволяет себе такие выражения! Очевидно, приближается тот жуткий переходный возраст, которого страшатся все педагоги, и ей, тете Вале, придется пересмотреть свои воспитательные принципы.

Виталька торопливо сказал, что не надо пересматривать, что он просит прошения, а про клизму брякнул случайно.

Дома мы отказались от ужина и поскорее легли

в постели, заявив, что сон — лучшее лекарство.

Но было нам не до сна.

— Летали, летали и долетались… — сумрачно произнес Виталька. — Милиция — это не тетя Валя. Не отвертишься.

— А чего мы такого сделали? Нельзя, что ли, часы запустить? Это, наоборот, — польза для всех.

— Отберут ковер — тогда будет «польза»…

— А какое имеют право? Это наш ковер! Тетя Валя нам подарила, вот и все!

— Ну и что же, что подарила? А летать мы имеем право? До шестнадцати лет даже на мотоцикле нельзя, не то что по воздуху…

— А мы не скажем про ковер.

— А что скажем? Как забрались?

— Как-нибудь… Снизу. Может, в башне лестницы сохранились. А если нет, тогда без лестниц, с веревками. Это взрослым трудно, а мы легкие…

— А до лестницы как добрались? Дверь-то заперта.

— Ну… ключ нашли.

— Ага, «нашли»! Сразу спросят, где он, этот ключ.

— Скажем: потеряли.

— «Нашли, потеряли»… Думаешь, они дураки? Спросят, какой ключ был.

— Ну и пусть. Придумаем. Большой такой… Или…

— «Большой»! «Или»! Какой там замок на двери, знаешь? Не знаешь. Я тоже не знаю. Мы у двери-то и не были ни разу. Может, вообще замка нет, а просто дверь заколочена…

Виталька приподнялся на локте и решительно сказал:

— Надо лететь. Посмотрим, что там с дверью. — И грустно добавил: — Если врать, так уж надо, чтоб на правду походило.

Но мы не улетели. Тетя Валя долго не ложилась, ходила внизу, гремела посудой. Мы ждали, ждали и… разом заснули.

Глава 14

Хочешь не хочешь, а утром пришлось идти на свидание с Крючконосым.

Виталька шел и ворчал, что милиции, наверно, нечего делать, раз она занимается старой колокольней. Лучше бы ловили жуликов, которые недавно обокрали промтоварный магазин и два киоска на рынке. Весь город про это говорит, а милиционеры, видать, и не почешутся…

Часы на колокольне ударили девять раз, но теперь эти звуки нас не радовали.

— Интересно, а как милиция до механизма добралась? — спросил я.

— Может, никто и не добирался…

— А лоскуток?

Виталька сердито сказал:

— Что лоскуток? Наверно, проскочил шестерню, а потом спланировал через все дыры до самого низа… Не мог уж зацепиться где-нибудь…

Крючконосый ждал нас на скамейке. Рядом с ним был еще один парень. Тоже с длинным носом, но не с загнутым, а с прямым и очень тонким, будто его долго с двух сторон давили ладонями. Казалось, что этот нос просвечивает

на солнце. Волосы у парня были белобрысые, редкие, и сквозь них виднелась розовая кожа.

— Опаздываете, граждане, — упрекнул Крючконосый. — Нехорошо… Ну, время — деньги, терять его не будем. Садитесь и рассказывайте все начистоту. Откровенность — благородное качество.

И тогда Виталька сделал неожиданное. Он встал перед Крючконосым и храбро сказал:

— Если вы из милиции, то, пожалуйста, покажите еще раз ваше удостоверение.

Крючконосый растерянно мигнул. Его приятель вдруг порозовел, а тонкий нос его покрылся мелкими капельками.

— Ты это… кончай, — негромко потребовал Белобрысый.

А Крючконосый вдруг добродушно засмеялся:

— Опытный народ… Молодцы! Только мы не из милиции. Мы из городского музея. Знаете? Я — младший научный сотрудник, а Федя — слесарь и монтер. Технический специалист широкого профиля.

Специалист почему-то вздохнул и стер с носа капли.

У нас отлегло от сердца. Музей — это все же не милиция.

— Меня, между прочим, Эдиком звать, — сооб-

щил Крючконосый. — А вас?

Мы назвались.

— Дело-то вот какое, — объяснил Эдик. — Наш музей задумал отремонтировать колокольню и пустить часы. Сами понимаете — городская достопримечательность. А как внутрь попасть, никто не знает. Замок там старинный, ценный, ломать жалко. А ключ потерян… Пока думали-гадали, часы-то пошли! Думаем, кто их починил? Что за герой нашелся? И вдруг вчера смотрю — этот юноша в рубашке, от которой лоскуток.

— Если вы ни разу на колокольне не были, откуда у вас лоскуток? — перебил Виталька.

Эдик опять засмеялся, даже головой замотал.

— Ну, ты даешь! Прямо следователь по особо сложным делам! Кто сказал, что мы не были? Вот он побывал! — И Эдик посмотрел на молчаливого Федю. — Когда часы пошли, он по наружной стене до верха добрался. Федя у нас верхолаз и разрядник по альпинизму.

Не похож был хлипкий белобрысый Федя на разрядника по альпинизму, ну да кто его знает…

— А теперь, сеньоры, давайте к делу, — сказал Эдик. Обнял нас за плечи и посадил рядом с собой. — Ключ принесли?

— Какой ключ? — глупо спросил я.

— Тьфу ты! — слегка рассердился Эдик. — От колокольни, конечно. Или вы пальцем замок отпирали?

— Ключом, — торопливо сказал Виталька и посмотрел на меня. — Мы его в кладовке у тети Вали нашли. У нее там всяких старых вещей просто уйма.

— Ключик-то придется отдать, — сообщил Эдик. — Сами понимаете, колокольня — это филиал музея, мы за нее отвечаем. А если там лазать будут да шеи себе сломают… Ну ладно, вы не обижайтесь, главное не в этом. Ключ для пользы дела нужен. Во-первых, ремонт. Во-вторых, часы-то заводить надо. Сколько они еще протянут? Цепь кончится, поднимать гири некому. Так?

Это верно. Насчет цепей и гирь мы не подумали.

— Обидно, если часы остановятся… — задумчиво сказал Эдик.

А верхолаз Федя неожиданно добавил:

— Я это… больше не полезу. Чуть не загремел. И это… начальство ругается.

— Мы понимаем, — откликнулся Виталька. — Но ключа у нас нет. Потеряли.

Я испугался, что он запутается, и торопливо вмешался:

— Если по правде говорить, то даже не потеряли… Понимаете, там страшно было, в башне. Мы чуть не сорвались. И темно… Ну и… вдруг скелет пулеметчика где-нибудь… Мы часы пустили, а потом, когда внизу оказались, решили, что больше лазить никогда не будем. И ключ выбросили.

— Куда выбросили?

Виталька опередил меня:

— На улице, в траву куда-то.

— А может, найдете?

Виталька пожал плечами.

— Темно было. Ну, может, найдем. Хотя вряд ли…

— Вы постарайтесь, братцы, — почти жалобно попросил Эдик. — Сами понимаете, работа. Поищите не в службу, а в дружбу. Идет?

— Поищем, — сказал Виталька.

Я бросил на него сердитый взгляд.

— Если найдете, несите завтра сюда же, — сказал Эдик. — В это же время. Договорились?

Мы сказали, что договорились, и отправились домой.

— Здорово ты придумал про ключ, — с уважением сказал Виталька. — Правдоподобно. Я так врать никогда не научусь. Ты, наверно, писателем будешь.

Я ответил, что, во-первых, писатели не врут, а только фантазируют, а во-вторых, он, Виталька, дырявый мешок с опилками. Зачем сунулся? Надо было сказать, что бросили ключ в реку — тогда и дело с концом.

— А вдруг найдем ключ? — сказал Виталька.

Я даже остановился.

— Где? Если его не было!

— Ну, какой-нибудь ключ. Вдруг подойдет к замку?

— Зачем?

— А часы? Все люди уже говорят: хорошо, что отремонтировали. Если остановятся, хорошо будет?

Верно. Про часы я не подумал. Но где взять ключ?

— Сначала надо замок посмотреть, — объяснил Виталька. — По скважине можно определить, какой примерно ключ нужен.

— Правильно!

Дорога до монастыря была неблизкая, через весь город. Мы попробовали проехать на автобусе, но денег не было, и кондукторша турнула нас. Тогда мы выбрали самый короткий путь — берегом реки. Кое-где под сердитые вопли хозяек пришлось пересечь огороды, зато добрались

быстро.

Мощеный монастырский двор был прогрет солнцем и пуст. Между камней торчали высокие травинки, и на них качались коричневые бабочки. Среди облупленных куполов заколоченного собора лениво летали два голубя.

Широкая тень от колокольни лежала на булыжниках, и мы, укрываясь от солнца, пошли по этой тени, как по дороге. Прямо к двери.

Никого кругом не было. Мы раньше слышали, что в длинном монастырском здании расположены какие-то мастерские, но сейчас и оно выглядело пустым.

И все же оказалось, что мы не одни. Из-за угла дома вышла и направилась прямо к нам крупная собака. Серая и лохматая. Мы замерли. Кто знает, что у пса на уме?

Собака подошла, пристально посмотрела на нас, обнюхала Виталькины кеды и мои новые сандалии, потом зевнула и махнула хвостом. Отошла в сторонку.

— Вот умница. Понимает хороших людей, — сказал Виталька.

— А интересно, как там наша собака в лесном доме? — вспомнил я.

— Я тоже про нее часто думаю, — отозвался

Виталька. — Жалко ее…

Мы подошли к двери. Она оказалась сколоченной из крепких плах, а подвешена на могучих чугунных петлях. Замок тоже был могучий. Не висячий, а врезной. Железная шестиугольная пластинка с накладными узорами из меди, а посредине — скважина. Размером с мой мизинец.

— Ничего себе, какой ключик тут нужен, — со вздохом сказал Виталька.

Он пошарил в кармане, отыскал серебряную бумажку от эскимо, которое вчера мы ели в цирке, приложил к скважине и притер пальцем. На фольге остался отпечаток.

— Так легче будет ключ подбирать, — объяснил он.

— «Подбирать»! — хмыкнул я. — А где?

Снова подошла собака, села рядом и добродушно смотрела на нас. Будто интересовалась разговором.

Виталька открыл рот, чтобы сказать что-то. И в это время ударили часы! Бомм-бах! Бомм-бах! Десять раз…

Мы стояли и смотрели на циферблат, задрав головы. И собака смотрела. Часы… Собака… Ключ…

— Виталька! А помнишь часы в том доме?

— Ну…

— Что висело вместе с гирей?

Виталька поморгал, поскреб переносицу, будто хотел отскоблить веснушки, и радостно заорал:

— Ключ!

Нам опять повезло: тети Вали не было дома. Виталька написал на бумажной салфетке: «Тетя Валя, мы будем гулять до вечера, а пообедаем у Олега».

— Думаешь, поверит? — спросил я.

— А что делать? — И Виталька решительно надел записку на копье старинного чугунного рыцаря (под этим рыцарем тетя Валя хранила письма и разные квитанции).

Мы спешили, но на этот раз у нас хватило ума одеться поплотнее, чтобы не просвистело ветром при большой скорости.

— Лишь бы опять дождик не случился, — пробормотал я, влезая в старую школьную гимнастерку.

— Не случится, — уверенно откликнулся Виталька. — День хороший, и все хорошо будет. Ключ достанем, собаку навестим…

Не знаю, почему мы решили, что ключ из лесного дома подойдет к замку на дверях колокольни. В глубине души я понимал, что надежды нет. Или почти нет. Но вся эта история становилась

похожа на таинственную сказку, а кто откажется от сказки? К тому же, если есть ковер-самолет, почему не может быть других чудес?

И все же я бы подумал еще, лететь или не лететь, если бы не собака. Жаль ее, и нехорошо как-то: словно бросили…

Мы взяли для собаки три сырые котлеты из холодильника, свежую горбушку и пять кусков сахара.

Потом развернули ковер на крыше.

— Может, хвост прицепим? — предложил я. — Среди бела дня летим…

— Некогда, — сказал Виталька. — Лучше пойдем на бреющем по огородам, а потом — под обрыв.

Так мы и сделали. Пронеслись по переулкам вдоль заборов, потом — над грядками и плетнями, затем нырнули в тень речного обрыва, а оттуда — под мост. А из-под моста выскочили и, шелестя по верхушкам трав, помчались к лесной опушке.

Наверняка кое-кто нас заметил и оторопело глядел вслед, но мы уже знали, что это не опасно.

У леса мы поднялись над верхушками деревьев и взяли знакомый курс на геодезическую вышку.

Мы очень торопились, и встречный воздух буквально ревел вокруг нас. Чтобы уменьшить со-

противление, мы легли вдоль ковра и прижались к нему. Ветер прижимал к Виталькиной голове берет, а с меня пытался сдернуть школьную фуражку, но я опустил ремешок на подбородок.

И вот интересное ощущение: холодит тебя летящий навстречу воздух, а солнце горячит спины сквозь сукно, и поэтому все равно жарко…

Мы летели без остановок, напрямую, и путь оказался совсем не таким длинным, как в прошлый раз. Часа через полтора мы проскочили темное озеро и увидели крышу старого дома.

Мы опустились у крыльца. Дверь, как и раньше, была приоткрыта. Мы вошли. Не было у меня такой робости, как в прошлый раз, но легкое замирание я все-таки чувствовал. Солнце квадратами лежало на пыльном полу. Пол скрипел под нами. Мы остановились и прислушались. Кроме нашего дыхания — ни звука.

Виталька вдруг сказал:

— Часы стоят.

Мы бросились в маленькую комнату.

Часы и правда стояли. Цепь с гирей и ключом опустилась до самого пола. А на полу под часами лежала рыжая собака. Она уткнула морду в протянутые лапы. По ее загривку ползла желтая гусеница.

— Заснула, — прошептал Виталька. Потом чмокнул губами и сказал: — Эй, собака! Вставай. Мы пришли.

Собака не встала и не пошла к нам. Даже не шевельнулась. Тогда мы подошли сами. И сразу увидели, что не спит она. Глаза у нее были открытые и неподвижные.

— Бедная, — сказал Виталька. Сел на корточки и без всякой боязни погладил мертвого пса.

Я тоже провел ладошкой по рыжей свалявшейся шерсти и щелчком сбросил гусеницу. Собака была очень худая, и сквозь шкуру чувствовались твердые ребра.

И все же она умерла не от голода. Ведь жила же раньше столько времени одна. Умерла она от одиночества или от старости. А может быть, от того и от другого. Наверно, знала, что умирает, а уйти не хотела, потому что ждала кого-то. И часы не хотела бросать.

Я встал и взялся за цепь, чтобы подтянуть гирю. Пускай тикают на память о собаке.

— Не надо, — сказал Виталька.

— Почему?

— Ну… ведь это не наши часы. А ее…

Да, он правильно сказал. Не должны мы их трогать. Даже не имеем права. А наши часы — там,

над городом. Они не должны стоять.

Я опять сел на корточки и отцепил от гири тяжелый ключ. И подумал: ведь ключ висел для дополнительного веса, без него часы не смогли бы идти.

Я сказал об этом Витальке. Но он отмахнулся:

— Подумаешь! Камень бы подвесили. А теперь уж все равно… А что делать с собакой? Не бросать же так.

— Лопату надо, — сказал я.

Лопату мы нашли в кухне за печью. Она оказалась ржавая и тупая, но точить было нечем.

За домом, под кустом шиповника, мы стали рыть яму. Корни мешали, и земля была не очень мягкая. Но мы ни разу не пожаловались друг другу и по очереди молча ковыряли лопатой чернозем и глину.

Когда край ямы стал выше колен, Виталька сипло сказал:

— Хватит, наверно…

Мы нашли у дома несколько лопухов и застелили яму. Потом принесли и уложили собаку.

Надо было зарывать. Но я не хотел, чтобы глиняные крошки падали на открытые глаза собаки и запутывались в рыжей шерсти. А лопухов больше не было.

Я стащил через голову гимнастерку. Все равно она была старая — та, в которой я два года назад собирался «бежать в леса».

— Берись за ворот. Рванем, — сказал я Витальке.

Мы дернули, ворот разорвался до подола, и гимнастерка распахнулась, как пиджак. Мы укрыли ею собаку. Правда, хвост и лапы остались торчать из-под сукна, но тут уж ничего не поделаешь. Потом мы завалили яму.

— Где-то я видел фанерку… — сказал Виталька.

Он сходил в дом и принес фанерный прямоугольник, похожий на крышку от посылочного ящика. Потом достал карандашный огрызок — как все художники, Виталька всегда ходил с карандашом, на всякий случай.

Он почесал огрызком свою переносицу с пятью веснушками, посмотрел куда-то сквозь меня, наклонился над фанеркой и написал:

Здесь похоронена собака.

Он подумал и переправил маленькую букву «с» на большую.

— Раз у нее имени нет, пускай будет как имя. Правильно?

Я кивнул.

Виталька писал дальше. Прямыми крупными буквами. И вот что получилось:

Здесь похоронена Собака.
Она жила в этом доме.
Все ушли, а она жила.
Она заводила часы.

Виталька поставил точку и очень серьезно посмотрел на меня.

— Что еще написать?

— Ничего больше не надо.

Мы вытащили из трухлявой двери два гвоздя (они еле держались), нашли под крыльцом половинку кирпича. Этой половинкой мы прибили фанерку с надписью к черенку лопаты. Прибивали долго: фанера была крепкая, ржавые гвозди гнулись. Мы оба поотшибали кирпичом пальцы, посдирали кожу с костяшек — больно было до слез. Но все-таки мы приколотили фанеру. А лопату глубоко воткнули в насыпь и вокруг утрамбовали кулаками землю.

Глава 15

На обратном пути я невесело задумался и не сразу заметил, что летим не очень быстро. А когда заметил, хотел разогнать ковер-самолет. Но он слушался неохотно: видимо, Виталька прочно управлял им.

— Скорее, — сказал я. — Зря теряем время.

— Ты же раздетый. Тебя ветром просквозит…

— Не просквозит, воздух теплый. Давай…

— Ага, «давай»! — ворчливо откликнулся он. — Ты и так уже сипишь от простуды.

Но я сипло говорил не от простуды. У меня от слез в горле скребло. Витальку я не стеснялся и честно объяснил:

— Это потому, что зареветь хочется.

— Ну и пореви, — понимающе сказал Виталька.

У меня глаза уже были мокрые, но я сдержался и даже улыбнулся:

— Не буду. Ковер намокнет.

Я знал, что Виталька тоже улыбнулся, хотя и не видел его лица. Он сидел впереди, свесив ноги, а я лежал за ним и затылком упирался в его спину. Спина была худая, и даже сквозь тол-

стый свитер я чувствовал острые Виталькины позвонки. Густой лесной воздух обтекал меня, как река, и только по его движению можно было ощутить скорость. Белые июльские облака были надо мной неподвижны. Солнце зажигало у меня на мокрых ресницах радужные круги, и я часто моргал, чтобы не мешали смотреть на облака. Но скоро ветер высушил ресницы.

— Жалко собаку, да? — не обернувшись, сказал Виталька.

— Ага, — прошептал я.

Если разобраться, то велика ли беда? Ну, умерла собака. Старая, почти незнакомая. Чего тут горевать? Плакать можно, когда настоящее горе. А такое горе у меня было: когда в больнице сказали про отца…

Я тряхнул головой: улетайте прочь, все горькие мысли!

— Не дергайся, — сказал Виталька. — Ты мне затылком всю поясницу раздолбил.

— Бедная поясница, — вздохнул я и сел по-турецки. Положил перед собой ключ, который до этого не выпускал из ладоней.

Ключ был сантиметров двадцать длиной. Шестигранный, как у толстого карандаша, стержень, кольцо с завитушками, и бородка со сквозным

узором. И рыжие, как веснушки, пятна ржавчины.

Тяжелый ключ. Недаром его рядом с гирей повесили…

У измученной собаки, наверно, не хватило сил в последний раз подтянуть эту тяжесть — гирю и ключ. Собака легла под часами и не поднялась… А часы молчали… И сейчас молчат в совершенно пустом и никому не нужном доме.

Это плохо, если дом никому не нужен. Пока он был нужен собаке, это был все-таки дом, а сейчас неизвестно что…

И плохо, когда часы не идут, хотя могут идти…

Опять! Чтобы разогнать тоскливые мысли, я стукнул себя ключом по ноге. Виталька опять оглянулся.

— Дай-ка я его в карман суну. А то уронишь.

— У тебя карманы всю жизнь продырявленные, — сумрачно сказал я. Расстегнул пряжку и надел ключ на поясок. — Так надежнее.

— Ой, какие мы балбесы! — воскликнул Виталька. — Мы же не проверили!

Он вытащил серебряную бумажку с оттиском скважины.

Мы приложили конец ключа к отпечатку.

— Вроде бы подходит, а? — удивленным шепо-

том сказал Виталька.

— Ну и что? Это снаружи подходит. А думаешь, внутри повернется?

Ключ повернулся.

Самое удивительное, что повернулся без натуги и скрежета. Мягко и бесшумно, будто замок недавно смазывали.

Мы с Виталькой переглянулись — не обрадованно, а скорее с испугом. Потом взялись за медное кольцо на двери и потянули. Дверь отошла тяжело, но без задержки и скрипа.

Перед нами словно вздохнул проснувшийся великан — дверь была как темная пасть, и оттуда качнулся нам навстречу сумрачный влажный воздух.

Мы постояли на пороге. Потом я шепотом спросил:

— Ну, идем?

Виталька кивнул, оглянулся, погрозил кулаком Ветке и шагнул в полумрак. Я — за ним.

Ветка осталась в засаде, в лопухах и репейниках у монастырского дома.

Нам нужна была засада. Охрана. Потому что многое было непонятным и начинало казаться опасным. И вот из-за чего…

Накануне мы прилетели домой рано, без при-

ключений. Тетя Валя даже не начинала еще волноваться. Казалось бы, надо радоваться. Но Виталька ходил сумрачный. И сказал наконец:

— Не нравится мне это…

— Что?

— Да эти, из музея. Чего этот Федя все время бледнел и заикался? И не похож он на альпиниста.

Я обеспокоенно задумался. И правда не похож.

— У тебя пятнадчик есть? Для телефона, — сказал Виталька. (Не забывайте: деньги были не те, что сейчас, и в автомат требовалось опускать пятнадцать копеек.)

У меня, к счастью, нашлась в нагрудном карманчике монетка — сдача от вчерашнего эскимо.

Виталька, ничего не объясняя, повел меня на перекресток, там стояла телефонная будка. Он нажал кнопку спецвызова, набрал 09 и спокойно попросил:

— Пожалуйста, телефон городского музея… Спасибо.

Я всегда завидовал, как он умеет разговаривать по телефону. Сам я сразу робел и начинал сбиваться.

Виталька опустил монетку и завертел диск. Я начал догадываться.

— Думаешь, там еще работают? Уже восемь часов.

— Это музей, а не контора, — сказал Виталька.

И оказался прав: телефон ответил.

— Здравствуйте, — сказал Виталька голосом отличника-активиста. — С вами говорят из кружка юных краеведов. Скажите, пожалуйста, нельзя ли позвать к телефону младшего научного сотрудника… Простите, я не знаю фамилии, его зовут Эдик.

Виталька отодвинул от щеки трубку — так, чтобы я услышал ответ. В трубке задребезжал далекий голос, и мне сразу представился седой старичок в черной академической шапочке.

— Простите, молодой человек, но вы, очевидно, ошиблись. Сотрудника с таким именем у нас нет…

— Извините, он такой темноволосый, — заторопился Виталька. — И нос у него такой… с горбинкой…

— Нет-нет, — продребезжал телефон. — Вы заблуждаетесь. А из какой вы школы?

— Из десятой, — наобум брякнул Виталька и повесил трубку. Повернулся ко мне.

— А еще завидовал, что я вру хорошо, — поддел я. — У тебя не хуже получается.

— Есть у кого учиться, — нашелся он. И спросил: — Ну, что?

— Что?

— Не из музея эти… сыщики.

— Значит, все-таки из милиции, — уныло сказал я.

Виталька пожал плечами.

— Не знаю… Не похоже. Ключ им давать не надо. Надо сперва самим посмотреть, подходит ли. А если подходит, разведать, что там…

— Сейчас? — спросил я.

Мы виновато посмотрели друг на друга. Мы крепко устали после полета. Близился вечер, и сумерки старой колокольни нам не казались уютными. Кроме того, меня ждали дома дядя Сева и мама: я их не видел целых два дня!

— Завтра утром, — решил Виталька. — Пораньше, пока эти Эдики и Феди не пришли.

Рано утром я свистнул с улицы Витальке, и он выбрался ко мне через крышу. Я побренчал в кармане мелочью.

— Давай на автобус! Быстрей доберемся!

Виталька почесал переносицу. Предложил:

— Сначала забежим за Веткой.

— Зачем?

— На всякий случай. Чтобы на страже была.

— Тогда лучше Ветерок.

— Он без спросу не пойдет, а мать его не пустит, пока не заставит позавтракать. Да еще нас кормить начнут. Провозимся…

Это он правильно сказал.

Мы побежали к Ветке. Забрались в палисадник и глянули в окно. Ветка в синем купальнике делала зарядку. Это была не простая зарядка. Держась за спинку кровати, Ветка вставала на цыпочки и выполняла всякие балетные упражнения. Солнечные зайчики прыгали по Веткиным плечам и вспыхивали на никелированной кроватной спинке.

Виталька вздохнул и залюбовался. Я, по правде говоря, тоже загляделся: хорошо у нее получалось. Но я вспомнил о деле первым. Сердито пихнул Витальку локтем и стукнул костяшками пальцев по стеклу.

Ветка оглянулась, застеснялась, потом, видно, слегка рассердилась на нас. Подошла и распахнула окошко.

— Вам чего?

— Дело, — сказал Виталька.

— А Саня где?

— Саня, наверно, еще дрыхнет, — объяснил Виталька. — А ты собирайся. Дело нешуточное,

нам часовой нужен.

Ветка пожала плечами, но в одну секунду накинула платье и выпрыгнула к нам.

— Что за часовой? Что за дело?

— Мы и сами толком не знаем, — серьезно объяснил Виталька. — Ты, главное, сиди и карауль. Если надо, мы крикнем, что делать.

Ветка молодец. Она не стала приставать с расспросами, а сказала:

— Айда!

Мы побежали к автобусной остановке.

На улицах было пусто, свежо и солнечно. Ветер запутывал нам волосы и трепал короткое Веткино платьице, похожее на пеструю мальчишечью рубашку. У меня на поясе прыгал тяжелый ключ и колотил по бедру. Мы спешили навстречу приключениям.

Шагнув через порог колокольни, мы прикрыли за собой дверь: чтобы незаметно было, что она не заперта.

Огляделись.

В кирпичной толще на разной высоте были пробиты узкие оконца — как бойницы. Солнце ярко било в них, разрубая сумрак широкими плоскими лезвиями.

Пол был выложен гранитными плитами. В цен-

тре площадки плиты были треснувшие и сильно продавленные: на это место грохнулся колокол. Мы посмотрели вверх: пробитый потолок, поломанные балки. У стены — сложенная из кирпича лестница, ведет к люку.

— Полезли? — спросил Виталька.

— Ага.

Мы забрались на второй этаж.

Здесь, как и на первом этаже, светились оконца-щели. И так же пахло известкой, камнем и влажными кирпичами. Но не было такой тишины. Раздавался ритмичный стук, разбавленный тонким дребезжанием.

— Часы стучат, — прошептал Виталька. — Ой, Олега, смотри…

Я оглянулся. За спиной у нас была большая и глубокая ниша. В ней виднелось зубчатое колесо с метровым рычагом. Точнее, не колесо, а зубчатый барабан, который надет был на торчащую из стены ось. По обеим сторонам барабана протянулись мощные цепи. Это они тихо дребезжали от работы механизма.

Цепей было три. Они спускались из круглых отверстий в сводчатом потолке ниши и уходили в такие же отверстия в кирпичном полу. Только одна цепь не уходила — на ней висела ржавая

граненая гиря размером с большой молочный бидон.

— Смотри, — шепотом сказал Виталька, — движется…

Гиря тихо-тихо, но все же заметно для глаз ползла вниз. До кирпичного пола ей оставалось полметра. Видимо, это был конец ее пути. Скоро гиря стукнется о кирпич, и часы замрут.

Наверно, еще никогда гиря не касалась кирпича, иначе там остался бы след от такой тяжести. А следа не было.

Виталька хотел что-то сказать, но в этот миг вверху ударили часы: бомм-бах! Половина восьмого… Из пустой круглой дыры в своде ниши выползла наполовину и тихо закачалась еще одна гиря.

Я сразу понял, что она — от часовых колоколов. В тети-Валиных часах так же опускалась и покачивалась гиря, когда просыпалась кукушка.

— Не больше чем на два часа хватит, — сказал я.

Виталька решительно посмотрел на меня.

— Гири поднимают этой штукой. — Он кивнул на рычаг и барабан.

Я и сам догадался. Но как эта штука действует?

А Виталька уже понял как.

— Берись. Тяни ее на зубцы.

Мы не без труда откачнули в сторону одну цепь и надели на шипы барабана. Потом взялись за рукоятку на конце рычага.

— Поехали…

Это было похоже, будто мы из колодца вытягиваем воротом тяжелую бадью. Только вместо бадьи — гиря и ползет она не снизу — к нам, а от нас — вверх.

Башня заполнилась рокотом и лязгом. С цепи посыпались чешуйки ржавчины. Ее конец заскользил с барабана вниз, и стало слышно, как цепь со звоном укладывается на каменном полу подвала.

Гиря уползла в дыру на потолке.

— Ура… — выдохнул Виталька.

Чтобы вертеть рычаг, нам приходилось то вставать на цыпочки, то приседать до пола. Работка была нелегкая. Я машинально считал обороты и на десятом сказал:

— Фу… Отдохнем. А долго нам еще крутить?

Виталька прищуренно посмотрел на барабан.

— Если его вокруг измерить, около метра получится. Ага? А до часов сколько?

— Метров тридцать… Значит, еще двадцать раз надо крутнуть.

Ну что ж, мы вертели. Отдыхали и опять вертели. Подняли сначала гирю для стрелок, потом гирю для боя.

Выпрямились. Вытерли коричневыми от ржавчины ладонями мокрые лбы. Улыбнулись. Нам казалось, что часы теперь стучат по-иному — празднично и благодарно.

И вдруг в это медное стучанье вмешался другой звук. Кто-то скреб железом о железо. Внизу.

Мы не сразу поняли, что там такое. Но лязганье продолжалось, и скоро стало ясно: кто-то ковыряет в замке ключом. Не нашим ключом. Наш-то висел у меня на поясе.

Мы замерли на четвереньках у края провала.

Дверь наконец приоткрылась, впустив солнечный свет. И в этом свете мы узнали наших знакомых: крючконосого Эдика и белобрысого Федю-верхолаза.

— Не заперто, — зло сказал Эдик. — Тебе что, лень было ключ повернуть, идиот?

— Заткнись, — хмуро отозвался Федя. — Я поворачивал два раза, чуть пуп не сорвал. Кто-то был…

— Пацаны, — полушепотом сказал Эдик. И глянул наверх.

Я посмотрел на Витальку. Что делать? Может,

сразу сказать, что мы здесь? Теперь все равно не уйдешь…

Но Виталька смотрел не на меня. Куда-то мне за спину. И прижимал палец к губам.

Я оглянулся. И увидел то, что мы не заметили сразу, потому что заняты были часами. В другой стене тоже была ниша. А в ней друг на друге стояли фанерные ящики и лежали зашитые в мешковину тугие тюки.

Мы умели понимать друг друга без слов.

«Ясно, кто они такие?» — глазами спросил Виталька.

Я вспомнил разговоры про ограбленные магазины. Мне стало зябко и даже слегка затошнило. Я мигнул: «Ясно».

А те двое стояли и смотрели вверх.

Глава 16

Да, они стояли и смотрели вверх…

Надо признать: в сложных обстоятельствах Виталька вел себя умнее и храбрее, чем я. Оказалось, что и в этот раз мы думаем о разном.

Я думал, как бы унести ноги.

А Виталька — совсем о другом.

Он вдруг встал на краю провала и беззаботно, будто своим приятелям, крикнул:

— Здрасте! А мы уже здесь!

Крючконосый Эдик вздрогнул, зыркнул по сторонам, потом запоздало заулыбался. А Федя заморгал и сказал:

— Вы там это… чего?

— Часы заводили! — весело объяснял Виталька. — Ух и умаялись! Жалко, что вы поздно пришли…

Он дернул меня за воротник, чтобы я поднялся с четверенек. Пришлось встать.

— Ага! — с натянутой улыбкой воскликнул Эдик. — Ранние птички! Раньше нас прилетели! Ну, спускайтесь, поговорим.

— А зачем? — дерзко сказал Виталька. — У вас ведь ключ-то есть. Чего вы нам мозги пудрили?

Эдик вздохнул и опять деревянно посмеялся:

— Ну, вы лихой народ. Все замечаете, как разведчики. Ключ мы нашли. Сегодня утром в музейном подвале рылись — и повезло.

Виталька подбородком показал на Федю:

— А он чем вчера дверь запирал? Пальцем?

Эдик перестал смеяться. Негромко, но уже с угрозой он потребовал:

— Спускайтесь. Тогда и поговорим.

— Успеем, — дурашливо ответил Виталька. — Тут еще надо порядок навести: кто-то ваши ящики рассыпал.

— Кто рассыпал?! — заорал Федя и бросился к каменным ступеням.

Виталька дернул меня за локоть, и мы по шаткой деревянной лесенке взлетели на третий этаж.

Там Виталька опять подтащил меня к провалу.

Я чуть не плакал — не столько от страха, сколько от Виталькиной глупости.

— Зачем ты сказал про ящики? Теперь они нас не выпустят.

Виталька сердито и весело глянул на меня.

— А зачем нам выпускаться? Надо, чтобы их не выпустить! А то утекут, и не найдешь!

— А как… — начал я.

Но Виталька заглянул в дыру и довольно издевательски произнес:

— Напугались, бедненькие? Да не трогали, не трогали мы ваши товары. Пусть их милиция трогает.

Эдик и Федя яростно смотрели на нас. У Феди на прозрачном носу опять блестели капельки. У Эдика шевелились скулы.

— Гады, — хрипловато сказал Федя. — Настучать хотите? Я вам это сейчас... кишки на шею намотаю.

Мы не стали ждать, когда они доберутся до наших кишок, и снова бросились к лестнице. Здесь она была разбита. Сохранились только отдельные балки и верхние ступеньки. Виталька подпрыгнул, вцепился в перекладину и крикнул:

— Подсади!

Я ухватил его за ноги и изо всех сил толкнул вверх. Виталька подтянулся, сел на ступень и протянул мне руки:

— Давай!

Ух, как бухало у меня сердце! Мне показалось, что Эдик и Федя сию секунду ухватят меня за щиколотки. Отчаянно дрыгая ногами, я кое-как забрался к Витальке. Потом мы ухватились за кромку люка и оказались на четвертом этаже.

— Берись! — приказал Виталька и, нагнувшись над люком, ухватился за обугленный брус, на котором держались хлипкие ступени.

Я понял! Мы дружно расшатали балку, и она рухнула, чуть не придавив Эдика и Федю, которые лезли за нами.

— Ну, детки, это вам будет стоить дорого, — пообещал Эдик.

— Сколько? — бесстрашно спросил Виталька.

— Столько, сколько заработали… Слушайте, парни, спускайтесь сами, а то хуже будет.

— Зачем это нам спускаться? — спросил Виталька. — Мы высоту любим.

— Вы с этой высоты сейчас… Ни в одной мастерской не склеят…

— Сперва поймайте!

Эдик и Федя стали прислонять к стене балку, чтобы по ней добраться до нас.

— Так-так, — сказал Виталька. — Работайте. Привыкайте. Там, куда вас посадят, все равно придется работать.

Федя коротко всхлипнул и поглядел на нас так, что у меня зубы застучали.

— Не трусь, — сказал Виталька.

— Вовсе не трушу, — из последних сил сказал я.

А на самом деле трусил так, как никогда в жизни.

Я не мог понять, чего хочет Виталька. Зачем он дразнит этих бандитов? Куда мы денемся? Может, он забыл, что у нас нет с собой ковра-самолета?

Эти мысли прыгали у меня в голове без всякого порядка. Да и какая разница теперь? Вниз все равно не пробьешься. Сейчас — только вверх и вверх, чтобы не попасть в лапы к разъяренным жуликам.

Сопя и ругаясь, Эдик и Федя стали карабкаться к нам по балке.

— Молодцы, — сказал Виталька. — Физкультура полезна всем. Эдик, не наступи Феде на нос, а то он станет совсем прозрачный.

— Давай толкнем балку, — торопливо предложил я.

— Успеется, — сказал Виталька шепотом. — Надо, чтобы им потом спускаться было трудно. Айда наверх!

Мы стали забираться на пятый ярус. Здесь лестницы совсем не было. По правде говоря, я не помню, как мы лезли. По каким-то брусьям, кирпичным выступам и доскам, от которых отскакивали обугленные щепки. Виталька сначала подталкивал меня, а потом оказался впереди и

выволок меня в люк за шиворот.

Над нами, на шестом этаже, гулко стучал механизм часов. Туда вели крепкие ступени, только самый низ лестницы был разломан и не доставал до пола.

Мы забрались на лестницу.

— Держи меня крепче, — велел Виталька и лег животом на ступень. А ногами крепко ударил в пол. Разрушенные доски и балки закачались, затрещали. Виталька ударил еще раз. Остатки пола крякнули и стали проседать — видимо, они едва держались. Потом раздался треск, и старое дерево посыпалось вниз.

Оттуда послышались вопли и слова, которые трудно передать.

— Хорошо, — с чувством произнес Виталька.

— Что хорошего-то? — чуть не плача, сказал я. — А мы как спустимся?

— Как-нибудь спустимся. Нам пока наверх надо. Пошли!

Мы без остановки проскочили этаж с механизмом и выбрались на площадку с колоколами.

Солнце и синий воздух кругом! И облака, и зеленая земля, и река! Неужели внизу копошатся какие-то бандиты? Неужели здесь, при ярком радостном свете, с нами может случиться что-то

плохое?

Виталька торопливо расстегнул на мне ремешок и сдернул ключ. Потом подскочил к перилам и перегнулся через них.

— Ветка-а!

— Верно, ведь там Ветка! А я и забыл с перепугу!

Я видел с высоты, как замелькало на монастырском дворе пестрое Веткино платьице. Она выскочила из лопухов и остановилась, задрав голову.

— Слу-шай! — громко и отчетливо прокричал Виталька. — Лови ключ! Запри дверь! Обязательно запри дверь! И беги в милицию! В колокольне жулики!

Ключ, посвистывая, ушел вниз и звонко запрыгал на камнях. Ветка схватила его.

Внизу под нами раздалась ругань, загремели доски. Видно, преследователи остались целы и, услышав про милицию, торопились вниз, к двери.

— Запирай скорей! — заорал Виталька. — Не спрашивай ничего, запирай!

Мы оба перегнулись вниз до отказа, но трудно было понять, справилась ли Ветка с дверью.

Внизу что-то грохотало и сыпалось, а что делает

Ветка, мы даже не видели — она была скрыта дверной нишей. Кажется, сто лет прошло! И наконец она выскочила на солнце, замахала ключом:

— Го-то-во!

— Беги в милицию! — крикнул Виталька.

— А вы?!

— Мы продержимся! К нам они не доберутся!

Я не знаю, что там думала Ветка и какие переживания отражались у нее на лице — с высоты не разглядишь. Но она без лишних слов рванула с места и помчалась к монастырским воротам. До нас пулеметным стуком долетело щелканье ее подошв.

Внизу раздались гулкие удары. Это Эдик и Федя лупили по двери.

Мы легли на пол и заглянули в провал. После яркого солнца ничего нельзя было разглядеть в темной глубине. Но удары не смолкали, и слышались голоса:

— Открывайте! Гады! Хуже будет!

Я усмехнулся. Страх ушел, и я был уверен, что хуже не будет. Что они сделают? Сюда не доберутся, потому что мы поломали перекрытия. А если бы и добрались, разве посмели бы нас тронуть? Им тогда еще больше достанется! А сбежать им некуда: такую дверь только из пушки можно

разбить. Виталька здорово все рассчитал!

Я весело поглядел на него. Виталька улыбался. Его веснушки на переносице сияли, как начищенная медь. Правда, на той же переносице была ссадина, на щеках сажа, а на рубашке — дыры, сквозь которые проглядывало поцарапанное пузо.

— Хорош! — сказал я.

— Ты тоже ничего, — радостно сообщил он. — Тетя Валя нам даст!

Я сел на краю провала, бесстрашно опустил в него ноги и засвистел песенку мальчика Дэви из фильма «Последний дюйм»:

В далекой северной стране,
Где долгий зимний день,
В холодной плещется волне
Ма-
лень-
кий
тю-
лень!

— Свистите? — громко донеслось снизу. — Ну, обождите, паразиты!

Мне снова стало нехорошо от страха. А Виталь-

ка деловито заметил:

— Кажись, опять сюда собираются…

Он подошел к перилам, ухватился за балясину и пошатал ее. Балясина была, видно, гнилая. Она поддалась и затрещала.

— Помоги, — сказал Виталька.

Я торопливо помог, и мы выдернули из гнезд точеный столб, который был мне по плечо. Потом выдернули еще два. А больше не смогли.

Виталька взвесил балясину в руках и задумчиво произнес:

— Ничего дубинушка.

Снизу донеслись приглушенные голоса и сопение. Мы опять заглянули в провал. На четвертом этаже Федя и Эдик мастерили из упавших балок лестницу.

Эдик поднял лицо. На него упал из бойницы луч, и мне стало совсем не по себе. Страшное было лицо, что и говорить.

— Ну, детки, вам не жить. Салатик будем делать, — хрипло сказал он. И я увидел у него длинный тонкий нож. Мой нож! Тот, что я уронил в провал ночью.

Виталька впервые взглянул на меня с открытой тревогой. Дело было скверное. Видно, жулики дошли до такого отчаяния, что им на все теперь

наплевать.

Самое было время зареветь во весь голос от страха. До сих пор горжусь, что не заревел. И Виталька тоже. Он вскочил, схватил балясину и, как торпеду, пустил ее в жуликов.

«Торпеда» не зацепила Эдика и Федю. Она отскочила от балки и с грохотом полетела вниз.

Они даже не посмотрели на нас. Молча продолжали карабкаться. Я взял вторую балясину.

— Подожди. Экономь снаряды, — серьезно сказал Виталька.

Мы сделали ошибку. Надо было спуститься на пятый этаж и отбиваться от врагов, пока они ползут по балкам и едва держатся. А мы остались на верхнем ярусе. Мы ждали, что вот-вот, как в хорошем фильме, ворвется на монастырский двор синий милицейский фургон.

Но там было пусто и тихо. Лишь на окрестных улицах мелькали крошечные фигурки пешеходов. Не докричишься, не позовешь на помощь…

Сколько прошло времени? Совершенно не представляю. Наверно, немного, потому что с тех пор, как в башне появились наши враги, ни разу не били часы. Но нам казалось, что мы здесь целый день.

Эдик и Федя выбрались на пятый этаж, и мы по-

теряли их из виду под грудой рухнувших брусьев и половиц. Только было слышно, как они шепотом ругаются.

Этот шепот наводил на меня ужас.

Наконец белобрысая Федина голова показалась над краем люка. Я метнул в нее свою «торпеду». Федя завопил и пропал, внизу что-то загремело.

— Хорошая будет шишка! — восторженно заметил Виталька.

Но тут же нам стало не до веселья: сквозь доски яростно протолкался в люк Эдик. Исцарапанный, оборванный, злой до беспамятства. С моим ножом в кулаке.

Теперь между нами был только один этаж и крепкая лестница — такую не разломаешь.

Виталька встал над люком, расставив ноги, и поднял свою балясину. Тонко сказал:

— Попробуй сунься, бандюга…

Я оглянулся в поисках оружия. Палку бы или камень… Ничего нет! А внизу по-прежнему пусто!

А если закричать изо всех сил, может, услышат?

Но, несмотря на опасность, кричать я почему-то не мог. Не мог заставить себя заорать над всем городом «помогите»!

А если ударить в колокол? Я вскочил на перила

и хотел дотянуться до колокола, который висел в арочном проеме. Это был самый большой из тех, что сохранились. Громадный! И звон у него, конечно, могучий…

Но как дотянешься? В проушину чугунного языка была вплетена толстая веревка, но от нее остался лишь гнилой обрывок. А до обрывка — метра два пустоты.

Я балансировал на перилах, держась за кирпичный выступ. И вдруг кирпич шевельнулся у меня под пальцами. Видно, выступ сорок лет назад расшатало взрывом.

Я испугался, что потеряю равновесие, и прыгнул на пол. Кирпич свалился к моим ногам и распался на три куска.

Я схватил обломок!

Размахнулся и пустил его в край колокола! Изо всех сил! Дон-н!..

И еще раз!

Дон-н!..

Уши заложило. Я видел, что Виталька что-то говорит мне, но не понимал. Удары прозвучали так, что казалось, будто колокол упал и накрыл меня своим гудящим куполом. Я присел, помотал головой, нащупал на полу третий кусок…

Дон-н-н!..

Нужны были еще камни! Я опять прыгнул на перила и, срывая ногти, стал взламывать кирпич. Тот не поддавался. Пальцы сорвались, и я чуть-чуть не полетел с колокольни. Мучительным напряжением мускулов я восстановил равновесие и выровнялся. С отчаянием посмотрел вниз…

Снизу поднимался к нам ковер-самолет. А на ковре бесстрашно стоял Санька Ветерок, и его зеленая рубашка трепетала на ветру.

— Виталька! Ковер! — заорал я, не слыша себя.

Ковер-самолет с Ветерком повис на уровне перил.

Виталька оглянулся и просиял. Потом швырнул в люк свое оружие, почему-то захохотал и кинулся к нам.

Мы стремительно спустились вдоль колокольни к самой земле, пронеслись над булыжниками двора, перемахнули через стену, скользнули под обрыв и там приземлились на уступе, укрытом со всех сторон высокой полынью и бурьяном.

У меня в ушах еще не утих гул, и я не сразу понял, что говорит Ветерок. Он говорил возбужденно и быстро:

— …на стекло наступила и хромает… И говорит: «Беги в милицию!» А я подумал: вдруг эти вас там схватят? И скорей за ковром!

— Значит, у тебя получилось! — радостно сказал Виталька.

Ветерок заулыбался.

— Я и не думал, получится или нет. Надо же было выручать. Я через крышу к вам на вышку забрался, вытащил, расстелил и как крикну: «Вперед!» И будто сам полетел, без ковра даже… А потом смотрю — он подо мной.

— Кто-нибудь видел? — спросил Виталька.

Ветерок покачал головой.

— Я же не прямо. Я сперва к реке и вдоль обрыва. Я же понимаю.

— Что ты понимаешь! — сказал Виталька. — Ничего ты не понимаешь! Какой ты замечательный человек, ты нисколечко не понимаешь!

Он облапил Ветерка за плечи и, радостно хохоча, повалил на ковер. Я тоже захохотал и повалился на них, и получилась куча-мала. И так мы вопили от счастья и барахтались, пока не съехали с ковра в бурьян. Тогда мы успокоились и притихли. И вспомнили, что у Ветки порезана нога.

— Сильно порезала? — спросил Виталька.

— Не очень, — сказал Ветерок. — Просто бегать быстро не может… Что это? Вон там, наверху. Слышите?

Наверху нарастали гудки и сирены. К башне мчались автомобили.

Глава 17

Мы так и не узнали точно, что стало с Эдиком и Федей. По городу расползались фантастические слухи. Кто-то говорил даже, что на колокольне свила гнездо целая банда, у которой хранились громадные запасы золота и оружия. Многие утверждали, что была перестрелка между бандитами и милиционерами. Бабки шептали, что большой колокол ударил сам собой, чтобы люди наконец вспомнили про грехи, а заодно изловили воров на колокольне.

Виталька, Ветка, Ветерок и я слушали эти сказки и украдкой хохотали. Правда, порой нам делалось страшновато: вдруг узнают про ковер-самолет? Но никто не узнал.

Хорошо, что тетя Валя и мама не любили слухов и сплетен. А то бы они быстренько догадались, что на колокольне без нас не обошлось.

А Эдика и Федю нам было даже чуточку жаль. Мы представляли, как они в милиции рассказывают про двух мальчишек, забравшихся к самым колоколам и пропавших неизвестно куда. А им никто не верит! Обидно, когда говоришь правду, а тебе не верят.

Прошло несколько дней, и слухи стали утихать, город постепенно забывал таинственную историю. А часы шли…

После приключений на колокольне мы долгое время не летали: пошли дожди. Сначала это были теплые дождики — от них поднимался пар над булыжными мостовыми, а по лужам весело прыгали всплески, похожие на маленькие стеклянные короны. Потом дожди стали монотонными, лужи потемнели, и на них стали появляться пузыри — словно всплывали со дна электрические лампочки. Это означало, что ненастье затягивается.

Мы не очень скучали. Снова развернули в боевой порядок свои картонные армии и устраивали такие бои, что тети-Валина люстра бренчала всеми подвесками. Несмотря на ковер.

Прибегали мокрые веселые Ветерок и Ветка и тоже включались в наши сражения.

Потом Ветерок притащил книгу «Три мушкетера». Книга была новая, корочки ее негромко хрустели и пахли клеем и коленкором. На них блестел позолоченный узор и темнели скрещенные шпаги. А внутри книги таились такие приключения, что мы по нескольку часов не могли оторваться. Усядемся в кружок на ковре,

будто кочевники на кошме, и читаем по очереди, позабыв про все на свете. Однажды после такого чтения попробовал я быстро встать — и бухнулся на пол: ноги затекли, а я и не заметил.

По вечерам Виталька рисовал картину из мушкетерской жизни. На картине были темные дома с желтыми окошками, большая луна, горбатый мостик и всадники в шляпах с летящими по ветру перьями. Лошади у Витальки не очень получались — они были похожи на больших собак. А все остальное выходило здорово.

Я выстругивал из досок тонкие мушкетерские шпаги и приделывал к рукояткам щитки из консервных банок.

А ковер-самолет мирно дремал на полу между нашими топчанами — будто простой ковер.

К середине августа дожди стихли, но тепло не наступало. Было солнечно и ветрено. С севера бежали небольшие темные облака с золотистыми косматыми краями. Это было красиво, но в такое холодное небо лететь не хотелось.

Лишь в самом конце месяца вернулось лето — с безветренным теплом, с плывущими по воздуху пушистыми семенами и паутинками, с запахом перезревших трав. Эти дни совпали с первыми школьными заботами.

Тридцать первого августа у нас в школе было собрание. Нас построили во дворе по классам, и завуч Вера Северьяновна сказала с крыльца речь. Она сообщила, что в этом году мы должны особенно хорошо учиться. Так она говорила в начале каждого учебного года. Всем было непонятно, почему всякий наступающий учебный год она объявляет особенным и почему в прошлом году можно было учиться хуже, чем сейчас. Однако никто Веру Северьяновну об этом не спрашивал. Опасались.

Нельзя сказать, что Вера Северьяновна была очень сердитая. Но она все время казалась недовольной. Большая, грузная, с белой прической (не седой, а просто белой), в пуховой шали на плечах, она двигалась по коридорам, как большая снежная баба, и ловила нарушителей. Любого школьника она считала нарушителем. Ей казалось, что если человек еще ничего не натворил, то все равно натворит, а если пока не получил двойку, то обязательно получит. Нарушителей она ставила на всю перемену у стенки, а «особо опасных» уводила в кабинет, уныло ругала там и вызывала родителей.

Зато с учителями нам повезло. Начальных классов тогда было не три, а четыре, и меня

по-прежнему учила Мария Васильевна. Она с первого класса с нами возилась, и, по-моему, добрее ее не было на свете учительницы. А у Витальки были теперь разные учителя, и самая главная из них — классная руководительница. Молодая, веселая, похожая на вожатую из пионерского лагеря. Она преподавала историю и рисование. Виталька с первого дня в нее просто влюбился. Из-за этого у нас и получилась неприятность. Но это потом. А первые дни сентября были счастливыми.

Уроки кончались быстро, на дом задавали немного, на дворе по-прежнему стояло лето. Правда, светлые ночи кончились, и к девяти часам вечера уже становилось темно. Однако это были уютные добрые сумерки. Потом над крышами всплывала круглая луна.

Мы летали в зеленых от луны воздушных слоях, и летучие семена, похожие на пушистых насекомых, щекотали нам лица.

Мама знала про ковер-самолет. Не знаю, как она проведала о наших приключениях, но однажды спросила:

— На чем это вы летаете?

Пришлось признаться и показать ковер-самолет. Мама вздохнула и покачала головой. Я стал

ее успокаивать и говорить, что это ни капельки не опасно. А мама сказала:

— Меня не опасности огорчают, а то, что ты стал такой… неоткровенный. Не мог мне рассказать… Не хотел, да?

— Ну… я думал, что тетя Валя тебе говорила, — попробовал я выкрутиться.

— Тетя Валя… — усмехнулась мама. — Вот и грустно, что про своего сына я все от других узнаю.

— Мам, я больше не буду, — сказал я уже не для выкручивания, а искренне.

— Ладно уж… Только шеи себе не сломайте, летуны.

Подошел дядя Сева и заметил, что в детстве летают многие, а шеи никто не ломает. Пусть мама не тревожится…

Теперь мы не очень прятали ковер-самолет. Многие про него уже знали. По крайней мере, мальчишки. Они приходили к нам, даже незнакомые, оглядывались и шепотом просили покатать. Они клялись молчать всю жизнь. И правда, ни один не нарушил клятву.

Иногда мы по вечерам устраивали катания с речного обрыва. Сажали на ковер человек семь и бросались на нем с берега. Ковер со свистом шел

вниз, шелестя по верхушкам зарослей. Лунный искрящийся воздух летел навстречу. Друзья вопили от страха и восторга. Пересыпанная зелеными бликами река стремительно двигалась на нас.

Над самой водой мы выравнивали полет, разворачивались и садились на песчаной прибрежной полосе.

Вверх столько пассажиров ковер-самолет не тянул. Они карабкались на откос по заросшим тропинкам, но никто не обижался. Это было похоже на катание со снежных гор. Только вместо зимы обнимал нас теплый вечер, полный густой зелени, лунных облаков и смеха товарищей.

А через несколько дней случилась беда. Витальку сломал ногу. Не из-за ковра-самолета, совсем по-дурацки. Ступня у него попала в широкую щель деревянного тротуара.

Виталькину ступню заделали в гипс на три недели. Это не мешало летать, но в школу он ходить не мог. Два дня Виталька не горевал, но потом сообразил, что в субботу урок рисования, и очень расстроился. Он вспомнил, что обещал показать учительнице свои картины.

Он так ворчал и капризничал, что я не выдержал:

— Ты как маленький! Не можешь потерпеть!

— Да, не могу! Я по ней соскучился! — дерзко сказал Виталька.

Я проникся уважением к его чувствам и пошел к своему соседу, девятикласснику Климу. Клим был лихой наездник-велосипедист и целыми днями не слезал с седла. Я объяснил ему, что Веткин велосипед после очередного летательного испытания чинится, а Витальку надо везти в школу и после уроков привезти обратно. Клим отговорился тем, что у его велосипеда слабые шины и не вынесут перегрузки. Я напомнил, что свою одноклассницу Галку он возит на раме, не боясь перегрузок. Клим без всякого смущения объяснил, что Галку он не возит, а носит на крыльях любви. Он разговаривал со мной, как с маленьким, и я разозлился. Я заметил, что такую тетю, как Галка, не выдержат никакие крылья.

Это слегка обострило наши с Климом отношения, и я торопливо вернулся к Витальке.

Мы думали-думали и решили рискнуть.

Рано утром я отвез Витальку к школе и высадил прямо в окно его класса на втором этаже. А после уроков забрал его и умчал домой.

Утром нас никто не видел, но днем мы улетали под радостные и завистливые крики множества зрителей.

А в понедельник на первом уроке Мария Васильевна спросила:

— Олег, давно уже про тебя всякие сказки рассказывают. Это правда? Ты в самом деле на чем-то летаешь? Как это?

— Обыкновенный ковер-самолет, — сказал я. — Ничего особенного. Мы с Городецким сперва тоже удивлялись, а потом привыкли.

— Кто бы мог подумать! — сказала Мария Васильевна.

Она удивилась, но не очень. За три года мы удивляли ее разными штуками столько раз, что она ко всему привыкла.

— Вы мне покажете ваш ковер-самолет? — спросила она.

— Пожалуйста! Даже покатать можем.

Класс развеселился.

— Тихо, дети, тихо, — сказала Мария Васильевна. Потому что чудеса чудесами, а дисциплина прежде всего.

После этого разговора я стал думать, что все обошлось. И ошибся.

Был уже почти вечер. Я у себя во дворе ждал, когда прибегут Ветерок и Ветка, чтобы идти к Витальке. А пока их не было, я воевал с крапивой. Это были гвардейцы кардинала Ришелье. Мы дра-

лись честно, на равных: у меня была новенькая деревянная шпага, у «гвардейцев» — ядовитые жала и кусачие листья, похожие на зеленые ладони. Руки и ноги у меня были красными от жгучих укусов, а клинок зелен от вражеской «крови».

Сквозь плотный строй врагов я прорубился к кардинальскому капитану — самому высокому кусту с седой от старости верхушкой.

— Эй, вояка! Шагай сюда! — услышал я.

В калитке стояли Клим и Галка.

— Чего надо?

— Нам ничего, — ехидно сказал Клим. — А вот завучу надо чего-то. Велела тебя доставить живого или мертвого. И сию минуту.

Видно было, что он не врет.

От ожидания неприятностей мне стало грустно и тревожно. Конечно, я не подал вида. Воткнул клинок в землю и храбро зашагал к калитке. Даже заметил вскользь, что уроки кончились и завуч могла бы человека не беспокоить, когда он занят своими делами.

Галка посмотрела на меня сочувственно. А Клим хмыкнул:

— Ничего. Подождет твой сенокос.

Он посадил Галку на раму, мне велел сесть на багажник, и мы покатили к школе.

Чем ближе мы подъезжали, тем сильнее я нервничал.

— Сиди, не брыкайся, — сказал Клим. — Что она, съест тебя, что ли?

Съест не съест, а хорошего я тоже не ждал. Но не убегать же, в самом деле.

Клим и Галка доставили меня в школьный вестибюль. Клим сказал:

— Ну, шагай. Знаешь небось, где ее кабинет.

Разумеется, я знал. Приходилось бывать. Не по своей воле, конечно.

На лестнице я почувствовал себя неуютно. И не только потому, что боялся неприятностей. В школу я всегда приходил в форме — упакованный в серое сукно от шеи до ботинок, а сейчас меня «взяли» прямо на улице, будто перенесли сюда на машине времени из каникул. Растрепанный, исцарапанный, в шелушащихся пятнах загара, я совершенно не подходил школе — ее строгим стенам, плакатам, портретам Гоголя и Пушкина и большим «Правилам для учащихся» в такой же, как у портретов, раме. О ненавистной жесткой гимнастерке и кусачих штанах до пят я сейчас вспоминал, как о надежной броне. Будто эта броня могла защитить меня от колючих глаз Веры Северьяновны, от ее гнева и вообще от

всяких бед.

Увы, от всей формы на мне был только черный лаковый ремень с латунной пряжкой, а за ремнем легкомысленно торчал деревянный кинжал. Разве такой кинжал — защита от бед? И я чувствовал себя так, будто меня в летней моей одежонке выставили в нетопленые зимние сени.

С нехорошим холодком в животе я постучал в дверь кабинета. Голос Веры Северьяновны сказал «войдите», и я — что делать! — вошел. Пробормотал:

— Здрасте…

Вера Северьяновна сидела за громадным своим столом. Она отражалась в настольном стекле, как айсберг в квадратной полынье. Сбоку у стола сидел незнакомый мужчина — в очках и с бородкой. Он смотрел на меня нормально, по-доброму. А Вера Северьяновна — как на виноватого.

— Подойди, — сказала Вера Северьяновна.

Я дошел до середины комнаты, а дальше как-то не получилось.

— Ну вот. Этот самый, — сказала Вера Северьяновна мужчине и снова стала смотреть на меня. Словно хотела сказать: «Полюбуйтесь, что за красавец».

Я почувствовал себя совсем незащищенным.

Незаметно передвинул на животе рукоятку кинжала, чтобы закрыть дырку на футболке, спрятал под мышки перемазанные землей ладони, но спрятать ободранные и зеленые от травяного сока локти было некуда. Еще мне хотелось втянуть в себя, как шасси, пыльные изжаленные ноги, но это тоже было невозможно. Я только беспомощно переступал кедами.

— Встань как следует. Перестань танцевать и опусти руки, — потребовала Вера Северьяновна.

Я вздохнул и встал как следует.

— Вот что, Лапников, — сказала Вера Северьяновна. — О твоем поведении мы побеседуем позже. А пока расскажи, как вы это устраиваете. Все эти ваши полеты.

Я слегка пожал плечами. Что я мог рассказать?

— Просто летаем…

Вера Северьяновна рассердилась:

— Не дергай плечами! И отвечай, когда спрашивают. Василий Матвеевич специально пришел из института, чтобы разобраться в ваших фокусах. И будь уверен, разберется. Василий Матвеевич — кандидат физических наук.

«Физик, — подумал я. — Теперь будет допытываться, как мы убираем силу тяготения и все такое…»

— Ты долго будешь молчать? — сурово спросила Вера Северьяновна.

Физик посмотрел на меня, на нее и вдруг сказал:

— Можно мы побеседуем с глазу на глаз?

Завуч обиделась и возмутилась. Я сразу это понял, потому что она покраснела и стала дергать шаль на груди. Но сердитых слов она физику не сказала — это ведь не со мной разговаривать. Она даже улыбнулась:

— Хотите поговорить по-мужски? Ну что ж…

И она вышла из кабинета.

— Иди-ка сюда, Олежка, — тихо сказал Василий Матвеевич. И я вдруг увидел, что он очень похож на дядю Севу. Он поставил меня между коленей, потрогал кончиками пальцев рукоятку кинжала, увидел дырку на майке, чуть-чуть усмехнулся и поднял глаза.

— Ты расскажи по порядку, как и что. И ничего не бойся.

Я рассказал. Как нашли ковер, как летали. Только про историю с колокольней не стал говорить: это для науки не важно.

Физик не перебивал. А когда я кончил, он спросил:

— Значит, вы никак не командуете? Никаких

слов ковру не говорите? Захотели — и полетели?

Я кивнул.

Физик почему-то улыбнулся. И задал странный вопрос:

— А ковер-то новый?

— Нет. На вид совсем старый… Но еще крепкий.

Физик вдруг засмеялся, крепко сжал мои локти, а потом взъерошил мне волосы. А мне было совсем невесело.

— Вы теперь заберете ковер? — прошептал я и понял, что могу разреветься.

Все еще смеясь, он покачал головой:

— Не бойся.

Я поверил и перестал бояться.

Появилась Вера Северьяновна.

— Ну, товарищи мужчины? Я уже могу присутствовать?

Физик вежливо сказал, что присутствовать она может: мы уже все выяснили.

— Вот как! — удивилась завуч. — Так быстро?

— Да. Видите ли, Вера Северьяновна, физика не занимается такими проблемами.

— Да? Странно… А какая же наука занимается?

Физик улыбнулся и развел руками.

— Боюсь, что никакая. Может быть, поэзия? Но

это, по-моему, не наука… Что касается науки, то она такие явления не берется объяснять. Это с одной стороны. А с другой стороны, здесь особой загадки и нет. В детстве многие летают. Кто на коврах-самолетах, кто просто так…

— И… что же теперь будет? — слегка испуганно спросила Вера Северьяновна. А потом посмотрела на меня так, что я опять ушел на середину кабинета.

Физик проводил меня взглядом.

— Ничего не будет. Детство, к сожалению, быстро проходит.

— Да, но… пока оно пройдет, вы представляете, что они успеют натворить? К тому же, Василий Матвеевич, я не понимаю главного: как они летают?

— Ну как… Видимо, силой воображения.

— Что значит «силой воображения»? — с досадой произнесла Вера Северьяновна. — Воображение у всякого есть, а ведь никто в небеса не прыгает. Я вот точно знаю: сколько ни воображай, а полететь все равно не смогу.

— Охотно верю, — вежливо сказал физик.

Вера Северьяновна долгим взглядом посмотрела на него, потом на меня, потом в окно. Постучала пальцами по столу. И опять взглянула

на меня — уже обычным своим взглядом: как на виноватого.

— Ты можешь идти, Лапников. Завтра придешь с мамой.

Вот тебе и на!

— А чего я сделал? — по привычке сказал я.

— Не рассуждай, пожалуйста! — раздраженно прикрикнула Вера Северьяновна. — Сказано: привести мать, вот и все. Приведешь, а там разберемся, что ты сделал.

И тут я рассердился. Незаметно, не громко, а так, про себя. И понял, что больше не боюсь. Потому что зачем она зря кричит? Разве я стекла бил, или стенки царапал, или курил на переменках, или двойками зарос? Ничего подобного. Подумаешь, летал с Виталькой на ковре-самолете! Это наш ковер, а не ее.

Надоела мне вся эта история, и захотелось ее закончить поскорее. Ясными глазами глянул я на Веру Северьяновну, почесал левым кедом правую щиколотку и независимо сказал:

— Мама завтра занята. Если хотите, я ее сегодня позову.

Физик чуть-чуть улыбнулся мне.

— Зови сегодня! — сердито откликнулась Вера Северьяновна.

— Хоть сейчас?

— Можешь сейчас.

— Вот и хорошо, — сказал я. Поправил за ремнем деревянный кинжал и ушел из кабинета.

Дома я сообщил маме, что ее вызывает завуч, но я ни в чем не виноват, а все дело в ковре-самолете.

— Так я и знала, — сказала мама.

Она оставила на кухне свои дела, ушла к себе в комнату и через минуту появилась в платье, которое надевала, чтобы в гости идти или в театр. Красивая и строгая.

Мама мельком глянула на меня и сказала:

— Хотя бы рубашку переодел. На чучело похож.

Но я торопливо объяснил, что все равно уже был сейчас в школе в таком «чучельном» виде и что дело не в рубашке, а в том, что нам с Виталькой хотят запретить летать. Мама только рукой махнула. И мы пошли.

Мы пошли рядом — красивая решительная мама и ее непутевый сын в полинялой футболке, жеваных шортиках, с деревянным кинжалом за ремнем.

Я видел, что мама слегка сердилась, но я не понимал: на меня или на кого-то другого.

Когда мы появились в кабинете завуча, физика там уже не было.

Мама села, а я так и остался у двери. Но теперь я не чувствовал себя беззащитным. Потому что мама тут и вообще… Я стоял и ждал. А мама сидела и тоже ждала.

— Я хочу поговорить о вашем сыне, — начала Вера Северьяновна, — должна сказать, что он меня беспокоит.

— Да? — сдержанно сказала мама и внимательно посмотрела на меня.

— Да. Насколько я помню, в прошлом учебном году он был ударником. Боюсь, что в этом году он им не будет.

— Но ведь год только начался, — заметила мама.

— Плохо он у него начался! — не выдержала Вера Северьяновна. — До чего додумались с Городецким! По воздуху летают!

— Так ведь дети же… — осторожно сказала мама.

— Вот именно, что дети! Пусть сперва окончат школу, а потом летают. Мы и на земле-то с ними едва справляемся, а что будет, если все дети по воздуху носиться станут?

— Все не станут, — вмешался я. — Не у каждого

же есть ковер-самолет…

Вера Северьяновна глянула на меня так, будто лишь сейчас заметила.

— Выйди, Лапников, в коридор, — скучным голосом сказала она.

Вот так фокус! О моем ковре-самолете речь идет, а я — выйди! Я растерянно посмотрел на маму.

— Иди, Олег, — строго сказала мама.

Я шагнул в коридор, обиделся и встал у окна. Из-за двери доносились голоса: тихий — мамы и громкий — Веры Северьяновны. Но разобрать слова я не старался. Больно надо подслушивать!

Потом голоса умолкли, и мама вышла из кабинета.

— Пошли, — тихо сказала она.

И мы молча пошли рядом. По коридору, по лестнице, по школьному двору.

На улице мама положила мне руку на плечо и непонятно как-то сказала:

— Ну что, Олежка…

Я поднял глаза.

— Что?

Мама помолчала еще и серьезно спросила:

— Значит, никак вы не можете не летать?

— Не можем, конечно, — торопливо сказал я. — Ну как же, мама, не летать, если ковер-самолет…

Мама сказала:
— Ну и летайте.

И мы летали. И в этом теплом сентябре, и на будущий год, когда снова пришло лето, и еще через год…

Потом стали мы летать реже. Старше стали, и появились у нас другие интересные дела. Витальке в восьмом классе начал влюбляться каждый месяц и парил в небесах без всякого ковра-самолета. А я увлекся писанием стихов и все время ходил огорченный, потому что городская газета не хотела эти стихи печатать.

Ковер опять перекочевал в чулан, а в мезонине тетя Валя стала хранить сломанную мебель.

Мы кончили школу и незаметно стали взрослыми. Не все получилось так, как мы мечтали. Ветка стала не балериной, а детским врачом. Она очень хороший врач, живет в Ленинграде, и ее знают все ребятишки в районе. Ветерок добился, чего хотел: стал штурманом полярной авиации. У него есть сын Алешка, трехлетний карапуз. Здоровый, толстый и пока ничуть не похожий на Ветерка-мальчишку.

У меня врачи в приемной комиссии морского училища послушали сердце и посоветовали подумать о сухопутной профессии. Я стал писать

книжки для детей и теперь, по правде говоря, очень рад, что выбрал такую работу.

Виталька, то есть Виталий Андреевич, живет в Подмосковье и работает учителем рисования. Ведет уроки, ходит с ребятами в походы, учит их рисовать радуги, закаты, месяц над озерами, рощи, синие реки — всю красоту земную.

Но не только этим он занят. Недавно Виталий прислал мне толстый журнал «Искусство», и там на вклейках напечатаны картины молодых художников, которые получили премии на всесоюзной выставке. Есть там картина художника В. Городецкого «Воспоминание о детстве».

Над зеленой землей с разноцветными крышами и грудами деревьев, под светлыми утренними облаками плывет ковер-самолет. На нем двое мальчишек. Один сидит на краю, свесив загорелые ноги (одна нога босая, с другой сандалия тоже вот-вот свалится). Мальчишка запрокинул лицо, смеется и смотрит на облака. Под облаками горит на солнце пестрый прямоугольник воздушного змея. Другой мальчишка лежит на животе, подняв пятки, и глядит вниз. Там, внизу, у крылечка, желтого от свежих досок, стоит девчонка. С высоты она кажется совсем маленькой. Да и на самом деле небольшая.

Девчонка не смотрит на ковер-самолет. Она глядит на крышу, где мальчик в бьющейся на ветру зеленой рубашке тянет нитку змея. На картине буйное лето. Такое, что кажется, будто пахнет лебедой, полынью, речным песком и нагретыми досками заборов.

Я смотрел на картину, и было мне радостно и грустно.

Радостно — потому что картина радостная.

Грустно — потому что словно распахнулось на миг окошко в детство — в ту страну, куда нет возврата.

И еще я почувствовал зависть к Витальке. Он так здорово рассказал в картине про сказку нашего детства! А я? Чем я отблагодарю ковер-самолет? И я решил написать про него книжку. Вот эту, которую вы прочитали.

Но чтобы написать эту книжку, мне надо было съездить в родной городок. Все вспомнить.

А я боялся ехать. Мне казалось, что город окажется не таким, каким запомнился. Дома будут низкими и старыми, улицы — узкими, река — неширокой и мутной.

Но я ошибся. Город был прежним. Деревянные дома стояли как высокие терема и сверкали большими окнами. Дворы остались просторными и

зелеными. Там, как раньше, словно праздничные флаги, хлопало по ветру белье и шумно играли мальчишки. Меньше стало деревянных тротуаров, больше многоэтажных домов, а на реке гудели новые белые теплоходы. Но так же пахло с берега сырым песком, просмоленными лодками и мокрыми бревнами. Такие же высокие травы стояли вдоль заборов в переулках.

Дом, в котором я жил с мамой, дядей Севой и Ленкой, снесли, и на его месте строился девятиэтажный корпус. А тети-Валин дом был цел. И тетя Валя жила там, как в давние годы. Она стала вся седая, но характер ее ничуть не изменился. Мы полдня просидели с тетей Валей, вспоминали те дни, когда я и Виталька жили в мезонине. Я несколько раз собирался спросить, где ковер-самолет, но не решился. Мне начинало казаться, что это была просто сказка.

Тетя Валя достала Витальки детские рисунки, наших бумажных солдатиков и даже пушку, сделанную из катушек от ниток. Пушка была в исправности, даже с резинкой. Хоть сейчас стреляй.

— Какие ужасные сражения вы устраивали! — воскликнула тетя Валя. — Весь дом качался. Все-таки вы были настоящие сорванцы.

— Мы были невозможные люди, — со смехом сказал я. — Нас надо было выставить во двор и не пускать в дом, пока не научимся вести себя прилично.

— А что вы делали с граммофоном! И, наверно, думали, что я не знаю…

Я вздохнул. Граммофон, укрытый вязаной салфеткой, стоял на прежнем месте. И часы с кукушкой висели где положено. Кукушка обезголосела, но каждые полчаса добросовестно вываливалась из своего окошка и разевала клюв…

От тети Вали я пошел бродить по улицам. В квартале от нашего дома я заглянул на широкий двор. Там, в траве, у дровяных сараев играли ребята. Они устроили не то цирковое представление, не то соревнования по вольной борьбе.

Кажется, все-таки соревнования. Пара за парой выходили на лужайку, и начиналась схватка. Борцы старательно сопели, падали, поднимались, опрокидывали друг друга, а зрители, сидя на поленницах и в траве, галдели и свистели, как все болельщики на свете. Я подошел. В первую минуту меня не заметили, а потом громкоголосый мальчишка с сердитой темной челкой на лбу оглянулся и спросил:

— Вам кого?

Я не стал ничего придумывать и притворяться. Сказал, что раньше жил в этих местах, а теперь хожу и вспоминаю детство.

— Можно посмотреть, как вы играете?

Мальчишка пожал плечами, а потом согласился:

— А чего ж! Смотрите!

Я шагнул ближе. И увидел, что они борются не на траве.

Ребята боролись на ковре. И я сразу узнал его.

Нет, я ничего не сказал в первый момент. Я просто смотрел на знакомые узоры, по которым катались два девяти-десятилетних борца: круглоголовый рыжий мальчик с веселыми глазами и его соперник — щуплый и большеглазый, с редкими конопушками на скулах, в синей майке-безрукавке.

«Знают они или не знают, какой это ковер?» — думал я, и меня слегка знобило от волнения.

Они не знали. Они катались по ковру, переплетаясь коричневыми в белых царапинах руками и ногами, колотили по нему пятками, втыкались в него носами и даже не догадывались, какое чудо под ними!

А ковер спокойно лежал, дожидаясь, когда кто-нибудь откроет его тайну. А может быть, уже

и не ждал?

…Рыжий мальчишка прижал своего худенького соперника к ковру лопатками и вскочил. Зрители захлопали, но жидковато. Девочка с растрепанной косой сердито сказала:

— Конечно! У них весовые категории разные.

— А я виноват? — сказал рыжий мальчик и заморгал.

Его противник молча поднялся и тихо отошел в сторону. Девочка внимательно смотрела ему вслед.

— Ребята, — сказал я. — Послушайте… Откуда у вас этот ковер?

Мальчишка с сердитой челкой подозрительно глянул на меня:

— А что?

— Да так. Интересно.

— Тетенька одна дала, — объяснил рыжий победитель. — Вот ему. — Он кивнул на проигравшего мальчика. — Мы цирк устраивали у него во дворе, а она рядом живет, вот и подарила… Это хороший ковер. На вид старый, а зато мягкий такой.

— Я знаю, — сказал я и понял, что делаю решительный шаг. — Когда-то это был мой ковер. Наш с товарищем… Это был ковер-самолет.

Они сдержанно засмеялись. Они приняли мои

слова за неудачную шутку взрослого человека, который заигрывает с ребятами.

— Не верите, — проговорил я и понял, что ничего не смогу доказать. — Ну ладно… А мы на нем летали.

— А вы сейчас попробуйте, — насмешливо сказал мальчик с челкой.

«А что!» — подумал я. Но тут же понял, что не решусь. Я представил, как большой, взрослый, в отглаженном костюме, сижу посреди двора на старом ковре, а кругом язвительно хохочут мальчишки.

Неловко улыбнувшись, я сказал:

— У меня не выйдет. Я уже большой.

— А как на нем летают? — вдруг требовательно спросила девочка с растрепанной косой.

— Очень просто. Надо представить, что летишь, и он полетит…

— Ура! Я представил! — дурашливо заорал мальчишка с челкой и животом бухнулся на ковер.

— И я! Ура! Мы тоже представили, — закричали остальные, и на ковре тут же выросла куча мала. Даже девочка с косой кинулась в свалку.

Только худенький мальчик в синей майке остался в стороне. Он сидел на деревянной коло-

де, обняв коленки и упершись в них подбородком. На миг мы встретились взглядами, но он тут же отвел глаза.

— Эй, кончайте! Мне шею отдавили! Отпустите ногу! — раздавалось из кучи.

Потом кто-то самый находчивый крикнул:

— Сейчас мультики по первой программе! В шестнадцать двадцать!

Куча рассеялась. Бывшие борцы и болельщики кинулись по домам, к телевизорам. На меня они даже не оглянулись, только девочка на бегу крикнула:

— До свиданья!

Мне стало грустно. Я поглядел им вслед, а потом опять повернулся к ковру.

И увидел, что я не один.

Мальчик в синей майке не убежал со всеми. Он стоял у края ковра, тоненький и побледневший так, что его конопушки казались темными зернышками.

— Скажите… — начал он, и голос у него был какой-то виноватый и в то же время требовательный. — Скажите, пожалуйста… Вы пошутили? Да?

Я переглотнул от волнения и тихо сказал:

— Нет. Я не пошутил.

— Но так не бывает, — проговорил он негромко, но почти сердито. И глаза у него потемнели.

— Бывает, — сказал я, не отводя глаз.

Мы помолчали. Во дворе нарастала непонятная тишина.

— Не бывает… и все-таки бывает? Да? — спросил он шепотом.

— Да, — сказал я.

— И надо… просто представить, что летишь? — спросил он почти беззвучно.

Было тихо-тихо кругом, только еле слышный звон доносился из травы. Может быть, это звенели солнечные лучи или само лето.

Не отрывая от меня глаз, мальчик медленно встал на ковер коленями. Потом сел. Отвернулся от меня, зачем-то погладил ковер. Потом плавно вытянул над ним ладонь.

Ковер приподнялся, замер на секунду в полуметре от земли и тихо заскользил над верхушками травы.

Мальчик негромко вскрикнул, скатился на землю, вскочил и со всех ног бросился ко мне. Он обхватил меня, прижался всем телом, и я почувствовал, как прыгает под майкой его сердце: словно упругий мячик, с разгона влетевший в тесный угол и заметавшийся между стенок.

Он отчаянно смотрел на меня, запрокинув лицо, и в темной глубине мальчишкиных глаз перемешались испуг и восторг.

— Не бойся, — сказал я. — Поверь мне, это не страшно.

Он улыбнулся, словно говоря: «Я понимаю. Но я еще не привык».

— Смотри, он ждет тебя, — сказал я мальчику.

Ковер и правда ждал, опустившись на траву.

Мальчик вздохнул и толчком оторвался от меня.

— Шагай, не бойся.

Он постоял, кивнул. Заправил выбившуюся из-за пояска майку. И, оглядываясь на меня, пошел к ковру-самолету. Он шел медленно, однако ни разу не остановился.

Я смотрел, как он идет. Я немного завидовал: вся сказка была у него впереди.

Будь счастлив, мальчик.

1976 г.

ДЕТИ СИНЕГО ФЛАМИНГО
Повесть

Надо мной опять кружит тень.

Третий день подряд…

Да нет, не думайте, что это плохо! Это замечательно! Значит, Птица нашла меня. Значит, она выросла!

Но птенец не мог вырасти сам, его кто-то должен был выкормить. А никто, кроме нас двоих — меня и Малыша, не знал, где гнездо. Разве что Отшельник… Нет. Отшельник не стал бы заботиться о птенце. Ведь он старался «никому не делать ни зла, ни добра».

Значит, Малыш жив!

Почему же он не вернулся с Птицей? Не знаю. Я пока ничего не знаю, но скоро узнаю все. Я уже решил. Только мне опять нужен кинжал. Такой же, как появился у меня в тот день, в августе…

ДЕРЕВЯННЫЙ КИНЖАЛ

В тот вечер мы играли в войну. Не в современную войну, где дым и грохот, а в рыцарей. У нас были деревянные мечи и щиты из фанеры. На щитах каждый рисовал какой-нибудь знак — свой рыцарский герб. У меня был олень. Такой же, как на моей майке. Просто я ничего не мог придумать и срисовал этого оленя с майки. И получилось здорово — будто у меня и правда свой герб: на щите и на одежде…

В нашей армии было пять человек, а у противников шесть. Поэтому договорились, что мы будем укрываться в засадах, а они нас искать: у тех, кто прячется, всегда есть преимущество.

По сигналу мы разбежались. Я сразу кинулся в «ущелье». Это заросший лопухами проход между глухой стеной двухэтажного дома и высоким сараем. Я знал, что очень скоро противники побегут через «ущелье» в соседний сквер — искать нас в кустах желтой акации.

В проходе спрятаться было негде: лопухи мы порядком повытоптали. Но из-под крыши сарая торчала толстая жердь, я ее давно заприметил. Я закинул за спину щит, а меч сунул под резинку

на шортах — так, что клинок вылез из штанины, и стал взбираться.

Бревна, из которых был сложен сарай, рассохлись от старости, в них чернели щели. Они помогали мне цепляться. Скользкие сандалии срывались, занозистый меч царапал ногу, но все же я добрался до жерди. Ухватился за нее и повис.

Мускулы у меня не очень-то сильные, подтягиваться я плохо умею. Но пальцы и кисти рук у меня крепкие — такой уж я уродился. Я долго-долго могу вертеть мечом во время боя, а если во что-нибудь вцеплюсь, могу висеть хоть целый день. Ну, не день, а, скажем, полчаса.

Значит, я повис и стал ждать рыцарей чужой армии.

Скоро они появились. Втроем. Пригибаясь, они шли гуськом и, конечно, вверх не взглянули. Когда предводитель оказался почти подо мной, я разжал пальцы.

Вот уж в самом деле — как снег на голову!

От моих сандалий до земли было метра три, но примятые лопухи смягчили толчок. Противники и опомниться не успели: трах, трах! — я нанес одному два удара. Трах, трах — другому!

Мы всегда играли честно, без лишних споров.

Два удара получил — значит, убит. Оба рыцаря надулись, но отошли в сторону. Зато третий, еще не задетый моим мечом, поднял щит и бросился в атаку.

Его звали Толик. Он был из другого квартала и редко играл с нами. Лишь когда мы увлеклись рыцарскими боями, он стал приходить каждый день. Мне раньше казалось, что он слабенький, но сейчас я понял, какой это боец. Он был поменьше меня, но быстрый и такой смелый. К тому же он, видимо, рассердился и решил отомстить за двух своих соратников.

Ух, как по-боевому блестели его темные глаза над верхним краем щита! А на щите чернели скрещенные стрелы и пламенело оранжевое солнце.

Он крепко насел на меня, и я отступил к выходу из «ущелья». Но тут со двора кинулся мне на помощь Степка Шувалов. Он не очень ловкий фехтовальщик, но зато большой и тяжелый, как настоящий рыцарь в доспехах. Вдвоем мы сразу оттеснили Толика в другой конец прохода, к овражку, что тянется вдоль огородов. Толик отступил на самый край и отбивался изо всех сил. Но что он мог сделать против нас двоих?

— Сдавайся, — сказал Степка.

Наш противник лишь глазами сверкнул из-за щита. И еще сильнее замахал мечом…

Наш овражек неглубокий, но к августу он доверху зарастает темной, злющей, как тысяча гадюк, крапивой, и падать в него — все равно что в кипяток. А Толик стоял уже на кромке. Он, видимо, сильно устал: даже дышал со всхлипом. И я… в общем, я сделал шаг в сторону и опустил меч.

Толик замер на миг. Потом прыгнул между мной и Степкой и отбежал на несколько шагов.

Степка обалдело уставился на меня:

— Ты чего?

— Ничего… Он же сорваться мог.

— Ну и что? Сдавался бы.

— Он не сдастся, — сказал я.

— Ну и летел бы тогда!

— Летел бы? Сам попробуй! Думаешь, приятно?

— Ну так чего ж… — немного растерянно проговорил Степка. — Это же война…

— Война должна быть честная.

Степка тяжело засопел. Он был не злой, только медленно соображал. И когда что-нибудь не понимал, начинал так вот сопеть. Наконец он пробубнил:

— Подумаешь… Он же в длинных штанах и в

куртке. Ну и свалился бы…

— Вот балда! А руки? А лицо?

Я словно совсем близко увидел Толькино загорелое лицо с белыми волдырями от злых укусов. Меня даже передернуло. Я не выношу, если у кого-нибудь боль. Особенно вот такая… обидная. И главное, за что? За то, что он так смело сражался?

Я оглянулся на Толика. Он не убежал. Стоял с мечом наготове. Он не хотел уходить от боя!

Вдруг он опустил меч. И лицо у него изменилось: он что-то увидел в стороне от нас.

Я посмотрел в ту же сторону. По деревянному тротуарчику вдоль овражка медленно шли мужчина и женщина. Я их узнал.

И ясный вечер сразу сделался печальным и тревожным.

Это были родители мальчика, который утонул в начале нынешнего лета. Его звали Юлька. Юлька Гаранин. Ему тогда, как и мне, было одиннадцать лет. Я его не знал: он переехал откуда-то на нашу улицу в мае, а в начале июня отправился купаться на озеро и не вернулся.

На берегу нашли его велосипед и одежду. А самого не нашли. И наверно, уже не найдут: в нашем озере есть глухие бездонные омуты. Там

вообще лучше не купаться в одиночку…

Говорят, отец и мать его после этого сразу сильно постарели. Не знаю, я их до Юлькиной гибели не встречал. Но когда увидел первый раз, они в самом деле показались очень пожилыми. И какими-то… сгорбленными, что ли…

Они всегда ходили вдвоем. Бывало, что идут мимо нас, потом остановятся в сторонке и молча смотрят, как мы играем. У нас пропадало сразу всякое веселье. Мы себя чувствовали так, будто виноваты перед ними. Потом они будто спохватывались и торопливо уходили. Но прежнее настроение возвращалось к нам не сразу.

Вот и сейчас мне расхотелось играть. Толику, видимо, тоже. И даже Степке.

Я подошел к Толику и сказал:

— Ничья. Ладно?

Он кивнул. Он думал о чем-то своем.

Я тоже.

Я стал думать про маму и папу. Они сегодня днем уехали на целую неделю в Москву, к папиной сестре тете Вере. Ничего особенного, они и раньше уезжали, а я оставался с бабушкой. Но сейчас мне стало грустно и как-то неуютно. Я подумал, что уже поздно, надо ехать к бабушке, а то не доберусь к ней до темноты…

В это время вдалеке загремело пустое ведро — сигнал сбора обеих рыцарских армий.

— Степан! — окликнул я. — Скажи нашим, что я сегодня больше не играю. Мне пора.

Надо было бы забежать домой: оставить оружие и прихватить курточку. Но мне ужасно не хотелось заходить в пустую молчаливую квартиру. Я взял меч и щит под мышку и зашагал к автобусной остановке.

Я прошел уже два квартала, как вдруг услышал:

— Женя!

Меня догонял Толик. Он как-то неуверенно догонял. Словно боялся, что я не захочу подождать его. Я остановился. Даже ему навстречу шагнул. Он подошел, посмотрел на свои пропыленные кеды и сказал:

— А я вижу, ты в ту же сторону идешь… Нам по пути. Ты разве не домой?

Я был рад, что он догнал меня. И поскорее объяснил, что еду к бабушке в Рябиновку. Это такой поселок на берегу озера, в семи километрах от города.

Мы пошли рядом.

— А надолго ты к бабушке? — спросил Толик.

— На неделю, пока мама с папой не вернутся…

— У-у… — огорченно сказал он. — Значит, завтра ты с нами играть не будешь.

— Ну почему? Я могу приехать, это же недалеко. Я могу каждый день приезжать, если… — «если ты хочешь», чуть не сказал я, но постеснялся. Однако он, кажется, понял, проговорил тихо:

— Ага… приезжай.

— Обязательно! — пообещал я.

Он быстро взглянул на меня — у него были коричневые с золотыми точками глаза — и нерешительно сказал:

— А давай завтра, чтоб не против друг друга, а в одной армии…

— Конечно, давай! — еще больше обрадовался я. И почувствовал, что, хотя мама с папой уехали, вечер сегодня все равно хороший.

Мы стали разговаривать про завтрашнюю игру и незаметно дошли до автобусной остановки. Тут я спохватился:

— Ой, ты же давно мимо дома прошел!

Он засмеялся:

— Ну и что? Я не тороплюсь.

Я посмотрел на расписание. Автобус должен был прийти через двадцать минут.

— Ничего, подождем, — сказал Толик.

Недалеко от остановки, на краю пыльной лу-

жайки, стоял стеклянный киоск (низкое солнце блестело на нем оранжевыми огоньками). Киоск еще торговал. Я подбежал, чтобы купить два стакана газировки, но краснощекая тетка в окошке буркнула, что лимонад продается только бутылками — по двадцать две копейки — и пустая посуда обратно не принимается.

У меня в кармашке лежали всего пятнадцать копеек, да к тому же пять из них нужны были на билет. Я виновато посмотрел на подбежавшего Толика. Но он весело зашарил по карманам и тут же отыскал гривенник и двушку.

Тетка сердито сунула нам запечатанную бутылку, а потом сдачу — мокрыми копейками. Мы кинули в траву щиты и сели на них. Будто настоящие рыцари на привале.

— А чем открывать? — спросил Толик. Он попробовал сорвать пробку зубами, но она держалась, как припаянная. Мне показалось, что тетка за стеклом киоска ехидно ухмыляется.

— Подожди-ка, — сказал я и снял с себя ключ (он висел на шнурке под майкой).

О ключе надо сказать подробнее. Наш двухэтажный дом был очень старый, и тяжелые врезные замки в дверях были тоже, наверно, столетние. Поэтому и ключи от нашей квартиры

не походили на обычные. Они были медные, с трубчатым стержнем, хитрой зубчатой бородкой и фигурным колечком. Будто от старинной шкатулки. Такой, если потеряешь, у слесаря уже не закажешь. Мама всегда боялась, что я выроню ключ, когда бегаю на улице: кармашки на шортах мелкие, а скакать и кувыркаться я любил. Вот и приходилось таскать ключ на шнурке под майкой. Я немного стеснялся этого: с ключом на шее обычно ходят малыши. Но мама просила, и я не спорил…

Я подцепил пробку зубчиками ключа. Она сверкнула и улетела в одуванчики. Мы выпили из горлышка шипучую газировку, спустили бутылку в урну, потом еще посидели на щитах, и тут подошел автобус.

— Ну… ты приезжай завтра, — проговорил Толик, когда дверь зашипела и открылась.

— Ладно! Я обязательно…

Он вдруг распахнул курточку и выдернул из-за ремешка небольшой деревянный кинжал. Протянул мне на открытой ладони:

— Хочешь?

У кинжала была красивая рукоятка — с мелким вырезанным узором. Конечно, я хотел такой. Но дело даже не в кинжале.

— Какой хороший… Сам делал?

— Сам. Бери.

— Насовсем?

— Конечно. — Толик быстро вскинул на меня свои глаза с золотыми точками и опять опустил ресницы.

— Спасибо… Толик, — сказал я и взял кинжал. И, цепляясь своим рыцарским снаряжением за дверь, полез в автобус.

Дверь сразу закрылась. Я глянул через стекло и увидел, как Толик слегка поднял руку, словно хочет помахать и не решается. Тогда я несколько раз махнул кинжалом, и Толик быстро замахал в ответ. И я поехал…

НЕЗНАКОМЕЦ

Когда не стало видно Толика, я сунул кинжал под резинку на поясе и достал мокрые копейки. В это время щелкнул и откашлялся динамик. «Сейчас заскрипит: мальчик, а ну бери билет», — с неприятным ожиданием подумал я. И скорее шагнул к кассе.

— Мальчик, не опускай деньги, — басовито сказал динамик. — В кассе билеты кончились… Ничего, езжай так, автобус не рассыплется… — За темными стеклами кабины я не видел водителя, но мне показалось, что он пожилой, с большими усами и улыбчивый.

Пассажиры на меня заоглядывались: что за мальчик, которому разрешили ехать без билета? Мне показалось, что они думают: «Вот чудак, забрался сюда с деревянным щитом и мечом; не маленький вроде бы, а с игрушками». Я поскорее сел на свободное место к окошку и поставил щит на колени — загородился. Но от всех не загородишься.

Один пассажир (он сидел у противоположного окна) все посматривал на меня. Это был худой дядька в каком-то старомодном пиджаке и помя-

той широкополой шляпе.

Не люблю, когда меня разглядывают!

Я сердито передвинул щит вправо — так, что кромкой расцарапал кожу на колене. Разозлился и стал, не отрываясь, глядеть в окно.

Солнце спряталось, но облака еще ярко светились. Казалось, что они летят, не отставая от автобуса, над антеннами, над маленькими домами окраинных улиц. Потом — над деревьями вдоль тракта… Я смотрел на облака минут пять, затем опять оглянулся на неприятного дядьку. От светлых облаков плясали в глазах зеленые пятна, однако я заметил, что он по-прежнему разглядывает меня.

Что ему надо?

Мне даже стало не по себе. И я решил: поеду не до конечной остановки, а выйду раньше, у дома отдыха «Звездный». Оттуда — сначала по берегу, потом вдоль огородов, и я у бабушки.

Остановка находилась у самого озера. Я вышел на берег и зашагал вдоль воды по песку.

Вода и небо еще были светлыми, а на землю уже наползали сумерки. На далеком берегу переливались огоньки. За деревьями, в парке «Звездного», загорелись лампочки. Но сильнее лампочек была круглая луна. Поднялась она недавно, однако

почти сразу стала светить как прожектор. Вдоль берега росли старые ветлы, их темные листья иногда заслоняли луну и словно разрывали на яркие клочки. Это было красиво. Но от воды и от влажного песка тянуло зябкой сыростью, поэтому я не очень-то любовался на луну. Я даже пожалел, что не забежал домой за курточкой.

Чтобы не продрогнуть совсем, я отошел подальше от воды — к траве у границы песчаного пляжа. Трава была густая и довольно высокая. В ней вдруг затрещал одинокий кузнечик. Может быть, тоже озяб?

Я почти дошел до тропинки и вдруг увидел в траве желтый полумесяц. Не такой яркий, как луна, однако заметный. Кто-то забыл здесь большой мяч — наполовину синий, наполовину желтый. Синий бок сливался с травой, а желтый светился, как серп какой-то полуосвещенной планеты. Она заблудилась в здешнем травяном космосе.

Я выкатил мяч на песок, чтобы тот, кто будет искать, сразу увидел его. Резиновые бока у мяча были теплые, как у живого. А не озябнет он здесь на голом песке?

Только я подумал про это, как услышал за спиной:

— Не уходите, пожалуйста…

Я сначала не понял, что это мне. Но оглянулся. По берегу торопливо шел человек. Было довольно светло от воды и неба, и я сразу узнал дядьку в широкополой шляпе. Того, из автобуса.

А больше никого кругом не было.

— Подождите меня, будьте добры, — сказал мне этот человек. Он слегка запыхался. Голос у него был странный: слишком тонкий и мягкий, не подходящий такому высокому мужчине.

Я удивился, конечно, и замер на месте. Незнакомец подошел. Он снял шляпу и держал ее у груди.

— Извините, — сказал он. — Мне показалось, что в автобусе я рассердил вас. Мое слишком пристальное внимание было, видимо, неприличным. Но вы все поймете, если выслушаете меня…

Ко мне впервые обращались так длинно и вежливо. Я растерялся и поэтому ответил грубовато:

— Ну… говорите.

— Сядем, если позволите, — попросил он.

Недалеко от нас темнела вкопанная в песок скамейка — два бревнышка и доска. Незнакомец подождал, когда я сяду, и сам примостился на краю доски. «Что ему надо?» — опять подумал я. А он наклонился, заглянул мне в лицо и мягким своим голосом спросил:

— Скажите, вы рыцарь?

«Ну, все понятно», — решил я.

Наверно, в автобусе рядом со мной стояла какая-нибудь старушка, а я не заметил. И теперь этот человек будет меня воспитывать: «Вот ты изображаешь из себя рыцаря, а бабушке место не уступил. Разве рыцари так поступают?» Я и раньше встречал таких взрослых: они очень любят подъезжать к ребятам с воспитательными беседами.

А в автобусе и так было много свободных мест!

— Что вам от меня нужно? — не очень-то ласково сказал я.

— Простите, — опять мягко проговорил он. — Я наблюдал за вами не только в автобусе, но и раньше… Во время вашего рыцарского турнира… Ваше благородное отношение к противнику… Это убедило меня, что вы действительно рыцарь…

«Издевается, что ли?» — подумал я.

А он продолжал:

— Я разглядел ваш знак — гордого оленя. Рыцарь Оленя — можно я буду вас так называть, пока не узнал вашего имени?

«Может, пьяный?» — подумал я и встал. И сказал ему:

— Вам нравится шутить, а мне надо идти. Уже

поздно.

Он тоже встал и опять прижал шляпу к груди.

— Вы сердитесь… Вы должны извинить меня, я не из этой страны и невольно могу нарушить какие-то обычаи. Но прошу: выслушайте меня…

«Шляпа ненормальная, пиджак какой-то странный, — подумал я. — Может, в самом деле иностранец?»

И спросил:

— Вы интурист?

— М-м… Я не знаю, что такое «интурист». Но я издалека. — Незнакомец слегка нагнулся ко мне, словно надломился в пояснице. — Я с острова Двид. И я ищу юного рыцаря, который избавит мою страну от векового зла.

Тут я, по правде говоря, перетрусил! Уже сумерки, кругом никого, а я один на один с сумасшедшим. Я сделал шаг назад: если рвану изо всех сил — не догонит.

Он заметил мое движение, как-то сник, сел на край скамейки и с тихим отчаянием сказал:

— Вот и вы, Рыцарь Оленя, хотите уйти. Как многие… Я прошел столько земель и не отыскал никого…

Что-то странное было в его голосе. Мне стало жаль его. «Может, он не опасный? — подумал

я. — Может, просто немного свихнулся и теперь мучается?»

— Ну а что вам надо-то? — неловко спросил я.

Незнакомец с надеждой поднял голову. И тихо, но горячо проговорил:

— Мне надо многое… Мне надо, чтобы вы, Рыцарь Оленя, отправились со мной на остров Двид и сразились с Ящером. С тем чудовищем, которое много-много лет держит в страхе всех людей нашей страны.

«А больше тебе ничего не надо?» — подумал я и усмехнулся.

Незнакомец опять резко наклонился ко мне:

— Это не сказка, клянусь!.. Сядьте, прошу вас. Поверьте, у меня в мыслях нет шутить с вами или чем-нибудь вам навредить.

Мне стало неловко за свой испуг. Я присел на другой конец скамейки и спросил:

— А что за остров Двид? Что-то я не слыхал…

— Конечно! — торопливо согласился он. — Остров невидим… Невидим с этих берегов. Это не укладывается в привычные понятия, но я объясню… потом. Главное не в этом. Над островом жестокий гнет. А древняя легенда говорит, что однажды из дальних стран придет юный рыцарь и уничтожит Ящера…

Видимо, он сам верил в то, что говорил. Мне стало интересно.

— А далеко ваш остров?

Незнакомец, наверное, подумал, что я начинаю соглашаться. Он продвинулся ко мне.

— Далеко!.. Но это трудно объяснить. Все зависит от разных условий. Если отправимся сейчас, путь займет не больше двух часов…

«Ага! — подумал я. — Жулик какой-нибудь. Заведет неизвестно куда, потом тюкнет по башке и ограбит…»

Да, но что у меня брать? Пять копеек да медный ключ?

А может, шпион? Заманит в тайную лабораторию, где устраивают секретные опыты над детьми…

Но тут я сам застыдился своих дурацких мыслей. Так можно до какой угодно чепухи додуматься, и получится, что я больше сумасшедший, чем этот дядька.

А незнакомец придвинулся совсем близко и спросил:

— Хотите взглянуть на наш остров?

Он полез во внутренний карман пиджака и достал… Я сперва не понял что. А потом увидел: это было зеркальце. Довольно крупное — с поч-

товую открытку. В узкой металлической рамке. В зеркальце на миг отразилась луна.

Незнакомец положил мне зеркальце на коленку. Я вздрогнул: оно было очень холодное. И тяжелое. Но почти сразу тяжесть уменьшилась, а толстое стекло стало наливаться теплотой. Сначала в зеркальце отражалось небо с бледной звездочкой, но скоро оно подернулось искрящейся пленкой. Затем пленка рассеялась, и я увидел, как на экранчике, зеленые горы, небо с пушистыми солнечными облаками, какие-то развалины с белыми колоннами и домики на склоне холма. Все так четко виделось!

Изображение двигалось, будто кто-то плавно поворачивал телеобъектив. На переднем плане проплывали кусты с цветами вроде шиповника — так близко, что я различал прожилки на лепестках…

Зеркальце стало горячее и сильно грело колено. Я оторвал глаза от неизвестной страны и посмотрел на незнакомца. Экран хорошо освещал его лицо. Оно было длинное, с большим печальным ртом, с резкими морщинами и маленькими круглыми глазами. В глазах отражались крошечные экранчики.

Незнакомец взглянул на меня.

— Это наша страна, — со вздохом сказал он. — Красивая, правда?.. Надеюсь, теперь вы мне верите?

— А чему тут верить? Плоский транзисторный телевизор. Наверно, на жидких кристаллах…

— Теле… визор? — переспросил он. — Ах да… Нет, это немного не то… — Он протянул руку и… просунул ее в зеркальце. Сквозь стекло! И значит, сквозь мою ногу! Как в окошко… Тонкими узловатыми пальцами он ухватил проплывавшую мимо ветку и дернул. Потом вытащил руку. В пальцах был зажат стебелек с цветком и тремя листиками. Незнакомец протянул его мне. Это был настоящий цветок, живой. От него в самом деле пахло шиповником.

Я немного испуганно посмотрел на ногу: на месте ли? Она была на месте, и зеркальце все сильнее обжигало ее.

— Уберите, горячо, — сказал я.

— О да, простите… — суетливо пробормотал он и схватил зеркальце. Оно сразу погасло.

Я потер обожженную коленку и спросил:

— Вы фокусник?

Он серьезно, даже печально объяснил:

— Я чиновник по особо важным делам, один из первых заместителей правителя острова. Можно

сказать, его второе «я»… Не отказывайте мне в просьбе, Рыцарь Оленя. Вы — моя последняя надежда.

— А что за ящер у вас там? — спросил я.

— Жуткое и громадное чудовище, не буду скрывать. Оно держит в страхе весь народ.

— Что же вы… — с усмешкой сказал я. — Целая страна, вон какая волшебная техника у вас, а с каким-то пресмыкающимся не можете справиться?

— Не можем, — покорно согласился он. — Мы многое умеем, а перед этим чудовищем бессильны… В жизни столько сложностей.

— А я, по-вашему, с ним справлюсь? Один?

— Я надеюсь, — откликнулся чиновник по особо важным делам. — Вы не испытываете страха перед Ящером, а это главное. К тому же древние легенды обычно не обманывают.

— А сколько времени займет… вся эта история?

— Два дня. Самое большее три, — торопливо сказал незнакомец.

Я подумал, что бабушка меня не ждет — она не знала, что мама с папой уехали. Значит, никто не стал бы беспокоиться обо мне в эти дни…

И вдруг я сообразил, что обо всем думаю все-

рьез! Будто поверил сказке про остров Двид! А я и в самом деле поверил…

Наверно, этого не случилось бы днем. Но сейчас были сумерки, необыкновенная луна за черными листьями, загадочное зеркальце, непонятно откуда взявшийся цветок… Все это как-то завораживало.

— Значит, вы согласны?! — обрадованно воскликнул незнакомец и встал.

Разве я сказал, что согласен? Я поплотнее прижался к скамейке, чтобы никуда не ходить с этим человеком. Но через секунду поднялся. Сам не знаю, почему.

— Идемте, — ласково сказал он. И я пошел за ним. По пути я опять подумал, что лучше бы рвануть к бабушке. Но не рванул. Стыдно было. И кроме того… я надеялся оказаться в настоящей сказке.

Мы вышли к изгибу берега. Там за высокими березами была привязана лодка с тонкой мачтой. Незнакомец неловко забрался в лодку и сказал мне:

— Садитесь.

Я медленно, будто против желания, отошел к береговым кустам и спрятал в частых ветках меч и щит. Замаскировал.

— Зачем вы их бережете? — спросил незнакомец. — У нас вы получите настоящее оружие и сможете оставить его себе навсегда.

— Но им же нельзя будет играть…

— Ах да… — пробормотал он.

Я подержал в ладони кинжал Толика и снова сунул за пояс. Не хотелось мне с ним расставаться.

— Я вас жду, Рыцарь… — со сдержанным нетерпением напомнил незнакомец.

Последний раз какие-то предохранители толкнули меня назад, к дому. Я даже качнулся. Однако ноги сами по себе шагнули к борту…

— Садитесь на корме, там удобней, — предложил незнакомец. Сам он встал у мачты и потянул шнур. Вверх полез длинный парус — он ярко засеребрился под луной.

— Ветра же нет совсем, — слабым голосом сказал я.

— Это неважно… — Незнакомец оттолкнулся шестом и сел рядом со мной. Лодка пошла сначала тихо, потом все скорее. Громко зажурчала вода.

«В самом деле волшебство», — подумал я, но не очень удивился. Мы набирали ход, и встречный воздух зябко обдувал меня. Я передернулся.

— Ох, что же это я… — пробормотал незнакомец. Он снял пиджак и укрыл меня с ногами.

— Да спасибо, не надо… — пробормотал я.

— Привалитесь к спинке и вздремните, — сказал он. — Когда спишь, дорога короче…

Спинка скамьи была удобная, обитая чем-то мягким. Сразу же захотелось закрыть глаза, но я несколько минут сопротивлялся сну.

Слева от нас катилась между маленьких облаков луна. Не отставала. Потом она влетела в темное мохнатое облако и, видимо, увязла в нем. Стало гораздо темнее. В этой темноте незнакомец произнес:

— Меня зовут Ктор Эхо. А как ваше имя, Рыцарь Оленя?

— Женя, — пробормотал я сквозь дремоту. — То есть Евгений… Ушатов…

ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР С ТАХОМИРОМ ТИХО

Ктор Эхо не похитил меня и не причинил никакого вреда. Он в самом деле привез меня на остров Двид.

Как мы причалили, я не знаю. Проснулся я уже не в лодке, а в открытой коляске, которую быстро везли две лошади. Коляску потряхивало на булыжниках мостовой. По сторонам стояли темные деревья, в них изредка мигали фонарики. Небо над деревьями было серовато-синее с большими звездами. Прямо перед нами повис над дорогой громадный месяц. Он висел странно — вниз рогами. Мне вспомнился мяч в темной траве. Где он теперь, этот мячик? Где наше озеро, где Рябиновка? Занесло меня в неведомый край. Куда? Зачем?

Ктор сидел рядом. Его пиджак по-прежнему укрывал меня. Я оттолкнулся лопатками от упругой кожаной спинки и сел прямо.

— Проснулись? — заботливо спросил Ктор. — Вот и хорошо. Скоро приедем.

Через минуту дорога круто повернула, и мы вы-

ехали на треугольную площадь. Я увидел башни дома с балкончиками и флюгерами. С одного края темнела зубчатая крепостная стена. Светились окошки и неяркие желтые фонари. Блестели струи фонтана.

Вокруг фонтана парами ходили неторопливые люди. Играла негромкая музыка. Это было похоже на театр.

— Совсем незаметно, что вашу страну кто-то угнетает, — сказал я Ктору.

— Это на первый взгляд, — откликнулся он. — А на самом деле… Да вы увидите.

— А почему такой месяц в небе? — спросил я.

— Это особенность нашей атмосферы, — охотно объяснил Ктор. — Теплый воздух собирается на высоте в большую линзу, и эта линза сильно увеличивает небесные тела.

Я хотел сказать, что дело не только в увеличенности, но тут мы уехали с площади, и впереди стал виден освещенный купол с темным повисшим флагом.

— Дворец правителя, — сообщил Ктор.

Дорога пошла в гору. Мы проехали между рядами светящихся шаров, и лошади стали у невысокого крыльца с каменными вазами по сторонам…

Сейчас мне трудно вспомнить все по порядку. Мы шли переходами и лестницами, нам встречались и молча кланялись одинаковые бесшумные люди в узких серых одеждах. Было как во сне. Наконец мы прошли узким коридором с шарами-светильниками и оказались в круглой комнате. Здесь горела у потолка неяркая лампа, между высокими окнами висели темные ковры (я различил на них фигуры всадников и больших птиц). Было очень тихо, и в этой тишине гулко стучали (вернее, бухали) громадные часы. Они стояли в стенной нише, и бронзовый диск маятника величиной со сковородку медленно ходил туда-сюда за стеклянной дверью.

Посреди комнаты я увидел круглый стол, а на нем вазы с фруктами, блюда под блестящими крышками, кувшины и тарелки.

К столу был придвинут лишь один стул — высокий, черный, с решетчатой спинкой.

Пока я все это разглядывал, два человека внесли второй стул. Они двигались бесшумно и не сказали ни слова. На них была странная одежда: узкие комбинезоны из дымчатого плюша. Плюш закрывал человека с головы до ног, и оставался лишь круглый вырез для лица. Это было похоже на театральные костюмы зверей в драмкруж-

ке Дома пионеров. Не хватало только хвостов, ушей и масок. Вместо масок виднелись лица — неподвижные и словно присыпанные розовой пудрой.

Люди ушли.

— Кто они такие? — спросил я шепотом Ктора. — И эти, и в коридорах… Все какие-то одинаковые.

— Слуги Ящера, — сказал Ктор.

— Какие слуги? Какого Ящера? Того… чудовища?

— Ну, не совсем так… Скорее это просто название. Их дело — поддерживать равновесие порядка на острове. Короче говоря, это что-то вроде дворцовой гвардии. Охрана правителя и полиция…

У меня все перепуталось в голове.

— А разве правитель… Я не понимаю: он против Ящера или за него?

Ктор насмешливо улыбнулся:

— Вы сами увидите. Я предупрежу его, что вы уже здесь, и он поспешит встретить вас… Подождите две минуты.

Он вышел. Довольно долго я был один. Стоял, оглядывался, слушал буханье часов. Наконец в комнате появился кругловатый низенький чело-

век в полосатом костюме. Он выскочил из двери, остановился передо мной, заулыбался и слегка развел руки. Весело сказал:

— А, это вы и есть юный герой, которого отыскал Ктор? Приветствую вас, Рыцарь Оленя, на острове Двид!

— Здрасте… — неловко отозвался я.

— Меня зовут Тахомир Тихо. Я — правитель этого острова.

Я не знал, что делать. В кинофильмах рыцари перед разными правителями и вельможами кланялись и расшаркивались. Но не мог же я, в самом деле, раскланиваться, как придворный.

Кажется, я глупо засопел, покраснел и сипло сказал:

— Очень приятно.

— Мне тоже приятно! — воскликнул Тахомир Тихо. — Приятно видеть такого храброго юного воина! Я рад познакомиться и рад поужинать с вами. Прошу к столу.

Правитель сел, и я устроился напротив него на краешке стула. Сразу возникли откуда-то плюшевые слуги Ящера и начали накладывать на тарелки овощи и жареное мясо.

— Не стесняйтесь, — предложил правитель. — Дорога была дальняя, вы проголодались, а дело

предстоит серьезное… Я восхищаюсь вашей смелостью, хотя, по правде говоря, не одобряю эту затею…

Я начал жевать, но тут чуть не подавился.

— Не одобряете? А зачем позвали?

Тахомир Тихо опять заулыбался, и щеки у него стали как два спелых яблочка.

— Это не я. Это Ктор. Он у нас романтик… Он считает, что надо бороться с каким-то гнетом! А где этот гнет? Как бороться?

— Разве Ящер не угнетает ваш остров? — нерешительно спросил я.

— Да какое это угнетение? Ящер в общем-то умное и незлое существо. Просто у него очень чуткая нервная система. Он реагирует на любое нарушение в равновесии порядка… Ну и… если, конечно, нарушений много, если равновесие под угрозой, наш Ящер сердится. Да. Было два случая, когда он в гневе разрушал город. Но я спрашиваю, кто виноват?

«Ничего себе! — подумал я и похолодел. — И с таким чудищем я должен сражаться?»

— А давно это было… эти случаи? — слабым голосом спросил я.

— Конечно, давно! Почти три столетия назад! С тех пор люди живут мирно, спокойно, не нару-

шают законов, и Ящер тоже спокоен! Только раз в месяц он выходит из озера и смотрит: все ли в порядке? А затем тихо укладывается на дно…

«Чушь, не разрушал он город, — с облегчением подумал я. — Это просто легенда. Мало ли что могли напридумывать за триста лет. А Ящер — наверно, доисторическое пресмыкающееся, которое уцелело в этом озере. Как-нибудь справлюсь…»

Ну в самом деле! Ведь во всех сказках, историях и фантастических фильмах если мальчишки попадали в волшебные страны, если сражались с чудовищами, то всегда выходили победителями. Значит, есть такой сказочный закон, и этот закон на моей стороне. Чего же мне бояться?

И я довольно храбро спросил Тахомира Тихо:

— А что, разве раньше не находились люди, которые хотели победить Ящера?

— Ну, почему же? Были… — суховато ответил правитель.

— И… чем кончалось?

— Как видите, Ящер здравствует.

Мне опять стало неуютно. Но я вспомнил о сказочном законе и сообразил, что те неудачники были не главные герои сказки, а я — главный. И спросил снова:

— Если вы так жалеете Ящера, почему тогда

разрешили Ктору, чтобы он устраивал бой? Непонятно что-то…

— А что я мог сделать? — воскликнул Тахомир Тихо. — Раз легенда говорит о юном рыцаре, я не имею права препятствовать! Надо уважать традиции! Я не тиран какой-нибудь, я все по закону… Если полагается бой с Ящером — деритесь!.. Только зачем? Кому это нужно?

— Неужели никому не нужно?

— Ну, встречаются изредка люди, которым все у нас не нравится, — неохотно признался правитель. — Хочется им чего-то нового! Все время им спорить надо, протестовать, в космос летать, открытия делать! Только это крайне редкие чудаки. Чаще всего дети. А вообще-то народ живет разумно. Тихо, но зато счастливо. Нет у нас ни бедности, ни голода, ни болезней. У нас все довольны жизнью, да! У нас *равновесие порядка*…

— Такое «равновесие», что никто на Земле про вас даже не знает, — усмехнулся я.

— И слава богу! — вскричал он. — В этом наше спасение… Да вы кушайте, кушайте, вот апельсин… Если бы про нас узнали, тогда что? Сделали бы наш остров пристанищем для туристов? Или военной базой? Или начали бы раскапывать, искать всякие руды и нефть? Научили бы жителей

воевать, ссориться, мечтать о богатстве, бездельничать? Нет уж, увольте, мы проживем сами. С Ящером или без Ящера, но одни. Нам с этими чужеземными влияниями одно горе. Стоит хоть какой-то капельке просочиться из-за границы — и началось…

Он даже побледнел слегка. Помолчал, побарабанил пухлыми пальцами о край тарелки с ломтиками ананаса. Проговорил с легкой дрожью:

— Взять хотя бы эту кошмарную книгу… Откуда она к нам проникла?.. Про трех головорезов. Даже про четырех… Скачут на лошадях, машут шпагами, обманывают королевского министра! Палят из пистолетов!.. После этого по всему городу стук пошел: понаделали деревянных сабель и давай! А в кустах только и слышно: «Пиф-паф! Пиф-паф!» А при чем тут пиф-паф, если на острове давно нет огнестрельного оружия… Вы не поверите, пришлось главному прокурору издавать специальный указ, чтобы навести порядок. А я в эти дни платил воспитателям двойное жалованье… Да вы кушайте, не стесняйтесь, Рыцарь…

Он перегнулся через стол, чтобы налить в мой стакан апельсинового сока. И я совсем близко увидел его лицо. И разглядел, что румянец со-

стоит из множества красных прожилок. В глазах — таких же маленьких и круглых, как у Ктора, — тоже были красные прожилки.

— А что плохого, если ребята играют? — спросил я.

— Играют? — испуганно изумился он. — Все игры изложены в специальных правилах, их изучают в школах и воспитательных павильонах. А если каждый начнет играть как вздумается, что будет с равновесием порядка? И как отнесется к этому Ящер?

«Тьфу на вашего Ящера, — сердито подумал я. — Тоже мне, «счастливое государство»…

А Тахомир Тихо пробормотал:

— Сначала они «играют», потом им хочется удрать из дома. Потом еще чего-нибудь захочется… Один даже додумался: плохо, говорит, что наш остров невидимый…

— А если он вдруг станет видимым? — с подковыркой спросил я. — Тогда что будете делать?

— Нет уж, — с удовольствием ответил Тахомир Тихо. — Не станет! Для этого пришлось бы изменить наклон земной оси, чтобы лучи солнца рассеивались в нашей атмосфере под иным углом… Когда-нибудь это, возможно, и случится, но очень-очень не скоро… Хотите еще соку?

Но я не хотел уже ни есть, ни пить. Ни разговаривать. Я смертельно хотел спать, у меня слипались ресницы…

ПУШИНКА НА РУКАВЕ

Меня разбудил Ктор Эхо.

Я лежал на узком диване с высокой резной спинкой. За медной решеткой окна было солнечное утро. Ктор сказал:

— Вчера вы так утомились, что задремали у стола… Я уложил вас в своем кабинете.

Значит, Ктор, Тахомир Тихо, Ящер — это все по правде? Не сон?

Я медленно приподнялся на локте. Я не мог понять: хорошо мне или плохо? Радуюсь я или тревожусь, что попал сюда?

— Скоро завтрак, — сказал Ктор.

Я откинул пушистый плед и стал одеваться. Потом спросил:

— А где умыться?

— Можно пройти в парк, там фонтаны. Только не отходите далеко от дворца…

Ктор провел меня вниз по винтовой лесенке и толкнул небольшую дверь.

— Погуляйте, я приду за вами…

Я шагнул на белый песок тропинки.

Нет, все-таки хорошо, что я оказался здесь! Я

вздохнул, и все жилки во мне зазвенели от радости. Потому что было такое синее небо, и такой замечательный воздух, и такая красота вокруг!

Висели на кустах темные и белые розы, громадные, как воздушные шары. На лужайках качались ромашки величиной с блюдце. Бугристые стволы деревьев были сплетены вьюнками. Желтые цветы-шарики вьюнков горели, как маленькие солнышки.

Среди веток и листьев громоздились камни, покрытые скользкой зеленью. С камня на камень сыпались маленькие водопады. У подножия этих камней я увидел мраморную девочку. Она была как живая: сидела на корточках и подставляла под струи ладошки.

Я умылся рядом с девочкой, расчесал пятерней волосы и побрел наугад по извилистой тропинке. Она вывела меня к беседке с витыми белыми столбиками.

Звенели и пересвистывались птицы.

Беседка стояла на пригорке, и я увидел с высоты город. Столицу острова Двид.

Не верилось даже, что есть у них тут какой-то Ящер, какие-то несчастья, угнетение. Такой замечательный был город, такое радостное утро!

По зеленым склонам тянулись улицы с невы-

сокими белыми домами, галереями, террасами. От верхних улиц к нижним спускались пологие лестницы, а по краям их стояли белые статуи. Я не мог разглядеть их издалека, но чувствовал, что они очень красивые. Кое-где поднимались развалины крепостных башен и цветные колоннады.

Но больше всего мне понравилось громадное сооружение, похожее на мост или на старинный римский водопровод. Его великанские арки вздымались над крышами, над башнями. Они были белые-белые и сияли среди зелени и на синем небе…

Я оглянулся на дворец. Он был небольшой, но тоже очень красивый: с желтыми стенами, с белыми карнизами и колоннами, с высоким серебристым куполом. Над куполом струился по ветру большой голубой флаг. Что-то золотилось на нем. Я присмотрелся, и показалось мне, что на голубом шелке виднеется голова с громадными глазами и пастью (так оно потом и оказалось).

Сойдя с пригорка, я прошел среди цветущих кустов и скоро наткнулся на высокую садовую решетку. За решеткой был тротуар из разноцветных плиток, булыжная мостовая и двухэтажные белые дома. Их балконы и стены опутывала зелень.

Я двинулся вдоль решетки и увидел калитку. Вышел на улицу. Мне очень понравился тротуар: его плитки складывались в узоры, как на ковре, и я медленно зашагал, глядя под ноги…

— Стой! — раздался визгливый вскрик. Я вздрогнул. Передо мной стоял длинный человек в удивительной одежде: коричневом балахоне до пят и шапке с кисточкой. Шапка была очень странная — оранжевая ермолка, а на нее ребром насажен черный треугольник. Белая кисточка моталась у нижнего угла, а на верхушке треугольника золотилась вышитая цифра 8.

У незнакомца было очень маленькое лицо, нос пуговкой и круглые водянистые глаза.

В этих глазах я увидел растерянность и удивление.

— Ты… что? — спросил незнакомец тонким голосом.

— Что? — сказал я.

— В каком ты виде?

— В каком?

Я оглядел себя. Майка с оленем довольно чистая. Штаны помятые? Но я же не в театре и не на параде…

Человек в шапке-треугольнике протянул к моей коленке тонкую трость.

— Это что?

— Это? — удивился я. — Синяк… А что такого?

У него побелело лицо.

— Ты говоришь так, словно это медаль за примерное поведение!

Я мигал и ничего не мог понять. А он продолжал:

— Синяк! Откуда у нормального мальчика может быть синяк? Ты лазил по заборам? Или… — он перешел на шепот и слегка нагнулся, — может быть, ты гонял ногами надутый кожаный шар? Где? С кем?

«Больной, что ли?» — подумал я и спросил:

— Разве нельзя мячик погонять?

Он хотел что-то сказать, но будто подавился от возмущения. Выпрямился, потом опять согнулся. Протянул к моей голове ладонь:

— У тебя жар?

Я откачнулся. В это время позади раздалось звонкое щелканье подошв. Лицо у незнакомца изменилось, он глянул мимо меня. Я посмотрел назад. Через дорогу шагал вприпрыжку мальчик с большой сумкой. Веселый такой парнишка, немного веснушчатый, похожий на моего одноклассника Владика Цветкова, только в непривычном костюме. В синей курточке с широким белым

воротником (как у матроски, но без полосок), в смешных желтых штанах до колен — они были широкие, с пришитой внизу длинной бахромой. «Ну и моды в здешних краях», — подумал я.

Мальчик нас не видел.

— Стой! — сказал длинный незнакомец.

Мальчик замер, будто в остановившемся кино — в один миг. Потом боязливо повернул к нам лицо.

Мой собеседник поманил мальчишку длинным, как карандаш, пальцем. Мальчик сделал несколько шагов и низко нагнул голову — то ли поклонился, то ли просто понурился.

— Никуда не уходи, — строго предупредил меня незнакомец и повернулся к мальчишке.

— Почему ты неприлично скачешь и стучишь башмаками, нарушая тишину прекрасного утра?

Мальчик совсем поник головой.

— Отвечай! — тонким голосом потребовал незнакомец.

— Я спешил в школу… — пробормотал мальчик.

— Разве в школу надо спешить? В школу надо выходить вовремя и являться точно в установленный срок. А ты, наверно, бегал по пустырям с другими бездельниками. Так?

— Нет, господин квартальный воспитатель, я не бежал, честное слово, — поспешно проговорил мальчик.

— А почему у тебя курточка в мусоре?

Квартальный воспитатель брезгливо снял с мальчишкиного рукава соринку.

— Это пушинка от тополя. У нас во дворе цветет тополь… и вот… она нечаянно прилипла…

— Надо быть внимательным и опрятным… Дай твою карточку.

Мальчик достал из нагрудного кармашка розовый квадратик. Не поднимая головы, протянул квартальному воспитателю. Тот недовольно сказал:

— Какая она у тебя потертая! И сколько дырок… — Он вынул из складок своего балахона блестящие щипцы с зубцами в виде драконьих головок.

Мальчик быстро поднял перепуганные глаза.

— Господин квартальный воспитатель, пожалуйста, не надо! Если вы проколете, меня сегодня накажут!

Драконьи головки с громким щелчком прокусили розовый картон. Мальчик вздрогнул.

— Если тебя накажут, значит, это необходимо, — наставительно сказал квартальный

воспитатель. — Виноватый всегда должен нести наказание, чтобы сохранялось равновесие порядка. Разве тебя этому не учили? Отвечай.

Мальчик снова понурился и прошептал:

— Учили…

— В таком случае ты должен понимать, что наказание принесет тебе пользу. Разве не так?

— Так.

— Тогда почему же ты не благодаришь?

— Благодарю вас, господин квартальный воспитатель, — совсем тихо проговорил мальчик, и ресницы у него заблестели.

— Отвечай как следует.

— Благодарю вас, господин квартальный воспитатель! — звонким от слез голосом сказал мальчик.

— Прекрасно, можешь идти. И веди себя примерно.

Мальчик повернулся и побрел с опущенными плечами. Будто совсем не он минуту назад весело скакал по мостовой.

«Вот шкура!» — подумал я о квартальном воспитателе номер восемь. А он словно услышал эту мысль и сердито повернулся.

Но тут поспешно подошел Ктор Эхо. Что-то сказал на ухо воспитателю, а меня взял под руку.

— Ну что же вы, Евгений! Я попросил не уходить далеко от дворца…

— Разве я далеко?

— Идемте завтракать.

Мы пошли к калитке. Там я оглянулся. Квартальный воспитатель изумленно смотрел нам вслед. Я не выдержал и показал ему язык.

ВСТРЕЧИ В ГОРОДЕ

Мы позавтракали с Ктором в круглой комнате. Потом слуга Ящера принес голубой шелковый плащ с серебристыми застежками. Ктор набросил его мне на плечи.

— Вот так будет лучше. Накидка закроет ваши «боевые шрамы», которые приводят в ужас квартальных воспитателей.

— Ряса какая-то, — сердито сказал я.

— Ничего, здесь так принято… Сейчас мы погуляем…

— А когда бой? — спросил я нетерпеливо.

— Бой завтра. Именно завтра Ящер должен показаться из озера. А пока я познакомлю вас со столицей.

Мы с Ктором долго ходили по улицам. Красивый здесь город, зеленый, тихий. Много фонтанов. И еще много разных развалин: башен, стен, храмов. Сразу видно, что страна эта древняя.

Я разглядывал людей. Мужчины были в просторных костюмах и широких шляпах, женщины — в длинных разноцветных юбках и пестрых накидках. Все спокойные и неторопливые. И вот

что я заметил: все они казались одного возраста — тридцати или тридцати пяти лет, румяные, здоровые. Нигде не было видно юношей и девушек. Я сказал об этом Ктору. Он слегка удивился:

— А зачем они?

Я тоже удивился:

— Как зачем? Ну… я не знаю. Ребята же растут, превращаются в молодежь.

— У нас не превращаются, — объяснил Ктор. — На острове так воспитывают детей, что они сразу становятся взрослыми. Крепкими, работящими, спокойными.

— А… как же? Сперва мальчик, а потом сразу… такой вот дядька?

— Да, очень быстро. И никаких забот. А с молодежью сколько было бы возни! Это очень опасный народ. Им все время лезут в голову нелепые мысли: хочется чего-то изменять, куда-то лететь, строить что-то непохожее на старое… Слава богу, мы от этого избавились…

— Ради *равновесия порядка* и любимого Ящера, — с насмешкой сказал я.

— Вот именно, — откликнулся Ктор Эхо, и я не понял: тоже с насмешкой или серьезно.

Несколько раз нам встретились школьники. Ребята шли длинными цепочками в затылок друг

другу. С опущенными плечами, молчаливые и очень послушные. Сзади и спереди вышагивали воспитатели в коричневых балахонах и с номерами на шапках-треугольниках. Мальчишки были в таких же, как у меня, плащах или в курточках и штанах с бахромой, которая смешно моталась вокруг тонких ног. А девочки — в разноцветных платьицах и пестрых передниках.

Как-то не вязался этот яркий наряд с их поникшим видом…

Часто попадались навстречу слуги Ящера — с одинаковыми розовыми лицами. Все они с ног до головы были затянуты в серый плюш. Даже на пальцах — плюшевые перчатки. Вот, наверно, мучились от жары бедняги! Я хотел сказать об этом Ктору, но услышал пронзительный голос:

— Последние новости! Слушайте, дорогие жители острова Двид! Наша жизнь течет спокойно и счастливо, хвала нашему чуткому и доброму Ящеру!..

Из-за угла на середину улицы вышел очень странный человек: в грязном белом цилиндре, коричневом длиннополом пиджаке и узких клетчатых брюках. Он странно выворачивал и вскидывал ноги, будто они сгибались в коленях во все стороны. Голова на тонкой шее вертелась,

руки невпопад мотались. Человек запрокидывал голову и с какой-то натужной веселостью вопил:

— Слушайте, почтенные горожане. Все спокойно на острове! Вчера вечером скончался уважаемый Дагомир Как, торговец клеем, красками и мороженым! Мы погорюем о нем положенное время, но скоро наша печаль сменится тихой радостью, потому что мы живем на острове Двид! Наша жизнь приятна и радостна, почтенные соотечественники! Сегодня после обеда мы соберемся на главной площади для субботних танцев! Приходите танцевать, жители столицы!

Взлягивая и дергаясь, человек прошел мимо нас. На его запрокинутом лице сияла блаженная улыбка. Я подумал, что это городской сумасшедший, и вопросительно посмотрел на Ктора. Ктор сказал с усмешкой:

— Это наш славный Крикунчик Чарли. Наша живая газета. Он всегда там, где самые важные события…

— Разве у вас нет радио?

— Ра-дио?.. Ах да, есть… Но Крикунчик — это наша традиция, к нему все привыкли. Кое-кто считает, что он чересчур шумлив, но все его любят. За то, что он любит наш остров, где царит незыблемое равновесие порядка…

И опять я не понял: всерьез говорит Ктор или с иронией?

— Если бы мы объявили о танцах по городскому слухопроводу, никто бы, пожалуй, не пришел. А Крикунчик Чарли умеет созвать народ.

Я видел эти танцы. Они были устроены на треугольной площади, которую мы проезжали накануне. Откуда-то доносилась плавная музыка, и под нее неторопливо двигались пары: широкоплечие дядьки и румяные женщины. Танцоры сходились, расходились, перемещались по кругу, раскланивались...

Иногда музыка замолкала, и тогда начинал верещать Крикунчик Чарли. Он, дергаясь, вышагивал среди танцоров.

— Прекрасная вещь — субботние танцы! Мы замечательно веселимся, не правда ли, почтенные жители столицы? Как приятна эта милая музыка!

Милая музыка мне показалась однообразной, все танцы были похожи один на другой. Я дернул Ктора за рукав и хотел спросить, нет ли в этом городе кино или зоопарка. Но музыка внезапно оборвалась, раздался звон громкого колокольчика.

Через площадь ехало странное сооружение:

высокая ступенчатая пирамида, обитая грязно-розовой материей. Пирамида была на больших дутых колесах. Ее тащила смирная серая лошадка. По углам пирамиды на ее нижних ступенях сидели слуги Ящера. А на верхней площадке, метрах в четырех от земли, возвышались два квартальных воспитателя. Они стояли, как на капитанском мостике: смотрели вперед, а руки положили, будто на поручень, на тонкую перекладину, укрепленную поверх деревянных столбиков.

Наступила тишина, а потом Крикунчик Чарли восторженно завопил:

— О, вот она, добрая наша старая колесница справедливости! Кто не вспомнит милые школьные годы, глядя на ее скрипучие ступеньки! Ха-ха, кое-кто боялся ее в детстве, но как мы благодарны ей теперь! Не правда ли, дорогие горожане?!

Раздались негромкие аплодисменты. А Крикунчик выскочил перед пирамидой и зашагал впереди лошадиной морды. Он дергался и выкрикивал:

— Вот она едет, наша милая розовая повозка! Она никому не позволит нарушить равновесие порядка! Ну-ка, где вы, лентяи, неряхи и любители недозволенных игр?!

Лошадь не обращала на Крикунчика внимания — видимо, привыкла. Квартальные воспитатели тоже не изменили своих капитанских поз. Они стояли как деревянные. Один воспитатель был коренастый, круглолицый, с широким желтым воротником на балахоне. Другой — тощий и высокий. Я сперва подумал, что это мой утренний знакомый, но потом увидел, что номер на его шапке другой.

«Колесница справедливости» пересекла площадь и въехала в переулок, но все еще были слышны вопли Крикунчика.

— Что это за чудо на колесах? — настороженно спросил я Ктора.

Он усмехнулся и сказал:

— Пойдемте, вам будет полезно посмотреть.

Мы пошли следом за пирамидой.

Квартала через два пирамида остановилась у белого аккуратного домика. Мы с Ктором отошли к изгороди. У меня от долгой ходьбы по городу гудели ноги, и я присел на покрытый черепицей выступ.

Длинный воспитатель высоко поднял руку с колокольчиком и позвонил. Прошло полминуты. На крыльце показался краснощекий дядька. За руку он держал бледного светлоголового маль-

чика лет десяти. Дядька что-то сказал сердитым шепотом, выпустил руку и подтолкнул мальчика с крыльца. Тот сделал несколько шажков, потом замер. Перепуганно смотрел на верхушку розового помоста.

Длинный воспитатель, подобрав подол, спустился с площадки и взял мальчика за локоть. Сказал почти ласково:

— Пойдем, голубчик.

Я увидел, как у мальчика подогнулись коленки. Он заговорил громким от отчаянья голосом:

— Но это, наверно, ошибка! Честное слово! У меня всего три прокола!

— Ха-ха! — заверещал Крикунчик Чарли. — Вы слышали? *Всего* три прокола! Радостный покой и благонравие все больше укрепляются на нашем острове, и три нарушения порядка за неделю — это совсем не мало в наши дни! Ни у кого на улице Зрелых Апельсинов нет проколов больше, чем у этого мальчишки. А он еще говорит про ошибку!

Длинный воспитатель поморщился и недовольно покосился на Крикунчика, но мальчику сказал:

— Ты слышал, что говорит господин Чарли? Ступай наверх.

Он повел мальчика по лесенке. Тот опустил го-

лову и сначала не сопротивлялся, но на верхней ступеньке слабо дернулся. Сказал со слезами:

— Я не хочу…

— Как не хочешь? — громко удивился воспитатель. — Разве ты собираешься поколебать равновесие порядка и вызвать гнев Ящера?

Он потянул мальчика, и они поднялись на площадку.

— Не надо… — последний раз проговорил мальчик, но четверо слуг Ящера обступили его, засуетились, а когда разошлись, он оказался в одной коротенькой рубашонке. Слуги растянули его руки на низкой перекладине и примотали какими-то серыми лентами…

Мне показалось, что кругом очень тихо, но это была тяжелая тишина, будто уши залепило пластилином. В руке у коренастого воспитателя появилось что-то вроде маленького черного удилища. Мои пальцы так сдавили черепичную плитку, что она треснула, и плоский осколок остался в ладони.

Воспитатель взмахнул удилищем. Тугую тишину прорезал короткий шелест и сразу — отчаянный вскрик. К горлу у меня подкатила горячая тошнота. Я вскочил и со всей силой метнул черепичную пластинку в этого подлого палача.

Я не попал. Черепица ударилась о столбик и разлетелась. Но, кажется, осколками этому гаду все же досталось. Он уронил хлыст и зажал рожу растопыренной пятерней. Крикунчик Чарли завопил что-то непонятное. Лошадь дернулась, помост закачался. Слуги Ящера суетливо попрыгали вниз и направились ко мне.

Но плевал я на них! Я видел распятого на перекладине мальчишку и хотел, чтобы его отпустили! Я оторвал еще кусок черепицы!

Ктор крепко ухватил меня за плечи, а слугам и всем собравшимся громко сказал:

— Успокойтесь! Это Рыцарь Оленя. Он пришел к нам, чтобы вызвать на поединок Ящера!

Они окаменели, я увидел черные открытые рты. Я рванулся к помосту на помощь мальчишке.

— Отпустите его! Вы! Фашисты!

Ктор ловко дернул меня назад, утянул в калитку, захлопнул ее. Я с яростью повернулся к нему.

Ктор сказал:

— Да успокойтесь же, его отпустят. Сейчас его никто не тронет… Нельзя же быть таким несдержанным.

— Надо было оставаться сдержанным?! — со звоном спросил я.

— Ну, ладно, ладно, — пробормотал он. — Сей-

час уже все равно. Может быть, это и к лучшему… Только давайте возвратимся во дворец.

Я как-то сразу ослабел. Прислонился к калитке. Испугался, что зареву, как маленький, и зло сказал:

— Ну и страна у вас…

— Вот такая страна. Остров Ящера… По крайней мере, будете знать, за что деретесь…

Теперь я знал. Я локтем оттолкнулся от калитки и хмуро сказал:

— Идемте…

Дворик, в который мы попали, оказался проходной. Мы вышли в тихий переулок и скоро уже были во дворце. Остаток дня я провел в кабинете Ктора. Он показывал мне какие-то старинные книги и монеты, но я машинально кивал и все время видел перед собой этот гнусный розовый помост. И тоненького светлоголового мальчишку…

Вечером пришел оружейник. Он снял мерки с моей правой руки и с головы. Для меча и шлема.

Ужинал я один — все в той же круглой комнате с бухающими часами. Ктор куда-то ушел, а Тахомир Тихо не появлялся. После ужина Ктор отвел меня в спальню с высокими окнами и громадной кроватью. Белые светящиеся шары у стен

медленно потускнели. Я лег и стал думать про завтрашний бой. Он меня не пугал. Я по-прежнему помнил, что в таких боях рыцари всегда побеждают чудовищ.

Интересно, какой он, этот Ящер? Наверно, у него перепончатые лапы, гребень на спине и змеиная голова на длинной тонкой шее. Надо будет обмануть чудовище. Я увернусь от головы, проскочу под шею и снизу ударю мечом по драконьему горлу.

Я был уверен, что все так и случится.

А розовый помост мы с ребятами сожжем на площади. Интересно, что при этом будет верещать Крикунчик Чарли?

ЯЩЕР

Я проснулся на громадной, как стадион, постели. По грудам подушек, по белому атласному одеялу прыгали солнечные зайчики — желтые, красные, синие. Это за окном с разноцветными стеклами качались ветки, а сквозь них били утренние лучи.

Я сразу все вспомнил — где я и что меня ждет. И ничуть не встревожился. Что плохого может случиться в такое солнечное утро? Я, как и вечером, подумал, что битвы рыцарей с драконами всегда кончаются плохо для драконов.

Плюшевый слуга Ящера выступил из угла и шелестящим голосом сказал:

— Пора вставать, Рыцарь Оленя.

Я быстро натянул одежду.

— Умойтесь, Рыцарь Оленя, — опять прошелестел слуга. Он держал длинный медный кувшин и наклонял его над большим тазом.

Да что у них, до сих пор водопровод не изобрели? Вчера фонтан, сегодня кувшин… А может быть, это такой обычай, чтобы рыцари перед битвой умывались как в старину?

— Мыло-то у вас есть? — спросил я.

Слуга поклонился и протянул мне желтый увесистый кусок. От куска пахло горькой травой. Но все-таки это оказалось настоящее мыло.

Вода была холоднющая, но я вымыл лицо и шею. Этот плюшевый тип начал вытирать меня мохнатым полотенцем. Я вырвался… и вдруг вспомнил маму. Когда я учился в первом классе, она по утрам торопливо подталкивала меня к умывальнику, потом сама вытирала мне лицо и приговаривала: «Пошевеливайся же ты… Ну почему ты такой копуша? Опять опоздаешь в школу…»

Я коротко вздохнул: далеко-далеко мама и папа. И даже не догадываются, где сейчас их Женька.

Ну ничего! Разделаюсь сегодня со здешним драконом — и сразу домой…

— Вот ваше оружие, Рыцарь Оленя…

Слуга теперь держал на вытянутых руках прямоугольный щит, а на щите лежали блестящий меч и красивый медный шлем с гребешком из черной щетины.

Я взял меч. Он был длинный, но тонкий и не тяжелый. Как раз по руке. Я хотел помахать им, но постеснялся плюшевого зрителя. Примерил шлем. Он тоже оказался как раз для меня. Закрывал всю голову, шею, лоб, уши. А стальная стрелка

защищала переносицу.

Щит был обит черной кожей, а на ней поблескивало выпуклое изображение оленя из какого-то зеленого металла. Надо же! Успели специально для меня сделать! Я просунул руку в плотные кожаные кольца. Щит оказался лишь немного тяжелей моего фанерного.

И вот я стоял в полном вооружении, прямо хоть сию минуту в бой.

— Вы готовы, Рыцарь Оленя? — спросил слуга.

Что? Прямо сейчас?

— Поесть-то хотя бы дадите? — сердито проговорил я.

— Идемте. Завтрак внизу.

Я оглянулся на громадную кровать: на раскинутые подушки и смятое одеяло. Если бы я дома не убрал за собой постель, мама дала бы мне жизни! Но, наверно, рыцарям перед битвой не положено возиться с домашней уборкой… И я не стал ничего делать, только взял из-под подушки свой ключ на шнурке (а то потеряется здесь) и деревянный кинжал — на счастье.

По темной лестнице, над которой горели желтые фонари, мы спустились в круглую комнату. Из другой двери выкатился правитель Тахомир Тихо.

— А! Вот и наш герой, — проговорил он со сдержанной улыбкой и слегка поклонился. — Садитесь, Рыцарь Оленя. Подкрепитесь перед боем, который вас ожидает.

Я оставил оружие у дверей и сел. На столе опять стояли разные тарелки и вазы, и на них было много всего. Но я вдруг почувствовал, что не хочу есть. От волнения. Это было не боязливое волнение, а, наоборот, праздничное. Примерно такое же, как перед пионерским парадом, когда я впервые шел в шеренге горнистов… В общем, я сжевал яблоко и больше ни на что не посмотрел. Встал.

Тахомир Тихо тоже встал.

— Я вижу, вы готовы, — сказал он. — Что ж, самое время. — И он посмотрел на часы, которые все бухали и бухали, качая громадный маятник. Сердце у меня тоже слегка забухало, но опять не от страха. От неизвестности и близких приключений.

Правитель снова улыбнулся:

— Сами понимаете, моя должность не позволяет мне желать вам успеха. Поэтому я скажу так: пусть все решит судьба… На место боя вас проводит Ктор. Прощайте, Рыцарь Оленя.

— Прощайте, — отозвался я. Последние слова Тихо мне очень не понравились, но я отогнал

тревогу. Отошел к двери и стал надевать снаряжение. Через минуту появился Ктор Эхо. Я ему обрадовался.

— Приветствую вас, Евгений, — сказал Ктор без улыбки. — Я вижу, вы настроены бодро и уверены в успехе…

— А вы? — спросил я, и тревога опять кольнула меня.

— Это неважно, — ответил он. — Главное, что уверены вы. Идемте.

Мы прошагали через сад и вышли на улицу. Перед воротами дворца было пусто. Только в окнах домов торчали тут и там неподвижные, как маски, лица. Зато поодаль на тротуарах стояло множество молчаливых людей, а на мостовой выстроился четырехугольник слуг Ящера. На них были плоские каски, а поверх плюшевых комбинезонов — кольчуги с медными бляхами. Над касками торчали копья. Их наконечники были похожи на узкие двурогие вилы.

Не понравилось мне все это молчание. Ктор понял меня и мягко сказал:

— Вы не должны обижаться на людей, Евгений. Они боятся вас приветствовать. Их запугивали всю жизнь, и они думают: «А что нам будет, если победит не рыцарь, а Ящер?»

— Подумаешь! — бодро ответил я. — Больно нужны мне приветствия... — Однако настроение слегка угасло.

Мы двинулись вниз по улице. Почти сразу ухнули сзади дружные шаги. Я оглянулся. За нами неторопливо маршировал вооруженный строй.

— Зачем они?

— Не волнуйтесь, — с усмешкой сказал Ктор. — Когда вы победите, они станут выполнять все ваши приказы... А народ будет рукоплескать и кричать «ура».

«Тоже мне, народ, — подумал я, вспомнив краснощеких мужчин и сытых дам на площади. — Как драться — их нету, а рукоплескать — пожалуйста». Но тут же я вспомнил мальчишку на розовом помосте, и пальцы у меня стиснулись на рукояти.

Улица уступами спускалась с холма, а кругом на склонах раскинулся город. Такой красивый! И утро было такое свежее, чистое! Пахло мокрой зеленью и еще чем-то знакомым, похожим на запах цветущих одуванчиков, хотя самих этих цветов я не видел. Солнце стояло невысоко, но было уже горячее. Оно светило мне в спину и грело сквозь майку.

Среди зелени ярко белело кружево старинного

моста…

Неужели я не смогу освободить от Ящера эту прекрасную землю?

Улица вывела нас из города. Неширокая дорога пролегала среди кустов и невысоких пригорков. На пригорках я увидел людей. Эти люди устанавливали на треногах какие-то приборы, похожие на громадные гармошки: не то фотоаппараты, не то телекамеры.

На ближнем холмике, совсем недалеко от дороги я разглядел вертлявую фигуру Крикунчика Чарли. Он крутился среди тех, кто устанавливал аппарат. Когда я проходил мимо, Крикунчик укрылся за другими людьми.

Кое-где стояли цепочки ребят, а над ними торчали треугольные шапки воспитателей…

Топот вооруженных слуг Ящера затих. Пригорки кончились, и дорога потянулась через луг, похожий на высохшее болото: вперемежку с травой торчал из земли сухой тростник. Иногда он был очень высоким, метелки его качались выше моей головы. За этими сухими метелками вдруг заблестела синяя вода.

— Вот и все, — сказал Ктор и остановился. — Дальше вам надо идти одному, Евгений. Дальше — уже поле боя…

Так быстро? И как-то очень уж просто… Я недоверчиво посмотрел на Ктора. Ктор отвел глаза.

— По правде говоря, — вздохнул он, — мне тоже не хочется, чтобы Ящер видел меня с вами рядом… А вы идите прямо к берегу и ждите. Ящер скоро появится… Ну, я пошел.

Он даже не добавил «желаю победы». Быстро исчез, только тростинки зашелестели. Мне страшно стало. Но не мог же я отступить. И я пошел к берегу: не по дороге, а прямо сквозь траву и сухие ломкие стебли.

И вышел на плоский песчаный бугорок шагах в двадцати от воды.

Озеро было шириной с километр. На том берегу голубел невысокий лес. В гладкой воде отражались облака. И тихо было. Страх начал угасать. Я опять стал думать, как обману Ящера, когда он вылезет: обегу стороной, нырну под огнедышащую голову и с размаху садану мечом по длинной шее…

Но скоро ли появится это чудище?

Все было спокойно. Только мне показалось, что озеро в самой своей середине стало слегка вспухать. Вода словно поднималась плоским горбом.

Сердце у меня заперестукивало, я приглядел-ся. Нет, это не вода вспухала. Это поднимался

из озера синевато-серый стальной остров. Его движение ускорялось. И вдруг из воды с ревом и свистом выросла на жуткую высоту башня! С нее рушились водопады…

В первый миг я даже не испугался. Просто остолбенел. Потом, закинув голову, разглядел башню. Это был шар с двумя черно-зелеными кругами. Он стоял на чешуйчатых столбах. Столбы колебались, и шар вверху покачивался, будто аэростат… Я вдруг понял, что это! И задохнулся от ужаса.

Круги — это были зеленые глаза с черными зрачками. Шар — голова. Гибкие столбы — щупальца. Покачиваясь на этих щупальцах, над озером стоял осьминог. Спрут. По форме он был такой же, как обычные осьминоги (я их видел на картинках), но покрыт он не слизью, а, видимо, стальной броней.

А размеры!..

…Когда я был совсем маленький, мне изредка снился жуткий сон: будто я один-одинешенек стою в широком поле, а из-за горизонта показывается лицо. Невыразительное, скучное, с морщинками и родинками. Обыкновенное лицо, но оно размером с полнеба! И эта смесь обыкновенности и громадности замораживала меня мертвым страхом…

Так было и сейчас. Я заледенел и смотрел, не мигая, на чудовище ростом с Останкинскую башню.

Спрут стоял на четырех щупальцах. Четыре других были скручены улитками, и эти громадные «улитки» висели под самой головой. Спрут повел глазами и стремительно выпрямил одно щупальце. На секунду оно повисло над озером, а потом конец его упал на дальний берег. Сначала я ощутил сотрясение земли и увидел, как взволновалась вода, а затем уже услышал громоподобный свист и грохот удара. Над лесом взметнулся дым.

Тут же развернулась вторая «улитка», и, с ревом рассекая воздух, прямо на меня понеслось другое щупальце.

Я не шелохнулся, только закрыл глаза.

Гигантская «нога» спрута упала на берег шагов за пятьдесят от меня. Словно грохнулся с неба железнодорожный состав. Земля подскочила, мой пригорок вздыбился и сбросил меня в траву.

Шлем с меня скатился, меч отлетел. Только щит удержался на левом локте. Я опрокинулся на спину. Опять как от взрыва подскочила земля: это приподнялось и снова грянуло о берег тысячетонное щупальце спрута. Надо мной прошел жаркий ветер, и я увидел на верхушках сухого тростника язычки бледного огня.

А в ясном небе, над огнем и грохотом, над моим отчаянным страхом, стояла громадная круглая голова с зелеными глазами. Глаза медленно поворачивались, кого-то искали. Меня?

Я отбросил щит, вскочил и побежал. Как зверек в траве. Скорее, скорее, лишь бы спастись…

Я бежал, а земля вздрагивала и гудела, и теплый ветер иногда толкал меня в спину. Потом стало тихо, но я все равно бежал. А в голове само собой колотилась только одна коротенькая мысль: «Спрут, а не Ящер. Спрут, а не Ящер…»

Сквозь высокие кусты и камни я выбрался на ровную лужайку. Там стояли люди. Я бы промчался мимо них без задержки, но они загородили дорогу. И я услышал тонкий вопль Крикунчика Чарли:

— Вот он, наш «герой»! Посмотрите, жители острова Двид! Вот он, глупый, трусливый рыцарь, бросивший свой меч! Как быстро улепетывает он с поля боя! Да здравствует победитель Ящер! Да здравствует вечное равновесие порядка! Держите этого хвастуна!

Передо мной мелькали какие-то лица. Кто-то злорадно загоготал, кто-то свистел. Двое слуг Ящера крепко взяли меня за локти, и мне показалось, что в пальцах их плюшевых перчаток

стальные стержни.

Меня куда-то повели, потом повезли в глухой темной повозке.

И я оказался в темнице…

Да, это была настоящая темница. Со всех сторон под ногами и над головой — грубый ноздреватый камень. Даже лежанка оказалась сложенной из еле отесанных могучих плит. А вместо обычного стола поднимался над полом вырубленный из камня куб. Только табуретка была железная или чугунная — с дурацкими завитками на ножках и мелкой решеткой на сиденье.

Когда меня сюда впихнули (не очень грубо, но решительно), я целую минуту обалдело стоял, и в мыслях у меня была сплошная путаница. Потом как-то сразу ослабели ноги. Я сел на решетчатую табуретку, но тут же вскочил: она обжигала холодом, будто ее внесли с зимней улицы. Камень лежанки тоже был холодный. И сырой. Я прислонился к двери. Она оказалась сколоченной из могучих брусьев, и дерево было теплее камня.

Темница на то и темница, чтобы в ней не хватало света. Но после глухой черноты внутри повозки мне здесь показалось светло. Стены вверху постепенно сужались и превращались в высокий сводчатый потолок, а в самой высокой точке потолка ярко светилось квадратное окош-

ко. Я находился будто внутри четырехугольной каменной бутылки, а окошко было горлышком. В этом «горлышке» синело небо и белел край пушистого облака.

Сначала я просто смотрел, как движется облако. Потом тряхнул головой, и обрывки мыслей стали как бы склеиваться. Я начал по порядку вспоминать, как все было.

И вдруг мне стало до жути стыдно.

Нет, не потому, что я бежал с берега. Разве может один человек воевать с несущимся на него курьерским поездом, с Ниагарским водопадом, с атомным взрывом? Не может ни мальчишка, ни взрослый! Но меня съедал стыд за свою прежнюю нахальную уверенность. Надо же, явился сказочный принц! Решил, что махнет мечом и спасет целое государство! «Обегу стороной, поднырну под шею и по горлу — раз!..» Ой, дурак, дурак, дурак...

Да, но эти, кто додумался меня сюда привезти, о чем думали? Неужели всерьез верили, что мальчишка справится там, где нужны ракетные батареи? Идиоты! В легенды поверили! Сами все хвосты поджали, а пацана одиннадцати лет сунули вперед. На верную гибель!

Тут у меня все смешалось: и стыд, и злость, и

жалость к себе. И очень-очень захотелось домой. И еще захотелось лечь прямо на пол и зареветь.

Но на пол я не лег: знал, что он холодный. А зареветь не успел. Тяжелая дверь за мной качнулась, и я отскочил.

Вошел очень высокий человек в плаще до пола. Молча посмотрел на меня, подтащил к каменному столу чугунный табурет и сел. Конечно, в плаще-то не холодно.

Сидеть ему было неловко: некуда девать колени. Он поморщился, повозился и повернулся ко мне. Сказал глуховатым невыразительным голосом:

— Я — главный прокурор острова Двид. Моя задача — поддерживать равновесие порядка, установленное могучим Ящером.

«Ну и что?» — хотел спросить я, но не решился. Просто смотрел на него мокрыми глазами. У главного прокурора была длинная, как огурец, голова. Голая. Только на самой верхушке «огурца» торчал жиденький кустик волос. Нос был маленький, пятачком, совсем не подходящий к длинному лицу. А бровей я вовсе не увидел. Вместо них над глазами шевелились розовые безволосые бугорки.

— Эй… — негромко сказал прокурор в открытую дверь, за которой маячили темные фигуры. Почти

сразу вошел слуга Ящера, он принес горящую свечу и лист бумаги. Прокурор кивком отослал слугу, достал большую авторучку и обратился ко мне:

— Вы — тот, кто называет себя Рыцарем Оленя?

— Не называл я себя так… — заспорил я сиплым от слез голосом. — Это вы все здесь меня так прозвали.

— Ну, допустим. А кто вы на самом деле? Как ваше настоящее имя?

— Ушаков… Женя. Из девятнадцатой школы, четвертый «В». То есть пятый уже…

Все так же невыразительно он спросил:

— Вы прибыли на остров, чтобы убить нашего славного Ящера?

— Я же не хотел… Это Ктор сказал, что все хотят… что он всех угнетает… А я…

— Вы пошли к озеру с оружием, желая напасть на Ящера. Разве не так?

— Я же не знал, что он такой громадный, — глупо пробормотал я.

Прокурор сказал со сдержанным удовольствием:

— Значит, если бы наш славный Ящер был меньше и слабее, вы попытались бы убить его… Вы признаетесь?

— Я же не сам… Мне сказали, что так надо… — опять пробормотал я.

Но он уже не слушал и быстро писал. Потом помахал в воздухе листом и сказал:

— Подпишите признание.

Я здорово испугался, сам не знаю почему. И крикнул:

— Я ничего не буду подписывать!

— Ну как хотите. Это неважно, — равнодушно сказал прокурор и встал. Прихватил свечу, бумагу и, шурша плащом по полу, зашагал к двери.

— Что вам от меня надо? — громко сказал я вслед. — Что я, так и буду здесь сидеть?

Прокурор оглянулся в дверях и спокойно ответил:

— Нет, вы здесь не засидитесь.

Дверь с визгом и лязганьем закрылась.

Я стоял и не знал: пугаться или радоваться словам прокурора. Не засижусь… а что будет потом?

Я подошел к табуретке и потрогал. Может быть, она хоть немного нагрелась от прокурора? Нет, видно, прокурорский зад был такой же холодный, как стены темницы.

На усталых и слабых ногах я зашагал от стены к стене…

Так прошло какое-то время. Совсем не знаю

какое: может, пятнадцать минут, а может, три часа. Мысли опять сделались перемешанные. Я то вспоминал о доме, то думал про железного Ящера, то со страхом гадал, что со мной сделают…

Залязгал дверной засов. Я остановился и задрожал: что сейчас произойдет?

Появился Тахомир Тихо.

Он с печальной улыбочкой посмотрел на меня, огляделся, покачал головой и заговорил:

— Ну, это уж чересчур, это уж ни к чему. Холод, сырость, постель не дали… Эй, там! Велите, чтобы принесли постель!.. Да, уважаемый Рыцарь Оленя, грустно все у вас получилось. Я ведь предупреждал.

— Ничего вы не предупреждали! — крикнул я и разозлился. — Говорили: «Ящер, Ящер», а это спрут. Да вон какой громадный!

Тахомир Тихо сдержанно хихикнул:

— Все его зовут Ящер. И всегда так звали. А что такое «спрут», я не знаю… Я же говорил, что это страшное чудовище. А вы думали, что это котеночек?

Он присел на край лежанки, тут же встал и мелко зашагал из угла в угол.

— Да-да, я предупреждал… И зачем вам нужно было влезать в эту историю? Остров жил спокой-

но, мирно, все были довольны…

— И те ребята, которых вы хлестали на вашей дурацкой телеге? — перебил я.

Тахомир Тихо остановился и пожал плечами:

— Что здесь дурного? Дети сами понимают, что это необходимо. Это разумная строгость. Да! Она нужна для равновесия порядка.

— «Порядка»! Фашисты вы! — сказал я.

— Кто? Не понимаю… Детей необходимо держать в страхе, чтобы в головы им не приходили нелепые фантазии. Иначе что получится? Сначала они начнут слишком прыгать, бегать и хохотать, затем у них появятся недозволенные игры, потом кому-то покажется, что в жизни острова не хватает новизны… И наконец, у кого-то может возникнуть желание *переделать* эту жизнь… — Правитель оглянулся и передернул плечами.

— Ну и пусть переделывают! А вам жалко?

Тахомир вздохнул, будто пожалел меня за неразумность. И объяснил:

— Во-первых, жалко… Из-за какого-то младенческого бреда разрушить такую налаженную, спокойную жизнь… А во-вторых, Ящер не потерпит, чтобы равновесие порядка было нарушено…

— Да ему-то зачем это ваше равновесие?

— Зачем — никто не знает, — строго объяснил Тахомир. — Но Ящер поставлен над нами высшей силой, чтобы это равновесие соблюдалось. И прекрасно, что поставлен. Да! С его помощью остров достиг расцвета и благоденствия.

— Ну и расцвет! Смотреть тошно!

— Не нравится — не смотрите, — возразил Тихо. — Вас никто не звал.

— Как раз звали! Ваш заместитель Ктор Эхо!

— Ну… я же говорил: Ктор у нас романтик, — с улыбкой заметил Тихо. — Вам не надо было его слушать… Теперь вы сами видите, что острову Двид вы не нужны.

— Ну, раз не нужен, отправьте меня домой, — торопливо сказал я.

— Да? А Ящер? Вы хотите, чтобы он в ярости смешал наш город с камнями? Вы нарушили закон и должны отвечать, Рыцарь Оленя.

— Но я же ничего не сделал!

— Ничего? — сердито хмыкнул Тихо. — А вчерашний скандал на улице? А дерзкий вызов Ящеру? Думаете, он простит?.. Вы — государственный преступник, и вашу судьбу решит суд острова Двид.

— Вы не имеете права меня судить! Я не из вашей страны!

— А проникать в нашу страну с преступной целью вы имели право? — с насмешкой возразил он. — Нет, уважаемый Рыцарь Оленя, вы виноваты, и народ должен увидеть, что вы понесли наказание.

«Неужели как того мальчишку на розовом помосте?» — с дрожью подумал я.

Нет, ни за что! Драться буду, кусаться, царапаться! Биться до смерти!..

— Только посмейте тронуть… — сказал я и постарался разозлиться сильнее. Когда я злюсь, то страх у меня обязательно уменьшается.

Правитель хмыкнул себе под нос и покатился к двери. Уже с порога он сообщил:

— Эту ночь вам придется поскучать. Я прикажу, чтобы принесли свечу…

— Засуньте ее себе куда-нибудь… — сказал я.

Тахомир Тихо укоризненно покачал головой и ушел. Тут же появился слуга Ящера с большой охапкой соломы. Он кинул солому на лежанку. Другой слуга внес в корзине глиняную миску, мятую жестяную кружку и кусок хлеба. Он оставил все это на столе, и меня опять заперли.

Я примял солому ладонями. Лег. Уткнулся лицом в ломкие стебельки. От соломы пахло сухой теплой травой, как на бабушкином сеновале.

Отчаянная тоска резанула и сдавила меня. За горло взяла. Тоска по свободе, по дому, по маме и папе, по ребятам. По Толику… Я приподнялся, крикнуть хотел, броситься к двери, забарабанить! И тут же понял: бесполезно… Никто-никто меня не пожалеет на этом проклятом острове. Никому я здесь не нужен.

Я опять брякнулся лицом в солому.

Никто не пожалеет и не поможет… А Ктор Эхо? Он же ко мне по-хорошему относился. Даже пиджаком укрывал, когда плыли на остров… Ведь это из-за него я здесь! Неужели бросит? Неужели даже не придет?

…Ктор Эхо пришел вечером. А до его прихода я много раз то совсем погибал от страха и отчаянья, то, наоборот, начинал думать, что ничего страшного не случится: попугают и отпустят. Я, кажется, даже поспал немного. А потом поел. Тюремная похлебка ничуть не напоминала обеды и ужины у Тахомира Тихо, она была недосоленная и противно пахла жареным луком. Но я съел всю. И хлеб съел. И запил водой… Вот тут-то как раз и появился Ктор.

Он пришел с жестяным фонарем, от которого разлетались по стенам прямые желтые лучи. Сел рядом со мной на лежанку, а фонарь поставил у

ног. Долго молчал (я тоже молчал, хотя и ждал с нетерпением: что он скажет?).

Он сказал:

— Плохо все кончилось, Евгений.

Будто я сам не знал!

— Жаль… — сказал Ктор. И добавил: — Я думал, вы проявите больше мужества.

Это что же? Он меня еще и обвиняет? Я дернулся так, что солома взлетела над каменными плитами.

— Я? Мужества?.. А вы сами сможете драться с таким… с такой махиной! Небось даже на берег побоялись сунуться!

— Я — не рыцарь, я чиновник, — возразил он. — А вы обещали, что будете драться… Я надеялся, что вы примените какую-нибудь военную хитрость… Говорят, около ста лет назад один смельчак попытался прыгнуть с воздушного шара Ящеру на голову. Ходят слухи, что вся сила у Ящера в щупальцах, а голова почти не защищена. Вроде бы ее можно пробить мечом… Правда, этому герою тоже не повезло: он промахнулся…

— Интересно, где мне было взять воздушный шар? — ехидно спросил я. — И я же ничего не знал! Вы же не говорили, какое это чудовище.

— Я говорил все, что мог, — возразил он. — Ино-

гда даже больше, чем полагается. Не забывайте, что я на высокой службе и не могу разглашать государственную тайну.

«Нет, — понял я. — Не будет он мне помогать…» Меня опять накрыло страхом. Стыдно было этот страх показывать, но я не удержался и тихо спросил:

— Что теперь со мной сделают?

Он вздохнул и долго молчал. Потом проговорил как-то виновато:

— Ну уж потерпите еще завтрашний день…

— День? А потом?

— Ну… — он поерзал, зацепил ногой фонарь, опрокинул и быстро поставил. Желтые пятна метнулись по камням.

— Что? — нетерпеливо повторил я.

— Это же быстро, — пробормотал он. — И, говорят, не больнее, чем вырезать гланды…

Я обмер.

— Что… не больнее?

— Ну… когда это… голову… — он ребром ладони провел по колену.

— Да вы что!! — заорал я и вскочил на лежанке. — Вы с ума сошли?! Какое вы имеете право!.. — И я, по правде говоря, отчаянно заревел.

Но Ктор на мой крик будто не обратил вни-

мания. По-прежнему сидел согнувшийся и неподвижный. От этой его неподвижности слезы у меня почему-то остановились. Я часто задышал и снова сказал:

— Не имеете права. Еще и суда не было.

Ктор шевельнулся.

— Да был суд… — вздохнул он.

— Без меня?

— А зачем вы там нужны? И так все ясно…

Я опять заплакал — от безнадежного страха и беспомощности.

— Гады вы все с вашим Ящером. Связались с мальчишкой.

Ктор медленно поднялся.

— Евгений! Если вы не сумели быть рыцарем на поле боя, то хотя бы сейчас ведите себя достойно.

— Идите вы с вашими рыцарями! Сами все напридумывали, а на меня свалили! Сами заманили сюда, а я отвечай, да?!

Ктор спросил немного удивленно:

— Значит, по-вашему, во всем виноват я?

— А кто? Я?!

Он задумался, и у меня почему-то появилась надежда.

— Хорошо, — наконец заговорил Ктор. — Если вы так считаете, ладно… Я не хочу упреков сове-

сти и потому выдам вам один секрет… Вон там, в углу, начинается подземный ход. Он заделан тонкой стенкой, вы ее сможете пробить даже ногами. Бегите…

В первые секунды я чуть не ошалел от радости. Но почти сразу подумал: «А куда бежать?»

— Смеетесь, да? Только я начну стучать, меня тут же схватят.

— Кто? — усмехнулся Ктор. — Вас не сторожат. Запирают снаружи дверь, вот и все. Ведь на острове нет ни одного вашего друга. Никто не подойдет и не отодвинет засов.

Это он правду сказал: никто не поможет.

— И куда же я денусь на вашем острове? Меня любой выдаст.

— Прячьтесь от людей. Подземный ход выведет вас на опушку леса. Идите тропинками через лес на ближайший берег. На берегу можно отыскать лодку или связать плот. Если подует юго-западный ветер, он пригонит вас домой…

— А если не подует?

— Когда-нибудь подует… Впрочем, я не обещаю, что вам обязательно повезет. Но я даю вам шанс…

Ктор нагнулся и взял фонарь.

— Советую не долбить камень сейчас. Дожди-

тесь полной темноты.

— Как же я буду… в темноте?

— Ах да… Ладно, оставлю вам свет. — Он опустил фонарь на стол и проговорил с усмешкой: — Теперь прощайте… мальчик Женя. В любом случае мы больше не увидимся.

И ушел, пригнувшись в низкой двери. Дверь опять закрылась с железным лязгом.

Я крупно дрожал — то ли от зябкого воздуха тюрьмы, то ли от волнения. Может, правда спасусь?.. Конечно! Ведь во многих историях, которые я читал, героям сначала не везло, а потом они спасались, и все кончалось благополучно!

Я зарылся в солому, чтобы согреться, и стал ждать, когда вечернее небо в окошке совсем потемнеет. Ух, как долго я ждал! Просто чуть не выл от нетерпения. Но долбить стенку раньше срока боялся.

Наконец окошко стало темно-синим, и в нем ярко загорелась зеленая лучистая звезда. Мне она показалась хорошей приметой. Я встал, отряхнул солому, поправил на животе рукоятку кинжала (он так и торчал у меня из-за резинки на поясе), прошел в угол и с размаха ударил пяткой о стену у самого пола.

Камень здорово отшиб мне ногу и не шелох-

нулся.

Я ударил еще раз — всей подошвой! Камень держался мертво. Неужели Ктор обманул?

Отчаянным рывком я подтянул тяжелую табуретку, схватил за ножки, через силу приподнял. Потом раскачал ее в руках и грохнул сиденьем о стену.

Табуретка ухнула в пустоту. Она чуть не утянула меня в открывшуюся черную дыру.

Я схватил фонарь и, царапаясь о кромки разбитого камня, полез в проход. И оказался в низком земляном коридоре.

Скорее, скорее!

Сверху сыпались сырые крошки. Из неровных стен торчали волосатые корни. Они хватали меня за ноги и за локти, но я не останавливался. Свеча в фонаре уже догорала, и я боялся остаться в глухой подземной тьме.

А ход оказался длинным-длинным. Наверно, он вел через весь город. Свеча все же истаяла и погасла. Я бросил фонарь и стал пробираться на ощупь. Наконец что-то загорелось впереди. Огни? Меня кто-то караулит?.. Я замер. Потом сделал осторожный шаг.

Не было огней. Это светил через листья большой, перевернутый вниз рогами месяц.

Я пробрался через кусты, которыми зарос выход. Каким теплым и ласковым показался мне воздух после темницы и подземного коридора! И листья большой травы были ласковые. Они гладили меня, словно хотели зализать все царапины.

Совсем близко темнела смутная громада леса. После всего, что случилось, ночной лес не казался мне страшным. Я вошел в него.

Сначала было совсем темно: месяц не пробивался под лесные своды. Но потом стали попадаться светляки. Чем дальше, тем гуще роились они вокруг. Несколько огненных жучков сели мне на майку. Я им шепотом сказал спасибо.

Мне хотелось уйти дальше, чтобы запутать следы. И я шел, шел, раздвигая мягкую траву, перелазил через горбатые древесные корни, нырял под низкие ветки, переходил вброд мелкие щекочущие ручейки…

В одном месте я наткнулся на кривое дерево. Могучий ствол его совсем низко нависал над землей. Сил у меня уже не было. Я сбросил раскисшие сандалии и лег под дерево. Трава обступила меня. Теплый воздух был как одеяло. Я сразу уснул.

ПТИЦА

Мне приснилось, что мы с Толиком ночуем в палатке. В каком-то походе или лагере. Будто я открыл глаза и увидел, что уже утро и колючие солнечные лучики пробиваются сквозь мелкие дырочки на парусине. А Толик сидел у выхода и как-то странно смотрел на меня. Потом приложил палец к губам и выбрался из палатки. Что-то встревожило меня. Не очень, но все-таки… Я выбрался следом и увидел, что он уходит через лужайку к туманной кромке леса.

А над лужайкой, протянувшись от неба до травы, искрились тонкие стеклянные струны. Я сразу понял, что это заколдованный дождик. Ночная тучка ушла, а замершие струи остались, и солнце пересыпало их разноцветными огоньками…

Толик уходил через этот неподвижный дождик и время от времени оглядывался на меня.

Я побежал за ним. Молча. Почему-то не решался окликнуть. Упругие дождевые струны цепляли меня за плечи, мешали бежать, и я не мог догнать Толика. Тогда я рванулся изо всех сил! И одна струна лопнула. А за ней остальные! И они рассыпались на миллионы капель. Я сразу промок

до ниточки. Задрожал и проснулся.

Я и в самом деле был мокрый — от росы. Ее крупные шарики гроздьями висели надо мной, и в них переливалось солнце — так же, как в недавнем сне.

Несколько секунд я лежал, ничего не понимая. Потом тряхнула меня такая дрожь, что я вскочил. И наверно, от этого сразу все вспомнил.

Кругом стоял сказочный лес. Стволы деревьев были толщиной с башню. Я их видел не совсем отчетливо, потому что среди стволов клочьями висел туман. Солнце прошивало листья, и в тумане горели косые неподвижные лучи.

Я здорово дрожал, но, несмотря на холод, мне стало радостно от такой красоты. Почему-то сразу появилось чувство, что в этом лесу нет опасности. Это был добрый лес. Мне даже показалось на миг, что здесь я встречу Толика.

А что? Я его в самом деле встречу. Ну, пускай не здесь, а дома, но все равно скоро. Потому что все будет хорошо и я обязательно попаду домой.

Вздрагивая и смеясь, я выбрался на поляну. Здесь было теплее. Обрывки тумана быстро улетали вверх. Солнце грело уже крепко, и трава высыхала на глазах. Я стянул с себя всю одежду и раскинул ее на ветках куста с большими жел-

тыми цветами.

И вдруг спохватился: а где кинжал, где ключ, который вчера висел у меня на шее?

Ох как не хотелось лезть опять в сырые заросли, да еще голышом! Но пришлось. Тем более что сандалии тоже остались в траве, а надо было их просушить.

Кинжал и сандалии я нашел сразу. А ключа не было. Куда он пропал? И как шнурок мог с меня соскользнуть? А может быть, ключ потерялся еще под землей? Там было так страшно и корни так царапались и хватали за шею, что я мог и не заметить потери.

Здорово я расстроился. То, что ключ пропал, мне показалось плохой приметой: будто намек, что я никогда не попаду домой. Но потом я немного успокоился. Решил поискать получше, когда трава под деревом высохнет. Опять выбрался на поляну и запрыгал, чтобы согреться.

Мне понравилось прыгать, размахивать руками и купаться в солнечных лучах. Они становились все горячее и даже делались какими-то пружинистыми, тугими. Так замечательно было! Но наконец я запыхался. Остановился и начал глубоко вдыхать воздух, который пах мокрыми цветами. И через шумное свое дыхание вдруг

услышал чей-то живой писк.

Я замер. Писк опять разнесся над поляной. Громкий и отчаянный. Я не испугался. Сразу почувствовал, что кто-то маленький зовет на помощь. Зверек или птица.

Я тоже был маленький и беспомощный в этой стране. Но сейчас я был кому-то нужен. Мог помочь! Маленькие и слабые должны помогать друг другу, чтобы не быть одинокими. Чтобы стать сильнее.

У меня даже защекотало в горле от этой неожиданной мысли. И от резкой жалости к тому, кто пищал в траве. Я еще не знал, кто там, но все равно жалел его. И поскорее бросился на сигнал беды.

У края поляны кто-то копошился в траве. Я раздвинул стебли…

И увидел ощипанного гуся.

Он бился в травяной чаше. Подпрыгивала голова на тонкой голой шее, дергалась пупырчатая кожа с какими-то колючками на месте перьев. Там, где должны быть крылья, шевелились нелепые култышки. Скребли по листьям тощие лапы…

Честно говоря, мне стало не по себе. Даже противно сделалось. Я откинулся назад. Но птица

без перьев забилась еще сильнее и попыталась встать. Опять громко запищала. Словно просила: «Не уходи!»

Я снова нагнулся и пригляделся. Нет, это был не гусь. Голова совсем не гусиная, клюв длинный и слегка загнутый. И лапы очень длинные, без перепонок между пальцами… И вообще это была не взрослая птица, а птенец! Неоперившийся птичий детеныш, только громадный.

Я вздрогнул: какие же родители у такого птенчика? А если прилетят на писк да решат, что я обижаю их младенца, да хряпнут меня по темени метровыми клювами?

Подальше бы отсюда… Но птенец, он все-таки птенец. Он в беде. Наверно, выпал из гнезда.

Я поднял глаза. На ветвях могучего дерева прямо надо мной в самом деле темнело гнездо — куча хвороста величиной с рояль.

Дерево было очень толстое и прямое. Конечно, я смог бы добраться до гнезда, цепляясь за выступы и наросты на коре, но это если один. А как с птенцом?

Пока я раздумывал, какая-то полупрозрачная тень пронеслась над поляной, надо мной. На миг потемнело солнце. Я быстро оглянулся. Но все было по-прежнему. Наверно, у меня просто

закружилась голова.

Что же все-таки делать? Была бы веревка — я бы забрался в гнездо, а потом поднял птенца… А если найти подходящую лиану? Кое-где по стволам тянулись длинные стебли вьюнков с желтыми и синими цветами-колокольчиками. Выберу стебель покрепче, сделаю из майки мешок, засуну туда птенца…

Я вскочил, чтобы побежать за вьюнком. И опять пронеслась надо мною серая тень. Так ощутимо, что на этот раз ветер шевельнул мои волосы. Я присел на корточки, и сердце забухало. Сквозь это буханье до меня донесся шум тяжелых шагов. Я задрожал и рывком обернулся.

Сначала я ничего не увидел. Потом… Потом прямо из ничего, из воздуха выступила громадная голубая птица.

Птица стояла и смотрела на меня. Я даже не удивился, что она появилась из пустоты, меня просто ошарашил ее рост. От земли до ее клюва было не меньше пяти метров.

Птица шевельнула головой, не то скрипнула, не то протрещала что-то на своем языке и зашагала ко мне. Ее очень тонкие, но, видимо, тяжелые ноги подминали траву и мелкие кусты. Желтый лаковый клюв (длиной с саблю, но гораздо тол-

ще) был по-боевому загнут вниз. Я почувствовал себя маленьким голым червяком, которого сию минуту склюнут и проглотят. Но не побежал. Даже в голову не пришло, что можно удрать и спрятаться в чаще.

Птица подошла и нависла надо мной. Я зажмурился. Но ничего не случилось. Я осторожно глянул вверх. Птица склонила голову набок и смотрела на меня одним глазом. Мне показалось, что вопросительно. И тогда, сам не знаю зачем, я сказал:

— Птица, я же не виноват…

Она приоткрыла клюв и вдруг защелкала им так, что по лесу рассыпался костяной треск. Я вздрогнул. Птенец снова отчаянно запищал. Но птица не двинулась с места. Она лишь повернула голову и глянула на меня другим глазом.

— Честное слово, — жалобно сказал я. — Он сам упал. Я хотел помочь… Хотел поднять вон туда. — Я посмотрел на гнездо.

И птица… Она тоже посмотрела на гнездо! А потом опять на меня.

Мне показалось, что она все понимает. Наверно, просто показалось. Но так хотелось, чтобы хоть кто-то на этом острове отнесся ко мне по-человечески! Пусть даже птица…

— Я помогу, — заторопился я. — Ты не думай, птица, я его не обижу. Ты только не мешай, ты только поверь мне, птица…

Надо было взять майку. Я очень осторожно поднялся. Потом на дрожащих ногах обошел птицу сторонкой. Двинулся к желтому кусту, где сохла одежда. Птица стояла на месте и внимательно следила за мной: поворачивала голову на длинной гибкой шее.

Теперь между нами оказалось шагов двадцать. Я наконец подумал, что можно удрать — схватить одежду и рвануть в гущу леса! Птица не догонит меня среди зарослей.

Но она же не делала мне зла. Она стояла и ждала (а птенец все пищал). Она смотрела на меня так умно, будто человек. И я даже застеснялся перед ней, как перед человеком, что совсем раздетый. Натянул на себя все, кроме майки.

А майку понес к птенцу.

В пяти шагах от птицы я сказал ей:

— Ты не думай, я ничего плохого ему не сделаю. Просто заверну, чтобы поднять в гнездо. Ладно?

Она — вот умница! — шагнула в сторону. Словно хотела сказать: делай, что надо, не бойся.

И я почти перестал бояться. Приподнял птенца и начал заталкивать в майку. Он был очень теп-

лый и какой-то жидкий — как полиэтиленовый пакет с горячим киселем. В этом киселе отчаянно стучало твердое сердечко. Птенец пискливо орал, неумело щелкал клювом и царапал меня когтистыми лапами. Кожа была мокрая, а прорастающие перья кололи ладони. Не очень-то приятно было, но что делать. Наконец я упихал этого скандалиста в майку — так, что ноги его торчали из ворота, а сам он барахтался, как в мешке.

Теперь привязать к майке лиану, взять ее конец в зубы — и марш на дерево.

— Все, птица, — сказал я. — Скоро все будет в порядке…

Она стояла от меня в трех шагах (конечно, это были ее громадные шаги) и слушала. Внимательно так. И вдруг на меня просто озарение нашло!

— Слушай, птица, — воскликнул я. — Тебе же это совсем легко! Возьми майку в клюв и лети в гнездо! Понимаешь меня, птица?

Я был уверен, что она понимает, и даже не удивился, когда она шагнула ко мне и склонила голову.

Я протянул птице майку с дрыгающимися лапами. И она — хоть верьте, хоть нет — осторожно зажала в клюве трикотажный подол. Потом так

взмахнула великанскими крыльями, что меня откинуло ударом воздуха.

Птица поднялась и через две секунды оказалась в гнезде.

Она совсем скрылась, только пышный короткий хвост из темных перьев иногда выглядывал из-за края гнезда. Гнездо качалось, в нем слышалась шумная возня и писк. На меня сыпалась труха и упало несколько веток. Потом птица высунула голову и рассыпчато пощелкала клювом.

— Ну что, птица, все в порядке? — спросил я.

Она опять коротко потрещала.

— Вот и хорошо. Только отдай мне майку. Понимаешь, птица? *Майку.* А то как же я пойду? Вечером холодно будет, и комары заедят.

Птица скрылась. Я опять услышал возню и писк. «Ну и характерец у этого младенца», — подумал я. Это мама так говорила, если я начинал упрямиться: «Ну и характерец…»

Птица опять выглянула — с майкой в клюве. Я решил, что она бросит мне майку, и вытянул руки. Но птица с шумом слетела, шагнула поближе и опустила майку к моим ногам.

А потом она осторожно положила мне на плечо свою тяжелую голову — так, что могучий клюв оказался у меня за спиной. Совсем рядом я уви-

дел круглый черный глаз в оранжевом ободке. В глубине глаза я разглядел желтую искорку и крошечное отражение своего лица.

Это был добрый, умный глаз, хотя и не человечий.

— Какая ты хорошая, Птица, — шепотом сказал я. Теперь я называл ее Птицей как бы с большой буквы — словно это было имя.

Птица еле слышно прошуршала клювом.

Я уже ни капельки ее не боялся. Я понял, что она говорит мне спасибо. Еще бы! Любая мать, любой отец будут благодарны тому, кто выручит из беды их ребенка. Я вдруг вспомнил родителей Юльки Гаранина. Вот бы они радовались, если бы кто-нибудь спас их сына!.. И тут же подумал о маме и папе. Если не попаду домой до их приезда, сколько горя они хлебнут! А если совсем не вернусь?

От этих мыслей и оттого, что Птица была такая ласковая, у меня намокли ресницы… Но нет, нельзя раскисать! Я вернусь! Надо идти к берегу, искать лодку, ждать юго-западного ветра!

Я погладил Птицу по упругим шелковистым перышкам на шее.

— Прощай, Птица. Меня ждут… дома…

Она подняла голову на пятиметровую высоту.

Я взял с травы майку, поправил под резинкой кинжал. Вздохнул и пошел.

На краю поляны я оглянулся. Птица стояла на прежнем месте. Громадная, стройная. Раньше она казалась мне похожей на страуса, но теперь я понял: ничего подобного. Больше всего Птица походила на фламинго. На фламинго-великана, только не розового, а серовато-синего.

Впрочем, трудно говорить о цвете: он все время менялся. То отливал сталью, то словно отражал небо, то делался почти сиреневым. Вдруг Птица шевельнулась… и пропала! Это солнечные лучи отскакивали от блестящих перьев так, что Птица словно растворялась в воздухе.

Так вот почему она появилась будто из пустоты! Она умела становиться невидимой! Ну, правда, не совсем невидимой. Ярко-желтый клюв, сероватовые ноги, темный хвост и черную оторочку крыльев можно было разглядеть. Но только если сильно присмотреться. В общем, Птица исчезла, как исчезают изображения у картинок-переливашек на карманных календариках.

Но исчезала Птица или появлялась, она по-прежнему смотрела на меня. Я помахал ей рукой и шагнул в лесную тень.

Куда идти, я не знал и пошел на северо-восток

— так, чтобы солнце светило в правую щеку. Почему-то казалось, что эта дорога до моря будет самой короткой. Да и лес в этой стороне был реже…

Трава была высокая, но не густая, и шел я легко. Кругом стояли узловатые могучие деревья — не то старые вязы, не то ясени. Я раньше таких не видел: вокруг нашего городка лес был сосновый вперемежку с березой и осиной, а на улицах росли тополя да клены. А здесь — как в сказке про Красную Шапочку или в балладах о Робин Гуде…

Прошло, наверно, минут десять. Я услышал сзади шаги, торопливые и тяжелые. Бросился к ближнему дереву. Но пугаться не стоило: меня догоняла Птица.

Зачем я ей понадобился?

Она подошла, согнула шею. В клюве ее был зажат шнурок с ключом. С моим ключом от дома!

До чего же я обрадовался! Я совсем забыл про ключ, а она как-то догадалась, нашла, догнала меня…

— Спасибо, Птица! Значит, я еще попаду домой, да?

Она весело покивала, щелкнула клювом и пошла назад. Я опять помахал ей и тоже зашагал. Шел и разглядывал ключ. Мне показалось, что

в трубчатый стержень попал мусор. Я дунул в трубку. Нет, ключ был чистый: из него вырвался звенящий свист. Совсем как в те дни, когда мы с ребятами играли в футбол. Таким свистом я давал сигнал к началу матча.

Я вспомнил наших ребят, вспомнил Толика, вздохнул и дунул еще раз. И сразу же услышал шаги Птицы. Она догоняла меня снова!

— Что, Птица? Что случилось?

Она переступила тонкими своими трехпалыми ногами и посмотрела как-то нерешительно. Опустила голову и осторожно тронула носом ключ. Потом отошла и оглянулась.

Я начал догадываться. Отвернулся, отошел, прижал ключ к нижней губе и свистнул. Птица тут же подбежала и выжидающе склонилась надо мной.

— Ты решила, что я звал тебя? Нет, Птица, — сказал я, — это нечаянно. Извини. Я просто так свистнул… Не сердись, Птица.

Тогда она снова положила мне голову на плечо, и я опять погладил ее шелковую шею.

И мы разошлись…

ИСКАТЕЛЬ ИСТИНЫ

Я долго шел через лес. Иногда идти было нетрудно: попадались ровные лужайки, а порой я натыкался на полузаросшие тропинки. Но случалось, что путь загораживали частые кусты и лианы. Приходилось продираться. Сворачивать я не хотел, старался идти прямо на северо-восток.

Через несколько часов я совсем измотался. Стояла душная жара. Кожа у меня горела от всяких ядовитых колючек. Был я такой исцарапанный, что квартальный воспитатель номер восемь, наверно, при виде меня грохнулся бы в обморок.

Часто попадались прохладные ручейки, и жажда меня не мучила, но зато ужасно хотелось есть.

Когда же кончится этот проклятый лес? Утром он казался мне добрым, ласковым, а сейчас был как враг.

Я выбрался на полянку и упал в траву. Просто ноги уже не держали. Я лежал, уткнувшись лицом в пахучую зелень, и думал: «Хоть бы ягод каких-нибудь найти...» И вдруг услышал легкие шаги. Совсем не похожие на шаги Птицы.

Конечно, я испугался. Но убегать и прятаться не было сил. Я посмотрел через траву. По лужайке

шел сгорбленный старик в длиннополом сером халате. Халат был подпоясан жгутом, скрученным из сухой травы.

Старик шел прямо ко мне. Когда я это понял, то собрал последние силы и встал.

Старик посмотрел на меня водянистыми глазами и сказал:

— Мир тебе в этом лесу. Ты устал?

— Да, — прошептал я.

— Если хочешь, пойдем ко мне. Поешь и отдохнешь.

Он повернулся и зашагал, не оглядываясь. Не очень резво, но и не тихо. И трава будто сама собой расступалась перед ним.

Я подумал, что могу попасть в руки врагов. Но, постояв секунду, я поспешил за стариком: очень уж хотелось есть.

Скоро мы оказались у лесной хижины. Три стены ее были сложены из замшелых камней, а передняя сплетена из веток. В плетеной стене была дверь и небольшое оконце. На пороге старик оглянулся и сказал:

— Входи в мой дом…

Я вошел. Было просторно и полутемно. В дальнем углу возились какие-то животные — не то овцы, не то козы. Пахло сухой травой и дымом.

— Садись где понравится, — предложил старик.

Я оглянулся, увидел топчан, покрытый тряпьем, и сел. Прислонился к бугристой каменной стенке. Камни сквозь майку холодили спину. Старик молча поставил рядом со мной глиняную миску, положил кусок хлеба и деревянную ложку.

Я взялся за еду. Это была теплая сладковатая каша, не знаю, из какой крупы. Когда я выскреб донышко, старик дал мне кружку холодного молока.

«Позвал в дом, кормит, — подумал я. — А знает ли он, кто я такой?» Будто в ответ на эти мысли, старик сказал:

— Ложись, отдохни. В этом доме тебя никто не тронет.

И я перестал бояться. Да и что оставалось делать, когда глаза сами закрывались от усталости? Я скинул сандалии и свернулся калачиком на тряпках…

Когда я проснулся, в оконце синели сумерки. Старик возился у очага. Его жидкие седые волосы казались золотыми от огня. Не оглянувшись, он проговорил:

— Ты хорошо поспал. Ноги больше не болят?

Нет, ноги не болели. Только немного ныли

и чесались царапины. Я чувствовал, что силы вернулись.

— Спасибо. Теперь пойду… — сказал я.

— Куда же к ночи? Живи до утра.

— А далеко отсюда до берега?

— До *твоего* берега? — странно спросил он. — Часа два пути. Но идти лучше утром…

«Он, кажется, все про меня знает», — подумал я. Подошел к очагу и сел напротив старика на корточки. Он не удивился. Спокойно глянул на меня и стал ворошить палкой горящие сучья. У него были худые щеки, редкая бородка, костистый лоб почти без морщин. Зато ниже лба, на всем лице, морщин было очень много. При свете очага они казались глубокими и черными.

Я спросил:

— Вы лесник?

— Я отшельник.

Это меня совсем успокоило. Я читал, что отшельники никому не причиняют вреда.

— Значит, вы живете здесь один и молитесь богу? — спросил я.

— Нет, — спокойно сказал старик. — Я не молюсь. Я пока не уверен, что бог есть. Просто я ищу Главную Истину.

— Что? — не понял я.

— Главную и Вечную Истину, — хмуро, но терпеливо повторил он. — В чем смысл человеческого бытия.

— А-а… — сказал я.

Отшельник быстро взглянул на меня.

— Разве ты понимаешь, о чем я говорю?

— Что же тут не понять?

— Ты тоже думал об этом?

— Было как-то, — сказал я.

Отшельник снова опустил голову и зашевелил в очаге сучья.

— Все равно, — вздохнул он. — Никто не знает ответа.

Но я знал ответ. Мама мне объяснила эту истину давным-давно — года два назад. Это случилось, когда меня ошарашила мысль: зачем живет человек, если все равно умрет? Я два дня ходил как пришибленный, а временами такая тоска брала, что прямо хоть головой о камни. Мама наконец увидела, что я сам не свой, стала расспрашивать. Ну, я не выдержал, рассказал о своих мыслях.

Мама посадила меня на колени и серьезно объяснила:

— Это с каждым человеком бывает: однажды у него появляется такой вопрос…

Но мне было не легче от того, что это с каж-

дым…

Мама сказала:

— Каждый надеется дожить до глубокой старости. А тогда человек уже так утомлен и спокоен, что умирать ему не страшно.

— Да не в том дело, что страшно! — крикнул я. — Просто обидно! Живешь, живешь, а потом — ничего.

— Вовсе не ничего, — возразила мама. — У человека остаются дети. У тех детей будут еще дети, много новых людей. А все люди — которые были, которые сейчас живут и которые потом будут, составляют человечество. А человечество будет всегда, оно бессмертное.

Но меня это не успокоило. Я не понимал, зачем оно, человечество? Зачем, если люди, которые будут жить потом, тоже станут мучиться от таких же вопросов, как я? Все равно будут спрашивать: зачем живет человек?

И мама сказала:

— Человек рождается, чтобы радоваться жизни. Смотри, какое чистое небо, какая весна, смотри, сколько на земле интересного. Когда радуешься, разве спрашиваешь, зачем? Радуешься, вот и все.

Я подумал, что это правда. Но тут же вспомнил, что не у всех людей жизнь радостная. У кого-то

сплошное горе, а он все равно живет. И сказал об этом маме.

Мама вздохнула:

— Конечно, всякое в жизни бывает… Бывают беды и несчастья, но люди с ними спорят и все равно стремятся к радости… А самая большая радость, Женька, это любовь…

— Какая еще любовь? — недовольно спросил я. Книжки и кино, где бегают на свидания и целуются, я терпеть не мог.

Мама засмеялась:

— Всякая. Когда человеку очень нужны другие люди: мама и папа, друзья, дети… Вот мы с папой тебя любим и точно знаем, зачем живем. Чтобы ты вырос хорошим человеком и был счастлив… Но не только для этого, конечно! — смешно спохватилась она. И серьезно добавила: — Вообще надо стараться жить, чтобы другим от тебя что-то хорошее было. Ясно?

Нельзя сказать, что все мне было ясно. Однако главное я, кажется, понял. И я спрыгнул с маминых коленей, потому что жить в самом деле было интересно. Я вспомнил, что ребята строят за гаражами робота Федю с пузатым самоваром вместо головы, и побежал на улицу…

Сейчас, глядя на отшельника, я подумал, что

хорошо бы все это ему объяснить. Но не решился. Мне показалось, что он со мной не согласится. Я только спросил:

— А зачем вам Главная Истина?

— Как зачем? — удивился он. — Чтобы знать.

— Ну да… А зачем знать? Что вы с ней будете делать, когда узнаете?

Он утомленно объяснил:

— Истина — это не вещь. С ней ничего не надо делать. Ее надо *осознать*, вот и все.

Я боялся его обидеть, но очень уж было непонятно, и я нерешительно спросил:

— А потом что?.. Вот у нас во дворе если ребята что-нибудь интересное придумают, они сразу бегут к другим и рассказывают. Иначе какой прок?.. А вы ведь живете один… Или вы потом пойдете к людям?

Отшельник покачал головой:

— Не пойду. Главную Истину каждый должен искать для себя сам… И откуда я знаю: вдруг мое открытие принесет другим людям вред? А я не хочу никому делать ни добра, ни зла.

Я удивился:

— Зла — это конечно. А почему добро не сделать?

— Потому что все должно идти своим че-

редом, — вздохнул Отшельник. — Не следует вмешиваться в движение событий…

— Но вы же… вот вы помогли мне. Разве это не добро?

Отшельник опять быстро взглянул на меня и встал.

— Не знаю, — сказал он. — Это вышло само собой. Выпей молока и ложись. Поспи до утра…

Утром Отшельник снова покормил меня и сказал:

— Теперь ступай с миром…

— А куда идти?

— Иди как шел. Лучше держись тропинок. А вообще-то здесь одна дорога… Не сворачивай со своего пути, а то попадешь в Заколдованный лес. Кто туда попадет, все на свете забудет… Прощай.

И я снова пошел на северо-восток.

Были на пути все те же деревья, заросли и лужайки. Но теперь лес опять показался мне красивым и добрым. Все чаще попадались тропинки.

Где-то через час я увидел высокую кирпичную стену с разрушенными зубцами наверху. Тропинка вела прямо к железной ржавой калитке.

Что там за калиткой? Люди, опасность? Или долгожданный берег моря?

Я постоял и осторожно надавил плечом теплое железо. На плечо посыпались чешуйки ржавчины, дверь со скрипом отошла.

За ней оказался все тот же лес. Видимо, стена была остатком крепости или заставы…

Потом попалась на пути еще одна стена — с разрушенной башней и тоже с калиткой. И опять за ней — ничего, кроме леса.

Когда я увидел третью стену, а в ней деревянную дверь с большими ржавыми заклепками, меня даже досада взяла. Сколько можно? Издевательство какое-то! Где он, этот северо-восточный берег?

Я с разбега ударил в дверь ладонями. Она отошла неожиданно легко, и я пролетел вперед несколько шагов.

…И оказался на треугольной площади столицы.

Вдоль домов стояли рядами молчаливые люди, а посреди площади возвышалась розовая пирамида на колесах. Перед ней в какой-то нелепой, изломанной позе застыл Крикунчик Чарли.

ПЛОЩАДЬ

Меня сразу крепко взяли за локти.

Крикунчик, вздрыгивая ногами и дергаясь, завопил:

— А, вот он, наш «герой»! Вот он, наш «храбрец»! Посмотрите, почтенные горожане! Он пришел вовремя! Теперь все поняли, что бесполезно бегать от правосудия? Он хотел убежать, ха-ха! Он не знал, что любого, кто нарушил равновесие порядка, все дороги приведут сюда! Вот на эту миленькую колесницу с уютной площадочкой наверху!

На верхней площадке розового эшафота стоял здоровенный парень в черном трико и ярко-желтом капюшоне. Если бы не этот капюшон, парень был бы похож на конькобежца. Впрочем, конькобежцы не бывают с мечами, а этот поставил перед собой сверкающий большой меч и держал свои лапы в желтых перчатках на перекладине рукояти.

Меч был кривой и походил на громадный охотничий нож…

В общем, это выглядело не очень страшно. Как в театре. Это казалось бы даже забавным, если на

сцене. Но это было, кажется, всерьез.

Все случилось так быстро, что я даже не испугался сначала. Просто обмяк и перестал надеяться на спасение. Меня повели к помосту, подтолкнули, и я на слабых ногах поднялся на верхнюю площадку.

Посреди площадки торчал толстый пень, а на краю стоял покрытый розовым плюшем стол. За столом сидел главный прокурор острова Двид. Пучок волос на его огуречной макушке шевелился под ветерком.

Прокурор посмотрел на меня и сказал:

— Обыщите осужденного.

Стражники отобрали у меня кинжал, ключ, обшарили карманы, где лежали копеечные монетки.

Прокурор подвинул к себе лист бумаги и взял авторучку.

Палач переступил с ноги на ногу.

— Минуту, — сказал ему прокурор. — Я должен составить список изъятых вещей.

Он стал писать, и ручка скрипела. Это было слышно, потому что стояла тишина. Я безнадежно оглянулся.

Эшафот окружали слуги Ящера в плоских медных касках. Двурогие наконечники копий

торчали, как растопыренные пальцы.

За стражниками стояли молчаливые горожане. У всех были неподвижные лица. Будто из пластилина! Они ничего не выражали, эти лица. Была кругом тысяча людей — и словно не было никого.

«Да что же это такое!» — вдруг ахнул я про себя.

Что же это? Как мог я, Женька Ушаков с улицы Красных Летчиков, оказаться здесь, в этой жуткой стране, на этом нелепом помосте, среди чудовищных, равнодушных людей?

Ужас рухнул на меня, как обвалившаяся стена. Я хотел рвануться, отчаянно крикнуть! И в этот миг прокурор бесцветным голосом спросил:

— У вас есть последнее желание?

Последнее желание?

— Да… — сказал я с надеждой. — Да! Я хочу домой!

Он досадливо качнул головой и разъяснил:

— Нет, это нельзя. Желание не должно мешать исполнению приговора.

Значит, это все же по правде? Значит, *это* случится?

Страх опять накрыл меня, как тяжелая волна. Но я переглотнул и остался стоять прямо. Теперь

я знаю почему: под страхом во мне начинал разгораться уголек злости. Тогда я сам этого не понимал, но сейчас знаю: злой огонек помог мне устоять.

Прокурор нетерпеливо постукивал по столу крючковатыми желтыми пальцами. На столе перед ним лежало мое имущество.

— Тогда… — сказал я и переглотнул. — Тогда верните мне мои вещи.

Прокурор приподнял безволосые бугорки бровей.

— Зачем они вам?

— Не ваше дело!

На меня нахлынула злая обида: убить хотят да еще и поотбирали все! Сейчас эти мысли кажутся смешными, но тогда мне было не до рассуждений.

Прокурор пожал плечами:

— Ну… пожалуйста.

Длинной ладонью он подвинул все мои вещи на край стола.

Я взял кинжал, погладил его и, как раньше, сунул за продернутую в пояс резинку. После этого медленно пересчитал монетки. По одной опустил их в карман. Я не торопился: куда мне было спешить?

Спрятав копейки, я взял ключ. Мне опять показалось, что в него попал мусор. Я машинально поднял ключ к губам и дунул. Нет, он был чистый внутри: звонкий короткий свист рванулся из медной трубки. Тогда я свистнул еще раз, сильнее — сам не знаю зачем.

Прокурор, стражники и палач смотрели на меня удивленно и выжидающе.

Я медленно надел шнурок на шею. Прокурор нерешительно взглянул на палача и тихо, одними губами спросил:

— Не помешает?

Палач слегка поморщился и отрицательно качнул головой.

Прокурор повернулся ко мне:

— Ну? Вы готовы?

Он кивнул стражникам. Двое шагнули и взяли меня за руки.

Что? Уже?.. Гады!!

Я рванулся. Я так рванулся, что правый стражник не удержал мою руку! Я выхватил Толькин кинжал. Ну и пусть деревянный! Острой щепкой тоже можно ранить врага! Лучше биться до конца, чем погибать беспомощно и покорно!

А может, тогда я про это и не думал. Просто отчаянье и ярость бросили меня в бой, как удар

сорвавшейся пружины. Левого стражника я ударил клинком по руке пониже кольчужного рукава. Вернее, хотел ударить, но промахнулся. Деревянное лезвие попало в закрытый кольчугой бок.

Сосновый клинок не сломался, не скользнул в сторону. Он прошил стальные кольца и вошел почти по рукоятку.

Мой враг хрипло закричал.

Я рванул кинжал. Клинок был красный, и с него капало. И он был по-боевому тяжелый.

Значит, есть на свете сказки!

Нет, об этой гневной радости невозможно рассказать. Только что я был беспомощный, жалкий, и вдруг в ладони надежное оружие! Я сразу ощутил волшебную силу кинжала, поверил в чудо… Ведь это же Толик… это он меня спасает!..

Ну, держитесь, скоты!

Раненый враг пятился, прижимая к боку растопыренную пятерню. Больше не сунется. Я повернулся к другому. Тот, не отрывая глаз от кинжала, перекосил рот, шагнул назад, сорвался с края эшафота и загремел по ступеням. Третий суетливо дергал из ножен саблю, но она, видать, совсем заржавела. Я бросился к этому вояке, но он не стал дожидаться и сам прыгнул вниз.

А прокурор? О, господин прокурор, где вы научились так ловко нырять под стол?

Отчаянно дыша, я повернулся к палачу. Он смотрел на меня вытаращенными глазами и держал перед собой поднятый меч. Двумя руками.

Меч палача — это инструмент для убийства, а не оружие. Драться им нельзя. Да и палач — не солдат, он привык рубить беззащитных. Правда, с перепугу он попытался ударить меня, но, конечно, промазал, и тяжелое лезвие глубоко врезалось в доски. А я сделал длинный выпад. Я достал врага лишь самым кончиком, но он тонко завопил, вскинул руки и спиной назад полетел с площадки.

Я остался наверху один. Быстро оглянулся.

И сразу вспомнил, что это лишь секундная передышка.

Выставив двупалые зазубренные копья, с четырех сторон лезла по ступеням стража. Почему-то вспомнилось совсем не к месту, как меня маленького бабушка шутя пугала «козой»: выставляла растопыренные пальцы, и я визжал от веселья и страха перед щекоткой…

В толпе что-то перепуганно верещал Крикунчик Чарли.

Копья приближались.

«Все», — подумал я. Но честное слово, в этот миг я не боялся. Бой так бой! Надо половчее нырнуть под копья, чтобы оказаться в самой гуще врагов…

Я уже примерился для прыжка… и в этот миг большая серая тень прошла над площадью. Колыхнулся воздух. Мне показалось, что я услышал общий испуганный вздох, и стало тихо-тихо.

Закрыв громадными перьями солнце, на перекладину эшафота села голубая птица.

Моя Птица!

Стража обалдело замерла на ступенях.

Птица не сворачивала крылья и, оглянувшись, смотрела на меня выжидающе и тревожно.

Я понял. Я рывком вытер кинжал о плюшевую скатерть, сунул за пояс, прыгнул к Птице и ухватил ее за ноги.

— Лети, Птица!

И она рванулась в небо.

КРЫЛЬЯ

Птицы не могут взлетать прямо по вертикали. Моя Птица ринулась вверх и вперед. И я крепко ударился о перекладину — сначала грудью, потом коленками. Твердое дерево сбило с колен старые болячки и кожу. Я почувствовал, как по моим ногам побежали тонкие струйки. Однако ветер тут же высушил их.

Птица несла меня в высоту. Мои пальцы плотно сжимали птичьи ноги повыше громадных полусогнутых когтей. Держаться было удобно, я не боялся, что руки соскользнут. Скорость была большая, встречный воздух откидывал мое тело назад. Я словно лежал на упругой воздушной подушке. Мне даже показалось, что если отпущусь, то не упаду, а буду продолжать полет, медленно снижаясь в тугих потоках воздуха.

Но, конечно, я не собирался отпускаться! Мои ладони припаялись к бугристой коже, которая обтягивала твердые птичьи ноги.

Струи воздуха выжимали из глаз у меня слезы и тут же высушивали их. Ну, если по правде говорить, слезы были не только от ветра. Еще от радости и свободы. Я посмотрел вниз: что, взяли,

гады? Но внизу уже не было площади, не было города. Подо мной расстилался лес. Он густой темно-зеленой шубой покрывал пологие холмы.

Из-за холмов мне навстречу двигались большие облака. Они похожи были на белых слонов, которые стадом вышли на синие поля. Синева неба, чистая и громадная, раскидывалась во все стороны, а за холмами она сливалась постепенно с какой-то темной, почти лиловой завесой. Эта завеса закрывала горизонт…

В первые минуты я совсем не боялся. Я был свободный, счастливый. Я был победитель! Земля с ее коварством, с ее опасностями была не страшна мне. Я посмотрел на эту землю — прямо вниз. На зеленой шкуре леса лежали темные заплаты — тени облаков. Они казались совсем небольшими. И я вдруг понял, как до них далеко, какая подо мной глубина и пустота.

И вся эта пустота словно ухнула и жутко загудела. У меня чуть не остановилось сердце. Я хотел крикнуть, но едва открыл рот — и захлебнулся от ветра. Я отяжелел от прихлынувшего страха, и, кажется, ослабели руки.

Я отчаянно глянул вверх, на Птицу. Ее распахнутые крылья были неподвижны, лишь концы маховых перьев чуть вибрировали в потоках

воздуха.

Длинная шея Птицы была далеко вытянута, и клюв устремлен вперед. Но когда я посмотрел, Птица словно ощутила мой взгляд: изогнула шею, повернула ко мне голову и рассыпчато застрекотала клювом. Будто сказала: «Не бойся, потерпи».

Нет, она не даст мне погибнуть. Не затем же она примчалась и унесла меня с площади! И не надо бояться. Руки еще не устали, а высота… Ну не буду смотреть вниз, вот и все.

Однако куда мы летим? И долгий ли будет путь? По правде говоря, пальцы начинают неметь. И еще одна неприятность: тугие струи воздуха медленно, но упрямо стаскивают с меня шорты. То ли резинка на поясе ослабла, то ли я сам отощал. Не хватало еще потерять в полете штаны! Впрочем, совсем они не слетят, но кинжал вывалится. А его никак нельзя терять!

Я изо всех сил надул живот. Пояс, конечно, стал туже, но сколько времени так продержишься?

Только я подумал об этом, как почувствовал, что опускаемся. Нет, дело не в том, что Птица угадала мои мысли. Просто она, видимо, прилетела куда хотела. Лес впереди обрывался на краю громадной темной синевы, пересыпанной солнечными блестками. Ветер бросил в меня запах

соли, как мокрые охапки водорослей. Я понял наконец, что мы подлетели к морю…

У моря поднимались очень высокие скалы. Их вершины были плоские и сливались в одну площадку. Или даже площадь. На этой каменистой желтой площади я разглядел жидкие кучки зелени и какие-то круглые постройки. Увидеть все как следует я не мог: мы снижались все быстрее, ветер засвистел в крыльях Птицы и так хлестнул меня по глазам, что я зажмурился.

Потом скорость упала. Я глянул вниз. Земля приближалась. Она крепко ударила меня по ногам, я пробежал три шага, выпустил птичьи ноги, не удержался и покатился по мелким камням. Сел.

Птица стояла недалеко от меня. И мне показалось, что смотрит она встревоженно и вопросительно.

— Ничего, Птица, — сказал я. — Спасибо, Птица!

Она весело протарахтела клювом. И вдруг взмыла в высоту и пошла, пошла вдаль, больше не посмотрев на меня.

А я… Что теперь будет со мной? Куда я попал? Зачем она меня сюда принесла?

Я сидел на каменистой земле. Из земли проби-

вались редкие травинки с очень маленькими синими цветами. Недалеко от себя я увидел несколько больших старых пушек на покривившихся лафетах. А из кустов на краю площадки поднимались желтые каменные стены с двумя рядами узких окон. Это был полукруглый бастион с разрушенным верхним карнизом.

Сзади захрустел щебень. Я вздрогнул и вскочил.

Ко мне подходили трое ребят: девочка и два мальчика чуть поменьше меня ростом. Они совсем не похожи были на ребят из города — лохматые, босые, в отрепьях…

Но зато какие живые и ясные были у них лица!

Девочка оглядела меня, покачала головой и со вздохом сказала:

— Ободрался-то как… Ну-ка, пойдем.

БАСТИОНЫ

Девочку звали Соти. Она смыла кровь с моих рук и ног, дала глотнуть из жестяной кружки горького отвара, залепила ссадины прохладным пластырем. Тихонько спросила:

— Больно?

— Нет… — смущенно сказал я.

У Соти были серые спокойные глаза, белые прямые волосы и тонкие умелые пальцы. На худенькой шее у нее висело ожерелье из крошечных ракушек и мелких синих цветов, которые росли здесь повсюду. Оно качалось и задевало мою щеку, когда Соти наклонялась…

Девчонки в нашем классе разом скривились бы, увидя ее пыльные босые ноги, облезлую от загара переносицу и разлохмаченное внизу платьице из серой дерюжки (вернее, не платьице, а маленький мешок с дырами для головы и рук). Но Соти была славная, несмотря на свой наряд из мешковины…

Дерюжные мешки разной длины и ширины носили и другие здешние ребята. А кое-кто был в таком тряпье, что сразу и не разобрать, что это: штаны с рубахой, остатки халата или просто

лоскутки, связанные тесемками. Лишь на одном из мальчиков я увидел нормальную одежду — старенькую, но приличную.

Мы расположились в тени квадратной башни на траве. Пока Соти лечила меня, ребята стояли в сторонке. Ни о чем не спрашивали. Потом смуглый тощий мальчишка лет восьми притащил еду в большом лопухе: две вареные рыбины и крошечный кусочек хлеба.

Я сидел, прислонившись к теплым камням башни, и мальчик положил шероховатый лопух мне на колени. Заботливо сказал:

— Ешь осторожней, не подавись. В рыбе кости. — И добавил доверительно: — Я все время давлюсь…

— Потому что жадничаешь, — заметила Соти.

Остальные засмеялись, но не обидно. Мальчик тоже засмеялся. У него был веселый рот с засохшей ранкой на верхней губе и редкие зубы. Он объяснил:

— Я не жадничаю, а тороплюсь… Ты смотри, не торопись.

— Не буду, — пообещал я и проглотил первый кусок. И спросил, глядя в озорные глаза мальчишки: — Тебя как зовут?

— Уголек… А правда, что ты прилетел на пти-

це? Все говорят, а я не видел. Я в башне котелок чистил.

— Правда.

— А это твоя птица? Ручная?

— Нет, не ручная. Просто мы подружились…

— А как? Ты расскажешь?

— Дай человеку поесть! — прикрикнул светловолосый паренек лет четырнадцати (ребята звали его Галь). — Расскажет, когда придет время.

— Да я могу и сейчас, — торопливо сказал я. Потому что ясно было, что это друзья.

Но Галь остановил меня:

— Лучше потом. Когда придет Дуг…

«Кто такой Дуг?» — подумал я, и в эту секунду Уголек радостно завопил:

— А вот он идет!.. Дуг! Дуг, смотри, к нам еще один вырвался! Дуг, он прилетел на птице!

Я взглянул, быстро отложил еду и встал. Как перед командиром. Мягкой походкой шагал к нам громадный парень. Буйно клубились и горели на солнце его огненные кудри. На лице и на плечах парня проступали сквозь прочный загар золотые россыпи веснушек.

Я почему-то сразу вспомнил нашего вожатого Сашу из лагеря «Горный ключ», хотя Саша был невысокий и белокурый. А, вот в чем дело! У Дуга

оказались такие же яркосиние глаза. И улыбка его была похожа на Сашину.

Дуг подошел, веснушчатой лапой провел по моим волосам, сказал, как знакомому:

— Вырвался? Неужели на птице? Вот молодчина! Да ты садись, поешь... — И добавил ободряюще: — Теперь ничего не бойся. Сюда никто не доберется, никто тебя не обидит.

Это я и сам понимал. Я тоже улыбнулся и хотел ответить, что я очень рад, и что меня зовут Женька, и что наконец-то я встретил на этом острове настоящих людей. Но резко закружилась голова, и будто холодными ладонями сдавило затылок.

— Ой-ей... — негромко и озабоченно проговорил Дуг. Подхватил меня и понес в низкий каменный дом, который, как перемычка, соединял квадратную башню с полукруглым бастионом.

В темной прохладной комнате Дуг уложил меня на топчан с мягкой сухой травой и укрыл рваной курткой, от которой вкусно пахло дымом костра.

— Поспи, — сказал Дуг.

— Да нет, я совсем не хочу...

Дуг сказал настойчиво и ласково:

— Хочешь, хочешь.

И правда, я сразу уснул.

Когда я открыл глаза, в окошке светилось неяр-

кое вечернее небо, а у стены горела смолистая ветка: ее воткнули в расщелину между камнями. Рядом со мной сидел Уголек. Он восхищенно сказал:

— Знаешь, сколько ты спал? Вчера полдня и сегодня день!

Я сразу поверил. Потому что чувствовал: больше всего на свете мне нужно сбегать в какой-нибудь укромный уголок, чтобы не лопнуть. Уголек меня понял и поманил за собой.

Когда мы вернулись, в комнате сидели ребята и Дуг. Меня опять покормили. Потом Дуг весело сказал:

— Теперь давай рассказывай…

И я стал рассказывать.

…Ребята не очень удивились, когда узнали, что я не с острова Двид. Они, конечно, и раньше слыхали, что есть на свете другие земли. Правда, знали они о нашей планете мало. Все, что было за островом, называлось «Дальний мир». В школах ребятам толковали, что «Дальний мир» — это такие страны, где люди живут жестоко и неразумно: только и делают, что убивают друг друга, стараются нажить богатства и губят леса и моря. Конечно, в этом была кое-какая правда, но выходило так, будто на Земле нигде, кроме

острова Двид, не осталось разумных людей. И будто не было на свете нашей страны!

Я им объяснил как умел, что такое на самом деле «Дальний мир». Про Москву рассказал, про космонавтов, про разные страны и про наш городок. А потом — про то, как попал на остров. Ну и про все остальное. Честно признался, что бежал от Ящера и что ревел от страха в темнице. Никто даже не улыбнулся.

Зато все радовались, когда услышали про бой на эшафоте! Каждый по очереди брал и разглядывал мой деревянный кинжал — тяжелый, будто из стали. А Уголек размахнулся и ударил в каменный пол. Я вздрогнул. Но кинжал вошел в камень, как в сухой песок…

Однако больше всего ребята удивлялись истории с птицей. Дело даже не в том, что я подружился с ней и она спасла меня. Легенды о таких случаях были известны на острове. Но с давних времен этих птиц никто уже не встречал, они стали полусказкой.

— Считается, что они давно вымерли, — объяснил Дуг. — Это древние птицы. Они заселяли наш остров много веков назад.

— А Ящер? — вспомнил я. — Он тоже древнее животное?

Дуг хмуро сказал:

— Ящер вообще не животное. Это… даже не знаю, как объяснить. Тут надо долго рассказывать.

— А ты расскажи! — зашумели ребята. — Расскажи, Дуг!

— Вы же сто раз эту историю слышали…

— А Женька не слышал, — возразил Галь. — Ты расскажи. Мы тоже послушаем.

— Ладно. Только попозже, у костра.

Когда стемнело, большой месяц повис вниз рогами, будто хотел воткнуть их в горизонт. Я опять вспомнил сине-желтый мяч в траве у берега, наше озеро, наш город и дом. И стало тоскливо до слез. Но ребята разожгли на площадке за башней маленький костер и позвали меня.

Я сел в общем кругу.

Отблески огня словно гладили щеки ребят оранжевыми ладошками.

Я знал уже всех, кто сидел у огня. Вместе с Дугом их было одиннадцать. Здесь они оказались в разное время, но истории у них были очень похожие.

Эти ребята бежали из города. От жестокостей, от унылой жизни, от идиотского «равновесия порядка».

Чаще всего бежали из приютов. Если у кого-то умирали родители, этого ребенка отправляли в казенный «дом воспитания», а там жизнь была еще горше, чем у обычных школьников. На острове привыкли беречь и ценить свое: свой дом, свою мебель, свою клумбу, своих детей. А в «доме воспитания» ребята становились как бы ничьи. Их кормили и одевали не хуже, чем в семьях, но радости они не видели никакой. Дуг сказал: «Это было как сплошной дождливый вечер…»

Во имя «равновесия порядка» их отучали смеяться и громко разговаривать. Им запрещалось даже громко кричать во время наказания. Но самое главное вот что — им не разрешали дружить! Им говорили: у нас все одинаковы и нельзя кого-то любить больше, чем остальных. Видимо, воспитатели боялись. Ведь если люди дружат, они становятся сильнее, они могут спорить и бороться…

Первым бежал в леса Дуг. Это случилось пять лет назад. В тот день Дуга сильно исхлестали за то, что он украдкой играл с малышами и делал им из бумаги кораблики. Ночью Дуг ушел. Двух малышей он увел с собой.

Ребят не искали. Считалось, что хитрые тропинки сами приведут мальчишек обратно в город. Ну

а не приведут — тем хуже для беглецов: значит, они сгинут в лесу без следа. Но Дуг с малышами пробился к морю. В отвесной скале отыскал незаметный проход в разрушенную горную крепость.

В то время Дуг был таким же мальчиком, как я сейчас.

Трое мальчишек стали жить в развалинах. Научились добывать пищу, не бояться темноты и ночного холода, выручать друг друга из беды.

Потом один из малышей погиб. Он проткнул ногу старой рыбьей костью и через два дня умер от горячки.

С Дугом остался только маленький Галь. Они вдвоем — Галь и Дуг — встречали в лесу ребят-беглецов и приводили в крепость.

Дуг вырос. Он сделался настоящим великаном — красивым, огненноволосым, сильным. Он не превратился в солидного розовощекого мужчину, а стал юношей. Единственным юношей на острове Двид. В ближней деревне у него была девушка. Она тоже не старела, потому что любила Дуга.

Все это мне рассказали просто и весело, при Дуге, который смущенно улыбался и веснушчатой пятерней лохматил волосы вертлявому мальчишке по имени Винтик. Винтик жмурился от удовольствия, как избалованный котенок.

Но это было еще до темноты. А сейчас мы сидели у огня.

Справа от меня устроились Уголек и Соти. Уголек то и дело подносил пальцы ко рту, чтобы потрогать засохшую ранку на губе, а Соти каждый раз хлопала его по руке.

Слева уселся очень худой, лопоухий и остроносый мальчишка по прозвищу Шип. А с ним — две его сестренки: семилетняя Стрелка и совсем крошечная, лет пяти, Точка. Вместе с девочками сел еще один малыш — косолапый, похожий на медвежонка Лук.

Напротив меня, по ту сторону огня, примостились на больших камнях Галь и Тун — самые старшие ребята.

Недалеко от них сидел Дуг, и к нему с двух сторон прильнули двое мальчишек: Винтик и еще один — темноволосый, молчаливый, неулыбчивый. У него были такие глубокие и печальные глаза, что даже костер в них не отражался. Этот мальчик один из всех был в аккуратной, нерваной одежде и даже в матерчатых башмаках.

Мальчик вздрагивал, хотя вечер был теплый, да и костер грел ощутимо.

— Зябнешь, Малыш? — озабоченно спросил Дуг. — Сбегай, возьми накидку.

Мальчик послушно встал и пошел к башне.

— Малыш, прихвати котелок с водой, будем чай кипятить, — сказал ему вслед Галь.

Мальчик, не оглядываясь, кивнул.

— А почему его зовут Малыш? — спросил я. — Он же не самый маленький.

Мальчик был старше многих, такой же, как я.

— Привыкли, — объяснил Дуг. — Мы его в начале этого лета в лесу подобрали, и был он совсем беспомощный, почти голый, еле дышал и ничего не умел. Не знал, кто он и откуда, и даже говорить сначала не мог. Пришлось возиться с ним, как с малышом… Имени своего он не помнит, вот и прозвали так…

— Наверно, он в Заколдованном лесу побывал! — догадался я.

— Наверно, — согласился Дуг. — А ты откуда знаешь про Заколдованный лес?

— Отшельник рассказал… — Я вспомнил Отшельника, и взяла меня запоздалая досада: — Тоже мне лесной житель! Не мог как следует дорогу объяснить. Я из-за него прямо в капкан угодил!

Я услышал, как Тун и Галь сердито хмыкнули. А Дуг печально усмехнулся. И сказал:

— Он все объяснил, как было задумано. На-

рочно…

— Как нарочно? — изумился и не поверил я. — Зачем?

— Потому что все они заодно. Неужели ты не понял? Это все было подстроено.

— Что подстроено?

— Да все, — горько сказал Дуг. — Вся эта история с подземным ходом. Он выводит к Северному лесу, а там такие тропинки, что все равно вернешься к городу. Если, конечно, не знаешь дороги. А ты же не знал…

— Выходит, что и Ктор — предатель?

— Выходит, — сумрачно согласился Дуг.

Не хотелось мне в это верить.

— Они же могли просто отвести меня на площадь и… все. А зачем надо было такую историю устраивать?

— Для убедительности, — объяснил Дуг. — Чтобы люди видели: беги не беги, а от возмездия никуда не денешься, если что-то задумал против Ящера… Все было рассчитано.

«А ведь в самом деле: все было готово, они меня ждали», — наконец сообразил я.

Мне вспомнился розовый помост, и сделалось зябко, как на осеннем ветру. Я передернул лопатками, подвинулся к огню и тихо спросил:

— Дуг… Они в самом деле убили бы меня?

— Да, — сказал Дуг и стал шевелить горящие ветки. — Они бы это сделали… Чтобы потом долгое время никто не надеялся на «юных рыцарей»… Чтобы вообще не вспоминали эту легенду.

«Юный рыцарь»… Как я улепетывал от Ящера!

Чтобы подавить стыд, я пробормотал:

— А откуда она взялась, эта легенда?

— Скоро узнаешь, — пообещал Дуг. — Только дождемся Малыша.

Малыш, закутанный в дерюгу, принес котелок с водой.

Дуг устроил котелок над огнем, встряхнулся и живо сказал:

— Ну, слушайте… Хоть вы и знаете наизусть эту историю, но ради нашего нового друга я расскажу еще раз…

Все затихли, только Уголек, словно торопя рассказчика, прошептал:

— В давние-давние времена жил на острове Двид веселый и храбрый народ.

— Да, — согласился Дуг. — Именно так…

И вот что он рассказал.

КАК РОДИЛСЯ ЯЩЕР

В давние-давние времена жил на острове Двид веселый и храбрый народ. Трудолюбивый и дружный. Он построил прекрасный город, где были обсерватории, библиотеки, театры и школы. Жители острова плавали на больших кораблях по всем морям, торговали с другими странами и славились на весь мир как искусные мастера и смелые навигаторы.

На острове было много ученых, артистов и художников. Эти люди не только занимались наукой, играли в театрах, рисовали картины и отливали статуи. Все они еще учили детей. Учили всему, что умели сами. Жители острова очень любили детей, никогда не обижали их, и поэтому дети вырастали добрыми, умелыми и храбрыми…

В одной школе учились два мальчика. Они жили на одной улице, сидели в одном классе на одной скамье, вместе играли, вместе росли. И очень дружили. Когда они выросли, один стал Ученым, а другой Правителем острова.

Ученый прославился своими открытиями, а Правитель — разумом и сильной волей.

Надо сказать, что к тому времени жизнь островитян стала трудной и тревожной. Соседние страны завидовали острову Двид. Завидовали его славе, богатству и вольной жизни. Они все чаще стали нападать на прибрежные поселки, грабить корабли островитян. Пришлось возводить на берегу крепости и обучать солдат.

Пока войны были небольшие, остров отбивался от врагов. Но вот несколько стран заключили против острова Двид военный союз. Они решили снарядить большой флот, высадить целую армию, пробиться в глубь острова и разгромить столицу.

Когда это стало известно, Правитель пришел к Ученому и спросил:

— Ты можешь придумать, как спасти нашу страну?

— Я уже думал, — сказал Ученый. — По-моему, есть два способа. Можно построить громадное чудовище, оно будет отпугивать врагов и громить их, если они все же нападут. А можно сделать наш остров невидимым. Тогда враги просто не найдут его в море. Не надо будет вести войны и проливать кровь.

— Мы должны спешить, — нетерпеливо объяснил Правитель. — Скажи, что быстрее: соорудить

чудовище или спрятать остров от чужих глаз?

— Чудовище — быстрее, — со вздохом сказал Ученый. — Чтобы сделать остров невидимым, я должен до конца изучить свойства больших синих птиц, которые похожи на фламинго, но гнездятся на деревьях. А железный ящер — штука нехитрая, можно строить хоть сейчас.

— Строй, — потребовал Правитель. — Ради безопасности нашего острова Двид делай скорее своего ящера, потому что вражеский флот уже в пути…

И Ученый построил громадного стального зверя, который умел изрыгать огонь, разрушать своими щупальцами крепости и топить корабли. Флот врагов был разгромлен в одну минуту. А после битвы Правитель посадил этого зверя — Ящера — в озеро, под воду, подальше от глаз. Дело в том, что Ящер был ужасен и приводил в трепет не только врагов, но и жителей острова…

Прошло два года, и Ученый открыл секрет невидимости. Он рассеял в небе тонкую голубую пыль, и после этого скалы, берега и воздух стали так отражать солнечный свет, что остров перестал быть виден с моря. Никто теперь не грозил его мирной жизни.

Ученый сказал Правителю:

— Мы защитили себя на долгие века. Давай убьем Ящера.

— Зачем? — спросил Правитель, не глядя Ученому в глаза. — Разве он кому-нибудь мешает?

— Он опасен, — объяснил Ученый. — Мало ли что может случиться…

— Ничего не может, — возразил Правитель. — Ты передал секрет жизни и смерти Ящера мне. Только я могу заставить его воевать, только я могу управлять им, и только я могу его убить…

— Вот и убей, пока не поздно…

— А почему будет поздно? Разве ты думаешь, что я могу использовать Ящера для злых целей? Разве ты не веришь мне, своему давнему и надежному другу?

— Тебе я верю, — вздохнул Ученый. — Но через год могут выбрать другого Правителя. Вдруг он не сумеет справиться с Ящером?

— А зачем острову другой Правитель? — услышал Ученый осторожный вопрос. — Разве я в эти трудные годы не оправдал свое высокое звание?

— Ты оправдал, конечно, однако есть закон! Каждые шесть лет Правителя выбирают снова.

— Это раньше был закон, — усмехнулся Правитель. — А зачем он сейчас, если у меня есть Ящер?

— Ты хочешь стать тираном? — ужаснулся Ученый.

— Ну, почему же тираном? Я буду управлять народом по-доброму и мудро. У меня есть опыт… В других странах императоры и короли царствуют до самой смерти, и этот обычай совсем не плох.

— Ты решил растоптать наши древние законы! — гневно сказал Ученый. — Народ проклянет тебя!

— Я думаю, он не решится, — опять усмехнулся Правитель.

— Ты потерял голову. Одумайся, — попросил Ученый.

Тогда Правитель печально сказал:

— Мне казалось, что ты меня поймешь. Я надеялся, что ты станешь моим первым помощником…

— Я? Помощником захватчика власти? Сообщником того, кто предал народ?

— Ты оскорбляешь Правителя!

— Ты не Правитель, а преступник!

— Я думал, мы друзья…

— Я тоже думал, — вздохнул Ученый.

Тогда Правитель рассердился и велел заточить Ученого в тюрьму.

Конечно, это была не темница. Жилось Уче-

ному там неплохо, он мог даже работать, но стерегли его крепко. Люди жалели Ученого, но что они могли сделать, если при любом недовольстве Правитель поднимал из озера Ящера и тот, грозя непокорным, вскидывал свои страшные щупальца?

Постепенно отыскались люди, которые рассуждали так: «С Ящером воевать бесполезно, поэтому надо приспосабливаться». И появились у Правителя послушные министры, судьи и солдаты…

А Ученый не сидел сложа руки. Он по ночам, когда спала стража, работал над приспособлением, чтобы убить чудовище, убить, не выходя из тюрьмы. Ученый знал, как это сделать. Ведь сделал же он раньше для Правителя хитрую штуку, чтобы тот мог прямо из дворца командовать Ящером.

Но Ученого предали. Тайная работа была раскрыта, и суд приговорил его к смерти.

После суда Правитель пришел к Ученому и горько произнес:

— Видишь, как получилось… Честное слово, я этого не хотел.

— Теперь все равно, — сказал Ученый. — Но дай мне, пожалуйста, отсрочку. Я хочу вылепить, а потом отлить из металла скульптуру. Ведь я не только Ученый, но и Художник. Я хочу оставить

эту скульптуру людям…

— Я дам тебе какую хочешь отсрочку! — вскричал Правитель. — Я дам тебе полное помилование! Богатство! Все на свете! Только обещай не вредить Ящеру!

— Не надо мне твоего помилования, — возразил Ученый. — Дай только время для работы.

И Правитель согласился.

Ученому привезли глину, металл, в тюремном дворе сложили печь для плавки. И он стал работать.

Однажды снова пришел Правитель.

— Что это будет за скульптура? Кого ты лепишь? — спросил он.

— Двух мальчиков, — сказал Ученый. — Двух очень верных друзей.

Правитель опустил глаза и прошептал:

— Нас? Какие мы были?..

— Что? — удивился Ученый. — Нет, не нас… Это юные рыцари. Те, что рано или поздно убьют Ящера.

— Разве такое дело под силу ребятишкам? — усмехнулся Правитель.

— А ты вспомни нас, когда нам было по двенадцать лет, — сказал Ученый. — Тогда нас ничто не могло удержать, если надо было отстаивать

справедливость. Вспомни себя. Разве ты мог бы в те годы обмануть людей ради власти и ради могущества? Разве ты не был Рыцарем?

Правитель молчал.

Ученый строго сказал:

— Ты должен выполнить мою последнюю просьбу. Поклянись в этом, как мы клялись в детстве: Луной, Солнцем и пером Невидимой птицы. Ты не посмеешь нарушить эту клятву.

Правитель вздрогнул, поднял глаза.

— Да… я клянусь.

— Ты не разобьешь мою скульптуру, — сказал Ученый. — Ты ее не переплавишь и не зароешь в землю. Ты поставишь ее на острове в любом месте, где хочешь. Но никому не станешь запрещать подходить к ней.

— Хорошо… — прошептал Правитель, хотя уже сожалел о своей клятве…

Наступил день, когда скульптура была готова.

Правитель пришел посмотреть на нее и с облегчением сказал:

— Какие же это рыцари? Разве это победители? Это просто мальчишки.

Ученый не ответил.

— Ты свободен, — сообщил ему Правитель. — Только поклянись нашей клятвой, что не будешь

воевать с Ящером. Ну прошу тебя!

Однако Ученый ответил, как прежде:

— Не надо мне твоей милости. — И добавил: — Радоваться жизни я все равно не смогу: я потерял Друга. Прощай…

И когда Правитель ушел, Ученый выпил яд.

Правитель устроил бывшему другу пышные похороны, а скульптуру поставил в дворцовом парке. Сначала… А потом он приказал перенести ее на глухое горное плато, далеко от столицы. Почему? Кто его знает. Говорили, что начал терзать Правителя непонятный страх. Но скорее всего его просто мучила совесть.

Клятву Правитель не нарушил, он никому не запрещал ходить к скульптуре. Он даже приказал сделать для нее каменный постамент, а в отвесных скалах прорубить удобный подъем на плато. Но дорога в ту горную и лесную глушь была далекая, и постепенно ее забыли…

Прошло много лет. Враги не беспокоили невидимый остров. На щедрой земле росли хлеба и плоды, в море ловилось множество рыбы. Люди привыкли к сытой и спокойной жизни. Разрушались ненужные крепостные стены и корабельные пристани. Остался недостроенным космический трамплин, с которого когда-то смешные мечтате-

ли хотели запустить лунный корабль. Пролеты этого трамплина поднимались над городом, будто громадный мост.

Зарастали травой сцены и каменные скамьи открытых театров. Потому что спектакли, шумные игры и слишком бурное веселье не нравились Ящеру. Ему (и всем правителям, которые по наследству сменяли друг друга) нравился порядок. А если равновесие порядка нарушалось, Ящер гневался. Он не мог понять, почему этим глупым людям не живется тихо и спокойно. И люди привыкли, что не следует дразнить Ящера. Тем более что размеренная, тихая жизнь — это совсем неплохо. И для счастья вовсе не обязательно к чему-то стремиться, о чем-то мечтать и хотеть чего-то нового…

Но полного спокойствия все же не было. Время от времени вспоминалась легенда о гибели Ящера. О том, что из-за моря придет Юный Рыцарь и вызовет Ящера на смертельный бой.

Откуда эта легенда появилась? Говорят, маленький сын тюремщика подслушал разговор Ученого и Правителя и как умел пересказал его своим друзьям…

Вспоминали легенду только дети. Это было как болезнь, как поветрие: вдруг по всем углам,

в школьных коридорах и на улицах начинали собираться в кучки мальчишки и девчонки и слышался шепот: «Рыцарь… Ящер… сражение…»

Взрослые, конечно, не верили таким глупостям, но легенда чересчур возбуждала ребят, отвлекала их от школьных занятий, делала их строптивыми и вообще нарушала равновесие порядка. И детей начали воспитывать все суровей и строже.

Такое воспитание помогало, дети становились все более послушными и тихими. Но не совсем. И не все. Сказку о бое с Ящером нет-нет да опять вспоминали. И кто-то уходил из города, чтобы отыскать Плато. А кто-то просто исчезал в лесах…

И чтобы насовсем выбить из детей бредни о Юном Рыцаре, один из правителей наконец придумал: надо заманить из-за моря мальчишку, выпустить на поединок с чудовищем и потом расправиться на глазах у всех.

Несколько раз так и делали. После такой расправы долгое время никто не смел вспоминать легенду. Но проходили годы, испуганные мальчишки и девчонки становились благоразумными взрослыми. И рождались новые дети…

А все дети рождаются смелыми…

Вот какую историю я услышал в тот вечер от

Дуга.

— Понял теперь, зачем привезли тебя на остров? — спросил Дуг.

— Понял, — печально сказал я. — Только я другого не пойму. Где теперь мой дом? И вернусь ли я туда когда-нибудь?

— Ну, нашел о чем горевать! — воскликнул Дуг. — У тебя же есть Птица!

— Ну и что? — с надеждой спросил я.

— Потерпи дней десять. После полнолуния начнется юго-западный ветер, и Птица быстро донесет тебя до дома…

ЖИТЕЛИ ГОРНОЙ КРЕПОСТИ

Крепость была построена очень давно. Ее поставили здесь для защиты острова от морских набегов. Полукруглые бастионы, квадратная башня, стены, парапеты и низкие казармы располагались на плоских вершинах и уступах скалистых утесов. Эти утесы торчали на границе леса и моря, будто громадные полуобломанные клыки.

Обрывы утесов были совершенно неприступны. На вершины вел тесный коридор, вырубленный внутри скалы. Он был извилистый, с ответвлениями, тупиками и крутыми ступенями. Отыскать внизу начало прохода посторонние люди ни за что не сумели бы: узкая щель пряталась за откоголовшимся от обрыва камнем и заросла плотным кустарником.

Из крепости было видно далеко-далеко. Морской горизонт уходил в какую-то космическую глубину и сливался с небом в неясном тумане. Лесистые холмы убегали на край земли, как волны, тоже становились вдали синими и терялись в дымке.

Вдали между холмами виднелись крыши и

башни города и блестел кусок озера, в котором жил Ящер. Я не любил смотреть в ту сторону. Зато часто смотрел на море.

Несколько дней я не мог привыкнуть к высоте, простору и громадной синеве. Утром проснусь — и дыхание останавливается. Не от страха, а от прилива какой-то жутковатой радости. Небо чистое-чистое, желтые камни крепости светятся от солнца, травинки блестят от росы, а кругом такая ширь, что все забываешь и хочется заорать от восторга…

И сама крепость мне понравилась. В ней полным-полно было таинственных уголков, переходов, коридоров. Эх, если бы в нашем городе была такая! Вот где играть в рыцарей!

Плохо только, что внутри башен и казарм стояла зябкая сырость и все оказалось заброшенным. Когда остров Двид сделался невидимым, береговая оборона стала не нужна и люди ушли из крепости. Бастионы стали разрушаться. Большие пушки, которые стояли на главной площадке, осели и покривились на рассохшихся лафетах. Лишь одна пушка — самая главная — казалась вполне исправной.

Точнее говоря, это была не пушка, а могучая мортира для навесной стрельбы каменными

ядрами. Ствол ее, короткий, но ужасно широкий, походил на громадную бочку. Ядра лежали тут же, на площадке. Это были грубо отесанные шары — такой величины, что Уголек или Винтик прятались за ними, не сгибаясь. Чтобы закатывать ядра в дуло, был сделан специальный каменный желоб. Он подходил к мортире вплотную.

Орудие стояло на чугунном станке с тяжелым зубчатым механизмом. Механизм был исправен, хотя проворачивался со скрипом. Ржавчины на нем было немного, потому что ветер постоянно дул над утесами и быстро высушивал росу и дождевые капли. Мы иногда развлекались: нажимали железные рычаги, и тогда шестерни лязгали, визжали, станок поворачивался, а ствол поднимался и опускался…

В орудийных стволах мы спали. Каменные казематы и батареи не очень-то годились для ночлега, а в пушках было уютно. Солнце крепко нагревало их за день, а когда приходила ночь (довольно свежая здесь, на высоте), пушки делились теплом с нами.

Только в мортире никто не спал, она была слишком просторная.

…Рано утром нас будил веселый голос Дуга:

— Эй, люди! А ну, вставайте! Из пушки — как

из пушки!

Мы выскакивали и вытаскивали тех, кто спал слишком крепко. Потом Дуг заставлял нас бегать и прыгать, чтобы не поддаться утреннему холоду: солнце стояло еще невысоко и не успевало нагреть наше каменное гнездо.

Мы весело орали, скакали и гонялись друг за другом. А иногда Дуг вставал посреди площадки и спрашивал:

— Ну, кто на меня? Кто смелый?

Мышцы поигрывали под его веснушчатой кожей.

Мы храбро вопили и кидались в атаку, а Дуг даже рук не поднимал. Стоило ему шевельнуть мускулами, и мы отлетали, как мячики. Но кончалось это всегда одинаково: хитрый косолапый Лук подкатывался Дугу под ноги и вцеплялся в них мертвой хваткой. Винтик и Уголек подбирались сзади и прыгали Дугу на плечи.

Тут налетали остальные, и Дуг терял равновесие. Он валился, подминая травинки с маленькими синими цветами. Все тут же наседали на него. Дуг рычал, дергался и грозил, что уйдет в деревню, женится и никогда не вернется в этот разбойничий притон. Мы держали его и требовали, чтобы он отказался от таких бессовестных

планов. Дуг не хотел отказываться. Тогда маленькая Точка с очень серьезным видом срывала травинку, чтобы пощекотать Дугу бока. Тут он принимался верещать непривычно тонким голосом и сдавался.

После такой возни Соти деловито мазала наши ссадины каким-то едущим отваром и говорила Малышу:

— Сумасшедшие люди, верно?

Малыш молчал и неловко улыбался. Он, как и Соти, никогда не лез в эти свалки. Словно стеснялся. Именно стеснялся, а не боялся, потому что он вообще-то был смелый. Цепкий такой и ловкий. Легко лазил по скалам и раньше всех спускался по темному крутому проходу, когда мы отправлялись ловить рыбу.

Иногда Малыш с разрешения Дуга ходил в ближние деревни добывать хлеб (для этого и собрали ему кое-как приличную одежду). Местные жители знали молчаливого мальчика, который повредился в уме после того, как заплутался в Заколдованном лесу. Они не спрашивали, кто он и откуда, молча давали ломти и горбушки. Наверно, вдали от столицы и Ящера люди были проще и добрее.

Когда Малыш возвращался с хлебом, у нас был

праздник. Хлеба всегда не хватало, и каждый день мы делили его на маленькие кусочки.

Но вообще-то мы не голодали. Рыбы ловили сколько хотели. Стоило внизу, у подножия утеса, забросить самодельные удочки, и серебристые рыбины жадно хватали наживку, а иногда и голые крючки (мы их делали из острых костей). Случалось, что Дуг в лесу ловил силками диких кроликов. Соти находила под деревьями грибы и съедобные корни.

Иногда нам помогала Асик — девушка Дуга: посылала то каравай, то мешочек с крупой. Но ей приходилось делать это украдкой: знакомство с Дугом грозило бедой. На девушку и так посматривали косо: почему не похожа на других?..

Чтобы попасть на тропинку, ведущую в деревню, в лес или к морю, надо было зажигать смолистые ветки и долго спускаться по узким крутым коридорам с головоломными ступенями. Но теперь это стали делать реже.

Потому что прилетала Птица.

Она появлялась каждый день. Я свистел ключом, и минут через пятнадцать шумная серая тень проносилась над бастионами. Птица возникала между квадратной башней и выступом разрушенной стены. Из башни торчала могучая

каменная балка, и Птица опускалась на нее, как на насест.

Иногда она прилетала и без вызова. И дробно стучала клювом — звала меня. Я забирался к ней на балку и гладил шелковистую шею.

— Здравствуй, Птица… Как там живет твой малыш? Больше не падает из гнезда?

Птица весело щелкала: нет, не падает, все в порядке.

— Птица, — шепотом говорил я. — Ты меня унесешь домой, когда подует юго-западный ветер?

Скорей бы домой! Неделя давно прошла, и теперь меня ищут повсюду. И наверно, уже не надеются найти живым. Толик печально рассказывает, как он видел меня последний раз, а ребята, встретив моих родителей, виновато опускают глаза. Так же, как перед родителями Юльки Гаранина…

Птица опускала голову на мое плечо, успокаивала: не волнуйся, я помогу, я же понимаю, какое горе, когда птенцы теряются из гнезда.

Я встряхивался, сжимал зубы, скручивал в себе тоскливые мысли. Надо было жить и ждать. Ничего, протяну еще неделю. Рогатый месяц уже превратился в половину круга, скоро станет как мяч, а когда чуть пойдет на убыль, Птица и ветер

с зюйд-веста помогут мне…

Ребята привыкли к Птице и полюбили ее. Кормили рыбой, ласкали, даже играли с ней. Малыши пытались проскочить у ней между ног, будто в узкие ворота, а Птица осторожно и ловко хватала их за лохмотья и приподнимала. А потом посадит вопящего от восторга Лука или Стрелку на пушку и хитро поглядывает: кто следующий?

Птица помогала нам спускаться к подножию утеса. Конечно, летать, ухватив Птицу за ноги, было опасно, и мы сделали сиденье. Что-то вроде качелей — небольшая доска и две веревки. Я побаивался, когда первый раз привязывал качели к птичьим лапам: вдруг она обидится и улетит? Но Птица все поняла. Сидя на балке, она терпеливо дожидалась, когда я укреплю сиденье, и потом плавно понесла меня над морем…

Иногда мы летали по двое. Сначала боялись, но потом решили попробовать. Рядом со мной сел Малыш. Птица подняла нас так же спокойно и легко, как меня одного. Малыш тихонько ойкнул и вцепился в веревку. Но глаза у него засияли, и он начал смеяться. Так счастливо, как никогда не смеялся на земле…

Птица часто приносила еду: то ветку с похожими на айву плодами, то громадную рыбину,

какие не водились у нашего берега, то морскую черепаху, разбитую ударом клюва.

Видимо, Птица считала нас человеческими птенцами, оставшимися без родителей, и помогала как умела. Она всех нас любила, даже Дуга, хотя Дуг был большой и не летал с ней.

Дуг тоже любил Птицу. Однажды он сказал мне:

— С таким другом ты нигде не пропадешь. Будь уверен, донесет она тебя домой…

Я обрадовался. Но тут же ощутил тревогу и печаль. Во-первых, скоро придется расстаться с ребятами, с Дутом. Но не только в этом дело. Я боялся за них. И я наконец спросил о том, о чем думал не раз:

— Дуг, я-то улечу… А вы? Так и будете здесь всю жизнь?

Он ответил тихо и серьезно:

— Я и сам думаю часто: что делать дальше?

В самом деле, что дальше? Жить до старости в заброшенных бастионах? Превратиться в племя дикарей?.. Дуг учил ребят читать и писать, царапал на камнях буквы, объяснял задачки на сложение и вычитание, рассказывал о звездах и планетах… а зачем?

— Дуг, — сказал я, — у нас большая страна…

Знаешь, сколько у вас нашлось бы там друзей!.. Дуг, Птица может унести всех, если по очереди…

Он печально улыбнулся:

— Меня не унесет, я тяжелый.

— Но есть же другие пути. По морю…

Дуг покачал головой:

— Женька, это наш остров… — И совсем другим голосом попросил: — Покажи, как делают луки. Помнишь, ты про них говорил, когда рассказывал о Робин Гуде…

В расщелинах скал росли кусты и деревца с пружинистыми стволами. Я объяснил, как полагается делать большой лук, хотя сам не мог согнуть такое деревце. А Дуг согнул. И к вечеру у нас было несколько крепких луков. Для стрел мы расщепили старые сухие доски — они отыскались на верхнем ярусе квадратной башни. Наконечники сделали из осколков кремня. Оперенье сделать было не из чего, но и без него стрелы летели прямо.

Старшие ребята и Дуг очень быстро научились попадать в цель. Они все стреляли гораздо лучше меня (я и лук-то растянуть как надо не мог). Лучше всех стрелял Шип. Это казалось удивительным. Шип словно состоял целиком из носа, ушей, острых суставов, а мускулов у него совсем не было.

Но тетиву он натягивал шутя, а стрелы летели точно в нарисованный круг или нацарапанный углем портрет Крикунчика Чарли. Сестренки Шипа — Стрелка и Точка — после каждого такого попадания гордо на нас поглядывали и шли подбирать стрелу.

Однажды Шипу удалось подстрелить крупную быструю рыбу — она неосторожно крутилась вблизи береговых камней. Это произошло на маленьком пляже, укрытом со всех сторон каменными отвесами. Здесь мы всегда занимались рыбной ловлей. А попадали мы на пляж через тесный лаз — ответвление главного прохода, и другого пути сюда не было. Разве что по морю…

Добыча с воткнутой стрелой качалась на мелкой зыби совсем недалеко от берега. Дуг ворчал на Шипа: зачем загубил рыбу и стрелу? Достать их было нельзя. Всюду кишели мелкие, похожие на грибы-рыжики, медузы. Галь объяснил мне, что они страшно ядовиты, и показал на коричневой ноге белые тонкие рубцы — следы ожогов.

Это было очень обидно: так хотелось искупаться, а мелкие жгучие твари не пускали нас в воду все дни подряд. Но Дуг меня утешил. Он сказал, что скоро медузы уйдут от берега и не появятся до следующего новолуния…

И в самом деле, через день Дуг сообщил:

— Можно купаться, люди!

Мы весело завопили, и больше всех обрадовался Малыш. Правда, он не орал как сумасшедший, но сразу бросился к спуску и в темноте, не боясь расшибиться, застучал своими разбитыми башмаками по ступеням.

Когда мы оказались на пляже, Малыш уже плавал далеко от берега. Плавал быстро и умело, будто на тренировке в спортивной школе.

Он закричал нам:

— Давайте сюда! Плывите!

Никогда я еще не видел его таким счастливым, даже во время полета.

Наша малышня поскидывала тряпье и бросилась в воду. Соти ушла за камень. Галь, Шип, Тун и Дуг, поглядывая на этот камень, стали мастерить из сухих водорослей и веревочек набедренные повязки. Мне даже неловко стало за свой «богатый наряд»: черные трусики с белыми лампасами…

Наконец мы все бултыхнулись в море. В синевато-зеленую прохладу, где серебряными строчками проскакивали стайки рыбешек.

Плавали, барахтались и плескались, пока от озноба не стало сводить челюсти. Потом выбрались на песок и горячие камни. А Малыш все еще

купался.

— Ну-ка давай на берег! — прикрикнул Дуг. — Будешь потом дрожать…

Малыш приплыл и выбрался на пляж. Плотно обнял себя за плечи и пошел к нам — словно понес в руках самого себя, худого и озябшего.

Я замигал и приподнялся на песке. На Малыше были красные плавки. С белым пояском, тоненькой медной пряжкой и разноцветными олимпийскими колечками на кармашке. Такие же, как те, что перед лагерной сменой купила мне мама. В нашем спортмагазине.

Я не вскрикнул, не вскочил. Опустил голову, зажмурился, и в темноте мысли у меня понеслись, как серебряные строчки рыбешек — отрывистые, торопливые, но все в одном направлении. Потом я испугался: не показалось ли? Открыл глаза. Малыш стоял почти рядом. Колечки, вышитые на кармашке, были похожи на разноцветный букетик.

— Говорил ведь: промерзнешь, — упрекнул Дуг.

— Да нет, я ничего, — стукнув зубами, откликнулся Малыш. Сел на корточки и обхватил коленки.

Я встал и подошел к нему со спины. Спина была

мокрая, блестящая, с выпуклой цепочкой позвонков. Она крупно дрожала…

— Юлька… — тихо позвал я.

Спина сделалась неподвижной.

Тогда я громко сказал:

— Юлька Гаранин!

ЛУНА БЫЛА ПОЧТИ ПОЛНАЯ

Мы с Юлькой ночевали в одной пушке. В мортире. Потому что нам не хотелось расставаться ни днем, ни ночью. Ни на минутку. Мы сразу прикипели друг к другу.

Юлька все вспомнил.

Его история была похожа на мою, только проще. Когда он купался в нашем озере, к нему подошла рыбацкая лодка и незнакомый человек сказал:

— Мальчик, ты так хорошо плаваешь. Помоги распутать сеть, она зацепилась за корягу…

Он усадил Юльку в лодку и повез на середину озера. Скоро Юлька забеспокоился: какие коряги вдали от берега, на глубине? Тогда человек начал говорить об острове Двид, о Ящере, о легенде про Юного Рыцаря… Юлька, недолго думая, махнул за борт, но человек перехватил его на лету и замотал в глухой черный плащ…

Потом была темница, и этот же человек уговаривал Юльку сразиться с Ящером. Юлька не верил ни в Ящера, ни в остров Двид, скандалил и требовал отправить его домой. Тогда человек пригрозил Юльке судом и расправой за трусость. Сначала, мол, пообещал сражаться, а потом испу-

гался. Пусть все видят, какой Юлька трус. В конце концов, это и нужно было властям острова.

— Подумай до утра, — сказал человек и ушел.

Юлька не стал думать до утра, ночью он бежал. Тогда в камере стояла деревянная табуретка, а лежанка была укрыта одеялом, и Юлька этим воспользовался. Он разорвал одеяло на полосы и связал, а табуретку разбил. К отломанной ножке примотал конец самодельного каната с узлами. Ножку зашвырнул вверх — так, что она легла поперек оконца в потолке. Вылез на крышу, пробрался ночными улицами на край города. А там заросшие тропинки привели его в Заколдованный лес…

…Я долго рассказывал Юльке про наш город, про ребят, про наши игры. Про то, какие фильмы теперь идут в кинотеатре «Спутник» и какие марки продают в киоске на углу Первомайской и Пушкинской… А он слушал, слушал — по многу раз одно и то же. И конечно, все время спрашивал про своих родителей.

Что я мог сказать? Я говорил, что они живы и здоровы, только сильно горюют. Зато как они обрадуются, когда Юлька вернется!

Больше всего мы разговаривали про это по вечерам, когда наше каменное гнездо затихало. Мы

с Юлькой лежали рядышком на упругом настиле, который сплели из веток, и смотрели из жерла мортиры на ясное ночное небо. Оно было синевато-зеленым с небольшими редкими звездами. И набухала в этом небе яркая луна. Еще не круглая. Где-то глубоко внизу, в лесной чаще под утесом, вскрикивали ночные птицы, а поблизости неутомимо трещал кузнечик…

— Когда вернемся, никто не поверит, что есть на свете остров Двид, — задумчиво сказал Юлька. — Будут допытываться: где же вы в самом деле пропадали столько времени?

— Ничего. Главное, чтобы вернуться… — откликнулся я.

Эти слова, кажется, встревожили Юльку. Он спросил с беспокойством:

— А ты уверен, что Птица донесет нас обоих до дому?

— Конечно. Мы же летали вдвоем.

— Мы недалеко летали. А этот путь будет, наверно, очень длинный…

— Донесет, — успокоил я Юльку и себя. — Она вон какая сильная. И верная…

Юлька помолчал. Зябко повел плечами. Прошептал:

— Даже страшно подумать, как там мама… Она

всегда за меня беспокоилась…

Я подумал про свою маму, про то, что сердце у нее неважное, побаливает. И сказал:

— Нам как-нибудь поосторожнее надо будет появиться, не сразу. Чтобы с ними ничего не случилось от радости…

— Я уже думал про это, — отозвался Юлька. — Но знаешь, по-моему, от радости ничего плохого быть не может… Женя…

— Что?

Юлька вздохнул, повозился и сказал совсем негромко:

— Мама меня называла знаешь как? «Сокровище»… Иногда хорошо так, ласково, а иногда: «Ну-ка, сокровище, покажи дневник…» Но все равно хорошо…

Он, кажется, улыбнулся в темноте и снова заговорил:

— А я, когда маленький был, не знал, что такое «сокровище». Маму спросил, а она говорит: «Это разные драгоценности, которые сперва спрятали, а потом откопали…» Я говорю: «А где ты меня откопала?» Она как начала хохотать… А потом я спросил: «Значит, я драгоценность?» А мама: «Конечно, драгоценность. Цена — одна полушка…» А я не знал, что такое полушка…

— Это денежка старинная. Полкопейки, да?

— Меньше. Полкопейки — это грош, а полушка — половинка гроша… Только я тогда думал, что полушка — значит «пол-ушка». Ну, половина уха. И давай придумывать: «А почему не полноса? Почему не ползуба?» А мама говорит: «Красная цена — полхвоста»… Мы тогда с ней так хохотали…

Я засмеялся. И мне показалось, что Юлька тоже смеется. Но почти сразу я понял, что он вздрагивает и всхлипывает от слез.

— Да ты что, Юлька… Ну, не надо. Мы же скоро вернемся, честное слово!

Потом я замолчал, чтобы не разреветься самому. Закусил губу и слушал, как Юлька постепенно успокаивается.

Юлька вздохнул, и вздох этот был очень длинный и какой-то прерывистый, словно мы ехали в тряской тележке.

Наконец Юлька сказал:

— У меня всегда так: если слезы подкатят, ничего не могу поделать… У меня такой характер слабосильный. Наверно, потому, что имя девчоночье.

— Какое же оно девчоночье, — возразил я, чтобы хоть чуточку его успокоить.

— Конечно. Ю-у-у-лечка… Так у меня двоюрод-

ную сестру зовут.

— При чем тут сестра! А Юлий Цезарь? Он, по-твоему, тоже девчонкой был?

— Так это же Цезарь. А я кто? Просто Юлька…

— А я просто Женька… У нас в классе три Жени — я и две девочки. Но я же не говорю, что я девчонка!

— Ты — другое дело. У тебя характер крепкий…

«У меня-то?!» — хотел заспорить я и уже собрался рассказать, сколько раз отчаянно трусил и пускал слезы на этом острове. Но Юлька опять заговорил (и кажется, опять улыбнулся):

— А мою маму тоже зовут Женя… Евгения Степановна… Она в музыкальной школе работает… Я ее иногда до школы провожал, и, как подойдем к школе, все ребята сразу кричат: «Здравствуйте, Евгения Степановна!»

Он как-то вдруг, очень резко замолчал. Может быть, опять подступили слезы?

Чтобы отвлечь его, я быстро спросил:

— А ты тоже учился в музыкальной школе?

— Не… мне медведь на ухо наступил. Я только иногда слова для песенок придумывал, а мама к ним музыку сочиняла… Мы с ней много песенок написали…

Юлька вдруг рывком повернулся ко мне, и я

в скользящих лучах луны увидел его тоскливое и встревоженное лицо. Он сказал глуховато и совсем другим голосом. По-взрослому:

— Если мы не вернемся, она же ни одну песню не сможет вспомнить без слез…

— Вернемся, Юлька, — быстро ответил я, чтобы и его успокоить, и себя. — Вернемся. Скоро уже будет юго-западный ветер. Смотри, луна почти полная.

Он опять лег на живот и уперся подбородком в кулаки.

— Женя… А похоже, будто луна в иллюминатор светит, да?

— Похоже…

— Мы однажды с мамой и папой плыли на теплоходе по морю. Из Одессы в Батуми. Иллюминатор в каюте был круглый, и в него вот такая же луна заглядывала… Тихо было, и совсем не качало. Я полночи не спал, все смотрел. Я люблю на луну смотреть… Может, я лунатик?

Я засмеялся:

— Ты же не бегаешь ночью по крышам…

— Не… — сказал Юлька уже повеселевшим голосом. — Я только стихи про луну сочинил. Хочешь, расскажу?

— Конечно, хочу.

Он видимо, застеснялся, сбивчиво пробормотал:

— Ну… они, наверно, не очень складные… Ты не смейся, ладно?

— Да что ты, Юлька! Рассказывай давай.

Он переглотнул и заговорил…

По-моему, это были хорошие стихи. Я их сразу запомнил, хотя вообще-то запоминаю стихотворения с трудом.

И вот теперь я пишу их, как слышал: с разными остановками и ступеньками — как Юлька говорил. И будто снова слышу Юлькин голос:

Я не сплю…
Лежу я и не сплю
(Только вы не говорите маме)…
Звезды, словно замерший салют,
Гроздьями повисли над домами.
Только я на звезды не смотрю,
Я от нетерпения горю:
Жду,
когда от краешка окна
Круглая появится Луна.

На Луне так много лунных сказок:

Там
над золотистою водой
Желтые растут дубы и вязы
И сидит волшебник с бородой.

Я к нему
по лунному лучу
Побегу сквозь голубую даль.
От него
в подарок получу
Золотую лунную медаль.
Я ее повешу на стене.
И она
ночами
со стены
Будет часто улыбаться мне,
Как сестренка
той
большой Луны.

Юлька замолчал и потом проговорил неловко:

— Ну вот… все.

— Это же замечательные стихи! — от всей души сказал я. — А ты еще говорил: нескладные!

— Мама тоже сказала, что хорошие, — признался Юлька. — Я их ей на день рожденья подарил… Хоть там и написано: «Только вы не говорите маме», но это же так, почти что в шутку…

«Ничего, Юлька, скоро будет юго-западный ветер», — снова хотел сказать я, но в горле скребло, потому что я тоже думал о маме. Да и сколько можно говорить одно и то же? Я просто положил свою ладонь на горячее Юлькино плечо и стал смотреть на луну. А она расплывалась, разбивалась на брызги. Потому что характер у меня ничуть не крепче Юлькиного и на ресницы выдавились большие капли.

«Ничего, Юлька, скоро будет полнолуние…»

Я проморгался. Луна опять сделалась четкой. Она висела теперь точно в середине пушечного жерла. Значит, наша мортира была нацелена прямо на нее… Вот если бы сейчас грянул выстрел!

Наверно, мысли все-таки могут передаваться от человека к человеку. Юлька спросил:

— Ты читал книжку Жюль Верна «Из пушки на Луну»?

— Конечно! Я как раз об этом думал!

— И я думал… Вот если бы по правде так было можно: набить пороху — трах! — и полетели…

— А что нам делать на Луне?

— Да не на Луне. Я чтобы домой…

Его плечо приподнялось и опустилось под моей ладонью. «Домой… — подумал я. — Сделать бы снаряд вроде бочки, а к нему парашют для приземления, как у космонавтов… И ка-ак грохнуть!.. Только что от нас останется? Да и разве долетел бы снаряд в такую даль? Плюхнулся бы где-нибудь на острове среди леса. Или в озеро…»

В озеро?

Я представил, как грохается в воду снаряд. Не бочка с пассажирами, а громадное каменное ядро… А у Ящера слабая башка. Щупальца могучие, а темя…

— Юлька… — шепотом сказал я. Но он не ответил. Он быстро и незаметно уснул.

А я не мог уснуть до самого утра. Все думал: если сохранились на бастионах ядра, то, может быть, где-то в подвалах сохранился и порох?

ПОРОХ

Если бы он сохранился!

С той минуты, как я попал на бастионы, ни разу не приходила мне мысль о войне с Ящером. Бесполезно было об этом думать. Что могли бы сделать мы — Дуг и несколько мальчишек — со стальным исполинским чудовищем?

Но если есть порох и ядра…

Меня просто жгло от этих мыслей. Теперь, когда появилась надежда на могучее оружие, мне очень хотелось отомстить. За обман, за унижение, за страх, за кровь… за того мальчишку на розовом помосте… за свое бегство…

Но главное даже не в этом. Главное, что остров будет свободен. Кто такой Тахомир Тихо без Ящера? Толстенький лысоватый человечек без власти и силы. Кем станут слуги Ящера, если чудовище превратится в металлолом? Да они и воевать-то не умеют, привыкли помыкать беззащитными людьми.

Может быть, все же не случайно появился я на этом острове? И Юлька? Может быть, в конце концов посчитаемся с Ящером?

…На рассвете я разбудил и вытащил из пушки

Дуга. Я выпалил ему все, что передумал за ночь. Он сперва ничего не сообразил и решил, что я увидел страшный сон. Даже заворчал: сам не спишь и другим не даешь. Но вдруг замолчал. Он стал очень спокойный, только сжал губы, а ноздри у него задрожали.

Он спросил:

— А какой он, этот порох?

— Ну неужели ты не знаешь, что это такое? Им стреляют из пушек и ружей!

— Я знаю, что им стреляют, — с нетерпеливой досадой сказал Дуг. — Но *какой* он? Мы же никогда его не видели. Чтобы искать, надо знать…

— Если есть, найдем!

На поиски пошли Дуг, я, Юлька и Галь. Дуг объяснил, что от коридора, который ведет вниз, отходят небольшие ответвления. В них есть погреба, ниши, тайники. Никто их как следует не разведывал. Вполне может быть, что есть там и пороховой склад.

Мы искали долго. Облазили много узких проходов и сводчатых камер. Ободрались о камни и закоптились от факелов, как черти. Ничего не нашли и вернулись в главный коридор.

— Посмотрим ниже, — сказал Дуг.

Мы спустились на два десятка ступеней. Хотели

опять свернуть в коридорчик, но я обратил внимание, что стена слева от нас какая-то странная — не плоская, а будто сложенная из цилиндрических камней. Я пригляделся. Это была не стена. Это была высокая ниша, и от низу до верху ее заполняли бочонки. На одном бочонке не было верхнего обруча. Я потянул за край клепку. Дернул. Дощечка отошла, и щекочущим потоком на ноги мне хлынула черная крупа.

— Назад! — заорал я. — Назад, кто с огнем! Быстро вы, идиоты!!

Кажется, Галь и Дуг обиделись на меня за этот крик. Но мне было не до того. Даже наверху, когда мы выбрались, у меня дрожали ноги. Я посмотрел на Галя и Дуга, на их сердитые лица и молча выгреб из кармашков порох, который прихватил с собой. Попросил Уголька принести старую жестяную кружку, засыпал ее порохом до половины, а сверху сплющил камнем и загнул расплющенный край. Сказал Юльке:

— Разожги костерчик…

Огонь разгорелся, и я скомандовал:

— Ну-ка, все за башню…

Кинул кружку в пламя.

Грянуло крепко. Дым и огонь взметнулись метров на пять, а ветки раскидало по всей площадке.

Стрелка и Точка завизжали.

— Ясно? — спросил я, когда мы поднялись после взрыва. — Ясно, где бы мы сейчас летали, если бы грохнули бочонки?

Но тут я посмотрел на Галя и Дуга и спохватился:

— Ребята, простите… Я же там перепугался так, что просто без памяти…

Дуг потер веснушчатой лапой побледневший лоб. Тихо сказал:

— Это ты прости… А мы-то каждый день ходили там с факелами…

Мы все обсудили на общем совете. Мы объявляли Ящеру войну!

Интересно, как понравятся ему каменные шарики в тонну весом, когда они посыплются на башку?

Только долетят ли?

Озеро блестело очень далеко. Но калибр у мортиры был раза в три больше, чем у самых крупных орудий на линкорах, про которые я читал в морских книжках. А линкоры стреляли на сорок километров!

Конечно, старая мортира — не то что современное нарезное орудие. Но мы набьем пороху до отказа, подожжем фитиль, а сами скроемся в

каземате. Если даже разорвет ствол, никто не пострадает. Зато, если не разорвет, ядро наверняка достанет до цели. А может быть, на первый раз и перелет будет…

Притащить из погреба порох было нетрудно. Зато предстояла долгая возня с ядрами. И мы решили сперва заняться этим тяжелым делом.

Работали мы несколько часов. Руками, плечами, рычагами все вместе толкали ядра к каменному желобу, а по нему подкатывали поближе к дулу мортиры. Мы срывали с плеч и ладоней кожу, растягивали сухожилия, хрипли от криков… Мы измотались так, что даже не хотелось обедать. Зато пять громадных шаров улеглись в желоб, и я вспомнил тиражи спортлото, которые видел по телевизору. Ладно, мой милый Ящер, посмотрим, чей номер счастливее!

Часа два мы отдыхали. Потом Дуг принес очень ценную вещь: стеклянный фонарь со свечкой. Не соваться же опять к пороху с открытым огнем.

Каждый взял котелок или сделал мешочек из тряпок и одежды. Направились к спуску. Впереди всех шел Дуг с фонарем, а за ним ковылял маленький Лук. Он смешно торопился. Нога у него зацепилась за камень. Лук покатился в траву, засмеялся и вдруг негромко вскрикнул.

Мы подбежали. Лук держался за щиколотку: оказалось, что в ногу ему воткнулась обглоданная рыбья кость, черная от грязи.

Откуда она здесь взялась, проклятая? Мы после еды всегда аккуратно собирали мусор и кидали вниз. Может быть, она валялась здесь с древних времен?

Ранка была небольшая, но я увидел, каким сумрачным стало лицо у Дуга. И сразу вспомнил про малыша, который пять лет назад погиб здесь от такой же царапины.

Соти сбегала за своими лекарствами, сделала перевязку, а потом что-то озабоченно объяснила Дугу.

— Надо идти в деревню, — сказал нам Дуг. — У старухи есть отвар белого корня. Надо смазать ногу, иначе может быть худо.

Мы приуныли. Все шло так хорошо — и вот… Но Юлька быстро встряхнулся.

— Ладно, я пошел…

Кроме него идти было некому. Я не знал дороги, а остальные выглядели такими оборванцами, что в деревню не сунешься. Старуха-знахарка была молчаливая и добрая, давала лекарства и ни о чем не спрашивала, но жила она рядом с деревенской площадью. Незаметно подобраться

к ней было невозможно.

— Только вы без меня не стреляйте, — попросил Юлька.

Дуг озабоченно сказал, что стрелять не будем: Ящер никуда не денется, а с лекарством надо поспешить.

Я предложил позвать Птицу, чтобы доставить Юльку ближе к деревне, но Юлька возразил:

— Пока она прилетит, я уже внизу буду.

И прыгнул в черный лаз прохода…

Маленький Лук ни о чем не беспокоился. Нога болела не сильно, и он лишь косолапил больше обычного, когда бегал по площадке. Зато остальные были встревожены, хотя и скрывали.

Я понимал, что при таком настроении лучше не браться за подготовку к стрельбе. Работа эта важная и сложная, надо выполнять ее со спокойной душой. Все разбрелись, и каждый занимался своим делом. Соти время от времени покрикивала на Лука, чтобы не бегал, подзывала и проверяла, не распухает ли нога. Нога потихоньку распухала…

Я сидел на краю каменного желоба и поглаживал теплый шероховатый бок ядра. Подошел Дуг.

— Ничего, — сказал он. — Малыш принесет отвар, и все наладится… А как будем стрелять? Озера-то отсюда не видать…

В самом деле, из центра площадки не было видно горизонта. Его закрывали каменные барьеры и обломки стен. Но я объяснил Дугу, что это не страшно. Мортиры для того и придуманы, чтобы стрелять по врагу из укрытий. Мы набьем в орудие пороху, закатим ядро, потом поднимем ствол повыше, выпалим, и снаряд помчится к озеру по крутой дуге — сначала вверх, затем вниз. А чтобы направление было точным, надо прочертить линию стрельбы: от орудия вон туда, к самому краю, который отгорожен от обрыва гранитным парапетом…

Подошли ребята и вместе с Дугом слушали мои артиллерийские рассуждения. Медлительный коренастый Тун поскреб в затылке и сказал с неторопливым удивлением:

— Ох ты, Женька… Все знаешь… Разве вас учат в школе из пушек стрелять?

— Да это же простая математика! Никто не учит, я сам в разных книжках читал…

Тут мне стало неловко: получалось, будто хвастаюсь. И я быстро сказал:

— Пошли, посмотрим укрытие…

Мы спустились в нижний каземат бастиона, который — одним краем примыкал к орудийной площадке. Решили, что здесь спрячемся, когда

подожжем фитиль. Из маленьких бойниц мортира видна отлично, а могучие стены защитят нас от опасности.

И все получится, как задумано, только бы не было беды с Луком.

Юлька долго не возвращался. Может, не застал дома старуху или она долго готовит отвар? Все молчали, но я знал, что каждый думает одно и то же: «Ну, поскорее бы он вернулся!»

И Юлька вернулся.

Но как!

Я увидел его в бойницу. Юлька выскочил на площадку — оборванный, встрепанный, с мокрым от слез лицом.

— Ребята! — кричал он. — Уходите, прячьтесь! Они идут!

Мы рванулись к нему из каземата. Но Юлька бросился нам навстречу, раскинув руки, и налетел так, что просто впихнул всех обратно.

— Не ходите! Они… там… сюда идут!

— Кто? — крикнул Дуг. — Что с тобой, Малыш?

— Они…

В этот миг пол ударил нас по ногам, светлые щели бойниц захлестнуло темнотой, и тугой грохот встряхнул стены. Меня бросило на плиты. Сверху посыпалась каменная крошка.

Она сыпалась мне на затылок, а я лежал и ничего не понимал. Но тут заплакала Точка. Отплевываясь от каменной пыли, я стал пробираться к ней в темноте…

Щели бойниц постепенно светлели, стало в них просачиваться солнце. Я увидел, что хнычущую Точку держит на руках Тун. С ней ничего не случилось. С остальными, кажется, тоже.

Мы стали по одному выбираться наружу.

Над бастионами висели клубы дыма и белесой пыли.

Пыль оседала на траву. У главной орудийной площадки был обрушен один край, по квадратной башне прошли снизу доверху трещины. Многие орудия оказались опрокинуты, ствол одного из них валялся у входа в каземат.

Только мортира стояла по-прежнему. Как уцелевший памятник среди разбомбленного города. Но мы уже начинали понимать, что теперь она ни к чему.

Наверно, мы долго стояли и молчали.

— Порох… — сказал Дуг. Пыль оседала на его яркомедные кудри, и он будто седел на глазах.

Кто-то негромко и совсем безнадежно заплакал. Я оглянулся — Юлька. Он стоял позади всех и смотрел прямо перед собой полными слез глаза-

ми. Рот у него был в крови. По усыпанным пылью щекам протянулись мокрые темные полоски.

— Это *они* его взорвали, — плача, проговорил Юлька.

— Кто? — крикнул Галь.

— Слуги Ящера… Я от них убежал…

— А! — жестко сказал Дуг. — Они погнались за Малышом и сами взорвались!

Юлька замотал головой так, что капли со щек полетели по сторонам.

— Нет! Они не взорвались! У них не было открытого огня! Не было! Значит, они нарочно!

— Откуда ты знаешь? — почти испуганно спросил Дуг.

Юлька перестал плакать и замер.

— Малыш… — в тишине позвал его Дуг.

Юлька беспомощно посмотрел на него, а потом на меня.

— Потому что это я виноват, — еле слышно сказал он. Закусил окровавленную губу и уронил голову.

ЮЛЬКА

— Ты? — очень удивился Дуг. И шагнул к Юльке.

Юлька быстро сел на корточки, почему-то прикрыл растопыренными ладошками затылок и затрясся, просто заколотился от нарастающего плача. И сквозь отчаянные слезы прокричал:

— Потому что я трус и предатель! Это я рассказал им про порох и про тайный ход! Они меня поймали, и я рассказал!..

Он захлебнулся слезами, совсем сжался в комок и привалился к низким ступеням. Я видел, как безнадежное горе скручивает и бьет его, будто ударами тока. Грубый камень расцарапал голое Юлькино плечо. Хотел я броситься к Юльке, поднять его, но в эту минуту почему-то не смог. Посмотрел на ребят. Они с непонятными лицами обступали рыдающего Малыша, придвигались к нему мелкими шагами.

На миг я испугался. Подумал, что они будут бить его. И понял, что сразу кинусь на защиту, стану драться, как тысяча тигров! Потому что все равно это был Юлька! Не смейте!

Как по-идиотски я ошибся, когда подумал такое

про ребят. Даже стыдно вспоминать… Они подошли совсем близко, и Соти села рядом с Юлькой. Погладила его исцарапанное плечо и тихонько спросила:

— Сильно мучили?

От неожиданной ласки Юлька замер. Медленно поднял мокрое лицо. Посмотрел на Соти, на всех на нас, глотнул и сказал как-то удивленно:

— Совсем не мучили. Только пообещали… А я все выдал. Вот ведь какой я трус. — И опять заколотился в рыданиях.

Дуг нагнулся, взял Юльку за локти и тряхнул. Строго потребовал:

— Ну-ка перестань. Слышишь?

Юлька опять притих. Через плечо посмотрел на Дуга. И со всхлипами проговорил:

— Теперь вы должны судить меня как изменника. Да?

Дуг взял его на руки и медленно выпрямился. Сумрачно сказал:

— Эх ты, Малыш… Это вон тех надо судить. — Он кивнул в ту сторону, где маячил под вечерним солнцем город.

Юлька протестующе дернулся, но Дуг прижал его к груди и понес в казарму. Драный башмак упал с Юлькиной ноги. Я поднял его и пошел за

Дутом.

В казарме Дуг положил Юльку на покрытую дерюгой лежанку. Юлька вздрагивал и молчал. Мы встретились взглядами.

Такая тоска была в его глазах, такая боль, что я чуть не закричал. Но сдержался и не отвел взгляда. Однако смотреть так и молчать было невозможно. И я глупо спросил:

— Как же ты им попался, Юлька?

Он резко приподнялся. Заговорил, глотая слова:

— А как… Сам не знаю… Шел по деревне, а двое откуда-то подскочили. Сразу хвать… Говорят: «Ты из крепости спустился?» Я притворился, будто ничего не понимаю, а они опять: «Не отпирайся, все равно ваших всех уже поймали». Я испугался и говорю: «Как поймали?» Они тогда засмеялись и потащили меня… А там такой подвал…

Юлька опять дернулся, глянул на Дуга и прошептал:

— Все равно вы должны меня судить. Так надо…

— За что? — печально спросил Дуг. — За то, что не смог стать героем? А кто из нас герой? Кто из нас смог бы?

— Никто не герой, но никто и не предатель, —

горько возразил Юлька.

Дуг хотел ответить ему, но пришла Соти. С кувшином и чистыми тряпицами. Она молча отодвинула меня и Дуга от лежанки и стала смывать кровь с Юлькиных губ и подбородка.

Дуг взял меня за локоть.

— Пойдем пока…

Обрушенный край площадки еще дымился. Трава была белесая от осевшей пыли. Ребята молча ждали нас. Галь поманил Дуга и меня к обрыву и сделал знак, чтобы укрылись за парапетом.

— Смотрите.

Мы осторожно глянули вниз. Леса были освещены закатом. Среди деревьев уходили от скал слуги Ящера.

Они шли не оглядываясь. Видимо, были уверены, что мы или погибли от взрыва, или наглухо заперты в крепости и никуда не денемся…

А мы и в самом деле были заперты. Взрыв разрушил спуск, и мы не могли теперь попасть ни в лес, ни к морю. И колодец, где мы добывали воду, завалило (это был глубоченный колодец, и мы таскали из него воду котелками на чудовищно длинной веревке). Запас воды хранился в каменной бадье глубоко в подвале. Бадья не пострадала и была почти полная. «Но это на три дня, — поду-

мал я. — А потом что? И надолго ли хватит еды?»

Дуг собрал нас у мортиры. Всех собрал, даже самых маленьких, только Соти и Юлька оставались в казарме.

— Что будем делать, люди? — спросил Дуг.

Все молчали. Мои мысли разрывались: надо было думать, как выбраться из западни, а я думал о Юльке. Как он там?

Ну ладно, мы с Юлькой скоро улетим, а что будет с остальными?

«А как же вы улетите? — словно спросил меня кто-то. — Бросите ребят в беде?»

В самом деле, разве бросим? Не бывать нам с Юлькой дома, пока не отыщется для всех путь к спасению.

Только где он, этот путь?

— Уходить нам отсюда некуда, — сказал Галь. — Внизу нас переловят, как цыплят…

— А здесь помрем с голоду, — хмуро заметил Дуг.

— Птица поможет, — неуверенно сказал я.

— Сколько можно гонять Птицу? — откликнулся Дуг. — И за хлебом, и за рыбой, и за водой… Измучаем ее, и она нас бросит.

Я был уверен, что Птица нас не бросит. Но что измучается — это точно. Ответ Дуга прозвучал

сердито, и я смущенно умолк. Опять подумал о Юльке. Сильно он виноват или не сильно, я не мог решить. Однако врагов к тайному ходу привел все-таки он. А мы с ним были до сих пор как один человек. Значит, и на мне лежала вина. Никто мне так не говорил и, наверно, даже не думал, но я опустил голову и отошел.

В это время Дуг сказал:

— Нам нельзя спускаться отсюда что с Птицей, что без Птицы. Слуги Ящера, наверно, следят за всей округой. Нам вообще нельзя показываться в здешних местах.

Тун спросил неторопливо:

— А куда деваться-то?

— Только в Синюю долину…

Все непонятно замолчали.

Потом Галь тонко и жалобно крикнул:

— Сумасшедший ты! Хочешь сгинуть со света?

— Как же теперь? Пусть из-за меня все сгинут? — тихо спросил Дуг.

Он еще что-то сказал, но его заглушили сердитыми возгласами. Все на него накинулись. За что? Я ничего не понимал.

Подошла Соти и негромко сказала:

— Ну чего раскричались? Не шумите. Где Лук?

Она вывела Лука из толпы, усадила на лафет и

стала разматывать на его ноге грязную повязку. В левой руке Соти держала блестящий пузырек.

— Что это у тебя? — спросил Галь.

— Лекарство. Малыш принес…

Принес все-таки! Значит, схватили Юльку, когда он уже побывал у старухи. И он прятал у себя пузырек — не разбил, не потерял, сберег…

Мы обступили Лука. После взрыва мы совсем забыли о его ране, а теперь забеспокоились.

Ранка подсохла, но щиколотка распухла. Дуг покачал головой. Соти сказала:

— Ничего. Теперь скоро пройдет.

Она развернула свежий бинт, смочила его лекарством.

— Отойдите-ка, свет загородили…

Но мы не загораживали свет. Просто зашло солнце, и быстро темнело.

Тун принес фонарь.

Потом от этого фонаря мы зажгли небольшой костер. Все, молчаливые и невеселые, сели у огня. Меня грызла тревога за Юльку, и я пошел в казарму. Но Юлька сам вышел навстречу.

Даже в сумерках было видно, какой он осунувшийся и несчастный. Просто убитый.

— Пойдем, Юлька, к огню, — осторожно сказал я и взял его за ладонь. Но он освободил руку и

качнул головой.

— Ну чего ты… Пойдем, — повторил я и от жалости к нему чуть не заревел.

Юлька опять мотнул головой и сел в чахлую траву у подножия башни. Я неловко взял его за плечо. Оно было холодное, как у неживого.

— Продрогнешь весь… — пробормотал я.

— Нет, — прошептал Юлька и шевельнул плечом.

Подошел Галь. Укрыл Юльку своей изодранной курткой, а меня отвел в сторону. И сказал мне ласково и твердо:

— Пускай посидит один, если хочет. Ему сейчас плохо.

Я послушался. Мы с Галем сели у огня в кругу ребят. Но я не мог не думать о Юльке. Я просто чувствовал спиной, как он в темноте, в двадцати шагах от меня, сидит, скорчившись, и тихо глотает слезы. Глотает свое горе, свою вину, свой стыд…

У костра все молчали. Всех придавила беда, и к тому же устали за день. И все будто договорились: не спорить сегодня, не ломать головы и не решать никаких вопросов. В конце концов, пока нам ничего не угрожало. Мы в западне, но и враги сюда не доберутся. Рыбы и хлеба на пару дней

хватит. А дальше будет видно…

Все молчали и смотрели на пламя. Лук сидел, прижавшись к Соти, нога уже не болела, опухоль спадала прямо на глазах. И свежий бинт ярко светился от огня.

У Дуга золотились веснушки.

Я вспомнил недавний разговор и спросил Галя:

— А что за Синяя долина?

Галь шепотом рассказал, что в южной оконечности острова, среди отвесных гор, есть место, где растет множество плодов, гнездится множество птиц и водится множество животных. Там бьют чистые родники и никогда не бывает палящей жары. Но люди там не живут. Лишь развалины темнеют на месте брошенных деревень. По утрам, едва упадут на землю рассветные лучи, там выползает из расщелин тонкий голубой туман и наполняет собой воздух. Для детей этот воздух безвреден, а для взрослых смертельно опасен. Ни один взрослый человек не решается заходить в Синюю долину. Он знает, что, если подышит там хоть немного, через несколько недель погибнет от непонятной болезни, похожей на малярию… С помощью Птицы можно было бы добраться до Синей долины. Лучшего убежища для ребят не придумать… Но Дуг… Он ведь уже большой…

Выкатилась яркая луна. Огонь догорал, и больше уже никто не подбрасывал сучьев.

— Спать давайте, — уронил Дуг и медленно встал.

Стали подниматься и ребята.

Я сразу пошел к Юльке. Он уже не сидел, а лежал у стены, среди чахлых стеблей. Съежился и укрылся с головой. Только ноги торчали из-под куртки. Одна в башмаке, другая босая…

— Юлька…

— Что? — бормотнул он из-под куртки и не пошевелился.

— Пойдем спать, Юлька.

— Я и так… — сипло проговорил он.

— Так не надо, Юлька. Пошли в пушку.

Он откинул с лица лохмотья. Лицо при лунном свете казалось очень белым.

— А ты разве… — прошептал он. — Ты… тебе не противно?

— Ну и дурак же ты! — почти со слезами сказал я. — Вставай, пошли!

Он послушно пошел и забрался в мортиру. И как раньше, мы легли рядом на упругую подстилку. И снова светила в круглое жерло белая луна. Юлька уткнулся лицом в сухую траву.

А я… Не знаю, правильно ли это, но я почув-

ствовал, что сейчас нельзя его больше жалеть. Ему только хуже от этого. Я сердито сказал:

— А теперь все рассказывай.

Он будто даже обрадовался. Приподнялся на локтях.

— Я расскажу, сейчас… Это так быстро случилось… Они меня затащили в подвал, а там говорят: «Покажешь, где проход?» Я говорю: «Какой проход?» «На бастионы». Я говорю: «Не знаю». А они смеются: «Все знаешь и все покажешь. Вместе пойдем…» Я сказал, что не пойду, а они опять смеются: «Все покажешь и расскажешь…» Если бы кричали и ругались, а то все со смехом. Еще страшнее от этого смеха… Кинули меня на скамейку, я затылком брякнулся так, что искры из глаз. Руки и ноги привязали… Я думал: «Пускай хоть как бьют, зубы сцеплю, умру, а не скажу. Только жаль, что маму с папой не увижу, но пускай… Ни словечка не выговорю…» А они бить не стали…

По Юльке вдруг прошла такая дрожь, что показалось, будто мортира затряслась. Потом он замер и шепотом сказал:

— Там над скамейкой балка, а на балке колесо висит, громадное, а из него гвозди торчат. Много-много гвоздей, и все ржавые. Длинные…

Один стражник надавил какую-то палку, а оно заскрипело и прямо на меня. Будто накатывает… А другой, не стражник, а в простой одежде, длинный такой, с гнилыми зубами, ухмыляется: «Будешь говорить, мальчик?» И тоже что-то нажал… Я хотел зажмуриться, а глаза не закрываются. А гвозди все ближе, прямо совсем… Ну, я не выдержал, как закричу:

«Пустите!»

…Я сам не помню, Женька, что дальше получилось. В общем, я, кажется, все выдал. И где проход, и где порох… И про нас рассказал про всех…

Он опять лег лицом в траву. Видно, больше нечего ему было говорить. А я представил это колесо с гвоздями: будто оно надвигается на меня. Медленно и неумолимо. И это было еще страшнее, чем Ящер. «А кто из нас герой? — вспомнил я слова Дуга. — Кто из нас смог бы?»

Дуг смог бы, я это понимал. А мы, мальчишки?..

— Юлька, почему у тебя рот был в крови? — прошептал я.

Он опять приподнялся.

— Это уже потом… когда я лампочку раскусил…

— Какую лампочку?

— Ну, понимаешь, они меня повели на веревке, чтобы я проход показал, и фонарики взяли. Вроде палочек с электрическими лампочками на конце… Толпа стражников за мной пошла, а я впереди. Иду и думаю: «Что же я наделал!..» Когда в коридор пролезли, я говорю: «Дайте фонарик, а то темно, тут ямы». Они дали. А я решил: как доберемся до склада, стекло раскушу и горящей ниточкой в порох… Только не вышло. Я зубы стиснул, ниточка сразу погасла. Тогда я веревку вырвал и побежал. Они там закричали что-то, запутались и отстали…

— Юлька… Слушай, Юлька! А если бы получилось? Ты бы первый…

Он тихо сказал:

— Если сразу, то, наверно, не больно…

Не помню, что мы говорили после этого. Видимо, я уснул внезапно и глухо. Но даже в этом сне, похожем на плотную черную вату, мне чудился Юлькин горький шепот:

«Если сразу, то, наверно, не больно…»

Проснулся я от озноба. И увидел в жерле мортиры синий круг утреннего неба.

Юлька с открытыми глазами лежал на спине. Лицо у него было острое, серое, с высохшими полосками слез.

— Ты что, совсем не спал? — спросил я.

Юлька не пошевелился, но ответил.

— Нет, я спал. Я даже сон видел, — печально сказал он. — Будто ничего не случилось и будто я такой, как раньше.

Я вдруг очень испугался. Мне показалось, что он может умереть от своих мучительных мыслей.

— Перестань ты, наконец! — крикнул я. — Ты и сейчас такой же!

— Неправда, — жестко ответил он. — Ты меня презираешь, только сказать не хочешь. А чего меня жалеть?

Разве я его презирал? Я мучился вместе с ним. Чувствовал себя таким же виноватым, потому что был ничуть не лучше. Даже трусливее. Я бежал от Ящера, испугавшись гибели. А Юлька не боялся смерти, он только испугался боли, не выдержал надвигавшегося ужаса.

— У тебя не хватило сил, вот и все, — сказал я. — Ты же еще не Юлий Цезарь. Ты просто Юлька.

— Я не просто Юлька, — возразил он. — Я Юлька-предатель. И я теперь не знаю, как жить.

Тогда, чтобы утешить и его и себя, я сказал:

— Но ведь по-всякому случается в жизни. Каждый может не выдержать… один раз. С непривычки… Я вот тоже: бросил меч и убежал от

Ящера. Что же теперь? Умирать?

Юлька печально усмехнулся:

— Сравнил… Это была не измена, а просто отступление. От этого никто не пострадал.

— Но и от тебя никто! Наоборот, ты даже лекарство принес Луку!

— А проход…

— Ну что проход? Ты же сам хотел его взорвать. Получилось даже лучше, чем хотел: ты живой остался.

— И враги остались живые, — устало сказал Юлька. — А мы в капкане… Глупая это была мысль — взорвать. Могло и вам достаться. Это уж я от отчаянья… Ничего не соображал.

— Ладно, Юлька… — начал я и замолчал. Потому что говори не говори, а все было как было: он испугался и выдал врагам наши тайны. Куда от этого денешься?

Можно было понять и пожалеть Юльку: не взрослый же он, а маленький слабый пацаненок. Можно было простить. Но вина все равно висела на нем, тяжелая, как ядро мортиры…

— Эй, люди! А ну, скачите на солнышко! — раздался веселый голос Дуга. — Давайте, давайте! Выкатывайтесь! Из пушки — как из пушки!

Я прыгнул на землю и сказал Юльке:

— Пошли. Хватит тебе прятаться.

Утро было ясное, но зябкое. Все ребята ежились и дрожали, выбираясь из пушечных стволов.

— Живей, живей! — торопил Дуг. — Подходите сюда поближе!

Он смеялся. Может быть, он что-то придумал за ночь, а может быть, просто хотел подбодрить нас. Ребята подходили к нему со всех сторон. Мы с Юлькой тоже подошли, но Юлька не смотрел на Дуга, смотрел в землю.

— Веселей шевелись! — покрикивал Дуг. — Лук, не хромай, твоя нога уже не болит! Малыш, не кисни, все еще можно поправить! Всем держать носы выше горизонта! Сегодня много дел!.. Что дрожите? Ночка была прохладная? Сейчас погреемся. А ну, встали в круг! Подняли руки! Прогнулись вот так! — Он вскочил на парапет у края площадки, тоже вскинул руки и выгнулся назад. Тело его блестело на утреннем солнце как медь, волосы горели. За ним в голубой дали синели туманные леса. Дуг смеялся.

— Приготовились! — крикнул он. И как-то странно замер. Наступила непонятная тишина. В этой тишине я услышал щелчок, будто лопнул воздушный шарик.

Дуг медленно-медленно стал падать вниз ли-

цом.

ПРОЩАЙТЕ, БАСТИОНЫ

Дуг упал, успев сказать:

— Отойдите от края… Улетайте в долину…

Из дырки под его левой лопаткой выплеснулась коротким фонтанчиком кровь. Растеклась по спине (а спина сразу стала почти белой, и на ней резко выступили веснушки). Дуг вытянул вперед руку и больше не шевелился.

Громко закричала Стрелка. И тогда я очнулся. Толчком швырнул от края площадки Галя. А Юлька в ту же секунду бросил на землю Точку. И вовремя — там, где она только что стояла, громкий щелчок выбил из парапета столбик пыли.

— Нагнитесь! — заорал я. — Все на середину!

Они же ничего не понимали, они не знали, что такое пули. А мы с Юлькой знали. Из кино, из книжек, но все-таки знали.

Галь первый сообразил, в чем дело.

— От края! — тоже закричал он. — Отойдите к большой пушке!

Его послушались.

Галь, Тун, Юлька и я, пригибаясь, оттащили к мортире Дуга. Мы с трудом тянули его за руки. Ноги Дуга скребли по жидкой траве и щебню.

Соти закрыла рану Дуга мокрой тряпицей, и мы перевернули его на спину. Глаза его были открыты и неподвижны. И весь он был до ужаса неподвижен. Только волосы шевелились под ветерком, и от этого становилось еще страшнее. Я тогда впервые подумал, что волосы у мертвых шевелятся так же, как у живых, будто не хотят согласиться со смертью и живут сами по себе…

Галь опустился на колени рядом с Дугом, долго смотрел ему в лицо. Потом оглянулся на Туна и тихо сказал:

— Уведите маленьких в казарму…

Когда я вспоминаю остров Двид, мне кажется, что этот день был самый тяжелый. Самый-самый горький…

Галь, Тун, Шип и я стали думать, как похоронить Дуга. Нечем было вырыть могилу в каменистом грунте. Для такой работы годился лишь мой кинжал: он втыкался в камни, как в пластилин. Однако разве выроешь глубокую яму маленьким клинком…

Мы отнесли Дуга в глубокий подвал под квадратной башней и положили в нишу, где раньше хранились всякие припасы. Положили на подстилку из жесткой сухой травы. Укрыли рваной курткой, сшитой из мешковины. Стали скла-

дывать перед нишей стенку из камней. Камни сверху подавали все ребята. По цепочке. Сначала никто не плакал. Но потом наверху, у входа в подвал, громко зарыдал Винтик. Тогда слезы вырвались у всех, даже Галь не выдержал.

Особенно убивался Юлька. Он уронил камень, съежился в дальнем углу, и там его, как вчера, опять колотило от плача. Его никто не трогал и не успокаивал.

Мы плакали и укладывали камни. Ряд за рядом, слой за слоем. И Дуг становился все дальше от нас, превращался из человека в воспоминание…

Галь, кажется, первый понял до конца, что мы теперь одни. Он выпрямился, вытер локтем глаза и громко сказал:

— Хватит! Пошли наверх!

Он стал командиром.

Наверху Галь собрал всех у мортиры, переглотнул и решительно заговорил:

— Никто не подходите к обрывам — подстрелят… Соти, Стрелка, Точка, идите за башню и готовьте завтрак. Шип и Уголек, зажгите костер. Остальные — умывайтесь. Только воду берегите… Малыш, иди сюда!

Юлька, вздрагивая, подошел.

— Спасибо тебе, Малыш, — сказал Галь.

Юлька поднял мокрые глаза.

— Почему… спасибо?

— За Точку. Если бы не ты, ее бы тоже застрелили.

Юлька удивленно посмотрел на меня. Он, видимо, не помнил, как сбил Точку на землю.

Галь спросил меня:

— Птица может унести нас в Синюю долину?

— Сможет, если по очереди… Только надо лететь в темноте, а то обстреляют.

Галь кивнул, он не хуже меня понимал опасность. Птица в полете была почти невидима, но те, кто полетит с ней, будут как мишени.

Беззащитные мишени для тяжелых дальнобойных пуль.

«У нас давно нет огнестрельного оружия», — вспомнил я слова Тахомира Тихо. Гады! Когда перепугались и решили воевать с мальчишками, все отыскали: и пули, и порох, и ружья…

— Ночью тоже светло. Луна… — вздохнул Галь.

— Ну все-таки не день. И может быть, ночью стражники дрыхнут и не караулят…

Мы договорились, что будем улетать по двое. Галь хотел покинуть бастионы последним, но я ему доказал, что он должен лететь в первой паре, чтобы там, в долине, отыскать место для жилища

и встретить ребят. А мы с Юлькой отправим всех и прилетим сами.

День тянулся бесконечно и тяжело. Галь все время старался найти для каждого работу. Иначе было нельзя: стоило остаться без дела — и сразу наваливались мысли о Дуге. Маленькие начинали плакать… Но отыскать занятие для всех оказалось очень трудно.

Собирать пожитки в дорогу? Но у нас почти не было вещей.

Устроить стирку и мытье? Не хватало воды.

Наконец тех, кто постарше, Галь отправил чистить котелки, а остальных усадил в казарме и заставил решать задачки на сложение и вычитание. Решать — и никаких разговоров.

Дуг всегда говорил, что заниматься цифрами и чтением надо каждый день…

Вечер был сумрачный. Небо затянуло дымкой, и появились редкие тучки. Когда стемнело, мы увидели, что луна проступает неярким, размытым пятном. Что ж, чем темнее, тем лучше.

Я вызвал Птицу. Она прилетела, как всегда, через четверть часа после свистка. С шумом опустилась, подошла и положила мне голову на плечо.

Милая, милая Птица! Я ей так обрадовался! Я погладил ее шелковую шею, шептал ей хорошие слова. А она слушала и ласково пощелкивала клювом.

— Птица, унеси нас в Синюю долину, — сказал я. — У нас большая беда. Если останемся здесь, то все погибнем. Нам обязательно надо в Синюю долину. Понимаешь, Птица?

Она понимала. Она села на брус, и мы привязали качели. Галь взял с собой Соти. Она очень боялась, и он примотал ее к сиденью веревкой.

Я сказал:

— Держитесь, ребята… Лети, Птица.

Она шумно снялась с бруса и сразу растаяла. Мы увидели, как темные скорченные фигурки быстро уходят в высоту. Да, их было все-таки видно! И мы со страхом ждали выстрелов. Но стояла глухая тишина. Видимо, часовые ничего не заметили. Может быть, в самом деле дрыхли. Или ушли совсем…

Птица вернулась в середине ночи. К ноге ее было привязано ожерелье Соти. Это означало, что все в порядке.

Улетели Шип, Стрелка и Точка. Девочки были такие легкие, что мы подумали: Птица поднимет и троих.

И она подняла…

Второй раз Птица прилетела перед рассветом, когда мы все клевали носами у полупогасшего костерка. На ее ноге была красная ленточка Стрелки.

Я сказал:

— Спасибо, Птица. Теперь спеши домой, а вечером прилетай снова…

Почти весь день мы спали, потому что прошлая ночь была бессонная: тревожились за тех, кто улетел, ждали Птицу…

Когда пришли сумерки, отправились в полет Уголек и Винтик, за ними Тун и Лук. И к утру мы с Юлькой остались на бастионах одни. Мы да еще Дуг, лежавший глубоко в подвале, за глухой стеной.

Как обычно, мы легли спать в мортире. Я уснул моментально и проснулся в середине дня. Юльки рядом не оказалось. Я почему-то сразу испугался. Выпрыгнул на площадку, стал озираться. Солнце заливало бастионы. Звенела тишина. Травинки не шевелились. Было пустынно и одиноко до ужаса.

— Юлька, — негромко позвал я.

Он не отозвался.

Кричать, громко звать было почему-то очень

страшно. Я молча стал искать Юльку.

…Он стоял в подвале у каменной стенки, которую мы сложили вчера. Прижимался к ней лбом.

— Юлька…

Тогда он оглянулся. Посмотрел на меня сухими глазами. И эти глаза без капельки слез показались мне страшнее, чем самый громкий плач.

Юлька проговорил ровным голосом:

— Я все думаю: он погиб из-за меня?

Я понял, что эта вина будет выше Юлькиных сил.

— Да нет, — сказал я как можно спокойнее. — Слуги Ящера караулили нас давно. Вот ты и попался в конце концов… А караулили они крепость из-за меня, знали, что я улетел сюда. После той свалки на площади они боялись бунта, вот и решили всех нас перебить на всякий случай. Ты здесь ни при чем.

У него в глазах появилась надежда. Он, кажется, поверил. Да и сам я почти поверил тому, что сказал. Потому что скорее всего так и было.

…Мы вышли в солнечную тишину. Эта тишина просто наваливалась на нас тяжелыми глыбами. Все было знакомо: желтые стены бастионов, уснувшие пушки, трава, камни. И дальние дали вокруг. Но сейчас меня зажимал непонятный

страх. Никогда я не думал, что солнечный день может быть жутким, как ночь на кладбище. Тишина просто разрывала уши своим звоном.

Юльке, видимо, тоже было плохо. Он вцепился двумя руками в мой локоть.

— Юлька, — прошептал я. — Может, рискнем? Если даже обстреляют, может, не попадут. Трудно попасть на лету…

Юлька торопливо кивнул.

Я дунул в ключ.

Сразу стало спокойнее. Тишина разбилась, где-то ожил, завел трескотню кузнечик. Мы встряхнулись, аккуратно собрали остатки имущества: два котелка и узелок с чьей-то забытой одеждой. Потом нарвали в тени за квадратной башней мелких здешних цветов — желтых и синих — и унесли в подвал Дугу…

Прилетела Птица, ласково посмотрела на нас, пощелкала: «Здравствуйте…»

Я вдруг подумал: «Какое счастье, что Птица есть на свете!»

Счастье, что я ее встретил тогда в лесу.

Счастье, что она такая добрая и умная.

Сколько раз она спасала меня и моих друзей! А мы? Как могли мы ее отблагодарить?

Но Птица не требовала благодарности. Она

терпеливо ждала, когда мы привяжем качели и устроимся на доске.

Мы сели.

— Лети, Птица! — сказал я. — Сразу лети выше, чтобы в нас не попали пули!

Она рванулась. Мы вцепились в веревки.

Воздух обнял нас упругими потоками, откачнул назад, зашумел в ушах. В этом шуме нельзя было услышать ни выстрелов, ни свиста пуль. Поэтому не знаю, стреляли в нас или нет.

Я посмотрел вниз. Бастионы были уже далеко и делались все меньше. Становились похожими на песочную крепость, которую когда-то я строил для пластмассовых солдатиков.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР

Мы прилетели в Синюю долину под вечер.

Ух как обрадовались нам ребята! Они обнимали меня и Юльку, будто мы не виделись тыщу лет. И Юлька оттаял. Конечно, он по-прежнему ходил невеселый, но от ребят не прятался и несколько раз даже улыбнулся.

...Горе немного отступило, отодвинулось. Оно было еще близким, но не давило нас, как в первый день. Дуг остался далеко-далеко, в скале под бастионами, Юлькиной беде тоже нельзя было помочь, а время шло, и приходилось думать, как жить дальше.

Мы поселились в доме лесника, недалеко от брошенной деревни. Дом был большой и крепкий еще, только крыша немного прохудилась. Мы заделали ее старыми досками, оторванными от забора.

Говорят, раньше люди жили в долине спокойно. Ядовитый туман стал появляться лет сто назад, после землетрясения, и тогда жители поспешно ушли в другие места. В домах осталось много утвари.

В доме лесника сохранилась посуда, мебель и

каменный очаг. В сумерки мы поужинали, уложили малышей, а сами сели у очага. Потрескивал огонь, булькал котелок с грибной похлебкой на завтра. Малышня посапывала на плетеных лежанках. Соти постукивала деревянной ложкой в глиняном кувшинчике — готовила какое-то снадобье. Было спокойно и уютно. И все-таки очень грустно.

Юлька сидел на полу у края очага и прижимался щекой к закопченному камню. От огня у него золотились ресницы…

Осторожно подошли Винтик и Уголек. Винтик присел в ногах у Галя, и тот ласково запустил в его растрепанные волосы пятерню. Так же, как недавно это делал Дуг. Уголек притерся боком ко мне.

И все молчали, молчали. Огонь догорал, искорки на Юлькиных ресницах погасли. Галь сказал наконец Винтику и Угольку:

— Шли бы спать. А то завтра не встанете и не увидите туман…

Они поднялись и, непривычно послушные, тихие, пошли к лежанкам. А остальные сидели, хотя тоже собирались проснуться на заре, чтобы посмотреть на появление синего тумана.

Говорили, что это очень красиво. Когда над

кромкой скал появляется солнце, среди росистой травы и у расщелин камней как бы вспыхивают язычки синего пламени и появляются голубые дымки. Они крутятся, колеблются, делаются похожими на разных зверей и человечков. А когда солнце встает повыше, таинственный этот туман растекается в воздухе и тает…

Да, наверное, это красиво. Пока… А потом? Что будут делать ребята через несколько лет, когда воздух Синей долины станет для них смертельным?

Я не выдержал и шепотом спросил об этом Галя.

Он будто ждал вопроса, не удивился.

— Мы не будем ждать, когда вырастем, — жестко сказал он. — Мы только подрастем. Пускай малыши наберутся сил…

— А потом?

— На острове не одна крепость. В других тоже сохранились пушки. Есть, наверно, и порох.

Юлька нервно шевельнулся, посмотрел на Галя, потом на меня.

— А если не найдем порох, все равно… — добавил Галь. — Вы научили нас делать луки…

— Стрелы против пуль? — еле слышно спросил Юлька.

— Ничего, — сказал Галь.

А Шип с усмешкой заметил:

— Смотря какие стрелы. Соти придумает, чем помазать наконечники.

Утром никто не увидел тумана. Среди ночи пришел в долину ровный плотный ветер. Гнул верхушки деревьев, прижимал траву и слизывал туман, едва он выступал из-под земли.

А небо оставалось ясным, и над Синей долиной занимался чистый рассвет.

Потоки воздуха разлохматили нам волосы, когда мы вышли на прогнившее крыльцо.

Галь печально сказал:

— Ну вот, начался он, юго-западный ветер. Пора вам, Женька, домой.

«Домой!» У меня будто все нервы рванулись в дальнюю даль, к горизонту. Неужели пришло время для такого счастья?

И сразу же стало не по себе: а как же ребята?

Юлька стоял рядом и смотрел в землю. У него было очень странное лицо — бледное с красными пятнами. Он царапал доски крыльца рваным своим башмаком. Так царапал, что отлетали гнилые щепочки…

— А как же вы… — пробормотал я, не решаясь взглянуть на Галя.

Он сказал:

— Ну, что — мы… Это наш остров. А у вас есть своя земля.

Юлька резко вскинул голову, а мне обожгло щеки.

— Ты что… — проговорил я. — Ты думаешь, что если мы… если не отсюда, то нам все равно? Мы же столько вместе…

Галь стоял передо мной прямой, строгий, тонкий, и ветер трепал у него над плечами остатки синей куртки. Я решил, что сейчас он скажет: «Конечно, мы были вместе, но лучше бы вас не было…» Но он покраснел, как-то обмяк и виновато заговорил:

— Ты разве не понимаешь? Вам же в сто раз опаснее, чем нам. Если мы попадемся, нас запихают в приют, вот и все. А вас главный суд острова приговорил к смерти.

— Как же мы попадемся? Сам говорил, что слуги Ящера сюда не сунутся.

— Кто их знает… Вдруг придумают маски от газа?

Ничего себе, успокоил! Я спросил с тревогой:

— А почему ты думаешь, что вам ничего не сделают, если поймают?

— Не посмеют. Закон не позволяет убивать

детей, которые родились на острове.

— Дуга убили…

— Он был уже большой.

— В Точку стреляли.

— Ну… это, наверно, случайно…

Я вздохнул и отвернулся.

Галь не успокоил меня. Да, по-моему, и сам он не верил тому, что сказал.

— Надо лететь, Жень… — опять проговорил Галь. — Вас дома ждут.

И снова я весь как бы рванулся к дому. И опять остановила тоска: неужели расстанемся навсегда?

Хотя, если по правде говорить, кому мы здесь нужны? Зачем?

— Ладно, — горько сказал я. — Полетим. Здесь от нас какой прок? Одни несчастья…

Галь укоризненно мотнул головой:

— Зачем ты так? Вы рассказали нам про порох.!. Без вас мы бы всю жизнь просидели на той скале.

— А Дуг…

Галь сжал губы, помолчал и сказал очень тихо:

— Ну что ж… Раз это война…

Прощались мы недолго. Когда Птица опустилась на перекладину покосившихся ворот, мы

встали тесным кружком и замолчали.

Потом Юлька прошептал:

— Ребята, вы простите меня…

— Не надо про это, Малыш, — сказал Галь. — Ты наш друг…

…Пока мы видели ребят с высоты, они все махали, махали нам. Но скоро их скрыли деревья. В горле у меня словно сидел занозистый кубик, я старался его проглотить. А потом опять подумал: «Домой летим!» И стало легче. Я посмотрел на Юльку. Он виновато улыбнулся мне. На губах у него еще не совсем зажили порезы…

ДО ДОМА ЕЩЕ ДАЛЕКО…

Я думал, что Птица сразу полетит на северо-восток и мы скоро окажемся над морем. Но Птица повернула к западу и вдруг начала опускаться.

Внизу был темно-зеленый лес и яркие проплешины лужаек. Мы приземлились на краю большой поляны, где росли кусты с желтыми цветами.

— Ты что, Птица? — начал я. — Нам надо домой! Понимаешь, Птица? До-мой…

И вдруг я узнал место! Это была та поляна, где я впервые встретил Птицу. Вот и дерево с темной грудой гнезда. И голова птенца торчит над хворостом. Он подрос, птичий малыш, голова стала крупнее и клюв крепче.

— Юлька, не бойся, — заговорил я. — Это дом нашей Птицы. Она залетела, чтобы покормить птенца. Ведь она улетает надолго, а он один остается…

Птица затрещала клювом и закивала, словно хотела сказать: «Правильно. Вы не волнуйтесь, я долго не задержусь…»

Я отвязал от птичьих ног сиденье. Птица тут же поднялась и улетела. Юлька посмотрел ей вслед с

большой тревогой. Он, видимо, боялся: вдруг она не захочет унести нас домой? Но я был уверен в Птице и ни капельки не волновался.

— Давай полежим, — сказал я Юльке. Мы легли в траву и стали смотреть на редкие желтые облака. Они быстро бежали под юго-западным ветром.

— Кто-то идет, — неожиданно проговорил Юлька. Нервы у него все время были как струнки.

Я прислушался. В самом деле, кто-то неторопливо шел среди деревьев.

Юлька затравленно глянул на меня. Я кивнул ему: «Давай за мной», и мы, не поднимаясь из травы, уползли за деревья. Залегли.

Шаги опять приблизились. Тогда мы, пригибаясь, побежали в глубину леса. Я боялся не только за себя и Юльку. Не хотелось мне, чтобы кто-нибудь увидел гнездо Птицы.

Высокая трава, заросли и лианы мешали нам, а тот человек шагал, будто по ровной дороге, и все приближался. И наконец мы услышали голос:

— Не убегайте и не бойтесь. Я никому не причиняю зла.

Я узнал этот голос. И остановился. Выпрямился. Взял в ладонь рукоять кинжала.

— Юлька, это Отшельник.

Отшельник подошел — спокойный, неторопливый, в своем сером балахоне, подпоясанном травяной веревкой.

— Мир вам в этом лесу…

— В лесу, конечно, мир… — насмешливо сказал я.

Он узнал меня, но не удивился. И ничего не изменилось в его бледно-голубых глазах.

— Ты жив, — проговорил он. — Это хорошо. У тебя счастливая судьба.

— Жив, — откликнулся я. — А как вы живете, Отшельник? Нашли Главную и Вечную Истину?

Он качнул головой:

— Не нашел. И наверно, не найду: жизнь коротка. Я теперь думаю иногда о других вещах…

— О каких? О совести? Вы знаете, что такое совесть, Отшельник? — проговорил я, сдерживая злость.

Он вопросительно смотрел на меня и, кажется, немного забеспокоился.

— Совесть — это такое чувство, — объяснил я. — Ну, например, если ты приютил в своем доме человека, а потом выдал его врагам, от этого делается плохо. Не спится. Мысли разные… Не было с вами такого?

Он посмотрел себе под ноги, глянул на Юльку,

потеребил травяной жгут на поясе. После этого опять поднял на меня водянистые глаза.

— Ты напрасно осуждаешь меня. Совесть неспокойна у тех, кто творит зло. А я не делаю ни зла, ни добра. Пусть люди живут как хотят, я им не мешаю.

— Не мешаешь?! — взорвался я. — А зачем показал не ту дорогу?!

Он вздохнул:

— Как же не ту? Другой дороги просто не было.

— Была! Назад, в обход города, к бастионам!

— Но зачем идти назад, если шел вперед? Нельзя убегать от судьбы. Это нарушит законный ход событий. А когда нарушаешь этот ход, найти Истину еще труднее…

— Врешь ты все, — сказал я. — Ты просто боялся, что придут слуги Ящера и возьмут за шиворот: «Почему не выдал беглеца?»

Он кивнул:

— Да, ты прав. Это помешало бы мне искать Истину. А Главная и Вечная Истина гораздо важнее жизни одного человека.

«Вот скотина», — подумал я и сказал:

— Уходи. Ты предатель.

— Ну и что? — возразил Отшельник. — Еще неизвестно, плохо это или хорошо. Рядом с тобой

стоит твой друг, он тоже предатель, но ты не гонишь его…

Я плечом ощутил, как Юлька покачнулся. Будто в него камнем попали. И я заорал на Отшельника:

— Сравнил! Ты!.. Тебя бы в такое дело пихнуть! Молчи лучше! Уходи! И попробуй еще раз выдать нас!

Отшельник слегка отпрянул, но лицо его не изменилось.

— Я не собираюсь вас выдавать. Зачем? Да вы и не спрашиваете дороги, сами идете… Прощайте…

Он обошел нас и стал уходить, не оглядываясь. Трава и заросли будто сами расступались перед ним.

Меня опять взяли злость и обида.

— Не найдешь ты Истину, Отшельник! — громко сказал я ему в спину.

Он не оглянулся. Тогда я крикнул:

— А хочешь, я тебе ее скажу?! Хочешь?

Отшельник остановился. Обернулся.

— Надо быть человеком — вот и вся Истина, — сказал я. — Понимаешь? Че-ло-ве-ком! А ты червяк! Сидишь в своей норе, и на всех тебе наплевать… Ну и сиди, пока не сдохнешь!

Я взял Юльку за руку, и мы пошли. Долго шли, потому что успели убежать далеко, когда перепугались шагов.

У дерева с гнездом нас дожидалась Птица.

Мы мчались в потоке теплого зюйд-веста, но не замечали его: Птица летела быстрее ветра. Встречный воздух трепал наши волосы и упруго отталкивал нас вместе с доской и веревками. Мы сидели как на качелях, которые сделали взмах назад и не могут опуститься.

Лес кончился, и внизу распахнулось пространство ярко-синей воды. Но это еще не было открытое море — вдали виднелся высокий берег. Птица несла нас над заливом.

Волны с белыми барашками с высоты казались неподвижными. Среди этих замерших волн я увидел черную лодку и разглядел в ней двух человек. Один греб, а другой сидел на носу и держал не то палку, не то короткое весло.

Сквозь шум встречного воздуха я услышал Юлькин вскрик:

— Женя, берегись!

Чего беречься? Я не понял. А человек на носу лодки поднял палку, и над ней появился маленький белый дым. Ах вот что! Напрасно стараетесь, голубчики! Разве можно прицелиться с прыга-

ющей лодки по стремительной птице? Вот мы и пронеслись, а вы болтайтесь там среди волн.

Над лодкой опять вспыхнул дымок. Что-то сильно щелкнуло по доске. Между Юлькой и мной в дереве появилось круглое отверстие, края у него ощетинились щепками. Я невольно поджал ноги, будто это могло спасти от пуль. Посмотрел на Юльку. У него глаза были громадные от страха (да и у меня, наверно, такие же). Мы разом оглянулись на лодку. Но она уже скрылась за гребнями.

— Пронесло, — сказал я. Юлька облегченно улыбнулся и кивнул.

В это время большая теплая капля ударила меня по колену. Я вздрогнул: на колене будто раздавили красную ягоду. Еще одна капля шлепнулась на доску рядом с пробоиной.

— Они ранили Птицу! — отчаянно крикнул Юлька.

Я поднял глаза. На голубых блестящих перьях я заметил черную точку. С нее срывались и летели в нас тяжелые шарики крови.

Нас тряхнуло. Мчались мы с прежней скоростью, но полет стал неровным. Раньше крылья Птицы были распластаны почти неподвижно, а теперь она беспорядочно взмахивала ими, стараясь удержать высоту.

Но высота быстро уменьшалась.

— Она упадет! — громко сказал Юлька.

Я умоляюще зашептал:

— Птица, миленькая, лети. Лети до берега…

Птица летела. Ее длинная шея стала прямой, как копье, нацеленное на ближайший мыс. Земля была уже недалеко. Но волны были гораздо ближе. Я видел белые гребешки как с высоты третьего этажа…

— Она не дотянет! — крикнул Юлька.

— Может, дотянет! — откликнулся я. А что еще я мог ответить?

— Она не донесет двоих! — опять крикнул Юлька. — Я прыгну!

Я увидел его решительные, совсем незнакомые глаза.

— Не смей, Юлька!

— Я хорошо плаваю!

До берега было метров триста.

— Юлька, не надо!

Но он оттолкнулся от доски и ухнул вниз.

Ну не мог же я его оставить…

Мне даже не удалось испугаться. Доска, с которой я неловко соскользнул, ударила меня по затылку, и я пришел в себя среди теплой соленой воды. Вынырнул. Шипучий гребень сразу накрыл

меня, но я вынырнул опять и стал искать глазами Юльку. Сначала кругом были только синие склоны волн и пена. Потом волна подняла меня, и на соседнем гребне я увидел Юлькину голову. Юлька махнул рукой к берегу: плыви!

Мы поплыли, постепенно сближаясь. Гребни иногда накрывали нас, но плыть было нетрудно. Волны сами несли нас к земле. Наконец я коснулся ногами дна, и через полминуты прибой выкатил меня и Юльку на гладкий белый пляж.

Птица, прямая и спокойная, стояла на песке и ждала нас.

Я обрадовался! Я сразу подумал, что рана у Птицы, наверно, просто царапина, мы подлечим ее немного — и все будет хорошо.

Но когда мы выскочили на сухой песок, ноги у Птицы подломились, и она упала. Голова ее откинулась к самой воде. На тяжелый клюв, на глаза набежала длинная плоская волна.

Мы зарыли Птицу в песке. Опасно было оставаться на берегу: могла подойти лодка с теми двумя убийцами, но мы не могли просто так оставить Птицу. Стали рыть яму. Юлька подобрал какую-то щепку, я рыл кинжалом — он, к счастью, не потерялся.

Последний раз я погладил на шее у Птицы шел-

ковые перышки, и потом песок этого проклятого острова закрыл ее.

Мы с Юлькой не плакали. Нисколечко. Наверно, слишком много слез мы потратили раньше. Теперь во мне была горькая сухая злость. И упрямство.

Синяя долина осталась за лесами, за широким заливом, пути в нее мы не знали. Да и какой смысл был возвращаться? Мы решили пробиваться через лес к северо-восточному берегу острова. Там найдем лодку или свяжем плот.

Мы заметили направление по солнцу и углубились в чащу.

Сначала шли по ровной земле. Потом начался подъем. И вдруг мы уперлись в каменный обрыв. Это была серая скалистая стена высотой метров двести. Вверху ее раскалывали длинные трещины, там громоздились уступы и росли ползучие кусты. Но у земли тянулся сплошной отвесный гранит, и не было ни подъема, ни прохода.

Мы стали пробираться вдоль обрыва, чтобы найти хоть какую-то щель. Мы измучились, исцарапались о высокий шиповник, хотели пить и есть. Но все же мы отыскали проход. И это была не трещина, не тропинка на скалистых уступах. Это была лестница!

Очень прямая, очень длинная, она прорезала каменную толщу и уходила в высоту между отвесных стен. Она была очень белая среди темных плоскостей гранита.

Мы подошли и увидели, что лестницу не просто вырубили в скале. Ее ступени сложили из чистого, как сахар, мрамора. Края их были украшены резьбой.

Мы переглянулись: откуда здесь, в глуши, лестница, которая годилась бы для дворца? Вернее, для сотни дворцов, если взять всю ее длину…

Юлька опустился на ступень коленками и провел по ней ладошкой. Я тоже. Мрамор был гладкий и очень холодный. Юлька поднялся, вытер локтем исцарапанный в шиповнике лоб.

— А я знаю, — сказал он серьезно и уверенно. — Я догадался. Это подъем на Плато.

ИГЛА КОЩЕЯ

Казалось бы, к чему нам Плато? Нам нужен был берег, от которого можно уплыть под юго-западным ветром. Но мы собрали силы и стали подниматься. Во-первых, другой дороги все равно не было. А во-вторых… может быть, лестница оказалась на нашем пути не зря? Вдруг она приведет нас к какой-нибудь неожиданной удаче?

По крайней мере, так я думал сначала. А потом я уже ни о чем не думал. Ровный подъем по лестнице оказался еще тяжелее, чем путь по камням и зарослям. Я машинально считал ступени и нисколечко не надеялся, что дойду до верха. Двигал ногами только потому, что стыдно было перед Юлькой.

Юлька сейчас держался крепче и уверенней, чем я. Он словно решил для себя что-то важное и знал, зачем идет. Шагал чуть впереди и почти не оглядывался.

Стены с двух сторон лестницы уходили в высоту. Далеко-далеко синела над нами прямая прорезь неба. Гранит словно грозил расплющить нас в великанских ладонях. Он был плоский и безжалостный. Лишь изредка попадались выби-

тые в камне полукруглые ниши…

Юлька вдруг остановился.

— Женька, смотри!

Что-то двигалось по лестнице.

Что?

Я пригляделся и понял, что теперь — конец. На нас катился по ступеням громадный каменный цилиндр. Жернов или каток. Он занимал всю ширину лестницы, и там, где его края чиркали о гранит, взвивались клубки каменной пыли.

Я кинулся назад, хотя знал, что все равно не спасусь… Но Юлька схватил меня за руку, рванул вверх. Вверх, вверх! Я ничего не понимал, но у Юльки появилась громадная сила. Он тащил меня навстречу смерти, которая летела к нам со скоростью поезда!

И когда этот каменный ужас повис над нами, Юлька отчаянно толкнул меня к стене. Я спиной влетел в маленькую нишу. И сразу наступила темнота.

Это край каменного катка отгородил меня от всего мира.

Сколько продолжался мрак? Наверно, долю секунды. Но в этот черный миг я успел пережить такую тоску, такую жалость к погибшему на ступенях Юльке… И теперь мне кажется, что я

провел там, в непроглядной темноте, несколько часов.

…А когда круглый камень пронесся и в меня ударил свет, я увидел невредимого Юльку. Он сжался в такой же, как моя, нише, напротив меня.

Мы посмотрели друг на друга, вздохнули и оба начали смеяться. Все громче, громче! И никак не могли остановиться. Но это не был какой-нибудь там нервный смех или истерика. Мы смеялись от радости. Много было позади несчастий, много крови и слез, но могло быть в тысячу раз хуже, если бы Юлька не втолкнул меня в укрытие и не спрятался сам. А сейчас мы были снова вдвоем, невредимые, и у нас была надежда…

Мы взялись за руки и двинулись дальше. Идти стало еще труднее. Каменный вал разрушил мягкий мрамор ступеней: кое-где раздробил их в щебень, а местами истолок в пыль. Белый порошок до колен покрыл наши коричневые ноги, припудрил все царапины и ссадины. И я вдруг вспомнил пионерский парад девятнадцатого мая. Как мы, горнисты, в белых гольфах, желтой юнармейской форме и красных пилотках стояли впереди дружинного строя и готовились заиграть сигнал «Слушайте все»… Неужели этого больше

никогда не будет?

Будет! Прорвемся!

Я стиснул Юлькину руку, обогнал его, потянул за собой. Он понял меня, хотя, конечно, думал о своем. Улыбнулся и сказал:

— Ничего, дотянем. Только не надо зевать.

Да, в самом деле. Может быть, впереди еще немало всяких ловушек.

Я проговорил сквозь зубы:

— Кому-то, видать, не хотелось, чтобы мы поднялись по этой лестнице.

— А раз им не хотелось — надо подняться, — тяжело дыша, сказал Юлька.

И мы поднялись.

Перед нами открылось поле, желтое от множества цветов. Они, как бабочки, качались на верхушках высокой травы. А трава гнулась под юго-западным ветром.

И ветер гнал в ярко-синем небе маленькие белые облака.

Этот солнечный простор после гранитной щели показался мне таким радостным, что я подумал: «Самое трудное, наверно, позади…»

И кажется, Юлька подумал так же.

На краю каменной площадки, где кончилась лестница, лежал валун. Сверху в нем было выби-

то большое углубление — как чаша. В этой чаше синела вода. Может быть, осталась от дождя, а может быть, там бил родничок.

Мы напились холодной вкусной воды, а ветер, плотный, но ласковый, будто сдул с нас усталость. Он подталкивал нас в спину, торопил.

И мы пошли на северо-восток. Через высокую траву с цветами-бабочками. Они осторожно трогали нас за локти. Идти было легко, земля оказалась очень твердой. Наконец мы поняли: это выложенная каменными плитками и затерявшаяся в травяных стеблях тропа.

— Ну что же, тропа так тропа. Тем лучше.

Мы шли, наверно, минут двадцать. Тихо и спокойно было на плоскогорье. Пусто. Я чувствовал, что на Плато нет никого, кроме нас.

И мне даже больно стало от страха, когда я увидел людей!

Юлька их тоже увидел.

Мы присели в траве. Я взял в ладонь свой деревянный кинжал. Мы стали ждать.

Люди были очень далеко. Они, видимо, отдыхали на невысоком пригорке. Сколько их там, я не мог разглядеть. Двое или трое… Лишь у одного четко видны были голова и плечи на фоне чистого неба.

Мы долго ждали. Однако люди ни разу не шевельнулись. Будто заколдовал их кто-то…

Юлька медленно встал. Я испуганно посмотрел на него, но он улыбнулся.

— Они не живые. Это, наверно, та скульптура…

В самом деле! Как я не догадался?

Скульптура была ближе, чем казалось вначале. Мы ведь думали сперва, что там взрослые люди, а это были мальчишки — в свой натуральный рост. Они словно присели ненадолго на верхушке плоского каменного холмика.

Недалеко от этого холмика трава кончилась, и мы вышли на площадку, выложенную обширными серыми плитами. Отдельные стебли росли из трещин среди плит, но не закрывали пригорок.

Я пригляделся и вздрогнул. Это был не просто каменный пригорок. Это оказался вырубленный из обломков скал громадный спрут.

Юлька, который никогда не видел живого Ящера, смотрел спокойно. Кажется, он ничего не понял. А мне стало тошно. Спрут был не такой чудовищный, как на самом деле, но все равно жуткий и противный. Я различал свернутые в кольца гранитные щупальца, круглую голову со слепыми каменными глазами. Все это громоздилось беспорядочной грудой…

Я переглотнул, подавил страх и отвращение. Стал смотреть внимательней. Понемногу успокоился. Стало ясно, что спрут изображен мертвым, бессильно упавшим с высоты. Побежденным. Недаром на его круглом темени серебрились фигурки двух мальчишек.

Юлька взял меня за руку, и мы стали подниматься по треснувшему щупальцу на голову осьминога-гиганта. И наконец увидели скульптуру прямо перед собой.

Она была отлита из какого-то серого сплава. Ребячьи тела тускло блестели, как старый алюминий. Один мальчишка сидел, подогнув ноги и опираясь правой рукой на рукоять боевого клинка. Нельзя было понять, кинжал у него или меч: лезвие почти до отказа ушло в каменное тело чудовища. Мальчик с оружием держал на коленях голову товарища.

Тот, второй, был ранен или убит. Скорей всего, убит. Он лежал, разбросав тонкие руки, и глаза его были закрыты.

Что-то знакомое почудилось мне в лице убитого мальчишки. Маленький печальный подбородок, горько сжатые губы, морщинка над переносицей — след беспокойных мыслей. Она не разгладилась даже сейчас.

Это был Юлька — и тоска резанула меня, как стеклом…

— Жень, смотри, это ты… — Юлька показал на сидящего мальчишку.

Тот смотрел на лежащего друга, и лицо его было опущено. Я присел и вгляделся в это лицо.

В самом деле — я? Не знаю. Сначала показалось, что ничего похожего. Но тут же чуть шевельнулся солнечный свет (может быть, прошла тень от легкого облака?), и я увидел себя как бы в зеркале.

— Юлька… почему так? Откуда?

Он взглянул на меня насупленно, опустил глаза и сказал непонятно:

— А вот так.

Этого не могло быть. Но это было. Какая-то непонятная нить запутала нас, привязала к этому острову, привела сюда… Значит, судьба?

Значит, человек, делавший скульптуру, знал про нас много веков назад? Знал, что мы придем?

Значит… знал, что Юлька будет лежать вот так, раскинув руки, а я буду держать на коленях его голову? И ничего уже не сделать?

Да вы что! Мало вам Дуга?! Мало Птицы?! Не отдам Юльку!

— Не отдам!! Идите вы к черту!! — заорал я и

двумя ладонями с размаха ударил в плечо сидящему мальчишке! В свое плечо…

В глубине души я понимал, что металлический монолит ответит жестким ударом в ладони и не шелохнется. Но, видимо, скульптура была из очень легкого сплава. Она отодвинулась, будто откатилась на подшипниках, и я влетел в квадратную яму, которая открылась под металлической площадкой.

Яма оказалась неглубокая, мне по грудь. Я не ушибся, только слегка оцарапал ногу о какой-то колючий выступ.

Это был угол большой узорчатой шкатулки…

Шкатулка была очень тяжелой. Мы с Юлькой кое-как подняли ее и поставили на край ямы. Потом вылезли сами. Сели на корточки над нашей находкой.

— Клад? — неуверенно сказал Юлька.

Нет, мы оба понимали, что это не клад. Здесь другое. Наверно, очень важное. Может быть, какая-то древняя тайна острова Двид? Может быть, наше спасение?

А может быть, наоборот?

Мне вспомнилась «Песнь о вещем Олеге», лошадиный череп, смертельная змея. Хотя шкатулка совсем не походила на страшный оскаленный

череп…

Это был сундучок из очень темного дерева. Углы, ребра и выпуклую крышку украшали медные накладные узоры — завитки и листья. Такой же узорчатой была бляшка на передней стенке со скважиной для ключа.

Конечно, мы сразу решили, что шкатулку надо открыть. Страшновато было, но ни Юлька, ни я не колебались. Не для того же мы шли сюда по бесконечной лестнице, не для того же увидели и сдвинули скульптуру, чтобы найти шкатулку и оставить запертой!

А заперта она была прочно. Я попытался поддеть крышку кинжалом, но клинок не пролазил в еле видимую щель. Тяжело дыша, я нагнулся над шкатулкой. Надавил кинжал сильнее. Бесполезно. В это время ключ, висевший на шее, выскользнул из-под майки и закачался у меня под носом. Будто напомнил о себе!

Он столько раз выручал меня, мой ключик от родного дома! Вдруг поможет и сейчас.

Ключ сначала не вставлялся, хотя скважина была вроде бы в самый раз. Но вдруг что-то щелкнуло, и стержень ускочил внутрь по самое колечко.

— Жми, — поторопил Юлька. Он горячо дышал

у моей щеки.

Я стал поворачивать ключ. Он легко сделал полоборота, а дальше застрял. Ни туда, ни обратно.

— Кинжал… — нетерпеливо прошептал Юлька.

Я сунул кинжал в колечко ключа. Надавил. Ключ не двинулся, колечко слегка изогнулось, а шкатулка приподнялась одним краем. Тогда Юлька упал на нее животом, а я встал на рукоять кинжала коленкой.

Обыкновенный деревянный кинжал тут же разломился бы на щепки. Но волшебное оружие Толика не отказало и здесь. Раздался пружинистый скрежет (вроде как в старинном бабушкином диване, когда я прыгал на него с разбегу). Крышка подскочила и подбросила Юльку. Потом снова опустилась, но щель теперь сделалась широкой.

Юлька скатился, и мы отвалили тяжелую крышку…

Все, что угодно, ожидали мы увидеть: свитки старинных документов; клубок ядовитых змей; компас, который покажет нам дорогу домой; ключи от какой-нибудь тайной кладовой… Но под крышкой оказалась гладкая черная панель с кнопками и рычажками, как у транзисторного

магнитофона.

Пока мы удивленно смотрели на эту технику, в уголке панели разгорелся и замигал зеленый глазок. А на внутренней стороне крышки засветился экранчик размером с открытку. И появились на экране голубоватые кусты, берег с пологими холмами, ребристая серая вода.

— Что это? — прошептал Юлька.

А я понял, что это. Узнал озеро, где жил Ящер.

На нижнем крае панели торчали рычажки — серебристые шарики на стерженьках. Я прикусил от волнения губу и двинул вперед самый левый рычажок. На экране медленно вспучилась вода. Показалась круглая макушка, а потом глаза чудовища. Я испуганно дернул рычажок назад. Голова Ящера осела под воду.

— Жень… — тихо сказал Юлька.

Я оглянулся. У Юльки были спокойные понимающие глаза.

— Это и есть… тот гад? — спросил он.

Я кивнул.

Юлькины глаза стали решительными.

— Игла Кощея… — сказал он.

— Какая игла?

— Ну, помнишь сказку? «В дупле сундучок, в сундучке утка, в утке яйцо, в яйце игла… Как

сломаешь иглу, тут Кощею и конец…»

Я понял! Но неужели это правда? Неужели жизнь и смерть Ящера в наших руках?

А как сломать иглу?

— Смотри, — сказал Юлька.

В правом верхнем углу панели белела одинокая кнопка. Над ней было оттиснуто маленькое изображение осьминога. Его крест-накрест перечеркивали две красные полоски. Так перечеркивают рисунок дымящейся сигареты в вагонных купе — чтобы не курили…

Значит, все же не зря мы с Юлькой попали на остров Двид?

Я положил на белую кнопку дрожащий палец…

— Подожди, — попросил Юлька. — Ну-ка, подними еще раз эту тварь.

Я снова двинул левый рычажок. Опять появилась на экране голова Ящера (я вздрогнул), затем он встал над озером во всю высоту, и потоки воды летели с него, как водопады…

Юлька тихо надавил второй рычажок. Ящер заколебался на тонких ногах-щупальцах и, перебирая ими, двинулся к берегу. Юлька дернул шарик назад. Ящер попятился…

— Ну, хватит, наверно… — как-то хмуро сказал

Юлька. Он потянул руку к белой кнопке.

— Можно?

Можно, Юлька! Жми! За Дуга! За Птицу! За всех ребят… Чтобы к чертям разлетелось в пыль «равновесие порядка», ради которого убивают!

— Давай, Юлька!

Я ожидал увидеть, как согнутся щупальца и Ящер рухнет. Но случилось другое. Стекло экрана растворилось, он превратился в окошко. Это было похоже на зеркальце, которое показал мне при первой встрече Ктор Эхо.

Из окошка долетел до нас запах озерной воды и сырого песка.

Мы с Юлькой растерянно переглянулись и опять посмотрели на Ящера.

Ящер приближался. Он вырастал на глазах, словно летел головой вперед прямо на нас. Вот уже одну только голову его видно в экранном окошке. Вот уже только часть головы, круглая макушка…

Мы с Юлькой машинально отодвинулись от шкатулки: вдруг чудовище прорвется сквозь окошко сюда?

Оно не прорвалось. Но голова приблизилась вплотную. Выпуклый металл обшивки даже выступил над рамкой экрана — будто выдавился

к нам, наружу. Я увидел две круглые заклепки. К одной прилипли темные листики водорослей. Тогда, почти не думая, схватил я кинжал, размахнулся и ударил между заклепками. Клинок пробил металлический лист, будто плотную фольгу.

Откуда-то издалека, из-за горизонта, донесся глухой вой. И смолк. Желтый огонь метнулся над экраном. Я уронил кинжал. Но тут же пламя погасло, и мы увидели, что экран затянулся стеклом. Проступило изображение. В дыму и брызгах рушились в озеро обломки Ящера.

Экран работал без звука, да и картинка была теперь маленькая. Все казалось нестрашным. Но я-то знал, что там творится на самом деле…

Неожиданно экран погас. А зеленый глазок на панели разгорелся ярче, стал просто ослепительным.

Шкатулка начала гудеть и мелко задрожала. Все сильнее. Мы смотрели на нее с испугом: а если рванет, как Ящер?

— Бросаем! — крикнул Юлька.

Мы вскочили и ногами спихнули шкатулку с пригорка. Юлька прыгнул в яму и дернул меня за собой.

В тот же миг ударил негромкий упругий

взрыв…

Когда мы выбрались из ямы, внизу, между щупалец каменного спрута, колыхалось темное облако. У моих ног валялся медный узорчатый уголок.

— Вот и все, — устало сказал Юлька. — Теперь на этом острове управятся без нас…

Мы стали думать, что делать.

Если бы с нами была Птица, мы помчались бы в Синюю долину, чтобы ребята поскорее узнали про гибель Ящера. А потом — домой! Но как быть сейчас?

— Надо идти в город, — сказал Юлька.

Он это правильно решил. Мы были победителями, и теперь нам в городе ничто не грозило. Пускай только попробуют не отправить нас домой! Мы поднимем всех мальчишек столицы, и Тахомир Тихо заплатит за все! Впрочем, он и так заплатит…

Башни города смутно маячили у очень далекого горизонта, за сизыми гребешками леса. Уже вечерело, мы были голодные, измотанные, но Юлька сказал:

— Идем?

И я сказал:

— Идем.

Но сначала мы подвинули на место скульптуру. Теперь мальчишки не казались так похожими на нас. Если и было сходство, то несильное и, наверно, случайное.

Потом я постарался отыскать кинжал и ключ. Мне повезло. Кинжал торчал в расщелине камня. Он был целый, только закоптился. Ключ валялся на краю каменной площадки. Ему тоже ничего не сделалось, только шнурок наполовину сгорел.

Я сунул кинжал за пояс, а ключ положил в карман.

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР С ТАХОМИРОМ ТИХО

Мы двинулись в путь и по дороге говорили, конечно, о гибели Ящера и о шкатулке.

— Непонятно, почему она была тут запрятана. В таком далеком месте, — сказал я.

— А что! Это хитро придумано, — возразил Юлька. — Наверно, Правитель боялся, что шкатулку кто-нибудь отберет или похитит, вот сюда и схоронил. Ну, кто бы догадался, что именно здесь Ящерова смерть? Вот подумай — те, кто был против Ящера и Правителя, приходили сюда, чтобы поглядеть на скульптуру, верно? Но они же не стали бы ее с места сталкивать. Наоборот, они ее берегли… А потом люди сюда совсем дорогу забыли… Или боялись всяких ловушек, вроде той каменной штуки…

— Кто же тогда Ящером управлял?

— А может, никто! Может, он сам работал, как автомат. Высунется и спрячется. А люди пугались… Да теперь уж все равно…

В самом деле, теперь было все равно. Главное, что Ящера нет и никто не станет нагонять страх

на жителей острова Двид.

…Долго рассказывать, как мы добирались до города. Это был тяжелый путь. Мы две ночи провели в лесу. Первый раз, когда спустились по отвесным склонам с Плато, второй — у самого города. Нам хотелось прийти в город на рассвете, отдохнувшими, сильными.

Нас донимал голод. Правда, в лесу попадалась трава с толстыми съедобными корнями (нас научила отыскивать ее Соти). Мы жевали эти корни, но вкус у них был как у горькой сырой картошки: много не съешь, противно…

Мы хотели проснуться на заре, но, видимо, от усталости проспали. Когда встали, солнце било сквозь листву крепкими лучами. Вовсю голосили птицы.

Мы умылись в холодном ручейке. Немного кружилась голова, ноги были слабоваты, но в общем-то мы чувствовали себя по-боевому.

Сквозь пролом в старой городской стене мы попали на улицу. Здесь было пусто. Мы взялись за руки и пошли по середине мостовой. Ее отполированные булыжники горели солнечными бликами.

И вдруг эту сверкающую полосу пересекли тени. Через дорогу шли ребята.

Они шли как раньше! Длинной вереницей, с опущенными плечами, молчаливые. И сзади шагал тощий воспитатель в своей дурацкой треугольной шапке.

Мы замерли.

Ребята нас не видели: они смотрели в затылок друг другу. А воспитатель смотрел на них и нас тоже не заметил.

Но мы зато видели все. И все поняли!

— Живут, как раньше… — с горькой досадой прошептал Юлька.

— А может, это по привычке? — спросил я. — Может, еще не поняли?..

В это время из переулка донесся знакомый вопль:

— Здравствуйте, почтенные жители столицы! Приветствуйте светлое утро нашей счастливой и спокойной страны! Оно, конечно, радостное и доброе! Каждое утро на нашем острове полно спокойной радости, потому что не может быть горестей и бед, где царит незыблемое равновесие порядка! Разве это не так? Разве не хранит нас от несчастий могучий и справедливый Ящер?!

Юлька дернул меня за руку. Мы убежали с мостовой и прижались к белому каменному забору.

— Вот негодяи… — тихо сказал Юлька.

А меня такая злость взяла! Неужели опять все зря? Нет, голубчики, не выйдет…

— Юлька, давай во дворец! Мы им покажем «равновесие» и Ящера…

— А пробьемся?

— Надо пробиться. Теперь, Юлька, до конца надо…

Он подумал секунду и как-то очень спокойно кивнул:

— Угу… Пошли.

…Мы пробрались к дворцовому парку переулками и пустырями, мимо развалин старинных башен и храмов. Несколько прохожих все-таки заметили нас и удивленно смотрели вслед: вид у нас был очень потрепанный. Но никто не поднял тревоги…

Скоро я привел Юльку к знакомой решетчатой калитке. Ее, как и прежде, никто не караулил. Мы проскользнули в сад.

Было светло и тихо в утреннем саду. Посвистывали птицы. И голубой флаг с драконьей головой лениво полоскался над куполом дворца. Журчали фонтаны.

Мы подошли к дверце, из которой я когда-то первый раз выбрался в парк.

Здесь оказался часовой.

Слуга Ящера в плюшевом комбинезоне и медной каске сидел на каменной скамеечке и бесстыдно нарушал устав караульной службы — клевал носом и тихо посапывал. На коленях у него лежало ружье. Оно было похоже на старинный мушкет, но сбоку торчал изогнутый магазин, как у автомата.

Я нерешительно посмотрел на Юльку: «Проскользнем?» Но Юлька сердито усмехнулся и спокойно подошел к часовому. Положил на мушкет руку. Дернул к себе.

Слуга Ящера вскинул голову и обалдело открыл рот. Кажется, хотел завопить. Юлька злым шепотом сказал:

— Тихо ты, скотина. Встань.

Широкий ствол смотрел прямо в лицо часовому. Юлькин палец аккуратно лежал на спусковом крючке. Юлька слегка шевельнул пальцем, и слуга Ящера взлетел, как от пружинного удара.

— Не пикай. Руки вверх, — приказал Юлька.

Он ни капельки не был похож сейчас на прежнего Юльку.

Слуга Ящера вскинул руки так старательно, что они почти по локоть вылезли из плюшевых рукавов.

Я торопливо шагнул к Юльке, встал рядом.

Юлька спросил меня:

— Что теперь с этим дураком делать?

— Пусть покажет, где Тахомир…

— Веди, — приказал Юлька.

Дверца была низкая. Слуга Ящера не решился опустить руки и, чтобы пройти, смешно присел. Я не выдержал, хихикнул. Юлька хмуро сказал:

— Трусы они все-таки. Только с безоружными и могут воевать.

Мы прошли знакомым коридором с желтыми светильниками. Наш пленник вдруг замедлил шаги. Нерешительно оглянулся.

— Только, пожалуйста, не нажимайте спуск, — сипло попросил он.

— Там видно будет, — безжалостно сказал Юлька.

— Веди к правителю и не вздумай фокусничать! — прикрикнул я.

— Их превосходительство, наверно, еще спят…

— Ничего, проснется превосходительство, — буркнул Юлька.

Мы поднялись по винтовой лестнице, потом еще по одной — прямой, устланной ковром, и оказались у широкой узорчатой двери. Слуга Ящера опять оглянулся.

— Открывай, — велел Юлька.

— Я не смею…

— Открывай! — гаркнул я.

Слуга Ящера опять слегка присел и, не решаясь опустить руки, надавил дверь всем телом.

Мы вошли.

Их превосходительство господин правитель острова Двид почивали на кровати под высоким балдахином с откинутым пологом. Белое атласное одеяло на круглом животе господина правителя поднималось и опускалось. Тахомир слегка похрапывал. Тихий такой, добрый дядюшка с румяным лицом.

А Дуг? А Птица? А ребята с поникшими плечами, бредущие поперек мостовой?

— В угол… — шепотом сказал Юлька слуге Ящера и мотнул стволом. — Не вздумай оборачиваться.

Слуга, приседая, убежал в дальний угол и там замер, не опуская рук. Недалеко от кровати я увидел столик на гнутых ножках. На столике стояла ваза с громадными желтыми грушами. У меня от голода заболело в желудке, и я начал часто глотать слюну.

Юлька подошел к столику, взял грушу и протянул мне. А потом выбрал для себя.

— Позавтракаем, — сказал он с усмешкой и сел

на столик. Я тоже — с другой стороны.

Мы сидели, завтракали и смотрели на спящего Тахомира Тихо. Я ел грушу за грушей. Сок тек у меня по подбородку и капал на майку.

Тахомир спокойно дышал. Мне хотелось разозлиться на него изо всех сил, но я почему-то не мог. И по правде говоря, не знал, что делать дальше.

Но надо было что-то делать. Ваза опустела. Не знаю, что меня толкнуло, но я вдруг положил вазу набок и катнул со стола. Она была, видимо, серебряная и отчаянно загремела в тишине спальни.

Тахомир Тихо быстро сел.

— А? — сказал он. Увидел нас и опять сказал: — А? А-а…

— Доброе утро, господин Тахомир, — проговорил я и вспомнил, как мы зарывали Птицу. — Хорошо спали, господин Тахомир?

Он сначала растерянно заулыбался. Поморгал. Потом лицо его стало серьезным, и он сказал озабоченно:

— Какие вы неосторожные! Вас могли здесь убить.

— А что вы беспокоитесь? — насмешливо спросил Юлька. — Вы ведь этого и хотели…

— Не хотел я, — проникновенно заговорил Та-

хомир, прижал к груди пухлые кулаки и бросил быстрый взгляд на кинжал, который я покачивал в ладони. — Разве я хотел? Это обстоятельства…

— Теперь обстоятельства другие, — сказал я. — Вы же знаете, что Ящера больше нет. Вы боитесь, что мы про это всем расскажем? Так, правитель?

Он, кажется, немного пришел в себя. Покачал головой, как мудрец при разговоре с глупыми детками.

— Люди столько лет жили с Ящером. Кто же поверит, что его не стало?

— Поверят, — зло сказал я. — Мы поймаем вашего Крикунчика и заставим голосить об этом на каждом углу… А потом все пойдут к озеру и сами убедятся.

Тахомир опять покачал головой.

— Не так-то легко научить человека кричать совсем не то, что он привык… А если даже и получится… Конечно, люди скоро все узнают. Ну и что? Они сделают нового Ящера. Или придумают. Народу для нормальной жизни нужен страх.

— Да? — язвительно спросил Юлька. — Сам ты, небось, жил без страха и не очень мучился от этого…

— Да нет, он боялся, — возразил я. — Поэтому он заманивал ребят и убивал их…

— Это было необходимо для безопасности государства, — солидно возразил Тахомир.

— Убивать детей для безопасности государства? — спросил Юлька. Он спросил это медленно, негромко и перевел ствол ружья от слуги Ящера к Тахомиру.

Правитель быстро откинул одеяло и спустил с кровати толстые волосатые ножки. Он был в смешной рубахе с кружевами на подоле. Не отрывая глаз от ружья, правитель быстро и убедительно заговорил:

— Да, это было необходимо. Я тут ни при чем, это закон истории. Вы плохо знаете историю. Детей убивали во все времена, во всех странах. Так же часто, как взрослых. Ради общего блага. А вы все валите на меня.

— Ах ты несчастный, — усмехнулся Юлька. А мне захотелось плакать, и я сказал:

— Вот за всех, кого убили… такие, как ты… и ты сам… За Дуга… мы ведь тоже можем убить тебя, Правитель. Ты не успеешь даже крикнуть.

Он замигал, съежил плечи, лицо его сильно вытянулось. Но он взял себя в руки и уверенно сказал:

— Нет, вы не сможете. Не решитесь.

— Потому что противно…

— Не в этом дело. Вы не так воспитаны. Вы не привыкли убивать людей.

— Разве ты человек… — сказал я.

— Да! И у меня есть человеческие чувства. Я жалел тебя…

— Ты?! Не ври. Меня здесь никто не жалел… Ну, может быть, Ктор, да и то лишь сначала. Чуть-чуть…

— А ты знаешь, кто такой Ктор?

Тахомир мягко встал, провел пальцами по лицу, по груди, привстал на цыпочки…

И превратился в Ктора.

Кружевная рубаха, которая была ему до щиколоток, стала до колен.

— Вот так, — слегка самодовольно сказал Ктор.

Он думал, наверно, что мы грохнемся на пол от удивления. Но я уже много всего насмотрелся на острове Двид. Я, конечно, очень удивился, но не подал виду. А Юлька не знал Ктора и вообще ничего не понял.

— Ну и что? — сказал я Ктору. — Значит, ты еще больше гад, чем я думал. Двуличный гад.

— Вовсе нет, — с достоинством возразил Ктор. — Не в этом дело. Правитель не имеет права быть снисходительным и добрым, а у меня мягкий характер. Вот я и научился превращаться, чтобы

проявлять доброту… Между прочим, в глубине души я ненавидел Ящера, да!

— Неужели?

— Да! И не забудь, что это я открыл тебе тайну подземного хода…

— Конечно! И потом ждал на площади, потому что все было подстроено!

Я подумал, что он в самом деле заслужил смерть.

Кажется, Ктор угадал мои мысли и перепугался по-настоящему. Он осел и распух — снова превратился в Тахомира.

— Вы не имеете права убивать меня! — визгливо сказал Тахомир.

— А ты имел?

— Но вас же судили по закону! А вы? Разве вы судьи? У меня есть мой народ, пусть он судит меня! А вы кто такие? Пришельцы из другой страны! Что вам надо у нас? Почему вы вмешиваетесь в наши дела?

Мы с Юлькой посмотрели друг на друга, прыснули и начали хохотать. Так весело, что слуга Ящера даже обернулся и чуть-чуть опустил руки (правда, тут же опять их вытянул вверх).

— Ну, ты даешь, Правитель, — сказал я сквозь смех.

— Ну, ты изворачиваешься… Мы вмешиваемся! А кто нас сюда притащил?

— Ну… да. Я признаю. Но я же объяснил: это требовали государственные интересы… Но я исправлюсь! Да! Я же вас и отправлю обратно!.. Имейте в виду, кроме меня, вам никто не поможет. А у меня есть воздушный шар, прекрасный, новенький. Юго-западный ветер моментально донесет вас домой. А?.. Вам давно пора домой. Что вам еще делать на нашем острове? Вы убили Ящера, вы победители! Теперь пусть сам народ решает, как ему быть! Разве вы имеете право решать за народ?

«А в самом деле, какое мы имеем право решать? Да и что мы можем решить?» — подумал я. И мне очень-очень хотелось домой.

Я посмотрел на Юльку. Он опустил глаза.

— Ты, наверно, опять врешь, — сказал я Тахомиру. — Посадишь нас на шар, а потом прикажешь обстрелять.

Он снова прижал к груди пухлые кулаки.

— Я клянусь!.. Зачем стрелять? Вы же полетите домой, навсегда…

Я опять посмотрел на Юльку и понял, что он тоже всей душой рвется к дому.

— Летим? — шепотом спросил я.

Юлька молча прыгнул со стола.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В дальнем углу парка, где кусты были неподстрижены, а клумбы заросли случайной травой, стоял каменный сарайчик. Тахомир и слуга Ящера выволокли из него груду белого шелка, закутанную в сеть, и громадную корзину из желтых блестящих прутьев.

Посреди лужайки слуга Ящера вбил крепкий кол и привязал к нему корзину короткой толстой веревкой. Потом они с Тахомиром приволокли стальные баллоны. Тахомир суетился, путаясь в кружевном подоле: он так спешил, что даже не переоделся. Слуга перепуганно хлопал белесыми ресницами и каждый раз, как только опускал ношу, вскидывал над головой руки.

Газ ровно зашипел в шлангах. Шелковая куча зашевелилась, начала расти, превратилась в белый складчатый холм. Этот холм приподнялся, натянул сеть, качнул корзину. Прошло еще несколько минут, и белая ткань расправила складки, натянулась. Она выпуклыми квадратиками выступила сквозь ячейки сети. Блестящий от солнца шар встал над вершинами вязов и каштанов. Юго-западный ветер слегка раскачи-

вал его.

Привязанная к толстому колу веревка вытянулась, и корзина косо повисла в метре от земли.

— Вот и готово, вот и все, — потирая ладошки, заговорил Тахомир. — Садитесь и… ни пуха ни пера. Хороший был шар, второго такого нет на всем острове. Да уж ладно…

— Садись, Женя, — сказал Юлька, не взглянув на суетливого Тахомира.

Я схватился за край корзины, подтянулся, перевалился внутрь. Сразу протянул руку Юльке.

Юлька на сгибе левого локтя держал мушкет. Он сердито качнул стволом в сторону Тахомира и слуги:

— Ну-ка, отойдите…

Тахомир заулыбался, закивал и отбежал. Слуга тоже засеменил в сторону, не опуская рук. Юлька сказал мне:

— Дай кинжал на минутку…

Я не понял, зачем ему кинжал, но дал. И поторопил:

— Садись быстрее. Давай ружье…

Юлька снизу смотрел на меня печально и виновато.

— Женя… я не полечу.

Я сразу понял. Не знаю почему, но в одну се-

кунду я почувствовал, что Юлька твердо решил остаться. Сейчас мне кажется даже, что я заранее догадывался об этом, но боялся поверить.

— Юлька, не дури. — Я хотел сказать это строго, но получилось жалобно.

Он вздохнул:

— Ничего не поделаешь…

— Да зачем?! — отчаянно крикнул я, потому что больше всего на свете хотел домой, но знал: если останется Юлька, останусь и я.

Юлька насупленно проговорил:

— Они там, в Синей долине, еще ничего не знают. Кто им расскажет?

— Узнают! Скоро об этом весь остров узнает!

— Все равно… Еще, наверно, будут бои. Ребятам надо помочь… Я им принесу ружье.

— Юлька, не будет боев! Слуги Ящера не умеют воевать, они трусы! Ты же видел!

— Трусы, если без оружия. А стреляют они метко.

— Они не посмеют стрелять, Юлька! Раз нет Ящера — они побоятся.

— Кто их знает, — тихо сказал Юлька.

Я понял, что он все равно останется, и с отчаяньем проговорил:

— Ладно, сейчас спущусь…

Он быстро сказал:

— А тебе надо лететь.

— Дурак ты. Одному?

— Женька, кто-то должен лететь! Чтобы рассказать дома!

— Почему я, а не ты?

— Потому что… — Он опустил голову и почти прошептал: — Женька, я не могу быть предателем второй раз.

Тогда я заорал:

— Не можешь? Значит, это предательство? Значит, второй раз нельзя, а первый можно? Мне можно, да?

Но я не сделал движения, чтобы выпрыгнуть из корзины.

Он опять поднял печальные глаза.

— При чем здесь ты? Ты все сделал как надо. А я… Женька, лети. Ладно?

— И ты лети, — со всей твердостью сказал я. — Юлька, ты подумал об отце с матерью? Ты у них один сын… был…

— А птенец? — спросил Юлька. — Он ведь тоже сын… нашей Птицы. А Птицу убили. Кто выкормит птенца? Ведь никто из ребят не знает даже, где его гнездо. А я знаю…

Как я мог забыть о птенце? Он, наверно, уже

умирает от голода! У меня от стыда зазвенело в ушах, как от хорошей оплеухи. Уже ни о чем не думая, перекинул я ногу через край корзины…

Но Юлька ударил кинжалом по веревке.

Меня бросило на плетеное дно, прижало к нему. Засвистел летящий сверху вниз воздух.

Когда я поднялся и сумел перегнуться через край, не было видно ни Юльки, ни лужайки с каменным сараем. Проплывали внизу белые домики окраины и делались все меньше…

Как я молотил кулаками по упругим прутьям! Я их даже кусал от отчаянья и давился щепками вперемежку со слезами…

Я, честное слово, прыгнул бы вниз, если бы это хоть чуточку могло что-то исправить. И если бы я не боялся, что даже в последнюю секунду буду мучиться от стыда и от тоски по Юльке…

Шар поднимался, поднимался и наконец остановился под самыми облаками. Казалось, он повис неподвижно, потому что и его самого и облака ветер гнал с одной скоростью. Меня окружили полная тишина и покой. Ни синему небу, ни облакам не было дела до моего горя.

Вдруг я подумал: в каждом воздушном шаре есть клапан, который можно открыть, если хочешь опуститься. Обычно от него тянется веревка.

Но никакой веревки я не увидел. Да и куда опустишься? Внизу уже расстилалось ребристое, как стиральная доска, море и нигде не было земли.

Шар летел гораздо выше, чем когда-то летала с нами Птица. Шару было все равно. Делалось все холоднее. Сначала было просто зябко, но потом холод сдавил так, что от озноба стало трудно дышать. Я съежился на дне корзины, обнял себя за ноги, уперся лбом в колени. Холод не отпускал. Но мне было уже безразлично. Я понял, что замерзаю, и, кажется, не испугался.

Жаль, конечно, что так получилось. Жаль, что никогда не увижу маму и папу. И бабушку. И Толика… Жаль, что никогда не узнаю, что стало с Юлькой…

Эх, Юлька, Юлька, зря ты обрезал веревку. Хотел как лучше, а получилось вон что. Но я не сержусь. Не могу и не хочу на тебя сердиться… Пускай тебе повезет на этом проклятом острове, Юлька. Сделай все, что надо, и вернись домой…

Юлька, вы с ребятами постарайтесь победить, ладно? До конца. Потому что мы так и не победили Ящера. Мы взорвали тупого железного робота, а настоящий Ящер — это Тахомир с его слугами, с его Крикунчиком, с его квартальными воспитателями…

Ты, Юлька, держись… А я…

А что я?

Что я?!

Отчаянье опять встряхнуло меня. Так нельзя! Неужели все пропало? Нет, я вернусь и всем расскажу про остров Двид! Пускай он хоть сверхневидимый, все равно мы его найдем! И Юльку!

Но холод снова сжал меня. Давил все сильнее, сильнее, сильнее… Мне показалось, что я превращаюсь в ледяной, обросший инеем шарик.

И этот шарик покатился в синюю тихую пустоту.

…Я очнулся от тепла. Закоченевшие руки и ноги не разгибались, горло распухло так, что я не мог даже кашлянуть. Шар летел очень низко — над плетеными краями проносились ветки.

Я кое-как приподнялся.

Были сумерки. Шар несло вдоль берега — между березовым лесом и водой. Своим днищем корзина иногда царапала песок.

Я узнал это место: слева светилось под закатом наше озеро, справа была дорога в Рябиновку…

Впереди темнели высокие кусты. Корзина мчалась прямо на них. Я зажмурился.

Был удар и треск, меня швырнуло в пружинистые ветки. Я открыл глаза. Последнее, что

помню, — это светлый шар. Освободившись от груза, он быстро улетал в неяркое вечернее небо...

«ГДЕ ЖЕ ТЫ ПРОПАДАЛ, ЖЕНЬКА?»

Меня нашли на следующее утро. Толик нашел. Никто даже не думал увидеть меня живым, потому что еще много дней назад ребята отыскали на берегу мое деревянное оружие и все решили, что я утонул. Но Толик все равно ходил по берегам озера и окрестным лесам.

Когда Толик увидел меня, я был без памяти. У него хватило сил взять меня на плечи и вынести к дороге. Там он остановил первую машину…

В школу я пошел только в ноябре. Почти всю осень пролежал с воспалением легких и всякими осложнениями. Плохо срасталась сломанная рука.

Первые две недели я вообще не приходил в себя. А когда очнулся и понемногу начал соображать, что к чему, бабушка прошептала:

— Слава тебе, господи, наконец хоть узнавать стал. А то на маму смотришь, а сам какие-то ужасы говоришь: про птенцов каких-то, про ящериц. Юльку какую-то звал, стрелять хотел…

И я понял, что никто-никто не поверит моему рассказу про остров Двид. Решат, что это был бред.

Все теперь думали, что я пропадал, потому что заблудился в лесу. Есть недалеко от города большой лес, и случалось, что люди блуждали в нем по нескольку дней. В глубине леса скрывается Гнилое озеро, а вокруг него трясина и путаные тропинки. Можно долго ходить по кругу, а можно и совсем сгинуть.

По ночам я видел сны про недавнюю жизнь на острове Двид. Опять я летал с Птицей, убегал от Ящера, готовил к стрельбе большую мортиру. Я встречался с Юлькой и смеялся от радости, потому что знал: теперь мы ни за что не расстанемся. Мы вдвоем кормили подросшего птенца… А потом белый шар срывал меня с места, и я просыпался от страха и горя…

Но днем, когда я видел бабушкину комнату с полинялыми обоями, слушал радио, смотрел телевизор, когда разговаривал с мамой, папой, бабушкой, — остров Двид отодвигался в памяти. Кругом все было настоящее, знакомое, крепкое, а то, что случилось на острове, делалось похожим на сон. А может быть, я действительно заплутал в лесу и мне — голодному, больному — привиделись все приключения?

Иногда я начинал думать, что так и было. Мне даже казалось, что я припоминаю, как бреду по

берегу Гнилого озера и под ногами у меня пружинит и чавкает болотистая почва…

Но тогда… Тогда, значит, ничего не было? Ни Птицы, ни ребят на бастионах, ни полетов, ни боя на площади… Значит, не было Юльки?

Почему же тогда у меня ощущение вины? В чем я виноват перед Юлькой, которого нет?

Пожалуй, ни в чем.

Я виноват перед птенцом, я забыл про него после гибели Птицы. А перед Юлькой? Нет, я, кажется, не виноват. Но почему же тогда горькая тяжесть на душе? Просто мне очень жаль Юльку. Я здесь, а он там. Мне очень жаль его и жаль, что я не с ним. Сильная жалость чем-то похожа на ощущение вины…

А может быть, все же есть на мне вина? Ведь я помедлил секунду, когда надо было выскочить из корзины… Да, но если бы он не разрубил веревку так быстро, я бы выскочил, честное слово!

И зачем теперь мучиться, если все равно ничего не было?

А если было?

Первый месяц я лежал у бабушки, врачи не разрешали перевозить меня. Мама и папа приезжали каждый день. А Толику не позволяли часто навещать меня, говорили, что я очень слаб. Все

же он приходил несколько раз. Садился на край постели и осторожно, будто стесняясь, рассказывал про ребячьи дела: про футбол, про школу, про большого змея, которого недавно запустили Степка Шувалов и Стасик Малыгин. Но скоро заглядывала бабушка, шептала:

— Хватит, хватит, ребятки. Женечке надо спать…

Зато когда я перебрался домой, Толик стал прибегать каждый вечер. С ним было хорошо. Мы клеили кораблики из журнала «Малый моделяж», крутили мультики на расхлябанном кинопроекторе «Луч». Иногда он объяснял мне, как решать задачки, чтобы я не отстал от класса… И ни разу мы не заговорили про то, как я пропал и как он отыскал меня. Наверно, Толик опасался, что я начну вспоминать жуткий лес у Гнилого озера и опять заболею. А может, боялся показаться хвастуном: вот, мол, нашел человека в кустах, дотащил до дороги и теперь намекает, какой герой.

Мама и папа несколько раз пытались расспросить, как же все-таки я заблудился. Но я говорил, что ничего не помню, и потом надолго замолкал. Их пугало это молчание, и меня перестали спрашивать…

К зиме я совсем окреп. Стал как все мальчишки. Мы строили снежные крепости, залили на пустыре каток, вылепили целую армию снеговиков. У нас было весело во дворе. Но, как прежде, игра угасала, когда мимо проходили родители Юльки Гаранина. А я… что я мог сделать? Кто поверил бы моей сказке, если я сам верил теперь меньше чем наполовину.

… Больше всех игр я любил кататься на лыжах. К лыжам приучил меня Толик. Мы уходили в овраг и там носились по крутым спускам — так, что снежные вихри крутились над откосами.

Это было немного похоже на полеты с Птицей.

Мама радовалась, что я всегда с Толиком. Одного меня она боялась отпускать: ей все казалось, что я опять могу исчезнуть. А Толика она считала надежным другом. Да так оно и было…

Однажды, уже в начале марта, мы возвращались от оврага домой по хорошо накатанной лыжне. Снег блестел под ярким солнцем по-весеннему, хотя еще не таял. Легкие лыжи весело поскрипывали. Я шел впереди. Мы о чем-то болтали и смеялись.

И вдруг Толик замолчал — будто пропал. Не ответил на мой вопрос. Я оглянулся. Толик стоял и смотрел на меня странно: с какой-то напряжен-

ной требовательностью. Будто не было только что болтовни и смеха.

Я остановился, сделал шаг назад. Мы встретились глазами, и он спросил:

— А все-таки, где же ты пропадал, Женька?

Я сразу понял, о чем он. Опустил голову.

Толик подъехал вплотную. Тихо сказал:

— Ты был тогда исцарапанный, оборванный, от сандалий одни ремешки остались. На них не было ни тины, ни болотной грязи…

Я опять посмотрел Толику в глаза. Тогда опустил голову он. И проговорил виновато, но с упрямой ноткой:

— По-моему, ты что-то помнишь, а сказать… или боишься, или не хочешь.

— Я хочу! Но… как? Если я сам не знаю… А ты поверишь?

…В общем, я рассказал ему все. Начал на лыжне, а кончил уже поздно вечером. Толик остался у нас ночевать, и мы лежали вдвоем на широком диване, а в окно светила круглая луна. Почти такая же, как над островом Двид, когда мы с Юлькой ночевали в мортире.

Толик спросил:

— Ты когда-нибудь писал стихи?

— Я? Никогда в жизни.

— Значит, сам придумать не мог…

— Что?

— Ну… то стихотворение… Юлькино… Может быть, ты его читал где-нибудь?

— Где?

— В книжке какой-нибудь…

— Нет… не помню.

— Жень… А ведь можно все очень просто проверить. Спросить у Юлькиной мамы: писал он такие стихи или нет.

В самом деле! Как же я не догадался?

Да, но… как подойти к Юлькиным родителям? Как заговорить о пропавшем сыне? Я, наверно, не посмею…

— А если стихи по правде были, тогда что? — нерешительно спросил я. — Тогда надо все рассказать? Или лучше не надо?

— Я тоже думаю: как тогда быть? — откликнулся Толик.

— Думай лучше. А то у меня все в мозгах перепуталось.

— У меня тоже. Почему-то голова гудит…

— Слушай, Толька, а ты не заболел? — встревожился я. — Ты какой-то горячий. Может, простыл?

— Да нет, что ты… — сказал он.

КЛЮЧ

Еще бы ему не быть горячим! Утром оказалось, что у него температура тридцать девять.

Но это была не простуда, а скарлатина.

Мама ужасно перепугалась. За меня. Ведь мы с Толиком целую ночь лежали рядом, и я наверняка наглотался микробов. Не хватало мне после всех болезней еще скарлатины!

Но на этот раз пронесло, я остался здоров. А жаль. Лучше бы уж лежать вместе с Толиком, веселее.

К Толику меня не пускали целых три недели. Не потому, что он тяжело болел, а просто боялись, что я подцеплю инфекцию.

К Юлькиным родителям я, конечно, не ходил. Я оправдывался перед собой, что нехорошо без Толика: это ведь он придумал узнать про стихи. А потом я перестал видеть Юлькиного отца и мать на улице. От ребят я узнал, что они, кажется, уехали до лета в какой-то санаторий, лечиться.

Как будто можно вылечиться от горя…

Когда я услышал про их отъезд, меня крепко заела совесть: ведь я мог бы их, наверно, хоть чуточку успокоить, дать какую-то надежду (если,

конечно, они помнят стихи).

И все же испытал облегчение: тяжелый разговор откладывался.

С Толиком я увиделся на весенних каникулах. Сказал ему, что Юлькиных мамы и папы нет в городе. Он вздохнул, кивнул, и больше мы про них и про Юльку не говорили — будто молча согласились не касаться этого дела раньше времени.

Апрель был холодный. В середине месяца все еще падал снег и даже случались метели. А когда наступала оттепель, было пасмурно и слякотно. И только перед самым маем пришло тепло. Зато это было настоящее летнее тепло! У почек сразу появились зеленые клювики, а на городском пруду за день слизнуло лед.

Наши ребята повытаскивали из чуланов велосипеды и с утра до вечера носились по просохшим переулкам. Все уже бегали в рубашках или футболках, только меня мама заставляла надевать свитер.

В воскресенье приехала бабушка. Привезла банку варенья, свежий пирог с капустой и газетный сверточек. Повздыхала и сказала маме:

— Я вот Женечкину одежду нашла прошлогоднюю. Думаю, может, еще пригодится летом бегать-то. Маечка вот, штанишки, я постирала,

зашила…

Она зашуршала газетой, и я увидел выгоревшую майку с оленем и серые шортики с широкой резинкой в поясе. Все было старенькое, заштопанное, но чистое и отглаженное…

Что-то скользнуло из одежды и тяжело стукнуло о половицы. Отскочило к моим ногам.

Это был медный ключ. Я поднял его, положил на ладонь.

Хрипловато спросил у бабушки:

— Откуда он взялся?

— Да в кармашке лежал. Я туда и положила…

У ключа было погнуто узорное колечко…

Я взял сверток и начал суетливо переодеваться. Мама смотрела на меня с испугом. Я маму понимал: ей казалось, что, если я натяну эту одежду, со мной снова что-нибудь случится.

Но она молчала, и я оделся.

Говорят, что ребята быстро вытягиваются, когда болеют. Но я почти не вырос, и потрепанный прошлогодний наряд оказался мне совсем впору. Я почувствовал себя легким, свободным, упругим…

Но это была не такая радостная легкость, с которой выскакиваешь на улицу в первый летний день и как на крыльях летаешь за футбольным

мячом. Это была тревожная легкость. Как перед прыжком с обрыва в воду, когда жутковато, но уже решился.

Я сжал в ладони ключ и пошел к двери.

— Женя, ты куда? На улице еще холодно, — торопливо сказала мама.

— Я только на крыльцо…

У меня как-то странно вело себя сердце: его будто равномерно сжимали и отпускали холодные ладони. От этого сбивалось дыхание.

На дворе было вовсе не холодно. Солнце крепко прогрело доски крыльца, кирпичные стены, землю. В небе летели пушистые облака. Тополь был увешан длинными сережками. Их качал теплый ветер (юго-западный ветер!).

На куче песка дошколята и первоклассники строили крепость. Это была крепость с желтыми полукруглыми бастионами.

Я посмотрел на облака, вздохнул поглубже и поднес к губам ключ.

Свистнул…

Ничего, конечно, не случилось. Только вышел из дома Степка Шувалов и сказал:

— Жень, айда в кино. В клубе строителей «Неуловимые» идут…

— Ага… потом.

Вышла мама и увела меня в дом. Велела выпить горячего молока, после этого слегка обругала и усадила обедать.

Когда я равнодушно жевал котлету, за окном пронеслась полупрозрачная тень. Туда и обратно. Я опрокинул стул и бросился на крыльцо. Тень широким полукругом еще раз прошла надо мной и заскользила к облакам. Превратилась в серое пятнышко, исчезла…

Я вскинул к губам ключ… и опустил. Все равно Птица не сядет в незнакомом дворе, где множество чужих людей. Она осторожна. Скорее всего, она меня не узнала. Ведь она была совсем птенцом, когда я помог ей вернуться в гнездо…

Нет, видимо, она меня узнала. Потому что на следующее утро, когда я шел в школу, серая тень опять пронеслась надо мной по широкому кругу…

Ну что же, это хорошо, что надо мной кружит тень. Я знаю теперь, что делать. Рано утром я выйду на пустынный берег озера…

Нет, сначала я оставлю дома записку, чтобы не тревожились. Тревожиться все равно будут, но недолго, на этот раз я вернусь очень скоро…

Да, надо еще сделать из доски и веревок сиденье…

А почему с этой Птицей не вернулся Юлька? Если он выкормил ее, она должна его любить и слушаться. Уж не случилось ли что-нибудь с Юлькой?

А может быть, Птица слушает лишь того, у кого есть Ключ? Или просто еще не настало время для возвращения?

Как они там, в Синей долине? Удалось ли найти порох? Знают ли, что Ящер издох? Добрался ли до ребят Юлька?

А может быть, там уже не один синий фламинго? Может быть, молодая Птица отыскала в лесу друзей? И тогда… Может быть, однажды над городом пронесется стая синих птиц и отчаянные мальчишки начнут прыгать на крыши и завяжут последний бой?

Когда-то должно прийти время для такого боя. Кто-то должен дать сигнал. Может быть, для сигнала нужен Ключ?

Это будет стремительный синий десант.

Синий десант…

Эти слова запали мне в голову и повторяются сами собой.

Синий десант. Синий десант…

Я пришел к Толику и неловко сказал:

— Помнишь тот кинжал?.. Можешь сделать

такой же?

Он, конечно, спросил:

— Зачем?

— Ну… так… — Я опустил глаза. Не мог я позволить, чтобы он рисковал вместе со мной.

Толик больше ничего не говорил и к вечеру выстругал мне кинжал с фигурной рукояткой. Он отдал мне его и тут же протянул палку и ножик.

— Ты тоже выстругай. Мне.

— Я же не умею.

— Неважно. Как получится. Лишь бы рукоятка да клинок.

Он смотрел серьезно, даже сумрачно, и я почувствовал, что чем-то обидел его. Или чуть-чуть не обидел. Торопливо и старательно я начал терзать ножом палку, и через полчаса получилось что-то похожее на мешалку для краски, только с острым концом.

— Вот… — пробормотал я.

Мы сидели на лавочке позади Толькиного дома, у кирпичной стены. Было тепло и очень тихо. Толик покачал на ладони сделанный мною кинжал, развернулся и с размаха ударил им в стену.

Деревянный клинок вошел в кирпичи, как в масло.

— Годится, — сказал Толик и посмотрел на ме-

ня без улыбки, но и без обиды. — Когда летим? Завтра?

ЭПИЛОГ

Вот и все.

Если рассказывать дальше, будет свистящая карусель из ветра, свиста крыльев и яростных криков десанта…

Да и что рассказывать, если все равно я не знаю конца. Не знаю, как живет нынче остров Двид. Помню только, что в тот день дети стали смеяться смелее, а многие взрослые помолодели…

Мне уже никогда не попасть на остров, где ржавеют обломки Ящера, где похоронен Дуг и где светловолосая девочка со спокойными глазами промывала мои ссадины и раны. Ключ я привязал к ноге самого большого синего фламинго, когда мы прощались с птицами на берегу ночного озера. Да и не помог бы сейчас ключ: я вырос, и Птице не унести меня через море. А другого пути я не знаю.

Где он, этот остров Двид? За какими далями? А может быть, не только за далями, но и за временем?

Многое осталось непонятным. Почему из нашего озера лодка вышла в море? Почему, когда над озером светила круглая луна, в небе острова

висел над закатом узкий месяц? Да еще вниз рогами — теневой стороной к солнцу!

И еще одно… Читая фантастические истории, как люди попадали в разные загадочные королевства, я удивлялся: страна незнакомая, а герой всех понимает. Разве там говорят по-русски? Вот так же неясно и с островом Двид. По-нашему говорили его жители? Или я, попав туда, начал сразу понимать их язык? Может быть, на острове такой закон природы?

Скорее всего, так. Потому что даже сейчас, через двенадцать лет, когда мы встречаемся с Толиком, он приветствует меня:

— Салидо, амиа флета! Кэ виа дельтас? Ноа тен монтас каливас?

Это совсем не похоже на испанский язык, который мы с ним учили в институте, но я понимаю: «Приветствую тебя, о мой летающий друг! Как поживает твой дельтаплан? Вы еще не грохнулись на склоне Лысой горы?»

И еще я помню клич Юльки, когда он, выпустив ноги Птицы, прыгает на купол дворца. Прыгает, сшибает ногой драконье знамя и кричит вниз обалделым стражникам:

— Бросай оружие, вы, болваны! А то мы вам покажем «равновесие»…

На том языке это звучало короче и резче…

Впрочем, неважно. Гораздо крепче мне запомнился другой Юлькин крик. Врезался навечно. Это когда Юлька, оставив нас, бежит по улице Красных Летчиков к своему дому:

— Мама! Мамочка! Мама-а! Я пришел!..

1979 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КЛИПЕРА «КРЕЧЕТ»

Повесть

Часть I
ДОЖДЬ В ПРИМОРСКОМ ГОРОДЕ

1

Корабельный гном Гоша проснулся от шума. От плеска и визга. Словно снаружи, за бортами, разгулялось море, хлещет в пробоину вода и перепуганно визжат в трюме судовые крысы.

Но качки не ощущалось. Никакой. Гоша открыл глаза и вздохнул. Над головой был потолок с облупившейся штукатуркой. Пасмурно светилась застекленная дверца балкона. За стеклом, исхлестанным струями дождя, проносились тени. Гоша знал, что это летят низкие штормовые облака, похожие на клочья пакли, которой конопатят щели в корабельной обшивке.

Дверца дрожала от ударов ветра, стекло дзенькало, дождь плескался на балконе. Флюгер будто взбесился. Его ржавый визг был слышен не только в башенке, но, наверно, на всех трех этажах старинного здания библиотеки. А может быть, и в подвальном книгохранилище, где жил библиотечный гном Рептилий.

«Не снесло бы мою квартиру…» — лениво поду-

мал Гоша. Зевнул и потянулся.

…В башенке, на библиотеке, Гоша поселился весной. Неожиданно для самого себя. До этого он много лет обитал в трюме шхуны «Кефаль». Шхуна была одряхлевшая, списанная. Около четверти века она стояла в Мелкой гавани, у дальнего причала, рядом со складом корабельных фонарей и канатов.

Портовое начальство не знало, что с «Кефалью» делать. Деревянную шхуну на металл не разрежешь. Ломать на дрова? Работы много, а кому нужны гнилые обломки?

Но вот появились на шхуне плотники. Ломать и разбирать «Кефаль» они не стали. Наоборот, начали приводить ее в порядок. Поставили новый двойной штурвал, украсили корму накладным узором, укрепили на верхней палубе точеные перильца.

Снова в плавание? Гоша засомневался. Чтобы выяснить обстановку, он выбрался на берег и навестил сторожа Никодимыча, который всегда все знал.

— Так что меняй квартиру, Гоша, — сказал Никодимыч. — «Кефаль» твою в кино снимать готовят. Отведут ее в Песчаную бухту, и будет она там изображать пиратское судно в абордажном

бою. По всем правилам. А в конце картины загорится она и взорвется на воздух… Такая наша жизнь морская-отставная…

Гоша обиженно заковылял в Отдел корабельных гномов, который помещался в подвале Главной Пароходной Конторы. Там Гоше предложили на выбор несколько мест: буксирный катер «Норд-ост», рейдовый танкер «Отважный» и даже большой рудовоз «Калуга», который ходил за границу.

Гоша отказался. Он привык жить на парусниках и не любил запаха нефти и железа. Гоше объяснили, что парусных судов сейчас мало, да и те почти все железные. Из деревянных осталась только баркентина «Омар», но там, конечно, место занято.

Гоша сердито засопел: мало того, что его чуть не поджарили на «Кефали», так еще и волокиту устраивают! Тогда Гоше вежливо намекнули, что возраст у него преклонный. Может, пора оформить пенсию и начать береговую жизнь?

Ну что же! Раз он никому не нужен — пожалуйста! С пенсионным удостоверением Гоша отправился в сухопутную контору «Домгном» (в котельной на углу Таганрогской и Якорной). Моложавая гномиха с подкрашенными губами

и веками стала недовольно листать пыльные конторские книги, чтобы подыскать новому пенсионеру береговое жилье. Ничего подходящего не было. В старые котельные Гоша не хотел, боялся, что в них пахнет ржавыми трубами и угольной пылью. В подвал под кирпичным кинотеатром «Парус» он тоже не пошел: туда наверняка просачивалась вода, а от пресной влаги у корабельных гномов бывает жестокий ревматизм. Гномиха сказала:

— Вам не угодишь! Что же мне, на крыше вас поселить?

— Почему бы и нет? — раздраженно отозвался Гоша.

— Вы что, серьезно? Вы же не чердачный гном!

— Это уж мое дело, — хмуро сказал Гоша.

Гномиха пожала плечами. Она не знала, что у Гоши возвышенная душа. А он еще в давние времена любил простор и звезды. По ночам в открытом океане Гоша украдкой от вахтенных забирался на верхнюю площадку мачты — салинг — и смотрел на созвездия. Они медленно качались над клотиком. А парусник мчался среди темных шипучих волн. Далеко внизу смутно светились пенные гребешки, а за кормой — как отражение Млечного Пути — вспыхивал фосфо-

ром бурунный след…

Давно это было… Но это было! Сохранилось в Гошиной душе. И теперь он решил: уж коли стал береговым жителем, то почему бы не поселиться поближе к облакам и звездам?

Гоша получил ордер на новую жилплощадь, но в город сразу не пошел. Он робел. Гномы по своей натуре большие нелюдимы. Гоша знал, что на него будут оглядываться, и заранее ужасно стеснялся. Глухими переулками он опять побрел к Мелкой гавани.

— Надо же попрощаться со старыми местами, — пробормотал он, чтобы оправдаться перед самим собой.

«Кефали» у пирса уже не было. Гоша присел на свой матросский сундучок, в котором таскал нехитрые пожитки. В заброшенной гавани стояла тишина, по опустевшему причалу прыгали деловитые воробьи. На глухой воде плавали апельсиновые корки и обрывки газет. Припекало майское солнышко. Гоша подпер могучими ладонями растрепанную бороду и пробормотал:

На берегу затихшей бухты
Сидишь ты, дом свой потеряв…

Гоша любил сочинять стихи. В хорошие мину-

ты стихи прибавляли ему радости, а в грустные — утешали. Сейчас была, безусловно, грустная минута.

Нельзя сказать, что Гоша очень печалился о «Кефали», были в его жизни корабли в тысячу раз лучше. А эта шхуна, гнилая и лишенная парусов, столько времени торчала на одном месте, у расшатанного причала! Но все же здесь Гоша был при деле: следил, чтобы не очень дырявилась обшивка, чтобы не набиралась в трюм вода, с крысами воевал. А теперь он кто? Сухопутный пенсионер…

— Уже не выйдешь ты в моря… — пробормотал Гоша новую стихотворную строчку. Он и так давным-давно не ходил в моря, но строчка показалась ему удачной. Она годилась для конца четверостишия. Однако необходимо было придумать еще одну — с рифмой для слова «бухты».

На этой рифме Гоша застрял. Он дергал бороду, колотил себя мясистой ладонью по загривку (так, что вязаный колпачок съехал на нос), однако ничего подходящего выколотить не мог.

Наконец он решил передохнуть и огляделся.

И очень смутился.

Потому что в пяти шагах стоял незнакомый человек.

Гоша растерялся и съежился на сундучке. Но спрятаться было негде. Тогда Гоша решил рассердиться на себя: почему он должен прятаться? Это его, можно сказать, родная гавань, он столько лет здесь прожил!

Да и человек был, кажется, безобидный. Ростом чуть побольше Гоши.

Гоша знал, что люди не сразу становятся большими, они растут постепенно. И этот неожиданный гость был явно человечий детеныш. Из тех, кого называют мальчиками. Гоша видел таких и раньше. Иногда они пробирались на «Кефаль», бегали по палубе и даже лазили на мачты. Гоша следил за ними сквозь щели в палубных досках. Опасливо, но с любопытством. И бывал даже раздосадован, когда Никодимыч кричал из дверей склада:

— Опять вы тута! Я вот отрежу от каната линек да энтим линьком вас! А ну брысь, штрафная команда!

Гоша не понимал, зачем их прогонять. Они были немного шумные, но забавные и ловкие. Интересно смотреть. Правда, иногда Гоша боялся: не случилось бы чего с человечьими малышами. Очень уж они беззащитные какие-то — щуплые, с тонкими шеями, совсем непохожие на матро-

сов и боцманов, с которыми Гоша был когда-то знаком…

Неожиданный гость казался похожим на всех других мальчиков. Было у него только одно отличие: на лице перед глазами блестели круглые стекла (причем одно треснувшее). Гоша знал, что это такое: некоторые гномы к старости обзаводились очками. Но на мальчике очки Гоша видел впервые.

Светло-коричневые мальчишкины глаза смотрели через стекла удивленно и вопросительно.

— Дяденька! — сказал мальчик звонким, как у всех невыросших людей, голосом. — Вы не знаете, куда подевалась шхуна «Кефаль»?

Гоша заерзал от смущения. Не привык он разговаривать с людьми. Даже с моряками на кораблях, где он раньше жил, Гоша беседовал редко. А в последние годы он лишь изредка обменивался парой слов с Никодимычем.

Но мальчик ждал ответа, не уходил. Гоша еще поерзал и сипло сказал:

— Это самое… увели ее. Для кино… Чтобы сгорела.

Потом он вздохнул, не столько жалея «Кефаль», сколько радуясь, что кончил длинную речь.

Мальчик тоже вздохнул:

— Жалко… Она так хорошо в воде отражалась, я хотел сфотографировать.

На плече у мальчика висел на тонком ремешке кожаный футляр. Мальчик вдруг шагнул поближе, посмотрел внимательно. Гоша стеснительно засопел круглым и пористым, как апельсин, носом. Потупился. Мальчик сочувственно спросил:

— А вы с этой шхуны, да?

— Угу, — выдавил Гоша и зашевелил пальцами на громадных босых ступнях. Мальчик сказал уважительно:

— Значит, вы старый моряк с парусного судна. Правда?

Гномы не любят врать. А молчать было невежливо. И Гоша выдавил еще одну длинную фразу:

— В некотором смысле… Это самое… Я корабельный гном.

— Уй-я! — радостно сказал мальчик. Очки его, перемотанные синей изолентой, перекосились. В глазах за стеклами засияли восторг и праздничное удивление. И не было ни капельки недоверия.

Теперь пора объяснить, кто же такие корабельные гномы.

Про обычных гномов знают все. О них написаны сказки и даже есть кино. Эти гномы обитают

в лесах и пещерах, они ведают подземными чудесами. Многие слышали про домашних гномов. Их называют попросту домовыми. Домовые живут в старых избах и зданиях, следят за уютом, дружат с мышами, иногда заводят вместо забывчивых хозяев часы, кормят в аквариумах рыбок и в клетках щеглов и канареек. Порой они любят попугать жильцов, но делают это шутя, потому что характеры у них добродушные.

Бывают и другие гномы: мельничные, вагонные, водопроводные (на старых водокачках) и даже стадионные — они водятся под трибунами.

Но нас интересуют корабельные гномы.

Их племя появилось, как только люди стали строить корабли. Эти гномы селились в трюмах. Они следили, чтобы в кораблях не было гнили и течи, чтобы крысы не портили грузы, чтобы не случилось внутри судна пожара. Очень часто гномы спасали корабли от неминуемой гибели, когда люди и не догадывались об опасности.

Но постепенно парусники и уютные колесные пароходы исчезли с морей. На новых лайнерах, танкерах и сухогрузах гномы приживались с трудом. Там, среди всякой техники, электроники и сигнальных систем, нечего им было делать. Кое-кто, правда, приспособился, но большинство

осело на берегу. А некоторые доживали век на последних парусниках и стареньких портовых буксирах.

Несколько лет назад в журнале «Морская жизнь» была напечатана статья «История корабельных гномов — легенды и действительность». Судя по всему, автор статьи сам был корабельным гномом. Довольно образованным. Но точно это не известно: вместо подписи стояли буквы А. А.

Статья вызвала большой интерес, ее перепечатали в нескольких газетах, в том числе и в «Вечерних Приморских новостях». Однако вскоре в газете «Наука и быт» появилась другая статья. Житель Приморского города профессор Чайнозаварский утверждал, что ни корабельных, ни других гномов на свете быть не может, потому что так не бывает. Это во-первых. Во-вторых, их не может быть потому, что про них никогда не упоминалось в его, профессора Чайнозаварского, книгах. В-третьих, если бы гномы и были, их следовало бы немедленно запретить, потому что они противоречат школьным программам по природоведению и физике.

Гномов, конечно, не запретили. Но пенсию после этой статьи на всякий случай убавили, а контору «Гномдом» перевели из просторного

подвала в старую котельную…

Но мальчик наверняка не читал статью профессора Чайнозаварского. Поэтому он поверил Гоше немедленно. И обрадовался:

— Как замечательно…

Сияя глазами, он обошел вокруг Гоши. Потом, кажется, понял, что это невежливо, и торопливо сказал:

— Ой, простите, пожалуйста…

— Ничего, ничего, — пробормотал Гоша. — Вы мне совсем не мешаете. — Он уже не так сильно стеснялся.

— А можно я вас сниму?

— Откуда? — испугался Гоша.

— Да ниоткуда! Просто сфотографирую аппаратом.

— Я… это самое… не знаю. — Гошу никогда раньше не снимали аппаратом. — А что со мной будет?

— Да ничего! Сидите как сидели, я быстро.

Он откинул на коричневом футляре крышку, нацелился на Гошу выпуклым, словно у подзорной трубы, стеклом. Щелкнул кнопкой. Весело объяснил:

— Мне этот аппарат вчера подарили, в день рождения. «Зенит-3М». Мне вчера десять лет как

раз было… А вам сколько лет?

— А… это самое… По одним документам триста четырнадцать, а по другим триста шестнадцать…

— Уй-я! — опять обрадовался мальчик. — Тогда я вас еще раз сниму, ладно?

— Если вам нравится…

— Конечно, нравится! Я хочу альбом с морскими снимками сделать… Ой, а пленка-то кончилась! Я сейчас перезаряжу.

Мальчик сел спиной к Гоше, свесил с пирса ноги, положил на колени аппарат. Что-то начал делать с ним, быстро двигая поцарапанными локтями. Он был в тельняшке с подвернутыми рукавами, такой же, как у Гоши, — полинялой и заштопанной. Только у Гоши она широченная и до пят, а у мальчика — тесная и коротенькая: сзади выбилась из-под ремешка и видно тощенькую спину с острым бугорком позвонка.

Гоша вздохнул: какие они все-таки хрупкие, эти еще не выросшие человеки…

Голова у мальчика была пушистая, как осенняя маковка белоцвета с летучими семенами. И на тоненькой шее тоже был пух — как на птенце чайки.

Мальчик весело оглянулся на Гошу. Гоша сму-

щенно закашлялся. Но… мальчик был славный и теперь уже немножко знакомый, и Гоша так осмелел, что подумал: «А может, попросить его о помощи?» Помощь была нужна. Иначе незаконченные стихи не дадут покоя, Гоша знал это по долгому опыту.

— Это самое… Я хочу спросить… — начал Гоша и опять зашевелил пальцами на ступнях. — Не знаете ли вы случайно рифму к слову «бухты»?

— Ух ты! — весело сказал мальчик.

— Что? Простите…

— Рифма такая. «Бухты — ух ты!»

— А… да… — Гоша взволнованно поднялся и зашлепал вокруг сундучка, вцепившись в клочковатую бороду. — Да… но… Видите ли, стихи у меня сочиняются печальные, а эта рифма… Она, понимаете ли, слишком такая… бодрая. Извините…

Мальчик отложил аппарат, вскинул ноги и повернулся к Гоше, крутнувшись на месте. Помолчал, потерся подбородком о коленку и сказал виновато:

— Не знаю тогда… Какая-то чепуха в голову лезет. «Лопух ты… петух ты…»

— В самом деле… Хотя… — Гоша сунул в рот левый мизинец и начал его сосредоточенно обса-

сывать. — Минуточку… А если…

На берегу затихшей бухты
Сидишь ты, дом свой потеряв.
Не пыжься, как младой петух, ты:
Тебе не выйти уж в моря…

Гоша сообразил, что прочитал стихи вслух. Это с ним произошло впервые в жизни. Гоша испуганно посмотрел на мальчика.

— Ничего. Складно получилось, — сказал мальчик. — Только вот это слово «младой»… Какое-то старинное.

— Д-да? — отозвался Гоша и замигал длинными, как растопыренные пальцы, ресницами. — Но… мне кажется, это делает стихи более поэтичными… Нет?

— Может быть, — поспешно согласился мальчик. Он, видимо, понял, что Гоша болезненно воспринимает критику. И сменил разговор: — А вы, значит, по правде остались без жилья? Как же теперь быть?

— Да вот… дали какую-то бумажку с адресом… — Гоша, кряхтя, вытащил из сундучка ордер. Мальчик вытянул к ордеру тоненькую шею.

— Ой, да это же на библиотеке, я знаю!.. Хотите,

я вас провожу? Только еще один снимок сделаю, ладно?

Сейчас тот майский снимок висел у Гоши над столом. Рядом с потертой штурманской картой Средиземного моря, под старыми корабельными часами (часы не шли, но придавали комнате в башне морской вид). Гоша с удовольствием посмотрел на свой портрет и с неудовольствием в окошко. Потом плюхнулся с койки на пол и стал делать зарядку.

Наклон вперед, приседание, руки над головой. Еще выше! От усердия Гошины ладони поднимались почти к потолку. Такое у гномов свойство: руки у них длиннющие, свисают почти до пола, а при желании можно их вытянуть еще вдвое.

С ногами у гномов обстоит хуже. Туловище Гоши напоминало метровый обрубок мачты, к нижней части которого были пришлепнуты большущие ступни, вот и все. С людской точки зрения, Гоша выглядел, мягко говоря, странно. Однако среди гномов он считался в молодости симпатичным. Да и сейчас был недурен. Глаза у него остались молодыми. А точнее, даже младенческими — чистыми и добрыми. Правда, кое-кто мог бы их сравнить с глазами теленка, но что из того? Приглядитесь, и вы увидите, какие краси-

вые бывают у телят глаза…

Гоша еще раз посмотрел на свою фотографию, намотал на себя кусок полиэтиленовой пленки и выбрался на балкон. Бр-р-р, эта пресная вода! Дождь хлестал по балкону, по соседним крышам, по всему городу. По каменным плитам тротуаров, по асфальту дороги неслись ручьи. В них, как лодочки, мчались сорванные с веток листья. Ветер гнул акации и платаны и мешал прохожим: одних слишком торопил, другим не давал идти. Задирал на них блестящие разноцветные плащи, вырывал зонтики…

Из-за угла показался большой красно-желтый зонт. Будто ветер унес из ближнего сквера клумбу и тащил ее вдоль улицы. Кто-то не давал тащить клумбу, упирался. Сверху видны были только загорелые ноги в синих носочках и раскисших сандалетах. Дождь косо лупил по ногам, и они блестели, будто покрытые свежим мебельным лаком.

Гоша перегнулся через перила (дождь звонко захлестал по пленке). Зонт был незнакомый, сандалеты — не разберешь какие. Но было что-то знакомое в том, как они упирались, как упрямо цеплялись за щели в каменных плитах.

— Эй, Владик!

2

У четвероклассника Владика Арешкина было прекрасное настроение. По шаткой деревянной лесенке внутри дома (не по парадной, конечно, а по запасной) Владик весело допрыгал до башенки. Свернутый зонт он отряхнул еще внизу — помнил, что Гоша не любит пресную воду (даже умывается соленой, специально разбалтывает соль в ведерке).

Когда Владик показался в дверях, Гоша заохал:

— Это что же делается! Кто это отпускает ребенка совсем раздетого по такой погоде! Ты же схватишь ревматизм и пневмонию! Осень на дворе!

Владик снисходительно улыбнулся. У южного моря осени в сентябре не бывает. Юго-западные ветры не приносят холодов. Они бывают плотные, сильные и хлещут, будто мокрыми полотенцами. Но вода, в которую обмакнули эти полотенца, вовсе не холодная. Ветер такой, будто распахнули дверь из ванной комнаты. И струи дождя совсем теплые — недаром на пустырях выбираются под эти струи серые маленькие лягушки (они живут на суше под прохладными пористыми камнями)…

Все это Владик и объяснил Гоше.

Но Гоша ворчливо сказал:

— Ты же не пресноводная лягушка. Для мальчика вредно столько несоленой сырости.

— У меня зонт!

— Зонт! А рубашка вся мокрая. А ноги-то… Ай-яй-яй!

Гоша единым махом усадил Владика на постель. Сдернул с него сандалии и носки, жарко дыхнул ему на ноги — будто открыли газовую духовку. Потом стал отогревать Владькины ступни в ладонях — громадных и мягких.

Владик хихикал от щекотки, но не спорил. Он протирал подолом рубашки очки.

Гоша накинул Владику на ноги край колючего флотского одеяла, включил на тумбочке электроплитку, пристроил над ней в сушилке для посуды его носки и сандалетки.

— Все равно не успеют высохнуть, — сказал Владик. — Мне скоро в школу.

— До школы еще целый час… Ты почему так рано из дому отправился?

— Как почему? Чтобы к тебе забежать. Я же знал, что флюгер тебя рано разбудит.

Гоша вздохнул и поднял глаза к потолку.

— Чертова скрипучка… Сколько раз писал заяв-

ления домоуправу, чтобы смазал, а он отвечает: масла нет и лезть на верхотуру некому… Бюрократ сухопутный.

— Гоша… А у меня в газете снимок напечатали, — тихо сказал Владик.

— Что-о?

— Правда! — Владик прыгнул с койки, достал из сумки и развернул перед Гошиным носом «Пионерскую правду».

Снимок назывался «Опять не взяли». На нем были мальчик-дошкольник и лопоухий щенок. Они сидели на бетонном пирсе, прижимаясь друг другу. Видно было их со спины, но всякий мог понять, что и малышу, и щенку очень грустно. А от берега уходила парусная шлюпка с мальчишками.

Гоша смотрел на снимок долго и внимательно.

— Да-а… — наконец сказал он. — Художественная фотография. Такая… чувствительная. Ты молодец. Ты теперь знаменитость на всю страну…

— Ну что ты, Гоша… — пробормотал Владик, и уши у него потеплели от удовольствия.

— Конечно… А я вот посылаю, посылаю свои стихи в журналы, а никто не печатает. Отвечают, что надо еще учиться и больше читать известных

поэтов. А я, между прочим, уже сто семьдесят лет стихи сочиняю…

— Хорошие у тебя стихи, — утешил Владик. — А там, в журналах, сидят, наверно, бюрократы вроде здешнего домоуправа.

— Да нет, я сам виноват, — горестно сказал Гоша и дернул себя за бороду.

— Ты, главное, не унывай, ты работай. Вот напишешь поэму о «Кречете», ее-то уж обязательно напечатают.

— Да, «Кречет» — моя последняя надежда, — оживился Гоша. — Я стараюсь… А если не получится?

— У тебя получится, — бодро перебил Владик. — Вон как у тебя здорово:

…И южные звезды пылали, как свечи.
И дул равномерный пассат.
Летел по волнам замечательный «Кречет»,
Расправивши все паруса!

— Да, это у меня ничего, — скромно согласился Гоша и слегка порозовел. И взволнованно зашлепал из угла в угол. — А вчера я еще придумал. Послушай…

На старости лет мне утешиться нечем:

Живу я на твердой земле…

Но только я вспомню свой клипер, свой «Кречет»,

И сразу же жить веселей…

Ну как, а?

— Вроде неплохо, — сказал Владик. — По-моему, удачно получилось. Только…

— Что? — ревниво спросил Гоша.

— Вот это… «Сразу ж-же ж-жить…» Слишком много жужжанья в строчке.

— А? Ну, это я переделаю, это пустяки… Владик… Ты придумал бы мне еще парочку рифм для «Кречета», а? Я уже все израсходовал. Понимаешь, мне надо для последних строчек. Такое что-то неожиданное и… прочувствованное. И чтобы смысл… Ну, ты понимаешь…

Владик вздохнул украдкой и сказал:

— Ладно, постараюсь. — Он опять устроился на Гошиной койке.

Гоша почтительно притих. Ветер и дождь шумели за окном, флюгер все визжал. Минуты шли. Рифма не придумывалась. На старинный корабельный фонарь, висевший рядом с балконной

дверцей, села муха. Владик отклеил от колена квадратик размокшего пластыря, скатал в шарик, бросил в муху. Она перелетела на обшарпанный штурвал, который стоял в углу. Потом села на спасательный круг с надписью: «ПБ-29».

Следя за мухой, Владик оглядел всю Гошину комнату. Она ему очень нравилась. Гоша с помощью Никодимыча набрал в старой гавани и притащил сюда много корабельного имущества. Комната была похожа то ли на каюту, то ли на крошечный морской музей.

В эту комнатку Владик прибегал очень часто. С Гошей было интересно. Особенно по вечерам, когда на плитке булькал чайник, за окошком висел уютный месяц, а Гоша рассказывал про плавания и приключения.

Больше всего он рассказывал про трехмачтовый клипер «Кречет», на котором дважды ходил в кругосветное плавание. Это было учебное судно, на нем курсанты проходили долгую практику. Курсанты назывались «гардемарины». А командовал клипером «Флота Капитан Аполлон Филиппович Гущин-Безбородько».

— Мы с ним… это самое… друзья были, — вздыхал Гоша. — Помер он, потом уже, на пенсии, когда «Кречет» на дрова разобрали по старости…

Я и до «Кречета», и после него на всяких парусниках жил, но лучше клипера ничего не было…

Кроме разговоров о кораблях Гоша любил шахматы. Любить-то любил, но играл так себе, хуже Владика. Проигрыши Гоша переживал в суровом и мужественном молчании. Владик жалел его, поэтому иногда поддавался. И Гоша очень радовался…

Владик не знал, что Гоша радуется не шахматным победам. Гоша замечал, что Владик ему поддается, и радовался именно этому: так прекрасно, когда у тебя добрый и великодушный друг.

Кроме Владика, друзей у Гоши не было. Правда, иногда заходил на чаек библиотечный гном Рептилий Казимирович, но ни дружбы, ни просто приятельских отношений у них не получилось. Очень уж разные они были гномы. Гоша робел перед образованным Рептилием и ни разу не решился прочитать ему свои стихи.

А Владика Гоша не стеснялся. Тем более что Владик его стихи всегда хвалил, а если и делал замечания, то очень осторожно.

В общем, Владик был замечательный. Гошина отрада. Оттого, что Владик есть, в Гоше сидело счастье — постоянное, как магнитное поле в

судовом компасе. Но к этому счастью иногда примешивался страх: не случилось бы чего-нибудь. Очень уж хрупкий, беззащитный какой-то этот человечий ребенок.

При таких мыслях Гоша нервно открывал табакерку и нюхал ядовитый табак — смесь тертого манильского троса и листьев южноазиатской травы, которая называется «папоротник ада».

…Сейчас Гоша опять поглядывал на Владика с тревогой. Сидит такое существо: голова — одуванчик с очками, шея — как у птенца, а весу в нем — как в летучей рыбке. Много ли такому надо, чтобы заболеть от пресной воды?

Гоша покачал колпачком с кисточкой и взял с полки табакерку. Владик знал, что табакерка выточена из куска бимса — палубной балки от «Кречета». Гоша насыпал на сустав указательного пальца щепотку желтой пыли и втянул ее поочередно обеими ноздрями. Потом начал краснеть и раздуваться.

Владик зажмурился и заткнул уши. От Гошиного чиха всегда выгибались наружу стены башенки, а флюгер начинал вертеться и визжать даже при полном штиле…

— А-а-а… а-апчхи-бум-трах!!

Воздушной волной Владика передвинуло на

койке. Сушилка с сандалетами улетела к двери. Сломанные часы задребезжали и целую минуту тикали, как новые.

— Ну вот, все рифмы из головы совсем повылетали, — со скрытым облегчением сказал Владик. — Теперь ничего не получится. Не раньше чем к вечеру что-нибудь придумаю…

— Ну, можно и к вечеру, — согласился Гоша. — Только, Владик… ты это самое… когда придумаешь, другим не говори, ладно? А то поэты всякие бывают, услышат и сунут мою рифму в свои стихи. А я опять ни с чем…

— Ни единому человеку не скажу, — пообещал Владик.

Гоша снова посмотрел на него как на летучую рыбку. И улыбнулся:

— Ну, почему ни единому. Надежному-то можно. Если он… это самое… скажем, твой хороший друг. — Гоша был не ревнив. Он понимал, что кроме него у Владика могут быть друзья.

Владик вздохнул:

— А у меня таких хороших, как ты, больше нет.

— Да ну уж, — пробормотал Гоша и начал внутри таять, как медуза на солнышке. — Как это нет? А ребята?

— Ребята… — печально сказал Владик. — С

Витькой я за партой за одной целых два года сидел, а недавно он меня предал.

— Как это? — ахнул Гоша.

— Я с физкультуры сбежал, пошел на берег дырчатый камень «куриный бог» поискать да на крабов посмотреть. А этот… бывший друг… потом на классном часе взял да про меня выступил. Я, говорит, не хочу, чтоб Арешкин стал прогульщиком, и обязан принципиально сказать всю правду, потому что это и есть настоящая дружба… Я теперь со Светкой Матюхиной сижу.

— Ай-яй-яй, — сказал Гоша и дернул бороду. — Как это грустно. Я тебя понимаю.

— Хорошо, что понимаешь! — обрадовался Владик. — А то даже мама не понимает. Говорит, что этот Витька принципиальный, а я ужасно несерьезный.

— Но ты же очень серьезный!

— Не знаю… Мама считает, что нет. В кружок рисования ходить не стал, в музыкальной школе год проучился — бросил… Мама говорит: «Я тебе все прощу, но музыкальную школу — никогда».

— Ай-яй-яй… Но ведь простила?

— Не совсем… И аппарат не хотела дарить. Сказала папе: «Он и это дело через неделю забросит».

— Но ведь ты не забросил!

— А мама не верила, пока снимок в газете не увидела… Хорошо, что напечатали. И даже фамилию в подписи не перепутали. А то многие думают, что «Орешкин», с буквой О… Ой, Гоша, я побегу, в школу пора!

— Бр-р… Опять под эту пресную воду.

Владик засмеялся:

— А мне нравится.

3

Конечно, как все люди, Владик любил солнечную погоду. Но такие вот шумные дожди (если они нечасто) он тоже любил.

Прилетающий со штормом дождь промывает город. Улицы делаются гулкими, просторными и блестящими. Пасмурное небо только на первый взгляд серое и скучное, а на самом деле у клочковатых облаков разные краски: то пепельные, то синеватые, то с желтоватым проблеском далекого солнца. То бархатисто-лиловые. И мчатся, мчатся эти облака, смешиваются…

Вода струится по тротуарам и ступеням лестниц. Ступени и тротуары из крупной, смешанной с цементом гальки. Ливень смыл с нее серую пыль и как бы заново отшлифовал камешки. Они

снова стали разноцветными — как на морском берегу, который заливает волна. Зеленоватые с прожилками, светло-серые, коричневые с пятнышками. А больше всего розовых. Поэтому у ступеней и тротуаров розоватый цвет.

Деревья сверкают чистым зеленым блеском и отражаются в мокрых тротуарных плитах. Белые дома и синие вывески тоже отражаются. И разноцветные плащи прохожих.

Людей на улицах не много. Всяких курортников и отдыхающих, которые ловят у моря бархатный сезон, дождь загнал под крышу. Идут по улицам лишь те, кто по делу. Торопятся на Морской завод рабочие, шагают в порт моряки в черных накидках. Храбро спешат бабушки в блестящих полиэтиленовых капюшонах — им, бабушкам, хоть какая погода, а надо на рынок и в магазины, чтобы в обед накормить внуков.

Бегут и школьники. Кое-кого дома «запечатали» в плотную осеннюю одежду. На таких бедняг Владик смотрит с усмешкой: замучаются от духоты. Но многие, как и он, налегке, с зонтами или накидками. Вон несколько удалых второклассников растянули над собой квадрат красной пленки и топают по лужам — четко, как на параде. Ветер, конечно, рвет из рук пленку, но они держат

крепко.

Один второклассник, Андрюшка Лопушков, был знакомый, из Владькиного двора. Он крикнул:

— Владик, привет! Ух какой у тебя зонтик! Тебя унесет!

— Не! — откликнулся Владик.

Но тут же чуть не полетел с ног. Ветер поднажал крепче прежнего и дернул зонт с такой упругой силой, что взметнул его вместе с хозяином на полметра. И потянул вдоль каменного забора.

— Тпр-ру! — закричал Владик, будто лошади. — Куда понесло!

Чтобы справиться с зонтом, он свернул в узкий переулок. Ветер свистел над крышами и заборами, но сюда, в переулок, не залетал.

Здесь стоял звонкий, переливчатый шум. Это лилась из водосточных труб вода, от нее разлетались из луж веселые брызги. Владик пригляделся, а потом присел у одной из луж на корточки. Так и есть! Там, на сверкающей гальке, среди летящих капель и струй, приплясывали крошечные стеклянные музыканты.

Они были ростом с Владькин мизинец…

Многие ничего не знают про стеклянных музыкантов. Потому что не приглядываются к дождю

и не слушают его. Но прислушайтесь однажды. У дождей есть своя музыка. Присмотритесь. Может быть, вам повезет и вы заметите среди струй маленьких прозрачных человечков с флейтами, скрипками и барабанами. Это они не дают дождю сделаться грустным и монотонным…

— Эй, Тилька! — Владик протянул руку.

Крошечный хрустальный барабанщик с головой-капелькой прыгнул ему на ладонь. На плече у барабанщика блестела серебряная искорка. По ней Владик и узнавал всегда Тильку.

…Они познакомились в июле, когда Владик разбил новые очки.

Чаще всего мальчишки разбивают колени, локти и нос. Но если на носу сидят очки, то при авариях прежде всего страдают они.

Кое-кто считает, что мальчики в очках — это обязательно примерные отличники, утеха родителей и радость учителей. По крайней мере, именно так утверждал в одной педагогической статье профессор Чайнозаварский. Он даже предлагал сделать очки частью школьной формы — тогда, мол, сразу будут решены все проблемы с дисциплиной и успеваемостью. Но жизнь доказывает, что все гораздо сложнее. Мальчики в очках, так же как и другие, любят скакать, возиться на

переменах, играть в индейцев и мушкетеров. Они лазят по деревьям и даже иногда дерутся (и бывают случаи, что при этом колотят мальчиков без очков).

Владик не был отчаянным и задиристым. Но он был мальчиком. И, кроме того, он жил в Приморском городе, где на берегах много скал и крутых тропинок. К середине лета у Владика пострадали уже две пары очков. Пришлось заказать третью.

Эти очки разбились при игре в футбол. Точнее говоря, Владик увидел, что разбилось одно стекло, а второе оказалось залепленным грязью. Играли-то сразу после дождика, от которого раскисла площадка. Чтобы промыть стекло, Владик побрел к водосточной трубе, нагнулся над лужицей. И услыхал:

— Что? Динь-дон — и на осколочки?

Владик торопливо прочистил уцелевшее стекло, глянул сквозь него. На половинке кирпича, свесив ножки, сидел прозрачный человечек.

Сперва Владик решил, что это от крепкого удара мячом по голове. Поморгал. Нет, человечек был вот он. Маленький и стеклянный. И голосок у него был стеклянный, как звон крошечных сосулек. Человечек встал, поправил на боку хрустальный барабанчик и деловито прозвенел:

— Беги на Таганрогскую улицу, дом пять. В мастерскую, к стекольному мастеру, скорее! Он тебе очки вмиг починит.

— Ты кто? — изумленно выдохнул Владик.

— Беги, беги! Одна нога — динь, другая — длинь!

Владик подумал, что за третьи разбитые очки будет от мамы такое динь-длинь, что хоть домой не являйся.

— Только ты меня дождись! — крикнул он малютке барабанщику и припустил на Таганрогскую.

Мастерская оказалась в длинном полуподвале, заставленном бутылями и ящиками со стеклом. Стекольный мастер был похож на старую, растрепанную ворону. С минуту он кричал тонким голосом, какие ужасные пошли дети: только и знают носиться сломя очки. Потом он стремительно вставил в оправу новое стекло.

— А сколько стоит? — осторожно спросил Владик и вспомнил, что у него с собой ни копейки.

— Брысь! — гаркнул мастер. — И скажи этому шалопаю Тильке, что я из-за него не хочу иметь инфаркты. Если он где-нибудь дзинькнется о камни, чинить я его не буду!

Владик помчался назад, к барабанщику Тильке,

и они стали приятелями.

В сухие, жаркие дни Тилька пропадал неизвестно где. Но во время теплых дождиков они с Владиком часто встречались. Тилька со своим оркестром играл на уличных перекрестках, среди веселых брызг и сверкающих струй.

— Тиль-длинь-привет! — прозвенел Тилька. — Как дела?

Владик похвалился фотографией в газете.

— З-замечательно, — сказал Тилька со струнным звоном. — А меня ты когда-нибудь дзиньк-нешь аппаратом?

— Тебя трудно снимать, — объяснил Владик. — Ты совсем прозрачный и незаметный.

— Прозрачный — это конечно, — гордо сказал Тилька. — Но почему же незаметный? Во мне столько всего отражается.

В самом деле! В Тильке, как в чистой капле, отражались деревья, Владик, дом, кусочек неба с облаками. А главное — зонт. От него по Тильке разбегались красные и желтые блики.

— Пожалуй, надо попробовать, — задумчиво сказал Владик. — Когда научусь делать цветные снимки…

Тилька радостно подпрыгнул на ладошке. Желтые и красные огоньки метнулись в нем.

— Вот под этим зонтом и сниму, — решил Владик.

— З-з-замечательный зонт! — прозвенел Тилька. — Как раз-з-ноцветное небо! Где вз-зял?

— Это мамин. Сперва не хотела давать, говорит: «Иди в плаще. Ты этот зонт поломаешь на ветру, а я его очень люблю». А я говорю: «Но меня-то ведь ты больше любишь. А в плаще я задохнусь, как муха в полиэтиленовом кульке, до школы не дойду…»

— Ты в школу идешь?

— А куда же еще!

— Это, наверно, з-здорово — каждый день ходить я школу, — заметил Тилька.

— Ну… когда как.

— Я ни разу не был…

— А хочешь?

— Там, наверно, из-зумительно интересно.

— Ну, пойдем со мной, если тебе хочется.

— Да-а… — опасливо сказал маленький Тиль. — А там все начнут меня разглядывать и трогать. И я — дзинь — на звонкие осколочки…

— Я тебя никому не покажу, — пообещал Владик. — Будешь сидеть в кармашке, потихоньку глядеть на все и слушать… А тебе не попадет, что ты сбежал из оркестра? У меня папа тоже в ор-

кестре, играет на трубе. Там такая дисциплина…

— Мне нисколечко не попадет! — Тилька подпрыгнул на ладошке. — Мы вольные музыканты! Хотим — играем, хотим — гуляем!

— Тогда пошли…

С Тилькой в нагрудном кармане Владик вышел из переулка на широкий тротуар. Дождь ослабел, в пепельных и сизых облаках появились солнечные разрывы. Зато ветер сделался еще сильнее. Он гнул акации, старался сорвать полотняные тенты над фруктовыми ларьками и мотал железную вывеску часового мастера, на которой был изображен золотой петух.

Владик захлебнулся влажным воздухом. И засмеялся. Ветер волок вдоль улицы груды запахов. Если бы запахи можно было раскрасить, это получился бы удивительно разноцветный ветер. Струи воздуха пахли мокрыми желтыми скалами, коричневым кофе из раскрытых дверей магазинчиков и кафе, золотистыми цветами сурепки, серебряной пылью прибоя, оранжевыми апельсинами с лотков, но больше всего темно-зелеными и бурыми водорослями. Теми, что остаются на набережных после набега штормовых валов. Владик зажмурился, будто охапку таких водорослей кинули ему в лицо… И опять

чуть не полетел с ног. Это ветер дернул зонт с удивительной силой.

Владик не упал. Но и на месте удержаться не смог. Он вцепился в изогнутую рукоятку, а зонт поволок его вдоль улицы. Владик не успевал переставлять ноги. Он выгнулся назад, уперся в тротуар сандалиями, но кожаные подошвы заскользили по мокрым плитам. Пятки вспарывали мелкие лужи. Прохожие шарахались и смотрели вслед мальчишке, который мчится под разноцветным парусом, будто на водных лыжах.

Сердитая старушка отпрыгнула в сторону и громко сказала:

— Этому вас учат в школе? Я сообщу вашему директору!

Вовка Соколин и Димка Колобков — Владькины одноклассники — крикнули:

— Ну, Арешкин, ты даешь! — Они побежали следом, но отстали.

Сначала Владик слегка испугался. Но скоро понял, что ничего страшного. Наоборот! Так здорово, когда тебя несет попавший в упряжку ветер!

Потоки воздуха ударялись о тротуар, о мостовую и рикошетом уходили в небо. Они тянули зонт не только вперед, но и вверх. Несколько

раз Владик пробовал подпрыгнуть. И что же? Он проносился по воздуху четыре или пять метров. А то и больше. Так он пролетел над несколькими широкими лужами.

Потом улица кончилась. Впереди был большой пустырь. Тротуар терялся в серой высокой траве. Трава эта высыхает в начале августа и делается жесткой, как проволока. На ее скрученных листьях торчат иглы прямых колючек. Такие твердые, что из них можно делать булавки…

Владик не мог остановиться, ветер не слабел ни на секунду. Выпустить зонт? Он улетит за тридевять земель. А въехать ногами в колючки — уй-я-я!..

И у самой травы Владик подпрыгнул! Гораздо сильнее и выше, чем перед лужами.

Конечно, он сделал это просто с перепугу. Потому что какой прок? Несколько метров пролетишь, а потом врежешься в колючую чащу. Владик отчаянно поджал ноги. Его несло над жесткой травой, которая скрежетала и скрипела под ветром. Твердые верхушки щелкали Владика по сандалиям. Потом… Потом они перестали щелкать.

Они остались внизу!

Ветер поднимал зонт и Владика выше и выше!

Владик летел.

Что он думал и что чувствовал? Сразу трудно разобраться. Под зонтом будто оказалось сразу несколько Владиков.

Один мертво вцепился в гнутую ручку и стонал от страха: «Ой, а если вывернутся прутья? Ой, а если спикирую?»

Второй весело вопил и дрыгал ногами от счастья.

Третий озабоченно думал: «Лишь бы не слетели очки».

Четвертый зорко оглядывал горизонт и с тревогой размышлял: «А можно ли управлять полетом? И куда меня принесет?»

«В самом деле — куда?»

«Ой, как брякнусь сейчас!»

«Опять очки чинить...»

«А лететь-то как здорово! Ура-а-а!!»

Ура-то ура, но пустырь уже кончился. И не где-нибудь, а на обрывистом берегу. Дальше было море... Нет, все-таки «спасите наши души», а не «ура!»...

4

К счастью, это было пока не открытое море, а

маленькая бухта. Называется она Крепостная. Потому что на правом берегу ее стоит старинный полукруглый форт — береговая крепость. Приземистая, сложенная из прочного желтоватого известняка. С двумя рядами квадратных амбразур и решетчатой башенкой маяка наверху.

Когда-то здесь жили морские артиллеристы, а в амбразуры выглядывали чугунные пушки. Это было во времена клипера «Кречет». А теперь здесь располагался клуб яхтсменов.

Владик разглядел с высоты причалы и яхты. Маленькие яхты стояли на берегу, и ветер сдирал с них брезентовые чехлы. Большие были ошвартованы у белых плавучих бочек. Их мотало на короткой крутой волне.

Владик все это увидел мельком. Его сейчас волновало другое: перелетит он на дальний берег или плюхнется посреди бухты?

Ой, кажется, плюхнется! Его пронесло над фортом, рядом с маячным фонарем, и стало плавно опускать к верхушкам волн.

— Ой, мама... — печально сказал Владик. И опять поджал ноги.

Но маму звать и поджимать пятки было бесполезно.

Владик не отличался особой храбростью, но

трусом и нытиком его тоже никто не считал. Он сердито запретил себе ударяться в панику и стал искать спасенья. Глянул вниз.

Там, прямо под Владиком, плясала среди гребней белая яхта с желтой палубой. Владика несло над ней по кругу. Все ниже и ниже.

«Лишь бы не отнесло», — подумал он. И попробовал управлять зонтом: качнул его, нагнул край — так, чтобы купол заскользил к палубе.

Зонт, кажется, послушался. Или ветер пожалел мальчишку. Так или иначе, Владик через полминуты спланировал на яхту и крепко стукнулся коленками о доски. Рядом с двумя озабоченными мужчинами и девушкой в штормовке. Владик сел.

— Ты откуда? — хмуро и без особого удивления спросил высокий мужчина. У него было худое коричневое лицо и светлая бородка — она опоясывала щеки и подбородок от уха до уха.

— Оттуда, — сказал Владик и мотнул головой вверх.

— Я серьезно… — начал мужчина. Но Владика поволокло с зонтом по скользкой палубе.

— Да помогите же! — крикнул Владик. Он брякнулся так сильно, что было не до смущенья. — Мне же не закрыть его одному!

Мужчины и девушка подскочили. Подняли Владика. Ухватили зонт. Он щелкнул, сморщился, сложился.

— Ух, — тихонько выдохнул Владик.

— Откуда ты свалился?

— Я же говорю: ветром принесло, — объяснил Владик и, постанывая, сел на мокрую крышу низенькой рубки. Яхту швыряло вверх-вниз, и сидеть было неудобно. Владик очень устал. Весь. Больше всего устали руки: попробуйте-ка столько времени держаться за летящий зонтик. Ноги тоже почему-то гудели. Наверно, от бесполезного болтанья в воздухе. И, конечно, от удара о палубу.

Владика не стали подробно расспрашивать. Прилетел и прилетел. Видимо, здесь у моряков была своя забота. Человек с бородкой только сказал:

— Выбрал место — куда прилететь…

А маленький смуглый мужчина вдруг спросил:

— Слушай, дорогой, а снова полететь можешь?

— Я? Не… не знаю, — опасливо сказал Владик. — У меня и так все суставы, кажется, вдребезги. И руки не держат.

— Руки, суставы… — быстро заговорил смуглый. — Это что! Это мелочи? Мы скоро все

вдребезги…

— Оставь ребенка, Зуриф, — сказала девушка. У нее были длинные желтые волосы, они мотались по ветру.

Бородатый тоже сказал:

— Оставь.

— Ах, «оставь»! Ну, оставлю… А что делать?

— А что случилось? — морщась, проговорил Владик.

— Что… — сумрачно сказал бородатый мужчина. — Не видел, что ли? Вон… — Задрав бороду, он показал на верхушку мачты.

Верхушка — очень белая на фоне облаков — летала туда-сюда. Словно кто-то писал в небе тонкой пластмассовой авторучкой. Там, у самого клотика, на ветру бился флажок. Желто-красный, как зонт Владика. Только на нем были не зубцы, а косые полосы.

Владик смущенно засопел: он ничего не понял.

— Эх ты, — вздохнул бородатый. — Живешь у моря, а сигналов не знаешь.

— Я же не моряк, — пробормотал Владик. И в этот момент так швырнуло и дунуло, что пена пронеслась над палубой и застряла у всех в волосах, а яхта провалилась между волнами чуть не на самое дно бухты. Владик одной рукой вце-

пился в зонт, а другой — в узенький латунный поручень на рубке.

Так он и сидел — цепляясь и морщась. А трое стояли перед ним на летающей палубе, расставив ноги и глядя сверху вниз. Ветер бешено трепал штормовки.

Девушка сказала:

— Этот сигнал означает: «Нас дрейфует на якоре». Якорь не держит на песке, и нас тащит на тот берег…

— Минут через пятнадцать брякнет о камни, и будет не яхта, а воспоминание, — объяснил смуглый Зуриф.

Все посмотрели на берег, куда не долетел Владик. Там у желтых угловатых глыб вставали белые взрывы прибоя.

— Мы вчера пришли из похода, а свободных бочек нет. Встали на якорь, тихо было, — объяснила девушка. — А с ночи вон что поднялось…

Якорь не держит! Владик знал, чем это кончается. Гоша рассказывал про такие случаи. Именно так погибла шхуна «Предприятие», на которой он плавал после «Кречета». Разбилась о скалы у норвежского берега.

Владик сел прямее и посмотрел на бородатого. Тот, судя по всему, был капитаном. Владик

сказал:

— Я, конечно, не моряк. Но, по-моему, в таких случаях ставят паруса и уходят подальше от берега. Или что? Слишком сильно дует?

Это была его маленькая месть за упрек насчет сигнала.

Капитан не рассердился. Только глянул на Владика повнимательней и ответил с короткой усмешкой:

— Паруса на берег свезли для ремонта. И двигатель разобран…

— Может, зацепились? — с надеждой спросила девушка и глянула на нос яхты. Оттуда уходил в пляшущие волны тонкий белый трос.

— Ползем, — сказал Зуриф.

— А почему никого на берегу нет? — спросил Владик.

— Сегодня в клубе выходной, — сказал Зуриф. — Там один вахтенный. Он дует в кубрике вкусный чай или читает толстый роман «Король и Анжелика». Или дрыхнет… И не видит сигнала, что героические мореходы медленно, но неотвратимо движутся к трагической гибели…

— Хватит трепаться, — сказал капитан.

— Я ведь к чему это, — негромко разъяснил Зуриф. — Если бы надеть на мальчика спаса-

тельный жилет да если бы он опять на своем парашюте…

— Я запрещаю, — сказал капитан.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, — уныло сказал Зуриф.

«Правильно запрещает, — подумал Владик. — Если со мной что случится, ему отвечать… А Зуриф совсем глупый. Жилет! Это же лишняя тяжесть. А если упадешь и вынесет на те камни, жилет не помешает волнам сделать из человека котлету… А если туда вынесет яхту?»

Скоро ее вынесет.

Движение яхты не было заметным, но берег с камнями и большими фонтанами пены стал гораздо ближе. До него оставалось метров семьдесят. Прибой грохотал.

— Скоро тюкнемся фальшкилем о дно, — ровным голосом сказала девушка. — Держитесь, мальчики.

Владик встал, снял с плеча широкий ремень и протянул ей сумку.

— Зачем? — не поняла она.

«Затем, что без сумки легче», — мысленно ответил Владик. И двинулся по метавшейся палубе на нос. Ветер нес навстречу охапки соленых брызг. Они совсем промочили рубашку.

— Эй, ты что? — сказал капитан.

Владик встал на ныряющем носу. Спиной к ветру. Мокрая рубашка вырвалась из-под ремешка, облепила спину, а впереди затрепетала. Владик вспомнил недавний полет. Теперь он ощущал его даже сильнее, чем тогда в воздухе. Как его крутило и носило по спирали в воздушном вихре! Как мотало под зонтом, будто легкий маятник под взбесившимися часами! Как шквалистые удары дергали зонт, как немели на рукояти пальцы и ныли суставы в плечах…

И сейчас ноют…

Но он все равно может!

Такие отчаянные струнки запели во Владике! Так бывало с ним иногда, в самые решительные минуты. Например, когда приказал себе прыгнуть в море с трехметровой скалы (все мальчишки смотрели и ждали). Или когда набрался храбрости и сказал маме и папе, что пускай хоть режут, а в музыкальную школу больше не пойдет. Или когда племянник Игнатии Львовны балбес Борька Понтон запрягал в детскую коляску ничейного голодного щенка и пришлось заорать прямо в круглую Борькину рожу: «Ты что делаешь, живодер!» (В тот раз пострадали вторые за лето очки.)

И вот сейчас!.. Если такие струнки звенят, значит, пора решаться!

Владик поймал миг, когда палуба замерла между двумя волнами, и нажал запор зонта. Зонт как бы взорвался желто-красным огнем. Ветер обрадованно рванул вспухший купол. Владик стремительно заскользил на сандалиях вдоль правого борта и на корме резким толчком швырнул себя вверх.

5

Амбразура была заделана досками. В них прорезали и застеклили небольшое окно — как в кубрике. Под сводчатым потолком каземата горела яркая лампа. На каменных стенах висели судовые фонари, мотки тросов, связки блоков, штурманские карты. А еще — большая фотография той самой яхты, которая чуть не разбилась на камнях. На фотографии она была со всеми парусами: гротом, стакселем и похожим на полосатый парашют спинакером. На белом борту чернело крупное название: «Таврида».

Владик сидел на дощатом рундуке. Капитан дядя Миша налил ему из термоса в глиняную кружку горячего какао. Владик, обжигаясь, прихлебывал. Кружка грела руки, будто маленькая

печка.

Звонко тикали круглые корабельные часы. Они показывали половину десятого.

— В школу я совершенно опоздал, — слегка виновато сказал Владик.

— Мы тебе справку выпишем: так и так, задержался ввиду геройского поступка… — пообещал Зуриф.

— Не надо такую справку, — вздохнул Владик. — Мама перепугается. А потом еще мне же и влетит.

— Может быть, и правильно влетит, — заметил капитан дядя Миша. — Когда такое геройство видишь, не знаешь, как и быть. То ли о награде хлопотать, то ли надрать уши. Вот грохнулся бы о камни…

— Победителей не судят, — сказал Зуриф.

— Молчи уж… — хмыкнула девушка, которую звали Лариса. А Владику сказала: — Рубашка вся мокрая. Сейчас я тебе свитер принесу. — И ушла. Зуриф пошел за ней.

Дядя Миша сел напротив Владика. На шлюпочный бочонок — анкерок. Подпер кулаками бородку. Посмотрел в упор. У него были очень голубые глаза на строгом, озабоченном лице. Будто клочки чистого неба среди сумрачных

облаков. Он хорошо так смотрел, но Владик все равно засмущался и уткнулся в кружку.

— Насчет того, что уши драть, это я для порядка, — сказал дядя Миша.

— Я понял, — прошептал Владик.

— А не страшно было лететь?

— Когда у камней, здорово страшно, — признался Владик.

…Его пронесло над гребнями, которые захлестывали ноги. Потом стремительно надвинулась грязно-желтая скала, и Владик зажмурился: «Все!»

Но ветер взметнул его вместе с языками прибоя, перебросил через каменный барьер, закрутил над кустами дрока. Владик рывком нагнул зонт и упал с ним на упругую подушку жестких мелких листьев.

Потом он отчаянно боролся с зонтом и наконец закрыл его, повернув макушкой к ветру. Потом бежал вокруг бухты, через колючую траву, которой уже не боялся, мимо старых, вытащенных на берег катеров и шлюпок, мимо каких-то красных бочек и полосатых деревянных домиков…

Даже не бежал, а ломился сквозь встречный ветер. Потом — гулкие крепостные коридоры, лампочка над дверью, пожилой помятый дядька

в старой морской фуражке.

— Вы что, спите?! Там яхту несет на камни! Скорее!

Дядька осоловело мигал и топтался. Затем глянул в окно, охнул.

— Конец надо завести… Ах, черт, ялик зальет сразу… Катер? — Он потянулся к телефону.

Какой катер? Смеется он, что ли? Когда этот катер доберется до бухты? Да и сунется ли он в море при такой волне?

— Фал давайте!..

Один конец тонкого фала — на берегу. Обмотать его вокруг старинной пушки, которая впаяна в бетонный пирс и служит причальной тумбой. Хорошо, что стены форта закрывают пирс от ветра, — можно раскинуть шнур свободными кольцами на причале.

Метров двести… Хватит? Второй конец — вокруг пояса!

И разбег!

Ух как высоко сразу кинуло! Не промазать бы мимо палубы…

Его поймали сразу в три охапки…

Тонким фалом притянули с берега прочный капроновый трос. На якорную лебедку его!

И через полчаса «Таврида» стояла у пирса под

защитой крепостной стены.

…Неужели это было? Неужели это сделал он, Владик Арешкин из четвертого «А» восьмой средней школы?

Вот будет о чем рассказать Гоше. Раньше Владик только слушал про морские приключения, а сегодня сам испытал такое… И не струсил…

Здесь тихо, только поет за прочной каменной кладкой безопасный шторм да тикают часы…

В дверь заглянул смущенный дядька в мятой морской фуражке. Тот, что был на вахте.

— Михаил Сергеевич… Я… Можно вас на минуточку?

Дядя Миша сердито хмыкнул и кивнул Владику: подожди, мол. Вышел.

«Что же сказать в школе?» — с беспокойством подумал Владик. И вздрогнул от легкой щекотки: у него зашевелился нагрудный кармашек.

— З-значит, это наз-зывается школа?

— Тилька-а… — ахнул Владик. Он же совсем-совсем про него забыл.

— Это из-зумительное из-здевательство! — возмущенно звенел Тилька.

— Тиль, прости! — Владик чуть не заплакал.

— Мне совершенно наплевать на твое «прости», — беспощадно отчеканил стеклянный

барабанщик. Он держался прозрачными лапками за край кармашка и возмущенно вертел капельной головкой. — Это такое без-законие! Сию же минуту отнести меня в первую же лужу! И больше мы нез-знакомы!

— Тилька…

— Никаких Тилек! А если бы я вдребез-зги?!

— Конечно, я ужасная свинья, — искренне сказал Владик. — Но… Тилька! Неужели ты совсем-совсем со мной поссорился?

— Динь-да! — отрезал Тилька.

— Тиль…

— Никаких Тиль… Ну, что?

— Мы же все могли вдребезги, не только ты… — тихо сказал Владик.

— Мог бы меня высадить сперва… Я такой хрупкий.

— Не было же времени… Я забыл.

— З-забыл… Думаешь, если стеклянный, значит, не человек?

— Да что ты! Ты замечательный человек!..

— Динь-да? — осторожно спросил Тилька.

— Честное-честное слово!

Тилька пошевелился и, кажется, вздохнул (если только стеклянные человечки могут вздыхать).

— Длинь-ладно… Только ты никому меня не

показывай, возьми в ладошку.

Владик спрятал Тильку в полусжатом кулаке. И вовремя. Появилась Лариса. Велела снять промокшую одежду и натянуть свитер.

У серого свитера была очень крупная вязка. Владик стал в нем похож на большую варежку с тощими ножками и разлохмаченной головой. Варежка с очками… И как они уцелели в этой переделке?

Но главное, что уцелел Тилька (он уже успокоился и, кажется, задремал в кулаке у Владика).

Лариса пообещала высушить одежду утюгом («У нас тут все удобства»). Владик пошел за ней в соседний каземат. Там все оказалось как и в первом, только был еще некрашеный стол — на площадке, где раньше располагалось орудие. А в углу Владик заметил низкую дверцу из толстого железа. Она была приоткрыта и так осела, что намертво вросла в цементный пол. Не шевельнуть. За дверцей чернела пустота, и веяло оттуда холодом.

— Там что? — спросил Владик у Ларисы.

— Старинный пороховой погреб. Но сейчас туда не попадешь.

— А кто-нибудь пробовал?

— Кто же станет пробовать? Щелка-то вон ка-

кая. Кошка и та не пролезет.

— Интересно у вас тут.

— А раньше ты здесь не бывал?

— Не… Мы хотели с ребятами пробраться, да там сторож у проходной…

— Теперь ты, можно сказать, член нашей команды, — проговорил дядя Миша. Он только что вошел. — Я скажу сторожам, чтобы тебя пускали. Идет?

— Еще бы! — просиял Владик.

…Рубашка была горячая от утюга. Владик улыбался от тепла и от счастья. Дядя Миша сказал ему:

— Приходи, под парусом пойдем… — И протянул крепкую ладонь.

Владик незаметно пересадил Тильку из правой ладошки в левую и тоже протянул руку.

Вошел Зурифф. Сообщил:

— Дует здорово, но дождь кончился. Так что зонтик не раскрывай. А то опять улетишь, как одуванчик.

6

Владик не пошел в школу. На первые два урока он опоздал, на остальные какой смысл идти? Все равно попадет — что за два пропущенных

урока, что за четыре. Но за четыре попадет лишь в понедельник (а может быть, и забудут).

А сейчас так хотелось еще полетать! Владик спрятал сумку в камнях в глухом уголке сквера на Бастионной улице. Но сначала он отстегнул от сумки длинный и широкий ремень. На концах ремня были прочные кольца, они хорошо надевались на изогнутую ручку зонта. Получилась удобная петля для сиденья. После этого Владик решил поехать на троллейбусе на край города, к Скалистому мысу…

Город стоит на полуострове. Юго-западный шторм мчался с моря, пересекал этот громадный выступ суши и терялся где-то в мелководных лиманах на северо-востоке. Владик подумал, что если постараться, то можно пролететь над всем городом от Скалистого мыса до нового стадиона…

Только сначала надо было высадить Тильку.

— Как с тобой быть? Отнести в ту лужу, где ты играл сегодня? — спросил Владик.

Тилька молчал. Голова-капелька поблескивала над краем кармашка.

— Ну, ты чего… — виновато сказал Владик. — Все еще сердишься? Мы же помирились.

— Никуда меня не относи, — тихонько подал

голос Тилька. — Я хочу с тобой.

— Но я же снова буду летать!

— Какой ты без-динь-толковый! Я тоже хочу!

— Ты же боялся. Говорил: длинь — и на осколочки. А если в самом деле?

— Ну… тогда тащи осколочки стекольному мастеру, — храбро сказал Тилька. — Пускай чинит.

— А он говорил, что не будет…

— Мало ли что он говорил!

— Ладно. Тогда держись крепче…

В районе Скалистого мыса берег был пустынен. Говорили, что скоро здесь разобьют парк и поставят памятник Парусной Эскадре — с пушками, якорями и бронзовой моделью трехдечного линейного корабля. Но пока на мысу раскинулись выровненные грейдерами площадки, а между ними торчали редкие шеренги маленьких кипарисов. И никого не было…

Владик потренировался на этих площадках. Он разбегался, взмывал над кипарисами, пролетал сотню шагов и опускался на один из квадратов твердой, кремнистой земли. Разбегаться, сидя в кожаной петле, было не так-то просто. Но самое сложное — это посадка. Надо было приземляться аккуратно, чтобы шишек не набить, очки не раскокать и чтобы Тилька не пострадал. Владик

хотел на время тренировки высадить его из кармана, но в ответ услышал:

— Не хочу. Со мной ты будешь осторожнее. Не станешь длинь-лихачить…

Вот и приходилось быть осторожным. Зато Владик научился опускаться на землю, как семя одуванчика на бархат.

Наконец он решился на большой полет. Разбежался изо всех сил, поймал тугим дрожащим зонтом восходящую струю ветра и сильно оттолкнулся. Красно-желтый купол одним махом вознес легонького пилота на высоту трехэтажного дома. А потом еще, еще… Скалистый мыс быстро остался позади, внизу поплыли сады, крыши и дворики окраины. Все крыши были черепичные, и от этого улицы сверху казались оранжевыми.

Владик смеялся и болтал ногами. Сидеть в беседке из широкого ремня было удобно, не то что висеть, цепляясь за тонкую ручку. За надежность зонта Владик не опасался. Это был замечательный, очень прочный зонт. Возможно, даже волшебный.

Вокруг Владика лихо шумел ветер.

Когда-то Владик читал в книге Жюль Верна, что пассажиры воздушного шара не чувствуют ветра: аэростат мчится с той же скоростью, что потоки

воздуха, — как легкий мячик в течении ручья. Но зонт с Владиком летел не так. Ветер обгонял Владика, раскачивал, бил по лицу и по ногам лохматыми мягкими лапами, раздувал волосы. Тугой воздух ударял снизу в натянутый купол, зонт мелко дрожал, и это дрожание передавалось через ручку и ремень Владькиным ладоням.

Иногда ветер делал плавный поворот и нес Владика по кругу. Словно хотел, чтобы Владик хорошенько разглядел дворы и улицы, по которым неслись вперемешку пятна от облаков и солнца…

Прохожих было мало, и никто не смотрел вверх. Никто не видел, как мчится в беспокойном ветреном небе четвероклассник Владик Арешкин. А наверно, это было красиво и немножко страшно. Наверно, с земли Владик казался крошечным, как Тилька. Будто он уцепился за пышный красно-желтый георгин, который ветер вырвал с клумбы и несет высоко над крышами, чтобы посадить на другом краю города…

Потянулись большие дома и квадратные дворы, улицы с разноцветными автомобилями. Слева проплыла башня Корабельного клуба с часами. Потом внизу оказались шумящие кроны Исторического парка. Там, под деревьями, прятались

памятники и старинные бастионы с чугунными карронадами. Мягким ударом воздуха Владика развернуло, он летел теперь спиной вперед, а за деревьями и крышами опять видел море. Оно было темно-зеленым у берегов и туманно-сизым вдали. И вся его громада, словно белым пухом, была усыпана пенными гребешками. Горизонт сливался с облачным небом.

…Что-то больно чиркнуло Владика по локтю и щелкнуло по зонту. Владик посмотрел вниз. Он летел над Боцманской слободкой. Раньше тут селились отставные матросы и боцманы с парусных кораблей, поэтому и получилось такое название. Домики в слободке, как и в старину, были маленькие, переулки узкие. С горки на горку перебегали каменные лесенки — трапы. На крышах сарайчиков лежали лодки. Белые улочки сходились на крошечных площадях, посреди которых стояли столбы с фонарями или водонапорные колонки. Владик пролетал как раз над такой площадью. Он увидел, что внизу бегут двое мальчишек и один из них на полной скорости целится из рогатки.

Щелк — снова ударил по зонту камешек.

А если пробьет?

Нет, не пробьет. Через несколько секунд Вла-

дик будет уже далеко. Пускай стреляют в пустое небо!

Да, но зачем они стреляют? Что он им сделал? Летит человек, никого не трогает, а по нему — трах, трах! — как по вражескому самолету. Бывают же такие люди! Если кому-то хорошо, они обязательно стараются навредить, испортить!.. Летом ребята на площадке сделали теннисный стол, а в соседнем дворе нашлись два типа — ночью подобрались и разломали. Их спрашивают: «Зачем?» А они: «А че… Так просто…»

Вот и сейчас… Так просто? Чем Владик им помешал?

Ладно, он уже пролетел…

Но он-то пролетел, а они там ходят как победители: постреляли, даже попали два раза!

У Владика мурашки пошли по спине от обиды. Нет, если он пролетит мимо, значит, он трус.

Владик резко нагнул зонт и спикировал в переулок с низкими белыми домиками, которые до половины терялись в цветущих мальвах.

«Я драться первый не начну, — успокоил он себя, — просто скажу этому стрелку: «Что ты за человек такой? Что я тебе сделал плохого?»

Владик свернул зонт, поправил очки и шагнул из переулка на заросшую сурепкой площадь.

Двое мальчишек мчались к нему. Они оказались маленькими — класса из второго. Это добавило Владику храбрости. А мальчишкам — наоборот. Но они разогнались и остановиться сразу не могли.

Один — белобрысый, тощенький и ловкий — вильнул в сторону и сразу умчался в переулок. Второй — тот, что с рогаткой, — оказался не таким юрким. Он был в длинных, похожих на мешок с лямками штанах и путался в них на бегу. Он почти налетел на Владика, и тот ухватил его за лямку. Притянул к себе, потом отодвинул на расстояние прямой руки. И, не отпуская, сказал:

— Пострелял? Или еще будешь?

Мальчишка был курчавый, темно-рыжий и большеухий. Он смотрел испуганно и сумрачно.

— Ну че… пусти, — хныкнул он.

— Дай сюда рогатку, — сурово сказал Владик.

— Ну че…

— Кому говорят!

Рыжий стрелок бросил рогатку Владику на сандалии. Тот наступил на нее. Полюбовался насупленным пленником и неторопливо начал:

— А теперь скажи…

Глаза у мальчишки вдруг изменились. Они стати радостными. И смотрели мимо Владика.

Владик оглянулся.

В двух шагах ухмылялся второй мальчишка — тот самый белобрысый беглец. А рядом с ним стояла девчонка ростом с Владика. Хмурая и решительная. С короткими темными волосами и цыганистыми глазами. Ветер трепал на ней бело-синий клетчатый сарафанчик, подпоясанный флотским ремнем. Ремень висел на девчонке косо, по-ковбойски. На нем болталась обшарпанная пистолетная кобура без крышки. Из кобуры торчала рогатка.

Девчонка расставила крепкие коричневые ноги и сказала Владику:

— А ну, отпусти ребенка.

Владик отпустил. Дело принимало нехороший оборот.

— Чего привязался к маленькому? — поинтересовалась девчонка и наклонила к плечу голову.

— Я привязался?! — воскликнул Владик и удивился, какой тонкий у него голос. — Он же сам первый! Кто его просил стрелять?

— А зачем летел? — дерзко отозвался рыжий стрелок.

— Как это летел? — строго спросила девчонка.

— Очень просто: зонтик раскрыл и летит! Да еще ногами болтает!

— Я тебе мешал, да? — сказал Владик. — Летел, никого не задевал.

— Нечего летать над нашей улицей, — сказала девчонка. — Если каждый будет здесь летать, тогда что?

— Над вашей! — возмутился Владик. — Вы ее купили, да?

— Он летел и все высматривал, — подал голос белобрысый. — Ника, он шпион.

— Дурак ты, — сказал Владик.

Девчонка Ника прищурилась.

— Ты поругайся, поругайся еще при детях… Матвейка, возьми.

Она зачем-то сняла ремень с кобурой и протянула белобрысому. А Владику сказала:

— Зонтик-то отдай вон ему, — и показала на стрелка.

— Зачем это? — опасливо спросил Владик.

— А ты что, зонтиком драться будешь?

— Я с тобой драться вообще не буду, — торопливо сказал Владик. — Не хватало еще… С девчонкой.

Ника опять прищурилась.

— А девчонки кто? Не люди?

— С вами драться — никакой пользы, — хмуро объяснил Владик. — Если такую, как ты, отлу-

пишь немного, все кричат: ах, девочку обижает! А если от девчонки случайно синяк заработаешь, сразу: ха-ха-ха, его девочка поколотила!

— Меня ты не отлупишь, — деловито разъяснила Ника. — А про синяки можешь рассказать, что геройски дрался с кучей хулиганов. Их у тебя много будет, синяков-то… Костя, возьми у мальчика зонтик. Да не сломай, чужая вещь…

Владик ощутил в суставах противную слабость и почти без сопротивления отдал зонт рыжему Косте. Но Нике жидким голосом сказал:

— Ненормальная. Не буду я драться.

— Куда ты денешься? Сними очки.

— Зачем?

— Я же тебе их раскокаю!

Владик слегка разозлился:

— Какая храбрая! Без очков я тебя и не увижу!

— А! Ну ладно. Я тебя по ним стукать не буду.

С этими словами Инка коротко размахнулась и крепко тюкнула Владика острым кулачком в грудь.

В кармане что-то хрустнуло. В кожу на груди впились иголки.

Владик вскрикнул, зажал карман ладонью и, роняя слезы, кинулся в переулок.

Скорее, скорее!

Дурацкие запутанные улицы, не поймешь, куда бежать!

А, вот знакомая лестница!

Иголки колют не только грудь, но и бока. Это от быстрого бега, от скорости, при которой трудно дышать…

Еще поворот — и Таганрогская улица. Узкая, старая, с потрескавшимися плитами тротуаров. Сандалии по ним лупят, как пулемет!

Наконец дверь под вывеской «Стеклодувная мастерская № 2». Ступеньки в полуподвал. Растрепанный мастер с клочками волос на висках и вороньим носом сердито встает из-за стола со склянками.

Воздуха уже совсем нет, сердце прыгает где-то в горле, и нельзя ни дохнуть, ни крикнуть. Можно только сипло выдавить:

— Тилька разбился…

7

Стекольный мастер ухватил Владика за воротник и молча повел к столу. Включил на столе яркую лампу. Взял длинный пинцет и начал доставать из Владькиного кармана стеклянные крошки. Он складывал их в белое фаянсовое блюдце. Потом он расстегнул на Владике рубаш-

ку и тем же пинцетом вынул из порезов мелкие осколки — те, что прошли сквозь ткань и воткнулись в кожу. Порезы мастер смазал ваткой, смоченной в какой-то бесцветной жидкости. Сильно защипало.

— Уй-я… — тихонько сказал Владик.

— Нет, вы его послушайте! — тонким голосом закричал мастер. — Он говорит «уй-я»! Это я должен говорить «уй-я», когда я вижу, какие мелкие осколки приносят мне вместо стеклянного мальчика!

Он взял пинцетом осколок покрупнее, а остальные стряхнул с блюдца в мусорное ведро.

— Ой, что вы наделали! — крикнул Владик.

— Может быть, молодой человек объяснит мне, что именно я наделал? — ядовито отозвался мастер.

— Как же вы его почините?

— Это надо слышать, что он говорит! «Почините»! Как будто здесь есть что чинить!

Владик всхлипнул.

— Перестань хныкать, или я превращу тебя в бутылку для уксуса, — хмуро сказал мастер. Он сел и придвинул к себе старенький микроскоп, стоявший среди склянок и стеклянных кубиков. Положил осколок под объектив. По-петушиному

наклонил голову и левым глазом глянул в микроскоп. А правым на Владика. И сказал:

— Дай мне с подоконника алмазный резец.

Владик бросился к подоконнику, там лежали инструменты, похожие на стамески и резаки для оконного стекла. Владик схватил один наугад.

— Не этот! — гаркнул мастер. — С белой ручкой!

Потом он опять согнулся над микроскопом и начал что-то осторожно делать с осколочком резцом и пинцетом.

Владик стоял рядом. Он дышал очень осторожно, однако мастер сказал:

— Сделай одолжение, не сопи над ухом.

Владик отскочил на два шага и стал смотреть, вытянув шею. Но, конечно, ничего не видел.

Мастер корпел над крошечным Тилькиным осколком довольно долго. У Владика устала шея, он переступил с ноги на ногу и огляделся.

Из низкой приоткрытой дверцы пахло дымом и горячими кирпичами. Что-то ровно гудело там и слышались голоса. На косяке дрожал отблеск огня. А в комнате, где работал мастер, стояли всюду бутыли, банки и шкафы с выдвижными ящиками. На ящиках белели таблички с номерами и названиями: «Стекло для очков», «Музыкаль-

ное стекло», «Ламповое стекло», «Стеклянные пробки»... Под низким потолком висел шар из зеленого стекла размером с большой школьный глобус. В шаре отражалась лампа, Владик, мастер и все, что было вокруг.

Владик опять посмотрел на мастера. Тот сказал, не оглядываясь:

— Подойди.

Владик на цыпочках подошел.

— Посмотри... — Мастер подтолкнул его к микроскопу.

Владик глянул в окуляр.

В середине серебристого круга он увидел стеклянного человечка. Но не гладкого и прозрачного, а такого, будто его вырубили из кусочка мутного льда.

— Похож? — спросил мастер.

— М-м... маленько, — неуверенно сказал Владик.

— Ну и ладно, что маленько, — проворчал мастер. — Программа задана, это главное...

Он дотянулся до ящика с табличкой «Увеличительное стекло», выдвинул. Владик опять вытянул шею. Он ожидал увидеть множество всяких линз, но ящик оказался пуст. Если не считать пузатой, очень прозрачной бутылки — она

выкатилась из угла на середину ящика.

Мастер пинцетом опустил в бутылку микроскопического стеклянного человечка. Потом проворчал под нос:

— Хорошо, что хоть прибежал-то вовремя…

Он посмотрел на свои часы, поднес их к уху, потом взял со стола и тряхнул пыльный транзисторный приемник. Приемник женским голосом сказал:

— …следний шестой сигнал дается в двенадцать часов по московскому времени.

Мастер быстро встал и строго поднял указательный палец. На пальце блестели рыжие волоски.

— Пи-ик, — донеслось из приемника. — Пи-ик, пи-ик…

И когда приемник пикнул шестой раз, мастер с размаха грохнул бутылку о цементный пол. Осколки царапнули Владика по ногам.

— Ай! — сказал Владик. Но не из-за осколков. Он решил, что мастер спятил.

Но тут же Владик услышал звук, будто на дно стеклянного стакана сыплют звонкие дробинки. Это на полу, среди стеклянных крошек, бил в хрустальный барабанчик невредимый Тилька.

Тилька поднял головку-капельку и с горделивой ноткой сказал:

— Здорово я получился? Как новенький!

Мастер ухватил его двумя пальцами и поставил на стол. И жалобно закричал:

— Это что за ребенок! Почему все дети как дети, а этот — сплошное наказание!

— А что я з-з-сделал? — обиженно откликнулся Тилька.

— Посмотрите на него и послушайте! Он спрашивает, что он сделал! Он целыми днями шастает неизвестно где, а потом его приносят в виде стеклянного порошка, и мастер должен заниматься ремонтом этого хулигана! В рабочее время!..

Владик виновато переступил сандалиями среди осколков. Мастер покосился на него и сказал Тильке:

— С твоим приятелем все ясно. Он просто уличный шалопай, хотя и носит очки, как порядочный человек. Но тебя-то я изготовил из лучшего стекла! У тебя должна быть хрустальная душа!

— У меня з-замечательная душа, — осторожно сказал Тилька. — Длинь-дзынь-музыкальная…

— Длинь-дзынь, балда ты, — печально сказал мастер. — Почему я стекольный специалист, а не столяр? Я бы сделал, как папа Карло, деревянного мальчика. Почему я не портной? Я сшил бы мальчика из мягких тряпок. Он был бы шелковый во

всех отношениях. А вместо этого — стеклянный бродяга! И как его воспитывать? Он, видите ли, хрупкий, его нельзя даже выдрать!

— Это же удивительно чудесно! — подал голосок Тилька.

— Это очень грустно... Ты где-то пропадаешь, а старый человек не имеет ни минуты покоя... Но я найду управу! Теперь ты будешь у меня жить в коробке с ватой и крепкой стеклянной крышкой.

— Что ты! — испуганно сказал Тилька. — Я же сразу динь — и помру. Мне нужна свобода и дождики.

— Никаких дождиков!

— Я хочу с Владиком!

— Я тебе покажу Владика!

— Тогда я опять разобьюсь!

— И на здоровье...

— Ну-ка, наклонись, — попросил мастера Тилька.

Мастер нехотя нагнул голову к столу. Тилька ухватил его за седые кольца на виске, повис на них и что-то начал тихо говорить мастеру в ухо.

— Подлиза... — проворчал мастер. — Имей в виду, если динькнешься еще раз, чинить не буду ни за что на свете.

— Ура! — крикнул Тилька. — Владик, посади

меня в карман!

Владик робко посмотрел на мастера.

— Можно?

— Убирайтесь, — ответил мастер. — Вы не дети, а крокодилы.

Владик осторожно усадил Тильку в кармашек, на котором темнели засохшие пятнышки крови. А мастеру сказал:

— Большое спасибо.

— Убирайтесь, — повторил мастер. — Или я превращу вас в пробки для графинов.

8

Владик и Тилька долго бродили по лестницам и переулкам Боцманской слободки, искали заросшую сурепкой маленькую площадь. Владик не запомнил дорогу, когда мчался отсюда с разбитым Тилькой.

А Тилька тем более ничего не помнил.

И все-таки он все время звенел у Владькиного уха:

— По-моему, это з-здесь… По-моему, динь-там…

Он сидел теперь не в кармашке, а на левой дужке Владькиных очков и держался за его волосы…

— По-моему, з-за теми динь-деревьями…

— Вон там, — сказал наконец Владик. Он увидел

знакомые домики, белую будку-водокачку посреди площади, а главное — Нику и мальчишек. Они укрылись от ветра за водокачкой, сидели на корточках и разглядывали зонт. Он был открыт, но край купола у него оказался смят и надломлен.

Владик подошел и печально проговорил:

— Так и знал, что сломаете…

Ребята оглянулись на него. Ника встала и виновато засопела.

— Летать пробовали… — пренебрежительно сказал Владик.

Мальчишки присели еще ниже, а Ника вздохнула.

— Не умеете, дак нечего и соваться, — сказал Владик. — А еще говорила: «Не сломаем, вещь чужая…»

— Чужая, когда хозяин есть, — огрызнулась Ника. — А тебя будто сдуло. Улепетнул, одного ударчика испугался.

Владик даже задохнулся от негодования. И пока хлопал губами, пока думал, как ей ответить покрепче, возмущенно зазвенел Тилька:

— Бестолочь ты непроз-зрачная! Он меня спасать побежал! Потому что я раз-збился из-з-за тебя, динь-дура!

У Ники кругло открылся рот. У рыжего стрелка

Кости и у белобрысого Матвейки тоже. Ника шепотом сказала:

— Ох… это кто?

— Не твое дело, — буркнул Владик.

— А он… какой? Заводной, да?

— Сама ты з-заводная! Я настоящий!

— Ой… — опять сказала Ника.

— Вот тебе и ой, — хмуро отозвался Владик. — Давайте зонт… авиаторы бестолковые.

Кое-как он расправил сломанные и погнутые прутья. Свернул зонт, обмотал его ремнем от сумки. Ника молча смотрела на него. Потом нерешительно сказала:

— Ты просто волшебник какой-то. Летать умеешь. И такой у тебя этот… Стекляшкин.

Владик сердито хмыкнул. Потому что никакой он был не волшебник. То, что он полетел, получилось само собой. Ветер подходящий и зонт… А «стекляшкин» Тилька если и волшебный, то сам по себе. Не Владик же его сделал…

— Грохнула зонтик да еще ерунду мелет. А «волшебнику» теперь дома будет нахлобучка.

Сказав эти сумрачные слова, Владик зашагал прочь. Не оглянулся. Вернее, оглянулся, но не сразу. Только на краю площади. Мальчишки остались у водокачки, а Ника шла за ним.

— Ты чего… — сказал Владик.

— А тебе здорово попадет? — виновато спросила Ника.

Владик не знал. Это будет зависеть от маминого настроения. Но ответил громко и сурово:

— Еще бы!

Если у этой вредной девчонки с рогаткой проснулась совесть, то пусть помучает ее посильнее.

Ника догнала Владика и тихо объяснила:

— Мы ведь не нарочно…

— Ха! Сперва пуляют по человеку из рогаток, а потом — «не нарочно»!

— Костик же не просто так пулял…

— Ну да! Он готовился к международным соревнованиям. Турнир стрелков по летающим зонтикам!

— Он думал, что ты шпион, — сказала Ника.

Владик обалдело поморгал, потом вздохнул:

— Тогда он такой же глупый, как ты… Где это видано, чтобы шпионы летали на зонтиках?

— Ну… он же думал, что не настоящий шпион, а веревочный.

— Что-о?

— Ты разве никогда не слышал про веревочниц? Это тетки такие, они везде стараются занять

ребячьи площадки и натягивают там веревки. Будто бы для белья. А на самом деле чтобы нам негде было играть. У них тайное общество против ребят…

— Такую тетку я тоже знаю, — сказал Владик. — Но я-то здесь при чем?

— Мы думали, что ты летаешь и высматриваешь для них площадки.

— У-динь-дивительно бестолкова… — звякнул Тилька. А Владик возмутился:

— По-вашему, я похож на шпиона?

— Теперь-то видно, что нисколечко не похож, — примирительно сказала Ника. — Но на высоте трудно разглядеть…

— Зачем ты так длинь-длинно с ней разговариваешь? Прогони ее, — посоветовал Тилька.

— А ты помолчи, сосулька, — насупленно отозвалась Ника.

От оскорбления Тилька чуть не свалился с дужки очков.

— Я?! Сосулька?! А ты… кроко-длинь-дилиха безобразная!..

— Сперва разбила маленького, а потом еще обзывает! — сказал Владик. — Чего ты за нами увязалась? Иди к своим рогаточникам…

— Ну и пожалуйста… А я хотела с тобой пойти,

чтобы сказать твоим родителям, что зонтик я сломала, а ты не виноват.

— Очень благородно, — ехидно отозвался Владик. — Только родители приходят вечером. Ты что, ждать их собираешься? Шагай-ка ты домой.

Они в это время уже спустились по ракушечному трапу на широкую улицу Трех Адмиралов. Здесь была троллейбусная линия. Не глядя больше на Нику, Владик подошел к остановке и прыгнул в троллейбус номер два. Надо было забрать в сквере сумку и отправляться домой.

9

Владик совсем забыл, что день субботний и мама не на работе. Она встретила Владика на пороге и неласково сказала:

— Явился наконец… Будешь сразу во всем признаваться или станешь сперва городить небылицы?

— Буду признаваться, — вздохнул Владик.

— Давай-давай…

— Зонтик сломался.

— Миленькое дело! Я же говорила! А ты что? «Ах, он крепкий, ах, я осторожный!..» Ладно, зонтик — это раз! А дальше?

— Что? — робко спросил Владик.

— Ах, «что»? Может быть, ты хочешь рассказать, что сидел сегодня на уроках и даже получил кучу пятерок? Прогульщик несчастный! Из школы прибегают одноклассники: «Почему вашего Владика нет на занятиях?» А я откуда знаю почему? Я схожу с ума, товарищи тоже переживают…

— Товарищи! — сказал Владик. — Наверняка Витька Руконогов, этот ябеда и предатель.

— Не смей так про него говорить! Он замечательный мальчик!

— Ну конечно! Он замечательный, а я…

— Где ты был?!

— Я нечаянно… Меня унесло. Ветер такой могучий, а зонтик такой… как парус, меня как дернет, как понесет, а там колючки, и я вверх, по воздуху…

Мама села на стул, задумчиво взялась за подбородок и стала смотреть на Владика очень внимательно. На лице ее читалось, как буквы на бумаге: «Ну-ну, давай. Послушаем, что еще сочинишь…»

— Вот ты не веришь, а я правда по воздуху. А там яхта, ее на камни несло, надо было протянуть канат, а лететь, кроме меня, некому, а она бы разбилась… Ну, ты не веришь, а я не могу, когда ты не веришь! А если поверишь, то испугаешься

и опять меня наругаешь, ты скажи сперва, что ругаться не будешь, и я расскажу, чтобы ты поверила, а то…

Мама встала и деловито потрогала Владькин лоб.

— Конечно. Бегаешь по такой погоде раздетый, а потом грипп или ангина. Голова болит?

Владик ухватился за спасительную ниточку.

— Не болит, — сказал он слабым голосом. — Только гудит немного. И какая-то слабость…

— Я так и знала! Немедленно в постель!

Владик послушно побрел в комнату, где стояла его кровать. Начал расстегивать рубашку. Тилька, который опять сидел в кармане, шевельнулся: «Не забудь про меня».

— Мамочка, принеси, пожалуйста, стакан воды, — попросил Владик. — Что-то немножко в горле пересохло.

Мама торопливо принесла воду. Владик отхлебнул и поставил стакан на столик с учебниками. Глаза у мамы были испуганные, но она сказала:

— Раздевайся и ложись, но имей в виду, что разговор наш не закончен.

— Ладно, — покорно согласился Владик. Мама вышла, а он высадил Тильку в стакан. Стеклянный барабанщик будто растворился в воде — если

не приглядеться, то и не заметишь.

Владик заполз под одеяло.

Ему было немножко не по себе. Не очень-то честное дело притворяться больным, чтобы спастись от неприятностей. Будто дезертир какой-то. Мама, конечно, переволновалась, когда подлый Витька Руконогов прибежал и наябедничал про его прогул. А сейчас опять волнуется из-за его фальшивой болезни. Пускай уж лучше отругает сразу…

Но тут Владик почувствовал, будто он и в самом деле больной. Усталый и разбитый. Снова заболели ушибленные на палубе ноги, загудели плечи, застонали жилки в руках. Мягко закружилась голова. А в закрытых глазах поплыли клочковатые облака, волны, скалистый берег, желтые цветы сурепки. Владика куда-то плавно понесло. Будто он снова полетел. «Ну и ладно», — подумал Владик и приготовился сладко задремать. Но в это время затренькал звонок. Это пришла к маме соседка Игнатия Львовна — грузная дама с медовым голосом.

Игнатия Львовна только что вернулась с заседания Тайного Клуба Веревочниц (сокращенно ТКВ).

Про этот клуб знают немногие. Для посторон-

них он называется «Кружок макраме». Женщины там плетут из веревок и шпагатов разные узорчатые изделия. Но это для отвода глаз. А на самом деле в этом клубе они учатся плести интриги и разрабатывают планы, как опутать бельевыми веревками все детские площадки. Чтобы мальчишки и девчонки не бегали и не прыгали там, не гоняли мячи и не мешали своим шумом почтенным людям.

На волейбольной площадке в своем дворе Игнатия Львовна вывешивала веревки много раз, но эти отвратительные дети поднимали такой крик, что приходилось в буквальном смысле сматываться. Теперь в клубе пытались изобрести невидимую веревку, которая будет цеплять ребят скрытно. Однако дело шло туго, и все члены клуба получили задание продолжить тайные опыты дома.

— Здравствуйте, моя милая, — пропела Игнатия Львовна маме Владика. — Нет ли у вас, голубушка, моточка бельевого шнура? Нам в кружке поручили сплести очень хитрые узоры, а у меня кончилась вся веревка. В понедельник я куплю и верну вам.

Шнур у мамы был, и она с удовольствием дала моток Игнатии Львовне. Мама считала соседку

доброй и солидной женщиной, любила с ней беседовать. Сейчас она пожаловалась на Владика. Подумать только, не пошел в школу, где-то гулял полдня под дождем и ветром, потом начал сочинять всякую чушь и теперь лежит с простудой.

Соседка сдержанно охала и кивала.

— А что я могу сделать? — сказала мама. — Тут нужна сильная мужская воля, но отцу всегда некогда, он с утра до вечера на репетициях и смотрах.

Это была правда. Папа служил первым трубачом в оркестре, а оркестр-то не простой. Морской и показательный. И папа — не просто музыкант, а человек военный, с погонами главного корабельного старшины. А у военного оркестра полно работы: то приезжает комиссия адмиралов, то надо готовиться к параду, то ехать на гастроли…

— А когда приходит с работы, вместо того чтобы побеседовать об отметках и дисциплине, начинает с сыном дурачиться и барахтаться на ковре. Будто два четвероклассника!

— Да, это очень печально, — посочувствовала Игнатия Львовна и посоветовала маме почитать в журнале «Семейное здоровье» статью профессора Чайнозаварского.

Статья называлась «Народная медицина и на-

родная педагогика». Профессор писал, что в наше время многие врачи стали вновь прибегать к старинным способам лечения: к разным травам, снадобьям и припаркам, которыми исцеляли больных в народе много сотен лет назад. Почему бы и в педагогике не вспомнить старые способы? Много веков подряд самым надежным средством воспитания был березовый прут. А сейчас этот метод незаслуженно забыт…

— Правда, у нас на юге березы — редкость, — вздохнула Игнатия Львовна. — Но при желании можно подобрать другую древесную породу.

С этими словами Игнатия Львовна попрощалась.

— Сама ты древесная порода. Бестолочь непрозрачная, — отчетливо сказал ей вслед Владик.

Мама влетела в комнату.

— Ты сошел с ума!

— А чего она…

— Я скажу отцу, чтобы поговорил с тобой как следует. Пусть только придет.

— Ну и придет… Я ему все объясню. Он все до конца выслушает, он терпеливый.

— Слишком терпеливый, ни разу не взялся за тебя… Боюсь, что мне самой придется поступить, как советует профессор…

— Я болею, — быстро сказал Владик.

— Ничего, я подожду. Имей в виду, сегодняшние фокусы я тебе не прощу.

— Простишь, простишь, — сказал Владик.

— Это еще почему?

— Ты сама говорила, что все мне простишь, кроме музыкальной школы. А теперь ведь не музыкальная…

— Болтун несчастный, — сказала мама и ушла из комнаты, чтобы нечаянно не засмеяться.

А Владик уснул. Он спал до самого вечера, потом поужинал, потом снова улегся. Он не слышал, как вернулся папа и о чем они с мамой говорили. Ему снилось, что они вдвоем с Никой летят на зонтиках, а внизу бегут рыжий Костя и белобрысый Матвейка. И кричат:

Ветер с зюйд-веста,
Жених и невеста!
Летят без оглядки,
Сшибем из рогатки!

Это был, конечно, глупый сон, следовало бы проснуться, но Владик не сумел.

…А в стакане спал стеклянный барабанщик Тилька. Спал беспокойно, иногда вздрагивал, и вода плескалась. Тильке тоже снились недавние

приключения…

10

Утром дождя не было. Владик проснулся и увидел проблески солнца. Ночью во сне он летал среди разноцветных облаков и теперь старался вспомнить про это. В памяти остались только обрывки, но все равно было хорошо.

— Тилька, — шепотом позвал Владик.

Тилька не отозвался. Владик скосил глаза на стакан. В стакане было пусто: ни воды, ни Тильки.

— Ма-ма-а! — перепуганно завопил Владик.

Мама примчалась.

— Что с тобой?

— Где вода из стакана?

— Вода? Я выплеснула. В нее попала муха…

— Что ты наделала! — отчаянно сказал Владик… и увидел, что над краем учебника истории блестит капелька — Тилькина голова. Тилька прижимал к стеклянным губам крошечный палец.

Владик шумно передохнул и откинулся на подушку.

— Что с тобой? Ты еще болеешь, тебе плохо? — перепугалась мама.

Владик захохотал и вскочил.

— Я здоров, как сто слонов!

— Ну разумеется, — сразу успокоилась мама. — По выходным ты всегда здоров, потому что не надо идти в школу… В таком случае отправляйся на рынок за помидорами.

— Сию минуту!

Но «сию минуту» не получилось. Пока Владик умылся, пока позавтракал, пока выслушал мамины наставления, прошел, наверно, час. Когда Владик, махая сумкой, топал к рынку, солнце стояло уже высоко. То есть это принято говорить, что стояло. А Владику казалось, что оно мчится среди быстрых клочкастых облаков, как оранжевый мяч. Оно часто пряталось в эти облака, но так же часто выскакивало из них, и тогда становилось жарко, будто рядом распахнули печную дверцу.

На каменных плитах тротуара сверкали лужи. Ветер был сильный, как вчера, он срывал и сыпал в лужи капли с каштанов и акаций. И листья тоже срывал, и колючие шарики каштанов. А лужи морщил и делал их похожими на стиральные доски. Искры солнца вспыхивали на них, как бенгальские огни…

Тилька сидел на дужке очков и болтал стеклянными ножками. Владик сказал ему:

— Хорошо, что ты ночью выбрался из стакана.

— Я пре-длинь-смотрительный, — прозвенел Тилька Владику в ухо. — Мне совсем не хотелось отправляться в канализацю.

— А по-моему, ты просто испугался мухи, — поддразнил его Владик.

— Я?! Какая дринь-бень-день! — возмутился Тилька. И вдруг сказал очень серьезно: — Я испугался, что в стакане я заметный. Не такого цвета, как вода.

Владик удивился:

— А какого же ты цвета?

— Посмотри сам. Клюквенного…

Владик взял Тильку на ладонь.

— Ты что выдумал!

Тилька был такой же, как всегда: бесцветное стекло, искорка на плече. Но он сказал:

— Смотри, смотри как следует.

Владик повертел Тильку так и сяк. И при одном из поворотов заметил, что в стекле и правда мелькнул красноватый отсвет.

— Ну… самую чуточку. Совсем незаметно. Тилька, а отчего это с тобой?

Тилька сказал с гордой ноткой:

— Потому что, когда я разбился, на стекло попала капелька крови. Твоей… Теперь во мне тоже

человечья кровь.

— Это же хорошо, Тиль!

— Неплохо, — снисходительно согласился он. — Только есть свои неудобства… Когда будешь высаживать меня, выбери лужу у кирпичной стены. В красном отражении я буду не так заметен.

В городе, сложенном из мелового камня и серого ракушечника, не так-то легко найти здание или забор из кирпичей. Наконец Владик оставил Тильку в луже у красной трансформаторной будки. Они договорились встретиться через пару дней, и Владик, махая сумкой, поскакал на рынок.

Но путь лежал мимо библиотеки, и, конечно же, Владик подумал: «А почему бы не заглянуть к Гоше?»

Гоша сидел над тетрадкой и грыз карандаш. Владику он обрадовался.

— Послушай, что я сочинил!

Над морем взволнованным ветреный вечер

Луну запалил, как большую свечу.

Летел в океане прославленный «Кречет».

И мне показалось: я в небе лечу.

— Молодец! — сказал Владик. — Гоша, а я вчера тоже летал! Правда! С зонтиком…

И он стал рассказывать Гоше про вчерашние приключения.

Гоша охал, удивлялся, махал растопыренными ресницами, дергал себя за бороду, качал головой и, когда слышал про опасности, озабоченно говорил: «Ай-яй-яй». А если человека так замечательно слушают, ему хочется говорить еще и еще. Поэтому рассказ у Владика продолжался почти полчаса. Наконец Владик выдохся и обессиленно бухнулся на Гошину корабельную койку.

— Ай-яй-яй, — последний раз проговорил Гоша. — А если бы ты где-нибудь грохнулся?

— Ну, вот еще! — откликнулся Владик, болтая в воздухе ногами. — Полеты я вполне освоил, зонтик надежный… Жаль только, что теперь надо нести в мастерскую.

Гоша быстро отвел глаза, чтобы Владик не прочитал в них такую мысль: «Ну и слава богу, что в мастерскую. А то еще брякнешься…»

— Сейчас чайку заварю, — бодро сказал Гоша. — Тебе с сахаром? — Сам он пил соленый чай.

— Ага… Вообще-то я завтракал…

— А у меня апельсиновое варенье припасено. Специально для тебя.

— Тогда конечно! — обрадовался Владик.

Гоша завозился у плитки, приговаривая:

— Заварим покрепче, попьем побольше… Чаек с утра — дело полезное, мозги прочищает… Я полночи не спал, теперь надо освежиться.

— Почему не спал? — спросил Владик, валяясь на койке. — Разве у гномов бывает бессонница?

— Не бессонница! Все над поэмой сидел. Думал, как ее закончить. Главную рифму искал… — Гоша оглянулся на Владика.

Владик перестал дрыгать ногами и сел. Он вспомнил, что обещал Гоше помочь с этой рифмой.

— Я тоже искал, — сказал Владик и слегка покраснел. — Пока что ничего в голову не идет… Гоша, я буду еще думать…

Он встал и осторожно вышел на балкон. Солнце по-прежнему летело среди косматых облаков. Шумели деревья, и внизу, на тротуарах, вспыхивали лужи. Влажный ветер был теплым и сильным. Он толкал Владика в грудь упругими ладонями. Владик наклонился ему навстречу, перегнулся через перильца.

— Владик, не упади, — сказал из комнаты Гоша.

— Зачем это мне падать?

— Смотри, слетишь с балкона, а зонтика-то сейчас нет…

Владику показалось, что при таком ветре и при таком хорошем настроении можно полететь и без зонта. Раскинуть руки, грудью лечь на тугие потоки воздуха — и они тебя подхватят, и ты заскользишь среди них, как легонькая модель планера.

От карниза крыши на башенке тянулась к балкону обвитая плющом веревка. Владик ухватился за нее, встал на перильца. Они задрожали под ногами, на секунду сделалось жутковато. Но ветер тут же развеял страх. Он был плотным и надежным, этот ветер. Владик наклонился ему навстречу. Ветер держал его. Еще немного — и в самом деле подхватит, понесет, как сдутое с крыши голубиное перо. Летело солнце, летели облака, летел ветер! Почему бы не полететь и Владику? Он улыбнулся и, качаясь на перильцах, отпустил веревку…

— Владик! — ахнул за спиной Гоша. Что-то загремело в комнатке, сильная рука рванула Владика за рубашку. — Назад!..

Но сам Гоша не удержался. Тяжелым своим телом он пробил перильца и ухнул в пустоту.

Как быстро и страшно может измениться

жизнь. В один миг! Только что было чудесное утро, блеск веселого солнца, летящая радость. И вдруг… распластанный на тротуаре Гоша.

Когда Владик скатился по лесенке и выскочил на улицу, Гоша уже не лежал. Он сидел у стены под окнами библиотеки, раскинув громадные ступни и упираясь ладонями в мелкие лужицы. Глаза его были закрыты.

— Гошенька! — заплакал Владик. — Что с тобой? Гоша!

Гошины торчащие ресницы поднялись. Он даже слегка улыбнулся. В его синих ребячьих глазах была растерянность и виноватость.

— Ах ты, какая неприятность… Как же это получилось… — тихонько простонал он.

Владик сел перед ним на корточки.

— Гоша! Ты зачем так? Гоша, я же не падал… Гоша, ты сильно ушибся?

— Да ничего, ничего… Только что-то внутри… Пойдем-ка, Владик, а то нехорошо. Прохожие увидят, скажут: что такое?

Он вдруг довольно быстро встал. Пошатался и выпрямился. Ухватил Владика за плечо. Владик обрадовался: раз Гоша может идти, значит, не так уж все страшно.

— Гоша, тебе очень больно?

— Ничего, ничего, Владик. Не очень…

Они осторожно прошли под арку в библиотечный двор — там была дверь, ведущая на лесенку, в башню. Но в пяти шагах от двери Гоша вдруг опустился на четвереньки. Дополз до ствола платана, привалился к нему спиной. Владик бухнулся перед ним на коленки — в ломкую сухую траву.

— Гоша! Ты что? Плохо, да? Гоша, скажи… Я сейчас «Скорую помощь» вызову! — Он вскочил.

— Постой, Владик, постой… У гномов «Скорой помощи» не бывает. Я так посижу…

Владик беспомощно затоптался и снова заплакал.

— Это из-за меня… Гоша, ты когда поправишься, отлупи меня как следует, ладно?

— Вот еще глупости, — проворчал Гоша и опять немножко постонал. — Это я сам виноват, такой дурак неуклюжий. Старый потому что… Вот и значит, что помирать пора.

— Гоша, не выдумывай! — отчаянно сказал Владик.

— Ничего, ничего… Жалко, что про «Кречета» не успел дописать. Ах ты, беда какая…

— Гоша…

— Ты, Владик, это самое… — пробормотал Гоша. — Ты на меня сейчас не смотри. Не надо на

это смотреть…

Но Владик смотрел. Он даже хотел опять опуститься перед Гошей на колени, взять его за плечи, уговорить, чтобы Гоша поднялся, чтобы стал такой, как раньше. Только не мог, не смел. Потому что Гоша… потому что с ним делалось что-то пугающее, непонятное. Сквозь грузное, обтянутое тельняшкой тело стали видны камешки, трава и серый ствол платана. Как на экране кино, когда одно изображение проступает через другое. Гоша делался прозрачным, исчезал, и замерший Владик не мог даже вскрикнуть…

Когда примятая Гошей трава стала видна яснее, чем он сам, Гошино очертание колыхнулось, будто под слоем взволнованной воды. Резкий, с холодными брызгами воздух ударил Владика по ногам и рванулся вверх сквозь ветки платана. Оттуда упал Владику на сандалии желтый зубчатый лист. На нем блестели большие капли.

А Гоши уже не было. Совсем…

Владик долго смотрел на упавший лист, не сгибаясь. Потом поднял его, машинально покачал на ладони. Зачем-то тронул языком самую крупную каплю.

Капля была очень соленая…

Часть II
СИНЕКАМЕННАЯ БУХТА

1

Владик долго стоял у платана. Было пусто и тихо. Ветер не залетал во двор, только по траве неслись тени облаков. Капли на листе высохли. Владик уронил его.

«Вот как умирают гномы, — думал Владик. — Раз — и растаял… Наверно, поэтому ученые ничего не знают про гномов. Живые они скрываются, а мертвые исчезают. Как их изучишь?»

Он думал об этом как бы со стороны. Будто не он, не Владик, а кто-то другой. А в нем, во Владике, застывшим ледяным комом сидело горе. Такое, что ни заплакать, ни закричать.

Потому что зачем кричать? Гоши все равно нет и не будет…

…А почему нет?

…А почему не будет?

Ведь он исчез так невероятно, так необъяснимо. Вдруг он просто сделался невидимкой? Или растаял, а потом появится вновь! Может быть, он уже в башне, возится с чайником и поглядывает

на дверь: скоро ли прибежит Владик?

Нет, наверно, он лежит на койке. Все-таки он здорово расшибся. И чайником займется Владик. А потом сделает Гоше компресс, побежит в аптеку, в поликлинику, узнает, нет ли специального врача для гномов.

А когда Гоша поправится, пусть он в самом деле налупит его, Владьку, или оттаскает за уши как следует! За этот дурацкий фокус на балконе… Нет, Гоша не будет. Но тогда Владик станет приходить к нему и стоять носом в углу, как глупый, напроказивший дошкольник. Каждый день по два часа целый месяц подряд. Или больше. Пока Гоша не простит его до конца…

Лишь бы Гоша поправился!

Владик помчался наверх, в башенку. Дверь толкнул…

— Гоша!

Нет Гоши. Распахнута балконная дверца, выбито стекло, сломаны перила. Ветер гуляет в Гошиной каюте, листает раскрытую тетрадь. На включенной плитке сипит выкипевший чайник…

Владик рванул электрошнур и сел на койку.

Ждать Гошу.

Потому что Гоша все равно придет. Потому что,

если он не придет, как тогда жить? Не бывает так…

Владик очень долго сидел. Хотя кто знает? Время застыло, как на сломанных корабельных часах — они висели над столом и всегда показывали без пяти минут шесть. Владик ждал. И знал, что будет сидеть так и ждать хоть тысячу лет. Ему просто ничего другого не оставалось.

…И вот заскрипела лестница под тяжелыми, под такими знакомыми шагами, когда со ступеньки на ступеньку топают коротенькие толстые ноги. Вот приоткрылась дверь…

Владик не вскочил, не дрогнул. Он только медленно повернул голову. «Ну, входи же, скорее…» В приоткрывшейся двери показалась борода.

— Гоша!

Это был не Гоша. Это был совсем другой гном. В клетчатом пиджаке до пят, в черной шапочке вроде тех, что носят академики. И борода его в отличие от Гошиной была аккуратно расчесана. А нос прямой, тонкий, и на носу маленькое блестящее пенсне.

— Я прошу прощения, — сказал гном. — Я хотел узнать, дома ли Георгий Лангустович?

— Кто? — прошептал Владик. Теперь он стоял и растерянно смотрел на гостя.

— Хозяин этой квартиры. Я, собственно, по делу. Думал занять щепотку чая для заварки… А вы, как я понимаю, его приятель? Позвольте представиться: доктор книговедческих наук, здешний гном из книгохранилища, да-с. Рептилий Казимирович.

Владик молчал.

Гном деликатно переступил громадными вязаными шлепанцами и поинтересовался:

— Георгий Лангустович скоро придут-с?

— Он не придет… — сказал Владик. Он вдруг с жуткой ясностью понял, что Гоша и правда не придет. Совсем. И он бросился на койку лицом в колючее одеяло. Очки слетели.

Вместе с отчаянным плачем рванулись из Владика слова, крик о том, что Гоши больше нет. Потому что Гоша сорвался с балкона. Из-за него, из-за Владьки! Упал! Разбился и растаял! И теперь как же быть?!

Когда Владик немного затих, он заметил, что Рептилий Казимирович сидит рядышком на койке. Он положил Владику на спину ладонь. Такую же широкую и мягкую, как у Гоши. И сказал голосом, похожим на Гошин:

— Ай-яй-яй…

Потом он еще сказал:

— Выходит, Георгий Лангустович в какой-то степени… как говорится, помер.

— Из-за меня! — опять вздрогнул от рыдания Владик.

— Ну, что вы, что вы… Здесь просто стечение обстоятельств. Гномам не следует жить так высоко. Особенно если они не чердачные гномы… Я ему говорил…

— Что же теперь делать? — всхлипнул Владик.

Рептилий Казимирович вздохнул и развел руками.

— Делать нечего, раз уж так вышло. Мы, гномы, конечно, долгожители, но и нам приходится когда-нибудь покидать грешную землю… Хотя…

— Что?! — Владик стремительно сел.

— Хотя… — Рептилий Казимирович согнутым пальцем поскреб темя под шапочкой. — Если разбираться строго, по науке, мы, гномы, не умираем, как люди. Гном — это ведь что? Это часть окружающей вас, людей, природы. Поэтому, когда жизнь у гнома кончается, он просто растворяется в природе. Словно капелька воды превращается в туман. По крайней мере, так утверждает специалист по гномоведению профессор Корневищев-Перебродский. У него есть на эту тему капитальный труд… Да-с. И при определенных

условиях…

— Что? — опять спросил Владик. Теперь очень тихо, с замиранием.

— При определенных условиях гном, который растаял, может появиться опять. Как снежинка, которая кристаллизуется из тумана. Это, разумеется, грубое сравнение, но…

— А что за условия?! — быстро прошептал Владик. — Вы знаете, да? Пожалуйста…

— Видите ли… Были случаи, когда библиотечные гномы возникали повторно, если на одной полке выстраивались их любимые книги. А что касается гномов корабельных, то я, право же… Логично было бы спросить у них самих. Во избежание неточностей.

— Но я же никого из корабельных гномов не знаю! — отчаянно сказал Владик. — Где же их искать?!

— Право, не могу придумать, как вам помочь… Хотя… Георгий Лангустович как-то упоминал в беседе про Синекаменную бухту. Да, совершенно верно! В этой бухте стоит старый пароход, который служит корабельным гномам гостиницей. Тем, кто уже на пенсии… Георгия Лангустовича тоже хотели там поселить, но он, как вы знаете, пароходы не жаловал…

— А эта бухта где? — У Владика все жилки стонали от горестного нетерпения. И от надежды. Скорее бежать, скорее что-то делать, чтобы спасти Гошу!

Доктор книговедческих наук опять развел большущими ладонями:

— Здесь я, к моему глубочайшему сожалению, бессилен вам помочь. Надо спрашивать моряков, а я, сами видите, житель сухопутный. Да-с… Так я с вашего позволения возьму щепоточку чая? Георгию Лангустовичу он теперь… гм… все равно ни к чему…

Полдня Владик искал Синекаменную бухту…

Полуостров, на котором лежит город, сильно вытянут к западу. Его северный берег, если посмотреть на карту, напоминает пилу с неровными зубьями. Это врезаются в каменную сушу большие и маленькие бухты: Песчаная, Кра-бья, Пушечная, Фрегатная, Крепостная, Рыбачья… Все и не вспомнить сразу, особенно те, что поменьше. Про Синекаменную бухту Владик раньше не слыхал…

Вдоль берега, огибая оконечности бухт, идет шоссейная дорога. От города до Острого мыса, на котором стоит высокий маяк. По дороге ходят автобусы и троллейбусы. Владик выскакивал

из них на каждой остановке, продирался через заросли дрока, лазил по обрывам и остаткам старинных бастионов. Он проникал через колючую проволоку и заборы на территории канатных мастерских, катерных стоянок и рыбозавода, бродил в узких белых переулках Якорной слободы, где звонко кричали петухи, а над черепичными крышами захлебывались от ветра пестрые деревянные вертушки…

Он спрашивал мальчишек и взрослых: где Синекаменная бухта?

Никто не знал. И про старый пароход никто не слыхал.

«Может, совсем незаметная, маленькая бухточка? — думал Владик. — Поэтому и название никто не помнит… Может, и пароход совсем небольшой, похожий на старую баржу, которых немало на здешних берегах?» И опять он ехал, бежал, продирался, карабкался. Останавливал ребят, рыбаков, матросов, спрашивал…

Не отыскал он Синекаменную бухту. И на троллейбусе номер пять вернулся в город.

Когда Владик сошел на своей остановке (а вернее, измученно вывалился из троллейбусной двери), он сразу увидел маму. И мама сразу увидела Владика. Она схватила его за плечи.

— Где ты был? Ты сведешь меня в гроб! Я обегала весь город…

Но тут она разглядела, какой он исцарапанный, растерзанный и какие у него несчастные, мокрые от слез глаза. И молча быстрым шагом повела его домой. Там она умыла его, уложила в постель, накрыла ему лоб мокрым полотенцем.

— Я же говорила, что ты еще болен! Теперь будешь лежать в кровати несколько дней! Господи, и врача-то из поликлиники в воскресенье не вызвать…

Владик не спорил. Постель была прохладная, полотенце тоже. Колючий жар в голове угас, боль в разбитых ногах приутихла. Усталость уже не ломала кости, а растекалась по телу мягко и спокойно. Владик закрыл глаза. С минуту еще мелькали перед ним ноздреватые камни обрывов, колючки татарника и заросли дрока, белые заборы, чьи-то лица, синие вспышки волн. Потом потемнело все и навалился сон — совершенно глухой и черный.

2

Проснулся Владик, когда за окном было совсем темно. Он услышал, как мама в коридоре говорит Игнатии Львовне:

— Ума не приложу, что делать. Он какой-то шальной стал — то ли от простуды, то ли от чего-то еще. Убегает куда-то, глаза сумасшедшие… Хотела с отцом посоветоваться, а он прислал с матросом записку, что будет ночевать в части: допоздна репетиция, а завтра с утра смотр…

Владик приподнялся в постели. Он четко помнил все, что случилось. Но теперь казалось, что было это давно: и Гошина гибель, и поиски Синекаменной бухты. Может быть, поэтому Владик теперь не чувствовал ни отчаяния, ни беспомощности. Правда, слегка болели ноги, но усталости не было. И Владик четко знал, что делать: ни минуты не ждать, а продолжать поиски парохода, в котором живут гномы.

Как? Очень просто. Разыскать дядю Мишу, капитана «Тавриды». У них в клубе наверняка есть самые подробные морские карты. Уж на таких-то картах обозначена каждая бухточка!

Любой здравомыслящий человек сказал бы Владику, что надо отложить дело до утра. Но Владик не мог ждать. Все равно спать ночью он не будет, а будет мучиться мыслями о Гоше.

Владик понимал, что без хитрости из дому не выбраться. Ладно! Хитрости так хитрости! Чтобы вернуть Гошу, он будет, если надо, притворяться

здоровым, когда болеет, и больным, когда здоров. Будет, если придется, прогуливать школу, выпрыгивать из окон, рассказывать небылицы. Пусть! Потом он за все ответит, пожалуйста! А сейчас надо думать не о себе, а о Гоше. Только о Гоше.

Владик вышел в коридор и рассеянно пошел на кухню мимо мамы и соседки.

— Ты куда? — нервно спросила мама.

— Водички попить…

— А как ты себя чувствуешь?

— Ничего… Только слабость какая-то и спать очень хочется.

— Немедленно ложись и спи!

— Угу…

Владик глотнул воды и побрел к себе с видом человека, который думает только о постели.

Потом он, опасливо оглядываясь на дверь, оделся. Запихал под одеяло кучу книг, школьную сумку и волейбольный мяч. На подушку уложил игрушечного пса Бимса. У Бимса была светлая длинная шерсть. Очень похожая на Владькины волосы. Теперь, если глянуть от двери, сразу было видно: спит человек, уткнувшись носом в подушку, а из-под одеяла горчит его затылок с разлохмаченными прядками.

Владик бесшумно отворил окно. Он жил на

втором этаже, но путь из окна во двор был простым: сперва на карниз, потом на толстую ветку кизилового дерева и по стволу вниз.

Обратно — тоже раз чихнуть. Только бы мама не узнала…

Ровно шумели под теплым ветром акации и каштаны, иногда летели с них листья. На протянутых поперек улиц проволоках качались разноцветные фонарики. На площадке Приморского бульвара играл оркестр. По крутым ракушечным лестницам к бульвару спускались отпущенные в увольнение матросы. Воротники у них за плечами хлопали, как сигнальные флаги.

Сквозь музыку оркестра доносилось тяжелое уханье волн — они били о скалы под парапетом набережной.

В темной, неразличимой дали моря переливались красные и белые огоньки. Над крепостью, где был яхт-клуб, загорался и угасал зеленый маячок.

К яхт-клубу вел с горки переулок, спрятанный между высоких каменных заборов. Ветер сюда не залетал, было тихо, только заливисто стрекотали цикады. Владик прыгал по неровным ступенькам и думал, что, наверно, все зря. Едва ли дядя Миша и его друзья сидят в яхт-клубе допоздна.

Но попытаться все равно необходимо. Ждать до завтра нет сил.

Переулок привел к стене с бойницами. В ней были полукруглые ворота. У ворот светилась окошечком и открытой дверью фанерная будка. На пороге сидел вахтенный. Владик узнал вчерашнего усатого дядьку, которому попало от дяди Миши за ротозейство.

— Здрасте, — нерешительно сказал Владик.

Дядька встал. Он, кажется, обрадовался.

— Здравствуй, летун! Владик Арешкин, да? Проходи. Велено пускать в любое время дня и ночи.

— А дядя Миша… он еще здесь?

— А куда он денется? Он со своим экипажем в клубе днюет и ночует!

В каземате с корабельным имуществом были все трое. Дядя Миша у столика под ярким фонарем листал большую книгу (наверно, вахтенный журнал). Зуриф сидел на ящике и заплетал конец толстого троса. Лариса чистила подвешенный к ржавому крюку небольшой корабельный колокол. И напевала:

Ночь туманная,
Окаянная,
И тоска берет моряка…

Но видно было, что никакая тоска ее не берет, а наоборот, настроение прекрасное.

— А, птичка вечерняя! — сказала она.

Зуриф сказал:

— Привет, дорогой! Привет, спаситель!

Дядя Миша поднял голову от журнала.

— Владик? Здравствуй… Ты с зонтиком или без? Как жизнь?

— Здравствуйте. Зонтик в мастерской, поэтому я без… — ответил Владик. — А так… жизнь ничего.

Это были хорошие люди, добрые люди, но рассказывать им печальную историю Владик не хотел. Во-первых, он боялся опять расплакаться. Во-вторых… по правде говоря, было стыдно. Ведь Гоша погиб из-за него. Из-за его легкомыслия и глупости. Признаваться в этом было мучительно… Да и разговор мог затянуться, а Владик хотел только одного: скорее узнать про таинственную бухту.

— Я по делу, — сказал он. — Мы с ребятами поспорили: есть на нашем берегу бухта Синекаменная или нет? Один… мальчишка говорит, что есть, а больше никто не слыхал. А вы про нее случайно не знаете?

Дядя Миша улыбнулся:

— Случайно знаем. Слышали… Лариса, приготовь гостю чайку, да и нам заодно… Слышать-то слышали, да только ведь это легенда… Ты садись.

Владик послушно сел на стопку спасательных кругов, провалился в нее, как в большой бублик, выбрался, сел на край и встревоженно спросил:

— Какая легенда? Почему?

— Да вот так… Она пошла еще со времен знаменитых Парусных Адмиралов. Говорят, эту бухту нельзя увидеть ни с суши, ни с моря. А попасть к ней можно только по старинным подземным ходам…

— Но все-таки можно? — с надеждой перебил Владик.

— Это же сказка… Говорят, что давным-давно, когда город осаждали англичане и французы, наши солдаты пробирались по этим ходам в тыл противнику. А в бухте прятался парусный тендер лейтенанта Новосильцева. Он по ночам подкрадывался к вражеским транспортам и стрелял по ним в упор. Его звали «Невидимый тендер»…

— Про Новосильцева я не слыхал, а насчет ходов точно, — заговорил Зуриф, любуясь заплетенным тросом. — Мы, когда пацанами были, эти ходы много раз искали, только они все засыпанные

или ведут не туда, не к бухте… А между прочим, имеются сведения, что из нашего порохового погреба тоже ход есть. Как раз до Синекаменной…

Владик вздрогнул и опять провалился в круги. И замер так, с коленками выше головы. И услышал голос Ларисы:

— Ты, Зуриф, не дури мальчику голову.

— Ай, разве я что говорю? В погреб все равно не попасть.

— Да не погреб там, а просто кладовка, — сказал Владик из кругов. С хитрой мыслью сказал, нарочно. Потому что был он сейчас как разведчик.

— Ну почему же? Самый настоящий пороховой погреб там был, — подал голос дядя Миша. — В старину, конечно. Там и дверь старинная, кованая.

— Разве? — будто бы удивился Владик. — Я и не заметил… А можно посмотреть?

Дядя Миша покряхтел и поднялся из-за стола.

— Ну, уж если так хочется… Зуриф, дай фонарик. — Он вынул Владика из кругов, и они пошли в соседний каземат.

Дядя Миша включил свет. Владик опять увидел железную дверцу, вросшую нижним краем в бетон. На двери были кованые петли, могучие заклепки и тяжелое кольцо.

— Видишь? — сказал дядя Миша. — Это же старина. И мощь какая… Там раньше хранились заряды и ядра.

— Ага… — прошептал Владик. — А можно я туда загляну?

— Попробуй. Только все равно ничего не разглядишь.

— Попробую…

Владик взял фонарик. Щель между дверью и железным косяком была большая. Даже не щель, а промежуток шириною в две ладони. Владик просунул в него руку с фонариком. Луч забегал по замшелым, грубо отесанным камням, по ступенькам и плитам… Владик толкнулся глубже. Продвинул плечо.

— Не застрянь, — сказал дядя Миша.

— Не-е…

Владик толкнул в щель голову. Железо сильно ободрало уши, но голова пролезла. Владик не хуже других мальчишек знал: если в лазейку прошла голова, пройдет и все тело. Он выдохнул воздух и рванулся. И оказался на крутых, убегающих вниз ступеньках.

— Эй, Владик! — встревоженно крикнул дядя Миша.

— Ничего, ничего… Все в порядке.

И правда, все было в порядке, только рубашка порвалась на спине и на груди.

— Как ты туда просочился? Вылазь немедленно!

— Сейчас, сейчас! Я только посмотрю!

Владик сбежал на бугристые плиты пола. Опять зашарил фонариком по стенам. Камни, паутина, обрывок ржавой цепи, разбитый бочонок…

— Вла-дик!!

— Да-да, сейчас!

…Рядом с бочонком луч провалился в темный узкий четырехугольник.

Проход? Куда?

— Я сейчас! Я только посмотрю!

Это коридор. Сандалии застучали по плитам. Коридор круто повернул, превратился в тесный сводчатый туннель и полого повел под уклон. Сзади искаженно и глухо опять прозвучал голос дяди Миши.

— Не бойтесь, я скоро! — крикнул Владик. Крикнул так, для очистки совести. Он не знал, скоро ли вернется. Знал только, что подземный ход есть.

Значит, и Синекаменная бухта есть!

Значит, вперед!

Скоро туннель стал тесным и низким до жути. Свод царапает макушку, стены почти касаются

локтей. Из грубых, неодинаковых камней стены. Между ними корни торчат, сверху тоже — как голые хвосты каких-то отвратительных зверей…

Опять поворот и… решетка! Сверху донизу! Но прутья тонкие и, кажется, совсем проржавевшие. Владик ударил по ним ногой — прогнулись. Еще раз! Еще! Проломились. Владик раскачал и выломал два прута. И дальше!

Ход сделался пошире, но дышать стало труднее. Воздух сырой и холодный, как в остывшей бане. Зябко, а все равно весь в поту. Бежать уже нет сил, можно только еле-еле шагать. Кажется, что к лицу липнет мокрая густая паутина. Забивает рот. И усталость липкая тоже… И страх липкий…

Он подкрался неизвестно откуда, этот противный, унизительный страх. Кажется, что кто-то сзади догоняет. Кажется, что кто-то впереди караулит. Выключить фонарик? А как идти в темноте?.. Ой, кто это? Чудовище?.. Нет, фонарик высветил под сводом светлый корявый камень, похожий на лошадиный череп. Таких камней много наверху, на диких пляжах под скалами…

…Наверху — это где? Сколько метров земляной и каменной толщи до верха? До травы? До простора, над которым видно небо? А если толща эта осядет, надавит, сожмет? Вот она ниже, ниже,

нельзя идти даже согнувшись…

Владик, сдавленно дыша, встал на четвереньки. Все равно надо вперед. Хоть на коленках. Хоть ползком, по-змеиному. Трудно? Так и должно быть. «А ты что думал? — сказал он себе. — Что Гошу так легко вернуть? Что он придет, снимет колпачок: здрасте, вот он я? Сам собой? Ишь чего захотел!..»

На животе так на животе. Зато легче дышать: потянуло навстречу свежестью, запахом травы и моря. Засветилась впереди зеленая лунная щель. Уже слышно, как шумят волны. Ну, давай, Владька! Еще рывок!

…Он выкатился в заросли татарника и белоцвета из расщелины среди приземистых глыб.

3

Несколько минут Владик лежал и ни о чем не думал. Просто он был счастлив, что выбрался из-под каменной толщи на волю, под открытое небо.

Небо это было по-прежнему в мелких, клочковатых облаках. Между облаками мчалась луна, похожая на котенка, за которым гонятся мохнатые собаки. Иногда она с размаху прыгала за облако, но тут же выскакивала и мчалась

дальше…

Владик встал. Он увидел небольшую полукруглую бухту с плоским берегом. Волны в бухте были небольшие, и на них прыгали лунные блики, словно кто-то просыпал над водой сто мешков золотистой стружки.

На мерцающей воде Владик увидел силуэт большого парохода.

Пароход был старинный, похожий на парусник — с высокими мачтами, опутанными густым такелажем. Над бортами горбились кожухи громадных гребных колес, а между мачтами торчали высоченные наклонные трубы.

Владик обрадовался, но не удивился. Все шло как полагается. Иначе и быть не могло! Зря он разве столько времени пробирался по жуткому ходу?

Пароход стоял у самого берега: видимо, он давным-давно врос днищем в отмель. Владик стряхнул с рубашки и волос мусор, помотал головой, чтобы прогнать усталость и страхи, и пошел к черному пароходу.

С борта на песок был перекинут узенький трап — две доски, сбитые поперечниками. Доски закачались, когда Владик ступил на них. Он пошел осторожно. С парохода навстречу Владику вышел

большой пес. Владик остановился на середине трапа. Кто его, этого пса, знает? Вон какой громадный. Пес подошел и внимательно посмотрел на Владика. В собачьих глазах отражалась двумя кружочками луна. Пес обнюхал Владику сандалии и колени. Владик зажмурился. И услышал:

— Пиллерс, иди сюда… А там кто еще такой? Тут посторонним не положено.

Владик открыл глаза. На борту, у фонаря, стоял высокий сгорбленный дядька в зимней шапке. Наверно, сторож.

— Я по делу, — сказал Владик.

— Какое такое дело среди ночи?.. Ладно, ступай сюда… Пиллерс!

Лохматый Пиллерс осторожно повернулся и пошел на пароход. Оглянулся на Владика, махнул хвостом: не бойся, мол. Владик пошел следом.

У дядьки под щетинистыми усами горел огонек сигареты. Как маленький стоп-сигнал. Владик остановился на палубе.

— Ну, что за дело-то? — хрипло поинтересовался сторож. — Если опять корабельное имущество растаскивать для всяких своих школьных музеев, дак я не дам. Пока судно на слом не пошло, я за него отвечаю, вот так…

— Нет, я не за имуществом, — робко объяснил

Владик. — Тут у вас, говорят, гномы живут.

— Чего-чего?

— Ну, гномы корабельные… Разве нет?

— Да есть, есть, — с досадой сказал сторож и бросил за борт цигарку. — Одна морока с ними… Появились неизвестно откудова, а как я могу охранять плавсредство, если на ем неизвестно кто и неизвестно сколько? Ходят, шебуршатся в трюмах. Не то люди, не то нечистая сила какая-то!.. А гнать их начальство не велит…

«Значит, есть!» — возликовал в душе Владик. Но открыто обрадоваться не посмел. Тихо спросил:

— А где они?

— А я знаю?.. Вон один с берега ковыляет, с самоволки возвращается.

Бородатый коротышка в джемпере до пят поднялся по прогнувшемуся трапу. Луна отражалась в его обширной лысине. Гном покладисто сказал сторожу:

— Ты, Федор Иннокентьич, посуди: какая самоволка? Я тебе не юнга, не матрос срочной службы, а уволенный пенсионер…

— А я, по-твоему, знать не должон, кто на берег сходит, кто обратно идет? Выходит, я на судне вроде кофель-нагеля безмозглого торчу? А у меня тут должность уставом определенная, за которую

мне зарплата идет…

— Никак тебе старуха с утра похмелиться не дала… — заметил лысый гном.

— Ты мою старуху не трожь! — тонким голосом сказал Федор Иннокентьевич. — Мне она не капитан, не боцман! Похмелиться… Да я которую неделю капли в рот не беру. А у тебя, промежду прочим, бутылка за пазухой, у меня на их глаз точный. А проносить напитки на судно…

— Чего говоришь-то! — возвысил голос гном. — Напитки! Да корабельные гномы, кроме соленой воды, сроду ничего не употребляли! А это вот, гляди!

Он вытащил из-за пазухи пузатую бутылку. На ней заиграли зеленые лунные искры. Гном поднял бутылку над головой. На фоне светлого неба сквозь стекло Владик разглядел силуэт кораблика с тремя мачтами…

— Ух ты… — машинально сказал Владик. Он и раньше видел бутылки с моделями внутри. В Корабельном музее. Он знал, что такие хитрые сувениры любят мастерить старые моряки.

— С выставки несу, — сказал гном. — Эта вещь там три недели… как это говорят… экс-по-нировалась. Между прочим, премию обещают. А ты — «напитки»…

— Дак я чего… Если премия, оно конечно…

— Внука бы постыдился, — сурово добавил гном.

— А кабы это внук… — сердито возразил Федор Иннокентьевич (обрадовался, что можно о другом, но виду не подал). — Сроду у меня таких внуков, которые по ночам гуляют, не было. Это вроде к тебе…

— Да?.. А… — Лысый гном сразу засмущался. Лысина потемнела (видимо, покраснела, но под луной и фонарем не разобрать). — Вы в самом деле ко мне? Я как-то… не очень…

— Нам бы поговорить, — тихо сказал Владик. — Один на один…

— А… ну, если вы настаиваете… А вот, давайте туда…

Гном засеменил от фонаря на носовую палубу. Там он присел на высокую крышку грузового люка, покрытую истлевшим брезентом.

Владик нерешительно сел рядом.

Один на один не получилось. Пришел следом пес Пиллерс, положил на колени Владику добрую морду. Владик погладил его по лохматым ушам.

— Хорошая, знаете ли, собака, — деликатно начал разговор лысый гном. — Удивительно благородный характер. Не то что у хозяина… А,

если не секрет, какое же у вас дело? Видите ли, в человеческих делах я разбираюсь крайне слабо и боюсь, что…

— У меня не человеческое, — прошептал Владик, и ему захотелось заплакать. — У меня гномье… то есть гномовое… Вы корабельного гнома Гошу знали? То есть Георгия Лангустовича…

— Гошу? С «Кефали»? Ну как же! Правда, не очень близко, но… А… простите… Почему вы говорите «знали»? Разве он…

Владик всхлипнул и все рассказал. Лысый гном слушал молча и совсем как Гоша дергал бороду. И Пиллерс слушал. И черные мачты, которые поднимались в высокое небо среди путаницы тросов и канатов. И луна…

И перед всеми Владик чувствовал себя виноватым.

Но лысый гном, которого звали Митя, повздыхал и сказал:

— Ну, при чем здесь вы… Эх, Гоша, Гоша. Знаете, его погубила страсть к стихам. Все к звездам стремился, повыше… Вот и… Нет, я его не осуждаю, что вы! У каждого свой характер. Но, когда гномы начинают мечтать о заоблачных сферах, это чаще всего кончается печально. Такое уже не раз бывало…

— Но Рептилий Казимирович говорил, что Гоша может вернуться!

Митя покивал блестящей лысиной.

— Это конечно… Только ведь нужны это… Как говорится, благоприятные условия.

— Какие?

— Надо ведь что… Чтобы построили корабль с тем же названием, как у того, на котором этот гном раньше плавал…

— Он на многих плавал…

— Тогда с названием самого любимого его корабля… Я знаю, он все про «Кречет» свой вспоминал. Только теперь таких названий и не дают. Все больше «Иртышлес» какой-нибудь, или, скажем, «Пионер Ашхабада», или знаменитое имя чье-нибудь. Это, конечно, хорошо, да только Гоше-то не легче. Да и не пойдет он на судно, если оно без парусов, он ведь романтик был…

— А если с парусами — пойдет? — с непонятной надеждой спросил Владик.

— Ну, тогда… отчего же не пойти?

— Спасибо! — сказал Владик. Он понятия не имел, где можно взять парусник с названием «Кречет». Но все-таки стало легче: значит, Гоша и правда не совсем умер.

Возвращаться через подземелье очень не хоте-

лось. Владик спросил у Мити, нельзя ли добраться до города по берегу. Оказалось, что очень просто. Надо пройти по тропинке через поросший белоцветом пустырь, вон за те старые дома. А там по шоссе ходит автобус номер восемь.

Пиллерс проводил Владика до остановки…

4

Ночные похождения Владика кончились благополучно. Мама дремала в своей комнате и ничего не заметила. Через окно Владик пробрался к себе.

Понедельник ему пришлось провести в постели. Мама решила, что сын еще не совсем здоров, отпросилась на работе и целый день поила Владика отвратительной настойкой, которую ей дала Игнатия Львовна. Владик послушно глотал эту гадость и думал: «Что же делать дальше? Где взять новое судно с именем «Кречет»?»

Во вторник после школы Владик прибежал к воротам яхт-клуба. Стоял безоблачный день, и желтые стены форта отражали солнечное тепло. Шторм утих, и только слабый ветерок полоскал на сигнальной вышке пестрые флаги.

— Здрасте, — бодро сказал Владик знакомому сторожу в морской фуражке. И хотел проскольз-

нуть в ворота. Но сторож глянул неласково.

— Куда? Нечего делать.

— Вы меня, наверно, забыли, — сказал Владик. — Я…

— Никого я не забыл. А делать нечего. Так и приказано: Арешкина не пускать.

— Почему? — испугался и расстроился Владик. — Я к дяде Мише…

— А хоть к кому… Вон твой дядя Миша идет, спроси сам.

Бородатый капитан «Тавриды» шагал через мощеный двор недалеко от ворот.

— Дядя Миша! — отчаянно крикнул Владик.

Тот оглянулся. Насупился. Медленно подошел.

— Почему меня не пускают? — чуть не со слезами спросил Владик.

Дядя Миша хмуро усмехнулся:

— А ты не знаешь?

— Откуда же я знаю?

— Тогда извини, но ты… голова твоя совсем пустая! Тебя что, гладить по этой голове за тот фокус с подземным ходом? Нырнул за дверь — и концы в воду!

Владькина голова повисла будто не на шее, а на шнурке. В самом деле — пустая башка. Почему сама про все это не сообразила?

Чтобы хоть как-то оправдаться, Владик прошептал:

— Но со мной же ничего не случилось…

— С тобой ничего. Но мы-то откуда это знали? Герой… Мы подняли на ноги массу народа. Зуриф искал среди ночи знакомых газорезчиков, чтобы расширили дверь! Потом он целый час лез по этому дурацкому ходу и лишь под утро узнал у сторожа на каком-то ржавом корыте, что был там мальчик в очках и уехал домой… Целая ночь нервотрепки из-за того, что мальчику Владику захотелось приключений!

Владик сдернул очки, вытер глаза рукавом, надел очки снова и посмотрел на дядю Мишу.

— Я не хотел приключений! Вы же не знаете… Там совсем другое дело. Потому что Гоша погиб… — Владик в одну секунду ослеп от новых слез.

Дядя Миша чуть нагнулся.

— Кто погиб?

— Я расскажу, — прошептал Владик. — Только вы, наверно, не поверите… Но я правду расскажу, честное слово… Если хотите…

Дядя Миша оглянулся на сторожа, взял Владика за плечи и повел вдоль крепостной стены. Недалеко от ворот лежал в зарослях сурепки ствол

старинной корабельной пушки. Дядя Миша сел на него и кивнул Владику: садись рядом. Потом потребовал:

— Ну, говори.

И Владик стал говорить. Про все по порядку. Сначала сквозь слезы и сбивчиво, потом поспокойнее. А когда рассказывал про сторожа Федора Иннокентьевича и гнома Митю, даже чуточку улыбнулся. Но сразу опять насупился.

Дядя Миша сказал:

— История странная, конечно, но я верю. Про корабельных гномов я слыхал, тут все понятно. Не пойму другое…

— Что?

— Почему ты из Синекаменной бухты не вернулся в яхт-клуб? Если не подземным ходом, так на автобусе. Хотя бы на минутку! Мы же там с ума сходили от беспокойства.

— Я не подумал, — прошептал Владик.

— Вот именно!

— Я боялся, что мама увидит, что меня нет. И будет волноваться…

— А по-моему, ты боялся другого, — усмехнулся дядя Миша. — Что тебе крепко достанется от мамы… Хотя, может быть, и не боялся. Человек ты храбрый. Но легкомысленный. Много думаешь о

себе и мало о других. Поэтому и храбрость твоя глупая. Начал фокусничать на балконе, а кончилось вон чем… Потом полез в подземный ход, а в клубе — ЧП.

Владик опять опустил голову до самых колен.

Дядя Миша продолжал:

— Теперь я думаю: наверно, ты и «Тавриду» спасал, только чтобы показать, какой ты герой…

Владик быстро встал. Потому что эти слова были совершенно несправедливые.

— Никакой я не герой! — со звоном сказал он. — Я боялся! А спасал, потому что надо было спасать! А вы… Если бы я от вас награду просил, а я же не за этим пришел. Я думал, что вы мне поможете. То есть не мне, а Гоше…

Дядя Миша смотрел своими синими глазами внимательно и несердито.

— Чем же теперь Гоше поможешь? — тихо спросил он.

— Но ведь можно построить новый «Кречет»! Пускай не клипер, а просто яхту большую. Только чтобы трюм был для Гоши.

Дядя Миша покачал головой.

— Что ты, мальчик. У нас тут спортивная организация, а не судоверфь…

— Но бывает же, что яхтсмены строят парус-

ники!

— Бывает… Но тогда название готово гораздо раньше яхты. Потому что такая яхта — мечта. У каждого своя. Никто не захочет менять свое название на чужое.

— А если очень попросить…

Дядя Миша поднялся с пушки.

— Бесполезно просить. Если кто и согласится, не разрешит начальство.

— Почему? — удивился Владик. — Хорошее название!

— Хорошее, да не то, что нужно. Получится нарушение грамматических правил. Клипер плавал давным-давно, тогда все слова, которые кончаются на согласные, писали с твердым знаком на конце. Наверно, сам видел в старых книжках. А сейчас так не пишут, правила не те… Без твердого знака название будет выглядеть уже по-другому. Гоша его не узнает и на это судно не пойдет…

Дядя Миша замолчал. Владик тоже молчал. То, что он услышал, понять было нелегко. Он помусолил палец и на пыльной крышке своей коричневой сумки медленно вывел:

КРЕЧЕТЪ

Потом сердито стер надпись и сказал:

— Чепуха какая! Из-за одной буковки…

— Буковка не чепуха, — возразил дядя Миша. — Их в русском языке всего-то тридцать три. Ни одну из слова не выкинешь и зря не вставишь. Правила — штука серьезная.

Владик думал минуты две. Мысли его были грустные, но не беспомощные. Не глядя больше на дядю Мишу, он медленно и упрямо сказал:

— Ладно. Тогда я сам построю корабль. И напишу название так, чтобы узнал Гоша.

Дядя Миша вздохнул:

— Зря ты обиделся. Я ведь в самом деле не знаю, как помочь.

— Я не обиделся. Просто…

Просто не о чем было больше говорить. Не имело смысла. Владик рассеянно сказал «до свидания» и пошел от форта.

Он шел и думал, что для постройки корабля нужно время и нужны помощники. А откуда эти помощники возьмутся?

Конечно, проще всего рассказать о «Кречете» ребятам в классе.

Проще-то проще, а что получится?

Сегодня на классном часе, когда его ругали за субботний прогул, Владик пытался рассказать, что его унесло штормом. Кое-кто сперва поверил,

но звеньевая Люська Башбицкая сморщилась и сказала:

— У Арешкина всегда фантазии.

И все захихикали.

Расскажешь про Гошу, а они опять захихикают. Да и легко ли рассказывать трем десяткам человек, как из-за твоей глупости сгинул корабельный гном?

А кроме того, корабль строить — не металлолом собирать. Нужна не толпа, а несколько надежных и упорных людей. Для начала хотя бы один верный друг. Тот, кто все поймет, поможет советом и делами.

Но бывший друг Витька — он и есть бывший. Сегодня на классном часе встал и высказался:

— Хоть Арешкин и не считает меня другом, но я его считаю и потому скажу правду в глаза: ты нам городишь всякие небылицы, потому что не уважаешь товарищей. Ты зазнался. А зазнался ты потому, что у тебя в «Пионерской правде» напечатали фотографию…

А Владик и думать-то забыл про эту фотографию! Разве теперь до нее?..

Витька просто бестолочь непрозрачная… Это Тилька так ругается. Кого это он так назвал? А, ту девчонку с рогаткой, Нику. Такая вредная дев-

чонка… В драку полезла ни с того ни с сего… Хотя потом вроде бы сама пожалела…

И пошла с Владькой.

И говорит: «Скажу родителям, что зонтик я сломала. Чтобы тебе не влетело…» Значит, честная.

И смелая. Глаза у нее решительные.

Раз пошла заступаться, значит, не такая уж вредная.

Может быть, даже добрая?

Зачем-то приснилась в позапрошлую ночь. Ха, жених и невеста! Невеста ни при чем, а помочь ему в деле она, пожалуй, смогла бы. По крайней мере, толку от нее было бы в тыщу раз больше, чем от Витьки Руконогова.

На этот раз Владик отыскал площадь с водокачкой быстро. И сразу увидел знакомых — рыжего Костика в мешковатых штанах и юркого белобрысого Матвейку. И еще нескольких мальчишек. И сердитых женщин, которые за мальчишками гонялись.

Короче говоря, на маленькой заросшей площади разгорался скандал. Женщины отчаянно кричали и пытались помешать ребятам, которые отвязывали от врытых столбов бельевые веревки.

— Хулиганы! — голосили женщины.

— Не ваша площадка! Мы тут играем! — вопили в ответ мальчишки. Справиться с ними было трудно. Их было больше. Пока грузные тетушки бежали к одному столбу, мальчишки успевали сбросить веревки с двух других.

Наконец могучая тетя в клеенчатом переднике ухватила рыжего Костика за лямку. И обрадованно поволокла на расправу.

— Не уйдешь, паршивец!

Но Костик ушел. Скинул лямку с плеча и выскочил из штанов, как заяц из мешка. И помчался по цветам сурепки. В красной просторной футболке и красных трусиках он был похож на летящий флажок для морской семафорной азбуки.

— Эй! — окликнул Владик.

«Флажок» подлетел.

— Что тут у вас? — озадаченно спросил Владик.

— Бой с веревочницами! — В глазах у Костика сверкали отблески битвы.

Тетка в клеенчатом переднике бежать не могла — запыхалась. Она только сипло вскрикивала и размахивала взятыми в плен штанами. Потом швырнула их и принялась яростно топтать.

— Она же их в клочья раздерет! — воскликнул Владик.

— Ага, — злорадно сказал Костик. — У меня там

в кармане разрывные снаряды. Смотри сейчас…

Он не договорил. Из-под тетки рванулся клуб зеленого дыма. Ее отнесло в сторону. Мальчишки захохотали. Веревочницы гневно заголосили и начали сами срывать веревки. Видно, поняли, что пора отступать. Веревки со столбов слетали с такой скоростью, что длинные тени не успевали за ними и оставались качаться на цветах и листьях сурепки. Но на это никто пока не обращал внимания.

— Ура! Наша победа! — орали мальчишки. Похожий на флажок рыжий Костик тоже орал и прыгал.

— А где Ника? — спросил Владик.

— Она в Канатном переулке, в засаде. Но теперь засада не нужна. Позвать?

— Ага… — сказал Владик.

Костик опять кинулся через площадь. За что-то запнулся, полетел в траву, но тут же вскочил и помчался дальше.

Веревочницы исчезли. Взъерошенные мальчишки-победители обступили Владика и с молчаливым любопытством поглядывали на него. Они были маленькие, но их было много.

— Я Нику жду, — на всякий случай сказал Владик.

— Вон она идет, — сказал Матвейка.

Ника подошла вместе с Костиком. Наклонила голову. Хлестнула по траве распушенной рогаткой. Спросила не очень приветливо, но и не сердито:

— Чего надо-то?

— Дело есть, — сказал Владик. — Долгий разговор… — Он глянул на мальчишек. — Отойдем в сторонку.

— Секрет, что ли?

— Вроде…

Ника подумала. Мальчишки открыли рты и развесили уши — ждали секрета. Ника вздохнула:

— Здесь не поговорить. Подожди меня две минуты.

Она скрылась за ближней калиткой и скоро появилась совсем другая. Не в наряде маленькой разбойницы, а в белом платьице и новых туфельках из серебристых ремешков. И даже с крошечными голубыми сережками в ушах. Только свежая ссадина у левого локтя говорила о недавнем боевом прошлом.

Мальчишки примолкли. Ника прикусила губу, мельком глянула на Владика и быстро сказала:

— Пошли куда-нибудь.

— Куда?

— Ну хотя бы на Приморский бульвар… — Потом она хмуро посмотрела на своих подчиненных: — А вы оставайтесь в карауле. А то веревочницы опять захватят территорию.

Мальчишки недовольно зашептались, но следом за Никой и Владиком не пошли.

5

Печальную историю Ника выслушала серьезно. Не перебила ни словечком. Они сидели на бульваре, на скамейке позади киоска с мороженым, и Владик говорил, а Ника медленно кивала и осторожно трогала свои сережки. Над скамейкой рос большой каштан. С него иногда падали и лопались колючие шарики. Ника не обращала внимания. Владик тоже.

Когда Владик закончил рассказ, Ника покачала головой и проговорила:

— Дядя Миша правду тебе сказал: ты очень легкомысленный.

— Хватит уж об этом, — насупился Владик.

— Ничего не хватит. Ну, полез на балкон, потому что не подумал. А почему ничего не сделал, когда Гоша упал?

— А что я мог сделать? Я же не знал, как помочь!.. Разве я виноват? Вот когда Тилька разбился, я сра-

зу побежал! Потому что знал, как его спасать…

— А как? — спросила Ника.

Владик рассказал про стекольного мастера.

— Сплошные сказки, — задумчиво сказала Ника.

— Значит, не веришь… — вздохнул Владик.

— Почему? Я верю. Честное железное-якорное слово. Я сказки люблю… Только я не могу тебе помочь.

— Не хочешь?

— Хочу, но как? Я не знаю. Корабль нам ни за что не построить.

— А если совсем небольшой? Только чтобы трюм для Гоши был… А?

— Небольшой — это все равно настоящий. Мастера даже маленькие модели годами делают.

— Ну уж… — сказал Владик.

— Вот тебе и «ну уж». Спроси своего знакомого.

— Какого?

— Ну, того гнома на пароходе. С моделью в бутылке…

— Так мы же не в бутылке будем строить!

— Да! И не модель, а громадину! А мы умеем? А из чего строить? А где чертежи?.. А… почему не в бутылке?

— Что? — сказал Владик.

— Сейчас, — сказала Ника, морща лоб. — У меня мысль…

— У меня тоже… — прошептал Владик.

— Если в бутылке… кораблик…

— Маленький «Кречет»…

— А бутылку попросить у стекольного мастера… Да, Владик?

— Да! Как ту, в которой Тилька… Ника!

— Что?

— Как здорово, что я догадался тебя разыскать! — восторженно сказал Владик.

Она улыбнулась и опять потрогала свои сережки. Но тут же сказала:

— Подожди, подожди. Здесь еще столько непонятного…

— Чего?

— А вдруг эти бутылки корабли не увеличивают? Может, они только для стеклянных человечков.

Владик приуныл:

— Тогда все пропало…

— Да подожди… Что ты за нытик, честное слово! Надо все выяснить. Надо пойти к стекольному мастеру и про все расспросить.

— Так он тебе и скажет, — вздохнул Владик. — Начнет кричать, какие мы ужасные дети…

— Все равно без мастера не обойтись.

— Конечно. Только зачем лишний раз рисковать? Давай лучше спросим Тильку! Он про эти волшебные бутылки, наверно, тоже знает.

Но Тильку надо было еще найти!

День стоял сухой, луж не было, и где могли прятаться стеклянные музыканты, Владик и Ника понятия не имели. Они обошли полгорода и успели два раза поругаться. Потому что один раз Владик сказал, что все бесполезно, а Ника снова назвала его нытиком. А второй раз у Ники выпала из уха сережка, и ее долго пришлось искать в траве в Историческом парке, и Владик говорил, что все девчонки воображалы и модницы. Приходится терять столько времени из-за ерунды!

Но зато здесь же, в Историческом парке, где плескался фонтан с маленькими водопадами на зеленых ступенях, Владик заметил среди струй крошечных прозрачных плясунов со скрипками и флейтами.

Конечно, это мог быть совсем другой оркестр. Но Владик пригляделся и позвал:

— Тиль!

И стеклянный барабанщик прыгнул ему на ладонь.

Увидев Нику, Тилька сердито прозвенел:

— А з-зачем она здесь? Прогони!

— Подожди, Тилька…

— Не хочу ждать! Она сказала, что я сосулька!

— Я больше не буду, — торопливо пообещала Ника.

— Мало ли что «не буду»! Ты уже сказала!

— Я не подумала… Разве «сосулька» — это обидно? Сосульки такие прозрачные и красивые, в них солнышко блестит.

— Но они ледяные, а я живой!

Ника вздохнула и поджала губы. Целую минуту она усмиряла свою гордость. Потом сказала:

— Ты меня прости. Я очень виновата.

— Динь-да? Тогда ладно, — согласился Тилька. — Только больше не дразнись.

— Ни в коем случае не буду! — поклялась Ника и глазами напомнила Владику: «Спрашивай».

— Тилька! У стекольного мастера есть еще такие бутылки, в какой он тебя отремонтировал?

Тилька гордо сказал:

— У него тыщи всяких бутылок. А если нет, он динь — и сделал. Он же волшебный мастер.

— А если мы очень попросим, нам он сделает?

— Зачем?

Владик вздохнул и опять рассказал историю

про Гошу. За сегодняшний день — третий раз. Тилька слушал, и капельки стекали с него Владику на ладонь.

— Тилька! Если сделать в бутылке кораблик, а потом бутылку о пол?! Что будет? — Владик смотрел жалобно и нетерпеливо.

Тилька важно подумал. Потом спросил:

— А из чего кораблик?

— Ну… из бумаги, из лучинок. Из картона…

— Будет куча дров, — уверенно сказал Тилька.

— Почему? — разом спросили Владик и Ника.

— Какие динь-бестолковые! Бутылка увеличивает только настоящее! От меня, от настоящего, был кусочек, из него мастер сделал человечка. И я снова вырос — как из семечка! У вас есть кусочек от настоящего «Кречета»?

Ника посмотрела на Владика испуганно и беспомощно. Владик тоже растерялся. Но только на несколько секунд. Потом сразу сказал:

— Есть!

Дверь в башенку была не заперта. И все в Гошиной комнатке оказалось как прежде. Видимо, никто в домоуправлении не знал еще, что Гоши уже нет. Даже на сломанные перила никто не обратил внимания.

В открытую балконную дверцу влетал вете-

рок. Переворачивал листы тетради с Гошиными стихами. Владик подумал и положил тетрадку в сумку.

Владик был здесь один: Ника с Тилькой ждали на улице. Он посидел на Гошиной койке, погладил колючее одеяло. Поправил на гвозде потертый Гошин бушлат. Потом взял с полки гладкую коричневую табакерку.

Крышка табакерки открывалась легко. Чтобы она не отскакивала сама собой, на табакерку было надето резиновое колечко. Владик спрятал его в карман. Затем он вышел на балкон, открыл табакерку, зажмурился и сильно дунул, чтобы улетел табак.

Табачная пыль взвилась желтым облачком. И облачко полетело вместе с легким ветром. Через полчаса оно оказалось у окна старого дома с облезлой штукатуркой. За окном, в неуютной комнате третьего этажа, шло экстренное заседание ТКВ. Веревочницы обсуждали сегодняшний бой на площади в Боцманской слободке.

Окно было плотно закрыто, но мелкая табачная пыль проникла в незаметные щели.

Председательница клуба веревочниц говорила:

— Эти события — крупное поражение для нас.

Если дальше так пойдет дело, нам, уважаемые дамы, придется закрыть клуб… — Она вдруг сморщила нос и закатила глаза. — А-а… а-а-апчхи!

— Будьте здоровы… По-моему, у нас есть еще надежда, — сказала ее заместительница. — Ведь от веревок остаются на земле… А-а-апчхи! Ой…

— Будьте здор… а-апчхи! — разом сказали две дамы. И члены клуба веревочниц стали чихать без перерыва. Это продолжалось около часа и было признано дурной приметой.

6

— Нет, вы посмотрите на этого ребенка! — кричал стекольный мастер. — Мальчику нужна волшебная бутылка, ни больше ни меньше! Может быть, мальчик думает, что сделать такую бутылку — это все равно что выдуть склянку для рыбьего жира?!

— Нет, я так не думаю, — робко подал голос Владик, а Ника вообще молчала и старалась держаться поближе к наружным дверям мастерской.

Мастер сел на скрипучий стул и печально подпер кулаками щетинистый подбородок.

— Но ведь, если не будет бутылки, Гоша никогда не вернется, — тихо сказал Владик.

— Но при чем здесь я?! — опять закричал мастер. — Гоша — корабельный гном, а я — специалист по неразгаданным свойствам стекла! Это совсем другой отдел волшебного ведомства: не морской, а стекольный!

— Вот поэтому мы к вам и пришли, — сказала от дверей Ника. — Кроме вас никто-никто не сделает эту работу.

— Да? — грустно спросил мастер. — А что я получаю с такой работы? Одни несправедливости да еще всякие болезни и нервные переживания. Мне говорят: ах, вы артист в своем деле, вы имеете в вашей работе радость творчества. А что мне с той радости, когда начальство топает на меня ногами и кричит, что лишит меня премии, потому что мастерская не выполняет план по выпуску аптечных пузырьков!

— Мы вам соберем целую тысячу пузырьков! — пообещала Ника. — Я всех знакомых ребят на это дело подниму, мы все свалки облазим.

— Ну, конечно! — воскликнул мастер. — Лазить по свалкам — это они могут! По помойкам, по пустырям, по лужам! Там не надо думать про уроки или чтобы помочь бедным родителям, которые из-за таких детей раньше срока начинают глотать сердечные капли!..

Тилька сидел среди склянок, на краю фаянсового блюдца. Он поманил мастера прозрачной ручкой. Но тот опять закричал:

— Не буду я тебя слушать, не подлизывайся!.. Детям нужна бутылка! Ха! А дети спросили, из какого стекла делаются такие бутылки? Они делаются из чистейшего хрусталя, который у меня кончился еще до летнего солнцестояния! А к тому же надо увеличивать не стеклянного шалопая, а корабль! Значит, в хрусталь необходимо добавить оптическое стекло от подзорных труб и биноклей, в которых отражались морские просторы и волны! Может быть, у вас есть такие бинокли? Может быть, у детей хранятся дома трубы капитанов Крузенштерна и Лаперуза? У меня — нет! У меня не хранятся!

Владик и Ника беспомощно переглянулись.

Мастер нервно стучал волосатыми пальцами по столу.

— А может быть… — начал Владик.

— Что? — сердито спросил мастер.

— У меня есть аппарат «Зенит», а в нем хороший объектив. Тоже оптическое стекло. В нем тоже отражались волны и просторы, потому что я делал альбом с морскими снимками.

— Ну… допустим, — недовольно сказал стеколь-

ный мастер. — А хрусталь?

— Мы подумаем… — сказал Владик.

— Мы поищем, — сказала Ника. — Владька, пошли.

— Я с вами! — крикнул Тилька.

— Имейте в виду, что стеклянное волшебство действует лишь в теплую половину года, — ворчливо предупредил мастер. — Этот срок заканчивается в день осеннего равноденствия, двадцать первого сентября. У вас осталась неделя.

На улице Ника сказала:

— А где возьмем хрусталь?

— Понятия не имею, — отозвался Владик. — У бабушки есть люстра с хрустальными подвесками, но бабушка в Калуге. И люстра тоже.

— За подвески тебе оторвали бы голову.

— Какая разница? Мне все равно оторвут ее за объектив.

Ника задумчиво проговорила:

— У детей ужасно несправедливая жизнь. Все время за что-нибудь попадает.

— А тебе-то за что? — поинтересовался Владик.

— Мало ли… Например, за рогатку.

— Ну… а зачем тебе рогатка… — неуверенно сказал Владик. — Ты все же девочка. Да и вообще это свинство — по птицам стрелять. Сейчас везде

борьба за охрану природы.

— А кто стреляет по птицам?! — взвинтилась Ника. — Балда ты! Не знаешь, а говоришь!

— Опять ругаются… — подал голос Тилька. Он сидел на ухе у Ники и держался за прядку волос.

— А чего он зря болтает! — сказала Ника. — Мы не с птицами воюем, а с веревочницами. Рогатки — это чтобы веревки перешибать!

— Из рогатки веревку не перешибешь, — сказал Владик.

— Если камушком, то не перешибешь. А если специальным разрывным снарядом…

— А! Как у Костика? — вспомнил Владик. — Когда тетка на его штанах взорвалась?

— Ага… Только мы их еще не до конца изобрели, они не всегда срабатывают, — призналась Ника.

Владику захотелось узнать, какой в этих снарядах состав.

— Вообще-то это военная тайна, — сказала Ника. — Ну ладно, ты ведь тоже против веревочниц… Там сера от спичек, ржавчина от старинной пушки и семена белоцвета.

— А при чем здесь белоцвет?

— Разве ты не видел, как у него головки лопаются? В них очень сильная взрывчатая сила. Качается, качается такая головка, а потом

— пух! — распушилась белыми семенами. И полетели они…

— Все равно… — с сомнением проговорил Владик. — Что камень, что снаряд, из рогатки им трудно попасть по веревке.

— Пфы! «Трудно»!.. На Боцманке любой первоклассник это может. Мы знаешь как тренируемся? Перегоревшие лампочки подбрасываем и на лету их — дзынь!

Тилька перебрался к Владику. Ника с ними попрощалась и отправилась домой. С Владиком договорилась, что они встретятся завтра, а сегодня будут думать, где добыть хрусталь.

Владик озабоченно сказал Тильке:

— Хрусталь хрусталем, а у меня еще одна задача. Надо искать дорогу в Синекаменную бухту.

— Ты же говорил: на автобусе номер восемь.

— Это *оттуда* на автобусе. А *туда* никакие автобусы не ходят. А через подземный ход нельзя, меня теперь к яхт-клубу и близко не пустят… Да и ход, наверно, замуровали.

— Одного не пойму, — сказал Тилька. — Зачем тебе эта бухта?

— А кто будет делать кораблик в бутылке? Я хотел попросить гнома Митю. Это же такая работа…

— Подумаешь, динь-работа! Вы с Никой сделайте отдельные детальки, а я залезу в бутылку и там их соберу!

— Ой, Тиль… А у тебя получится?

— Думаешь, если я стеклянный, значит, совсем неумелый?

— Нет, что ты! Ты умелый…

— Главное — достать хрусталь, — сказал Тилька.

— Будем думать, — сказал Владик.

Но за целые сутки он ничего не придумал. Может быть, Ника нашла выход?

После обеда Владик поспешил в Исторический парк — там они с Никой договорились встретиться. Но Ника не пришла. Владик подождал полчаса, оставил Тильку в фонтане, а сам побежал в Боцманскую слободку.

По площади бродили мальчишки. Они шарили в траве какими-то приспособлениями на палках — будто самодельными миноискателями.

— Костик! Матвейка!

Те бросили палки и подбежали.

— Что делаете? — спросил Владик.

— Тени от веревок убираем, — разъяснил Костик. — Тетки их тут наоставляли, все запинаются…

На прожженных штанах Костика пестрела громадная заплата из клетчатого ситца.

— А Нику дома засадили, — сказал Матвейка.

— За что? За рогатку? — с пониманием спросил Владик.

— Нет. Она стеклянное блюдо грохнула. Бабушкино. Из хрусталя. Ну вот…

— Понятно, — сказал Владик и обрадованно подумал, что Ника, несмотря на вредность, человек деловой и надежный. Потом спросил: — А скоро ее отпустят?

— Кто знает, — серьезно сказал Костик. — За само блюдо ей не очень попало, только от бабушки веником по шее. Потому что, если разбито, все равно не вернешь. Только Ника еще скандал устроила. Бабушка все осколки в мусорный бак выбросила, а бак машина увезла. Ника пришла из школы и давай кричать: «Что вы наделали! С ума сошли, что ли?!» Вот за это ее… Мы ей скоро передачу понесем. От тебя что передать?

— Горячий привет, — печально сказал Владик. А что еще было говорить? Последняя надежда лопнула.

Владик брел к дому и думал: что еще можно сделать? Накопить денег и купить хрустальную вазу в магазине? Сколько времени пройдет, пока

накопишь! Продать фотоаппарат? Но кто его купит у мальчишки? И к тому же без объектива… Рассказать все маме и папе? Но мама в сказки не верит, а папа на репетициях. Да и все равно денег дома совсем мало, а зарплата у родителей не скоро…

Владик шел, повесив голову, и наткнулся на прохожего. Не глядя сказал «простите» и хотел обойти. Но тот взял его за плечо. Оказалось — дядя Миша.

— Опять встретились, — задумчиво сказал дядя Миша. — Почему ты такой угрюмый, Владик Арешкин?

Владик шевельнул плечом и промолчал. Зашагал дальше. Дядя Миша пошел рядом.

— Ты все еще сердишься, что тебя не пустили в клуб? Я тут ни при чем, это распорядился главный начальник… Да, в конце концов, ты же сам виноват.

— Я про клуб и не думаю, — отозвался Владик.

— А! Не думаешь, — слегка обиделся дядя Миша. — И совесть тебя не мучает. Она у тебя чистая, прозрачная, хрустальная…

Владик сердито сказал:

— Если бы она была хрустальная, я бы ее вынул и отдал на переплавку.

— Даже так?

— Потому что выхода нет, — сумрачно ответил Владик.

— А что опять случилось?

— Это не опять. Это все та же история про Гошу, — вздохнул Владик.

— Ну-ка объясни.

Владик нехотя объяснил про бутылку. Он ни на что не надеялся, просто неловко было отмалчиваться.

— Ну-ка пойдем, — сказал дядя Миша.

— Куда?

— Ко мне.

Дядя Миша жил недалеко, почти напротив библиотеки с Гошиной башенкой. Владик оказался в комнате, где на полках стояли модели яхт и разноцветные кубки, а на стенах, на ярких сигнальных флагах, блестели спортивные медали.

Дядя Миша вынул из шкафа граненый сверкающий кубок, от которого сразу разлетелись радужные зайчики. На кубке была крышка с прозрачным корабликом.

— Я выиграл его в гонках одиночек по Южному заливу, — сказал дядя Миша. — Штормовое было дело… Хрусталь чистейший. Возьми.

Владик, еще не веря в такое чудо, принял в

ладони холодный кубок. Он был очень тяжелый. Владик поднял на дядю Мишу глаза.

— Ну-ну… — проворчал дядя Миша. — Отказываться не смей, это не для тебя, а для Гоши. Моряки должны помогать друг другу. И благодарить много не надо. Хватит, если один раз скажешь «спасибо».

— Спасибо, — прошептал Владик. — Знаете что… Вы крышку с корабликом оставьте себе. Все-таки память…

7

Бутылка была готова вечером в пятницу. Пузатая, с широким горлышком, очень прозрачная, из тонкого звенящего стекла. Когда мастер хмуро вручил ее Владику, она была еще теплая.

— Имей в виду: разбивать надо в полдень, — предупредил стекольный мастер. — Если опоздаешь хотя бы на минуту, никакого толку не будет, а будут неприятности.

— А если на полминуты? — осторожно спросил Владик.

— Можно. Только не больше… И еще имейте в виду: я тут совершенно ни при чем. О том, где взяли бутылку, никому ни слова! У меня и так два выговора за внеплановое волшебство.

— Честное железное-якорное слово! — поклялся Владик. — Никому!.. Большущее вам спасибо.

— Не смей говорить мне «спасибо»! Узнает начальство — меня лишат премии!.. И не забудь, что послезавтра последний срок. Двадцать первое сентября, день осеннего равноденствия.

— Мы успеем! Спа… До свидания.

Дома Владика ждала Ника: ее наконец выпустили из заточения.

— Привет, узница, — сказал Владик и гордо поставил перед ней бутылку.

Ника вздохнула:

— Зря я только блюдо грохнула. Такое было красивое…

— Все равно ты молодец, — утешил Владик.

Ника не оценила этой похвалы. Она сварливо заметила:

— Теперь-то я «молодец». А пока меня дома держали три дня, даже носу не казал.

— Откуда я знал, где ты там сидишь? Может, в темном чулане. Твоя бабушка даже Костика с передачей прогнала. Мне бы тоже влетело…

— Тебе-то за что? Это мне веником влетело…

— Веник — он мягкий, — примирительно сказал Владик.

— Балда! Рукояткой же! По шее… Тебе бы так…

— У меня все впереди, — печально сообщил Владик. — Вот узнают мама с папой про объектив…

— А ты уже заранее от страха синеешь, — буркнула Ника.

— Вы ругаться собрались или дело делать? — строго спросил Тилька. — Что за люди…

Стали делать дело. За те дни, пока мастер колдовал над бутылкой, Владик позаботился о деталях для сборки. Вырезал из табакерки корпус кораблика — остроносый и узкий, — чтобы влез в горлышко. Выстрогал лучинки-мачты, приготовил тоненькие реи и нитки для снастей. К реям заранее привязал свернутые паруса из мягкого батиста, (выпросил для них у мамы платочек). Посоветовался с Тилькой.

— Ничего, что парусина не настоящая?

— Ничего, — сказал Тилька. — Главное, что корпус из корабельного дерева. Программа задана. Остальное получится само собой.

Теперь Тилька залез в бутылку и там начал собирать маленький клипер.

Корпус кораблика он прикрепил к стеклу пластилином. Работа была нелегкая. Тилька — крошечный, корпус для него — тяжелый. Это все равно что настоящему мальчишке ворочать в

одиночку грузную лодку. Когда наконец «Кречет» — еще без мачт и снастей — прочно стал на место, за окнами стемнело.

— Остальное завтра доделаем, — решил Тилька. — А то я уже не длинь и не дзынь… — И он уснул прямо в бутылке.

В субботу после школы Владик, Ника и Тилька опять взялись за работу. Собственно говоря, работать мог только Тилька. Он устанавливал мачты, прицеплял к ним реи, натягивал ванты и штаги. Владику и Нике оставалось просовывать в бутылку деталь за деталью. Дело было нехитрое, поэтому им хватало времени для споров.

Владик сказал:

— Без чертежа делаем. Вдруг что-нибудь не так?

Ника фыркнула:

— Тебе же объяснили: главное, чтобы хоть немного было похоже. Задать программу, что это кораблик. Остальное само собой…

— Все равно страшно немного…

— Тебе все время страшно.

— Почему это все время?

— Потому что всегда канючишь и жалуешься…

— Я?! — возмутился Владик. — У тебя не язык, а швабра!

— А ты нытик.

— А ты язва.

Тилька высунулся наружу.

— Опять ругаетесь? Если не перестанете, не буду работать! Лезьте в бутылку сами.

— Она и так все время лезет в бутылку, — сказал Владик. — В переносном смысле.

— Я что сказ-зал! — сердито зазвенел Тилька. Он был сейчас командир.

— Не будем, не будем, — поспешно пообещала Ника. И украдкой показала Владику маленький исцарапанный кулак.

Владик показал ей язык.

Ника двинула Владика ногой.

Владик шепотом сказал:

— Навязалась ты на нашу голову.

— Я? Навязалась? А кто меня позвал?

— А кто охал: «Я так люблю сказки»?

— Если бы в этой сказке не было нытиков…

— Если бы не было таких ядовитых медуз…

— Вот как тресну по загривку. И уйду.

— Ну и без тебя справимся, — сказал Владик, хотя в душе забеспокоился.

— Интересно, как это ты справишься? — язвительно спросила Ника. — Может быть, ты умеешь стрелять из рогатки?

— На кой шут мне рогатка?

— А как ты разобьешь бутылку? Да еще точно в полдень!

— Очень просто. О камни…

— Бедный ребенок повредился в уме, — печально сказала Ника. — Ты хочешь, чтобы клипер засел на камнях?

— Ой… — прошептал Владик. Он до сих пор об этом не думал.

— А кроме того, — продолжала Ника, — ты вообще-то представляешь, как это будет? Бутылка — трах! А на ее месте громадный кораблище. Мачты по пятьдесят метров. Тебя же пришибет или придавит, как глупую лягушку, если будешь рядом.

— Ой… — опять сказал Владик. — А как быть?

— Наконец-то головушка твоя заработала! «Как быть»… Бутылку придется забросить подальше на глубину, чтобы «Кречет» не сел на мель. А потом по ней трахнуть с берега из рогатки.

— А если промажешь? Бутылка будет на волнах прыгать…

— Не твоя забота. Я за полминуты успею пятнадцать раз выстрелить. И все разрывными… Они теперь безотказные…

— Это ты хорошо придумала, — признался

Владик.

— Еще бы! Так что придется тебе, Владичек, меня терпеть. Пока не сделаешь корабль и пока не вернется Гоша… А уж потом…

— Что?

— Потом сказке конец, и ты от меня избавишься.

— Да не хочу я избавляться, — пробормотал Владик. — Просто хочу, чтобы ты не вредничала.

— А я хочу, чтобы ты не хныкал.

— А я хочу, чтобы ты…

— Опять?! — грозно спросил из бутылки Тилька.

— Нет, что ты! — хором сказали Владик и Ника.

Мама иногда заглядывала в комнату и улыбалась. Она была очень довольна, что Владик познакомился с такой славной девочкой и что они так дружно мастерят кораблик. Мама была уверена, что Владик и Ника готовят экспонат для осенней Выставки детского творчества.

Тильку мама не замечала: стеклянный барабанщик сливался со стеклом бутылочных стенок.

— Это такие динь-законы преломления света, — важно разъяснил он.

До вечера Владик и Ника успели поругаться

еще несколько раз. Тилька наконец разозлился всерьез и зазвенел в бутылке, как сто сердитых колокольчиков. О том, что зря он связался с такими скан-динь-далистами и без-динь-дельниками. У него и так нет времени, скоро дождики — предвестники равноденственных бурь, все стеклянные музыканты готовятся к большим концертам, и только он торчит в этой бутылке, как горошина в глупой погремушке. Если завтра начнется дождик, пусть Владик и Ника на него, на Тильку, больше не рассчитывают!

8

Утром погода была ясная. Летняя. Никаких намеков на дождик и тем более на равноденственные бури.

Ника прибежала к Владику очень рано. Она была в школьной форме с белым фартуком. Владик удивился:

— Ты чего это как на праздник?

Ника объяснила, что, во-первых, и так праздник: не каждый день спускают на воду клипер. А во-вторых, под фартуком удобно прятать рогатку.

Они разбудили Тильку. Тот, сердито звякая, начал завязывать на снастях клипера последние

узелки. Потом сказал из бутылки:

— Все динь-дон. Готово.

— Ой… — сказал Владик.

— Опять «ой»… Что? — поморщилась Ника.

— А название?

— Зачем? И так ясно, что это «Кречет».

— Все равно надо. На всякий случай, — настаивал Владик.

— Почему же заранее не написал?

— А почему ты не напомнила?

— А почему…

— Опять? — подал голос Тилька. — До чего несносные люди! Давайте я напишу!

— А ты умеешь? — удивилась Ника.

— Думаешь, если в школу не ходил, значит, совсем безграмотный?

Конечно, орудовать карандашом Тилька не мог. Это все равно что Владик взялся бы писать телеграфным столбом. Ника расщепила химический карандаш, отломила от грифеля кусочек и просунула в бутылку. Тилька начал выводить на коричневом дереве лиловые буквы.

— Кы… Ры… Че…

— Твердый знак не забудь, — сказал Владик.

— Чего ты лезешь к нему под руку, — сказала Ника.

— Это ты лезешь в разговор, когда не просят!

— Ну-ка прекратите! — велел Тилька. И протянул грифель: — Послюнявьте его как следует.

— Дай я, — предложил Владик. — У нее слюна ядовитая.

— А у тебя слюны вообще нет. Только слезы горючие.

— Скорпион с сережками, — вздохнул Владик.

— Рыданье в очках…

— Сейчас ка-ак…

— Все! — сказал Тилька. Крупно и криво, но зато очень заметно на обоих бортах было выведено:

КРЕЧЕТЪ

Бутылка лежала на залитом солнцем подоконнике. Тилька, блестя розовой искоркой, выбрался из нее и сладко потянулся, раскинув прозрачные ручки.

— Длинь-дело сделано. Теперь только пробка нужна.

Владик и Ника переглянулись.

— А… мастер не дал, — сказал Владик.

— А он и не должен. Пробку надо не стеклянную, а простую. Из пробкового дерева.

— Где же ее взять? — забеспокоилась Ника.

— Где-где! — рассердился Тилька. — Откуда я

знаю? Идите во двор, поищите! Этого добра на мусорных кучах полным-полно!

Ника и Владик помчались во двор. Никаких куч там, конечно, не было, мусор сваливали в контейнеры, а их увозила машина. Ника язвительно глянула на Владика: «Сейчас начнешь ныть?» Но Владик не начал. Он набрал воздуху и закричал:

— Андрюшка-а!!

Во двор выскочил второклассник Андрюшка Лопушков — известный всей улице рыбак-любитель и добрый человек.

— Ты вроде бы собирал пробки для поплавков… — сказал Владик.

Андрюшка сбегал домой и подарил Владику и Нике прекрасную пробку — тугую и скрипучую.

— Тилька! Во какая! — похвастался Владик, вернувшись в комнату.

Но Тильки не было. К шпингалету была привязана суровая нитка. Она уходила из окна вниз и терялась в траве. На подоконнике химическим карандашом было нацарапано:

Миня вызвали на рипитицыю

— Просто мы ему надоели, — вздохнул Владик.

— Кто это «мы»? У меня с ним были прекрасные отношения.

Владик промолчал и вставил пробку в бутылку.

За белым, похожим на пароход стадионом «Юный моряк» лежал пустырь. Он зарос вперемешку сурепкой и белоцветом — пыльной высокой травой с пушистыми головками. В траве кое-где виднелись желто-серые глыбы песчаника. Торчало несколько столбов для веревок: тетушки из тайного клуба недавно пытались захватить эту территорию, но им оказали сопротивление ребята с улицы Матроса Кошки — те, что играли здесь в разведчиков и в пряталки.

Одним краем пустырь выходил на береговой обрыв — между оконечностью Приморского бульвара и яхт-клубом. Под обрывом громоздились обломки скал, за ними, у самой воды, тянулась узкая полоса галечника. Дно здесь круто убегало на глубину. Ника и Владик решили, что это место — самое подходящее для спуска «Кречета», если ветер будет дуть от берега.

Ветер дул от берега. Мягкий и теплый. Владик отбросил газету, в которую была завернута бутылка. Газетный лист поплыл по ветру к обрыву. Он задевал головки бело-цвета, и похожие на шелковистых пауков семена летели за ним.

На пустыре сейчас никого не было. Только

трещали кузнечики. Их звон был похож на звук Тилькиного барабана.

«Жалко все-таки, что Тилька убежал», — подумал Владик. Но вслух не сказал: Ника опять заявит, что он хнычет.

Владик положил бутылку на плоский камень. Потом они с Никой вышли на обрыв. Море было спокойное. У берега — темно-зеленое, дальше — очень синее. У скал плавали медузы, похожие на громадные белые пуговицы. До воды было метров пятнадцать.

— Добросишь? — строго спросила Ника. — Не грохнешь о камни?

— Не грохну, — серьезно сказал Владик. — Но я боюсь: бутылка упадет слишком близко от берега.

— А что делать?

— Давай спустимся, я отплыву с бутылкой метров на тридцать и сразу вернусь… Ты попадешь с тридцати метров?

— Не волнуйся…

Ника посмотрела на часики.

— Поторапливайся, — велела она. — Пять минут осталось.

Прозевать точное время они не боялись: ровно в полдень на бастионе, у выхода из бухты, грохала

старинная пушка. Но к этому моменту бутылка должна плавать в нужном месте, а Ника — стоять с рогаткой наготове.

Владик повернулся, чтобы бежать за бутылкой.

На камне бутылки не было.

Она была в руках у волосатого парня. Он сидел на велосипеде и, опираясь ногой о камень, вертел бутылку перед носом. Два других парня — тоже на велосипедах — тянули к бутылке руки.

Владик и Ника подбежали.

— Дайте, пожалуйста, это наша, — быстро и осторожно сказал Владик.

Парень приподнял над седлом обтянутый джинсами зад и обернулся. У него было круглое мясистое лицо, очень похожее на лицо Игнатии Львовны.

— Что за писк? — спросил парень и осклабился.

— Это наша, — повторил Владик.

— Кыш, мотыльки, — сказал другой парень и перехватил бутылку. — Ну-ка, ну-ка? Четой-то в ней такое? Братцы, музейная вещь! — Он приподнял черную, будто нарисованную бровь. — А что нам дадут на рынке за этот экспонат?

Он подбросил и ловко поймал бутылку за гор-

лышко.

У Владика подскочило и упало сердце.

— Это наша! — отчаянно сказал Владик.

— А доказательства? — вкрадчиво сказал третий парень — длиннолицый и белобрысый.

Ника решительно протянула руку:

— Дайте сюда!

— Цыц, сявка-малявка, а то отшлепаю, — добродушно сказал парень с мясистой рожей. И отодвинул Нику. Ника отлетела в стебли белоцвета и заорала:

— Отдай сейчас же, шпана проклятая!

— Такие маленькие — и так ругаются, — укоризненно сказал парень с нарисованными бровями. И опять кинул бутылку. Владик бросился к нему и отлетел от встречного толчка.

Парни оттолкнулись от камня и поехали, перебрасываясь бутылкой, как мячиком.

…Владику казалось, что это было очень долго. Что он несколько часов гонялся за парнями, то умоляя отдать бутылку, то ругаясь, то угрожая милицией. Он не стеснялся ни слез, ни своего крика. Главное — успеть. Потому что — последний день, последний срок! Неужели все погибнет из-за глупой случайности? Из-за каких-то гадов, которые захотели погоготать и поиздеваться…

Они носились между камней, терзая колесами траву и кидая бутылку из рук в руки. И каждый раз она могла грохнуться! И минуты бежали!..

Владик выдохся и встал, опустив руки. И увидел рядом Нику.

— Осталась минута, — как-то очень спокойно сказала Ника.

— Не успеть.

— Если бросить с обрыва, успеем.

— Они не отдадут…

Ника, сжав губы, размотала рогатку и взяла из кармашка сухой глиняный шарик.

— Беги к ним. Как поедут, я грохну по колесу. Из колеса будет дым.

— Нельзя. Они уронят бутылку, она разобьется.

— В траве, может, не разобьется.

Владик опять бросился к велосипедистам. Они заржали, им нравилась такая игра.

И в этот миг, растолкав теплые пласты воздуха, мягко ухнула на бастионе пушка.

— Ура-а-а! Салют! — заорал парень с мясистой рожей и швырнул бутылку высоко-высоко.

Владик видел, как она вертится в воздухе, разбрасывая искры. Потом, достигнув самой верхней точки полета, она замерла на миг…

И взорвалась!

Воздух туго ударил Владика и опрокинул в траву. Мгновенная тень накрыла пустырь. Узкое темное тело повисло над землей на высоте трехэтажного дома. И Владик увидел, что это корабельный корпус.

В те секунды, лежа в стеблях белоцвета, Владик увидел сразу очень многое. Как вскакивают на велосипеды и, пригибаясь, мчатся прочь похитители бутылки. Как Ника со сжатыми губами медленно опускает рогатку. Как длинное тело корабля, обросшее снизу слоем серых ракушек, плавно передвигается в сторону обрыва…

Владик вскочил.

Возникший в воздухе клипер не падал, не снижался. Он плыл к морю, словно понимал, что именно там его место, его жизнь.

Владик задохнулся от восторга. С полминуты он молча смотрел на это радостное чудо. С желтых реев клипера сами собой скользили, расправляясь на ветру и округло надуваясь, снежные паруса.

— Это ты выстрелила?! — крикнул Владик Нике.

У Ники были широко открыты глаза, и клипер отражался в них белыми огоньками.

— Да! — крикнула она. — Я решила: пускай

лучше на земле останется, чем совсем пропадет! Пускай даже разобьется! Как-нибудь починим и спустим!

— Он не разобьется! — ликовал Владик. — Он понимает!

— Ты думаешь? — сказала Ника.

9

Клипер был уже над морем.

— Сейчас, сейчас, — прошептал Владик. — Смотри, он ищет место, где опуститься.

Но клипер не снижался. Неторопливо и ровно уходил он от берега на прежней высоте.

— Стой! Ты куда? — закричал Владик и бросился за кораблем. — Опускайся! Опускайся, «Кречет»!

Клипер не слышал. Или не понимал. Или не хотел спускаться. Он уплывал и был уже в сотне метров от кромки обрыва. И Владик понял, что скоро Гошин клипер уйдет далеко-далеко. Дальше желтого обрывистого мыса с похожим на белый карандаш маяком, дальше синих сторожевиков, которые маячат у горизонта. И растает, как тают маленькие светлые облака.

— Не надо! Подожди!! — крикнул Владик. Но «Кречет» продолжал свой бесшумный, ровный путь.

Больше Владик не кричал. Он почувствовал, что громадному, окрыленному солнечными парусами кораблю нет никакого дела до мальчишки, который мчится где-то далеко позади и внизу. С высоты он похож на букашку.

Но Владик бежал — молчаливо и отчаянно. Потому что улетала надежда увидеть Гошу. Бежал, хотя знал, что это бесполезно. Скоро обрыв…

Если бы оказаться там, на палубе! Владик ухватился бы за штурвал… Нет, не за штурвал. Там на брашпилях есть стопора. Владик знает: надо их выбить, и тогда с грохотом ринутся вниз на цепях якоря…

Он бежал, бежал, мчался и ни на что не надеялся, но каждой клеточкой тела стремился хоть на чуточку приблизиться к кораблю!.. Если бы полететь! Рвануться вверх, ввинтиться в воздух, который упругими волнами бьет навстречу! Это же можно, если еще быстрей, если еще отчаянней вперед!..

И Владик полетел.

Он летел очень низко, издали казалось, что он все еще бежит. Но сандалии не касались земли, они чиркали по головкам белоцвета и желтым цветам сурепки.

Владик протянул руки к улетающему клиперу.

Воздух рвал его рубашку, оттягивал назад волосы, остро прижимал к переносице очки. Трава хлестала по сандалиям все быстрее и жестче. Владик рванулся вверх и…

Что-то похожее на тугой резиновый шнур зацепило ему ноги.

Инерция бросила Владика вперед, в ломкие стебли, швырнула через голову, протащила плашмя по мелким камням. Владик затих в траве и сначала ничего не чувствовал. Только давила темнота и тишина, будто его завалили тяжелыми кожаными подушками. «Вот так и разбиваются насмерть», — подумал Владик. Но тут в него десятками ржавых гвоздей воткнулась боль.

Он застонал и поднялся, опираясь на руки.

— Владька, ты где? Ты что? Живой?

— Нет, — сказал он разбитыми губами. И поморгал. Залитые слезами глаза видели только размытые пятна света.

— Где очки? — простонал он.

— Очки? Не знаю… ой, вот они. Только одно растрескалось…

— Дай…

Ника нацепила на него очки и сказала:

— Вставай.

— Ага, «вставай». Тебе бы так… Где «Кречет»?

— Вон, у мыса.

Владик снова поморгал. И различил наконец правее мыса улетающий клипер. Он казался теперь совсем небольшим — как модель в Корабельном музее.

— Ушел, — сказал Владик. И заплакал от боли и от горечи.

— Наверно, он не смог опуститься, — вздохнула Ника. — Он ведь родился в воздухе, значит, и будет навсегда воздушный корабль. Волшебный.

Владик продолжал плакать.

— Ну-ка встань, — сказала Ника.

Всхлипывая, он встал.

— Здорово ты треснулся, — заметила Ника. — Ладно, перестань. Пройдет.

— Дура ты, — всхлипнул Владик. — Что пройдет? Мастер не будет делать новую бутылку. И Гоша не вернется…

— Ну… почему не вернется? — неуверенно сказала Ника. — Корабль-то есть. По-моему, Гоша уже там.

Владик забыл про боль.

— Откуда ты знаешь?

— По-моему, я видела… На корме…

— Гошу?

— Я же не знаю: Гоша там или кто. Но кто-то

был…

— Врешь, — сквозь слезы сказал Владик.

Ника вскинула в салюте руку с зажатой рогаткой:

— Честное железное, надежное-якорное: видела, как мелькала на корме тельняшка.

Владик опять всхлипнул, но уже обрадованно.

— Перестань реветь, — сказала Ника. — Ох и нытик ты, честное слово…

— А ты… — сказал Владик. — А ты…

— Давай-ка спустимся к воде, — усмехнулась она. — Промоешь боевые раны.

Владик облизнул распухшие губы, потрогал ушибленное плечо, осторожно переступил побитыми ногами. Царапины набухали темной кровью. Ника взяла его за локоть. Хромая и постанывая, Владик пошел с ней к обрыву.

Медленно и осторожно они спустились по изломанной тропинке среди нависающих глыб. На узком галечном пляже Владик начал расстегивать сандалии, чтобы войти в воду.

— Не разувайся, иди так, — сказала Ника. — Здесь дракончики водятся. Наступишь на плавник — вот тогда повизжишь.

Владик сердито хмыкнул, но послушался. Прямо в сандалиях забрел по скользкой гальке в воду.

Выше колен. Плеснул пригоршней в лицо, потом окунул руки до локтей. Ссадины сильно защипало, но это была уже не страшная боль: в морской воде много йода, от нее ничего, кроме пользы. Владик выпрямился. С пальцев, с подбородка и с ушей капало. Очки были в брызгах, но все-таки Владик снова разглядел в небе клипер. Тот был уже далеко и казался светлым пятнышком. На мысу, у подножия маяка, бегали и махали руками люди. Маяк вдруг замигал красными вспышками. При свете дня это было удивительно…

Когда поднялись по тропинке, Владик опять охнул и присел на плоский камень.

— Подожди, передохну. Кости трещат.

— Только не строй из себя инвалида, — сурово сказала Ника.

— Как ты мне надоела, — вздохнул Владик. — Только и знаешь воспитывать…

Он опять отыскал глазами «Кречет». Тот был еле виден — тающая белая звездочка.

— Пора домой, — тихо сказала Ника. — Сказка про воздушный корабль кончилась. Все хорошо.

— Что хорошего? — отозвался Владик. — Гошато не вернулся.

— Да, — кивнула Ника. — Но главное не в этом.

— А в чем?

— В том, что он все-таки ожил.

— Если бы это знать точно, — печально проговорил Владик.

Ника серьезно сказала:

— Посуди сам. Все вышло, как было задумано: бутылку сделали, деревяшку от «Кречета» нашли, корабль появился. Значит, и последнее чудо обязательно получилось, только мы не видели. Гоша наверняка на «Кречете».

— Правильно! — обрадовался Владик и вскочил. Сморщился от боли и снова сел. — Да… Но тогда, я думаю, Гоша еще прилетит.

Ника смотрела внимательно и немножко грустно.

— Может быть… — сказала она. — Только ни в одной сказке я не читала, чтобы летучие волшебные корабли возвращались.

— Потому что им незачем было возвращаться, — возразил Владик. — А на этот раз есть зачем… Гоша вернется. Спорим?

— Не буду я спорить, — вздохнула Ника. — Пусть вернется… Все равно это будет совсем другая сказка…

— Почему? Какая еще другая?

Ника сорвала головку белоцвета, дунула и, глядя, как улетают семена, сказала:

— Другая. Твоя… А до сих пор была наша с тобой, общая…

Владик моргнул. Поправил треснувшие очки, чтобы внимательней взглянуть на Нику. Но почему-то смутился и стал смотреть на прилипшую к разбитому колену паутинку. Один ее конец дрожал на ветерке. В паутинке играла крошечная искорка. Будто на плече у Тильки.

Владик сипловато спросил:

— А теперь?

— Что? — тихо отозвалась Ника.

— Сказка… Теперь уже, что ли, не общая?

Ника усмехнулась.

— Ты забыл, — сказала она снисходительно, как маленькому. — Я же обещала: кончим возню с твоим «Кречетом» — и я больше не буду надоедать. Ну, пока…

Она медленно шагнула от камня. Остановилась. Сделала еще шаг. Владик вскочил. Ойкнул от боли в колене и все же прыгнул за Никой. И крепко схватил ее за руку.

— Ты куда?

— Домой, — сказала Ника насупленно и не очень уверенно. — Ты чего? Пусти…

Владик сказал:

— Но это же… Ника! Просто свинство непро-

зрачное!

— Почему? — она отвернулась.

— Конечно, — пробормотал Владик. — Тут человек весь ободранный, искалеченный... а она... домой.

— Ах ты, несчастненький! — воскликнула Ника. — Ладно уж, провожу. А может, на ручках отнести?

— Обойдусь, — буркнул Владик и, морщась, пошел по тропинке к шоссе.

На шоссе мелькали разноцветные машины, их было гораздо больше, чем всегда. Среди этих машин мчались лиловые «Жигули». Конечно, Владик и Ника не знали, что это едет профессор Чайнозаварский. Он спешил в редакцию со срочной статьей, в которой говорилось, что никакого летучего корабля над городом не было. Потому что, если он был, его следует отнести к неопознанным летающим объектам (НЛО), а таких объектов не бывает. Это знают все, кто читал его книгу «Небесный бред — опасный вред»...

Ника шла рядом с Владиком. Тропинка была очень узкая, и Нике пришлось шагать по траве. Они с Владиком быстро посмотрели друг на друга. Отвернулись и прикусили губы, потому что у обоих поползли улыбки. Владик споткнулся,

опять охнул и захромал сильнее.

— Может, палочку найти? — торопливо спросила Ника. То ли всерьез, то ли с подковыркой.

— Все-таки ты ужасная вредина, — вздохнул Владик.

— А ты кошмарный нытик.

— Ах ты… Ох… Наверно, у меня трещина в коленной чашечке.

— В языке у тебя трещина! — рассердилась Ника. — Давай держись за меня, мученик…

Владик подумал и легонько оперся о ее плечо. Потом вдруг взял покрепче. И сказал:

— Теперь не убежишь.

Ника растерянно мигнула. Отвернулась и хмыкнула:

— Хитрюга.

Они прошли еще с десяток метров и увидели, что из-за камня шагнул им навстречу мальчишка.

10

Мальчишке было лет семь.

У него были волосы, как стеклянное волокно, и дерзкие голубые глаза.

Он был худой, незагорелый и голый.

Ника смущенно замигала, но тут же строго

сказала:

— Ты чего это так гуляешь?

— Я не гуляю, а вас жду, — сказал мальчишка звонким и немного капризным голоском.

— Ну, все равно… в таком виде.

— А в каком же мне быть виде, если я такой появился?

— Откуда ты появился? — удивилась Ника.

— Из бутылки, конечно!

Владик обалдело заморгал.

— Из какой бутылки?

— Да вы что! — закричал мальчишка. — Совсем не видите, что ли? Совсем не понимаете?

Он выхватил из высокой травы и надел через плечо большущий сверкающий барабан.

— Тилька-а… — ахнул Владик.

— А кто же еще!

— Как это ты… получился?

— Потому что я хотел стать настоящим! Я в бутылке спрятался под корабликом и ногами за руль зацепился, чтобы о стенку не длинькнуться. А когда бутылка лопнула, меня ка-ак кинет! Вон туда, в траву! Воздушной волной! Я же не знал, что бутылка в воздухе разорвется. Думал, что мне совсем длинь…

— Тут такая заваруха была… — сказал Владик.

— Я все видел, — отозвался Тилька. — И как ты о тень дзынькнулся. Думал спервa, ты совсем вдребез-з-зги.

— О какую тень? — удивился Владик.

— Ты разве ничего не понял? Тень от веревки. Она качалась на траве. А когда ты зацепился, она — динь! — и пропала.

— Чертовы веревочницы! — сказала Ника. — Завтра я объявлю им решительную войну. А пока пора домой… Владик, дай Тильке рубашку, она ему до колен будет, сойдет за весь костюм.

Владик остался в майке. Тильку обрядили. Он сказал капризно:

— Как платье. Все смотреть будут.

— Смотреть будут на твой барабан. А тебя из-за него и не видать почти, ты еще маленький, — разъяснила Ника.

— Не такой уж я маленький. Я в первый класс пойду. Должны принять, сейчас еще самое начало учебного года.

— А жить-то где будешь? — спохватился Владик.

— Как где? У стекольного мастера. Я же все-таки его ребенок!

Ника ехидно сказала:

— Теперь-то он тебя сможет воспитывать как

надо.

— Динь-да? — опасливо отозвался Тилька. — Ну уж фигушки вам стеклянные…

— Пошли! — скомандовала Ника.

И они опять двинулись через пустырь. Впереди — веселый барабанщик в длинной голубой рубашке и с белым барабаном, на котором сияли хрустальные обручи. Шагах в пяти от барабанщика — Владик и Ника. Владик уже не держался за Нику, но все еще прихрамывал и морщился. Один раз охнул.

— Не стони, не стони, — сказала Ника. — Кости целы, остальное заживет.

— Ох и зануда, — сказал Владик.

Тилька оглянулся на них:

— Опять ругаетесь?

— Да нет, что ты! — по привычке сказали Ника и Владик. Посмотрели друг на друга и засмеялись. Но потом все-таки показали друг другу языки.

— Что это у тебя с языком? — удивился Владик. — Совершенно синий!

— Я же грифель мусолила. Забыл?

— Да? А я думал…

— Что ты думал?

Владик усмехнулся:

— Когда я маленький был, меня пугали: если

буду ругаться или что-нибудь нехорошее говорить, язык посинеет и отвалится…

— А что я такое нехорошее сказала?

— То, что Гоша не вернется! Разве не говорила?

— Я же не точно. Просто я сомневалась, — примирительно сказала Ника.

— А теперь? — быстро спросил Владик. — Сомневаешься?

Ника подумала и осторожно призналась:

— Немножко…

— Он вернется, — тихо сказал Владик.

— Обяз-зательно, — подал голос Тилька и стукнул в барабан.

— Ну и хорошо, — отозвалась Ника.

— По-моему, он вернется… — Владик остановился. — А как же иначе? Я же ему рифму придумал.

Ника молчала, будто не решалась спросить. Но через минуту все же спросила:

— А… что за рифма?

Потом отвернулась и стала щелкать рогаткой по головкам белоцвета.

«Ни единому человеку не скажу», — вспомнил Владик разговор с Гошей.

«Ну, почему ни единому. Надежному-то можно. Если он… это самое… скажем, твой хороший друг».

Владик опять взялся за Никино плечо. И сказал:

…«Кречет»!

Лети мне навстречу…

И тогда он, и Ника, и Тилька услышали сперва летящий шелест, потом шум рвущегося воздуха и голос ветра среди надутого полотна и натянутых тросов.

И солнце закрыли вырастающие паруса.

1983 г.